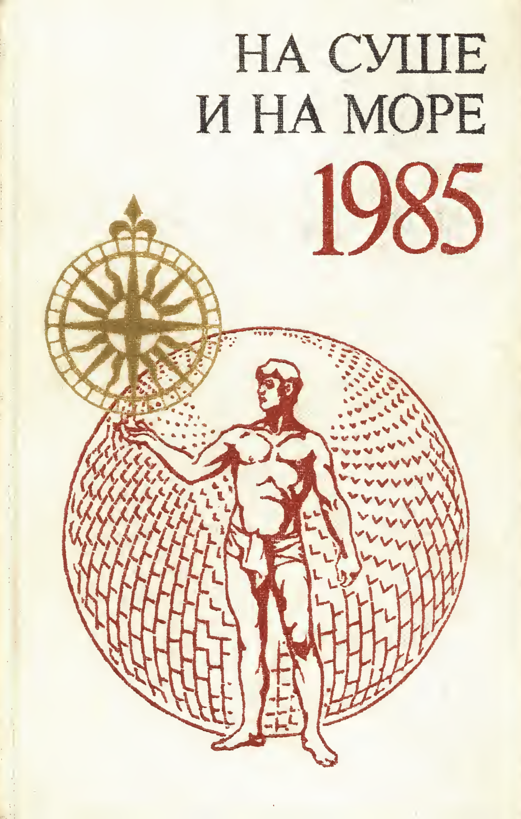
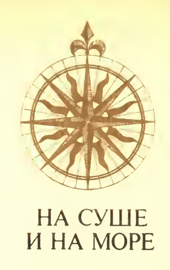

НА СУШЕ
И НА МОРЕ
1985

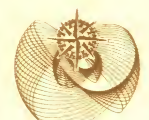

НА СУШЕ И НА МОРЕ

НА СУШЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

И НА МОРЕ

Повести
Рассказы
Очерки
Статьи

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1985

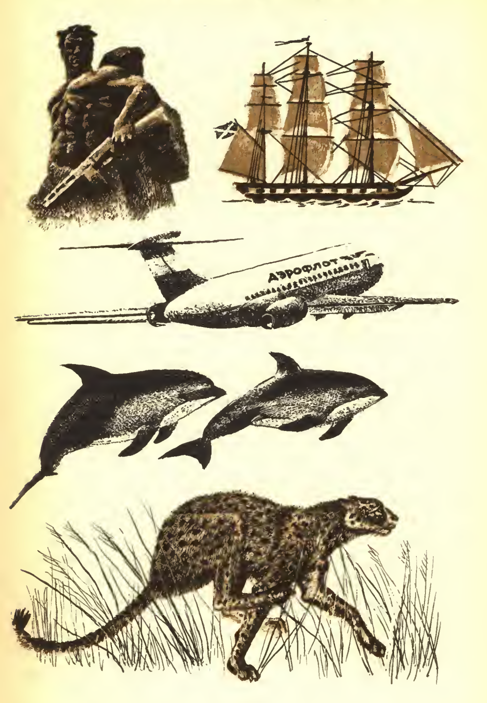
ББК 84
Н12

Редакции географической литературы

Оформление художника
Е. РАТМИРОВОЙ

Н $\frac{1905010000-093}{004(01)-85}$ 166-85

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПОИСК

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК

ОЛЕГ ЛАЙНЕ

ГАЗОВАЯ МАГИСТРАЛЬ

Очерк

По первому гербу Тюмени бежал соболь. Затем специалисты по геральдике, оценивая значение местных рек, добавили изображенне судов с золотыми мачтами. Но нстинного богатства болотистых земель, что лежат к востоку от Урала, эта символика еще не отражала.

Совсем недавно, казалось бы, мы почти ничего не знали о Западной Сибирн. А сегодня уже и обойтись не можем без этих слов, ворвавшихся на космической скорости в наши будни,— «Тюмень», «Уренгой», «газопровод».

На географической карте линия газопровода Уренгой—Помары—Ужгород, протянувшаяся почти на четыре с половиной тысячи километров от тюменского Приполярья до буковых рощ Прикарпатья, выглядит всего лишь тоикой линией. Но ведь такой же линией обозначены на карте и путь первого кругосветного путешествия, н трасса первого космического полета. Из множества таких линий, собственно, и состоит нстория прогресса человечества.

В наши дни трудно удивить любознательного читателя гигантскими цифрами, но все же надо напомнить, что мировая практика не знала таких масштабов и темпов строительства газопроводов, какие наблюдались в Советском Союзе в последние годы. Крупнейший в мире газотранспортный комплекс Западная Си-

бирь — Центр и экспортный газопровод Уренгой — Помары — Ужгород — центральная стройка одиннадцатой пятилетки. Шесть магистральных газопроводов протянутся в общей сложности на 20 тысяч километров. Стоимость всей программы превосходит затраты на строительство БАМа, КамАЗа, Волжского автомобильного завода и «Атоммаша», вместе взятых.

Небывалый газопровод не просто соединение многих тысяч стальных нитей, а не менее прочное сплетение разных человеческих судеб и характеров. Как в годы первых пятилеток, гремел лозунг «Время — вперед!», вызывая к жизни инициативу и энтузиазм, трудолюбие и смекалку рабочих, инженеров, конструкторов. Около пятнадцати тысяч добровольцев прислали свои письма с просьбой направить их на сооружение газопровода из Западной Сибири в Западную Европу. Пройдут годы, и в одном ряду со словами «Днепрогэс», «Магнитка», «Комсомольск» встанет газопровод Уренгой — Помары — Ужгород.

* * *

Бумажка с печатными буквами «Газопровод Сибирь — Западная Европа» на ветровом стекле газика обладала магической силой. Нас первыми пропускали к бензоколонке, охотно помогали выбраться из раскисшего под дождем чернозема проселочных дорог, а регулировщики уважительно поднимали руку.

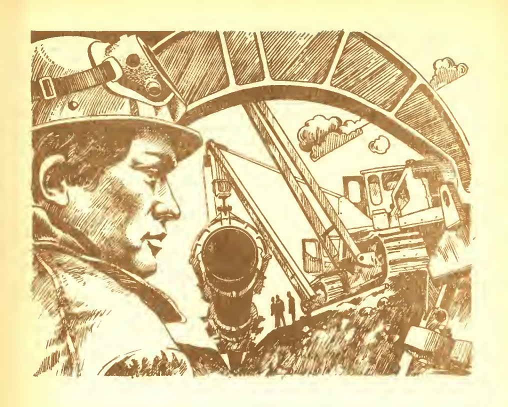
Пожалуй, за всю историю Чувашии не было на ее дорогах такого движения: бесконечный ряд самосвалов, грузовиков, трубовозов... А мы в этом потоке стремительно неслись к речке Большой Цивиль.

Промелькнули яркие вагончики-«бочки» городка газовиков, ровными рядами стоящие вдоль мощенных плитами улиц. А всего полгода назад здесь, на окраине Цивильска, было огромное поле, где стоял один-единственный вагончик.

В недавнем прошлом по сложившейся традиции газопровод сооружали несколько узкоспециализированных управлений. Одно — готовило траншею, другое — сваривало трубы, третье — их изолировало. Каждый занимался только своим делом. И порою один задерживал других, а в случае каких-либо неполадок просто невозможно было доискаться виновного.

Сегодня подготовительный, сварочный, изоляционный и другие участки сведены в так называемый комплексный технологический поток. По существу это своего рода завод на колесах и гусеницах, оставляющий после себя готовый к испытанию участок трассы. На потоке резко возросла производительность труда. Если раньше достижением считалось уложить за месяц пятнадцать километров труб, то теперь суточный шаг потока — один километр, а то и больше.

В мировой практике трубопроводного строительства не было случая, чтобы одновременно велось несколько крупных газотранспортных трасс почти полутораметрового диаметра протяженностью каждая более четырех тысяч километров. О небывалых, сверхстремительных темпах работы дает представление такой факт: 1470-километровый участок одной из магистралей от Уренгоя до Челябинска был пройден строителями всего за один год.

В чем причина такого успеха советских стронтелей? Специалисты называют несколько факторов: новые технологические решения, всевозрастающие поставки современной тяжелой техники— отечественных трубоукладчиков, бульдозеров н других машин, мастерство рабочих н, не в последнюю очередь, прогрессивную форму организации работы. Такая форма родилась несколько лет назад н уже выдержала строгую проверку прн сооружении мощных сибирских магистралей.

В потоке все работают на единый наряд: всем платят не за операции, а за километр готового к нспытаниям газопровода. Подобная система, которая нацеливает на конечный результат н заставляет всех добиваться наивысших результатов при наименьших затратах, уже давно существует в советской промышленности и носит название брнгадного подряда. Но здесь не заводская бригада, где двадцать—тридцать человек, а десятки технологических операций и служб, сотни людей.

* * *

Бригаду сварщиков Николая Кравицкого хорошо знают на чувашском участке строительства газопроводов. Ему в числе лучших сварщиков было доверено сварить «красный стык», знаменующий завершение строительства линейной части экспортного газопровода.

Современное производство, в том числе прокладка газовых магистралей, предъявляет высокие требования к технике, но еще большие к людям, которые ею управляют. Высочайший профессионализм, отличное качество работы — это необходимое условие на трассе: зарытые в землю трубы потом очень трудно будет осмотреть. Этим и объясняется строжайший контроль за работой сварщиков спецлабораторий с помощью рентгеновских, гаммалучей, или магнитографии. Но лучшую гарантию выполненной работы дают сами сварщики: они подписывают гарантийные паспорта, ставят личные клейма, придирчиво проверяют друг друга, чтобы ни у кого в бригаде не было ни малейшего огреха.

...У Равиля Агиблаева опять неполадки со сварочным аппаратом. Не прошло и нескольких минут, как около него склонился бригадир.

— Гляди, сынок, как лучше исправить.— Ловкие руки бригадира быстро ликвидируют неисправность.

«Сынком» называют его в бригаде с первого дня. В этом шутливо-ласковом слове все отношение к новичку. Приехал из сельской глубинки, поначалу робеет. Кто же возьмет на себя заботу о нем, как не бригада?

Кажется, обычное дело. Между тем бывают коллективы, где в условиях работы на единый наряд не до учеников. Важен конечный результат, и они спешат к нему, порой забывая о новичках. В бригаде Кравицкого подобного не было и, как подчеркивает бригадир, никогда не будет.

От бригадира никогда не услышишь «я»: «Мы внедрили хозяйственный расчет...», «Этот вопрос мы решили так...», «Мы обязались...».

Это «мы», конечно, коллектив. Есть вопросы, которые бригадир обязан решить сам, но и тут он старается опереться на опыт товарищей, выслушивает их совет, перед тем как отдать окончательное распоряжение. И это понятно. Кто он такой, бригадир? Такой же рабочий, как и его товарищи. Только очень опытный, с обостренным чувством ответственности.

Скажем, трасса газопровода спланирована так, чтобы по возможности обходить плодородные поля. Там, где это невозможно, снятый бульдозерами верхний плодородный слой после укладки труб возвращается на место. Как-то увидел Николай, что на участке, где они уже закончили сварку, траншеи заравнивают кое-как, оставляя бугры и ямы. Несколько лет назад он прошел бы мимо... «Мое дело, мол, только сварка...» Но на этот раз он остановился и пристыдил бульдозериста.

Приходят в бригаду новые люди, но остаются старые традиции: помочь товарищу, не оставлять рабочее место, если есть возможность заварить лишний шов...

* * *

Сегодня в это трудно поверить, но всего тридцать лет назад нефть и газ в Сибири не добывали. Более того, многие утверждали, что их там вообще быть не может. Геологи-ученые во главе с академиком Губкиным упорно доказывали, что в Сибири есть углеводородное сырье. Нужна была большая смелость и уверен-

ность в своих силах, чтобы долгие годы вести безуспешные поиски. Лишь в конце 1953 года возле старинного села Березова, знаменитого лишь тем, что здесь доживал последние дни князь Меншиков, сподвижник Петра Великого, ударил первый газовый фонтан. А летом 1960 года была найдена и нефть. Так началось стремительное развитие самого большого в СССР нефтегазового комплекса. Добыча нефти и газа в Западной Сибири и их транспортировка в европейскую часть страны определены как важнейшие звенья Энергетической программы страны на восьмидесятые годы. Наиболее крупное из газовых месторождений Западной Сибири — Уренгойское отличается такими гигантскими запасами, что многие годы может обеспечивать как нужды страны, так и экспорт.

Сделкой века назвали на Западе соглашение «газ — трубы», заключенное между СССР и западноевропейскими странами на взаимопоставки газа, с одной стороны, и труб большого диаметра — с другой. Его реализация рассчитана на 25 лет.

Газовую магистраль Уренгой — Помары — Ужгород, предназначенную для транспортировки советского газа в Европу, журналисты сразу же назвали стройкой века. Трасса, проходящая через несколько часовых поясов, сооружается из труб диаметром 1420 миллиметров, рассчитанных на давление 75 атмосфер. Когда-нибудь цифры, ее характеризующие, мне кажется, школьники будут помнить наизусть, так же как, например, высоту пирамиды Хеопса или длину Панамского канала. Строители преодолели свыше 150 километров вечномерзлых грунтов, свыше 700 — болот, лесов — более двух тысяч километров, горных массивов Урала и Карпат — 545 километров, больших и малых рек — 561. Среди крупных рек — Обь, Волга, Кама, Дон, Днепр, Днестр. Только грунта переработано почти 130 миллионов кубометров — в несколько раз больше, чем на Волго-Донском канале.

Но не только природные и технические трудности встали на пути строителей. Дорогу сибирскому газу в Западную Европу пытались преградить реакционные круги и американская администрация. Еще раньше, в начале шестидесятых годов, мировая пресса, с завидным единодушием окрестив открытие сибирского газа и нефти «сенсацией века», писала и о том, что наладить добычу сырья русским не удастся — они просто потонут в сибирских болотах. Даже наиболее объективные комментаторы писали, что из-за экстремальных условий создание промыслов в Тюмени потребует многих десятилетий. Но горе-прогнозисты ошиблись в своих расчетах.

Администрация США объявила эмбарго на поставку техники и оборудования для газопровода, не считаясь с интересами как своей страны, так и своих союзников. Санкции администрации США вызвали у строителей газопровода еще большую волю и решимость в кратчайший срок завершить стройку. Конструкторы, коллективы машиностроительных заводов в небывало короткие сроки наладили выпуск отечественного оборудования, в том числе компрессоров и трубоукладчиков.

Я был на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, посвященной досрочному сооружению магистрального газопровода. Мировая пресса внимательно слушала выступ-

ление тогдашнего министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Бориса Щербины (ныне он заместитель Председателя Совета Министров СССР). «Попытка поставить под сомнение способность промышленно-экономического потенциала СССР построить газопровод-гигант без внешних поставок безнадежно провалилась. «Санкции» прежде всего нанесли немалый ущерб — материальный, моральный и политический — самим США. Экономический и технический потенциал Советского Союза позволил в более ранние сроки, чем планировалось, наладить производство мощной отечественной техники. Все это не только не нанесло ущерба советской экономике, а, наоборот, укрепило ее мощь, выявило новые возможности».

Серьезно осложняли строительство массы теплого воздуха, прорывавшиеся в январе — марте 1983 года на север Западной Сибири. «Нет ничего хуже теплой погоды»,— считают строители газопроводов. И при всей парадоксальности — это правда. Через северные болота газопроводы можно прокладывать только зимой: с октября по апрель. Поэтому любимая погода для строителей — когда трещит мороз и замерзшие болота держат экскаваторы, трубоукладчики, другую технику.

Но весной 1983 года все было по-другому. Как утверждают синоптики, такой теплой зимы здесь не было никогда. Теплой, конечно, по сибирским масштабам: морозы в основном держались на уровне 10—15 градусов, часто случались оттепели. По раскисшим болотам прокладывали временные дороги из деревьев, выкорчеванных при расчистке трассы. Деревья, выросшие на болотистой земле, маленькие, хилые, их нужно укладывать в несколько рядов, а затем заливать водой, чтобы схватило льдом. Только по таким дорогам, впрочем тоже не совсем надежным, и могли двигаться тяжелые машины с трубами и пригрузами из железобетона, без которых летом труба просто всплывет в болоте. Чтобы удержать многотонные экскаваторы и трубоукладчики, часто приходилось заполнять болото деревьями до самого дна, а это, как правило, 5—10 метров.

При сооружении дюкера — подводного перехода через реку Надым — началась оттепель и пойма реки полностью раскисла. Длина всего перехода почти семь километров, прокладка обычной дороги заняла бы слишком много времени. Тогда вдоль трассы прямо по болоту расстелили синтетический материал, на него насыпали грунт. Эта дорога выдержала вес и трубоукладчиков и другой техники.

Мне вспоминается, как американский государственный деятель Аверелл Гарриман, специально прилетавший на перекрытие Ангары в 1959 году, писал, что современный человек, побывавший в Советском Союзе, но не видевший Братска, должен считать, что он оставил пробел в своем путешествии. То же самое, по-моему, можно сказать и о газопроводе Сибирь — Западная Европа.

* * *

Наверное, каждый из нас сталкивался с трудностями, какие приносит прокладка траншеи возле дома. А если такая траншея тянется через всю страну на тысячи километров? Каждый день

трубопроводный транспорт СССР пополняется 50—60 километрами новых подземных магистралей. И строители делают все, чтобы вернуть временно отторгнутую землю обновленной.

Возьмем зону вечной мерзлоты. Газ из подземных глубин несет немало тепла. Горячие трубы растапливают вечную мерзлоту, создают новые болота. Чтобы избежать такого, газ при подаче в трубопровод охлаждается. Это выгодно вдвойне: растет пропускная способность трубопроводов, поскольку при охлаждении плотность газа повышается. И еще: труба, по которой идет плотный и более тяжелый газ, меньше «выталкивается» вечной мерзлотой из траншеи.

В средней полосе СССР, нашей житнице, строят так, чтобы не повредить плодородные земли. Впереди экскаваторов проходит специальная рекультивационная колонна. Она аккуратно складирует верхний слой почвы, чтобы, после того как уложат трубу, возвратить его на место. Причем делают это очень искусно: рассказывают, однажды трактор повалил вешку, указывавшую на местонахождение трассы, так пришлось прибегнуть к прибору, чтобы под слоем пахотной земли обнаружить стальную трубу.

Экономит землю и кустовое бурение, когда с одного участка ведут несколько наклонных скважин. Это удобно как на севере, где мало удобных площадок, так и на юге, где надо беречь каждый клочок пахоты.

Вспоминаю, как несколько лет назад тянули магистраль по хлопковым полям в среднеазиатских республиках, так там для работ выбрали момент, когда урожай был уже собран. В короткий срок уложили трубы, рекультивировали почву, и крестьяне до зимы могли подготовить землю к будущим посевам.

Еще мне запомнилось, как на чувашском участке трассы газопровода Уренгой — Помары — Ужгород шоферы трубовозов долго сидели после работы, выбирая наиболее оптимальный вариант поездок на следующий день: так, чтобы и недалеко было и чтобы колхозные угодья не повредить. Конечно, не сами собой перевелись прежние лихачи, которые мчались напрямик через колхозные угодья.

Запомнился Сергей Якимов. Вот уже десять лет колесит он по стране — строил газопроводы в Средней Азии и на Украине, в Приполярье и в центре России. Как и у многих на трассе, у него несколько специальностей — может и дизелистом работать, и шофером, и крановщиком. Сын Алеша, третьеклассник, с двух лет вместе с отцом путешествует. А дочь Даша и родилась на трассе — 20 августа 1982 года в Цивильске.

Как-то Сергей пожаловался мне: «Вот подрастет дочка и спросит меня: а что ты строишь, папа? Другие дома и заводы могут показать, а у меня труба, да и та под землю упрятана. Чистое поле после меня остается, хорошо, если с пшеницей, а то с лютиками-цветочками». И Сергей нахмурился.

А я задумался. Может быть, это и будет лучший ответ и подарок дочери — цветущие луга, щебет птиц над нивами. Я по крайней мере иного не знаю.

ЮРИЙ ПЕРЕСУНЬКО

СТВОР У ЧЕРНОГО ГОЛЬЦА

Документальная повесть

Из летописи Колымской ГЭС

1935 год. Июнь. Инженер-гидротехник И. П. Морозов по заданию «Дальстроя» спустился по реке Бохапче и высадился вблизи нынешнего поселка гидростроителей — Синегорья. Начались работы по изысканию места для строительства гидроузла.

1936 год. Лето. В журнале «Колыма» опубликованы результаты изысканий. Предполагалось возвести 76-метровую плотину. Мощность станции — 50 тысяч киловатт, стоимость сооружения — 180 миллионов рублей. Поскольку ни одна строительная организация края не смогла взяться за такую работу, строительство станции отложено до лучших времен.

1964 год. Июнь. Началась топографическая съемка гидроствора и промплощадки Колымской ГЭС.

I

Телеграмма, пришедшая в редакцию на мое имя, была короткой: *«Прилетай тчк готовимся пуску».*

И вот я в Магадане. До осенней непогодицы было еще далеко, над столицей колымского края висело казавшееся каким-то очень далеким солнце, и я уже подумывал было лететь в Синегорье самолетом, как вдруг погода резко переменилась, задул холодный, порывистый ветер, притащивший плотные клубы низких, тяжелых туч — на город лег занудливый, холодный дождь. Ждать у Охотского моря погоды не стоило, тем более что синоптики сами мучились, не имея возможности дать твердый прогноз на ближайшие два-три дня, и я решил добраться до Колымской ГЭС

рейсовым автобусом, который теперь ходил по маршруту Магадан — Синегорье. Была и еще одна причина, подтолкнувшая меня к автобусной станции,— хотелось опять увидеть череду знакомых колымских гор.

Я не раз бывал на трассе, знаю ее если не лучше, то и не хуже многих шоферов, но всегда, в любое время года — зимой, весной, осенью или летом,— проезжая по ней, поражался бескрайности невысоких, с осыпающейся породой сопок, на которых каким-то чудом держатся худосочные лиственницы. Эта бесконечная гряда гор убаюкивает своей «монотонностью», и многие водители тяжелых машин, дабы не заснуть и не свалиться в пропасть, подвешивают в кабине котелок, чайник или что-нибудь гремучее.

Около Дебина автобус свернул с широкой Колымской трассы на узкую насыпную дорогу, и пассажиры, большей частью молодежь, начали подтаскивать вещи к выходу. Я почувствовал, как невольно засосало под ложечкой в предчувствии близкой встречи с Синегорьем, которое помню бог знает с каких пор.

Юрий Иосифович Фриштер, начальник «Колымагэсстроя», к моему счастью, был у себя и на правах давнего знакомого предложил:

— Может, пока в общежитии остановишься? Посмотришь, в каких условиях наши ребята теперь живут, а то, понимаешь, гостиница сейчас забита дальше некуда...

И вот я в большом пятиэтажном здании. Комендант определяет меня в однокомнатную благоустроенную квартиру. Кухня, ванная с горячей и холодной водой, паровое отопление, в холле телевизор. Могли ли первые строители Колымской ГЭС мечтать о таком?!

Я лег на широкую деревянную кровать, попытался было уснуть, решив отложить все визиты до утра, но сон почему-то не шел. Поворочался еще немного на кровати и, когда начало темнеть, вышел из общежития.

После многочасовой тряски в автобусе, когда уже не знаешь куда и ноги деть, особенно приятно пройтись пешком. Загребая ногами дорожную пыль, я побрел к Колыме. Хотелось как можно скорее увидеть гигантский муравейник котлована, почувствовать лихорадочный ритм огромной по своим масштабам стройки. Но у самой реки невольно свернул направо и пошел к приткнувшимся на берегу избушкам геологов, с которыми меня связывала давняя, крепкая дружба.

...Мы сидели за широким, обильно заставленным местными закусками столом и вспоминали наших товарищей, которые ходили в это время новыми маршрутами.

— О перекрытии будешь писать? — неожиданно спросил меня кто-то.

Я кивнул утвердительно.

— Брось, старик. Об этом сейчас все газеты напишут. А ты попробуй-ка написать о тех первых, кто пришел на Большие Колымские пороги и многих из которых теперь нет с нами.

II
Из летописи Колымской ГЭС

1965 год. Из дневника руководителя работ на разведочной штольне М. А. Ефимова.

«1 декабря. Температура упала до шестидесяти ниже нуля. Завтра... Нет, не завтра, а, пожалуй, дней через десяток над порогами собирается проехать на своем бульдозере Мулланур Газизуллин, этот упрямый, не согласный ни с какими доводами парень. Сердцем его понимаю, а умом — нет. Никуда он не поедет, опасно, так ему и сказал... Хотя дорога через пороги необходима нам как воздух. Вертолеты не летают, и буровые работы могут остановиться: нужно новое оборудование, нужна еще одна компрессорная установка...»

* * *

Мулланур сбавил обороты, бульдозер мягко заурчал, остановился. Распахнув дверцу и поеживаясь от ворвавшегося под полушубок холода, он посмотрел на неровный тракторный след. Словно глубокая широкая борозда тянулась по замерзшей, укрытой снежным покровом реке, и по этой борозде шли первые две машины. Газизуллин взглянул на берег: на крутолобом откосе, окруженный толпой бурильщиков, машины поджидал бульдозер Мамонтова. Вот одна из них остановилась, в полсотне метров от нее — вторая машина. Из кабины выскочил шофер, зачалил передок на два троса, которые тянулись по склону к бульдозеру, махнул Мамонтову рукой. Мулланур увидел, как мягко тронулась с места стальная махина, тросы натянулись, натужно застонал мотор...

Задрав передок, «Татра» ткнулась в заснеженный склон, завывая, медленно поползла вверх. Пять метров... десять... Есть!

Мулланур почувствовал, как радостно екнуло сердце, захлопнув за собой дверцу, нырнул в остуженную морозом кабину. Счастливо засмеялся и, круто развернув бульдозер, нацелился на заснеженный склон правого берега. Еще каких-то полкилометра, и все — зимник над порогами проложен. А пока что придется поработать Мамонтову, затаскивая по времянке машины на правый берег. Но и это уже победа — буровые будут работать!

Вот уже четвертый день, расчищая первопуток, Мулланур Газизуллин пробует на себе крепость ледяного покрова. И за все это время только один раз, над третьим по счету порогом, он едва не повернул бульдозер назад. Тогда, в какую-то долю секунды, он почувствовал, как начинает оседать лед, увидел, как из лунок взметнулись над рекой фонтаны воды, и уже вечером вспомнил, как что-то оборвалось внутри, и скорее подсознательно, чем разумом, он бросил машину вперед. Бульдозер взревел и, оставляя за собой расползающиеся трещины колющегося льда, выскочил из опасной зоны. Мулланур рукавицей обтер выступившую на лбу испарину, сбросил газ. И, только проехав еще несколько метров, обернулся назад: выпиравшая из-подо льда тяжелая студеная вода широким темным блюдцем разливалась по вогнутой чаше реки, тут же схватываясь на морозе тонкой корочкой...

С берега, размахивая руками и показывая на снзый дымок, который стелился над палаткой бурильщиков, что-то кричал дед Никишка: видно, звал обедать. Мулланур помахал ему из кабины — подожди, мол, дай закончить — и, подцепив отвалом огромный снежный нанос, начал сдвигать его в сторону, оголяя белесый ледяной слой. И вдруг бульдозер качнуло, Газизуллин инстинктивно рванул на себя рычаг муфты левого поворота, до отказа выжал тормозную педаль...

Заглушая собой все звуки, раздался треск ломающегося льда, машина судорожно дернулась, качнулся правый берег, на какое-то мгновение перед глазами вырос снежный нанос, потом рваная кромка будто ножом срезанного льда, и прозрачная вода начала медленно подниматься по ветровому стеклу. Едва успев сообразить, что мощное течение реки могло снести бульдозер в сторону от провала, Мулланур метнулся к правой дверце, попытался открыть ее.

Подпираемая снаружи мощным напором воды, дверца не поддалась.

Лихорадочно забилось сердце, начал застилать глаза пот. А вода уже тонкими струйками била нз-под днища бульдозера, заливая тесную кабинку. Мулланур с ногами забрался на сиденье, всей своей массой налег на дверцу. Уступив силе, она поддалась немного, в образовавшуюся щель ударила струя обжигающей воды, залив ему лицо, руки. Мулланур в бессилии опустился на потертые, замасленные подушки. «Неужели конец?» — жаркой волной ударил в голову страх.

Надо было что-то делать. Но что?

Газизуллин заставил себя успокоиться, собраться с мыслями. Невольно вспомнился тот разговор с Ефимовым.

Ефимов сидел за столом, на котором была разложена карта-километровка, и, подперев голову руками, нзучал разрнсованный синим и красным карандашами участок реки, на котором велись изыскательские работы. Спросил не поворачиваясь:

— Кого еще принесло?

— Я это.— Газнзуллин еще раз у порога обстучал валенки, подошел к столу.— Поговорить надо, Михаил Алексеевич.

— Ну?

— Я только что с правого берега. Еще одна буровая встала. Надо прокладывать зимник.

Ефимов поднял голову, внимательно посмотрел на бульдозернста, сказал простуженным басом:

— Нет.

— Почему?

— Хочу, чтобы ты дожил до старости.— Он замолчал, потом добавил, как отрезал: — Лед не выдержит.

— Ну что ж...— Мулланур нахлобучил шапку на голову и уже от двери сказал: — Я буду выносить этот вопрос на партсобрание. А ждать еще — значит завалить все работы на правом берегу.

Когда Газнзуллин ушел, Ефимов отложил карту в сторону, надолго задумался, потом поднялся из-за стола, натянул на себя колючий свитер, поплотнее запахнул полушубок и вышел из бревенчака. Пронизывающий ветер заставил поднять широкий воротник, спрятать руки в карманы.

Высоко в сопках, прокатившись звонким эхом, рванул гулкий взрыв: это били разведочные шурфы, врезаясь аммонитом в неподатливый гранит. Кажется, годы прошли с того дня, когда вертолеты забросили на этот берег Колымы изыскательскую экспедицию Ефимова, которой поручено было пробить разведочную штольню. Всего лишь несколько месяцев назад, а кажется, годы прошли. Буквально все приходилось начинать с нуля: «брать под крышу» наспех собранные бревенчаки, вести разведку порогов, проверять на прочность гранит, зачастую принимать на себя непосильную ответственность. Вот и сейчас надо было на что-то решаться: Мулланур требовал, чтобы ему разрешили бульдозером пройти над порогами по ледовой дороге на правый берег, где велись бурильные и горные работы. Дорога нужна была пуще хлеба насущного, но Ефимов не мог, не имел права разрешить парню этот пробный рейс. Разведочные лунки, которые рыхлыми оспинками темнели на белоснежном насте реки, ясно показывали, что лед еще не окреп и надо подождать дней пятнадцать, чтобы на него без риска могла сползти многотонная махина бульдозера. Давал себя знать пуржистый ноябрь: лед лег неровный, с промоинами, под которыми перекатывались говорливые пороги. А зимник был необходим: бурильные работы велись по граниту, температура которого даже летом не поднималась выше шести градусов мороза. И если в более теплую погоду бурильщики обходились подогретой соленой водой, то теперь, при −60°, необходимы были компрессоры: нагнетая холодный воздух в скважину, они выдували шлам — разрушенный коронкой материал, и керн получался чистым, без примесей.

Вода поднялась уже на полметра и начала медленно заливать потертые подушки сиденья. На ровной глади плавали жирные маслянистые пятна, чернел мазут. В какое-то мгновение Мулланур пожалел, что вызвался идти над порогами. Конечно, там, на берегу, сейчас волнуются, пытаются спасти его, но как? Провал, небось, такой, что в него хороший домина уместится. «Идиот»,— обругал он себя и в глухом отчаянии навалился плечом на дверцу. Неожиданно она поддалась, но лавина свинцовой от холода воды ринулась в кабину, захлопнула дверцу.

Ошалевший от обжигающего холода, он вынырнул из воды, хватанул раскрытым ртом воздух. Теперь уже вода залила более половины кабины. Мулланур залез на сиденье, отдышался. В голову пришла спасительная мысль: когда вода заполнит всю кабину, то можно будет без труда открыть правую дверцу. Главное сейчас — ждать. «Ждать! Ждать!! — твердил он себе.— Надо успокоиться. Обязательно успокоиться. Неужели же они не рассчитали чего-то? Да нет же... Нет! И ребята из бригады были правы».

...Газизуллин на третьей скорости подкатил к костру, сбросил газ и, оставив бульдозер работать на малых оборотах, вылез из кабины.

— Привет, орлы!

«Орлы» — молодежиая бригада бульдозеристов — пододвинулись, освобождая место бригадиру. Витька Мамонтов, остроиосый, усыпаиный весиушками пареиек в доиельзя замаслеиной солдатской шапке, снял с костра почерневший от копоти котелок с чаем, плеснул в свободную алюмииневую кружку, пододвинул ее Муллануру.

— Согрейся-ка.

Газизуллии присел к огню, подставив пышущему жаром костру лицо, руки. Отогреваясь, посидел так иесколько минут, потом взял кружку, отхлебнул глоток обжигающего чая. Муллаиур глотнул еще раз, аккуратно поставил кружку иа рукавицу — чтоб не остывала, восхищеино покрутил головой.

— Ну, вы даете!..

Польщеиный Мамоитов улыбиулся, сказал гордо:

— Дед Никишка иаучил. Особо колымская заварка, покойничка иа иоги ставит.

Вадим Афонин подбросил в костер лапника, и тысячи искр брызиули во все стороиы. На какой-то миг огонь притих, сжался и вдруг с иовой силой рванул ввысь, пожирая смолистую хвою. На блестящих от сиега гусеницах заиграли разноцветные блики, стало невмоготу сидеть вблизи огня. Парии отодвинулись подальше, кое-кто снял шапку. А мороз давил шестидесятнградусиой силой, заставляя поворачиваться к пышущему костру то боком, то спиной. Правда, здесь, в тайге, где бригада бульдозеристов расчищала просеку для автозимника, соединявшего экспедицию Ефимова с центральиой трассой, ие было того ветра, который, ни на минуту ие утихая, гиал по застывшей реке колючую поземку.

Мулланур помолчал, прислушиваясь к потрескивающему костру, сказал:

— Надо, мужики, что-то делать. На правом берегу уже две бурильные установки встали. План горит. Я пытался уговорить Алексеича пустить меня иа лед, так он и слушать ие хочет. Говорит, дией пятнадцать выждать иадо.

У костра стало тихо. Где-то неподалеку треснуло дерево, ие выдержав мороза. Газизуллин изучающе оглядел бригаду.

— Ну?

Тщедушный Мамонтов прищурился на огоиь, ковыриул прутом угли, сказал ие оборачиваясь:

— Только что об этом говорили.

— Ну и...

— Понимаешь, идейка одиа есть.— Витька выхватил из костра обгоревшую ветку, прочертил иа сиегу две извилистые линии.— Вот это река. Здесь пороги. Так ведь можио идти и ие иад самыми порогами. Смотри-ка: спускаемся чуть ниже. Вода здесь спокойиее, а зиачит, и лед толще. Выходим к правому берегу и уже под берегом ведем зимник.— Ои бросил ветку в костер, передериул худенькими плечами, иа которых почтн висел такой же замасленный, как и шапка, бушлат. Заручаясь поддержкой, посмотрел иа бульдозеристов.

— Мамонт прав,— громыхнул бас иеобъятного в плечах Афоиина, который горой возвышался над остальиыми парнями.— И ты иас, бригадир, ие агитируй. Ты лучше перед начальством этот вопрос ставь.

От ледяной воды, сковавшей мозг, Мулланур уже не чувствовал тела. Уровень воды в кабине поднимался почему-то очень медленно, и он с ужасом подумал, что же будет с ним, если вдруг он не сможет открыть дверцу. Сунулся было опять к ней, но вовремя остановился, вспомнив, как страшный удар тяжелой от мороза воды свалил его, заставив приостановиться сердце.

«Спокойнее, спокойнее, главное — не суетиться. Отвлекись»,— уговаривал он себя.

Мулланур попытался мысленно восстановить все события, но не смог. От сжимающего тело холода он уже не мог спокойно думать, мысли путались, стало трудно дышать. Сумбурным клубком опять замельтешили обрывки воспоминаний. «А может, и не надо было затевать тогда все это с собранием? Не разрешил Ефимов — и все дела... Да нет же, нет! Все правильно. Ведь прошли же машины на правый берег!»

...Насквозь прокопченное нутро бревенчака быстро наполнялось людьми. Пришли почти все: бурильщики и взрывники, геологи и механизаторы. Даже дед Никишка, который кашеварил бурильщикам на правом берегу, не усидел на месте и теперь суетился у «буржуйки», сваренной из двухсотлитровой бочки, на которой стояли два насквозь прокопченных чайника.

Запоздавшие, то и дело хлопая заиндевевшей дверью, вваливались в избу вместе с клубами морозного воздуха и, сбросив полушубки у порога, протискивались к пышущей жаром печке, вытягивая покрасневшие от холода руки.

Ефимов оглядел собравшихся, искоса посмотрел на бульдозеристов, которые нахохлившейся кучкой сидели на нарах и тихо переговаривались между собой. Газизуллин орудовал напильником, растачивая фланец. Тоже мне, обиделся. Не поверили им, видите ли, доверия не оказали. Так они на обсуждение коллектива этот вопрос вынесли. Ишь ты! А вообще-то, молодцы ребята.

В избушке от раскалившейся докрасна печки стало жарко, кое-кто сбросил с себя и свитер. Можно было бы и начинать, да где-то задерживался Орефьев, секретарь партбюро экспедиции. Наконец дверь хлопнула еще раз, и, едва умещаясь в проеме, подпирая головой потолок, в бревенчак ввалился Орефьев, горный мастер, пробивший за свою жизнь не одну сотню метров горных выработок. Сбросив тулуп, он прошел к столу, сел подле Ефимова. Нашарив глазами чайник на печке, кивнул деду Никишке: плесни, мол, чуток. Дед неторопливо отстегнул персональную кружку, которая висела у него на поясе, налил исходящего паром чаю.

— Спасибо, Емельяныч.

Давая чаю остыть, Орефьев сдвинул кружку на край стола, поднялся. Посмотрел на бульдозеристов, перевел взгляд на Газизуллина. Сказал простуженным голосом:

— По-видимому, вы все знаете, о чем пойдет речь, но все-таки позволю себе напомнить. На повестке дня открытого партийного собрания один вопрос: устное заявление Мулланура Газизуллина о том, что он лично и его бригада просят разрешить ему пробный рейс над порогами.— Орефьев отхлебнул глоток чая, добавил глухо: — Прошу желающих высказаться по этому вопросу.

Какое-то мгновение в избушке было тихо, потом вдруг все зашевелились, заговорили разом.

— Спокойно, спокойно, товарищи.— Орефьев карандашом постучал по эмалированной закопченной кружке, которая выполняла роль президиумного стакана, сказал: — Может, сначала дадим слово самому Газизуллину?

Бригадир бульдозеристов вскинул голову, бросил на нары напильник и, словно боясь, что его перебьют, заговорил, глотая окончания слов:

— Да, я не согласен с доводами начальника.— Он кивнул на Ефимова.— И с техникой безопасности. Бригада тоже не согласна и считает, что проложить зимник по реке сейчас можно. На тот берег,— он мотнул головой в сторону двери,— требуется дополнительное оборудование, компрессорные установки, а это значит, что дорога через пороги нужна как... как...— Не найдя подходящего сравнения, он замолчал, покосился на бригаду, добавил вполголоса: — А Лексеич каждый день твердит одно и то же: погоди да погоди, дай льду окрепнуть. А чего годить, если потом поздно будет!

Муллануp сел, расстегнул ворот рубашки, что-то сказал Мамонтову. Тот согласно кивнул головой.

Орефьев выждал некоторое время, опершись разлапистыми ладонями о доски стола, поднялся, спросил, громыхая простуженным басом:

— У тебя все, Газизуллин?

Словно ожидавший этого вопроса, соскочил с нар Витька Мамонтов.

— Можно я добавлю? От имени бригады.— Без бушлата, в одном свитере, он казался совсем мальчишкой. Витька повернулся к Ефимову.— Вот что я скажу, Михал Лексеич. Если вы нам сейчас запретите, то мы сами над порогами пойдем. Ночью.— Он сел, слышно стало, как посвистывает на «буржуйке» чайник.

Молчали бурильщики, искоса поглядывая на Ефимова. Молчал и он сам, не зная, что ответить бригаде. «Эх, комсомол, комсомол, буйная твоя головушка. Неужели вы думаете, что я не понимаю, насколько важен сейчас этот пробный рейс? Ведь, не дай бог, остановятся буровые работы, и все — начинай сначала. Все это так, если бы не одно «но» — лед над порогами еще тонок, вчера самолично лунку долбил. А вдруг провалится бульдозер? Из порогов, братки, мало кто зимой выныривал».

Неожиданно для всех слова попросил дед Никишка. Он стащил с головы потрепанную шапку-ушанку, повернулся к Муллануру, проговорил, откашлявшись:

— Ты что же, парень, себя за героя считаешь, а мы, значит, никто?

— Да я, дед...

— Молчи, когда старшие слово держат.— Дед Никишка всем своим тельцем повернулся к Ефимову.— Вот что я тебе скажу, Лексеич: не пускай ты его никуда. Вы-то в этих местах народ новый, а я всю жизнь в старателях по Колыме ходил. И скажу тебе вот что: даже над тихой водой бульдозеры при таком льду не ходят, а тут Большой порог, река-то позже встала. Вот и выходит, что еще дней десяток переждать надо. Ведь мало того,

что машина угробится, так н по этой буйной головушке поминки справлять придется. Так-то вот.— Он повернулся к Газизуллину:— А ты не суетись, сынок, жизнь разменять не долго.

— Да что ты, дед, меня раньше времени хоронишь!— Муллануp вскочил, рывком повернулся к кашевару.— Сидишь у себя в палатке, так и сиди, чаек готовь.

— Э-эх, молокосос. Да ты еще не родился, когда я впервой попил водицы колымской. А она студеная, парень. Кувырнешься в нее — вряд ли оклемаешься. Чаек готовь...— Старик обидчиво поджал губы, сел на табуретку.— Шустрый больно. Видали мы таких шустрых...

В избушке опять стало тихо. Молча переглядывались бурильщики, не решаясь сказать свое слово. Оно конечно, рассуждали они про себя, если бурстанки встанут, тогда все, пиши пропало. А с другой стороны, парень-то рискует: нырнет бульдозер — н конец. По второму разу на свет не рождаются. Да н дед Никишка прав: морозы стоят хоть н хлесткие, да позднне, под них вон сколько снежку-то подвалило, как шубой укрыл реку. Ледок-то н держится слабый.

Молчал и Ефимов, ожидая, что скажут людн.

Наконец кто-то откашлялся. Ефимов поднял голову, увидел, что это Потапыч, помощник бурового мастера со второй установки. Низкорослый, обросший клочковатой, рыжей бородой, он поднялся неуверенно, сказал:

— Оно конечно, дело это опасное, но правда также н то, что работы на правом берегу без дополнительного оборудования завалятся. Так что выход надо искать сообща. А тебе, Муллануp, скажу вот что: чего это ты удила закусил? За порыв твой, конечно, спаснбо, но здесь в одиночку ничего не сделаешь, вместе будем мозговать.— Он замолчал, обдумывая что-то, повернулся к бурильщикам.— Помните, мужики, как мы в Якутин реки по молодому льду брали? Лежневку выкладывали?

— Сравнил... Да разве столько валежинами выложишь?

По рыхлому насту, который покрывал снзоватый лед реки, свирепо мела поземка. Аэродинамическая труба, добротно сработанная природой, разгоняла поток холодного воздуха до восемнадцати метров в секунду, заставляя наглухо закутываться в полушубки, натягивать по самые глаза шерстяные маски, которые плохо держали тепло, но зато мешали дышать, и приходилось то и дело стягивать их, чтобы хватить обжигающего ветра.

На реке работали только добровольцы. Меняясь через каждые полчаса — больше невозможно было продержаться в этом аду,— ритмично поднимая н опуская на совесть закаленные ломы, они скалывали лед, выдалбливая чуть ниже порога разведочные лунки. С пологого в этом месте берега, на котором длинной цепочкой уже выстроились машины с грузами, пришедшие по зимнему первопутку на створы, можно было подумать, что там, на льду, работают какие-то роботы, нздали похожие на людей. Вверх-вниз. Вверх-вниз. И так бесконечно. Потом вдруг те двое, что «майнали» лунку, торчком бросали в наст ломы и бегом бросались к берегу, к спасительной палатке, в которой потрескивала смолистыми дровами докрасна раскаленная печка. Бородатые, с обмороженными и успевшими почернеть щеками н кончика-

ми носов, они, сбросив меховые рукавицы и овчинные полушубки, вытягивали над пышущей печкой руки, стараясь как можно больше ухватить живительного тепла.

А на смену по насту реки уже шла новая пара.

Ефимов и Газизуллин почти не уходили с реки. Обмороженные и одеревенелые, они подолгу, как два колдуна, сидели над каждой лункой, промеряя толщину льда, переругиваясь на ветру глухими от шерстяных масок голосами.

Лед был тонок. Тонок, несмотря на гнетущие морозы и вроде бы такую длинную уже зиму. В особо опасных местах делали лежневки — раскладывали срубленные на берегу лиственницы и заливали их водой, накачивая ее ручной помпой из выбитых во льду прорубей. Может быть, уже где-то в низовьях и ходили по реке бульдозеры и машины, но здесь был Большой порог, с которым шутки могли окончиться плохо. Даже не прислушиваясь особо, можно было услышать, как клокочет подо льдом свирепая от давящей на нее тяжести вода. А ведь надо было пройти над порогами! Надо! И в любом месте могли оказаться промоины, а это...

Словно понимая мысли Ефимова, Мулланур трогал его за рукав полушубка, говорил просительно:

— Вы, Михаил Алексеевич, не бойтесь. На тот берег идти надо, и, кроме меня, это никто не сделает. Машины,— он кивал на замерзшие у спуска реки тяжелогруженые ЗИЛы и «Татры»,— ждать не будут. А добром не разрешите — ночью самолично пойду. Даю слово.

Вечером этого же дня в полевом дневнике Ефимова появилась запись: *«Остановилась еще одна буровая установка. Еще несколько дней, и встанут все работы по разведочной штольне. Срочно требуются компрессоры и новое оборудование. Работы находятся под угрозой срыва. Вчера взяли расчет первые шесть человек. Хотя рабочих и не хватает, но особой жалости нет — шелуха должна отметаться. Обсудив всю возможность риска, разрешил Муллануру идти на правый берег. Всю ответственность беру на себя».*

...Под грязным слоем воды скрылись рычаги управления, приборный щиток. От нечеловеческого холода мелкой дрожью стучали зубы, в голову лезли черт знает какие мысли. Тяжелый гнетущий страх сковал сознание. Мулланур представил себя заживо погребенным в этом железном гробу и бесчувственными пальцами схватился за ручку левой дверцы. В какую-то долю секунды решился попробовать выбраться из кабинки через нее, но вовремя одумался, медленно отполз по залитому водой сиденью. «Надо ждать. Ждать. А чего ждать? Когда вода затопит кабину и можно будет открыть правую дверцу, вряд ли у него хватит сил выбраться отсюда». Мулланур жестко сцепил зубы, чтобы хоть как-то отвлечься, заворошил в памяти прошлое. «Неужели прав был Ефимов и надо было переждать еще дней десять? Да нет же, нет. Просто я потерял чувство опасности. Устал, наверное».

Когда дед Никишка услышал глухой треск колющегося льда, а затем, как в немом кино, перед его глазами начал крениться набок и уходить в клокочущую воду бульдозер Газизуллина, он понача-

лу не поверил глазам. Только что Мулланур утюжил блестящими от снега гусеницами будущий зимник и вдруг...

— Мулла-нур... Прыгай!

Пронзительный крик рванулся над белоснежной гладью застывшей реки, далеким, неразборчивым эхом затерялся в гранитных отрогах хребта.

Дед Никишка бросился к провалу, завяз в глубоком снегу, упал, а когда поднялся, то не было уже ни бульдозера, ни Мулланура, н только темная клокочущая вода продолжала бить нз чернеющего на белом покрывале реки провала, заливая рыхлый снег н тут же схватываясь на морозе.

А к провалу уже бежали бурильщики, все, кто был иа берегу. На ходу сбрасывал с себя тяжелые унты Ефимов. Позадн всех, спотыкаясь и что-то крича, хромал Потапыч.

— Веревки. Веревки тащи!

Потапыча услышали, кто-то повернул к палатке, рванув полог, влетел вовнутрь.

— Господн! Неужели конец парню?

Ни в черта, ни в бога не верящий дед Никишка размашисто перекрестился, скинул полушубок, начал стягивать валенки. А мимо него к промоине уже бежали люди, кто-то на ходу связывал поясные ремни.

— Стой, дура! — Дед Никишка схватил бегущего Мамонтова.— Пропадешь без страховки.

Тракторист отмахнулся было, затем остановился, хватанул ртом обжигающий воздух.

— А как же там?..— Он показал на провал.

— Вытащим. Главное, чтоб дверцу не заклинило.

Подбежал Потапыч с двумя мотками капроновой бечевы. А потемневшее озерцо выпирающей из реки воды уже разлилось по осевшему снегу, начало подкрадываться к берегу. У самой кромки воды бурильщики остановились, кто-то сказал безнадежно:

— Кранты парню...

— Не хоронь... Раньше времени не хоронь! — Дед Никишка, оставшись в одних шерстяных носках, теплых брюках да свитере, обвязал себя бечевой, дернул за конец, проверяя прочность узла, перекинул обе веревки Ефимову.— Спускай концы свободно. Когда дерну — вытаскивайте.

— А может, я, Никифор Емельянович?

Старик мотнул головой.

— Вторым будешь. Если я не справлюсь.— И зашлепал иамокшими носками по успевшему схватиться озерку, оставляя за собой глубокие следы, которые тут же запслнялись студеной водой. У рваного края промоины дед Никишка остаиовился, повернулся к онемевшим в ожидании людям, еще раз проверил прочность узла, зажмурился и нырнул в казавшийся бездонным провал.

Теперь Мулланур уже почти плавал в узком пространстве кабинки, выжидая, когда грязный от масла и мазута уровень воды закроет всю дверцу. И вдруг глухой удар по крыше кабины заставил его вздрогнуть, онемевшими пальцами схватиться за ручку.

«Неужели?!» — екнуло где-то под сердцем.

В первую секунду ошалевший от студеной воды, которая прошила тело, дед Никишка хотел было вынырнуть и повернуть обратно, но вдруг почувствовал, как ноги ударились обо что-то, и открыл глаза. Тяжелое течение реки сносило его в сторону, и он, быстро перевернувшись, лег на крышу бульдозера, вцепившись в него руками.

«Главное — парня вытащить. Главное — вытащить...— твердил он про себя.— Еще немного...» — Перебирая окоченевшими пальцами по кромке кабины, он сполз на гусеницу, заглянул через боковое стекло внутрь.

Прижавшись к стеклу лицом, почти сплющив нос, на него смотрел расширенными глазами Мулланур Газизуллин. Живой! Кажется, он что-то говорил. Дед Никишка прижался ухом к стеклу, согласно кивнул головой. Потом, ухватившись за ручку, рванул дверцу на себя.

Ворвавшаяся вовнутрь вода затопила кабину, дед Никишка увидел, как, в последний раз глотнув воздуха, скрылся под водой Мулланур, и до конца распахнул дверцу.

Теперь Газизуллин был рядом. Опасаясь, как бы парень не потерял голову от радости и не проскользнул мимо зияющей мутным светом дыры провала, дед Никишка схватил его за полушубок, набросил на него капроновую петлю, затянул у пояса. Три раза дернул за веревку. Обе бечевы натянулись, дед Никишка оттолкнулся ногами от гусеницы и, не выпуская из онемевших рук полушубок Мулланура, вынырнул из воды.

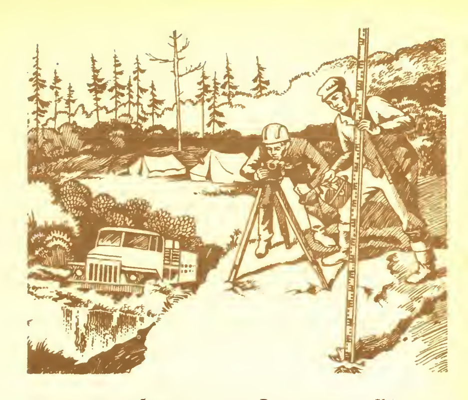
III
Из летописи Колымской ГЭС

16 мая 1969 года. За успешные работы по изысканию на Колыме коллективу 11-й экспедиции вручено переходящее Красное знамя института «Гидропроект».

Выписка из протокола партсобрания. Выступление начальника 11-й экспедиции Николая Емельяновича Карпова.— «Помните, мы все вместе решали вопрос о сокращении сроков изысканий на один год? Сегодня говорю вам с полной уверенностью: мы уменьшим эти сроки на два года».

Это было сказано в 1969 году, а тогда, в шестьдесят седьмом, когда он впервые увидел левый берег Колымы...

Когда Карпов впервые увидел левый берег Колымы, на котором предстояло вести бурильные работы, даже он, старейший изыскатель, поразился: за все годы изыскательских работ не видел более «замусоренного» и неудобного для бурильных работ места, чем эта сопка. Высотой в 120 метров от подошвы по вертикали, она пестрела проплешинами каменистой осыпи, в человеческий рост валунами, которые словно нарочно кто-то разбросал по всему склону. К тому же сопка, обрывисто спускающаяся к Колыме, почти до самой воды заросла лиственницами, которые надо было выкорчевывать вручную, потому что никакой трактор не мог туда забраться. Но, как говорится, глаза страшатся, а руки делают — и они начали кирками, аммонитом и лопатами расчищать площадки. Когда первая площадка была зачищена, встала другая задача: как на такую высоту поднять

полуторатонные буровые станки. Вот тогда-то к Карпову н пришел капитан водометного катера Федор Петров, который притащил из Дебина баржу с оборудованием.

— Емельяныч,— начал он прямо с порога,— мы тут маленько с ребятами покумекали н вроде решили, как станок-то на сопку втащить.

Карпов с недоумением посмотрел на речника.

— Это как же?

— А очень просто. Правда, рнск большой...— замялся Петров.

...Белесое северное солнце едва вызолотило вершины лиственниц на Черном Гольце н горе Избранной, между которыми несла свон воды более илн менее спокойная в это время года река Колыма, а Петров со своими ребятами н брнгадой бородатых бурильщиков, кормой развернув юркое суденышко, завел трос катерной лебедки за «мертвяк» и закрепил конец за раму, на которой была установлена махина станка. Когда все было готово, выжидающе посмотрел на Карпова.

«Давай»,— махнул рукой тот.

Капитан дал команду. И тут же взревел всеми своими лошадиными силами движок, трос натянулся, словно струна, в какую-то секунду показалось, что он не выдержит, лопнет, но вдруг станок качнулся и нехотя, набирая сантиметр за сантиметром, медленно пополз по склону вверх.

Нnколай Емельянович вздохнул облегчеино н только сейчас вспомнил, что забыл накомарник в палатке. Облепившне его

комары мешали сосредоточиться, от их укусов распухли и нестерпимо чесались шея, лицо, руки, но Карпов не мог заставить себя уйти отсюда хотя бы на минуту, боясь аварии.

Виток, еще виток. Казалось, что этим метрам не будет конца. Федор Петров, согнав на берег команду, стоял около лебедки и следил, как кольцо за кольцом наматывается на блок стальной трос. Отсюда, с катера, он не видел, что делалось на сопке: деревья и густой кедровый стланик скрывали буровой станок от глаз, но трос наматывался на блок,— значит, наверху все в порядке. Вдруг лебедка словно споткнулась, натужно взревела, капитан почувствовал, как мелкой дрожью забился катер и... медленно пополз кормой вверх. Петров заскользил по накренившейся палубе, чтобы не вывалиться за борт, ухватился за скобу. Почти повиснув на руках, он с ужасом видел, как его катерок медленно полз на берег. Вот уже вся корма на суше. Мощная струя водомета ударилась в монолит гранита и искрящимися холодными брызгами рассыпалась в воздухе, окатив капитана с ног до головы.

Когда почти на самой середине сопки полуторатонная махина станка уперлась в почти отвесную скалу, Николай Емельянович бросился к тросу, который звенел словно струна и готов был вот-вот лопнуть, схватил отжимное бревно и, рискуя каждую секунду жизнью, просунул его в какую-то расщелину между станком и скалой.

Теперь, когда Петров понял, что произошло, он мечтал об одном: чтобы выдержал двигатель, пока наверху не исправят положение. Сбавлять обороты было нельзя. Катер медленно зависал над Колымой, захлестывая гранитный монолит водяной струей, и казалось, что этому не будет конца, как вдруг Петров с ужасом увидел, как лопнула одна нить, вторая...

Николай Емельянович уперся грудью в бревно, на помощь ему бросился кто-то из буровиков, тяжелая рама бурстанка нехотя поддалась, выползла из мертвой точки, медленно поползла вверх.

Виток, еще виток. Сто двадцать метров от подножия сопки по вертикали. А сколько этих самых метров по склону? В тот день буровики считали сантиметры, которые казались им километрами.

IV

Даже в пространный очерк-репортаж невозможно вместить все записи о больших и малых событиях, которые произошли за прошедшие годы на этой важнейшей стройке, но о начале нельзя не писать. Сейчас Синегорье превратилось в комфортабельный, уютный поселок с пятиэтажными домами, с прекрасным спортивным комплексом, которому может позавидовать любой город областного значения, со своим Домом культуры, кинотеатром «Комсомолец», с одной из лучших в Магаданской области школ, и все равно я вспоминаю 1971 год.

...В Пионерный, как тогда называлось будущее Синегорье, мы летели вдвоем с Кудрявцевым. Геодезист по профессии, он вбивал здесь первый колышек, и поэтому мне так важен был его рассказ.

— Двенадцатого февраля это было,— говорил Кудрявцев под шум вертолетных лопастей.— Морозище жуткий, градусов пятьдесят, не меньше. Ну, мы по зимнику, сколько могли, проехали, а дальше пешком потопали. Больше часа пробивались по снежной целине, наконец Поляков, он тогда иачальником ПТО был, остановился н говорит: «Здесь». Это н была точка разбивки первого базиса. Оглянулся я, а вокруг лес, сопки и, казалось, вечные сиега. Произвели мы тогда съемку на месте будущего поселка, забили первые два штыря. Так что днем рождения Синегорья можно считать двеиадцатое февраля семьдесят первого года.

Я слушал тогда Кудрявцева, а сам не мог оторваться от иллюминатора, под которым далеко внизу пробегала чахлая колымская тайга, н в нее врезался, рассекая иадвое, коротеиький пока аппендикс будущей дороги, по которой, словио муравьи, взад-вперед сновали тяжелогруженые машины. Накоиец вертолет лег иа левый борт, иа расчищенной бульдозерами площадке промелькнуло несколько вагончиков, машина задрожала, зависая иад деревьями, и мягко опустилась.

Когда мы с Кудрявцевым выскочили нз гудящей машины, то я был удивлен: ие был я здесь четыре года и поэтому, улетая из Москвы, надеялся увидеть колоссальную стройку, с техникой, кранами, сверкающими молниями электросварок. Оказалось же, что мы приземлились иа заболоченной полянке, окруженной со всех сторои чахлыми деревцами н кустарником, н только откуда-то нздалека раздавался перестук топоров да иеподалеку красовался сбитый из негодиых досок и листов фанеры сарай, иа котором висела огромная, от руки написанная вывеска: «Аэропорт Надежда». Из раскрытой дверн выглядывала ушастая морда чериой дворняги.

В растерянности я посмотрел иа пилота, который тоже вылез из кабины размять ноги, а иад иами уже кружились мириады комаров. Им было плевать на шум вертолета, воиь бензина и исходящий от нас запах репудина.

— А где же...— ие успел спросить я, как вдруг откуда-то из-за кустарника доиесся оглушительный треск, и иа поляну выскочил до капота забрызганный грязью вездеход. В открытом кузове стояли обмотанные тряпками от комаров Гена Лободов, Алексей Алешин и Виктор Калашников. Так я позиакомился с пиоиерами-синегорцами, которых одними нз первых забросили сюда в лютую зиму 1971 года.

Возглавлял ту первую колонну кавалер ордена Трудового Красного Зиамени коммунист Владимир Иванович Похлебин. Тогда по зимнику к двум кольшкам, что сиротливо торчали из промерзшей земли, пробились три машины: два ЗИЛа с прицепами и автокран. Один ЗИЛ был загружен строительным материалом, второй тащил на прицепе вагончик со стекловатой. К разметочным кольшкам они подошли в девять вечера, когда тайгу накрыла жестокая и беспощадная иочь, а столбик на градуснике упал за красную отметку −50°. Разгрузились, отцепили вагончик, н оба ЗИЛа тут же укатили обратно, оставив десант один на один с тайгой. Надо было обживаться, и они, не теряя времени, тут же очистили вагончик от стекловаты, установили в нем «буржуй-

ку», затем втолкнули в сугроб передком автокран, и он, тихо урча, работал на малых оборотах. Так они и жили, подготавливая площадку для приемки грузов и вагончиков. В свободное время охотились на куропаток, благо у Лободова было с собой ружье.

Вспоминая то время, экскаваторщик Владимир Мацуков рассказывал впоследствии:

— Этот год я запомню навсегда. Приехал-то я с Чиркейской ГРЭС и сразу же попал в лютый, морозный край, хотя стоял март. Заснеженные лиственницы, и сквозь морозную дымку — солнце. Наши вагончики тогда приткнулись вкривь и вкось, а в узких проходах — бульдозеры, буровые станки. Место-то здесь болотистое, жидкое. А среди всей этой суеты на краю площадки сиротливо стоял новенький польский экскаватор, изготовленный для работы в умеренном климате. Представляешь: в марте его намертво схватило колымским морозцем и мы с помощником кутали его в тряпье, словно ребенка малого.

И таким тоже было начало Колымской ГЭС.

V

Всякий раз, приезжая в Синегорье, я удивлялся тому новому, что успели выстроить здесь за прошедшее время. Это были в 1974 году первые 300 квартир в благоустроенных домах. Затем следовали события: ликвидация поселка Пионерный, создание в короткий срок производственной базы, строительство основных сооружений гидроузла; введение в эксплуатацию ЛЭП-35 Армань — Янск, сдача взлетной полосы собственного аэропорта. Но когда я прилетел в Синегорье в 1977 году и по давней привычке вышел на берег Колымы, то не поверил своим глазам — на береговых опорах покоились стальные пролеты огромного моста, по которому с берега на берег шла техника. Это был мост через пороги, без возведения которого невозможна была дальнейшая работа.

Позднее в штабе Всесоюзной ударной комсомольской стройки, каковой с 1976 года объявлена Колымская ГЭС, Юрий Шепелев рассказывал:

— Сам знаешь, какой ценой и усилиями дается нам пуск каждого объекта, а с мостом был вообще особенный случай. Такие мосты, как наш, монтируются полтора-два года, однако нас этот срок никак не устраивал, и поэтому было решено завершить монтаж моста до весеннего паводка, то есть сократить срок до пяти месяцев. Представляешь? А вообще-то, поговори с Геннадием Ткаченко: он у нас бригадир комсомольско-молодежной бригады, мост, можно сказать, его ребятами выпестован, ему и карты в руки.

Шепелев замолчал, припоминая что-то, затем полез в ящик письменного стола, порылся в нем, наконец достал потрепанный конверт с пометкой «авиа», протянул его мне, сказав при этом:

— Почитай-ка, недавно Ткаченко из Крыма получил. Меня спрашивал, что парню ответить.

«Здравствуй, Геннадий,— начиналось письмо.— Пишу тебе с поклоном от жены, а также с тысячью «прости». Может быть, ты, обидевшись за мой отъезд, и имеешь сердце на меня, но уж

чего не бывает. Рассерчал я тогда. Работа тяжелая, ни дня ни ночи не видели, а тут еще жинка: поедем да поедем. Ну, я ее и послушал. Приехали в Крым, благодать. Домик купили, овощей и фруктов разных — от пуза ешь. А только что-то невмоготу стало, хоть ложись и помирай: во сне Колыму вижу. Ну вот и обращаюсь к тебе с просьбой принять обратно в бригаду и простить за мост. Читал я тут о нем в «Правде», пишут, что первые самосвалы пошли, так поверишь — самому себе противен стал — ведь тогда каждый бетонщик на счету был...»

* * *

...В который уж раз Ткаченко вытащил из кармана брезентовой робы потрепавшийся на уголках конверт, беззвучно зашевелил губами:

«Здравствуй, Геннадий, пишу тебе с поклоном...» — Он дочитал письмо до конца, задумался вспоминая.

...В тот день с утра лепил мокрый снег. Низкие черные тучи нависли над Синегорьем, но к восьми утра снегопад кончился, в распадок рванул свежий ветерок. Тучи залохматились, задвигались, в рваные дыры проглянуло ласковое весеннее солнце.

Ткаченко, проведший всю ночь на русловой опоре моста через Колыму, все же решил сначала зайти к Максиму. Поговорить еще раз. Он по себе знал, как нападает иногда вот такая хандра, когда хочется плюнуть на все и уехать куда-нибудь к теплу, солнцу, где люди в мае гуляют в одних рубашках. И как нужна в это время поддержка.

Когда бригадир вошел, парень валялся на неприбранной постели. Рядом стояли упакованные чемоданы.

— Максим...

— Нет! — Того будто сбросило с койки. — Понимаешь ты: нет! И не уговаривай. Пять лет электростанции строю, сюда с Вилюя приехал. Понимаешь, устал я! Устал зимой и летом вот это носить. — Он запустил пятерню в давно не стриженную бороду, рванул ее. И как бы успокаиваясь от боли, сказал глухо: — Хватит зимой слюни морозить, а летом комаров кормить.

— Ну что ж, может, ты и прав. — Ткаченко поднялся с табурета, еще раз посмотрел на чемоданы. — Только меня к тебе бригада послала. Трудно сейчас на опоре. Очень. Через пятнадцать дней паводок пойдет. Каждый человек на счету...

Ткаченко сложил конверт, сунул в карман. Он и сам не знал, чем разволновало его это письмо из Крыма, но что-то кольнуло в сердце, заставило задуматься над своей собственной судьбой. Он сам ее себе выбрал. Как-то, еще на Новосибирской ГЭС, куда пошел работать сразу после школы, услышал разговор двух гидростроителей. В общем-то это был спор, спор о том, сколько ГЭС может построить человек за свою жизнь. Оказалось — три. Три ГЭС, если он придет на стройку с первым отрядом и, когда турбины начнут давать энергию, переедет на следующую. И еще: это был спор о возможностях человека. О том, способен ли он снова и снова менять насиженное место с благоустроенной квартирой и домашним уютом на первые колышки в тайге, палатки, балки — временное жилье, где койки в два яруса, а места

только-только хватает раздеться. Вот тогда-то Геннадий и дал себе зарок построить три ГЭС. Это было нечто похожее на программу жизни.

Сразу же после армии поехал на Вилюйскую, а когда сдали ее и потребовались добровольцы на Колыму, одним из первых приехал сюда.

Ну и времечко тогда было, особенно для бригадира: дороги еще нет, бетона тоже — вот и приходилось крутиться, засиживаясь до ночи в прорабской, планировать работу на следующий день, расставлять людей так, чтобы простоев не было. Одни укладывали фундамент под котельную, другие лес под площадки валили. Чего греха таить, были и такие, что и за грудки хватали: «Заработок давай, бригадир!» А где его взять, когда до начала работ было еще ой как далеко. Зато, когда вышли они на главное свое дело — на мост, вся шелуха уже отсеялась. Вернее, тогда-то она и отсеялась, последняя. Остался людской монолит.

По дну будущего моря, надрывно урча и разбрасывая снопы грязи, снуют тяжелые МАЗы, БелАЗы, урчат бульдозеры. Бригада строит потерну, которая протянется по основанию плотины, а это 400 метров. Работа долгая и ответственная, закончили ее лишь к 1980 году.

Строят потерну... Звучит! А на самом деле чем занимались его ребята? Стоя по колено в воде, выгребали из котлована ил — последствие осенних ливней, каких давно уже не помнили синегорцы. Река вздулась, потемнела, с каждым днем все выше и выше поднималась на уже отработанную поверхность правого берега. Мутные потоки воды заливали подготовленный для бетонирования котлован, размыли дороги. Правда, ждали худшего: вода подбиралась к строительной площадке на левом берегу. Еще немного, и она ворвется в штольни подземных выработок, затопит оборудование, технику гидроспецстроевцев, но обошлось.

Да, каждый день был здесь, на Колымской ГЭС, как новое сражение. Но все-таки мост, их мост,— он и здесь на особицу. Вот он, как вызов всем неверившим, перекинул через Колыму свои стальные пролеты. И только записи в дневнике напоминают бригадиру о том сумасшедшем времени, когда для них смешались день и ночь.

«1 апреля. 15.00. Опять затопило котлован. Отказал насос. В 16 часов котлован откачен. Мужественно проявила себя бригада Н. Горб. Женщинам пришлось вновь в эту страшную, холодную погоду мыть тряпками скалу, на которую ляжет первый бетон».

Зачем скалу моют горячей водой? Чтобы надежно положить бетон на основание. «Тряпочкой провели так, чтобы пятнышка не осталось»,— объяснила мне впоследствии Надя Горб.

— Вы знаете, раньше я как-то не верила, когда читала, будто ЧП происходят в самый ответственный момент. А в тот день поняла, что жизнь — она еще похлеще, чем в книжках, «придумывает». Ребята зачистили скалу, мы ее вымыли, а тут вдруг вода поднялась, насос отказал. Пока его исправили — вся наша работа насмарку. Откачали котлован и давай опять на скале блеск наводить, а мороз был... Девчата потом удивлялись: как мы все это выдержали?! А ребята, я помню, тогда с ног от усталости

валились, но никто домой не ушел, понимали, что именно сейчас решается, быть или не быть мосту. А когда уложили в первом ярусе сто сорок кубометров бетона и он схватился накрепко, девчата наши как закричат: «Ура! Победа! Даешь мост раньше срока!»

«14 мая. В 3 часа ночи пошел бетон в котлован. Резко прибыла вода в реке. На счету буквально каждая секунда. Бригада валится от усталости, но никто не бросил своего рабочего места.

Вода прибывает катастрофически!

В 18.00 уложен последний кубический метр бетона в опору моста. Выведен из опасной зоны экскаватор».

Это был праздник бригады Ткаченко. Усталые и небритые, они сходили на берег, и их встречали улыбками, обнимали, дружески хлопали по спине. А на самой середине Колымы-реки на двадцатиметровой высоте развевалось красное полотнище флага.

Сколько уже прошло времени с того памятного дня, но и сейчас видит бригадир: над мостом развевается красный флаг. В плотном кольце рабочих плеч стоят его ребята—усталые, счастливые.

Ткаченко повернулся лицом к котловану. Осенние сумерки спускаются быстро, и уже сейчас оба берега расцвечены огнями экскаваторов, буровых станков, прожекторами, мощными фарами БелАЗов. Он еще раз посмотрел на мост, по которому, высвечивая фарами, шел тяжелогруженый КрАЗ, и начал медленно спускаться в котлован: надо было показать письмо бригаде. Ей решать.

НИКОЛАЙ КУДРЯШОВ

НАВСЕГДА В СЕРДЦЕ

Очерк

Сквозь время — везде и всегда —
Мучительно помним про это.
Пришла в сорок первом беда
И лишь в сорок пятом победа.

Константин Ваншенкин

Памяти отца-солдата

Волга, Мамаев курган, Родина, поднявшая карающий меч...

Каждый знает — здесь был остановлен враг. Отсюда пошла на запад наша победа.

Любой, кто приезжает, прилетает, приплывает сюда, с первых минут, где бы он ни находился, невольно соизмеряет чуть ли не каждый свой шаг с прошлым. В самом неожиданном месте оно напомнит о себе. Остановит в сутолоке и спешке вокзальной площади голосом экскурсовода: «Здесь в ночь на 15 сентября 1942 года начали свой бой гвардейцы Родимцева...»

Всплывет в памяти, когда катишь в троллейбусе по главному проспекту мимо одинаковых заводских корпусов. Давно прочитанные «Дни и ночи» вдруг подскажут: здесь, именно здесь, у завода «Баррикады», капитан Сабуров шел сквозь огонь, чтобы установить связь с полком Ремизова.

Окна гостиничного номера выходят во двор, куда обращена тыльная часть универмага. Одна за другой подкатывают машины. Привезенный груз опускают в подвалы. Потом машины уезжают... Наблюдаешь вроде бы бездумно эту однообразную картину

и вдруг осознаешь: ведь это тот самый универмаг, те самые подвалы, где ждал своей участи генерал-фельдмаршал Паулюс...

И это означало не только полное крушение планов крупного вражеского военачальника, не только трагический финал, к которому пришло мощное военное соединение — фашистская 6-я армия.

Победа под Сталинградом означала куда более важное — война, пришедшая к берегам Волги, повернула на запад и устремилась туда, где она родилась. Трудно, пожалуй даже невозможно, отыскать в истории пример столь крутого поворота, вызвавшего глубокие изменения в мире. Ведь никогда еще группа государств не завоевывала таких огромных пространств. От Северного полярного круга до африканских пустынь, от Китая до Индии, от Австралии до Алеутских островов стояли войска фашистской Германии и ее союзников. И Сталинград потряс до основания это вселенское здание, вызвал его распад и в конечном счете агонию.

«...Об этой битве написаны, наверное, уже сотни томов. И все же, думается, сколько будут жить на земле люди, столько они станут вспоминать ее,— говорил Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.— И это не удивительно, ибо речь идет о самом крупном в военной истории сражении, в котором лицом к лицу столкнулись социализм и фашизм, советские люди, под знаменем Ленина защищавшие социалистическое Отечество, и подлые гитлеровские захватчики. В конце концов на Волге столкнулись жизнь и смерть. И жизнь победила!»

Но мы никогда не забываем о том, какой нелегкой ценой добыта победа в Сталинграде.

Количество войск и вооружений с обеих сторон, число сброшенных бомб, выпущенных снарядов, мин, патронов убедительно свидетельствуют: война здесь превысила все свои прежние параметры.

Где-то было трудно, где-то еще труднее, где-то очень тяжело. Но такого, как в этом городе, не было нигде. В куске грунта с Мамаева кургана металла больше, чем земли,— более 1000 осколков на квадратный метр. Можно только пытаться представить себе, в какое решето превратились толстые стены городской ГРЭС, когда на неё обрушились двести бомб и более девятисот снарядов. В сквере на центральной площади чудом уцелел тогда, дожил до наших дней лишь один тополь: у него под корой до сих пор сидят десятки осколков.

Каждый знает: в окопах Сталинграда шло сражение не на жизнь, а на смерть. Жестокий и горький смысл этих слов всем своим существом чувствуешь, увидев в музейной витрине шинель погибшего генерала В. А. Глазкова, не шинель — сплошные дыры — пробоины от 160 осколков и пуль.

Происходившее здесь превысило пределы всех мыслимых человеческих возможностей. И все же солдаты, Красная Армия, наш народ выдержали, преодолели невозможное. И преодолев, победили!

Потому беспощадная и великая пора Сталинграда останется навсегда в сердце. Это слова о городе-герое Константина Симонова.

Когда закончился бой

Руины Сталинграда запечатлены на многнх метрах фото- и кинопленки. По ним можно проследить определенную последовательность нсчезновения города. Вначале — это сожженные кварталы, снятые фашистскими хроникерами с воздуха после небывало ожесточенных бомбарднровок в августе 1942 года. Затем нсчезают четкие контуры кварталов, улиц, но еще остаются отдельные здания. В дальнейшем разрушаются н они, оставляя после себя в лучшем случае куски стен, а чаще всего — хаотическое нагроможденне обломков.

Нанболее же точную картнну того, что осталось от города, дает однн нз очерков военных лет, где говорнтся о Сталинграде в декабре 1942 года: «...н домов уже не было, стен не было, ничего не было, а людн держалнсь, и то, что называлось городом, были люди, которые его держали».

Рунны, везде руины. На Смоленщине в детскне годы мне пришлось видеть много развалин н пепелищ. С тех пор даже совсем малый костерок может вдруг вызвать нз глубин памяти то чувство далекого детства, когда казалось, что горнт весь мир — таким нескончаемым н вездесущим был запах гарн. Еще помнится, как нсчезновенне даже небольшого строения меняло до неузнаваемости прнвычные мальчишеские орнентиры — вдруг появлялся незнакомый горестный простор, назойливо обращали на себя вниманне скрытые раньше, непривычные предметы.

И все же прн всем своем кажущемся однообразнн руины в Сталинграде были особого рода. Мало того, что здесь бушевал пожар невиданной силы — улицы превратились в огненные коридоры, горел даже асфальт; мало того, что на кварталы, дома обрушилось рекордное количество бомб, снарядов и мин — до 76 тысяч на каждый квадратный километр, город еще — точнее, его остаткн — был в буквальном смысле поднят на воздух. Гитлеровское командование прнслало сюда сорок саперных батальонов — тридцать тысяч человек. Советские саперы тоже развернули подземную войну. На улицах было относительно тихо, а под землей взрывались гранаты, фугасы. Подземная война уничтожала различные коммуникации, инженерное обеспеченне — основу жизнн современного города.

Все это, вместе взятое,— утрата свыше 41 тысячи жилых домов (более 90 процентов жилого фонда), 126 предпрнятий, железнодорожного узла, речного порта, средств связн, водопровода, радиотрансляцнонной сети, мостов, высоковольтных линнй, парков и садов — в иных условиях, для иного города могло означать только одно — его полную н окончательную гнбель. Прнмеров такого рода сколько угодно можно найти в историн человечества.

Виднмо, поэтому личный представитель президента США Дэвнс, приехавший в Сталинград 18 мая 1943 года, высказал такое предположенне: «Не следует ли строить город на новом месте, севернее или южнее, а эти развалины огородить колючей проволокой н сделать нсторическим музеем, местом паломничества турнстов...» Идеи подобного рода, уже более аргументированные, высказывали позднее н специалисты, правда в основном зарубеж-

ные. Наверное, эти идеи с сугубо рациональной точки зрения, с чисто градостроительных позиций не лишены были смысла.

Их отзвук, кстати, обнаружился даже в шестидесятых годах, когда решался вопрос — каким быть Мамаеву кургану, и высказывались предложения — оставить высоту такой, какой она была в конце битвы: перепаханной снарядами и бомбами, изрытой окопами и ходами сообщения. И чего греха таить, казалось тогда, что в таких предложениях есть свой резон, что тем самым будут сохранены свидетельства прошлого. Но сейчас немыслимо представить себе Мамаев курган без той героической феерии, которая поднялась на его склонах...

В мастерской «Волгоградгражданпроекта» я встретился с одним из старейших и известных архитекторов Волгограда, Федором Максимовичем Лысовым.

— Построить город в другом месте? — повторил мой вопрос архитектор и твердо ответил: — Нет! Это невозможно было сделать. Сталинград, несмотря на то что он был уничтожен, все-таки жил да еще сопротивлялся, и сопротивлялся так, что противник потерял здесь не только свою отборную армию, но и превосходство вообще, уверенность в своих силах.

— А что собой бы представляли руины, оставленные как памятник? Просто-напросто кладбище. Но всем нам, стране нужен был возрожденный город, город — памятник великому событию, город, который должен гордо стоять на земле!

Впрочем, сам город Волгоград всем своим сегодняшним существом подтверждает то единственно верное, хотя и наиболее трудное, решение, принятое в 1943 году, — возродить, а точнее сказать, построить новый город на прежнем месте. Жизнь в Сталинграде вновь началась по сути дела с последним выстрелом. Уже в феврале 1943 года здесь насчитывалось 30 тысяч жителей, к концу декабря — 116 тысяч, а к середине 1944 года — 250 тысяч. Такую стремительность не объяснишь лишь тягой к родному пепелищу, извечным человеческим стремлением преодолеть смерть и хаос. Жажда оживить, возродить именно этот город властно звала и вела сюда людей. Решение Государственного Комитета Обороны, принятое 4 апреля 1943 года, по сути дела лишь соответствующим образом оформило то, что уже созрело в сердцах и умах людей. Каждый житель Сталинграда, весь советский народ хотели, чтобы город жил, чтобы, восстановленный, он стал символом победы жизни над смертью, мира над войной.

...Вечером выхожу из гостиницы. Декабрь, но не холодно. Готовясь к поездке, вспоминая прочитанное о зимней стуже в Сталинграде — во время войны, взял много теплых вещей, но они почти не понадобились. Оказалось, что трескучие морозы здесь в прошлом, даже Волга перестала замерзать.

Перед подъездом — площадь. А направо — улица: желтые невысокие дома в пять этажей с эркерами. Внизу — магазин за магазином: «Продукты», «Книги», «Овощи». В общем обычная улица пятидесятых годов, вроде бы ничем не примечательная, в другом городе проскочил бы такую не оглядываясь. А здесь с первых же шагов останавливает надпись на гранитном блоке: «Улица Мира — первая улица возрожденного из руин и пепелищ

города-героя — торжественно открыта 7 ноября 1950 года. Имя свое улица носит по предложению тех, кто возводил и прокладывал ее,— строителей нашего города».

И еще строки:

«Улица Мира,
Каждый дом, и подъезд, и квартира, и сердца
Навсегда сохранят:
С этой улицы — улицы Мира
Нами был возрожден Волгоград».

До войны в Сталинграде не существовало такой улицы. Может быть, она прорезала бывший квартал, может, слилась с каким-нибудь прежним проездом. Трудно сейчас об этом судить. Война смешала всю прежнюю ориентацию, не сохранив привычную сетку кварталов, улиц, площадей, открыв свой счет времени.

...12 сентября 1942 года в штаб 62-й армии на Мамаевом кургане прибывает новый ее командующий — генерал В. И. Чуйков, и в тот же самый день командующий противостоящей 6-й фашистской армией Паулюс отлучается на несколько часов в Винницу, чтобы услышать от фюрера приказ: овладеть Сталинградом в кратчайший срок и любой ценой. Через два дня начался штурм.

«Этот удар был исключительной силы. Несмотря на громадные потери, захватчики лезли напролом. Колонны пехоты на машинах и танках врывались в город. По-видимому, гитлеровцы считали, что участь Сталинграда решена...» — вспоминал маршал В. И. Чуйков.

Я стою на улице Мира и пытаюсь реконструировать события того дня. Влево, через пару нынешних кварталов, устье реки Царицы. Сюда, на ее берег, в штольню, перебрался командный пункт 62-й армии. Справа, примерно на таком же расстоянии, здание железнодорожного вокзала. Сзади — Волга. Впереди — тихие спокойные улицы, чуть припорошенные свежим снежком. Оттуда 14 сентября 1942 года накатывались атаки фашистов.

...Немецкие танки и автоматчики прорываются к вокзалу и захватывают его, но через сорок минут вокзал очищен. Еще через час снова захвачен гитлеровцами и снова отбит. В течение только одного дня — 14 сентября — вокзал пять раз переходил из рук в руки. Так было и в последующие дни вплоть до конца сентября.

...Слева, там, где устье Царицы, бой идет в 600—700 метрах от командного пункта и штаба 62-й армии. Немецкие штурмовые группы захватывают несколько больших зданий почти у самой Волги. «Фашистские автоматчики умели закрепляться там, куда проникали, и захват ими отдельных зданий в наших тылах до предела осложнял обстановку» (*Н. Крылов*. «Сталинградский рубеж»). Но захват прибрежных зданий означал гораздо большее — это была смертельная опасность. Ведь у гитлеровцев появилась возможность обстреливать из пулеметов переправу через Волгу и корректировать артналеты на нее.

Чтобы отстоять переправу, обезопасить ее, выбить немцев из домов, по приказу В. И. Чуйкова формируются две боевые группы. Брать людей неоткуда: от частей, обороняющихся в центре города, остались лишь небольшие отряды, поэтому в

Памятник комсомольцам — защитникам Сталинграда установлен на пересечении проспекта В. И. Ленина и Комсомольской улицы. Скульптор А. Е. Криволапов, архитектор В. П. Калиниченко

группы входит почти весь личный состав штаба армии и ее политотдела.

Случай беспрецедентный, о чем маршал Н. И. Крылов впоследствии писал: «Было ли еще где-нибудь, чтобы штаб общевойсковой армии вместе с ротой охраны вот так использовался в качестве ударной боевой силы,— я просто не знаю».

Все это происходило совсем неподалеку от сегодняшней улицы Мира, в двух-трех кварталах от того места, где стою я...

Будучи в Волгограде, я узнал, что местные архитекторы, в первую очередь те из них, кто восстанавливал город, мечтают создать специальный павильон и разместить там проекты многочисленных конкурсов восстановления Сталинграда. Идея интересная, заслуживающая всяческого внимания. Ведь главный вопрос — каким быть городу, и прежде всего его центру,— решали виднейшие советские архитекторы с мировым именем: К. С. Алабян, Л. В. Руднев, В. Н. Симбирцев.

Вариантов предлагалось множество, в том числе один из основных — проложить три сквозные магистрали, которые, пройдя центральные кварталы, выйдут к окраинам. Осуществление этой идеи, считает главный архитектор Волгограда, народный архитектор СССР Вадим Ефимович Масляев, самым благотворным образом сказалось на жизни города.

Действительно, первая такая сквозная магистраль — проспект В. И. Ленина как стрела пронзил и соединил почти напрямую городские кварталы, вытянувшиеся вдоль Волги на десятки

Центр Волгограда — площадь Павших Борцов. Здесь выступали против самодержавия рабочие Царицына в 1905—1906 годах. Отсюда в 1918 году уходили рабочие полки на защиту красного Царицына. В дни Сталинградской битвы здесь шли упорные бои. В центре площади в начале сквера возвышается обелиск (архитектор В. Е. Шалашов). Здесь похоронены защитники красного Царицына, зверски замученные белогвардейцами в 1919 году. Рядом погребены солдаты и офицеры 62-й и 64-й армий — героические защитники города.
В 1963 году здесь был зажжен Вечный огонь

километров. И если до войны на дорогу из одного городского района в другой требовалось час-полтора, то сейчас — не более 20 минут. Появилась первая продольная магистраль, за ней вторая, а сейчас строится третья, скоростная, в западной части города за пределами жилых кварталов. Она примет транзитное грузовое движение. Автобусное сообщение перейдет на вторую магистраль. А первая — проспект В. И. Ленина — будет отдана легковому движению. Со временем предполагается проложить продольный путь и вдоль Волги.

Но идея сквозных магистралей не только великолепно разрешила проблему транспортных связей — одну из самых сложных в условиях Волгограда.

Первая из таких магистралей — проспект В. И. Ленина — стала своеобразной осью, вдоль которой сформировался центр города. Здесь, в центре, главная улица, сохраняя свою масштабность и стремительность, превратилась в широкий бульвар, вдоль которого стали подниматься среди зелени крупные здания. Такими были идеи ведущих зодчих, воплощенные с особым тщанием волгоградскими архитекторами.

В центре Волгограда трудно выделить какое-либо архитектурное решение, сказать: вот это здание лучше, интереснее, совер-

шеннее следующего. Они вроде бы и похожи друг на друга, и одновременно в чем-то неуловимо разнятся. Ширина улиц, высота домов, их пропорции легко воспринимаются людьми и в то же время не выглядят заурядными, провинциальными. Нет здесь чересчур помпезных зданий с излишними украшениями — внешний их вид сдержан и строг. Чувство меры, гармонии — все то, что создает высшее достижение архитектуры — ансамбль, в большой мере присуще центральной части города.

И одно из главных достижений тех, кто создавал послевоенный Волгоград,— способность архитектуры отступать, уходить на задний план, создавать нужный фон там, где чтут память защитников города.

В центре площади Павших Борцов, в начале сквера, возвышается обелиск. Здесь, куда бы ни шел, как бы ни торопился, хоть на секунду непременно остановишься. И всякий раз словно нет домов, окружающих площадь, исчезает шум и суета улиц, остается только граненый каменный столб, у подножия которого не затухает пламя над прахом защитников Царицына и Сталинграда.

Обелиск был поставлен на площади еще в 20-е годы, оказавшись невольно провозвестником куда более жестоких сражений, несоизмеримо бо́льших утрат. Он уцелел, несмотря на невиданный накал боев, невообразимый окружающий хаос, но был сильно поврежден. И надо оценить ту внимательность, тот такт, с которыми подошли волгоградцы к его дальнейшей судьбе.

Автор сооружения, архитектор В. Е. Шалашов, сделал новый вариант, увеличил размеры обелиска в соответствии с масштабом послевоенной застройки площади, но при этом сохранил его первоначальную простоту и строгость. Обелиск вырос (его высота — 26 метров), стал гранитным, но не изменил по сути своего первоначального облика. Он по-прежнему хорошо знаком, привычен для ветеранов-защитников Сталинграда и для горожан.

А вот история другого памятника. Еще в пору сооружения комплекса на Мамаевом кургане туда приехали ветераны 64-й армии, которая держала оборону к югу от центра города. Особенно ожесточенные бои на этом участке велись за господствующую возвышенность — Лысую гору. Ветераны обратились к группе архитекторов с просьбой отметить район боев. Поручено это было архитектору Федору Максимовичу Лысову. Майским утром 1964 года он приехал на Лысую гору, чтобы осмотреть местность. И вот что рассказали архитектору участники обороны...

В критические дни боев за Сталинград из-за Волги прибыло подкрепление моряков-тихоокеанцев. Переправившись ночью через Волгу, они с ходу выбили противника с Лысой горы и закрепились в его окопах, а наутро, когда фашисты осознали потерю, их тяжелая артиллерия ударила по нашим морякам. Так и остались они в окопах. А в том, что здесь бушевал смертельный шквал огня, можно было убедиться даже спустя два десятилетия: любая горсть поднятого песка оказывалась густо перемешанной с ржавыми кусочками металла.

Архитектор решил поставить на вершине Лысой горы мемориальную стелу. Ее соорудили очень быстро и почти без затрат —

Стела на Лысой горе.
Автор: заслуженный архитектор РСФСР Ф. М. Лысов

все делалось на добровольных, общественных началах. На стеле два рельефа: на одном — девушка с цветком, на другом — солдат с факелом. И еще слова, точнее строфы, которые сложились у архитектора Ф. М. Лысова: «Мир отстоявшим для будущих поколений, слава вам вечная и благодарность Отечества, Родина чтит эти подвиги, имя которым — бессмертие!»

Может быть, со временем в стеле на Лысой горе найдут следы поспешности, может быть, там появится памятник, который глубже, шире отразит происходившее здесь в дни обороны. Но было бы желательно и, наверное, даже обязательно сохранить и это произведение, исполненное с пронзительным чувством большой утраты.

Ведь сохраняется на склонах Мамаева кургана бетонная фигура девушки-солдатки, поставленная еще, наверное, в военные годы. Никто не знает и не помнит ее автора — скорее всего это был любитель, который руководствовался не столько стремлением к самовыражению, сколько долгом памяти перед тысячами женщин, девушек, которые сражались в окопах Сталинграда.

Сам же памятник получил имя, и случилось это так. Среди защитников Сталинграда была медсестра Маргарита Сергеева, родом из уральского города Златоуста. На фронт девушка пошла добровольно, участвовала в боях под Москвой, там заслужила орден Ленина. В Сталинграде Маргариту наградили орденом Красной Звезды. Но этот орден девушка не смогла получить, она погибла в декабре 1942 года.

После войны приехала с Урала в Волгоград мать Риты — Анна Павловна. Увидев фигуру девушки, она отыскала в ней родные черты. «Это моя Рита»,— сказала мать и с тех пор стала приезжать каждое лето в Волгоград, чтобы повидаться на

Мамаевом кургане со своей дочкой, со своей Ритой. Так памятник получил имя. Ежегодно в День Победы женщины — участницы Великой Отечественной войны приходят к этому памятнику, приходят к Рите...

Скульптура девушки, получившая имя, стела рядом с окопами, ставшими братскими могилами, обелиск, сохранивший свои очертания с довоенных времен,— все они имеют тот оттенок документальности и достоверности, который обостряет наше чувство причастности к прошлому. И это очень хорошо понимают и умело используют волгоградские архитекторы.

Там, где находится товарная железнодорожная станция, возвышается бронзовая фигура моряка-бронебойщика. Она могла бы стоять в любом другом месте, где на суше сражались моряки,— таких участков на разных фронтах было множество. Но здесь моряк закрывает, заслоняет спиной элеватор. И это уже точный указатель в прошлое. Элеватор — одно из первых сталинградских зданий, где стычки развернулись на разных этажах, в проходах, на лестницах, в подвалах. 14 сентября немцы ворвались в здание элеватора, обороняемое воинами-десантниками, но овладеть им не смогли. К вечеру 18 сентября позиции в элеваторе заняли моряки-балтийцы и североморцы из 92-й бригады. Пробиваясь к зданию без поддержки танков, артиллерии и авиации, моряки очистили от врага семь улиц, выбили фашистов из железнодорожного вокзала Сталинград II.

Впоследствии маршал Н. Крылов писал: «...то, что армия в целом выстояла, зависело также и от 92-й бригады, которая оттянула на себя, сковала за Царицей крупные силы противника».

...19 сентября гитлеровцы окружают элеватор и при поддержке семи танков дважды атакуют здание, которое защищают сорок пять моряков. 21 сентября новая атака поддерживается уже шестнадцатью танками, артиллерийским и минометным огнем, авиацией. Противник, в 15—20 раз превосходящий по численности гарнизон элеватора, семь раз за день атакует здание.

Читаем в дневнике рядового 94-й фашистской дивизии Гофмана. Дневник был найден после боев в сталинградских развалинах:

«16 сентября. Наш батальон с танками наступает на элеватор, из которого валит дым... Батальон несет большие потери. В роте осталось не более шестидесяти человек. В элеваторе засели не люди, а черти, которых не берет ни огонь, ни пуля. 18 сентября. Идет бой в элеваторе... Если все дома в Сталинграде будут так обороняться, то из наших солдат никто не вернется в Германию. 22 сентября. Сопротивление русских в здании элеватора сломлено. В здании элеватора найдено около сорока трупов русских. Среди них половина в морской форме — морские дьяволы... Весь наш батальон по численности меньше одной штабной роты...»

«Бои с крайней степенью ожесточения» — такой термин, часто применяемый по отношению к накалу Сталинградской битвы, можно в полной мере осознать и понять, сопоставив такие данные.

17 сентября 92-я бригада, полностью укомплектованная, переправилась на правый берег Волги и вступила в бой, 27 сентября

Памятник огненных дней — руины лаборатории, которые сохраняются на заводе «Красный Октябрь»

остатки бригады вернулись на один из волжских островов, где из них был сформирован лишь батальон.

Совсем напрямую связывают нас с огненными днями Сталинграда сохранившиеся остатки нескольких зданий — непосредственных свидетелей сражения. Многим известен знаменитый остов мельницы № 3 имени К. Н. Грудинина. И насколько более сильное и трагичное впечатление он производит теперь, после того, как вошел в комплекс панорамы «Сталинградская битва» и получил соответствующее обрамление. На заводе «Красный Октябрь» сохраняется полуразрушенное здание заводской лаборатории. В районе завода «Баррикады» — остатки дома директора, расположенного там, где находится знаменитый «остров Людникова».

Эти руины дороги прежде всего своей предметностью, тем, что были ареной боев сталинградских частей Гурьева, Гуртьева, Смехотворова, Людникова, Батюка; наконец, они дороги даже тем, что выдержали невиданный огненный шквал — ведь трудно себе представить, каким образом и за счет чего там удерживаются некоторые конструкции.

Архитекторы хотят добиться еще большей выразительности этих руин, создать для контраста обрамление из хороших долговечных материалов, благоустроить окружающую территорию, наконец, законсервировать развалины, чтобы сохранить их на долгие годы.

...Так уж получилось, что на Мама́ев курган я поднимался не по главному, восточному склону, а по совсем неприметному — западному. И первое, что я увидел на кургане, были водонапорные баки — те самые, из-за которых шли нескончаемые стычки, потому что они — эти маленькие крепости — были по сути «ключа-

ми» к западным склонам, к немецким позициям. «...Из водонапорных баков гитлеровцев выбили на второй день январского наступления,— вспоминал Н. И. Крылов.— Как и при овладении большинством непрнятельских опорных пунктов, дело решил жестокий гранатный бой. До конца дня противник предпринял шесть безуспешных контратак. Баки остались у нас, и уже окончательно. Это открывало путь на западные склоны огромного кургана».

Вот онн, круглые массивные баки,— тоже свидетели сражения — сегодня, как и до войны, работают в снстеме городского водоснабжения.

Конечно, еще в поезде увидел я скульптуру, венчающую курган,— женщину в неукротимом порыве в белоснежной одежде из ннея. Потом стоял у подножия гигантской статуи. Где-то над головой развевался край ее одежды, еще выше рвался в сторону шарф, н совсем на немыслимой высоте рука несла огромный меч.

Ветер, никогда здесь не стихающий, проннзывал насквозь, отыскивал любую щель в одежде, гнал слезы нз глаз, а я, слушая рассказ, представлял, как ансамбль Мамаева кургана соединится с Волгой...

Выход ансамбля к Волге был задуман еще Евгением Вучетичем. Идея не забыта, она будет осуществлена, но уже как часть обширной программы художественного н монументального оформления Волгограда.

Почему возникла эта программа и что она собой представляет? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся в прошлое. Когда завершилась Сталинградская битва, возник вопрос, как увековечить память павших защитников? Ставить отдельные памятники? Но тогда город грозил превратиться в гигантский некрополь. Поэтому родилась идея соорудить на Мамаевом кургане общий памятник павшим в Сталинградском сражении. И это было сделано. На склонах кургана поднялся граннозный скульптурный ансамбль. Плоскую вершину завершил насыпной холм — истинно русская форма захоронения. Одновременно должным образом оформлялись братские могилы в различных частях города.

Но со временем стала все больше ощущаться необходимость подробнее обозначить памятные места Сталинградского сражения, увековечить ратную доблесть отдельных частей, запечатлеть подвиги отдельных воинов, павших у стен Сталинграда. Тому способствует н углубленное осмысливание событий Сталинградского сражения, все более усиливающийся интерес к этой великой странице мировой нстории.

Вот причины рождения программы, о которой уже говорилось. В зоне ее внимания — памятные места, связанные как с обороной Царицына, так и с обороной Сталинграда.

— Мы стремимся поставить тот или иной памятник так, чтобы он не только напоминал о событиях прошлых лет, но и определенным образом помогал решать градостроительные задачи,— такое направление, по словам Вадима Ефимовича Масляева, сегодня насущно необходимо городу.

Действительно, Волгоград — один нз самых посещаемых наших городов. За год сюда приезжает около трех миллионов человек с разных концов страны и из-за рубежа. Принять такое количество гостей для Волгограда совсем непросто. Причем практически все,

кто приезжает в город, хотят поселиться непременно в центре: поблизости Мамаев курган и другие памятники. Это требование удовлетворить невозможно — нет в центре такого количества гостиниц. Возникают трудиости с транспортным обслуживанием. Напряженно работают рестораны, кафе, столовые.

Поэтому у программы монументального оформления города кроме иепосредственных целей есть еще одна задача — сформировать в различных районах в некотором роде «зоны притяжения» для приезжающих и тем самым разгрузить центр. Ведь линия фронта проходила через весь город с севера иа юг. И очень много пунктов иа этой линии заслуживают того, чтобы их отметить.

Единый городской организм

Каким был город Царицын? На старых фотографиях Скорбященская площадь: двухэтажные кирпичные дома с провинциальными фронтончиками и пилястрами, мезонины, каланча, улицы с редкими прохожими, жаркое солнце на булыжниках. Еще и еще фотографии — и сиова те же заштатно-провинциальные дома, скучные улицы...

Сегодня поднятые нз руин, тщательно восстановленные единичные здания красного кирпича стародавней закваски возвращают нас в то время, когда город назывался Царицыном, когда «н в ночи ясные, н в дни ненастные» смело шла в бой красная кавалерия...

«Не было тогда на юге России города, равнозначного Царицыну. Знали это и красные и белые, знали и стремились во что бы то ни стало одни удержать его, а другие овладеть им», — писал С. М. Буденный.

Тогда впервые город оказался в центре внимания страны и истории.

...Иду через сквер туда, где в 1918 году стояла гостиница «Столичные номера». В ней размещалась тогда важнейшая организация молодой Советской Республики — Чрезвычайный продовольственный комитет Юга России (ЧОКПРОД). Сейчас на этом месте тоже гостиница, но другая... Рядом драматический театр, он восстановлен, точнее, построен заново. А в здании театра, которое впоследствии было разрушено, собирался Царицынский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И все это происходило на Александровской площадн, которую сразу же после завершения боев гражданской войны назвали площадью Павших Борцов.

Царицын позиал славу, но оставался, по словам Алексея Толстого, «дрянным и пыльным» городом. Скорее всего в таком облике ои встретил и иачало пятилеток.

История редко повторяет свою географию. Но этот город — исключение из правил. 12 июня 1926 года — новый крутой перелом в его судьбе. На северной окраине бывшего Царицына, а затем Сталинграда, на прибрежном пустыре, закладывается первый в Советском Союзе тракторный завод. Яркость, размах, настроение той великолепной поры передают даже официальные документы:

«50 тысяч тракторов, которые вы должны давать стране ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому социалистическому укладу в деревне» — так приветствовал рабочих завода Центральный Комитет партии.

Меняется город, может, не так быстро, как того хотелось бы,— на все не хватает сил. Но он уже забывает о том, что был дрянным и пыльным. Алексей Толстой, вновь побывав в Сталинграде в июне 1936 года, восхищен тем, что открылось его взгляду. О довоенном Сталинграде, каким его видели с волжских пароходов, с поднимающимися веселой толпой в гору белыми домами, легкими волжскими пристанями, набережными, с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков вспоминал Константин Симонов в 1942 году, когда от города уже ничего не осталось.

И вот сегодняшний Волгоград, сохранивший некоторые свои прежние черты и расставшийся со многими из них. Город исторически складывался из отдельных поселений, тяготевших к Волге — отличному транспортному пути. Кроме того, Волга и Ергенинская гряда, защищающая с юго-запада прибрежную полосу от горячих ветров полупустыни, значительно смягчают в этой зоне резко континентальный климат. Потому город разрастался вдоль Волги узкой длинной и, заметьте, прерывистой полосой.

В тридцатые годы индустриализация ускорила его развитие, но не изменила суть формирования. На северной окраине вырос тракторный завод и рядом — его поселок, где была своя, подчеркнем, автономная система водо- и энергоснабжения, канализации. Неподалеку развивался завод «Красный Октябрь» с таким же автономным поселком. Подобным образом рос город и в южном направлении.

Сегодня Волгоград протянулся почти на 80 километров вдоль Волги и состоит из пяти крупных планировочных районов, которые разделены между собой зелеными массивами. Но эти районы принципиально отличаются от прежних автономных поселков. Они «связаны» в единый органически целостный город продольными магистралями, общей системой инженерного обеспечения, коммуникаций, энергоснабжения.

— Какую бы сторону жизни города ни взять — экономическую, инженерную, социальную, везде видны приметы единого городского организма, единого Волгограда,— подчеркнул в беседе председатель Волгоградского исполкома народных депутатов Владимир Иванович Атопов.

Вот одна из таких примет. Если раньше Тракторный завод или «Красный Октябрь» располагали своими автономными, изолированными поселками, где люди поколениями жили и здесь же работали, то для современных жителей Волгограда полем деятельности стал весь город. Иначе говоря, образовались общегородские трудовые ресурсы. И нетрудно понять почему.

После восстановления улучшилась планировка города, извилистые улицы стали прямыми, сквозные магистрали как бы сократили расстояния. Но самое главное — город имеет сегодня все то, чем раньше в основном обладал только заводской поселок,— жилье, детские сады, клубы, спортивные сооружения.

— Поэтому регулировать общегородские трудовые ресурсы

Дворец культуры производственного объединения «Каустик» построен в 1976 году на основе типового проекта с некоторой внутренней перепланировкой

может и должен не кто иной, как местный Совет,— считает Владимир Иванович Атопов.— Это тем более важно сейчас, когда уже невозможно развивать пронзводства, прнвлекая дополнительную рабочую силу. Ее брать неоткуда.

...Район довоенных предприятий в Волгограде — свиданне с той порой, когда заводы получали яркие звонкие нмеиа: «Баррикады», «Красиый Октябрь», а слово «нндустриализация» становилось понятным всем и каждому. Сегодня промышленный потенциал города по сравнеиию с довоенным увеличился более чем в десять раз. Это значительный рост, если учесть, что еще до войны здесь сформировался один из крупнейших индустриальных комплексов. Одиако не следует забывать, что подобная стремительность далась не так легко и просто: город ограничил многие свои нужды, особеино в первые послевоенные годы, когда иа первом месте стояла задача восстановить промышленность и нарастить ее потенциал.

Сегодня на миллион без малого жителей (до войиы более 400 тысяч) в Волгограде почти четыриадцать миллионов квадратных метров общей жилой площадн (до войиы — 1,8 миллиона). Но часть этой площадн — своеобразное эхо минувшей войны — одиоэтажные небольшие домикн, построеиные в первые послевоеииые годы (около двух миллионов квадратиых метров). Сразу после завершения боев государство стало всячески помогать горожанам — выделяло ссуды, отпускало строительные материалы. Так в каждом районе Волгограда появились крупные массивы индивидуальных жилых домов. Массивы эти сокращаются, домики сносятся, ио много их еще и остается...

Я ехал в заводские районы Волгограда, чтобы вспомнить их

прошлое и понять будущее. Оно, как считают местные градостроители, в рассредоточении крупных предприятий и в создании промышленных узлов. И это не простое суммирование случайных предприятий нз разных отраслей. В каждый промышленный узел закладывается определенная идея: скажем, объединение и совместное использование вспомогательных и ремонтных служб или энергетического хозяйства или транспорта, что должно принести иемалый эффект. Но этот эффект можно получить лишь прн единых совместных решениях, действиях города и предприятий, ибо существование любого такого промышленного комплекса целиком и полностью зависит от состояния городского хозяйства.

...В западной части города на обратном пути увидел я в предвечерний час новый Дзержинский район, сформированный по современной схеме: жилой массив — зеленая зона — промышленный узел. Сначала шли корпуса трубного, моторного заводов, других предприятий. Потом появились кварталы. Расположились они там, где в былые времена поднимались валы н рвы сторожевой линии, охранявшей границы Русского государства. Так и запомнилось: длинные белые ленты домов на древней земле.

А ездить по Волгограду одно удовольствне. Повороты, перекрестки можно пересчитать по пальцам. Темп, ритм, стремительиость,— кажется, что весь город движется. И в который раз радовало провидение градостроителей Волгограда: как великолепно работают сегодня заложенные ими магнстрали, хотя, иаверное, многим казались они поначалу слишком шнрокими н пустынными...

Течет река Волга

Волга никогда не повторяется, сколько бы раз к ней ни приезжал, сколько бы раз ее ни увидел. Всегда она будет чем-то внове. Так было и на этот раз. Сначала Лев Александрович Куканов — старожил города — подвез меня к плотине Волжской ГЭС. Внизу вода рвалась нз тесных пропускных камер, освободившись, кружилась в бешеиой радости и мчалась вниз. Внушительно и неколебимо возвышалась мощная высокая длинная плотина. И все же казалось, что до сих пор ие смирилась река с этой преградой, что мечтает она хлынуть всей своей силой, во всю свою ширину, разудалой волжской вольницей.

А у иового речного вокзала Волга была совсем другой: притихшей, успокоенной, степенной. Далекой синевой манил к себе другой край реки.

И я прикинул — как это, наверное, делают многне — расстояние между берегами. Расстояние, которое вошло в клятву «За Волгой для нас земли нет». Какой она была тогда, наша Волга? Что ни фотография, то обязательио черные дымы над рекой — что-то горит иа Волге, еще цепочки всплесков — это пулеметные очереди; и, конечно, фонтаны, взметенные сиарядами или бомбами. Но фотографии зафиксировали лишь краткий миг, фои того, что происходило тогда на реке.

Кому и как было снимать расстрел прямой наводкой санитариого парохода «Бородино», если из семисот раненых спаслось

всего около трехсот? Кому и как было снимать волжские переправы, если только на один из причалов лишь за один только день — 26 октября немцы сбросили около ста бомб, выпустили до ста тридцати мин и свыше ста двадцати снарядов?

Воевавшая Волга имеет свой памятник — успевавший везде и всюду, несмотря на бомбежку, пожарный пароход — бесстрашный «Гаситель», погибший как герой и вновь воскресший. Его подняли со дна Волги, отремонтировали и поставили на вечную стоянку у волжского берега.

Как же сегодня сосуществуют огромный промышленный город и река, так много значащая для всех нас, для всей страны?

Как, наверное, и многих других, меня интересовал прежде всего вопрос: чиста ли вода в Волге? Ведь еще лет десять — пятнадцать можно было услышать свидетельства такого рода: искупался в Волге — вылез весь в мазуте. С подобными сведениями я и пришел в Нижневолжское бассейновое управление по регулированию, использованию и охране вод.

— Было такое,— согласился главный инженер управления Анатолий Иосифович Вайшле.— Все было в волжской воде: нефтепродукты, взвешенные частицы, органические отходы, хозяйственно-бытовые стоки. Но сегодня участок Нижней Волги — самый чистый на всем протяжении реки. Во всех крупных волжских городах построены мощные очистные сооружения. В нашей зоне, а именно в Саратовской, Пензенской, Волгоградской областях, сброс сточных вод уменьшился на 40 процентов.

За этими пунктирными сведениями, за этими «было» и «стало» можно разглядеть нечто очень большое — перемены в отношении к окружающей среде всего общества и, пожалуй, каждого из нас. С незапамятных времен люди сбрасывали отходы в источники, надеясь на способность бегущей воды к бесконечному самоочищению. Что, например, имели в тридцатые годы сталинградские заводы, как, впрочем, и многие другие предприятия у нас и за рубежом? В лучшем случае — свои автономные системы канализации, которые можно было назвать системами лишь в том смысле, что они собирали стоки и сбрасывали их в Волгу после самой элементарной очистки.

И вдруг оказалось, что способность воды к самоочищению имеет предел. Эта, сегодня уже очевидная, истина в свое время застала людей врасплох. Подтверждение тому — Рейн, Миссисипи, превратившиеся в мертвые реки. Такая же участь могла постичь и Волгу. Но этого не случилось, хотя до идеальной картины еще далеко.

Стоит вспомнить и о другом. Реки «заявили» о своем тревожном состоянии тогда, когда в Волгограде и других подобных ему прифронтовых городах еще требовались немалые силы и средства на многое, совершенно необходимое, приостановленное войной.

Между тем состояние рек требовало не только внимания, но и затрат, причем затрат серьезных. Ведь правомерность существования того или иного предприятия, особенно если это касается новых производств, все больше и больше зависит от того, какие водоохранные сооружения ему понадобятся, ибо практически любое из них при современных требованиях обходится очень дорого. К примеру, при строительстве биохимического завода в

Очистные сооружения южной части Волгограда. Система биологической очистки

Волгограде одна треть всех затрат пришлась на водоохранные объекты.

Стоки всей северной части Волгограда — а это четыре района с крупной промышленностью — собираются в единый коллектор, подаются по дюкеру на один из волжских островов, где полностью биологически и механически очищаются. Этот мощный комплекс хорошо известен даже за рубежом. Финский город Кеми — побратим Волгограда — заказал подобную систему очистных сооружений одному из московских проектных институтов. В Турин — побратим Волгограда в Италии — по просьбе городских властей отправлены некоторые технологические образцы для водоочистки.

В самое ближайшее время полностью разрешится проблема очистки сточных вод для всего Волгограда. Даже появится определенный резерв с учетом роста города. Более того, практически прекратится сброс и очищенных стоков в Волгу. Их направят в пруды-испарители или на земледельческие поля орошения. Подобная система уже действует в южных районах Волгограда и в городе-спутнике Волжском.

Но чистота Волги зависит не только от того, как ведет себя город. Разнообразные суда курсируют по реке чуть ли не круглогодично. В прошлом они серьезно загрязняли Волгу, теперь же все до единого имеют специальные емкости, куда сливаются хозяйственно-бытовые стоки. Эти емкости передаются на специальные корабли и опорожняются через причальные устройства в городские очистные сооружения.

Вообще же, трудно сегодня, просто невозможно представить себе какого-то капитана судна или руководителя предприятия, который стал бы с легким сердцем сливать загрязненную воду в Волгу. Изменилась психология людей, их мировоззрение. Тому, кстати, способствует и жесткий контроль водоохранной службы с ее великолепным современным техническим оснащением.

Но проблемы, и довольно серьезные, еще остаются. Вот одна из них. Синезеленые водоросли из Волжского водохранилища попадают в нижнюю часть реки. Они забивают фильтры очистных сооружений и, отмирая, выделяют вредные для рыб вещества. К сожалению, эффективных средств защиты или борьбы с этим видом загрязнения пока не существует.

Волгоград берет из реки за год свыше 820 миллионов кубометров воды. Цифра, могущая вызвать вопрос: не обмелеет ли Волга?

— Нет, этого не случится,— утверждает А. И. Вайшле.— Воды в Волге достаточно, каждую секунду она проносит мимо нас 4—5 тысяч кубометров. Задача в том, чтобы беречь не просто волжскую воду, а чистую воду в Волге. А это требует кардинальных мер: защиты малых рек, формирования водоохранных зон без размещения там предприятий.

Сосуществование города и реки стало куда более многообразным, углубленным, приобрело новые, подчас совершенно неожиданные стороны.

В Смоленске центральная часть города, прежде спрятанная за холмами, начинает выходить к Днепру. В Днепропетровске берег реки, бывший долгое время чуть ли не самым запущенным местом в городе, превратился в 30-километровую набережную с широким шоссе, гранитными берегами, зелеными насаждениями. Река, ранее разделявшая город на две части, теперь их объединяет. Можно сказать, что город обрел Днепр. В Бресте река Мухавец становится осью «зеленого диаметра» — зоны отдыха, спортивных комплексов, водных станций...

И вот Волгоград. Как поступить здесь, если самые крупные заводы еще в конце прошлого столетия разместились на драгоценных прибрежных территориях, оставив городу совсем немного выходов к реке? Надо бы, конечно, наоборот: прибрежную полосу отдать населению, затем — зеленая зона, и только потом — промышленная, но кто об этом думал сто лет назад? Мнение градостроителей по этому поводу таково: сложившуюся планировку изменить трудно. Некоторые предприятия будут со временем переселены из прибрежной полосы, но ряд крупных производств останется на прежнем месте.

Раз так, то для выхода к Волге надо использовать любой подходящий участок. Город, например, прорезают в поперечном направлении широкие и глубокие овраги, которые выходят к Волге. Использовать их обычным путем — за счет укрепления откосов, посадки деревьев, кустарников, посева травы? Для Волгограда с его климатическими условиями это не подходит: жгучее солнце не позволит посадкам набрать должную силу, развить корневую систему, создать слой дерна.

Поэтому в Волгограде стали намывать в овраги песок. На дно их укладывают дренаж, коллекторы, по пульпопроводу подают

Один из будущих участков берега. Основные элементы благоустройства: железобетонный водоупорный пояс, укрепление откосов, оборудование сходов, пандусов

волжский песок, который затем в течение нескольких лет стабилизируется, оседает. Подобным образом более десяти лет назад ликвидированы крупные овраги Долгий и Крутой, на их месте скоро появятся зеленые коридоры, выходящие к Волге.

Я видел, как укрепляется правый берег реки. В этом тоже возникла нужда — после строительства плотины Волжской ГЭС из-за резких колебаний уровня реки берег стал интенсивно размываться. Его укрепляют на всем протяжении в черте города: устраивают бетонные водоупорные пояса, закрепляют откосы.

Со временем берег превратится в сплошную набережную с бульварами, благоустроенными зелеными зонами. В центральной части появятся парапеты, лестницы, спуски, на других участках набережная будет более скромной. Весь комплекс потребует значительных затрат. Участки берега, занятые предприятиями, укрепляются за их счет. Кроме того, предприятия делают отчисления и в бюджет местных Советов. Короче говоря, разными способами финансирования по единому проекту выполняется общегородская задача.

Несколько раз в Волгограде я слышал такой совет: приезжайте к нам летом и увидите город другим. Под этим подразумевались зеленые насаждения — дело достаточно новое для Волгограда, ибо раньше в городе были лишь небольшие сады и скверы. Ведь в зоне Волгограда без интенсивного полива ничего не растет. Любой газон требует регулярного и тщательного ухода, причем трава поднимается с большим трудом. В городе прилагают немалые усилия, чтобы создать крупные зеленые массивы, парки.

И набор древесных пород был в Волгограде до недавнего времени весьма ограничен — акация, американский клен, вяз — вот

и все. Лишь в последние годы благодаря усилиям дендрологов началась акклиматизация березы и ели. Когда деревца были маленькими, тоненькими, их закрывали марлей, увлажняли ее, чтобы саженцы не сгорели под жгучим солнцем.

Чтобы помочь Волге поддерживать микроклимат в городе, предполагается за пределами западной границы Волгограда создать зеленый пояс, проложить оросительный канал для увлажнения воздуха и орошения существующих и будущих зеленых насаждений.

Миллионный город, огромная плотина, преградившая Волгу, бесконечная вереница судов и тут же, совсем рядом, на глубине 2—3 метров, осетры, и не один-два, и даже не десятки — в течение года из Каспия в район Волгограда приходят на нерест от 120 до 400 тысяч голов осетра.

До строительства плотины Волжской ГЭС осетры проходили Волгоград и нерестились в районе Куйбышева и Саратова. Чтобы сохранить этот маршрут, после того как плотина преградила Волгу, был построен рыбоподъемник. Но за плотиной река превратилась в водохранилище, поднялся уровень, изменились берега, ослабли водотоки. И осетры там стали блуждать, лишь немногие отваживались двигаться дальше, в верховья, некоторые вовсе возвращались назад. При всей эффективности рыбоподъемника им пользуются лишь десять процентов осетровых. Остальные девяносто процентов нерестятся в районе Волгограда, приспособившись к новым условиям.

Обо всем этом рассказал мне Иван Антонович Сухопаров — начальник Нижне-Волжского бассейнового управления по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства. Он же показал мне одно из самых продуктивных природных нерестилищ в районе Центрального городского стадиона. Чего-либо необычного мне увидеть не пришлось — слабое течение медленно катило серую зимнюю зябкую воду. Но оказалось, что под толщей этой холодной воды поистине золотое дно — на одном квадратном метре откладывается до десяти тысяч икринок. Почему сюда устремляется рыба? Исчерпывающего ответа ихтиологи пока дать не могут. Дно обыкновенное: галька, гравий, песок, даже куски кирпича и железа, занесенные войной. По всей вероятности, осетров сюда привлекает более спокойное, чем в русле, течение и вода, которая весной здесь хорошо прогревается и перемешивается.

— Однако осложнившаяся после перекрытия гидрология Волги,— сообщил далее И. А. Сухопаров,— перепады нижнего уровня реки при наполнении верхнего водохранилища, переработка русла приводят к потерям естественных нерестилищ — их, например, заиливает песок, сходящий в воду при размыве берегов. До конца еще неясно, как повлияет на существование нерестилищ и укрепление правого берега.

Вовсе исключить такие нежелательные гидрологические изменения сегодня вряд ли возможно. Другое дело — их ослабить или как-то обойти. Такой «обходный маневр» — создание искусственных нерестилищ. Это в общем-то дело не такое уж хитрое — у берега под водой засыпают и выравнивают слой щебенки. Правда, производительность искусственных нерестилищ по сравнению с

Перед тем как выращенную молодь осетра выпустить в Волгу, работники рыбоводного завода учитывают мальков и определенное количество их метят

естественными гораздо ниже — от десятков до нескольких сот икринок на один квадратный метр. Тем не менее и они дают рыбоводный эффект.

Прибавить к этому искусственное разведение осетровых. Неподалеку от Волгограда действует крупный рыбоводный завод, где икра искусственно оплодотворяется, а личинки выпускаются в пруды, заполненные фильтрованной волжской водой. Личинки в прудах превращаются в мальков, которые и попадают в Волгу. Хотя из десяти миллионов выпущенных мальков осетра выживает примерно триста тысяч, это считается удовлетворительным. Стадо осетровых стало максимальным для нынешнего столетия.

Восстанавливаться стала даже редкостная белорыбица, которая из Каспия поднималась для нереста в уральские чистые быстрые реки — Белую, Чусовую, Уфу. После перекрытия Волги ее численность (небольшая во все времена) резко сократилась. По подсчетам ихтиологов, в Каспийском море оставалось всего около трех тысяч особей. Так вот для белорыбицы, которая любит быстрый водоток, буквально рядом с плотиной на большой глубине был создан гектар искусственного нерестилища. Здесь белорыбица в ноябре мечет икру, а мальки появляются лишь в апреле. Запасы белорыбицы растут, сейчас ее годовой отлов составляет 100—120 центнеров.

* * *

Большой, широко распахнутый город на берегу Волги. Словно воин в запасе: подтянутый, сильный, уверенный, без тени чопорности, помпезности, кичливости.

Торжественная печаль Мамаева кургана, деловитость заводских районов, веселая оживленность студенческих кварталов, спокойствие и тишина бульваров, набережных — все это надежно сплавилось, слилось воедино, составило совершенно особенный, единственный в своем роде город.

И то, что сегодня Волгоград живет и работает, решает проблемы, растит детей, учится и веселится,— лучший памятник его нелегкому и великому прошлому.

Потому останется он на все времена орденом мужества на груди Земли. Это слова о городе-герое Пабло Неруды.

ЛЮДМИЛА САВЕЛЬЕВА

УГОЛОК РОССИИ—ОТЧИЙ ДОМ

Очерк

Над Никольском звенит голос колкий,
То колкий голос Яшина звучит.
Россия состоит из тысячи Никольсков,
И потому Россия устоит.

Эти строчки поэта Евгения Евтушенко крупно выбиты на стенде при въезде в г. Никольск

Всего-то час лететь от Вологды до Никольска, но час становится неделей, когда кружит вьюга, кружит не уставая, не давая себе перерыва, а ЯКам закрывая путь. На третий день ожидания в аэропорту мы, «никольские», уже знали друг друга в лицо и при встрече обменивались искусственно бодрыми улыбками: ничего, мол, дело привычное. Отчаявшиеся умчались на железнодорожный вокзал: можно поездом добраться до Великого Устюга, а оттуда—автобусом до Никольска. Итого—сутки дороги на перекладных. А тут—каждую минуту могут объявить: «Начинается посадка...», и через час—уже в Никольске. Объявить-то объявили, да только на пятый день...

Белый после снежной завирухи городок показался давно знакомым: сколько их, таких же тихих, внешне неприметных, деревянных городков уже встречалось! Засыпаны ли они снегом,

утопают ли в летней зелени — всегда несут в себе какое-то спокойствие, всегда радостны их улочки, которые нельзя не обойти: ведь каждый дом — на свой лад, нет одинаковых! Вот здесь затейливая резьба на окнах, рядом, по соседству — дробь деревянных кружев, оборкой спускающихся под крышей, а вот крылечко словно из сказки.

Шесть лет назад Никольск отмечал свое двухсотлетие — непривычно шумно, многолюдно было в городе: многие никольчане приехали на юбилей из разных уголков страны. Дивились переменам: лесокомбинат стал одним из крупнейших в стране, раздвинул свои корпуса льнозавод, потянулись улицы современных многоэтажных домов — города в отличие от людей с годами только молодеют и становятся сильнее, крепче. И конечно, гордость Никольска — река Юг: и красотой мила, и незаменимая помощница в жизни — идут по Югу суда с разными грузами, вовсю кипит шумный, горячий лесосплав. Охране Юга — особое внимание: река и чистая, и рыбой богатая.

А мой путь лежал дальше — в деревню Половина. Автобус, то переваливаясь с боку на бок, то лихо выпрыгивая из колдобин, на страх и риск добрался-таки до села Аргунова — еще пятьдесят километров позади. Пятьсот километров — за час, пятьдесят — тоже за час: поистине, все смешалось в наш век! Ну а дальше выпала удача: как раз в Половину направлялся старенький, знавший лучшие времена грузовик, и Митя Селяков, веселый, черноглазый паренек, бойко крикнул: «Кому там в Половину?»

«В Половину идти — легче море перейти, половиншан любить — легче орден получить» — эта шутливая частушка не так уж далека от истины. Наш дорожный разговор был, естественно, о бездорожье («Миллионы каждый год теряем вот здесь, по пути к таким Половинам»,— разгоряченно, в сердцах заметил Митя), выложены эти километры нервными клетками шоферов, а после лихого поединка с бездорожьем машине зачастую путь один — в капитальный ремонт. И, с каким-то ожесточением крутанув баранку, Митя замолчал. Как понимаете, такие разговоры не настраивают на лирический лад, хотя было от чего затихнуть, замереть душе: леса — сосны да березы — сменялись небольшими, уютными полями, на которых везде стояли стожары, солнце то пряталось в верхушках высоченных елей, то с любопытством выглядывало оттуда, и прямо перед машиной пробежал беляк, испуганно остановившись поодаль.

Митя улыбнулся: «Храбрец, ничего не скажешь! Леса у нас, конечно, редкие. Кого только здесь не встретишь — и медведи есть, и лоси, и волки. Теперь вот и бобры в районе появились. А как-то еду вот так же, днем, солнце светит, а на снегу, совсем рядом с дорогой,— золотой шар, аж в глаза бьет. Лиса рыжая — и сидит, хоть бы что. Знать, любопытство страх пересилило». И, окончательно повеселев, Митя спросил: что, мол, привело в такую даль?

Сразу и не ответишь. То есть ответ был: письмо, а вот дальше уже надо было многое пояснять. Живет в Молдавии земляк и однофамилец Мити Леонид Селяков, вот и написал такое письмо, что захотелось срочно собраться в дорогу и найти эту Половину, потому что... Впрочем, вот письмо: «Мои земляки живут на

Вологодчине, в деревне Половина Никольского района. Край это северный, нечерноземный, суровый, а деревня из тех, что именуются глубинками. Хотя условия жизни и работы в Половине далеки от идеальных, люди здесь веселые, добрые: и радость, и беда — все общее. Больше всего ценят трудолюбие: ленивых в Половине не найти. Работать — так работать, ну а гулять — так гулять! Праздники дружные, с песнями, частушками, задорными плясками... Пусть моя судьба сложилась так, что не живу я в Половине, но постоянно живет во мне родная Половина — и провиниться перед ней, подвести невозможно. И если были в жизни тяжелые ситуации, силы мне давала Половина, умеющая не жаловаться на трудности, а любую печаль разбавить шуткой. Как благодарен я своим землякам за то, что они есть, за то, что они такие. Пусть в Половине всего тридцать с небольшим домов, а жителей нет и ста человек, но как много места занимает она: ведь таких Половин десятки тысяч в России...»

Митя, остановив машину, внимательно читает письмо, затем нажимает на газ: «Хорошее, конечно, письмо. И Леонида я знаю, приезжал не раз. Он-то не «беглый» — его война на городские рельсы бросила. Отец погиб на фронте — у нас в Половине каждый второй солдат не вернулся с войны,— Леонида и отправили на учебу в город, еще мальчишкой, семье надо было помогать. Так что с Леонидом все ясно. А вот другое непонятно: сейчас-то что? Почему сейчас бросают свои деревни, а потом шлют заявки на радио: исполните, мол, песню про мою драгоценную родину. И какими только ласковыми словами не называют родную деревню, и как только не скучают по ней! Живет, мол, где-то моя деревенька-колхозница, ждет меня бедная, а я все не еду. Но, родная деревенька, будь спокойна и знай: я тебя люблю, чуть не каждую ночь во сне вижу и лишь об одном горюю: почему мы не вместе? Слушаешь такие песни и думаешь: ну что же ты, бедный, маешься, кого обманываешь? Или как там: «На дальней станции сойду, хлеба по пояс...» Сойти-то сойдет, да только с обратным билетом в кармане — встречным поездом и отчалит с этой дальней станции через денек-другой, вот и вся любовь...»

Говорил Митя горячо, задиристо, и чувствовалось, что этот вопрос тревожит его всерьез, давно, как и судьба родной Половины. Любовь должна проявлять себя — поступком, действием, разве не так? Прав Митя, что ему возразить? Но подумалось и о том, что эта песенная любовь не всегда не искренна, не всегда игра, есть в ней и немало горечи. Пришла — но поздно! Уже боязно круто повернуть свою жизнь, что-то изменить. Но кричит запоздалая любовь, кричит сильнее, чем первая: та в радость, эта — в муку. Эта — горяная, как говорят на Вологодчине.

Знаю и другое: отнюдь не по-песенному, а вполне серьезно многие горожане, выходцы из села, едут сейчас в деревню. Вот и социологи, вовсю заговорив о возвратной волне, обнадеживают: изменили направление качели миграции в сторону деревни. Но тут непременно нужно уточнение: куда именно едут? Туда, где стоят, как на выданье, новенькие коттеджи с асфальтом у калитки, где и трудовой день можно строить по городскому распорядку даже в горячее время (народу-то хватает!), и, спрашивается, чего же не ехать, коль все городские удобства щедро дополнены деревенски-

ми благами? Но как быть с Половиной, ей-то что делать? Ей, типичиой, обыкновениой, ничем не выделяющейся?

Но стоило лишь увидеть Половину, как печальные мысли отпустили — словно награждает деревушка за долгий и нелегкий путь к ней. Что за чудо дома в Половине! Белооконные пятистенки, веселые, иарядные, ладные да высокие, с мезонинами, словио взбежали на взгоркн по обе стороны улицы, да и замерли в изумлении: выбирайте, мол, кто красивее? Бегут стройные ряды палисадников непременно с калиной красной, с березами да елями. Короток зимний северный день — уже часа в четыре засветились окна домов, потянулись к небу дымовые султаны — затопили хозяйки печн. Кстати, электричество появилось здесь всего-то тринадцать лет назад — вот ведь какая глубинка. Но зато сегодия в каждом доме телевизор и стиральиая машина, иные необходимые в быту предметы — от елочных электрогирлянд до электробритв. В каждом доме начищенные до блеска самовары (многие могли бы занять почетное место в музеях) дружелюбно соперничают с электрочайниками. Невозможно представить быт Половины без чая («Ох и хорош цаекто»,— говорят здесь: и перед завтраком, и перед обедом, и перед ужином надо вдоволь чаю напиться и только потом — за еду. А над особенностью своего говора с цоканьем сами и подшучивают: «Половинская девчоночка — цево, цево, цево? Процевокала миленочка, больше ницево»).

В каждом доме чистота, порядок, уют: славятся половинские хозяйки своей домовитостью. Вышитые полотенца, скатерти, кружевные накидки — салфетки н обязательно домотканые дорожки: не уступят городским коврам ни затейливостью узоров, ни богатством красок. К тому же, как с гордостью подчеркнет каждая хозяйка, все иастоящее, без всяких там химий. И в каждом доме пахиет сосиой и хлебом. Пятистенки в Половине рубят нсключительно сосиовые — н дерево крепкое, надежное, и для здоровья самое полезиое, и если в этом все похожи, то хлеб каждая хозяйка печет по-своему, у каждой своя особая закваска. И десятилетний Андрейка Селяков, отломив ломоть от аппетитного, румяного каравая, авторитетно замечает: «А хлеб-то, мамка, ие твой», в ответ на что Мария Афанасьевна согласно кивает головой: ранее поутру соседка принесла горяченький, прямо дышащий жаром хлеб, ну а Мария Афанасьевна завтра будет печь, в долгу не останется.

Хлеб пекут нз ржаной муки, «темной», а белая, «тридцатка», в дефиците. Впрочем, у каждой хозяйки найдется, конечио, и белая, только расходуют ее бережливо, с оглядкой: припасена для праздничных пирогов. А вот в городе муки вдоволь, нет-нет да н заметят: прнезжают оттуда с гостинцами, среди которых почетное место занимает мука. Что же поделать, тут же рассмеются: сапожник, как известно, без сапог.

Под стать домам — н хозяйственные постройки, тоже в два яруса. Верхний заполнен сеном, в нижнем — н корова, и бычки, и поросята, и овцы. Подворья у всех богатые — держат скот и для себя, и государству сдают. Ну а как не держать, когда кругом такое приволье — луга, леса, травы в рост человека, поднимаются как на опаре. Как же не быть изобилию кушаний на столе — н в

будни, и в праздники, когда все свое — от домашней сметаны (ножом не разрезать), топленого молока иль холодца до соленых груздей! Кстати, у жителей Половины в цене еще белый гриб да «еловики» — рыжики, а все остальные — лисички, подосиновики иль подберезовики внимания не привлекают: чуть ли не мухоморы. С недавних пор появился в Половине новый деликатес — сало копченое. Селяковы, Мария Афанасьевна и Михаил Васильевич, соорудили во дворе дома коптильню, ничем не примечательное внешне сооружение: бочка да кирпичи под ней. Ну а сало получается отменное, во рту тает — вся деревня то засвидетельствует, да и соседние подтвердят.

Как женщины в Половине не только хозяйки знатные, но и рукодельницы искусные — шьют, и вяжут, и вышивают, так и мужчины не уступят им в талантах — каждый и дом поставит, и печь сложит, и колодец срубит, и за трактором чувствует себя не менее уверенно, чем на лошадке (в Половине и своя конюшня имеется — в радость детворе, в помощь взрослым). Как и положено настоящим мужчинам, женщин берегут (хранят, говорят в Половине), никакой работы не чураются — и корову подоят, и печь истопят, и хлеб, коль потребуется, испекут, а такого, чтобы жена работала, а муж отдыхал, в Половине не увидеть. В общем хоть и пытаются молодые откусить от свадебного пирога каждый побольше (кто больше, тот, согласно шутливой примете, и будет править в семье), но живут все дружно, уважая друг друга. Семьи здесь счастливые, а они, как известно, похожи друг на друга.

Похожи и миром-ладом, и шумным гомоном ребятишек. Молодым на свадьбе желают: «Сколько в лесу пенечков — столько будет сыночков, сколько в лесу кочек — столько будет дочек, а если муж — не разиня, жена будет мать-героиня». Надо заметить, что пожелания эти сбываются: что же это за семья, когда мало ребятишек? Семья — так это по крайней мере семь «я», а лучше, когда больше. Лучше, когда, как у Федосьи Николаевны и Ивана Васильевича Селяковых (в Половине Селяковы — через дом), десять детей, и шесть сыновей стали, как и отец, механизаторами. На передовом счету в колхозе: до работы горячие, въедливые.

Припорошены снегом нарядные еловые веточки на доме Селяковых, под самой крышей: значит, дом ждет своего солдата. Точно, осенью проводили в армию Петра. Такие же веточки на доме других Селяковых — Марии Афанасьевны и Михаила Васильевича: служит на Дальнем Востоке военный моряк Владимир Селяков. «Мама,— написал он в одном из писем,— пришли фотографию нашего дома...» И снимок белооконного пятистенка срочно полетел на Дальний Восток... Провожает Половина своих сыновей на армейскую службу, наказывает: «Не подводите деревню». Не подводят: летят в Половину благодарственные письма родителям за добрую службу их сыновей. Нельзя подвести, коль такой закон у половинцев: за что бы ни взялся — делай это хорошо.

Девяносто три жителя в Половине, а сколько трудоспособных? Столько же и трудоспособных, смеются,— у нас все работники знатные. Вот, например, недавно мелиораторы сдали поле, двадцать пять гектаров. Посмотрели, изумились: не поле, а выставка

камней да пней. Через иеделю поле было ровненькое, хоть скатерку иакрывай.

Сеиокос, конечио, особое событие, два летних месяца вся деревня только им и живет. Городские специально свой отпуск планируют к сенокосу — не опоздать бы! Извлекаются из комодов старинные сарафаны с кофтами (работать в них и удобио — ие жарко, ведь чистый лен, и иарядио, под стать настроению), и пошла работа с песнями, с молодым задором, с удалью незабытой. Каждая семья иакашивает центнеров по двести сена, зарабатывая за эти два месяца рублей по 700—900. Тут же и ребятишки крутятся, уже во всем иезаменимые помощники: и граблями ловко орудуют, и грибов насобирают, иасушат, и дома за хозяйством прнсмотрят, сделав все ие хуже взрослых.

Половинцев приходится один иа восемь трудоспособных в других деревнях, а дают третью часть всей колхозиой продукции. Откармливают здесь двести бычков иа ферме, имеется и свиноферма, сеиа только для общественных нужд заготавливают за двести тонн, снабжают дровами весь колхоз, хлеб растят, сдают государству мясо, молоко, шерсть с личных подворий.

«Я иадену бело платье, буду в нем красавица, пусть лентяи не подходят, пока не исправятся»,— задорно выбивает каблучкамн черноглазая Таня Селякова. Подружка иезамедлительио вторит ей: «Вересиночку колючую в руках ие удержать, стал миленок отстающим, я ие стала уважать». Так что воспитание здесь ведется на всех уровнях, и надо ли объяснять, отчего в Половине н впрямь ие найти леиивого, отчего все здесь делается дружно, сообща, так, чтобы не стыдиться за свою работу. Если и спорнть — то только умением н мастерством. Закон простой: работать так работать!

А веселье — так веселье! Хороши в Половине праздиики — и общие, всенародные, и местного значения, те же проводы в армию, свадьбы, круглые даты. Обязательио готовят квас, ои здесь особенный, нзо ржи. Готовить его — целая иаука: рожь надо и замочить, и иагреть, и точно выдержать сроки, чтобы удался квас и вкусом, и цветом. И конечио, чтобы вся деревня вдоволь его отведала. А потом н попляшут, и споют так, что нз соседних деревень гости примчатся. Веселье — так веселье. И Федосья Николаевиа, мать-героиня, уже бабушка семерых внучат, принарядившись в старинный костюм, раззадорившись, как и ее подругисверстницы, пошла отплясывать так, что половицы — иа что уж крепкие — подпрыгивают. Нет, не согнулись плечи ни от работы, ни от невзгод — статная да гордая своей походкой, а весельем молодым ие уступит. А то полетит песня, и голоса, подстраиваясь друг к дружке, вдруг отдадут такой затаенной печалью, что еще чуть-чуть, н, кажется, иатянется душа до своей последней струнки. Нет ничего печальнее, когда о чем-то невыразимо грустном, горьком поют так, как в Половине,— с легкой, едва скользящей в уголках рта улыбкой, все понимающей н прощающей. Но тут же кто-то прикажет: а ну-ка, не горевать, бабоньки, и опять гармонист иастроится на веселую дробь...

Половинцы, половинцы... Иль надо о всей деревне рассказывать, иль о каждом отдельио. Потому что каждый здесь чем-то выделяется, у каждого — свой талант. Один на гармошке играет

так, что ноги хочешь не хочешь, а уже отплясывают, другой печь сложит такую, что и внуки добрым словом вспомнят, третий любую поломку устранит в тракторе, четвертый так умеет стожары ставить, что только ему и поручают. Вот Иосиф Данилович Жиганов, бравый солдат-сапер: в День Победы сияет на его праздничном пиджаке орден Славы, несколько медалей «За отвагу», а дома хранятся восемнадцать благодарностей от Верховного Главнокомандующего. Но не припомнят в Половине его рассказов о боевых подвигах, зато хорошо знают другое качество бравого солдата—безотказность. Где трудно—там Жиганов: место солдата—на передовой, а она есть и у мирного времени. Например, сложилось в колхозе трудное положение в животноводстве—Иосиф Данилович сам попросил направить его на ферму и, пока дело не пошло на лад, дневал и ночевал там. Вот друг его закадычный, Федор Николаевич Селяков, тоже фронтовик, тоже наград с лихвой. Любую работу поручи ему—сделает безукоризненно. Потому и незаметный, что все у него идет споро да ловко (это ведь плохое всегда в глаза бросается, а когда все хорошо—вроде так и положено). А вот Саша Карачев, боевой, задиристый характером тридцатипятилетний половинец. И печь сложит, и колодец срубит, и дом поставит—все умеет. Подрастают у Саши четыре сына, дочка—крепкая, настоящая крестьянская семья. Но знаменит Саша все-таки тем, что может срисовать любую картину, и тем еще, что заядлый книжник: хоть и богатая в Половине библиотека, а Саша уже по второму кругу берет книги.

В том и особенность Половины, что каждый здесь — личность, характер, что никто нз половинцев не растерял, не растратил себя в суете ли, мелочности, праздности, н о каждом можно сказать: человек с достоинством. Здесь действует своя шкала ценностей, точно, без погрешностей, н лучшее противоядие от праздности — вот такая трудолюбивая, насыщенная жизнь с ее неотложнымн, иеобходимыми заботами каждого дня. Все это с первых дней постигают и дети, впитывая вместе с чистым воздухом, красотой лесов н полей вечные истины: люди сильны друг другом, сильны добротой, а умеине трудиться — вот тот прочный оселок, стержень, на котором замешан человек. Пусть у каждой хозяйки своя закваска для хлеба, главное — то, что хлеб вкусен.

По всей стране работают половинские детн — летчики, геологн, авнаконструкторы, строители, рабочне, многне, отслужив в военно-морском флоте, связали свою судьбу с морем. Как тот же Толя Селяков, сын Марии Афанасьевны: поживет неделю на мурманском берегу, опять уходит на месяцы в море. Большая Половина, детн ее всюду, но главное, что держат марку Половины, не подводят своих земляков. И существуют крепчайшие, пусть и внешне невидимые, нити между затерявшейся в лесах деревушкой и ее детьми.

И все же, н все же... Вот ведь как вышло: разбежались по жизни друг от дружки — дети от родителей, брат от брата, сестра от сестры. Жили б одним семейным кустом — куда как лучше. Да разве не сами выпроваживали детей, разве не сами себя наказали?

— Так-то оно так, дочка,— сказала Матрена Егоровна Селякова,— да только нет в том вины нашей. Вышла ошибка, а мы, знать, ответ за нее держим.

Ошнбка нзвестная. Было время — объявили Половину неперспективной. В однн из дней прибыли сюда серьезные представителн, походили по деревне, обошли дворы, собрали половинцев: так, мол, н так, деревня ваша неперспективная. Старики-то и не поняли сразу, обиделись, всполошились: какне мы дефективные? Ну, вскоре это непривычное новое слово сталн без запинки выговаривать, только вот тревогой пробежало оно по каждому дому. Вся молодая проворная сила и умчалась тогда за перспективой в город, ну а деревушка не согласилась с прнговором, выстояла. Вон ведь какая веселая да ладная — разве просто ее закрыть? Так же неугомонно трудилась, веселилась в праздники, хоть н поредели ряды половинцев, а лица матерей погрустнели морщинками от тревожной думкн: как-то там дети?

Детн не пропали. Ведь если у человека с детства крепкая основа, если приучен прочно на ногах стоять, а руки знают и уважают любую работу, ему везде рады. («Сам хорош — и тебе хороши»,— говорят в Половине.) Обзавелись уже семьями, прнобрели разные городские специальности, получили квартиры — все у них удачно. А в письмах — какая-то беспокойная смута: мол, конечно, в городе легче, а все-таки в деревне лучше. Мол, хорошн асфальтовые удобства, ио куда им до той же деревенской баньки? Коль так, рассудили в Половине, возвращайтесь!

Потихоньку н засобнрались сыновья домой. Это н хорошо, вновь решила Половина, что другие места повидали,— иначе как понять, что такое Половина? Как нзвестно, нет худа без

добра — и такое объяснение существует. Главное, что деревушка стоит, что не пропала. Сегодня в каждом третьем доме — жених, и каждый парень завидный. Но на двенадцать женихов... три невесты. Вот и новая головоломка: как быть? Опять впору поговорку вспоминать: одну ногу вытащишь, другая увязла. Ведь уйдут парни за невестами, уйдут. А в родительский дом привести молодую жену — так работы для нее нет в Половине. Ферма была в соседней деревне Крутое — ликвидировали («Крепкая постройка — бульдозером еле-еле справились»,— и с гордостью, и с горечью рассказывают старики), на почте, в библиотеке, в магазине, в школе вакансий нет, все занято. А могла бы Половина давать продукции в несколько раз больше; сейчас на ферме откармливают двести бычков — можно хоть тысячу — разве нечем прокормить на таком-то приволье? Вот здание бывшей конторы пустует — разве нельзя поставить здесь швейные да вязальные машины, разве чтобы шить да вязать обязательно городская фабрика нужна? Издавна Половина славилась рукоделием, а какие свитера, кофты, варежки получаются из деревенской шерсти: что там парижские моды, и не сравнить! Ну а летом на всех работы хватит, колесом идет, дело известное.

— А вот еще,— напоминает бригадир Иван Васильевич Селяков,— лет пятнадцать назад было специальное решение: создать трактор, удобный для работы на нем женщин. Может, изобрели?

— Нет, так и не изобрели,— отвечаю я отчего-то виновато. Не оттого ли, что понимаю: не видим мы конкретную Половину, с ее конкретными, такими жизненно необходимыми потребностями, не помогаем ей никак: то пытаемся предрешить ее судьбу какими-то искусственными, скоропалительными решениями, то напрочь теряем к ней интерес. Ведь с такой же энергичной решимостью, с какой сейчас строим новые села и целые агрогорода, надо помогать Половине: не соперники старые и новые села, напротив, гармонично дополняют друг друга. Нет ничего проще сломать, разрушить, закрыть (какое привычное для деревни слово — «закрывают» школы, почты, медпункты, целые деревни) — взамен-то что? Я вспоминаю замечательные слова вологодского писателя Василия Белова, часто бывающего и здесь, на никольской земле: «...все мы так изумительно научились оправдываться невозможностью рубить лес без щепы и ограничивать борьбу за новое всего лишь разрушением старого. Чтобы разрушить, всегда требовалось меньше ума, чем сделать новое, не разрушив того, что уже было. Ах как любят многие из нас разрушать, как самозабвенны, как наивно уверены в том, что войдут в историю. Но ни один хозяин не будет ломать старую избу, не построив сперва новую, если, конечно, он не круглый дурак. Ведь даже муравьи строят новый муравейник, оставляя в покое прежний, иначе им негде будет укрыться от дождя».

Отчего — не давала покоя мысль — такой странный отсчет — от обратного? Раз нет дороги, раз далеко деревня — так не дорогу сюда вести, не жизнь здесь благоустраивать или те же подсобные промыслы для девчат организовывать — нет, деревню закрыть. Ну закроем в конце концов — что с землей, с этими полями будет? На вертолете будем работников доставлять?

Как-то половинские парни посоветовались между собой и

обратились к председателю Никольского райисполкома В. Корепину с таким предложением: «Дайте строительные материалы — сутками не будем спать, а дорогу построим». Что мог ответить Владимир Александрович? Просьбы никольцев о развитии дорожного строительства уже давно притча во языцех во всех областных и центральных ведомствах. «Эх, ребятки,— только и сказал Корепин,— наберитесь пока терпения, обязательно добьемся. А за предложение ваше — огромное спасибо». И вскорости в который раз поехал «пробивать» и опять вернулся ни с чем, с привычным ответом: нет материалов, нет фондов. Мол, объективные трудности — и все тут.

Нет, не все. «Глубинка» — понятие географическое — имеет и обидный социальный перевод — «глухомань»: ни проехать ни пройти. И если подсчитать все убытки от бездорожья — двойным слоем асфальта можно было бы покрыть не только дорогн до всех Половин, но и все сельские улицы. По данным специалистов ГипродорНИИ, ежегодно сельское хозяйство страны теряет только из-за бездорожья почти семь миллиардов рублей. Хорошая дорога — это миллионы рублей экономии от правильной эксплуатации автомобильного парка, всей сельскохозяйственной техники: более половины тракторов используются в распутицу для буксировки машин и доставки грузов. Бездорожье неизбежно порождает немало трудностей в медицинском, бытовом, культурном обслуживании деревень — и это давно известно. Непонятно другое — кого надо в этом убеждать? Но может, действительно дефицит материалов, фондов? Однако находим мы асфальт и все остальное для городских улиц и дорог, каждый кусочек которых многократно и тщательно заасфальтирован. Может быть, просто надо поделиться городу с деревней и материалами, и фондами, а речь скорее надо вести о другом дефиците — внимания к этой проблеме.

Вспоминаю недавнюю поездку в Курскую область, районный городок Суджу. Стоят здесь четыре асфальтовых завода, похожих друг на друга как близнецы, а о работе их можно сказать кратко: дымят по очереди. Каждый заводик имеет свой управленческий аппарат, свое ведомство, на каждом не хватает рабочих рук и хронически низка производительность труда. Картина типичная — вот в чем дело. Распыление сил, средств, ведомственная путаница — разве это объективные причины — трудности? Ведь давно ясно: селу нужна единая дорожная организация, которая взяла бы в свои руки все заботы о сельских дорогах. И тогда вместо так называемого дефицита будет порядок, учет, контроль,— значит, будут дороги.

Как ждут дорогу в Половине! Ведь и девчата могли бы работать на центральной усадьбе, а жить в Половине. Тогда бы и детей не надо было отдавать на целую неделю в школьный интернат — кого из родителей это радует, скажите? Да к тому же и люди все сегодня состоятельные — машину может купить каждая семья. Смотришь, и автобус был бы до райцентра — сколько проблем исчезло бы. Расцвела бы Половина — вот что такое для нее дорога.

Конечно, не привыкать Половине отдавать, а все же надо и о Половине всерьез, по-хозяйски задуматься, позаботиться. Такие

вот Половины — их действительно десятки тысяч в России — и есть наши истоки, наше прошлое, настоящее, будущее. Надо их не потерять. И это не возврат к патриархальной деревне: Половина — плоть от плоти нашего времени, нашей страны. Истоки ведь потому и истоки, что дают начало, отсюда — сила всех и вся. И реализм именно в этом и состоит — в умении и агрогород построить, и Половину сохранить. Именно в этом.

...Настал день отъезда из Половины, день прощания с ее хлебосольными и гостеприимными жителями, умеющими не унывать, не жаловаться на трудности, которых, что там говорить, хватает. Как многому можно научиться у половинцев! И ведь в общем-то просты и давно известны истины, которым следуют половинцы, но самая главная тайна, наверное, заключается не в истинах — тут нет ничего нового,— а в умении им следовать: половинцы владеют этой наукой в совершенстве.

Казалось бы, случайно сюда занесла судьба — да вот стала Половина родной, и теперь трудно уехать отсюда. То ли вообще есть такая особенность у человека — крепко прикипать к новым местам, то ли у Половины такая особенность — нельзя ее не полюбить. Рассказывали: как-то заблудились в здешних лесах москвичи — лыжники (приехали в Никольск в отпуск), вышли к Половине. Отогрелись, чайку напились от души, отведали всяких половинских кушаний — и уехали вскорости. Но летят в Половину к каждому празднику поздравления от тех лыжников, а в одном прямо объяснились в любви: мол, много деревень видели, а вот Половину забыть невозможно. Чувствую, и меня ждет такая же участь.

Выехали под вечер. Где-то километра через два машина остановилась, и по встревоженному лицу Мити Селякова было ясно: поломка надолго. Митя уже не произносил обвинительные речи бездорожью, а с угрюмой сосредоточенностью стал колдовать с двигателем. Ну а мы с Юрой Карачевым отправились пешком до Ильинского, центральной усадьбы колхоза. За десять километров дороги о чем только нельзя переговорить! Весело было идти среди лесов, в этой звенящей, каждым шагом откликающейся тишине, и с каждым шагом словно прибавлялось и силы, и уверенности в себе, словно все становилось на свое место, отделяясь от шелухи, напускной сложности. Лес никогда не бывает молчаливым: вот прокричала какая-то птица («Рябчик, их здесь много»,— заметил Юра), вот вдруг застучал дятел, встревоженно и впопыхах («Это же надо,— изумился Юра,— не дятел, а гибрид с совой, по ночам работает»), вот пробежала по веткам белка, и с могучей сосновой лапы посыпался снег. «Тишина-то какая»,— с удовольствием заметил Юра.

Он же рассказал одну интересную историю. Недалеко от Половины, километров за семь, стоит в лесу деревня Каменка. Когда-то была многолюдной и крепкой, ну а потом, дело известное, и ее объявили неперспективной. Жители кто куда — и осталась в деревне одна семья, Корепины Василий Иванович и Александра Ивановна. Обоим уже за семьдесят, но никакой силой нельзя их уговорить переехать ни к детям, ни в другую деревню. И делегации приезжали, и как только их агитировали — ведь оба люди заслуженные, всю жизнь отдали колхозу, а Василий

Иванович и фронтовик, ветеран войны, и до сих пор колхозу помогает, работает, но старики ни в какую: «Пока мы здесь — жива деревня».

— Вот так и охраняют деревню,— заключил Юра.— Вот у кого надо учиться стойкости и верности.

Я знаю, Юра уезжал из Половины, работал на стройках Ленинграда, и хорошо работал, доказательство чему — благодарности в трудовой книжке. И квартиру обещали, и, казалось бы, разве сравнить жизнь в Ленинграде и здесь, в Половине, да вот в один день словно прозрел: надо ехать в Половину. Надо — и сразу все вокруг показалось неинтересным, скучным, будто самое важное то, что в Половине. Так вот и вернулся. И другие половинские парни тоже повторили этот путь.

Видно, надо досыта налетаться в блестящих, звенящих лайнерах, наслушаться шума людей, грохота строек, надышаться асфальтом разных городов, чтобы в один совершенно будничный день за сотни километров в грохочущем шуме вдруг услышать хрупкую тишину никольских проселков и явственно ощутить тягучий хвойный настой леса ли, отчего дома. Чтобы впервые услышать красивое слово «стожары», знакомое и привычное с детства, будто впервые увидеть несколько ягодок замерзшей красной калины, что у родного порога. И чтобы по-хозяйски степенно и уверенно выйти на крыльцо, откуда всего два шага до леса, знакомого каждым деревцем, каждой тропинкой, каждой выемкой. Видно, есть и такой закон в жизни: чтобы найти, надо потерять. Не лучший, конечно, и не самый удобный, но зато верный путь — обретения через потери.

Порывистый, какой-то клочковатый ветер утих — медленно, словно сомневаясь, повалил снег. Он все увереннее набирал скорость — и, казалось, эта белая шальная круговерть — не только над дорогой, над лесами, но и над всей землей. Кружит вьюга и над Бобришным угором, что совсем недалеко отсюда, где стоит дом Александра Яшина, талантливого писателя и поэта, честного, смелого человека. Каждый год Бобришный угор встречает гостей — сюда приезжают писатели, поэты, художники на день поэзии, приходят сельчане — и те, кто знал Яшина лично, и юное поколение,— здесь многолюдно, празднично.

Так было не всегда. Помнит Бобришный угор и другое: время сомнений, тяжелых раздумий писателя, больших передряг в его жизни,— и Яшин приехал тогда сюда, на Бобришный угор, и, как вспоминал потом, земляки, все никольчане «поддержали, спасли». Спасибо отчему дому! Бобришный угор, Половина ли, как бы ни называлась твоя родная сторона,— главное, чтобы она всегда была, а ты не посмел ее подвести, слукавить перед ней, сделать что-то постыдное. Главное, как точно заметил в своем письме и Леонид Селяков,— не провиниться перед ней. А вьюга кружила и кружила, и, пока мы шли, мелькали окрест светящиеся, такие заманчивые в метельной завирухе окна домов, каждый из которых для кого-то — отчий...

ЛЕОНИД ПОЧИВАЛОВ

ГАЛЕТЫ КАПИТАНА СКОТТА

Документальная повесть

Однажды утром я раскрыл только что полученную газету и обнаружил в ней очерк автора, которого читаю всегда с охотой. Оставив дела, проглотил и это залпом. И не только по той причине, что автором был Василий Песков. Еще и потому, что писал он об Антарктиде. Уже на втором или третьем абзаце очерка похолодело сердце, словно иглой пронзила его антарктическая стужа. Погиб человек! Еще один! Вдруг всплыл в памяти суровый облик крошечного островка в море вблизи Мирного. Среди диких скал возвышались сложенные из щебня холмики — под ними лежали те, кто не вернулся.

Еще один... Теперь это был Алексей Карпенко.

Пожар на внутриконтинентальной антарктической базе Восток! И очередная жертва в длинной череде тех, кто отдал жизнь Ее Величеству Терра инкогнита, Неведомой земле. После пожара, уничтожившего электростанцию, от которой зависело само существование, шестнадцать человек, блокированных в самом неприютном месте на свете, выжили, выстояв даже перед кошмаром восьмидесятиградусного мороза.

Те, первые пятеро, выстоять не смогли. За судьбу этих шестнадцати на Востоке тревожились не только на советских антарктических станциях. Ломали голову многие: как помочь в беде, хотя помочь в это время года было невозможно. Но пленников ледяной пустыни по крайней мере связывала с миром вселявшая им веру в себя хрупкая ниточка радиоволны.

Жизни тех пятерых, захлестанные белой мглой пурги, погасли, как робкие светлячки. И никто на свете не знал, где они и что с ними. Их жизни стали первым векселем, который Антарктида предъявила людям к оплате за любопытство и гордыню. После

тех пятерых оказались сотни, которые тоже не вернулись к берегам зеленой земли. И вот еще один...

Дорога путешественника почти всегда дорога подвижничества. Поиск в пространстве таит в себе риск. И греческие парусники, безвозвратно уходившие за пределы Геркулесовых столбов в открытый океан, и вернувшаяся на землю из подзвездного пространства кабина космического корабля с тремя бездыханными космонавтами... Все они в одной череде. Веками, тысячелетиями человечество платило самую высокую цену за право узнать свою планету, свой собственный дом во Вселенной. На протяжении нашей истории ничто не вдохновляло так молодые сердца, как поиски неведомого, лежащего там, за горизонтом. Сколькими прекрасными книгами обязана мировая литература этой извечной человеческой потребности в дороге, куда бы дорога ни вела — лишь бы была неведомой и трудной — в океан ли, в пустыню, на вершины гор или в чащобу джунглей. Великая нравственная сила мировой литературы всегда заключалась в том, что она активно пособляла человеку в освоении Земли, потому что искала героев прежде всего в идущих, которым дано осилить дорогу, которые мужеством, упорством, верой в себя возвышают человека среди ему подобных.

Странным образом стечение обстоятельств соединило меня с именами самых первых погибших в Антарктиде. Наверное, эта история начинается с того давнего дня, когда однажды мне в руки попала книга, вышедшая в Москве вторым изданием,— «Последняя экспедиция Р. Скотта». Немного знал я тогда об истории гибели пятерых англичан. Эти крохи знаний эмоционально окрасил взволновавший меня в юности небольшой рассказ Паустовского «Соранг» — о скоттовской экспедиции, ставший одним из моих самых любимых рассказов. Прочитав изданные дневники путешественника, я был поражен еще больше — в этот момент в мою жизнь навсегда вошел человек, воплотивший в себе образец великого мужества и благородства. Особенно потрясали последние страницы дневника и последняя в них строка: *«Ради бога, не оставьте наших близких»*. Мне казалось, что с этой мольбой он обращается и ко мне и что я тоже в ответе и за родных и близких погибших, и за дело, которое погибшие начали, и за память о них, которую они оставляли нам в наследство.

...Всего в двадцати километрах от базы, где путешественников ждало тепло и пища, капитан английского флота Роберт Фолкон Скотт, почти придавленный провисшим от снега брезентом палатки, под сатанинский вой пурги коченеющей рукой писал прощальные письма своей вдове, вдовам лежащих рядом еще живых товарищей — женщины станут вдовами через час или два. Скотт утешал тех, кого они оставляли, и в этот роковой час находил самые прекрасные, самые значительные слова, чтобы рассказать о мужестве и стойкости своих товарищей.

Увы, им не повезло! На обратном пути с Южного полюса, преодолев многие сотни тяжких антарктических километров, не смогли преодолеть последние двадцать. Они умерли по-солдатски, стойко, как подобает людям долга и чести.

Гибель английской антарктической экспедиции, последние дневники ее начальника, о которых Паустовский в пылу почти юношеского восхищения написал, что перед ними вся литература выглядит праздной болтовней, произвели в свое время огромное впечатление. Скотт и его товарищи стали национальными героями Англии, и не только Англии.

Начало двадцатого века было озарено целым созвездием блестящих имен людей, продолжавших поиск неоткрытого на земле, на воде и в воздухе,— русские Седов и Русанов, американцы Пири и Линдберг, поляк Нагурский, норвежцы Нансен и Амундсен, итальянец Нобиле... В этом созвездии занял свое место и Роберт Скотт.

* * *

Английский путешественник вошел в мою судьбу. Я стал интересоваться всем, что связано с Робертом Скоттом, прочитал все, что мог достать о нем в московских библиотеках. И вдруг совсем неожиданно установил происхождение жизненного лозунга героев В. Каверина из «Двух капитанов», одной из любимых книг моей юности,— «Бороться и искать, найти и не сдаваться!». Видимо, и на Каверина в те годы произвела, не могла не произвести, впечатление история трагической гибели Скотта, может быть, даже в какой-то степени повлияла и на фабулу романа, на высокий дух романтики, поиска и нравственной чистоты «Двух капитанов». *«Бороться и искать, найти и не сдаваться!»* Эти слова высечены на кресте из красного дерева, что стоит в Антарктиде на склоне вулкана Эребус. Поставили крест много лет назад в память экспедиции Скотта, а эпитафией взяли строку из поэмы «Уллис» английского поэта прошлого века Альфреда Теннисона, любимой поэмы капитана.

* * *

На делийском аэродроме Палам стояли два самолета, на которые индийцы взирали с удивлением — у самолетов непривычно оранжевые крылья и оранжевые хвосты, а на хвостах изображение неведомой здесь птицы — пингвина. На бортах надпись: «Полярная авиация». Надо же, в Индии и вдруг — «полярная»! Под моими подошвами асфальт мягок, как глина, сегодня в тени — плюс тридцать семь. В груди гулко билось сердце: на одном из этих самолетов я улетаю! В Антарктиду!

Это случилось декабрьским днем 1961 года — тогда я работал региональным корреспондентом «Комсомольской правды» в странах Юго-Восточной Азии и мой корпункт находился в столице Индии. Однажды позвонили из Москвы из редакции, передали: самолеты вылетают — готовься! А я уже давно был готов. Так я стал участником Первой советской воздушной антарктической экспедиции.

Трасса перелета была самой длинной в истории Аэрофлота — через Индию, Бирму, Индонезию, Австралию, Новую Зеландию, американскую базу в Антарктиде Мак-Мердо — в советский по-

лярный поселок Мирный на шестом континенте. Перелет оказался нелегким, с приключениями, рискованными ситуациями...

В маленьком, чистеньком, приветливом городке Крайстчерч на аэродроме нас встречали сотни горожан. Новозеландцы знают, что значит Антарктида. Она соседка их земли, между ними только океан, холодный и косматый от бурь.

На бульварах городка цвели липы, в южном полушарии было начало лета. На аэродроме наши экипажи готовили машины к последнему, труднейшему броску над океаном, а мы, участники экспедиции, без дела бродили по тихим, чуть согретым нежарким «южным» солнцем улочкам незнакомого городка. Во время перелета я подружился с корреспондентом «Правды» Юрием Гавриловым, рослым молодым человеком с удивительно мягкой, неизменно спокойной улыбкой надежного человека. Было интересно бродить вдвоем, на каждом шагу мы делали для себя удивительные открытия, большие и маленькие, в этом незнакомом окраинном мире и с благодарностью их принимали.

На одном из бульваров в пышном обрамлении старых лип увидели на гранитном постаменте — куске скалы — высеченного из белого мрамора человека. Он стоял во весь рост, решительно откинув плечи, готовый шагнуть в неизвестность, выставив вперед твердый широкий подбородок, и из-под мехового козырька шапки его затененные мраморные глаза, как живые, поверх деревьев, поверх черепичных крыш городка вглядывались туда, на юг, где лежала Неведомая земля. Это был памятник капитану Скотту. Здесь, в Крайстчерче, Скотт снаряжал свою последнюю экспедицию на ледяной континент, а из порта недалекого от Крайстчерча Данидина его судно уходило на юг навстречу неизвестности.

Мне вдруг снова припомнился грустный рассказ Паустовского «Соранг». Англичане добрались до полюса, надеясь ступить на него первыми в истории, но, подходя к заветной точке планеты, издали увидели на снегу брошенную палатку — оказалось, что незадолго до них полюс открыл Амундсен. Это была полная неожиданность, крушение давних честолюбивых надежд. На обратном пути лейтенант Отс отморозил ноги и, чтобы не быть обузой своим товарищам, ушел в пургу. Он оставил записку, адресованную женщине, которую любил. Послание не пропало, участник береговой партии экспедиции, нашедший трупы Скотта и его товарищей, русский матрос Василий Седых сумел отыскать в Шотландии ту женщину и вручил ей предсмертное письмо. В нем Отс вспоминал Шотландию, теплые дожди, летящие над землей подобно дыму, огни в сумерках, тяжелую воду гавани, соленый воздух мокрых осенних полей с неубранным клевером и их любимую старинную песенку:

Здравствуй, дом. Прощай, дорога!
Сброшен плащ в снегу сыром...

В ту ночь пришел к тем берегам удивительный ветер соранг, дующий раз в столетие из бесконечного далека, несущий откуда-то запах снега и экваториальных лесов, запах незнакомых стран.

Над Крейстчерчем висели белые ночи, ветер с океана был свеж и прохладен, нес в город аромат окрестных полей. Перед отлетом мы снова пришли на бульвар, где стоял памятник Скотту.

Я сорвал у памятника ветку с пахучим липовым цветом. Первый же прохожий изумленно вскинул брови: «У нас так не делают». Подошли другие. Я объяснил: «Через три часа улетаем в Антарктиду, это на память о зеленой земле». «В Антарктиду?!» Кто-то мне пожал руку, кто-то протянул еще одну ветку, побольше. Кто-то сказал: «Храни вас бог!»

* * *

Перегруженные запасами горючего самолеты с трудом оторвали колеса от последнего клочка теплой земли — у самого края взлетной полосы. В иллюминатор я видел, как навстречу ползли над океаном с юга из края льда серые, с плоскими днищами, тяжелые, как льдины, тучи.

Полет снова был тревожным, и снова нас ждали неожиданности. Прошли роковую «точку возврата», а так и не сумели связаться по радио с американской антарктической базой, где предстояла первая посадка на континенте. Тяжелой преградой вдруг встал непредвиденный метеосводкой почти ураганный встречный ветер.

В одно из мгновений тех томительных часов полета вдруг внизу в разрывах облаков разом проступили три цвета — синий, серый и белый: море, берег и снега на берегу за острыми клыками скал. Внизу было море Росса. Именно сюда много лет назад, во время Первой английской антарктической экспедиции, после долгого пути через океан, через «ревущие» сороковые и «неистовые» шестидесятые широты вошло «Дискавери», хрупкое суденышко капитана Скотта, чтобы робко приткнуться к этим негостеприимным берегам.

В Мак-Мердо, где наши самолеты садились для заправки, нас встретили, как обычно встречают в Антарктиде путешествующих, добром и заботой.

Я не ожидал, что две ветки, сорванные на бульваре в Крайстчерче, произведут столь сильное впечатление. Вскоре они оказались изрядно пощипанными: каждый хотел получить по листочку, этот чуть поувядший зеленый листок нес людям щемящий сердце аромат далекой родины. Но до конца обкорнать ветки я не позволил. Хотелось добраться до знаменитого креста в память экспедиции Скотта и положить к его подножию ветки липы с бульвара, где стоит памятник капитану. Ведь этот крест вроде надгробья над несуществующей могилой погибших путешественников. Вернее, могила существует, но, где именно она, уже никто в точности не знает, и найти ее невозможно: Скотт и двое его товарищей, дошедших до своего последнего привала, были похоронены в снегу на месте гибели, и метели давным-давно занесли снегами ледяной могильный холмик.

Однако поход к знаменитому кресту не состоялся. Вдруг представилась возможность добраться до мыса Армитедж, а это была редкая удача. Недалеко от Мак-Мердо на скалистом мысу сохранилась хижина, откуда Скотт с товарищами отправился в глубины Антарктиды и до которой на обратном пути так и не добрался.

* * *

— Армнтедж? Хотите взглянуть? — Никс вытягивает руку в сторону моря с таким видом, будто хочет показать, что это совсем рядом. — Могу проводить.

Еще когда только наши самолеты приземлились на аэродроме Мак-Мердо, встречавшие нас американцы настойчиво пытались заполучить хотя бы что-нибудь на память. Даже пластмассовые чашки в бортовой кухоньке ИЛа превратились в сувениры. Особенно неотразимое впечатление произвели наши меховые шапки-ушанки — у американцев таких не было. Один из встречавших решительно сорвал с головы легкую вязаную шапочку, протянул мне:

— Поменяемся?

Его рыжий бобрик горел на голове таким жгучим пламенем, что мог напугать любой антарктический мороз.

Я устоял. Мне, прилетевшему из Индии, шапка ох как была нужна! Американец огорченно щелкнул языком, снял варежку и, протягивая мне руку, представился:

— Никс!

Так я познакомился со славным американским парнем, великодушным здоровяком, немногословным, неторопливым; в каждом его слове, в каждом жесте проглядывала такая уверенность в себе, такая деловая обстоятельность, словно мы прибыли в гости лично к нему, а вокруг до самого горизонта простирается территория его фамильного ранчо.

На другой день Никс повел нас с Гавриловым к мысу Армнтедж. Курс туда он избрал напрямик, короткий, но несколько рискованный. Посему вручил каждому по бамбуковому шесту:

— Будете валиться в трещину во льду, постарайтесь опереться шестом о ее края. Купаться не советую. Вода холодная!

И вот мы идем. В руках у Никса тоже шест, только потолще наших. Он тычет им в снег и, если шест погружается глубже, чем положено, уводит нас в сторону.

— Ребята, не зевать! — покрикивает Никс временами. И шутит: — Мне скучно будет возвращаться домой одному.

Он заставляет идти строго по его следу. Оглянуться не дает. А нам, новичкам, все интересно! Вон целая ватага пингвинов торопливо семенит навстречу: знакомиться! Каждый в черном фраке и белой манишке, будто симфонический оркестр в полном составе опаздывает на концерт.

— Эй! Ты куда смотришь?! Если все же решил топиться, оставь на память шапку — она мне как раз по размеру.

Среди этих диких снегов Никс вполне уместен со своей круглой шотландской бородкой, неторопливой походкой знающего себе цену человека. Возможно, он немножко красуется перед нами, новичками, но, несомненно, человек бывалый. Механик, водил снегоходы в глубь континента, так что знает, почем фунт лиха.

— Никс, нравится тебе Антарктида?

— Льда многовато и отапливается плохо, но жить можно.

По каменистым склонам мы забираемся на мыс. С его вершины открывается такая перспектива, что дух захватывает.

Гладкая, до блеска вылизанная ветрами белая равнина, матовые спины ледников, за ледниками неправдоподобно синие, как театральные декорации, невысокие горные хребты, а за ними опять пустырь — и так на тысячи н тысячи километров.

— Сколько красоты пропадает зря! — усмехается в бороду Никс.

И вот наконец мы у цели. На днкой скале примостилась в одиночестве хижина. Четыре дощатые стены без окон, крутая дощатая крыша — все, что нужно, чтобы спасти тепло человеческой жизни в краю, где жизнь так беззащитна...

Доски одной нз стен оторваны, должно быть, ветрами, внутрн — до самого потолка серые грязноватые пласты годами спрессованного, превратившегося в лед крупнозерннстого снега.

Каждая деталь кажется значимой. Кусок поломанной нарты, расколотый надвое чугунный котелок, выглядывающий из-под валяющихся на снегу досок. К торчащей из стены перекладнне подвешена тушка поросенка. Со стороны, обращенной к дому,— целехонькая, отдает розовым, словно только вчера обстоятельный Отс прицепил ее со словами: «Вернемся и подзакусим на славу!» С другой стороны — нссушена солнцем, завялилась, но выгляднт съедобной. Пять десятилетий внсит здесь, столько провнсит еще, пока ветер не обгложет ее до последней косточки. Не гниет.

Никс сидит на камне в стороне и, попыхивая трубкой, молча, с легким смешком поглядывает на нас: и чего это они возятся в этой рухляди?

— Никс, ты знаешь об историн Скотта?

— Кое-что. Не повезло парню, хотел финишировать на полюсе первым, но его обскакал Амундсен.

Мы с Юрой находим острые дубовые щепы н принимаемся долбить слежавшийся в домике снег. Просто так. А вдруг?

Слонстые куски с хрустом отваливаются один от другого. Они похожи на забытый в холодильнике торт.

Бородатый, смуглый от загара, мощный, как каменная глыба, на которой сидит, Никс кажется сейчас похожим на Отса, мужественного друга Скотта, который в лихой свой час, написав прощальное письмо любимой, собрал последнне силы в нскалеченном теле, вышел из палатки в пургу, чтобы нзбавить от себя товарищей.

...Очередной удар щепы отзывается не снежным хрустом, а глухим тугим звуком: из-под отвалившегося куска снега торчнт угол железного ящика. Мы осторожно откапываем его. Не поржавел, просто потемнел от времени. На крышке еле различимая надпись: *«Глазго. 1910 год»*. С трудом вскрываем крышку. В ящике — галеты, их здесь не меньше сотни, каждая размером с пачку снгарет. Кажутся совсем свежими, только по краям чуть покрошились.

Я беру одну. На моей ладони желтоватый кусок сухого хлеба. Скрип снега под ногой в последнем шаге, еще одно отчаянное усилие мускулов, еще несколько затухающих ударов сердца, уходящая теплота безнадежно протянутой руки. *«Последней умирает надежда»*,— говорит старая мудрость. В этой галете утраченная надежда тех, кто не дошел до нее всего двадцать километров. *«Нужно бороться до последней галеты»*,— записал

Скотт в своем дневнике 14 марта, когда его группа, изнуренная холодом и голодом, уже потерявшая одного из своих товарищей, шла от полюса к морю. Оставались считанные дни, а потом и часы их существования на свете. ...Пальцы еле-еле сжимают карандаш. Не веря в великодушие его пославших, капитан по буквам выписывает последнюю мольбу к людям: *«Ради бога, не оставьте наших близких...»*

Вот что значит эта галета!

Мы с Юрой берем по паре галет, бережно завертываем в носовые платки и держим в руках, не доверяя даже карману.

— Сувенир?—не выпуская изо рта трубку, спрашивает Никс. В его глазах сквозит ирония.

— Видишь ли, Никс,—говорю я.—Это не сувенир. Это нечто другое. Один из тех пятерых, мне кажется, был похож на тебя, наверное, он слыл тоже отличным парнем. Он любил теплые дожди над Шотландией и мечтал о них, когда сквозь бураны шел с полюса. Он погиб от голода и холода где-то там, вон за теми горами... Это очень, очень горькая галета, Никс.

Никс, не торопясь, легкой морской развалочкой подходит к ящику, вынимает из него галету, внимательно ее рассматривает, подносит к носу—какова на запах, под его крепкими, привыкшими к металлу пальцами галета рассыпается на мелкие кусочки.

— Твердовата,—глядит на меня, на Юру.—И вы уверены, что эта черствятина сейчас что-то стоит?

— Стоит? Конечно! Ей цены нет! Это реликвия! Это память о Скотте, замечательном путешественнике. Его знают все. Ведь ваша американская база на полюсе носит его имя.

Под рыжими ресницами Никса пропадает надолго поселившийся там ленивый смешок.

— А как вы думаете, много ли здесь, в снегу, таких ящиков?

— Трудно сказать. Может быть, один, а может быть, и больше.

— Может быть, больше...—задумчиво повторяет он. Постукивает желтым ногтем по трубке, вытряхивая пепел.

— Смех, да и только,—он показывает свои крепкие зубы.—Вот уж не мог подумать, что здесь, в Антарктиде...

Бросает крошки от раздавленной галеты обратно в ящик.

— Если этот залежалый товар в самом деле может привести в умиление таких чудаков, как вы, то здесь под снегом может быть целое состояние.

Он оборачивается к Юре:

— Как думаешь, по пять долларов за штуку? А? Пойдет?..

Обратно мы возвращаемся тем же путем, и Никс по-прежнему идет впереди с палкой, тычет ею в снег—оберегает наши жизни.

— Глядите в оба, ребята! Здесь—дырка.

Снег слегка оплавило летнее солнце, и ледяная корочка звонко, как стекло, похрустывает под расчетливыми, но уверенными шагами Никса.

— Если почувствуете, что снег под ногами уходит, валитесь плашмя на брюхо и ползите в сторону. Главное, не трусить! А дальше я помогу. Со мной такое уже бывало.

Я смотрю в оранжевую спину Никса... Ах, Никс, и зачем ты только сказал те слова!

* * *

Они нам встретились на окраине поселка. Даже нздали по их походке можно было понять, что чем-то озабочены и заботы эти не простые. Впереди шагал массивный Борнс Семенович Осипов, командир АН-12, нашего второго самолета, который в перелете шел грузовым рейсом. Летчики направлялись в сторону аэродрома. Увидев нас, сдержали шаг.

— Развлекаетесь?—за вопросом пряталась насмешка.

— Да нет. Вот были на мысе Армитедж. Отыскали галеты...

Мы рассказали о неожиданной находке.

Осипов взял одну нз галет, подержал на просторной, как аэродром, ладонн.

— Надо же! Самого Скотта!—протянул галету обратно, н мне почудился в его тоне оттенок завнсти.—Повезло!

— А вы куда торопитесь?

— Отчаливать.

— Отчалнвать?!

Я знал, что экспедиция должна была задержаться на американской базе миннмум на трн дня,—н вдруг: «аннушка» улетает! Не пробыла здесь н суток. Нам невесело разъяснили: накладочка получилась, у горючего, которое на американской базе, не то качество, которое потребно нашим машинам.

— Нельзя на нем лететь?

А черт его знает! Вот мы и надумали попробовать.

Итак, грузовую «аннушку» посылают в пробный полет на Мирный. А вся экспеднция остается здесь.

— Возьмите нас!—вдруг попросил Юра.

Осипов исподлобья взглянул на него.

— Это рнск...

Осипов слыл молчальником, словами разбрасываться не любил. Но мне показалось, что был рад просьбе.

Мы побежали обратно в Мак-Мердо в наш дом за вещами.

Ветки липы отдали Никсу:

— Спаснбо за все! Вот тебе еще однн сувеннр. Ему тоже нет цены. По крайней мере здесь, в Антарктиде.

Никс повертел в руке увядшие, но все еще пахучие ветки.

— Если вам так прнспичило, ребята, я, пожалуй, отнесу нх к тому кресту.

* * *

Под намн Антарктида. Мы с Юрой счастливы: завершаем самый дальний в отечественной нстории перелет в числе самых первых.

Едва взмываем в небо из-под зловещей тенн вулкана Эребус н ложимся на курс, как Осипов, стянув с круглой головы дужку наушников, оборачивается ко мне—я стою за спиной его кресла—н, кивнув на слепящее солнцем стекло кабины, произносит:

— Вот где-то здесь они н лежат...

И мне сразу ясно, о ком он говорит. Значит, галеты произвели впечатленне н на него, бывалого полярного бродягу.

Я шагнул в соседний отсек, прильнул к стеклу иллюминатора. Даже сквозь густо-темные линзы защитных очков отраженные

ото льда лучи полярного солнца больно колют зрачки, словно глаза забило пылью. Безжизненная пустыня уходила к дымчатому горизонту, где белое постепенно превращалось в голубое и даже темной крупинки не было в унылом двуцветье. Где-то в этой вековечной пустыне погребенные под просторным саваном снегов спят вековечным сном Скотт и его товарищи.

Радист крикнул со своего места:

— Слышу Южный полюс. На волне — станция Амундсен-Скотт!

Темные глаза радиста радостно поблескивают, полные губы растянулись в долгой улыбке. Еще бы! Знакомые для радиста места! Андрей Капица, тогда еще молодой, но уже достаточно известный исследователь шестого континента, на борту «аннушки» добровольно исполнял обязанности радиста: он в совершенстве знал английский, а по всей нашей трассе радисту только с английским и работать. С полюсом у него личные взаимоотношения — А. Капица входил в состав Первой советской экспедиции на Южный полюс в 1956 году. Они добрались до «оси земли» после труднейшего похода на вездеходах, первого в истории похода, который начался от антарктического берега Индийского океана.

«Аннушка» после долгих часов честной работы благополучно «проглотила» над Мирным свой двадцать пять тысяч сорок пятый километр пути. Тяжелая машина с опаской коснулась колесами дорожки малопригодного для такой махины, скороспело сработанного «мирянами» ледяного аэродрома, увесисто, со скрипом во всех самолетных суставах попрыгала на не положенных для такой посадки буграх и ямах и наконец с последним рыком турбин замерла. Прибыли!

Через несколько дней в Мирном нам с Юрой пришла в голову мысль установить здесь полосатый дорожный столб со стрелками-указателями. Экспедиционный плотник выстругал длинный брус, дощечки-указатели выпилили из фанеры мы сами, сами же их раскрасили в разные цвета и сделали нужные надписи: столько-то километров до Москвы, столько-то до Ленинграда, Киева... Первой прибили табличку, которая указывала на Южный полюс.

Забегая вперед, скажу, что недавно, будучи в Ленинграде, я заглянул в Музей Арктики и Антарктики. Приятно было вдруг увидеть в числе наиболее приметных экспонатов привезенный из Мирного как предмет истории дорожный столб, сработанный и нашими руками, знакомый до гвоздя, вогнанного в него, — на стрелках-указателях я узнал собственный корявый почерк: *«До Южного полюса — 2617».*

* * *

Через два месяца на обратном пути из Антарктиды, снова отмеченном тревожными неожиданностями, наши самолеты задержались на крайнем севере Австралии в порту Дарвин.

В маленьком захолустном городке было безнадежно тоскливо и чудовищно влажно — люди захлебывались в собственном поту. В номере дешевой, но чистенькой гостиницы с пола я подобрал кем-то оброненный листок: *«Дорогой Джон! Я снова попал в*

этот комариный ад. Может быть, хотя бы здесь я найду свою удачу?»

Временами налетали на городок короткие, но тяжелые тропические дожди, картечью били в шиферные крыши, дырявили воду в заливе. На маленький местный аэродром прилетел из Европы самолет, доставил из Испании эмигрантов. В зал ввалилась шумная и суетливая публика, раскалывая дремотную тишину аэровокзала. Люди приехали на чужбину искать удачу.

Наконец-то нам лететь. Наш ИЛ казался давно обжитым родным домом. Я занял свое место у иллюминатора. Там, за стеклом, мокро отсвечивали крыши чужого города. И вспомнился еще один рассказ К. Паустовского — «Австралиец со станции Пилево» — о судьбе заброшенного в Австралию превратностями судьбы в дореволюционные годы русского паренька, который тоже на чужбине искал удачи и не нашел ее. Есть в рассказе такие слова: «Чужое небо и чужие страны радуют нас только на очень короткое время, несмотря на всю свою красоту. В конце концов придет пора, когда одинокая ромашка на краю дороги к отчему дому покажется нам милее звездного неба над Великим океаном и крик соседского петуха прозвучит, как голос родины, зовущей нас обратно в свои поля и леса, покрытые туманом».

* * *

Я был единственным членом экспедиции, который покидал борт самолета, не завершив до конца наш великий перелет через всю планету,— оставался в Дели, где был мой корпункт. Мне польстило, когда делийские журналисты объявили меня первым человеком, прилетевшим в Индию прямиком из Антарктиды. Засыпали вопросами. Рассказывая о путешествии, я, конечно, не мог не вспомнить о галетах капитана Скотта и показывал их журналистам.

Через несколько месяцев после моего возвращения из Антарктиды гостем в моем делийском доме оказался Константин Симонов. Он рассматривал мои экзотические приобретения, обратил внимание на фарфорового пингвинчика — мой «талисман»,— побывавшего в Антарктиде и защитившего меня от всех полярных напастей. К галетам отнесся с интересом особым: рассматривал, нюхал, даже отщипнул крохотный кусочек, попробовал на вкус. Кладя галету на место, вдруг нахмурился, глухо обронил:

— Вот она, доля человека! Даже в своем величии зависит он в конечном счете от куска обыкновенного черствого хлеба.

Однажды поздним вечером он мне позвонил по телефону:

— Что-то очень жалко тратить время на подушку, когда вокруг такое творится!— прокартавил в трубку.

— Что творится?

— Жизнь!

У нас быстро сколотилась небольшая компания полуночников. Решили ехать за город: добраться до затерянной в загородном лесу древней Башни любви, с которой по легенде кто-то когда-то бросился вниз.

В лесной темени мы с трудом отыскали эту одинокую башню, похожую на гигантский старый пень. Вспугивая летучих мышей,

невесть как взобрались по крутым скользким ступеням на ее плоскую вершину. Щербатые камни еще хранили дневное тепло, легкий ветер был насыщен запахами влажного тропического леса.

Мы лежали на камнях, наслаждались тишиной и покоем. Над купами деревьев на далеких облаках дрожало блеклое озерцо света — там был город, а над нами висели неправдоподобно крупные и такие близкие южные звезды...

На вершине башни пробыли почти до утра. Константин Михайлович, глядя на отблески электрического зарева чужого тропического города, читал стихи, свои и не свои и такие, которых мы не знали. Много было стихов о любви, и, казалось, их слушает старая башня, которая никогда не утрачивает тепло своих камней.

Когда ехали обратно, то всю дорогу живо обсуждали необычность сегодняшнего вечера, перед самым городом, утомившись, притихли. Симонов сидел впереди, рядом со мной. Вдруг уже совершенно с другой интонацией в голосе, негромко произнес:

— Я вот все думаю о ваших галетах. У вас ведь их две. Знаете что, подарите одну Паустовскому, а? Уж вот кто оценит подарок по-настоящему. Так это он. Правда, подарите!

* * *

Прилетев в отпуск из Дели в Москву, я на другой же день позвонил Паустовскому. Женский голос сдержанно сообщил, что Константин Георгиевич подойти к телефону не может, очень занят, поинтересовался, кто я и что мне нужно. Я представился и коротко объяснил причину звонка.

— Минуточку...— сказала женщина после паузы, за которой угадывалось колебание.

И вот я услышал глуховатый с покашливанием мужской голос:

— Простите... как ваше имя-отчество? Вы в самом деле только что из Антарктиды? Галеты Скотта? Неужели может быть такое? Где вы сейчас? Можете приехать сегодня? Да, да, не откладывая — именно сегодня, а то еще исчезнете куда-нибудь. Ну хотя бы часиков в семь вечера. Устраивает? Буду ждать!..

И вот в назначенный срок я поднимался в кабине старомодного лифта высотного дома на Котельнической набережной. Нажал у двери кнопку звонка, дверь тут же открылась: передо мной стоял Паустовский.

Сейчас мне уже трудно вспомнить все детали этого удивительного вечера. Осталось в памяти главное: сухая длиннопалая рука, узковатая в трещинах морщин ладонь, на которую легла желтая галета.

Он держал ее на ладони так, будто это был не кусок черствого хлеба, а нечто одушевленное, нуждающееся в защите, словно только что вылупившийся из скорлупы птенец. И я почти явственно ощущал трепетное животворное тепло его ладони. Стоял передо мной грустный притихший человек и, казалось, в этот момент теплинку своей жизни через время и расстояния отдавал тому, кто в ней так нуждался.

Идя в этот дом, я надеялся пообщаться с замечательным писателем — вглядеться в него, вслушаться в его голос, соприкос-

нуться с его мыслями, узнать от него что-то мне неведомое, не слышанное, не читанное о нем самом, о его жизни, творчестве — все интересно! Но на втором часу пребывания в гостях поймал себя на том, что говорю в основном я. И не из-за болтливости — просто хозяин дома не давал мне закрыть рта. Это был допрос с пристрастием. А как выглядят айсберги, как кричат пингвины — скрипят или верещат, действительно ли страшные, будто бездонные, материковые трещины во льду напоминают врата в преисподнюю и что я пережил, когда довелось заглянуть в одну из них. А уж про наш поход к хижине Скотта на мысе Армитедж заставил рассказать во всех подробностях, вплоть до самых вроде бы пустяковых деталей — как именно поскрипывает под подошвой антарктический снег — так, как наш, или иначе.

Выслушав один из моих ответов, на секунду задумался, даже вроде бы отстранился от разговора, скосил застывшие серые глаза в сторону, вдруг потянулся к карандашу, к листку бумаги на столе, что-то на листе неторопливо отметил. Мне показалось, что за таким придирчивым дознанием стояло не только любопытство живого, неугомонного, жадного до нового ума художника. Может быть, Паустовский задумывал написать новый рассказ вроде «Соранга» и ему нужен был самый живой, самый свежий «строительный материал» именно с шестого континента. Я спросил его об этом.

Писатель рассмеялся:

— Нет! Просто все это необыкновенно интересно. Видите ли...— он погладил ладонью отполированный временем подлокотник старого кресла.— Видите ли... Я всегда мечтал побывать в Антарктиде...

Помолчали. На его тонких бледных губах появилась и надолго задержалась чуть приметная, с грустью улыбка, которая, казалось, проступала из самых глубин его памяти, из далеких, давно ушедших лет юности.

— Я много где мечтал побывать... На нашей планете столько поразительного. И так обидно что-то не увидеть...

Качнул головой:

— Вот, например, Антарктиду я уже не увижу никогда. Никогда...

В молодости его больше всего манила к себе именно Антарктида. И капитан Скотт был любимым героем: в те годы еще свежей для воображения, будоражащей умы во всем мире была трагическая история гибели пятерых англичан, стоически принявших смерть в самом суровом краю на свете. Потому-то и появился рассказ «Соранг». Оказывается, причиной его появления стал неожиданный спор — соревнование с друзьями-писателями: на любую вольную тему за короткий срок написать рассказ определенного размера. Паустовский, не задумываясь, выбрал то, что его в то время волновало. Наверно, эта вещь давно подспудно вызревала в его сознании и вот вдруг вылилась на бумагу легко, свободно, уверенно — ни одной скороспелой фразы, все выношенное.

Рассказывал он мне об этом, когда нас уже пригласили к столу на ужин. Неожиданное воспоминание о прошлом высветило его лицо, пропали под глазами нездоровые тени, в глазах блеснули

острые живые искорки. Повернулся к жене, хлопотавшей над угощением:

— Таня! По случаю гостя из Антарктиды не разрешишь ли ты мне одну рюмочку?

Разгладил машинальными движениями пальцев салфетку на столе, поднял на меня на мгновение ушедшие вдаль глаза:

— А какие в Антарктиде закаты? Говорят, что-то невообразимое...

Когда в завершение вечера я стал прощаться, Константин Георгиевич снова взял подаренную ему галету, которую перед этим положил на видное место на книжной полке. В этот раз он взглянул на нее каким-то новым, острым, вроде бы оценивающим взглядом, на лоб набежали морщины.

— Скажите... А есть ли такая галета в Англии? Ведь это же прежде всего их реликвия!

— Не знаю... Думаю, что у них ее нет. Ящик-то откопали мы.

Он задумчиво погладил подбородок:

— Понятно...

Из дома Паустовского я уходил с истинным богатством — простеньким, довоенного издания сборником его рассказов. На титульном листе стояла надпись: «...с благодарностью за драгоценный подарок — галету капитана Скотта. Эта старая книга, но в ней есть рассказ об экспедиции Скотта».

— Приходите обязательно! — сказал хозяин, провожая меня до дверей.— Ведь я вас только-только начал слушать.

Больше к Паустовскому я не приходил. Мне казалось неудобным отнимать у писателя такое дорогое для него и всех нас время, приглашение я воспринял как простую дань вежливости. К тому же от моего внимания не ускользнул тревожный взгляд Татьяны Алексеевны, брошенный на мужа в конце нашей встречи: не переутомился ли? В то время здоровье писателя уже серьезно шло на убыль.

Я даже не решился позвонить Константину Георгиевичу по телефону. Вместо этого засел за стол и попробовал сделать то, что не давало мне с некоторых пор покоя,— написал новеллу «Чужое небо» и посвятил ее Паустовскому. Настроение для этой новеллы было навеяно рассказом Паустовского «Австралиец со станции Пилево», а в основу сюжета легли впечатления о трех днях, проведенных в далеком Дарвине,— тропические ливни над городком, письмо неприкаянного человека, найденное в номере гостиницы, суетливые и перепуганные испанцы-эмигранты на аэродроме... А потом пришлось снова уехать в дальние края.

В живых Паустовского я уже не видел. Летним днем шестьдесят восьмого года я стоял в зале Центрального дома литераторов в почетном карауле у гроба и не мог оторвать взгляда от скрещенных на груди сухих пергаментно-желтых кистей рук, навеки утративших свое тепло.

* * *

Кто-то заметил однажды, что жизнь хороша тем, что можно путешествовать. Мне повезло — я немало странствовал и по суше, и по морю. Однажды научно-исследовательское судно «Витязь», в

состав экспедиции которого я входил, скитаясь по тропическим широтам Тихого океана, зашло в маленький порт маленького острова. Над тихим городком возвышалась невысокая, но крутобокая гора, поросшая тропическим лесом. Только что закончился сезон дождей, и путь к вершине горы был нелегок — пришлось карабкаться по скользким скалам. И вот я стою на гребне. Передо мной вздыбленная к небу сияющая океанская синь, внизу подковка бухты, стрелка мола, возле которого притулился похожий на щепочку белый кораблик — наш «Витязь». Возле бухты в волнах пышной и легкой, как зеленая пена, тропической растительности прятались тростниковые крыши городка.

Здесь, на вершине, передо мной лежала в траве мраморная плита. Под ней были останки человека, который так много сделал для мальчишек всего мира — учил их мечтать, верить в добро и ненавидеть несправедливость. Он тоже считал, что жизнь хороша потому, что в ней можно путешествовать. И звал в дорогу юных.

На плите была выбита строфа из стихотворения:

На камне моем вы напишите так:
...Из долгих скитаний вернулся моряк,
Охотник — из чащи лесной.

И крупными буквами имя того, кто лежит под плитой:

Роберт Льюис Стивенсон.

Вот, оказывается, где погребены останки знаменитого английского писателя, любимца нашего детства! Вот где нашел он свой

собствеиный «Остров сокровищ», которому отдал последиее дыхаиие жизии. Неизлечимо больной, Стивеисон уехал сюда, в Тихий океан, иа тропический остров Уполу в Западном Самоа и поселился на окраине Азии, единственного крошечиого городка этого острова. Ои надеялся, что тепло тропической земли продлит его жизнь. Оио продлило ее. Стивеисон стал другом самоанцев, защищал их от несправедливостей колонизаторов. Когда ои умер, самоанцы через лес пробили на вершину горы Ваэа Дорогу Скорби, чтобы с почетом вознести тело друга над городом, который был ему дорог. И эта небольшая гора Океании превратилась в символ любви к людям и благодариости людей.

Миого лет назад Паустовский послал сыну Вадиму из Ялты письмо и приложил к иему свой рисунок: на фоие Ай-Петри — стивенсоиовская «Эспаньола»: острый нос, далеко торчащий бушприт, по бортам люки для пушек, чуть подавшиеся к корме мачты и бьющийся иа ветру флаг. Рисунок уводил «Эспаньолу» из Ялты, где тогда работал Паустовский, в океанский простор иа поиски Острова сокровищ... У каждого в мечтах есть свои сокровеиные острова.

И вот настал день, когда в своих долгих и дальних скитаниях «Витязь» достиг Новой Зеландии. Ночью он огибал южиую часть скалистого неприютиого острова Южный. Я вышел иа палубу и словио потоиул во влажном тяжелом мраке, который плотно лежал на палубах судиа. В этом мраке шумел океан и там, далеко иа юге, упирался могучей колышущейся грудью в отполированиые бастионы айсбергов. Ни единого огоиька вокруг — самая что ии на есть глушь. Вспомнились стихи Ивана Бунина:

Окраина земли,
Безлюдные пустынные прибрежья,
До полюса открытый океан.

В этом рейсе на борту «Витязя» оказалось четверо, которые бывали в Антарктиде. И иадо же, такое совпадение: как раз исполнялось пятнадцать лет со дия высадки первой советской экспедиции в Антарктиде и осиования там первой советской станции Мирный. Сейчас этот, такой знакомый мне поселок иаходился вроде бы ие так уж далеко от «Витязя» — иа противоположиом берегу океана. И вот мы четверо бывших «мирян» послали с борта судна радиограмму в Мирный: *«...сегодня особенно ощущаем свою близость к вам, словно снова мы вместе с вами на берегах суровой, но прекрасной Антарктиды. Сил вам и бодрости, дорогие друзья. Бороться и искать, найти и не сдаваться».*

А иа другой деиь иаше судио пришвартовалось к причалу иовозеландского порта Данидин. Превратности судьбы: и подумать ие мог раньше, что сиова ступлю на эту удивительную землю, которая почти иа самом краю света. Я заранее зиал, куда прежде всего мне иадо ехать в Данидине.

У края обрыва — обелиск, простой, сложенный из светлого камия четырехметровый столб. Текст на броизовой доске сообщает. что капитан Роберт Фолкои Скотт и его товарищи *«отплыли к Неведомой земле из этого порта 29 ноября 1910 года и достигли Южного полюса 17 января 1912 года, откуда отправились в*

обратный путь...». Под этим текстом высечено библейское изречение: *«...когда спросят в последующее время сыны ваши отцов своих: «что значат эти камни?»...»*

Я долго стоял возле обелиска. С уступа скалы открывался вид на залив, который, раздвигая гористые берега, длинной широкой горловиной выходил в океан, полыхающий на горизонте жгучей манящей синевой.

* * *

Я работал над книгой для детей о путешествии за тридевять земель на «Витязе», поселившись в маленькой тихой гостинице в подмосковном научном городке Пущине, что на Оке. Недалеко от Пущина лежит Таруса, и на второй же день по приезде я отправился туда. Прежде чем навестить могилу Паустовского, пошел на тихую окраинную улочку к дому, в котором писатель жил, когда покидал Москву, чтобы поработать в тишине провинциального городка.

На окраине улочки я подошел к ничем не примечательному деревенскому дому за дощатым забором, в зеленой густоте сада праздничными гирляндами полыхала на солнце антоновка.

Окна были раскрыты настежь, и в одном из них я увидел женщину в темном платье. Подойдя к окну, она бросила на улицу мимолетный рассеянный взгляд, и в поле ее зрения на мгновение оказался я. Взгляд женщины на мне не задержался, озабоченная делами, она обратилась спиной, сделала шаг в глубь дома и вдруг обернулась. Даже издали я почувствовал остроту ее зрачков.

— Это вы?— голос ее звучал удивленно, даже с оттенком укора.

— Я, Татьяна Алексеевна...

— Боже мой! Ну куда, куда вы пропали? Он вас так ждал!

И вот я сижу в чистой, пронзенной косыми солнечными лучами горнице за столом вместе с Татьяной Алексеевной и юношей, так похожим на отца, сыном Константина Георгиевича — Алешей. Татьяна Алексеевна высыпала на стол груду звонких от спелости, лимонной желтизны яблок:

— Угощайтесь! Это хороший сорт. Константин Георгиевич любил...

Покачала головой, вздохнула:

— Ну почему, почему вы не пришли снова? Он вас так ждал!

Оказывается, то давнее приглашение не было простой вежливостью. Константин Георгиевич хотел узнать об Антарктиде как можно больше. Месяца через два он даже поручил разыскать меня. Но я тогда снова уехал из Москвы. А потом настал обнадеживший всех период, когда Паустовский, казалось бы, оправился от недуга, почувствовал новый прилив сил, и его снова потянуло в путь. На этот раз отправился в Лондон — о такой поездке мечтал давно. С собой он захватил галету капитана Скотта.

— Я не имею права владеть ею,— пояснил близким.— Она принадлежит Англии.

В Лондоне Паустовский передал галету в музей капитана Скотта, на борту «Дискаверн».

Алеша проводил меня на могилу отца. На могильном холме лежал большой глыбистый камень-валун, тропа к нему была крепко протоптана множеством ног.

...В тот день мы долго бродили вдоль берега Оки. Низко над водой парили ласточки, с недалеких полей долетал запах луговых трав, сухо и таинственно шумели в заводях камыши. Я рассказывал Алеше о далеких краях, где побывал в последнее время. Он спрашивал и спрашивал, и я порой невольно удивлялся: до чего похож на отца!

* * *

Два года спустя мне довелось побывать в Лондоне. Было сырое лондонское утро. В редеющем под ветром тумане у гранитной стены набережной между двумя мощными мостами, переброшенными к тому берегу реки, чуть приметно, как карандашный рисунок на ватмане, проступал легкий, почти бестелесный силуэт старого корабля с тремя тонкими, в паутине снастей мачтами и высокой старомодной дымоходной трубой. На деревянной скуле борта значилось имя судна: «Дискавери». На этом хрупком кораблике Скотт совершил свое путешествие в Антарктиду. Теперь «Дискавери» поставлен на вечный прикол на Темзе, в самом центре города и на его борту — музей, посвященный экспедициям Скотта.

В тот мой визит в Лондон мне не повезло. Перед трапом висела табличка: «Закрыто» — на судне шел ремонт. Велико было огорчение. Ведь где-то там, в одной из кают корабля, превращенной в музейный зал, под стеклом витрины, вероятно, лежит та самая галета, которую я добыл на краю земли.

Я уходил от «Дискавери» убежденным, что многолетняя эпопея скоттовской галеты в моей жизни завершена, что поставлена логическая точка и останутся только воспоминания овеянного романтикой прошлого. Но я ошибался.

Прошло еще несколько лет, и я снова оказался в океане, и снова на борту дорогого моему сердцу «Витязя». Мне посчастливилось быть участником его последнего рейса. Шел он в Калининград, чтобы там разделить счастливую судьбу «Дискавери» — навсегда встать к почетному причалу судном-мемориалом.

Во время научных исследований в Атлантическом океане «Витязь» отмечал тридцатилетие своей службы науке. На борт судна пришло множество поздравительных радиограмм.

Среди юбилейных торжеств мне вспомнилось одно из моих путешествий на «Витязе».

...Ранним утром «Витязь», уже четвертый по счету в истории отечественного научного флота, преодолев бурное Карибское море, подходил к неведомой нам земле. Всю ночь бушевал шторм, но на заре даже во сне я почувствовал, как ослабла мучительная качка. Поднялся на палубу, вышел на крыло мостика. В лицо ударил теплый ветер, влажный и терпкий, и мне показалось, что я захмелел от этого ветра, от радостного сознания предстоящей встречи с неведомым, от счастливого ощущения собственного существования в этом мире. Ветер с юга... Может быть, мне невероятно повезло и я все-таки встретил этот счастливый ветер — ведь он дует всего раз в

столетие. В терпком, йодистом привычном запахе моря, которым он был насыщен, проступало влажное дыхание цветущих садов.

Когда я сошел с трапа судна и зашагал по булыжным мостовым городка к его манящим открытиями вершинам, то с первых же шагов городок показался мне удивительно знакомым. Вроде бы все это я уже давно, еще в детстве, видел: эти замшелые черепичные крыши, эту пеструю, разноликую, голосистую толпу на набережной.

Вдоль берега тянулось свинцового отлива шоссе — оно опоясывает весь остров. У обочины застыл грузовичок. Капот его мотора был откинут, из-под капота торчала курчавая голова. Вот голова, заметив нас, извлекла себя из мотора.

— Мистер, спичек не найдется? Целый час не курил!

Прикурив, постоял рядом, наслаждаясь сладкостной затяжкой дыма. Надо и поговорить. Люди ведь!

— Любуетесь океаном?

— Любуемся...

Кивнул понимающе, сверкнув белками глаз:

— Вот какая у нас великая держава — один берег омывает море, другой — океан...

Весело подмигнул. Протянул руку с явным желанием услужить нам объяснениями:

— Вот он, океан! Налево, за горизонтом,— Африка. Направо — Южная Америка. А если глядеть на юго-восток, то там... Антарктида. Хотя и далеко, но вроде бы тоже соседка, потому что других земель между нами нет.

Уходя, весело блеснул лоснящимися от пота и масла крепкими щеками:

— Это только кажется, что мир так уж велик. А на самом деле на всей планете, как на нашем острове, все мы друг с другом — соседи.

* * *

В неприютном Бискайском заливе «Витязь» попал в жестокий шторм. Один из членов нашей экспедиции получил тяжелую травму, и судно на форсированном режиме машины торопилось к берегам Англии. Стоянка в Дувре неожиданно затянулась, это позволило нам съездить в Лондон. Группа наших ученых намеревалась посетить знаменитый Британский музей, чтобы встретиться там с английскими коллегами. К ним присоединился и я.

Принимал нас директор музея доктор Р. Н. Хэдли. Как требовали приличия, наши ученые обменялись с Хэдли и его сотрудниками короткими, но велеречивыми спичами о пользе международного научного сотрудничества, а также обмена научными книгами. Я достал бланк с текстом радиограммы, полученной от друзей, и рассказал об их экспедиции. Когда текст радиограммы был переведен на английский, наши хозяева одобрительно закивали... *«Бороться и искать...»* Слова эти знает в Англии каждый школьник. Потом пришлось рассказать о своем давнем походе в Антарктиде на мыс Армитедж, о галетах Скотта, о Паустовском...

Видимо, и радиограмма, и мой рассказ произвели впечатление, потому что мне оказали высокую честь: пригласили в самую

заповедную часть музея — его библиотеку. Моим патроном в экскурсии оказался высокий седой человек с благообразной, но неподкупной внешностью хранителя реликвий. Вид у него был классически английский, с первого взгляда мне показалось, что он наглухо застегнут не только на все пуговицы пиджака и жилетки. Но мистер М. Роуландс оказался живым, улыбчивым, доброжелательным человеком. От старомодного английского стиля была в нем лишь некоторая церемонность и значительность жестов в те минуты, когда со связкой таинственно позвякивающих ключей он вел меня в святая святых — хранилище архивов музея.

На нашем пути почему-то оказалось множество запертых дверей. Каждую мистер Роуландс открывал с подчеркнутой неторопливостью, словно намеренно сдерживал ход событий, которые, по его мнению, наверняка навсегда останутся в памяти гостя.

...Наконец, после того как были открыты новые и новые замкнутые двери, меня ввели в просторную комнату, уставленную массивными шкафами, и усадили за широкий крытый сукном дубовый стол. На минуту Роуландс исчез из комнаты и вернулся с толстой папкой в руках. Осторожно, словно она стеклянная, положил передо мной. Я открыл защитную картонную корочку и обомлел. Это был дневник капитана Скотта! Тот самый, который он вел в Антарктиде.

Когда я прощался с любезным мистером Роуландсом, он сказал:

— Как приятно, что в России все еще почитают Роберта Фолкона Скотта, нашего национального героя.

— Почему «все еще»?

Роуландс грустно покачал головой:

— Видите ли, сэр, сейчас иной век. Век прагматизма, расчета, душевной черствости. Сейчас у молодежи другие герои — футболисты, джазисты, гангстеры, шпионы... В школе, куда ходит моя внучка, учитель недавно спросил детей: «Кто такой капитан Скотт?» Немногие ответили вразумительно. Больше того, сейчас у нас кое-кто вздумал «пересматривать» Скотта: мол, погиб по собственной вине, не все правильно предусмотрел, не все учел, надо было бы готовиться к походу иначе... Горько слышать такое.

Я согласился с мистером Роуландсом. Ведь так можно «пересмотреть» и Амундсена, который ринулся на самолете в глубины Арктики, чтобы спасти других, и исчез там навсегда, можно «пересмотреть» и Кука, который тоже вроде бы погиб по собственной вине — что-то не учел... В мировой истории люди, которыми мы гордимся, чьи имена украшают род людской, немало делали ошибок. Так всю нашу историю можно «пересмотреть» — пропусти ее через ЭВМ, и машина холодно подытожит: нагромождение вздора и нелепиц! Но мы ведь люди, не машины, и ничто человеческое нам не чуждо, именно человеческое, которое не закодируешь на перфокарте. Например, последние дневники капитана Скотта...

— У нас был писатель Паустовский. Он написал рассказ о капитане Скотте, — сказал я Роуландсу. — В рассказе есть фраза:

«перед дневниками Скотта вся литература кажется праздной болтовней».

Роуландс порывисто протянул мне руку.

— Спасибо! — сказал он.

— Спасибо! — сказал я Роуландсу.

* * *

На обратном пути из Лондона в Дувр я разговорился со своей соседкой по купе. Это была молодая худенькая женщина с красивым именем Элис.

— Русские? — она не удивилась нисколько. Англичане на своем острове иностранцам не удивляются — много тут их, иностранцев. Не удивилась, а просто констатировала: русские! Губы ее слегка раздвинулись, изобразив легкую, чуть ироническую улыбку.

— Я вроде бы должна вас сторониться,— она потрясла газетой, которую только что читала, как бы предъявляя ее в подтверждение своих слов.— Вы готовитесь воевать с нами, а мы с вами.

— Бог мой, зачем?

— Вот именно, зачем? Никто этого не знает.— Улыбка тут же померкла на ее губах, и широко открытые чистые глаза стали серьезными.

Элис с первых минут знакомства вызывала симпатию — не только милыми детскими веснушками, но прежде всего искренностью, прямотой и неистребимым желанием докопаться до истины.

Ехала она в Дувр по служебным делам — работала в какой-то фирме, вечером собиралась обратно в Лондон, и до поезда у нее оказалось часа два свободных.

— Не хотите взглянуть на наше судно? Оно знаменитое.

Мы водили гостью по палубам «Витязя», показывали самое примечательное. «Вот эхолотная. Здесь, на этих аппаратах, впервые в истории была определена максимальная глубина Мирового океана — 11 022 метра».

Наша молодая гостья была безупречно вежлива, вполне искренна в своей благодарности за внимание к ней. Но вопросов не задавала.

До вокзала я провожал Элис вместе со своим товарищем, ученым Олегом Георгиевичем Сорохтиным. По пути мы рассказывали ей о нашем посещении Британского музея, я вспомнил о галетах Скотта.

— Скотта? — переспросила она.— У нас сейчас многие смотрят на него иными глазами. О нем говорят, что он понаделал ошибок, дал себя околпачить Амундсену, который поступил с ним нечестно.

В ее голосе проступили недобрые нотки.

— Вот они, кумиры, которым ставят монументы! К тому же все это — далекое прошлое. Мало кого всерьез может взволновать сегодня...

— Как же вы, Элис, решительно расправляетесь с монументами,— рассмеялся Сорохтин.— Вот и Скотту, и Амундсену досталось!

— А что мне до них и им до меня! Просто люди. Даже в героизме могут быть ничтожными.

— В таких условиях, как Антарктида, люди ничтожными не бывают,— сухо заметил Сорохтин.

Она почти с досадой возразила:

— Господи! Люди везде люди, где бы они ни находились, и мнение о них у меня не столь уж высокое. Вы-то откуда знаете, какими они там становятся?

— Видите ли, Элис,— вмешался я.— Олег Сорохтин, который сейчас перед вами, был в числе тех, кто впервые в истории человечества достиг в Антарктиде полюса недоступности: он знает, что говорит.

Элис, которая шла на полшага впереди, упорно глядя себе под ноги, вдруг бросила быстрый внимательный взгляд на моего товарища, словно увидела его впервые.

— Извините...

Помолчала. Вздохнула.

— Вам хорошо. У вас хотя бы есть воспоминания. И такие необычные. Полюс недоступности! У вас есть прошлое. А у таких, как я,— ничего: ни прошлого, ни будущего. Только настоящее...

* * *

С вокзала в порт мы шли с Сорохтиным пешком по кривым улочкам небольшого городка, приткнувшегося к белым скалам Альбиона. В палисадниках возле двухэтажных, тщательно выкрашенных, похожих на игрушечные домиков желтели нежные пучочки первых весенних нарциссов. На вершине холма, господствующего над городом, каменным обручем лежали массивные стены старинного рыцарского замка, в его узких решетчатых щелях-окнах, как в надрезах, живой плотью проблескивало солнце, заходящее за холмы. С Ла-Манша дул свежий ветер, из порта доносились вскрики буксиров, стрекот турбин стремительного, похожего на жука парома на воздушной подушке, уходящего к французскому берегу.

На набережной было пустынно, колючий ветер изгнал с нее праздных. Вдруг мы увидали монумент. На постаменте возвышалась бронзовая фигура человека в куртке, судя по всему кожаной, в старомодном кепи со спущенными ушами, в старомодных крагах. Слегка подавшись вперед, выставив твердый подбородок, он зорко вглядывался в свинцовый простор Ла-Манша. На цоколе прочитали: «Чарлз Стюард Ролсс. Первый человек, который перелетел Ла-Манш и вернулся обратно в одиночном полете 2 июня 1910 года».

Всего за день до этого перелета вот от этих же берегов ушло к берегам Антарктиды экспедиционное судно Роберта Фолконе Скотта. Через два года оно вернулось обратно, но только без Скотта и четверых его товарищей.

Каждому свое.

— Послушай, а ты не забыл монумент в Данидине? Не забыл, что там было написано на плите?

— «...Когда спросят в последующее время сыны вашн отцов своих: «что значат эти камни?»...» Кажется, так...

— Кажется, так,— Сорохтин поправил очки н взглянул куда-то поверх моего плеча.— А ведь время это настало. Если не защищать прошлое, у них, молодых, в самом деле не будет будущего. Черт возьми, мы все-таки люди н что-то значим на этой планете — со всем своим прошлым — с хорошим н плохим, с удачами и ошибками, со всем, что нас делает людьми.

* * *

У борта стоял и глядел на город Евгений Мнхайлович Крепс.

— В замок ходили? — спросил живо. Искренне огорчился, когда узнал, что не ходили.— В вашей компании была англичанка. Почему же она вас туда не сводила?

— Видимо, не сочла нужным. Сказала, что сама в замок никогда не заглядывала.

— Не заглядывала? — нзумился Крепс.— Вот странно! Это же замок четырнадцатого века! Седая старина. Интереснейшая коллекция предметов рыцарскнх времен — история древней Англин как на ладони.

— Вы были там?

На его губах проступила несколько смущенная улыбка, словно академик в чем-то нзвинялся.

— Да вот... добрался!

Добрался! Надо же! На холм к замку подъем крут — н молодому одолеть тяжеловато. А Евгенню Михайловичу через две недели — 80! Уднвительный человек. Крупный ученый, основатель нового направления в бнологии, Герой Социалистического Труда. Трижды уходил на «Витязе» в разные годы в океан. И каждый раз кроме свонх научных работ нензменно «разряжался» книгой для молодежн: об очередном путешествии — звал молодых в дорогу.

Много лет назад в своем первом рейсе Крепс отправлялся в плавание, чтобы выполнить ответственнейшее заданне: выяснить степень радиоактивного заражения морской фауны в результате нспытаний американцами ядерных бомб на атоллах. Была доказана недопустимость захоронения радноактивных отходов даже в самых глубоководных впадинах — нз-за глубинных циркуляций воды. Этот рейс помог добиться международного запрета на сброс подобных опасных отходов в океан. В печатн писали, что академик Крепс оказал большую услугу человечеству! А весь он в своем облике, словах и мыслях — сама непритязательность, скромность, естественность.

— Евгений Михайлович! Вы знали Амундсена. Вот говорят, вроде бы он обманул англичанина, втайне от него подготовил экспеднцию на полюс, лишил англичан первенства н тем самым подорвал у них дух к сопротивлению на обратном пути.

Крепс, горячо сверкнув голубыми, по-молодому яркнмн глазамн, выпалил с неожиданным для него гневом:

— Чепуха! Об этом уже десятилетия болтают ничтожные людншки. Амундсен был благороднейшим человеком, но он

родился борцом и искателем. И боролся. И это сделало его великим. А великие не мелочатся.

Закинув руки за спину, Крепс прошелся по щербатым доскам палубы:

— Видите ли, друзья, такие, как Амундсен и Скотт, не нуждаются в наших оправданиях. Они уже оправдали себя перед историей. Мы сами перед ними в долгу. Нам хотя бы чуточку быть похожими на них!

* * *

Однажды к Новому году я получил письмо от Элис. В конверте оказалась вложенной целая страница из английской газеты «Обсервер», а в ней на полторы полосы статья с фотографиями под названием «Трагедия капитана Скотта». Автор на основе новых данных размышлял о том, почему Скотт не сумел первым водрузить британский флаг над Южным полюсом, а уступил лидерство Амундсену. И снова об ошибках капитана: вот если бы сделал то, а не это — на полюсе бы развивался флаг английский! «Славу себе Скотт создал смертью своею»,— делал вывод автор.

Элис писала: *«Я все-таки была права. Вот видите: в газетах говорят о том же. Тщета людская! Какое это имеет значение, чей флаг был первым на полюсе? Смертью своей утвердил бессмертие!.. Мы своей гибелью бессмертия не утвердим. Не для кого оно будет. Извините, что посылаю Вам совсем не рождес-*

твенское письмо. Такое у меня сейчас настроение. И все-таки по привычке я говорю Вам: «Счастливого рождества! Счастливого Нового года!» Внизу после подписи была сделана приписка: *«Передайте Вашему другу о том, что в тот день, когда мы расстались в Дувре и я возвратилась к себе в Лондон, я раздобыла у друзей карту Антарктиды. Я ее рассматривала весь вечер, отыскала полюс недоступности, представила высокую, крепкую фигуру мистера Сорохтина на полюсе в ярком полярном комбинезоне, в темных очках и бесконечную белую пустыню вокруг него. Ночью мне снились белые сны».*

Я показал письмо Олегу Георгиевичу Сорохтину.

— Грустное письмо. Жаль ее,— сказал он после долгого молчания.— А может, она все-таки права? Может быть, жалеть иадо и самих себя.

— Может. К сожалеиию, судьбу будущего решаем ие мы с тобой.

Так случилось, что в тот же деиь мы с Олегом Георгиевичем оказались в доме академика Капицы. С Андреем Петровичем, тем самым, что был добровольиым радистом на «аниушке»,— из средиего поколеиия этой известиой иаучной семьи — дружим много лет, еще со времени экспедиции в Антарктиду.

В гостиной шла неторопливая беседа о том, что нас всех волновало. Я вспомнил о полученном от Элис письме.

— Примечательиое письмо! — прокомментировала Аниа Алексеевиа.— Знамение времеии — безнадежиость. Вообще-то англичаие по натуре ие пессимисты.

Уж кто-кто, а супруги Капицы англичан знали превосходно — миого лет среди них прожили.

— В мире все больше растет страх,— сказал я.

— Да, но одновремеиио растет и антивоеиное движение,— заметила Анна Алексеевиа.— В Англии оио довольио активиое.

Ей возразил Сорохтин:

— Но сумеют ли они одолеть иарастающую угрозу термоядерной войиы, которую безумцы могут начать в любое мгиовение?

И тут произиес всего иесколько слов Петр Леоиидович, до того лишь слушавший других.

— Должио одолеть! Если оии иачнут, то это — коиец.— Эту фразу произнес крупнейший ядериый физик иашего времеии, иобелевский лауреат, академик Капица. Ои-то зиал подлинную реальиость опасиости: «Это — коиец!» Зиачит, никакой ограничеииой ядерной войны, никакой предупреждающей, никакой иадежды иа победу одиой стороиы. «Это — конец!» Коиец существования на планете.

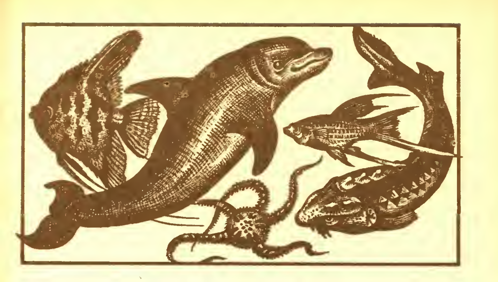
Когда мы уезжали из этого дома, долго молчавший в машиие Сорохтин вдруг сказал таким тоиом, будто мы только что прервали взбудораживший нас разговор.

— Ну и что в таком случае делать иам с тобой? Ожидать вселеиского хаоса?

— Что делать? Но мы же люди, черт возьми! Не можем же вот так, как скот на бойне...

— Не должны! Зиачит, «бороться и искать...» — Сорохтин улыбнулся.

— Найти и ие сдаваться...

НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

МОРЕ ГОСТЕПРИИМНОЕ

Очерк

Зона жизни

Многие народы в разные времена давали ему свои названия. Древние греки называли его Понтом Эвксинским, иначе говоря — морем Гостеприимным, скифы — Синим, арабы — Русским. Были и такие названия: Киммерийское, Скифское, Таврическое, Святое.

Так по-разному в прошлом называли Черное море. Совсем недавно было обнаружено и более древнее его название — Темарун, которое дали ему индийские племена, населявшие восточную часть Северного Причерноморья и Крым до скифов и других ираноязычных племен. Скифы перевели его на свой язык как «Черное море». Позже, уже из славянских языков, это название перешло в турецкий язык. Море стало называться Кара-дениз.

В наши дни о Черном море написано так много работ, что они составили бы целую библиотеку. Подробно изучены его берега, рельеф дна, химический состав воды, животный и растительный мир. О Черном море снято множество документальных, научно-популярных и художественных фильмов. Популярность его, если можно так сказать о море, огромна. Едва пригреет весеннее солнце, как многих неудержимо манит к себе это море. Статистика утверждает, что только курортные хозяйства Черноморского побережья нашей страны принимают более 12 миллионов человек в год. И это не считая «дикарей».

Отдыхающие, как правило, знакомятся с природой, животным миром Черного моря в прибрежной полосе. Некоторые виды рыб,

медузы, моллюски — вот, пожалуй, и все, что видят отдыхающие. Если повезет, можно издали полюбоваться небольшим стадом дельфинов. Не так уж много у нас на Черноморском побережье хороших аквариумов с разнообразными обитателями. Их просто единицы, а дельфинарий и вовсе один. А желание познакомиться с черноморской фауной у многих огромное. Об этом мы судим по многочисленным письмам, которые приходят на Центральное телевидение в адрес передачи «В мире животных». Мы решили одну из передач этого цикла посвятить Черному морю.

Какой маршрут выбрать, если в командировочном удостоверении значится всего десять дней? Но именно за это время нам надо снять часовую передачу о животном мире этого обширного района. Сначала мы хотели побывать в Одессе, Севастополе и Батуми. И маршрут интересный, и есть там что снимать, но в десять дней нам не уложиться. Тогда выбрали одну точку на Черном море для съемок — Батуми.

Здесь находится Грузинское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии. Ученые помогут нам разобраться в злободневных проблемах охраны природы Черного моря, рационального использования его биологических ресурсов. Есть там и хорошее аквариумное хозяйство. Но пожалуй, самое интересное для нас — дельфинариум.

И вот мы в Батуми. Апрель на юге — это уже настоящая весна. Если в средней полосе едва пробиваются первые зеленые ростки, скромные лесные цветы, то здесь, в субтропиках, буйная зелень, многие деревья и кустарники в ярком весеннем наряде.

Мы идем в институт по просторному, хорошо ухоженному приморскому бульвару — одному из лучших на Черноморском побережье. Здесь можно и компанией отдохнуть, и побыть в одиночестве.

Есть на бульваре даже небольшой зоопарк. В маленьком пруду плавают белые и черные лебеди. Бродят по лужайкам павлины. Когда их привезли сюда, рассказывали работники этого зооуголка, павлины облюбовали одно старое, засохшее дерево, которое хотели вот-вот срубить. А павлины на ночь стали устраиваться только на этом сухом дереве. И его не срубили. Потом каждое утро, проходя по бульвару на съемки в институт, мы видели павлинов на этом дереве. Его, кстати, облюбовали и голуби. В небольшом вольере живет пара курочек-султанок — очень нарядных, с ярким оперением. Не каждый зоопарк имеет в своей коллекции этих редких пернатых. Живут здесь и утки. Так постепенно и пополняется население этого мини-зоопарка на приморском бульваре в Батуми.

Начиная работу над очередным выпуском «В мире животных», мы всегда ищем удачное начало, от которого зависит успех всей передачи. А тут решение пришло само собой. Вот оно начало — этот небольшой зоопарк на морском берегу. Хотя к черноморской фауне эти пернатые и не имеют отношения, все же приятно увидеть в городе доброе отношение человека к животным. В этом, может быть, залог его доброты по отношению ко всем животным, которые его окружают, ко всей природе в целом.

Институт размещается в конце бульвара, на берегу моря.

Небольшое двухэтажное здание утопает в тени платанов и тополей. Здесь немало и пальм, эвкалиптов. Обилие кустарников, кактусов, цветов. Прямо у входа — большой аквариум с огромными морскими черепахами. Справа от здания расположен еще один аквариум, а также бассейны для каспийских тюленей. Слева возвышается легкое, красивое здание — дельфинарий.

Нас встречает директор института Николай Дмитриевич Мазманиди. Он рассказывает о тех проблемах, над которыми работают ученые. Черное море — обширный водоем, заселенный разнообразными животными. Работа по его изучению ведется в нескольких направлениях: по умножению рыбных богатств, охране и регулированию рыбного промысла, а также воспроизводству ценных промысловых видов — осетровых, лососевых, камбал. Для этих целей строится большой рыборазводный завод. Созданная лаборатория по генетике и селекции рыб занимается сейчас разведением гибрида белуги и стерляди. Гибриды хорошо прижились в аквариумах и пригодны для разведения в прудах.

В современных условиях, когда рыбные запасы Черного моря значительно подорваны, серьезное внимание уделяется воспроизводству рыбных богатств, его восстановлению. В равной мере это касается и моллюсков: мидий и устриц, запасы которых в Черном море значительны.

В последнее время охрана Черноморского бассейна от загрязнения — одна из важнейших проблем, над которой работает институт. С этой целью еще в 1969 году здесь была создана лаборатория, которая изучает воздействие загрязнения на живые организмы, на икру, личинок — вплоть до рыб, а также, как в целом влияет загрязнение на рыбные запасы Черного моря. Огромную помощь в этом оказало известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1976 года «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей».

— А дельфинарий тоже в ведении института? — интересуемся мы у директора.

— Да. Наш дельфинарий — один из самых крупных в Европе, — отвечает с гордостью Николай Дмитриевич. — Здесь три бассейна, в которых содержится более десяти дельфинов. Мы проводим опыты с дельфинами, изучаем их физиологию и психологию. Обучение дельфинов, или дрессировка, — одно из направлений наших исследований. Ежегодно наш дельфинарий посещает более 500 тысяч человек. Проводим по три сеанса в день. И все же не в состоянии удовлетворить всех, кто хотел бы здесь побывать.

Знакомимся с аквариумным хозяйством института. У нашей группы квалифицированный гид — заведующий аквариумом Тамаз Рафаэлович Бажашвили, который рассказал о своеобразии Черного моря и его обитателей. Так, установлено, что 87 процентов огромной чаши черноморской воды лишено кислорода и насыщено сероводородом. Там обитают только анаэробные бактерии. И лишь 13 процентов — это и есть «зона жизни». Она находится в слое воды толщиной всего 150—200 метров (максимальная глубина Черного моря — 2245 метров). Именно в этом тонком слое воды, в «зоне жизни», обитает более 2000 различных видов живых

организмов. Примерно 500 видов из них — простейшие, столько же — ракообразные, 200 видов моллюсков, 163 вида рыб и другие морские обитатели.

Черное море в очень далекие времена было соединено с Каспийским. Именно поэтому в нем встречается реликтовая, остаточная фауна Каспийского моря. Немало здесь и средиземноморских «пришельцев», а также обитателей рек.

Если вместе с аквалангистами совершить путешествие в глубины моря, много любопытного откроется пытливому взору. Скалы, поросшие причудливыми водорослями. Подводные поляны. Медленно проплывающие огромные медузы-корнероты, среди щупалец которых, прячась от хищников, снуют яркие маленькие рыбки.

То и дело поднимаются вдоль поверхности скал большие морские лисицы и скаты-хвостоколы. Они словно парят в воздухе, медленно перебирая «крыльями». Но к ним лучше не приближаться. Вооружены лисы и скаты неплохо. У морской лисы шипы, раны от которых долго не заживают. А у ската рядом с хвостом расположена острая, с сотнями мельчайших зазубрин игла. Бьет ею скат с большой силой.

На глубине от 15 до 50 метров можно встретить катрана, или малую колючую акулу. Этот морской хищник не может похвастаться своей скоростью. Да и зачем она ему? Пищи вдоволь. Очень интересно наблюдать за акулами в больших косяках хамсы. Черноморские акулы настолько спокойно чувствуют себя, что позволяют аквалангистам не только подплывать к ним, но даже потрогать. Хотя это небезопасно. У этих акул грозное оружие — острые шипы у плавников, мелкие и острые зубы, от которых не уберечь даже толстых капроновых сетей. Рыбаки называют катранов морскими собаками.

Этих и других обитателей можно увидеть в большом аквариуме, где собраны наиболее интересные представители черноморской фауны. Морской язык — держится у самого дна. Благодаря покровительственной окраске он совсем незаметен. Камбала-калкан может менять окраску в зависимости от цвета дна. У морского петуха яркая окраска. Он издает короткие, резкие звуки. Видимо, за пестрый наряд и голос его и назвали петухом. А вот морской конек — грациозное существо. Крохотный «пропеллер» помогает ему держаться в вертикальном положении. Заботу о сохранении и вынашивании икры природа возложила на самцов. Они имеют на брюшке мешочки — камеры, куда самка откладывает икру. Когда из икры разовьются мальки, камера раскрывается, и детеныши выходят на свободу.

Много в Черном море бычков — 24 вида. Есть настоящие карлики, как бычок Берга. Его длина едва достигает трех сантиметров. Есть и небезопасные для человека рыбы, такие, как морской дракон. Если кто-то нечаянно наступит на его ядовитые шипы, то острая боль сохранится довольно долго, хотя яд для человека не смертелен.

Тамаз Рафаэлович останавливается у аквариума, в котором плавают крупные рыбины голубовато-серого цвета.

— Это лаврак — очень ценный вид — коренной черноморец, но, к сожалению, почти всюду этот вид исчез.

— Лаврак достигает одного метра длины и двенадцати килограммов веса,— продолжает Николай Дмитриевич.— Лет сорок назад он еще водился в Черном море. Но чрезмерный лов сказался на численности лаврака. Сейчас мы создаем маточное поголовье, получаем потомство и выпускаем его в Черное море. Министерство рыбного хозяйства Грузии взяло под контроль этот эксперимент. Мы надеемся, что лаврак как вид будет сохранен.

Увидели мы и знаменитых бестеров. Гибриды взяли лучшие вкусовые качества от стерляди и быстрый рост от белуги. Бестеру не нужна проточная вода. Он хорошо чувствует себя и в пруду. Ученые считают, что за бестером как за товарной рыбой большое будущее.

Каждый, кто отдыхает на Черном море, старается привезти красивый сувенир — раковину моллюска рапана. Это новосел Черного моря. Мы поинтересовались, когда он здесь появился. Оказалось, в середине сороковых годов. Сначала его заметили в Новороссийске, потом в Батуми. Затем он очень быстро расселился по всему побережью Черного моря. Есть две версии проникновения сюда этого моллюска. Первая: моллюск попал с балластной водой в танкерах, вторая: кладки яиц моллюска прикрепились к днищу судна и благополучно прибыли в Черное море. Моллюск рапана тяготеет к опресненным участкам, и здесь он меньше размером, чем на своей родине — на Дальнем Востоке.

Повел он себя на Черном море как страшный хищник: уничтожал устричные и мидиевые банки. Единственное (и небольшое) утешение: этот пришелец — отличный сувенир с Черного моря.

Батумская банка

Директор пригласил нашу съемочную группу принять участие в одном из рейсов научно-исследовательского судна института. Ученые хотели взять контрольный лов рыбы в районе Батумской банки.

Но вот уже несколько дней мы не могли выбраться из порта. Море штормило, а низкие пепельно-серые облака без устали сыпали на город мириады мельчайших капелек влаги. Их и дождем-то не назовешь. Подставишь руку — как будто ничего и нет. Но стоит пройтись по бульвару, как одежда, словно губка, пропитывается влагой.

Наконец дождались солнечного дня. Обычная проверка в порту перед выходом в море — и берег стал быстро удаляться от нас. Великолепное апрельское солнце оживило все вокруг. Заиграли бликами волны. Батуми преобразился, стал нарядным, красивым. Берег был усыпан отдыхающими.

Нас, конечно же, интересовало, какая научная работа ведется на этом судне. Оказалось, что здесь изучают запасы осетровых в море и их кормовую базу. Благодаря же вот таким контрольным ловам пополняют аквариумы института различными морскими обитателями. Судно принимает также участие в отлове дельфинов для дельфинариума. Ученые исследуют и воздействие загрязнения на флору и фауну Черного моря. Ведь проблема загрязнения Мирового океана — а Черное море — его неотъемлемая часть —

сегодня одна из острых. То и дело где-то терпят бедствие танкеры. Многие миллионы тонн нефти и нефтепродуктов попадают в воду. Естественно, загрязняется и Черное море. Движение судов здесь стало довольно интенсивным. И каждое из них в какой-то мере загрязняет море.

Важную роль в защите водной среды Азово-Черноморского бассейна сыграло упомянутое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В результате этого за последние годы в Батумской бухте, например, вода стала чище, практически нет нефтяных пятен. В порту все время работает нефтесборщик. Одно судно обеспечивает чистоту крупного порта. Кроме нефтесборщиков в Батуми и Туапсе имеются головные очистные сооружения. Суда сдают свой балласт. Происходит очистка, и очищенная вода вновь поступает в море. Правда, существует еще один способ: с помощью химических средств нефтепродукты можно осадить на дно. Но там они будут губить все живое. Причем если нефтяная пленка воздействует на самый жизненный слой воды, где сосредоточено обилие планктонных организмов, то комочки мазута, оседая на дно, отрицательно воздействуют на бентосные организмы шельфа — самого насыщенного жизнью придонного берегового слоя.

Особое внимание в работе института уделяется экологии в прибрежной зоне. Ученые изучают воздействие нефтепродуктов на жизнь сообществ организмов всей шельфовой зоны Черноморского побережья Кавказа. Выяснилось, например, что наиболее устойчивыми к загрязнению среды обитания нефтепродуктами оказались смарида и ставрида. А наименее устойчивыми — донные обитатели, в частности камбала. Очень чувствительны к загрязнению устрицы и мидии.

Батумская банка — это возвышение в зоне шельфа. Море здесь хорошо прогревается. В этом месте в море впадает горная река Чорох. Она несет немало питательных веществ. Обилие солнца и корма привлекает сюда многих рыб и других морских обитателей. Мы приближались к Батумской банке. Отчетливо видно место впадения горной реки в море. Вода здесь мутная, с желтоватым оттенком из-за частиц ила, который выносит река. Это гигантское пятно обрамлено лазурной морской водой. Море будто установило границы для мутных речных вод.

Хотя траловый промысловый лов повсеместно запрещен, для научных целей он разрешен. Ущерб шельфу минимальный, так как ученые используют трал крайне редко. С полчаса огромный сетевой конус длиной метров пятьдесят тащили по дну. И вот подана команда: «Подъем трала! Всем отойти от борта!» По тому, как пронзительно скрипели лебедки, стало ясно — трал с богатой добычей.

Как из рога изобилия на палубу посыпались рыба, моллюски, крабы. Здесь и ерши, и хамса, и огромные блюдца камбалы-калкана. Но больше всего было акул — сотни полторы. Черноморская акула-катран небольшая, длина ее до полутора метров, весит килограммов восемь — двенадцать. Она в отличие от своих тропических сородичей не наводит ужас на людей. Но это настоящая акула. У нее веретенообразное тело, покрытое мелкой чешуей. Удлиненная голова, острейшие зубы.

Николай Дмитриевич обращает наше внимание на шипы у верхних плавников — это грозное оружие защиты. Вот почему катрана еще называют малой колючей акулой. Для человека катран не представляет никакой опасности. А такое обилие их в районе Батумской банки объясняется тем, что здесь скопление хамсы — основного корма акул. Несколько акул ученые отобрали для лабораторных исследований, остальные будут сданы на рыбоперерабатывающий завод. Мясо катрана отличается хорошими вкусовыми качествами. Используется в свежем и копченом виде. Особенно славится балык из катрана. А из жира печени получают витамины.

Николай Дмитриевич порылся в рыбной куче и вытащил довольно крупный экземпляр камбалы-калкана, около метра в длину. У калкана плоское ромбовидное тело. Характерная особенность калкана — шипы на брюхе и на спине. Как у каждой донной рыбы, оба глаза смотрят вверх.

— Как и акула-катран, калкан — эндемик Черного моря,— представил он рыбину.— Давно не видел такую большую камбалу. Самые крупные достигают метра в длину. Эта немного не дотянула. Калкан — очень ценный промысловый вид. К сожалению, запасы калкана в море очень подорваны. Наш институт сейчас работает над проблемой восстановления этого вида в Черном море. В лабораторных условиях мы будем получать от них потомство, на нашей опытной базе выращивать до определенной величины. А затем станем выпускать в те места, где калкан исчез или его стало очень мало.

Калкан не единственный промысловый вид, чьи запасы за последние годы сильно истощились. Черноморский бассейн — один из самых освоенных рыболовных районов нашей страны. Из 163 видов рыб, обитающих здесь, промысловое значение имеют около 30 видов.

Суммарная биомасса рыб в Черном море оценивается учеными в пределах от 17 до 21 миллиона центнеров. Все страны Черноморского района добывают здесь около 4 миллионов центнеров рыбы. Кроме нее здесь добывают моллюсков, мидий, ракообразных. В основном же в рыбацкие сети попадают главные промысловые виды — черноморская хамса, мелкая ставрида и шпрот.

За последнее десятилетие значительно сократились уловы ценных рыб, особенно осетровых, из которых здесь обитают белуга, черноморско-азовский осетр и севрюга. Это основные виды, хотя встречаются в небольшом количестве и другие виды, например стерлядь. В иные годы здесь вылавливали очень крупных белуг и осетров. Описан случай, когда в рыбацкую сеть попалась белуга длиной 9 метров, весила она 1500 килограммов. Это был уникальный экземпляр. Рыбаки вылавливали осетров в 50, 60, а то и 80 килограммов. Сейчас ни рыбаки, ни ученые не могут вспомнить, чтобы где-то отлавливали таких гигантов. Попадется в сети случайно с десяток осетровых, и то хорошо.

Что же делается для охраны и воспроизводства осетровых в Черноморском бассейне? Директор института рассказал, что ученые давно настаивали на том, чтобы в местах размножения осетровых была введена охранная зона. И добились своего. Пятимильная охранная зона была введена в районе Поти. Это

благотворно сказалось на численности атлантического осетра, который здесь нерестился. Но промысловики настаивали, чтобы им во время концентрации хамсы разрешали заходить в охранную зону для выборочного лова.

Кончилось это тем, что в охранную зону стали заходить сотни сейнеров. Конечно же, они вылавливали иногда и осетров. Работники рыбоохраны не справлялись с таким количеством судов.

Ко всему пятимильную зону урезали до одной мили. Это очень незначительная зона шельфа. Она не может сохранить нерестилища осетровых. Нужно восстановить пятимильную охранную зону в районе Поти. Ведь помимо осетровых в этой зоне находятся места нереста и камбалы-калкана.

— Дельфины! Дельфины! — раздались голоса.

Метрах в трехстах от судна, взлетая над водой и затем скрываясь в морской пучине, быстро перемещалось стадо дельфинов около десяти голов.

— Это афалины,— заметил Николай Дмитриевич.— Подались в район Новороссийска или к Крыму. Возле Батуми дельфинов много только в путину. Здесь обилие хамсы. Вот дельфины и пасутся. Уходит хамса из этих мест — за ними и дельфины.

В Черном море распространены три вида: дельфин-белобочка, афалина и обыкновенная морская свинья. Самый мелкий дельфин — морская свинья. В среднем его длина от 0,8 до 1,2 метра, редкие экземпляры достигают 1,8 метра длины. Весит около 30 килограммов. У морских свиней самки несколько крупнее самцов, они могут весить 50 и более килограммов. Морские свиньи живут в мелководных районах Черного и Азовского морей. Питаются они придонными рыбами и креветками. Но с появлением мощных косяков хамсы они переключаются на эту мелкую рыбешку. Черноморские рыбаки нередко называют этот вид дельфинов хамсабойками. Морские свиньи не выпрыгивают из воды. Держатся парами или небольшими группами. Зиму они проводят в Черном море, а на лето в значительном количестве перемещаются в Азовское море. Вот почему их еще называют азовками.

Дельфины-белобочки покрупнее морских свиней. Достигают длины 2,1 метра и весят около 60 килограммов. Это наиболее многочисленный вид в Черном море. Белобочки живут в открытой части моря. Типично стайные животные. Бывают стаи около 50 дельфинов, а иногда и до 700 особей. Белобочки — быстроходные с совершенной обтекаемой формой тела дельфины. Питаются стайной рыбой, которую добывают в верхней толще воды. Дельфины-белобочки, особенно молодые, часто сопровождают движущиеся в море суда.

И наконец, дельфины-афалины. Но о них особый рассказ.

Интеллектуалы моря

Дельфины — легендарные животные. Загадочный «язык», поразительные способности к тончайшей эхолокации и ориентации, быстрому погружению на большие глубины — все в них необычно.

К тому же скорость — спринтерская, маневренность — филнгранная, выносливость — просто завидная.

Им под силу десятиметровые пролеты над водой и прыжкн на высоту двухэтажного дома. По мнеиию ученых, дельфины сейчас находятся в расцвете свонх биологических данных.

Из всех дельфннов лучше всех к жизни в неволе прнспособлеиы афалины. Они легко обучаются н одомашниваются. Эти животные — осиовиой объект исследований в дельфинарнумах. В Батумском дельфниарнуме содержат более десяти афалии.

Заведующий лабораторией морских млекопитающих Зураб Отарович Болквадзе сообщил, что здесь нзучают их психику, физиологию, сложное поведение дельфинов.

Вместе с ним идем вдоль основиого бассейна. Дельфин появился неожиданно. Мелькиула темная тень под водой — и вот у самой кромки бассейна показалась его симпатичная мордашка. Смотреть на него без улыбки невозможно. Сколько раз прнходнлось их видеть в кино, а вот так близко — впервые.

Представим афалину, что иазывается, крупным планом. Это самый большой дельфин Чериого моря. Достигает в длину 3,3 метра н веса до 350 килограммов. Верхняя часть, голова и плавникн афалины почти черные с голубоватыми и коричневыми оттенками различной интенсивиости. Брюшная часть белая. Глаза окружены темной полосой, напоминающей оправу очков. Рыльце похоже на тупой клюв.

Афалины обитают преимущественно в прнбрежной зоне. Питаются придонной рыбой. За стайной рыбой охотятся лишь тогда, когда в прибрежной зоне образуются большие скопления. Употребляют даже морских лисиц, камбал и ершей. Не преиебрегают н ракообразнымн, н моллюсками.

Ныряя за кормом, афалины могут погружаться на глубины до двухсот метров. По сигналу могут нырять на глубину до трехсот метров. Передвнгаются они, как правило, иебольшими стадами — по нескольку десятков особей. Там, где скапливается рыба, афалины собираются до иескольких сотен голов.

В стаде основную группу составляют самки с детенышами. Самцы вне периода размножения держатся обособленно. У дельфннов очень развита забота о потомстве. Мать защищает детей от агрессивного поведения самцов. Заботу о безопасности новорожденного иногда берут на себя несколько самок. Самки часто играют с дельфиненком. Во время тревоги дельфины собнраются группой, в середнне которой оказываются детенышн с матерью. Связь между матерью и детенышем иногда не прерывается в течеиие нескольких лет.

В открытом море они передвнгаются со скоростью до 50 километров в час, часто выпрыгивают из воды. При выходе, подобно китам, выбрасывают небольшой фонтан воды.

Невольно нспытываешь чувство уважения к этим далеко еще не познанным существам. Мы живем в разных стихиях, но дом у нас общий — Земля. И нужно хорошо знать тех, кто живет рядом с нами. Было радостно от того, что дельфины иаходятся рядом и до них можио дотянуться, погладить рукой.

Около нас уже плавало несколько дельфинов. Они иыряли, время от временн какой-либо дельфин стремнтельно выскакивал

из воды и громко плюхался, обдавая нас мириадами брызг. Те, которые подплывали совсем близко, хитровато поглядывали в нашу сторону.

Зураб Отарович взял из ведра ставридку и кинул одному из дельфинов. Тот не стал ее есть, а подбросил в воздух, поймал и отпустил рыбку.

— Не голодный, вот и играет с ней,— пояснил он.

— Но к ставриде подплыл самый крупный дельфин. У них, видимо, строгие законы иерархии?

— В дельфинариуме у животных устанавливаются определенные отношения. Чаще ведущее положение в группе афалин занимает самец, превосходящий по размерам остальных животных.

— А как «лидер» устанавливает свое господство?

— Принимает угрожающие позы, клацает челюстями. Первым изучает новые объекты в бассейне и как бы защищает остальных дельфинов в критических ситуациях. Правда, бывают и такие случаи, когда трудно определить доминирование какой-либо особи в группе дельфинов.

— Дельфинов иногда называют «интеллектуалами моря». Вероятно, длительные наблюдения за ними дают вам возможность ответить на вопрос — разумны ли они?

— На этот вопрос однозначно ответить невозможно. Известно, что у дельфинов, в частности у афалин, очень большой и хорошо развитый мозг. Мозг 120-килограммовой афалины весил 1700 граммов. Это на 300 граммов больше, чем у человека. Внешне мозг дельфинов похож на мозг человека. В коре головного мозга большое количество борозд и извилин. Изучение мозга дельфинов продолжается. Но и на основании тех данных, которыми мы располагаем, очевидно, что у дельфинов мозг достиг по сравнению с другими животными высокого развития.

— В чем это проявляется?

— Хотя бы в том, что во время опытов у них легко и быстро вырабатываются и закрепляются различные условные рефлексы. Но этого мало, чтобы сказать: они способны к рассудочной деятельности, то есть что они могут анализировать явления, устанавливать причинно-следственные связи между ними и в соответствии с этим осуществлять целенаправленное поведение. Мы изучаем психику животных, сложные формы их поведения. Но эти исследования только начаты. Нужно проводить с дельфинами побольше опытов, ставить перед ними разные по сложности задачи. И по тому, как они их решают, насколько целесообразно их поведение, делать соответствующие выводы. Я, например, считаю, что уровень развития дельфинов примерно равен уровню шимпанзе. Может быть, чуть ниже. Дельфины не узнают человека, как, скажем, обезьяны или собаки. У них нет привязанности к человеку.

Поведение дельфинов очень сложное. Иногда мы просто восхищаемся ими. Был такой случай. Дельфина-самку отсадили в запасной бассейн, отгороженный от основного сеткой. Ее накормили досыта. Остальные дельфины наблюдали, как она ест рыбу. Но рыба осталась. Тогда самка берет рыбу в пасть и просовывает ее сквозь сетку своим сородичам. Но ведь ее никто этому не учил.

Еще интересное наблюдение. Рыбаки рассказывали: одиажды они видели, как по поверхности моря катится шар из кефали. Это дельфины охотились за рыбой, а она пыталась найти спасение в воздухе. Дельфинов было двеиадцать. Они окружили стаю рыбы. Между ними произошло любопытное разделение труда: шесть дельфииов удерживали кефаль, чтобы она ие «растекалась» в разные стороны. А остальные в это время питались. Затем они поменялись ролями.

Безусловно, это доказывает, что они высокоразвитые животные. Но здесь иет ничего сверхъестественного. Вспомните, как охотится волчья стая. Все продумано до мелочей, каждый знает свою роль. И что же, волки разумны? Нет. У многих животных в процессе эволюции психика достигла высокого уровня развития. Поведеиие таких животных пластично, они могут приспосабливаться к изменяющимся условиям обитания, накапливать опыт, обучаться. Мие рассказали об одиом любопытиом случае. Отлавливали группу дельфинов. С собой взяли обученного дельфииа по кличке Ева. Восемь лет она жила рядом с человеком. При выходе в море она ушла к диким дельфинам. Причем она вывела стадо дельфинов из сетей, провела под судном в открытое море. Сами дикие животные иикогда этого ие сделали бы.

— Обучение пошло ей на пользу. Зураб Отарович, с какой целью вы обучаете дельфинов?

— Чтобы зиать, каковы их возможности. Ведь при освоении Мирового океана трудно обойтись без помощника. Им может стать дельфин. Они могут помогать рыбакам обнаруживать косяки рыбы, удерживать их до прихода рыболовецких судов. Возможио, научатся загонять рыбу в сети.

— А сейчас какие эксперименты вы проводите здесь?

— Завтра будут проводиться эксперименты по изучеиию дыхання дельфииов. Можете прийти посмотреть. Думаю, вам будет интересно.

Такое пропустить нельзя. Уже темнело. Мы уходили, и так же, как при встрече, нас вдоль бассейна сопровождали дельфины. «Пыф! Пыф!» — раздавалось вслед.

Выходим иа бульвар. Быстро стемнело. Луч прожектора выхватил из темноты чаек. Серебряиыми стрелками вспыхивали они в мощном сиопе света и исчезали в густой тьме южной иочи.

Утром бассейны было ие узиать. Воду из них спустили в море. Обиажились железобетонные стеиы, покрытые зелеиоватыми водорослями. Лишь на дне оставили ровно столько воды, чтобы дельфины могли плавать, ие задевая брюхом о плиты. Теперь их можио легко отловить.

Дельфииа, иазиаченного для эксперимента, поместили иа брезентовые иосилки и с помощью лебедки подняли иа поверхность. Для экспериментов приспособили просторный аквариум с морской водой. Клюв афалины обмотали клейкой лентой, чтобы она могла дышать только через дыхало. Выдыхаемый воздух поступал в аэрозонд. Одиовременно с помощью электрокардиографа изучали изменение сердечной деятельиости дельфина в процессе дыхания.

Благодаря серни таких экспериментов удается определить параметры дыхания, ритм и объем. Результаты многолетних исследований удивили ученых. Дельфины дышат очеиь редко.

Так, человек дышит в минуту 16—20 раз, а дельфины — 1—4 раза. У них очень энергичный вдох и выдох. Он взрывообразен, почти мгновенен. Вдох длится 1,2 секунды, выдох — 0,4 секунды. У этих животных очень большой дыхательный объем. Если у человека в среднем он равен 0,5 литра, то у дельфина — от 3 до 7 литров.

Все в жизни дельфинов связано с водой. Они удивительно приспособлены к водной стихии. Могут быстро подниматься с большой глубины. Им не страшна и кессонная болезнь. Большое количество гемоглобина в мышцах позволяет дельфинам резервировать много кислорода. Предполагают, что в легких он используется в основном для снабжения нервной системы. С этим связано резкое замедление кровотока — частоты сердцебиений — во время погружения на глубину.

В дельфинарнуме установили, что частота сердцебиения у афалины, дышащей у поверхности, 110 в минуту, а у нырнувшей — только 50. Организм дельфинов на 90 процентов состоит из жидкости, поэтому большие давления воды при нырянии на глубину им не страшны. Все эти приспособления позволяют им задерживать дыхание до 20 минут и нырять на глубины до 300 метров.

Дельфиний цирк

Слава Батумского дельфинариума давно распространилась за пределы Кавказа. Каждый, кто приезжает сюда, старается попасть на театрализованное представление с участием дрессированных животных. Мы тоже побывали на одном из таких сеансов.

Прибыло несколько автобусов с туристами. И представление началось. Что это было за зрелище — яркое, интересное, незабываемое! Каждый номер исполнялся под специальное музыкальное сопровождение. Дельфины приносили дрессировщику пластмассовые кольца и мячи. Прыгали через обручи, подвешенные над водой. Забрасывали мячи в баскетбольную корзину. Один дельфин выскальзывал на мостик к ногам дрессировщика. Другой брал рыбу из его рта. Двое животных буксировали тренера по бассейну. Наконец, самый эффектный номер: прыжки дельфинов в высоту. Один за другим вылетали они из воды и с шумом плюхались вниз, обдавая первые ряды брызгами. В воздухе повисала радуга.

После спектакля мы зашли в комнату дрессировщиков. Нас познакомили с ведущим дрессировщиком Георгием Иосавой. Волосы у него были влажными, лицо немного усталым.

— Не холодно? Ведь сейчас апрель.

— Нет. Вода плюс пятнадцать. В январе было восемь. Вот тогда померзли.

— А костюм почему не снимаете?

— Очень короткий перерыв между сеансами. Костюм не успевает высохнуть. Вот и носишь его на себе.

Руки Георгия в ссадинах, глубоких царапинах.

— Дельфины?

— Они. Зубы у них острые, как иглы.

— Случайные порезы?

— Иногда случайно заденешь во время кормления. А бывает, что и нет!

— Они что же, агрессивны?

— Да как вам сказать. Все-таки дельфины — хищники. Плаваю по бассейну, держусь за спинной плавник одного из них. Другой проплывает мимо и нарочно задевает меня. Однажды дельфин так двинул меня хвостом, что я вылетел из воды.

— А говорят, что они очень добры по отношению к человеку.

— Дельфины агрессивны лишь в исключительных случаях. В бассейне они соперничают из-за корма. Каждый хочет работать со мной и получить свою рыбку.

— Георгий, для нас дельфины, что называется, на одно лицо. Вы, конечно, отличаете их одного от другого?

— Конечно. Они разные, как и мы. Характер и способности у каждого свои. Пойдемте, я вам их представлю.

Выходим из комнаты и по ступенькам поднимаемся к бассейну. К нам устремился крупный дельфин.

— Это Персей. Самый большой дельфин. Старожил дельфинариума.

Персей раскрыл пасть, зацокал, стал мотать головой.

— Георгий, смотрите, у Персея нет многих зубов.

— Старый уже, вот и выпадают зубы. Обратите внимание, у него нёбо с темными пятнышками. У других дельфинов их нет.

Георгий бросил Персею рыбешку. Подплыли еще два дельфина.

— У Маши клюв длиннее, чем у остальных. А Мамаша покрыта мелкими светлыми пятнами. У каждого дельфина есть что-то присущее только ему одному.

— А где остальные?

— Отдыхают в отдельном бассейне.

— Видимо, и способности у них разные?

— Безусловно. Персей резвый. Он — гвоздь программы. У него мощный хвостовой стебель. Он лучше всех прыгает. А Мамаша хорошо играет с мячом. Маша очень проворна, быстро приносит пластмассовые кольца, брошенные в воду.

— Если не секрет, как вам удалось добиться такого послушания от дельфинов?

— Это было нелегко. Когда дельфинов отловили и доставили сюда, они были настоящими дикарями. Ни на какое общение с человеком не шли. К корму не прикасались несколько дней, сильно исхудали. И вот постепенно мы стали налаживать с ними контакты. Мы ныряли в бассейн, плавали рядом. Дельфины стали разрешать прикасаться к себе. Наконец мы достигли высшего с их стороны доверия к человеку: дельфины позволили прикоснуться к глазам, дыхалу, плавникам. А когда налажен контакт, с ними работать легко.

— Вы обучали дельфинов по программе?

— Сначала мы не знали, как это делать. Никаких методик по дрессировке дельфинов у нас не было. Ведь в нашей стране мы первыми стали их обучать. Внимательно следили за литературой — нашей и зарубежной. Но сведения по дрессировке дельфинов были очень скупыми. Так что до всего приходилось доходить самим.

Георгию нужно было готовиться к очередному сеансу. Мы не стали его больше беспокоить. Договорились встретиться завтра пораньше, до начала первого выступления. Хотелось поснимать дельфинов в спокойной обстановке.

Утро выдалось солнечным. Оператор радовался отличной погоде. Нашу съемочную группу в интитуте знали и пропустили в дельфинариум. Знакомый бассейн. К нам сразу подплыл дельфин. Теперь мы их различали. Это был Персей. В бассейн кто-то бросил эвкалиптовый листочек. Персей тут же бросился за ним. Пыф-пыф — и он бережно несет листочек на кончике клюва.

Пришлось погладить его по голове. Кожа у дельфина нежная, как у ребенка. Персей замотал головой: а где награда? Пришлось идти за рыбой. Получив ставридку, он успокоился и явно стал нас разглядывать.

Какие у него понимающие, умные глаза! Такое ощущение, что дельфин вот-вот заговорит. Некоторое время мы внимательно смотрели друг на друга. Но вот на него нацелили объектив фотокамеры. Персей встрепенулся, вынырнул из воды почти на всю свою длину. Вот это кадр! Как не угостить за такое старание! Еще одна ставридка исчезла в пасти дельфина.

— Так, так, — раздался голос сзади.— Значит, кормим дельфинов. Этого делать не следует.

Мы не заметили, как подошел Георгий Иосава.

— Мы запрещаем кому бы то ни было кормить дельфинов,— сказал он с укоризной.— Они приучены к тому, что получают корм только за выполненный номер. Иначе перестанут нас слушаться.

Георгий бросил в воду мячик. Персей метнулся за ним.

— Ну молодец! — он похлопал дельфина по клюву. Дал рыбку.— До чего любят играть. Иногда со дна бассейна срывают кафельные плитки и играют с ними.

Зазвучала музыка. Трибуна была заполнена до отказа.

— Иди, Персей, тебя ждут.

В этот день с дельфинами работал другой дрессировщик. Мы с Георгием наблюдали за выступлением из домика через широкое смотровое окно. Животные четко выполняли команды дрессировщика.

— Интересно, Георгий, как дельфины понимают, что необходимо выполнять тот или иной трюк?

— По определенному жесту. Смотрите, дрессировщик сделал движение рукой вверх — и дельфин выпрыгивает из воды. Частые взмахи кистью руки,— значит, бей плавниками по телу. Ладонь горизонтально — стоп. Всего дельфины освоили более двадцати жестов-команд.

— Следовательно, столько же и трюков?

— Да, возможности у дельфинов еще не изучены. У них можно выработать немало навыков. Номер «фонтанирование» — это когда дельфин через дыхало выбрасывает воду на высоту до двух метров — подсказали они сами.

— Как вы их поощряете?

— Рыба — главное. Но им нравится поглаживание рукой, почесывание щеткой. Игра с мячом тоже большое удовольствие.

— Наказываете за непослушание?

— Бывает. Убираем иа некоторое время мяч и кольца. А обучать их с помощью болевых ощущений иельзя. Удар дельфии может воспринять как ласку. Очеиь ие любят они, когда их придерживают. Нервничают, вырываются. У дельфииов можно выработать условный рефлекс быстрее, чем у других животных. Их возможности велики.

Начался сложный иомер: синхронный прыжок группы дельфинов через перекладину. Георгий объяснил, как ои готовился. Сперва учат выполнять этот трюк каждого дельфина в отдельиости. Потом его проделывают два дельфииа и, иакоиец, все три. После выполнения иомера дельфины подплывают к дрессировщику, и тот бросает им по рыбине.

— Георгий, ие может так получиться, что он бросит иесколько ставридок одиому и тому же дельфииу, а остальные останутся голодиыми?

— Это исключеиио. Мы знаем, сколько оии съедают в сутки. Рыбу взвешиваем и распределяем почти поровну. Конечно, учитываем, что вес у дельфинов разный. Большему и достается больше.

— Сколько они съедают за день?

— От восьми до двенадцати килограммов рыбы. Их аппетит зависит от температуры воды, погодных условий, активиости. Рыбу для них ловит сейнер иашего ииститута.

— У каждого иомера свое музыкальиое сопровождеиие. Разве дельфииы реагируют иа музыку — ее мелодию, ритм?

— Думаю, что иет. Скорее всего они воспринимают вибрацию воды от звучащего динамика. Но это только мое предположение.

Дрессировщик лег на мостик. Дельфин подплыл и клювом косиулся его щеки. Тут же получил рыбку.

— Вот этот номер,— пояснил Георгий,— исполняется под мелодию из фильма «История любви».

— Бывают случаи, когда дельфииы отказываются выполнять ваши команды?

— Очень редко. Например, во время брачных игр. Или когда очеиь устают. Никакими угощеииями тогда вы их не заставите работать. Бывает и так: наелся досыта. Зачем же им выполиять трюки? Вот почему мы их кормим только во время выступления. Обратите внимание, вот интересиый номер — синхрониый прыжок группы дельфинов в три обруча. Каждый дельфин прыгает только в свой обруч.

— Оии что же, договариваются друг с другом или одии из них подает команду?

— Смотрите: они втроем выглянули из воды и строго вертикально погрузились. Теперь синхрониый прыжок. Дельфинам этот трюк проделать иелегко. Вода в бассейне мутная. Но оии приспособились. Видимо, общаются друг с другом в это время.

— Какая точность движеиий, какой тоикий расчет. Очень эффектный трюк.

— Он требует выносливости, координации движений как от дрессировщика, так и от дельфииов.

Дельфины несколько раз повторили этот синхрониый прыжок. У всех присутствующих он вызвал восхищение.

Один из дельфииов по команде дрессировщика выскользиул из воды иа мостик. И был за это возиаграждеи.

— Вот тоже очень сложный иомер. Может, не такой эффектиый, как синхронные прыжки. Дельфин добровольно покидает родную стихию. В естественных условиях они это ие делают.

Подходил к концу еще одии сеанс. Дельфины по одиому выпрыгивали из воды. Персей превзошел себя. Ои взлетел иа пятиметровую высоту.

— Этот иомер мы готовили почти год,— прокомментировал Георгий.— Заметьте, как приводияются дельфины. Самцы иа брюхо, самки — только иа хвост: берегут живот.

— Какой самый сложный иомер в исполнении дельфинов?

— Я считаю, групповое стоянне «свечой» — иа хвосте. Но это иам еще предстонт освоить.

Представлеиие окоичилось. Трибуна опустела. Мы подошли к одиому из запасных бассейнов. В ием оказалось два дельфиненка. Это дети Мамаши н Маши. Это ие первый случай, когда в дельфиииариуме рождаются детеиыши. Малыши резво плавали в бассейне.

— Смеиа подрастает,— улыбался Георгий.— Эти уже с первых дией видят иас и очеиь быстро привыкают. С ними в дальиейшем будет легко. Но не все малыши выживали. Некоторые погибали от болезней.

Оказалось, дельфииы болеют многими серьезными болезнями. Воспаление легких, язва желудка, болезни печеии, иифаркт — все, как у людей. Несколько дельфииов погибло от пиевмоиии: простудились во время транспортировки в дельфииарий после отлова. Везли их в иеглубоких ваниах. Животные долго находнлись без движеиия. Теперь другое дело. Научились их перевозить, да и лечить тоже.

Мы и ему задали тот же вопрос:

— Георгий, что бы вы сказали о разуме дельфииов? Можио ли их считать разумными? Вы столько с ними работаете.

— Пока в иауке иет точиого ответа — считать их разумиыми или нет. Дельфины — это прежде всего животные. Такие же, как и остальные. Конечио, со своими способиостями и возможиостями. На мой взгляд, следует говорить ие о разуме животных, а о зачаточиых формах их рассудочиой деятельиости. Глупых и умных животиых в природе ие бывает. Каждый вид в процессе эволюции приспособился к определенной среде обитания. Чтобы установить контакт с тем или иным видом, иам нужио изучать их язык, формы поведения, что мы и делаем.

* * *

Если иесколько десятилетий иазад можно было услышать или прочесть о том, что биологические ресурсы Мирового океана иеисчерпаемы, то теперь от такого взгляда решительио отказались. Сегодия ученые довольно точно определили, сколько морепродуктов можио брать из кладовой Нептуна без ущерба для воспроизводства. Рыбы, иапример, можио отлавливать около 100 миллиоиов тонн. К сожалению, ие везде разумно отиосились к биологическим ресурсам моря. И, как результат, многие участки

Мирового океана стали беднее. Невысока в настоящее время и продуктивность Черного моря.

Сейчас многие пришли к выводу: настало время, когда в море недостаточно заниматься лишь регулированием промысла. Необходима кардинальная перестройка всего рыбного хозяйства, в частности и в Черном море. Нужно переходить от рыболовства к управляемому рыбоводству и восстановить запасы ценных промысловых рыб — крупной ставриды, скумбрии, сельди, камбалы-калкана, осетровых и других видов. Только тогда возродится былая слава Черного моря как рыбного водоема.

Морские промыслы, подобно охоте на суше, не в состоянии дать столько продукции, сколько ее необходимо людям, которые вынуждены довольствоваться тем, что удается добыть. Вот почему на смену морскому промыслу в будущем придет морское хозяйство. Конечно, сейчас можно говорить лишь о некоторых зачатках, первых ростках такого способа хозяйствования.

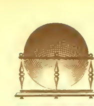
Итак, человек на пороге создания управляемых морских хозяйств. В недалеком будущем они займут либо большие акватории шельфа, либо даже целые внутренние моря. Идея создания таких гигантских хозяйств не противоречит организации небольших «голубых ферм» и плантаций вдоль морского побережья, так как малые хозяйства войдут составной частью в большие.

Главная задача гигантского морского хозяйства — создание в прибрежной акватории шельфа экосистемы с заданными свойствами, то есть системы, которая даст человеку определенное количество морских продуктов при заданных затратах материальных ресурсов. Человеку в дальнейшем нужно лишь управлять природной средой, то есть удобрять море, нейтрализовать и предотвращать загрязнения, делать «вспашку» моря — интенсивно перемешивать морскую воду с целью выноса питательных веществ из глубин моря в его поверхностные воды.

Создание управляемых морских хозяйств на шельфе Черного моря — мощный резерв биологических ресурсов для нашей страны. Черное море, по мнению ученых, хорошая среда для выращивания полезных видов животных и растений.

При освоении морских просторов человеку без помощников не обойтись. Кандидатом номер один на эту роль конечно же будет дельфин. Опыты ученых в Батуми по налаживанию контактов с этими морскими животными обнадеживают.

Хозяйствуя на Черном море, осваивая его природные ресурсы, нельзя забывать и о том, что некоторые участки морской акватории и прибрежные зоны уже сейчас следует объявить заповедными. Нужно сохранить эталоны черноморской флоры и фауны. Ведь сохраняем же мы нетронутые участки на суше. Они нужны природе. Необходимы они и человеку — для его блага, для получения полноценных впечатлений от встреч с природой.

НА ДАЛЕКИХ МЕРИДИАНАХ

ЮРИЙ ЧУБКОВ

МАКОНДЕ

Очерк

Слово «маконде» мне было известно давио, с детства. Оио ассоциировалось с масками и скульптурами чериого дерева, иногда подлинными, завезенными случайно из Африки, чаще поддельными, аляповатыми, сработанными каким-иибудь жуликоватым художником из гипса или из выкрашеииой черной тушью сосны. Такие можно было купить за трешку на Невском — продавали их темные личности, с оглядкой, из-под полы, шепча таинственное слово — «маконда!». Почему вся эта продукция так иазывалась, я не зиал. Может, и слышал, что существует где-то в Африке племя с таким же иазванием, ио ие прндал этому значения, потом позабылось, стерлось из памяти...

Позиакомившись в Мозамбике со скульпторами этого племеии, я загорелся желанием позиакомиться поближе с самим иародом маконде.

Сведения о происхождении маконде туманны. Не было у них племенной организации, когда во главе племеии стоял бы один «великий» вождь, заинтересованый в том, чтобы деяния его и подвиги сохранились для потомства, а зиачит, и ие было осозиания иародом своей исторической целостности. Они всегда жили, разделенные иа иебольшие группы, ограниченные семейными отношениями, и во главе каждой стоял свой вождь, ни от кого ие зависимый. Если спросить маконде о происхождеиии племеии, он

ограничится ответом о происхождении рода, деревни. Его интересы редко выходят за пределы этнической группы, включающей родственников по материнской линии.

Правда, говорили очень древние старики, которые слышали от дедов и прадедов, будто давным-давно маконде Танзании, Мозамбика, а также племя матамбуе представляли собой один народ и жили они на берегу большого озера. Возможно, то было озеро Ньяса. Но когда это было и почему они покинули земли своих предков, никто объяснить не мог. Рассказывали, будто бы поселились они по берегам рек Луженды и Рувумы, где обильной была охота, особенно на слонов. Но засуха, длившаяся несколько лет подряд, в результате которой погибла большая часть племени, вынудила оставшихся в живых покинуть эти земли. Одни пошли по реке Месало и обосновались на высокогорье Мапе, другие поднялись на плоскогорье Мведа, а те, что жили на левом берегу Рувумы, обосновались в Танзании, на плоскогорье Невала.

Можно верить этим рассказам, можно сомневаться. Страшная засуха действительно имела место в начале нашего века. Может, это о ней народ сохранил память? Но тогда чем объяснить, что за такой короткий период уже успели сложиться различия в обычаях, языке между маконде Танзании и Мозамбика? Между маконде и матамбуе? Скорее всего много было засух в истории народа, заставлявших отдельные роды или все племя сниматься с насиженных мест и искать более гостеприимные земли, но в памяти народной, передаваясь из поколения в поколение, они слились в одно большое несчастье. В настоящее время образ жизни, традиции, ритуальные обряды племени, особенно обряд, посвященный половой зрелости, играющий большую социальную роль в жизни маконде, обряд «праздник мертвых» так разнят их от других народов, что не остается сомнений: много поколений должны были прийти на смену друг другу, прежде чем произошло становление племени. И становление это происходило в какой-то загадочной изоляции. Почему?

Давно, примерно полтора столетия назад, воинственное и суровое племя ангони вдруг стронулось со своих обжитых мест и двинулось на север. Смерть, ужас и разрушения сопровождали их путь. Благодаря высокой военной организации ангони без труда подавляли слабое сопротивление других племен. Страх перед ними был так велик, что стоило ангони только появиться и издать боевой клич, как противник мгновенно ретировался, бросая оружие. Победители грабили, убивали стариков и детей, в плен брали женщин в качестве наложниц, а молодых мужчин — дабы пополнить ряды своих боевых отрядов.

Многие племена предпочитали сдаться без боя, уйти с ангони, чтобы грабить и убивать, как победители, ибо это была единственная возможность остаться в живых.

И только маконде избежали этой печальной участи, потому что были не менее воинственны, а их плоскогорья превосходным образом способствовали отражению атак. Они умели так искусно маскировать в зарослях свои селения, что обнаружить их было невозможно. В зарослях же они устраивали настоящие лабиринты, откуда чужой человек никогда не смог бы выбраться, так как в них врага поджидали ловушки — коварно замаскированные ямы,

засады. В любой момент молчаливый лес мог вдруг разразиться яростными криками, и стаи ядовитых стрел тогда с жадностью вонзались в тела пришельцев. Потом опять стихало все, будто не произошло ничего, и лишь предсмертный стон, быть может, напоминал о свершившейся трагедии, и трупы врагов оставались гнить на последней для них боевой тропе.

Эту воинственность и свободолюбие маконде испытали на себе португальцы во время колонизации внутренних районов страны в начале двадцатого века. Не раз отряды регулярных войск вынуждены были отступить с потерями перед вооруженными лишь копьями и луками маконде. Недаром борьба за независимость в 1962 году началась именно там, на плоскогорьях маконде.

* * *

Однажды, бродя по залам Национального музея в Мапуту, я увидел шесть фигур из белого дерева с татуировкой на лицах. Дерево пожелтело и на вид было очень древним. Быстро заглянул в каталог и прочел: «Старинные скульптуры племени маконде».

Я заволновался: ведь это те самые «предки», которых так почитали маконде и вырезали из дерева, чтобы они были рядом. Может, вот эта фигура с нелепо воздетыми, будто в мольбе, руками и несчастным выражением лица и есть тот самый вышедший из леса человек, «который никогда не мылся и не стриг волосы»? А это — женщина, которую он вырезал из дерева и сделал своей женой? О них говорили мне скульпторы маконде.

Курительная трубка маконде: в кокосовый орех вставлены два бамбуковых ствола диаметром три-четыре сантиметра. Один служит мундштуком, а в другом имеется чашечка из черного дерева, куда засыпается табак. Хранится трубка в своеобразном клубе, называемом «шитала», без которого немыслимо представить себе ни одну деревню маконде. Это утрамбованная площадка, крытая навесом из соломы, расположенная в самом центре деревни. Здесь по вечерам собираются мужчины рода посидеть у костра, потолковать о проблемах важных и совсем пустяковых, повеселиться, и тогда по кругу идет трубка. Женщинам вход в «шиталу» воспрещен.

Вот маска маконде для ритуального танца «мапико» из легкого и мягкого дерева, полностью закрывающая голову танцора, позволяющая ему оставаться инкогнито. Маска хранится в укромном месте, скрытом от постороннего глаза, особенно женского, чаще всего в дупле дерева или специальной хижине, предназначенной для хранения ритуальных принадлежностей. Перед началом церемонии танцор с помощью «ассистента» одевается где-нибудь в густом лесу. Тем временем мужчины и подростки в деревне вычерчивают на земле прямоугольник, долженствующий означать могилу, и под ритмы барабанов начинают стегать по нему прутьями, вызывая души покойников на свет божий. При этом танцуют и выкрикивают заклинания. В нужный момент из леса появляется «мертвец» в маске и специальной одежде. Танец, сопровождаемый оркестром из пяти барабанов, должен обязательно продолжаться до захода солнца. Маски «мапико» делают с большим искусством, придают им то или иное выражение в

зависимости от склонности и воображения мастера, и чем страшнее, тем лучше. Раскрашивают их, украшают татуировкой.

Вообще у маконде страсть к украшательству очень сильна: украшают скульптурой ложки, сосуды для пряностей, для табака, огромные ступки, в которых толкут кукурузу и маниоку, красивый орнамент выписывают на глиняной посуде. Изготовлением глиняной посуды занимаются женщины, поскольку относится она к предметам домашнего обихода, а все, что касается дома и семьи, находится в ведении женщины. В ведении женщины находится также и поле, сев и сбор урожая. Лишь в последнее время, когда снизилась роль охоты в жизни маконде, мужчина стал разделять земледельческий труд с женщиной

* * *

Все, что я увидел, услышал или прочитал о маконде, лишь больше разожгло мое любопытство, придав этому племени таинственный, даже немного мистический оттенок в моем представлении. И вот однажды, неожиданно для меня, состоялся примерно такой разговор:

— Нужен переводчик для поездки по стране.

— Что ж, я готов.

— Но,—добавили сурово,—поездка напряженная будет и трудная. Транспорт не гарантирован—сезон дождей. Одним словом, в неизвестность.

— Ничего, я потерплю.

— Тогда завтра вылетаем в Пембу. В семь утра.

— Ясно.

В Пембу! Это ж столица провинции Кабу-Делгаду—самой желанной для меня в тот момент провинции. Ведь именно там, на севере ее, обитают маконде. Правда, Пемба расположена на юге... но это ничего, это совсем уже близко.

Пемба—городок, немного безалаберно распланированный, но удивительно удобно расположенный на самой оконечности полуострова, отделяющего бухту от океана. Там с одной стороны города нежится зеленая гладь залива, а с другой—прозрачные волны прибоя обхаживают белый и чистый песок пляжей, и пенные гребни, как лебединые стаи, взмывают ввысь, но улететь не могут.

Не было времени, чтобы основательно познакомиться с городом,—сказывалась та самая напряженность поездки, о которой меня предупреждали, и все же, улучив момент и порасспросив местных жителей, я выяснил следующее: живут в основном в Пембе макуа—народ очень веселый, любит танцевать и петь песни. В этом мы сами убедились вечером, когда с наступлением темноты в различных концах города зазвучали тамтамы, загорелись костры и в их мятущемся свете двигались тени и слышались возгласы.

Живут в Пембе и маконде: я встречал на улице много татуированных лиц. Скульпторы маконде приходят из дальних деревень и располагаются со своим товаром прямо на асфальте у центрального супермаркета. Специального базара, где продавали бы скульптуры, нет.

Не теряя времени, я побежал к супермаркету, но мастеров там не нашел. Расстроенный, стал приставать к прохожим: как же так? Ведь мне говорили... Почему? Будний день, отвечали, обычно мастера собираются по субботам. Нет, возражали другие, приходят и в будние дни, но почему-то сегодня нет. Странно. Наконец одного мне показали. Он сидел в тени, от меня его скрывала длинная очередь за каким-то продуктом. Перед ним выставлены были две скульптуры на одну и ту же тему: старик маконде придерживает на голове огромную рыбу, другой ухватил за ухо согнувшуюся над кувшином женщину, должно быть жену. По размерам жена была раза в три меньше старика. Хотел ли этим мастер подчеркнуть превосходство мужского пола над женским? Не знаю. Сам мастер ничего не мог сказать по этому поводу: он не говорил по-португальски. Как бы там ни было, работа мне понравилась.

Пока я бегал по городу и занимался изысканиями, выяснилось одно обстоятельство, очень меня порадовавшее: далее на север мы едем на машине. Более того, путь наш лежит к тем самым местам, где обитают маконде, через плоскогорья, к самой реке Рувуме.

* * *

Дорога вопреки нашим предположениям оказалась великолепной, но день выдался сумрачный, ползли низкие грозовые тучи, нехотя переваливали через гигантские гранитные скалы, которые, как отщепенцы недалеких гор, торчали сиротливо из лесных зарослей. Эти скалы попадались часто, пока мы ехали по равнине, дорога, огибая их, выписывала замысловатые кривые.

Дождь начинал примериваться к нам, хлестал резкими струями в стекло машины. Селения на равнине встречались редко, и невозможно было понять, макуа они или маконде, потому что здесь именно проходила зона смешения этих народов. А настоящие маконде живут дальше, на плоскогорье. Там фиолетово полыхали зарницы, так часто и мощно, что казались единой, блуждающей по горам огненной вспышкой. Природа в Африке не любит творить только наполовину, и если уж одаряет, то щедро, от всей души. Коли сказано: сезон дождей — это действительно сезон дождей, буйных и необузданных гроз, которыми сыплет она безумно, не то опьяненная собственной силой, не то наказать хочет бог весть за какие грехи.

У нас все еще было впереди, путешествие только начиналось.Проехали мост через реку Монтепвез. Сезон дождей только начался, река не набрала еще силу, струилась слабыми ручейками меж многочисленных отмелей. Исчезли гранитные скалы, зато ближе и отчетливее стали горы, дорога заметно пошла на подъем — мы въезжали на плоскогорье, страну маконде. Все чаще попадались скрытые в зарослях кукурузы деревеньки в пять-шесть, иногда больше хижин. Самих хижин видно не было, лишь крыши торчали, как стога сена на наших лугах.

Люди шли по обочинам дороги, несли на головах кувшины с початками кукурузы, тыквы, арбузы — возвращались с полей. Я всматривался в их лица, чуть не вываливаясь из кабины,—

маконде! Не просто маконде, а маконде в собственной своей стране, в своих хижинах — в той среде, что сделала их такими непонятными и загадочными.

— Смотрите! — закричал вдруг один из моих спутников. — Что это у них на губе?

Навстречу шли три женщины, обнаженные до пояса, в верхней губе у каждой вставлено было «батоке» — деревянный цилиндр диаметром примерно пять-шесть сантиметров. За ними не спеша, как пастух за стадом, шел мужчина с длинным ножом, который здесь называется катана. Завидев нас, женщины свернули с дороги в придорожные кусты и повернулись к нам спинами. Мужчина остановился и, приветствуя, приподнял дырявую соломенную шляпу.

Я рассказал, что знал о «батоке», о том, что в детстве еще маконде протыкают девочкам верхнюю губу, вставляют сначала соломину, а потом деревянный цилиндр — «батоке». В давние времена протыкали еще уши, унизывая их сплошь короткими палочками.

— Зачем они так? — мрачно спросил мой спутник.

Я пожал плечами: быть может, восходит это к какому-то религиозному обряду, может, считают красивым — ведь критерии красоты различны, и нам не приходится диктовать им свои вкусы.

Нашему водителю Кустодио — лихому и веселому парню из Пембы — надоело поминутно сигналить, сгоняя вереницы пешеходов к обочинам, и он стал прислушиваться к нашему разговору, силился до напряжения в глазах понять, о чем идет речь. И ему показалось, что понял.

— Это его жены, — сказал неожиданно.

— Какие жены? — не понял я.

— Те женщины, — он оттопырил верхнюю губу, указал пальцами, — о которых вы говорите.

Кустодио понял по-своему, ему и в голову не пришло, очевидно, что «батоке» явилось предметом недоумения. Я перевел спутникам, они удивились еще больше.

— Как! Три жены?

— Три, три! — закивал довольный Кустодио. — Я сам маконде из Муеды, я знаю.

— И у тебя, Кустодио, тоже три жены?

— Не-ет, у Кустодио нет жены. Нет денег — нет жены. Если бы у Кустодио были деньги, он имел бы три... нет, пять жен! — И весело расхохотался.

Многоженство до сих пор является обычным делом не только у маконде, но и у других народов Африки. Объясняется это не столько «страстностью» мужчин, сколько экономическими соображениями, необходимостью иметь как можно больше рабочих рук в семье для расширения и обработки земельного участка. А маконде к тому же еще издавна известны своим пристрастием «умыкать» женщин у других народов.

Так было в старые времена, а сейчас маконде воруют женщин?

— Воруют, — сказал Кустодио.

— Каким образом?

— Очень просто. Понравилась мужчине женщина, он подходит к ней и спрашивает: «У тебя есть муж?» — «Есть». — «Он тебя

обеспечивает?» — «Нет, не обеспечивает».— «Хочешь, пойдем со мной?» — «Хочу». Они идут, и она становится его женой. А бывший муж? Бывший муж ее выслеживает и, если иаходит, приходит с приятелями или родственниками, кричит, ругается, ио больше для того, чтобы набить цену. Тогда иужно заплатить ему договореииую сумму деньгами, отдать стадо коз или ружье, и никаких проблем больше не возникает.

Мы ехали уже часа три без остановки, и пора было сделать привал. Дождь, собиравшийся весь деиь, так и ие иачался. Это казалось страиным, потому что уже сверкало и хмурилось со всех четырех сторои света, даже погромыхивало то глухим утробным звуком, то звонко и раскатисто.

Остаиовились в Макомие — административиом центре, поселке в иесколько одноэтажных домов. Перекусив иаскоро, отправились дальше, когда уже чувствовалось приближение вечера. Сумрачиый деиь оставался все таким же сумрачным, ио краски стали гуще, насыщеннее, ярче засверкали молнии, и в зелень деревьев словио бы кто-то подпустил сажи. Спешили по дороге люди, ио теперь чаще встречались женщины с вязаиками дров иа головах, дрова несли и мужчины.

В хижинах разжигали костры, дым густо сочился сквозь соломенные крыши. Иногда попадались своеобразиые ларьки, если можно их так назвать: из жердей и соломы сделаи иавес с прилавком, иа прилавках овощи, фрукты, ремесленные поделки. Эти ларьки стояли прямо на дороге, в иекоторых продавцы отсутствовали, лежали только товары, ио стоило крикнуть, посвистать или посигналить, как хозяин тут же вынырнет откуда-нибудь из кукурузиой чащи. Взять товар потихоньку, не заплатив, никому не приходит в голову.

В одиом таком ларьке стояли скульптуры чериого дерева. При скорости сто километров в час я едва успел их заметить и сообразить, но все же осталось у меня ощущеиие какой-то несообразиости: уж очень ие вязалась с покосившимся ларьком моментально бросившаяся в глаза сочность, чистота линий всей скульптуриой группы.

Когда сообразил, «лендровер» умчал нас метров за пятьсот. Вернуться? Я посмотрел на тревожные лица моих спутников и оставил мысль даже заводить речь об этом. И действительно, тревожиться было из-за чего: прямо на нас с близких гор сползала, грохоча громами и ощетинясь молниями, огромная клубящаяся туча, она катила и заполняла собою простраиство, однако тесно ей было, она зло ворочалась и сердилась. Встречались еще ларьки с черным деревом, но я только с сожалением провожал их взглядом.

— Вперед! — приговаривал наш руководитель.— Только вперед!

Исчезли с дороги люди, брели редкие одииочки. Хозяева ларьков тоже попрятались в хижины.

— Давай, Кустодио!

— А? — встрепеиулся Кустодио.— Кустодио да-вай?

— Давай, давай!

— Си, камарада. Кустодио да-вай!

Раскололось что-то совсем рядом, иад иашими головами,

захохотало дьявольски, ярким пламенем брызнуло в очи. Капли застучали по ветровому стеклу, и вдруг все исчезло в матово-сумеречном потоке хлынувшей на нас воды. Это не был дождь. Это был именно поток, густой и плотный. «Дворники» бессмысленно суетились по стеклу.

— Мама миа! Что делается!

Рокот падающей воды усиливался, исчез из виду последний клочок дороги перед носом машины.

— Стой, Кустодио!

Затих мотор, стало тоскливо нам в этом мятущемся и яростном водовороте, а он безумствовал, словно всерьез решил смыть нас с лица земли. Но что наши тревоги и страхи, подумалось мне, в надежном «лендровере» в сравнении с тем, что должны сейчас чувствовать люди в соломенных хижинах, таких хрупких и не внушающих доверия? Разве солома, через которую свободно проходит дым от очага, может служить укрытием в этом грохочущем хаосе?

Отбушевала и иссякла туча, уползла к югу, волоча за собой хвосты с подпалинами, размазывая по небу синь открывшихся прорех. Солнце уже клонилось к западу, и там, через прорехи, проливалось на землю чистое золото. Потом это золото стало тускнеть, подернулось малиновой окалиной, воздух, тяжелый, пресыщенный влагой, пронизали серые сумерки. Умытая основательно дорога отливала свинцовым озерным блеском.

Неизвестно откуда появились на дороге люди, до нитки вымокшие и усталые, они возвращались к своим очагам. Шли охотники, вооруженные луками, копьями, а иногда допотопными ружьями времен, наверно, героев Фенимора Купера. Такие ружья я видел в детстве в иллюстрациях к его романам. Охотники несли добычу: птицу, кроликов, лесных крыс.

Все гуще, насыщеннее становились сумерки, потом сразу вдруг обволокла дорогу, и лес, и небо пронзительно-черная африканская ночь. В эту ночь оглушительно-отчаянным посвистом ворвался хор цикад. Иногда вспыхивал во тьме красноватым пламенем костер, тогда видны были смутные фигуры сидящих вокруг него людей, или пробивался сквозь отверстие в стене хижины крохотный огонек — там за занавесом темной ночи, размеренная и спокойная, протекала жизнь народа маконде.

Цикады, как стая лихих разбойников, гнались за нами до самой Мосимбва-да-Праи. То отдалялся их звонкий стрекот, то приближался, заглушая рокот мотора и людские голоса. Потом смолк, казалось, но, едва мы разместились в небольшой гостинице, из недалеких кустов они вновь застрекотали так же оглушительно и надрывно. Им деловито, с достоинством, вторили лягушки.

Мосимбва-да-Прая, как и Макомиа,— административный центр. Во времена, когда португальцы еще робко жались к побережью, а племена внутренних районов не знали слова «колонизатор», Мосимбва-да-Прая являлась как бы связующим звеном трех цивилизаций: сюда из глубин Черной Африки несли каучук, кокос, слоновую кость, золото, чтобы обменять на ружья, порох, пули из Европы, на красивые ткани из Индии и Арабского Востока. Из тех же глубин вели вереницы рабов.

Сейчас это огромный поселок. От былых страстей и перипетий человеческих судеб не осталось и следа, разве только встретишь иной раз маконде-магометанина, индусских женщин в прозрачных и легких сари или африканца явно арабского происхождения.

Я тяжело, с трудом засыпал в душной и тесной комнате. Она мне казалась заселенной множеством невидимых существ: всю ночь что-то шевелилось, потрескивало, шуршало совсем рядом, слышался легкий изящный топоток по полу. В комнате протекала еще какая-то жизнь, в которую я вторгся незаконным образом, смутил, возможно, или что-нибудь расстроил. Поэтому обитатели выслали против меня летучий комариный отряд—комары жалили с большим искусством, тем более что я был совершенно беззащитен: укрыться хотя бы простыней значило растаять от жары. Я так и не понял, удалось ли мне заснуть, а когда очнулся от странного состояния, полнеба на востоке полыхало свежим малииовым восходом. Над ним висела полустертая луна.

* * *

Дорога еще не долго нас баловала—кончился асфальт, иачалась красная, напитавшаяся дождями глина. Машина то и дело буксовала, заносило ее влево и вправо, и со стороны, может быть, казалось, что исполняет она замысловатый танец. Передышку мы получили, лишь свернув на узкую проселочную дорогу к Нангаде. Плотно слежавшийся песок легко понес нас на север, к берегам Рувумы.

Высокие травы и кустарник назойливо лезли с обочин, и «лендровер» сердито их отпихивал. Часто они перемежались с кукурузными полямн, кое-где убранными, и тогда взорам нашим открывалась часть деревни. Там люди занимались своими делами, но я в машине так же далек был от них, как в Мапуту.

Их жизнь проносилась мимо, я ие мог прийти к иим, поздороваться. Виновата скорость, решил я, мы живем с ними на разных скоростях. И как следствие—дорога. Я вознеиавидел дорогу. Если бы могла она когда-нибудь кончиться! Просто так прекратиться вдруг, исчезиуть, чтобы не было пути ни вперед, ни назад.

Долина Рувумы открылась неожиданно: мы въехали в Нангаде—небольшой пограничный поселок, за ним сразу кончалось плоскогорье и начинался крутой спуск. Остановились у самого края—под нами колыбелью для голубых далей раскинулась долина, светлым клинком сверкала иа солнце Рувума, за ней дремотно разлеглись горы.

— Красота-то, братцы, какая!

В Нангаде у нас по плану обед, но есть не хотелось, хотелось скорее туда, в красоту, пощупать ее руками, однако есть время болтаться в машине, и есть время обедать, поэтому, наскоро перекусив, мы погнали «лендровер» по дороге вниз, к светлым струям Рувумы, озеру Нангаде, блестевшему в густой зелени, как утерянный кем-то в траве полтинник.

Чем ниже мы спускались в долину, тем жарче становилось, влажный, насыщеиный испарениями воздух затруднял дыхание.

Недаром там, наверху, рассматривая долину в бинокли, мы не заметили ни одного селения, только изредка виднелись крыши одиноких хижин — временных пристанищ, нам объяснили, рыбаков и охотников. Здесь трудно жить человеку, зато привольно живется всякого рода зверью. В одном месте дорогу пересекла быстрая голубая змейка, стая обезьян при виде нас прыснула в стороны, но, отбежав на приличное расстояние, обезьяны остановились и начали рассматривать нас с любопытством. Одна принялась прыгать на задних лапах и кричать что-то неразборчивое в наш адрес.

Каменистый спуск кончился, началась новая беда: путь наш от постоянных дождей превратился в болото. «Лендровер» увязал в нем по самые ступицы, рыскал по сторонам в поисках объездов и каким-то образом выкарабкивался, но ясно было: вечно это продолжаться не может, и так оно наконец и случилось — мы засели глубоко и прочно.

— Приехали.

— Вылезай, братцы, толкать будем.

В поездку мы оделись как могли, по-походному, но конечно же походность наша была очень относительной. Лезть в грязь в туфлях и сандалиях не представляло никакого удовольствия. Но вскоре разошлись, разгорячились, перестали обращать внимание на перемазанные до колен штаны, на противно хлюпающую в ботинках жижу, толкали азартно.

— Давай!

— Взяли!

— Влево баранку выворачивай, влево!

— Эх как выворачиваешь!

Кустодио не понимал и не выворачивал, но все же через полчаса мы выбрались на довольно сухое место. Я обратил внимание, что за время вынужденной стоянки в кабину набилось множество мух, значения этому не придал, только лениво отмахивался от слишком уж надоедливых. Кустодио давил их на ветровом стекле.

— Эти мухи цеце,— сказал он,— такие надоедливые!

— Как цеце! Это мухи цеце? — благодушие мое вмиг улетучилось.

— Цеце,— Кустодио посмотрел на меня.

Вот так номер! Страшная, легендарная муха цеце, причем не в одном экземпляре, а целый рой их кружил буквально перед моим носом, какая-нибудь, наверно, успела уже укусить, и во мне зреет ужасная сонная болезнь! Я лихорадочно стал помогать Кустодио давить мух. Мои спутники заподозрили неладное.

— В чем дело, Юра?

Я объяснил.

— Цеце! — они тоже заволновались.

— Закройте окна!

Но в наглухо задраенной машине дышать стало совершенно невозможно. Кустодио, глядя на нашу суету, снисходительно улыбался. Не каждая муха укусит и не каждая их них заразна, объяснил он. Это немного успокаивало, но все же окна мы открывали с опаской. Сначала оставили по небольшой щели, а потом махнули рукой и опустили совсем. Пусть кусают. Еще

неизвестно, как там обернется с мухой, а от духоты наверняка пропадем.

Уже цель нашей поездки была близка, с возвышенных мест в просветах иногда виднелась Рувума, по нашим подсчетам, ехать оставалось километра три, но вдруг нам путь преградили два вооруженных солдата. Подошли, поздоровались, проверили документы.

— Дальше ехать нельзя.

— Почему же нельзя? У нас разрешение есть.

— Ехать нельзя. Мины.

— Мины?

Так странно было слышать это слово в первозданной, никем не тронутой тишине, что мы на мгновение опешили.

— Но у нас программа!

Солдат пожал плечами.

— Нельзя, камарада.

Спорить не приходилось, да и не было особого желания. Мины — это не шутка, это конкретнее и понятнее, чем муха цеце. Во время войны за независимость, чтобы воспрепятствовать проникновению в Мозамбик партизан из Танзании, португальцы заминировали границу, и сейчас еще время от времени глухой короткий взрыв сотрясает застоявшийся воздух долины. Это неожиданно наткнулся на свою смерть зверь или человек. Мы, разочарованные, повернули назад. Красота оказалась обманчивой.

* * *

Быть может, в виде компенсации за понесенное разочарование в тот день нам подарена была хорошая погода: не выпало ни одной капли дождя и облака обходили нас стороной. Чистый и свежий ветерок плоскогорья быстро охладил наши разгоряченные неудачей и духотой долины лица. Опять втихомолку я сетовал на дорогу и скорость, но тут что-то произошло в сверхъестественных сферах: в ответ на мои сетования «лендровер» завилял, прошелся юзом по песку и остановился. Кустодио выскочил из машины, мы полезли за ним. Задний обод колеса прочно врылся в песок, подмяв под себя вялую, ни на что не годную шину.

— Сели!

— Ремонт давать надо. Колесо менять.

Однако выяснилось, что ремонт дать мы не можем: ни колеса нет запасного, ни домкрата.

— Ничего! — сказал Кустодио. — Доедем!

— Куда мы без колеса доедем?

— Эх, Кустодио, Кустодио! Как же ты без запаски?

Посовещавшись, решили поступить так: пусть Кустодио один дотянет потихоньку до Муеды — это центр дистрикта Маконде, расположен хоть и в стороне от нашего маршрута, но совсем рядом, — там отремонтирует машину и вернется за нами.

Кустодио, ковыляя, уехал, мы же остались стоять на дороге беспомощной, чужеродной этому миру толпой. А ну как не вернется Кустодио до темноты или задержит его что-нибудь еще дольше, тогда как? Куда здесь денешься? Лес незнакомый, бог знает, что в нем. Львы, говорят, водятся.

Но делать нечего, приспосабливаться надо, поэтому начали мы понемногу разбредаться, кто травку и цветочки стал изучать, кто в лес даже рискнул войти недалеко, похлопывал панибратски по стволу дерева и удивлялся их необычности, а я решил пройти немного вперед по дороге.

За поворотом лес отступил, открылось кукурузное поле. Здесь должна быть деревня, подумал я, и действительно: в высоких стеблях появился просвет, узкая тропинка вела через поле к хижинам. В кукурузе бродили куры, черная свинья выскочила на дорогу и, увидев меня, остановилась в нерешительности. Я тоже остановился. Зайти в деревню? Раньше это казалось простым делом, сейчас же меня почему-то одолели сомнения. Как отнесутся к непрошеному визиту хозяева? А, решил я, будь что будет, и ступил на тропу. Свинья пошевелила ушами, хрюкнула. Мне хотелось с первых же шагов установить добрые отношения с обитателями, поэтому я посвистал тихонько и поманил свинью жестом, каким обычно подзывают собак. Как разговаривать со свиньями, я не знал, по-собачьи свинья, видимо, не понимала и бросилась от меня во всю прыть по тропинке. Я пошел следом.

Деревушка была небольшой: я насчитал шесть хижин, кольцом окружавших ровную площадку. На площадке рос гигантский баобаб, толпились постройки для домашней живности: курятник из соломы, загон для коз и свиней, голубятня, навес из тростника в самом центре деревни — «шитала», догадался я. Хижины глинобитные, четырехугольные, кое-где глина обвалилась, и видны были бамбуковые рейки каркаса. Тростниковые крыши спускались почти до самой земли, образуя навес, где было удобно, привалившись к стене, созерцать жизнь или делать мелкую домашнюю работу.

Именно этим занимались люди под навесом ближайшей ко мне хижины: две женщины на деревянных с углублениями чурбаках перетирали плоскими камнями кукурузные зерна; древний старик сидел просто так, смотрел. Вокруг них вертелись дети с выпученными животами, почти все голые. При моем появлении детишки сиганули в кукурузу, и оттуда нет-нет да и высовывались их любопытные головенки.

Я поздоровался: люди смотрели на меня с интересом, но молчали. Явно никто из них меня не понял, и мне стало неловко. Стоять и молчать было глупо, а для общения мимикой не находилось темы. Как объяснить на пальцах, что мне просто хочется с ними поговорить?

У соседней хижины женщины толкли зерно, поочередно с силой опуская в ступу два пестика величиной с доброе полено. Собака, худая, как корабельный остов, подбежала ко мне, виляя хвостом, умильно поглядывая, но все же остерегаясь. Бродили куры и кудахтали, совсем как в наших селах. Под деревом горел костер, на нем в глиняном горшке варилось что-то. Старый маконде у «шиталы» плел, сидя на земле, циновку. В самой «шитале» была тень, густая, почти, казалось, осязаемая на ощупь, но чувствовалось в ней движение, кто-то там находился. Я подошел к «шитале». Неужели никто здесь не говорит по-португальски?

И это мое вторжение на территорию деревни вызвало вдруг

чрезвычайное любопытство. Как будто бы никто не обращал на меня внимания, пока я стоял вне пределов деревни. А сейчас оживились, прекратили свои занятия, смотрели настороженно, выжидая. Я подошел к старику.

— Здравствуйте.

Он закивал быстро, испуганно, стал подниматься на тонких дрожащих ногах. Он был очень худ и совершенно сед, татуировка лица пряталась в глубоких складках. Верхнюю губу почти до подбородка оттягивало «батоке». В «шитале» сидели четверо, и оттуда я услышал наконец ответное:

— Здравствуйте.

Двое ели до моего появления: брали руками из плоской глиняной посудины кусочки вареной кукурузной массы и обмакивали их в соус. Я, видимо, помешал им отправить очередную порцию в рот, и они так и остались сидеть, изумленно глядя на меня, и желтый соус стекал по пальцам и капал на землю. Тот, что ответил на мое приветствие, ничего не делал, а четвертый... Зажав меж колен скульптуру черного дерева, четвертый скоблил ее ножом. Скульптура была уже готова, он лишь подчищал и срезал неровности.

Не спуская глаз с мастера, я промямлил, что вот-де машина сломалась, в Муеду чиниться уехала...

Тот, что ответил на приветствие, согласно кивал, приговаривая:

— Си, сеньор, верно,— как будто заранее знал все, что я

скажу. В отличие от своих приятелей он нисколько не удивился моему вторжению, сидел спокойно и улыбался и вроде бы даже юмористически относился к происходящему. Выслушав меня, он перевел остальным, те успокоились, съели свои порции, новых, однако, не взяли. Мастер продолжал водить по скульптуре ножиком, но уже так просто, машинально.

Я присел на обрубок дерева, достал сигареты, угостил — они с удовольствием закурили, разговорились. Фредерико, выполнявший роль переводчика,— гость в этой деревне. Живет в Муеде, а сейчас пришел навестить родственников.

— Нельзя ли посмотреть скульптуру?

Мне с готовностью разрешили. Это была шуточная пирамида из четырех фигур — в нижнем ряду две и две в верхнем. У одной фигуры мрачное выражение лица и втянутый живот, у другой — наоборот, живот выпучен и сияющая довольная рожа. Этот голодный, пояснил мастер, а этот наелся масароки. Масароки? Ну да, та самая кукурузная масса. А те, что наверху? Этот — злой дух Нанденга, а этот — мастер назвал имя, но я конечно же его не запомнил — сосед из ближайшей деревни. Он знается с духом Нанденгой, и тот помогает ему в делах. Очень все интересно, сказал я, поражаясь тому, что переплетение рук, ног и тел в скульптуре создавало как бы пространственную композицию, будто построена она из отдельных кусков пространства, ограниченных черным деревом. Я смотрел на мастера, пожилого уже человека с добрым лицом, застенчивого, босого, в штанах, где заплаты нашиты были одна на другую множество раз, и задавал себе вопрос: откуда это у них?

Что собирается делать мастер со скульптурой? Завтра пойдет в Муеду и постарается продать. Не надо ходить в Муеду, сказал я, я ее здесь куплю.

— О! — обрадовался Фредерико.— Это очень хороший мастер. Артишта! Если сеньор желает, он может вырезать ваш портрет.

— Спасибо. Очень было бы здорово, но нет для этого времени.

И в подтверждение моих слов с дороги донеслось надрывное:

— Ю-ур-а-а!!!

— Это меня,— сказал я. Угостил всех еще сигаретами и распрощался.

«Лендровер» после ремонта вроде посвежел, и довольный Кустодио выглядывал из кабины.

Триста километров до Пембы — дорога дальняя, у меня хватит времени поразмыслить над вопросом: откуда?

* * *

Спутники мои, разомлевшие от впечатлений и дорожных тягот, перестали охать и ахать, примолкли, кое-кто даже начал дремать, поникнув головой на плечо соседа. «Лендровер» катил знакомой уже дорогой, по сторонам тянулись все те же заросли, густо переплетенные растениями-паразитами. Войди попробуй в них — вцепятся в тебя тысячами колючек, гибкие ветви оплетут с ног до головы, жалить и кусать будет несметное число летающих и ползучих гадов. А хищные звери? Представьте тех первых людей,

продирающихся сквозь чащобу, ведущих за собой толпы усталых, иссушенных голодом стариков, женщин, детей.

В этих непролазных чащах надо было выжить, по сути дела не имея никаких приспособлений, кроме самых примитивных. Но человек—существо въедливое (в лучшем значении слова), оглядевшись, прикинув, начинает приспосабливаться, лес вырубает, создает клочок жизненного пространства. Приспосабливает к новому месту и принесенные с собой опыт и мировоззрение. В долгом и сложном процессе борьбы за выживание рождается новое сознание, способствующее внедрению человека в эти условия, а из постоянной взаимосвязи бытия и сознания возникает другой мир, в чем-то схожий с тем, исчезнувшим в результате такого великого потрясения, как засуха и голод, и все же качественно новый.

Как же маконде не благодарить своих предков? И вот, из поколения в поколение это чувство благодарности переходит в восхищение, а затем в обожествление, потому что для равновесия с природой и объяснения причин надо было верить человеку в сверхъестественное, ибо без этого еще непонятнее становится окружающий мир. Есть у маконде высшее существо—бог Ннунгу, обитающий высоко в небе. Ннунгу—это нечто абстрактное, не имеющее ни плоти, ни формы. Он создал землю, животных, деревья... Души умерших покидают плоть и уносятся в небо, туда, где обитает Ннунгу. Не всех, конечно, а только самых уважаемых. Предки живут вместе с Ннунгу, являясь как бы связующим звеном между ним и людьми.

Не все, повторяю, становятся добрыми духами. Добрый дух—дух уважаемого при жизни предка. Называется он «лишинаму». Кстати, деревянная статуэтка тоже называется «лишинаму». К нему взывает маконде в трудные минуты жизни, просит помочь в беде, послать хороший урожай или добычу на охоте. Совершает культовый обряд на могиле предка, произносит заклинания, посыпает ее мукой и дает обет, что если, мол, просьба будет удовлетворена, то принесет в жертву что-нибудь более существенное, например курицу, свинью или козу.

Итак, маконде обожествил предка, сделал из него доброго духа. Но с духом надо общаться, а для этого лучше иметь его всегда рядом. Так появилась потребность воплотить образ предка в деревянной скульптуре. Наиболее древние изображения очень примитивны, о форме еще говорить не приходится. Однако появляются со временем пытливые мастера, все более искусно вырезаются статуэтки, а чтобы дольше сохранить образ предка, от простого дерева переходят к прочному и долговечному—черному.

Потом становится тесно в рамках простейшего религиозного сюжета, начинают украшать резьбой предметы быта, появляются сюжеты более сложные.

Конечно, все сказанное выше—прописные истины, относящиеся к зарождению искусства не только у маконде, и не стоило бы лишний раз распространяться на эту тему. Однако вопрос не в том, как зародилось, а в том, почему именно у маконде это искусство поднялось так высоко и приобрело такой массовый характер?

Не надеясь дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, все же позволю себе немного пофантазировать, покопаться в фактах и собственных домыслах.

Прежде всего, почему когда-то человек вообще начал изображать? Рисовал на скалах себе подобных, птиц, зверей, выдалбливал из дерева или камня языческих богов? Предполагается: для ритуальных обрядов. Но это уже другая, более высокая стадия. А тот, самый первый момент, когда пришла в голову мысль взять какое-то орудие и провести черту?

Может быть, так: захотелось однажды человеку рассказать о каком-то событии чуть больше, чем мог понять собеседник из его речи, но словарного запаса ему не хватало, слишком беден был язык. Воображение его стремилось вперед, а язык следом угнаться никак не мог. Тогда взял человек палку и нарисовал что-то.

У маконде нет письменности, возможности языка ограничены, но очень богатая фантазия. Можно сказать, что до недавнего времени достигать равновесия во взаимоотношениях с природой им помогали различные верования в сверхъестественные, колдовские силы, поскольку у них не было централизованной власти, чтобы издавать писаные законы, а были лишь отдельные деревушки со своими вождями, духами предков и традициями. Регулирование жизни народа, взаимосвязь между этими деревушками осуществлялись с помощью законов неписаных, носителями и хранителями которых являлись всякого рода знахари, маги, советчики.

Умирает человек в молодом возрасте — ясно, это происки колдуна, напустившего порчу. Колдун — существо злобное и коварное. Когда захочет, превращается в невидимку, ходит ночью по деревням, танцует вокруг хижин, проникает в жилища, лишает людей жизни, разрывает могилы и пожирает останки захороненных. Или превращается в льва, леопарда, змею. Может вызвать болезни и засуху — все беды связаны с колдуном.

В качестве противодействующей колдунам силы выступают знахари и маги — люди, у которых есть «нтела», средство от колдовства. «Нтела» — ключ к культуре маконде. Это может быть все что угодно: кусок дерева, чешуя от шкуры крокодила, специально приготовленный порошок — одним словом, «средство». Если нет у человека «нтелы», освященной знахарем, его можно считать пропащим, ибо все стороны жизнедеятельности маконде проникнуты верой в колдовство.

И так велика эта вера, что даже образованные люди, выходцы из маконде, совершенно серьезно относятся к ней. Мне рассказывали о людях, которых будто бы не берет пуля и ломается нож при ударе, которые могут стать невидимыми. Я удивлялся, спрашивал, как может быть такое? А вот так, отвечали, тем людям в детстве знахари втирали под кожу «нтелу». Делали на руке надрез и втирали. И рассказывал не какой-нибудь безграмотный крестьянин, а человек образованный, занимающий видную должность. Он же читал мне наизусть Шекспира и целые выдержки из философских трактатов.

И вот представьте, какой надо обладать фантазией, воображением, чтобы постоянно жить в этом мире сверхъестественного.

Но мало воображать, надо еще воображаемое передать, а в языке нет тех изобразительных средств, в речи всегда образ беднее. И тогда на помощь приходит искусство резьбы по дереву, поскольку зачатки уже имелись в виде статуэток одухотворенных предков. Иными словами, имелись предпосылки и появился стимул для развития искусства, потому что образное мышление и бурная фантазия рано или поздно обязательно находят средство для выражения. Появляется не просто искусство резьбы, а искусство скульптуры. Скульптура маконде — это народный фольклор, воплощенный в дереве.

Не каждому после смерти дано было вознестись на небо к богу Нnунгу и стать предметом поклонения. И вот души умерших, не попавших к богу, мыкаются по белому свету, внушают живым страх и отвращение и входят в систему верований, называемых «мапику». «Мапику» — это не только танец, вернее, танец является основным его компонентом. Перевести это слово можно примерно так: «души умерших». Созданные воображением маконде мужского пола, они призваны прежде всего устрашать женщин, ибо с возрастанием роли сельского хозяйства в жизни маконде возросла и роль женщины. И чтобы эту роль принизить, поддержать, так сказать, равновесие, мужчины придумали «мапику». Все, что связано с «мапику», для женщины — табу. Вплоть до наказания смертью, что нередко случалось в давние времена.

«Мапику» входит в комплекс почти всех ритуальных обрядов. таких, как «обряд полового созревания», похоронных и многих других. И когда во время этих обрядов оркестр начинает выбивать определенный ритм и появляется танцор «мапику» в страшной маске-шлеме, завернутый в кусок материи, чтобы не быть узнанным, причем раньше, говорят, он не выступал на площадке перед зрителями, а маячил где-нибудь вдалеке на опушке леса,— можно вообразить тот мистический ужас, который охватывал не посвященных в ритуал: загадочный, хватающий за душу бой барабанов и фигура «мертвеца», извивающаяся в немыслимых па танца — все навевало суеверный страх, и женщины разбегались и прятались в хижинах. А чтобы усугубить этот ужас, маски делали как можно страшнее и достигали в этом большого искусства.

Маконде — великолепные танцоры. Есть даже профессионалы, которые во время празднеств разыгрывают перед зрителями целые пантомимы, полные импровизаций и артистизма. В танцах видна та же неуемная фантазия. И еще: какая-то общность с искусством скульптуры есть в них.

И наконец, сама природа, дикая и необузданная, как воображение этого народа, где леса полны тайн и загадочных образов, несомненно, внесла свою лепту в искусство, способствуя на протяжении веков созданию их особенной пластики и творческого мышления.

* * *

От размышлений меня оторвал Кустодио.

— Пемба,— сказал он.

Давно уже стемнело, вдалеке светились всего лишь два

огонька, ие мятущихся, как пламя очагов в хижинах, а ровиых и светлых, явно электрического свойства.

Мы покидали страну маконде, и меня угнетало чувство иеудовлетвореииости: если бы ие так быстро мчаться в машине по большим проезжим дорогам, а походить по тропинкам, по древним, протоптаниым босыми ногами лесным дорожкам, послушать, посмотреть и не спеша, обстоятельио проникнуть в глубь, в сознание этого странного иарода.

Был час вечерней трапезы, когда женщины под иавесами раздувают вечио тлеющий огоиь, мужчины озабочены своими делами и иикому дела иет до проиосящейся мимо машины и уж, коиечио, иевдомек, что в чью-то душу заронили оии искру восхищеиия.

И теперь, если где-нибудь, в какой-нибудь квартире Москвы или Леиииграда, мне попадет в руки иевесть каким образом прикочевавшая туда из далекой Африки маска или скульптура, я осторожио возьму ее в руки, поглажу чериую полированную поверхиость и вспомню трепетиое пламя костров, склоиенные к огню лица, то грустные и задумчивые, то веселые, запрокинутые иазад в иеудержимом смехе, и руки, умеющие творить прекрасиое из простого куска дерева.

ЛЕОНИД КУЗНЕЦОВ

ЛЕДОВАЯ РАЗВЕДКА

Рассказ

— Северное сияние? — задумчиво переспросил Николай Иванович и несколько секунд помолчал.— Нет, самое удивительное, что мне довелось повидать, было не северное сияние...

Мы ждали продолжения, но он снова погрузился в молчание и на этот раз так упорно, что кто-то решился его подтолкнуть:

— А что же «самое»?

— Самое? — переспросил он вновь с той же задумчивой интонацией. Было видно, что мысли его блуждают далеко.

— Людочка,— обратился он к хозяйке.— Положи-ка мне нельмы. И картошечки побольше.

После этого он будто бы вспомнил о вопросе, но ответ его не имел никакого видимого отношения к теме.

— Вы там, на Большой земле, и не подозреваете, что за прелесть — свежая картошка. А почему? Потому что каждый день ее видите. Посидели бы год-другой на сушеной.

Суржин, сидевший за столом напротив Николая Ивановича, пошевелился.

— Вы, конечно, говорите обо мне, я тут новичок из новичков. Но вы так и не ответили...

— Ну как не ответил! Отвечаю. Ты думаешь, эта вот картошка на нас с неба свалилась? Как бы не так! Ей тоже пришлось дорогу прокладывать, как и всему здесь.

— Ну да, это все так, я понимаю,— вежливо ответил Суржин,— но какое отношение имеет...

— Картошка к северному сиянию? Почти прямое,— ответил Николай Иванович с полной серьезностью, но все кругом засмеялись.— Видишь ли, из-за нее, из-за матушки, мне пришлось

лететь в Певек самым срочиым образом. Вот скажн,— перебил он себя,— сколько отсюда лету до Певека?

— Ну,— поколебался Суржин, прикидывая карту в уме,— часа два от силы...

— Вот! А я тринадцать часов летел. Все машины были в разгоне, пришлось с ледовой разведкой полсуток мотаться. А это знаешь какая работенка! Зато уж там я повидал...

— Ледовая разведка?— спросил Суржин.— Это опасно?

— Опасно, безопасно...— проворчал Николай Иванович.— Безопасно дома на печн. И то — жена рассердится, хватит сковородкой, тут твоей биографии точка.

Готовая к веселью застолица опять разразилась смехом. Суржин вспыхиул, ио сдержался.

— Святое дело,— спокойно сказал ои,— трунить над иовеньким. А то я прямо из пеленок, ничего иа свете не видел. Приезжайте к нам в Новороссийск, когда бора дует, я вас тоже кой-чему научу.

— Да ты ие лезь в бутылку! Не лезь!— воскликнул Ковалев, и Суржин, прнглядевшись, обнаружил, что лицо у него открытое и ничуть не насмешливое.— Мы тут зла не держим: я над тобой пошучу, ты надо мной. Хочешь про разведку? Расскажу про разведку. И про картошку. Только вот минуточку... Людочка, я твоих гостей развлекаю, ты меня за это чайком градн... погорячее...

— Так вот,— начал он, приняв нз рук хозяйки дымящуюся чашку н угнездившись поуютнее на диване,— было это в сорок девятом году. И не занимался я разведкой, и не думал о ией, потому что на мне лежали совсем другие дела. И среди других — материально-техническое сиабжение. Или, вериее сказать, не среди других, а прежде всего потому, что, дорогой товарищ, в те годы сиабжение ие шло, как иынче, по проторенной дорожке, а мы ту дорожку сами торили. Любой вопрос мог вырасти в проблему. Конец навигации преподнес нам целый ворох таких проблем. В Восточно-Снбирском море ледокол вел к Амбарчику караван с грузами для нас. Там были танкер «Ненец», пароходы «Беломорканал», «Хабаровск» и еще какие-то, уж не помню. А у нас иа подходе были два понтона с авиабеизином в «пупсах». А «пупсы», брат ты мой,— это такие «куколки», которыми не поиграешь голыми руками: контейнеры из толстой стали иа две тонны каждый. Как разгружать, когда нет пирса?

Вот такие дела мы обсуждали на совещанин штаба группы, как вдруг, в самый разгар споров, дверь отворилась и вошел Леонид Васильевич. Мы по опыту зиали, что появление командира группы в штабе усложнит нашу н без того нелегкую жнзнь. Так произошло и на этот раз. Он обвел нас довольно хмурым взглядом и обратился к начальнику штаба.

— Александр Иванович,— сказал он,— дело табак. У иас один-единственный экипаж в наличии, Лебедева, так ведь? Придется и его услать. На ледовую, коиечно. Обстановка с проводкой осложнилась, море забито тяжелыми льдами. Радировали из штаба проводки, вылетать иадо немедленно.

Лебедев приподнялся, но командир остановил его движеннем руки.

— Погодите, еще не все.
Он нашел меня глазами.
— Николай Иванович, тебе придется лететь с Лебедевым.
— Мне?—удивился я.—Вот уж не думал угодить в ледовую разведку.
— Тебе, тебе,—сказал он немного нетерпеливо.—Бурханов ждет тебя в Певеке. С сюрпризом. Договоришься о приемке недоставленных генеральных грузов в наши хозяйства. А сюрприз в том, что нам направляют триста тонн свежей картошки. Свежей, понимаешь? А ты ему ответный сюрпрнз поднеси: мол, давайте, примем хоть картошку, хоть ананасы, у нас все готово.
Он захохотал и повернулся на каблуках, чтоб выйти, но остановился у дверей.
— Кстати, как решили насчет «пупсов»? Пирса-то нет...
— Ничего, справимся,—ответил я.—«Сухону» на острове Врангеля разгрузили без пирса, чем мы хуже? Отведем понтоны в район лесобиржи...
Я кратко объяснил ему, как надо сбросить контейнеры в воду и, подведя тросами и баграми к пологому берегу; отбуксировать трактором к месту хранения. Выдумка была немудреная, но пронзвела на командира впечатление.
— Ну хитрецы,—усмехнулся он.—Но пирс все равно строить надо.
— Надо,—согласился я и вышел, напутствуемый пожеланиями счастливого полета. Лебедеву сказал, что буду у самолета через полчаса.
К назначенному времени я стоял у переправы с чемоданом в руке, с кожаным пальто под мышкой и грустно глядел, как вдали гоняет с детворой по улице мой пес Мишка—он даже не заметил моего ухода. Солнце грело совсем по-летнему, термометр показывал 24 градуса, несмотря на конец августа, и хотелось позагорать, поваляться на берегу, чем соваться в этот долгий и, вероятно, изнурительный полет. Но дело есть дело, и я, вздохнув, полез в глиссер, который через двадцать пять минут высадил меня на Ванькином острове. Самолет уже вырулил на полосу, все члены экипажа стояли у трапа.
— Вольно!—крикнул я, подходя: уж очень по-военному они выстроились.—Вылет разрешаю, хватит дурака валять.
— Есть, товарищ главнокомандующий!—ответил Лебедев, блестя глазами.—Только, по правде сказать, ждем мы не тебя, а синоптика. Без тебя мы уж как-нибудь обошлись бы, а без сводки—никак.
— Вот ты как меня ценишь!
До сих пор мне не доводилось летать на самолете, оборудованном для ледовой разведки, и я сразу полез внутрь, чтобы загодя ориентироваться в нем. Что ж, это был обычный старый добрый ЛИ-2, на таких я, наверное, не один раз облетал земной шар по экватору. Только в фюзеляже стояли дополнительные бензобаки, да часть иллюминаторов по левому борту была заменена большим смотровым окном. Подсев к этому окну, я отметил отличный обзор из него. Заглянул в пилотскую кабину, но там было все как обычно, не считая калориферов для дополнительного обогрева. Оно и понятно: ледовикам приходится совершать длинные рейсы.

Я вернулся в пассажирский салон и уселся за маленький столик у смотрового окна, чтобы наглядно представить себе условия работы гляциологов. Но тут же вскочил и вышел наружу: к самолету бежал, размахивая листком бумаги, дежурный синоптик. Это был Корпий, он всегда носился бегом. Было восемь часов утра. Командир корабля, хмыкая, просмотрел сводку, пока Корпий, тыкая в нее пальцем, объяснял возможные отклонения. Сводкой Лебедев остался доволен и, поднимаясь по трапу, бросил мне:

— Ну ты везучий. По всей трассе ясная погода. Будет минутка, приглашу тебя в кабину, посмотришь, что это за ледовая разведка.

Мы шли курсом прямо на север. Глядя в иллюминатор, я видел убегающую назад тундру, по которой там-сям были раскиданы небольшие озера. Тундра стояла вся зеленая, осень еще не коснулась ее. Когда я оглядывался назад, поверхность озер ярко блестела на солнце.

Не прошло и часу, как впереди показался берег моря. Дальше, насколько хватал глаз, все сверкало ослепительной белизной,— видно, нагонная волна пригнала много льда. Нам предстояло пересечь зону ледяных полей и выйти к чистой воде.

Здесь надо объяснить такую особенность наших широт: судоходство решительным образом зависит от того, куда соизволит подуть ветер. Даже в летние месяцы северный ветер в считанные дни нагоняет такие массы льда, что море на сотни километров одевается у берегов непробиваемым ледяным покровом, и ледоколам приходится пыхтеть вовсю, чтобы подвести судно к любому порту. Вот тут-то и работа ледовой разведке! Напротив, задует теплый южак — и в какие-нибудь сутки берег чист, море чисто, всю эту страшную громаду угнало невесть куда, плавай — не хочу. В утро нашего вылета северный ветер кончился, но льды стояли крепко. Так или иначе, предстояло вызволить караван, окруженный в Восточно-Сибирском море сплошными льдами.

Меня уже некоторое время похлопывали по плечу, но я как-то не вдруг оторвался от сказочной панорамы за окном. Это был второй бортмеханик Миша.

— Что вы зрение портите! — укорил он меня.— Наденьте защитные очки и любуйтесь. Много тут наработаешь без очков. А еще лучше бросьте это дело, давайте чай пить. Еще насмотритесь.

— И то!

Лучше нет горячего крепкого чая для поднятия настроения! Мы уселись пить чай, мирно беседуя под ровный гул моторов, тянувших и тянувших нас вперед.

— Все бы ничего,— вздохнул Миша,— одно вот только... Нет, работа мировая, ничего не скажешь. Куда уж лучше — запчастей навалом, двигатели сменить — пожалуйста...

— А что же одно-то? Что тебе не нравится?

Миша покосился в левый иллюминатор, за которым попрежнему медленно проплывали льды. Казалось, его смутил мой простой вопрос, хотя этот разговор начал он сам. Ответил он не сразу.

— Стрижка не нравится.

— Что? Что?

Я решил, что ослышался.

— Стрижка, говорю. Ну когда командир снижает машину до самого некуда и чешет прямо над всем этим шурум-бурумом.— Он поежился.— Как-то не по себе. Вы не думайте,— торопливо добавил он,— я не боюсь. Полторы тысячи часов налетал, слава тебе... Везде побывал я, над горами и над морями. А как примется он по льдинам стричь — ну неприятно, и все тут!

Несколько озадаченный,— ну как тут реагировать? — я сказал наугад:

— Ну, ну, Миша! Константин Николаевич тоже не ребенок, голову в петлю совать не будет. Небось дома семья.

— Это, конечно, так,— согласился Миша, но в его голосе не было убежденности.— Чушь я порю, Николай Иванович, не обращайте внимания.

Он пошел к двери пилотской кабины, но вернулся, чтобы закончить, не в лад со своими же словами:

— Вот начнется стрижка, попроситесь в кабину. Хочу знать, что тогда скажете.

Я усмехнулся.

— Ладно, Миша, все доложу, как есть, будь спокоен. Кстати, Константин Николаич сам обещал пригласить в кабину.

За разговором время тянулось не так медленно. Я даже удивился, взглянув на часы: шел четвертый час полета. Как раз показалась кромка льда и чистая вода за ней. Мы развернулись направо и пошли вдоль кромки льда на восток: нужно было выйти на траверз ледокола, ведущего танкер «Ненец» к чистой воде.

По правую руку от нас до самого горизонта громоздились обдутые ветром голубовато-зеленые льды. С высоты шестисот метров хорошо были видны обширные ледяные поля, ровную поверхность которых перебивали вздыбившиеся там и сям льдины, своего рода миниатюрные айсберги — результат страшного давления со всех сторон, производимого волнами и ветром. Мы долго шли по кромке, и нигде я не обнаружил разводьев. Как тут ходят суда? Непостижимо. Даже когда мы вышли на траверз, я не мог заметить никакого изменения в состоянии льдов.

Теперь самолет понемногу снижался — потому, как я понимаю, что от поверхности льда исходило испарение, затянувшее горизонт дымкой, как будто и не очень плотной, но мешавшей наблюдениям с большой высоты. Я видел, как гляциологи выложили на столик у окна свои планшеты и блокноты: работа началась. Через пассажирский салон прошел Миша, болезненно сморщив лицо.

— Ну я пойду, стрижка началась.

Я усмехнулся, потому что на меня «стрижка» не произвела пока особого впечатления, и проводил его взглядом. За бензобаками в углу стояла походная постель, туда он и держал путь. Что ж, если человеку так легче...

Самолет прочерчивал намеченный маршрут движения ледокола короткими поперечными галсами, километров по двадцать в каждую сторону. Я бросил взгляд на гляциологов — они лихорадочно работали, строча в блокнотах, нанося увиденное на карту разведки и время от времени перебрасываясь словами. Они-то,

конечно, замечали до тонкостей строение и расположение льдов, ну а для меня это, сами понимаете, китайская грамота. Так что через час-другой я устал пялить глаза на льды, льды и льды, которые мельтешили и справа, и слева, и, откровенно сказать, начал позевывать, словно дома перед огоньком. Наверно, этим я заслужил бы немалое почтение Миши, потому что самолет то и дело снижался до 50—100 метров, набирая высоту только перед очередным разворотом, но Миша упорно не вылезал из своего угла.

В голову уже понемногу лезли ежедневные заботы (пропади они пропадом!)—и здесь от них нет покоя. Ну скажите на милость, зачем мне, мотаясь над безбрежными льдами Восточно-Сибирского моря, соображать, как там бригада Петрова будет швартовать «пупсы», не новички ведь, справятся в лучшем виде. Но человеческая голова—странное устройство: иной раз работает в автономном режиме и беспокоится о том, о чем беспокоиться не след.

Поэтому я был немало доволен, когда в дверях возникла фигура первого бортмеханика и выразительно помахала мне рукой: командир приглашает в кабину.

Надо заметить, что почти все время, пока мы шли галсами, солнце лишь моментами проглядывало сквозь жиденькие облака, которые, пожалуй, даже помогали наблюдению, защищая глаза от слепящего света.

Но только успел я усесться как мог на неудобном подвесном сидении механика и кинуть взгляд вперед, через стекло, как последнее облако сдернуло точно рукой, и солнечный свет щедро хлынул нам навстречу. Вот тут-то и началось внизу такое, что я не возьмусь описать. Да и кто взялся бы? Будто влетели в открытую дверь и нам в лицо швырнули горсти алмазов. Солнечный свет дрожал и дробился на тысячу граней—как мне потом объяснили, от колотого льда, который был в непрерывном движении. Пожалуй, я лучше всего передам свое впечатление, если скажу, что это был калейдоскоп из алмазов—гигантский калейдоскоп, у глазка которого я сидел, раскрыв рот от изумления и пытаясь собрать свои растрепанные чувства. Лебедев, не выпуская штурвала, оглянулся через плечо на меня и, кажется, усмехнулся, но мне было все равно. Минут десять я сидел молча, а под нами метались слепящие вспышки оранжевого, красного, синего, зеленого, желтого. И все это, проносясь перед глазами, меркло в туманной дымке до следующего разворота, словно сдергивающего завесу с неисчерпаемой кладовой драгоценностей.

Да, я видел северное сияние в разных углах Севера и искренно восхищался им—нельзя не восхищаться. Я видел его в бухте Провидения, в непробиваемой темноте—только звезды по небу пунктиром,—вдруг желтая полоса, плывет, извиваясь, как медуза, исчезает, вновь появляется... Я видел в Мурманске раскинутую по небу завесу всех цветов радуги... Это было удивительно, потрясающе, великолепно—в человеческом языке можно найти слова, передающие мои тогдашние чувства. Но тут слов не было, только и оставалось, что сидеть раскрыв рот. Казалось, там, во льдах, все кипит и клокочет. Казалось, океан дышит, испуская

туманную дымку, временами смягчающую блеск рассыпанных алмазов, и иллюзия этого дыхания была так сильна, что я как будто даже слышал его сквозь мощный гул моторов.

Потом все кончилось, как не бывало,— краски, движения, вспышки — и я сидел, тряся головой, не веря, что только что видел такое своими глазами. Длинное облако задернуло солнце как завесой, и теперь под нами плыли все те же бесконечные льды уже в своем будничном зеленовато-белом наряде. Еще долго мы прочерчивали галсами заданную трассу, но смотреть уже ни на что не хотелось. Я ушел в салон и сел у иллюминатора, не в состоянии сосредоточить мысли ни на повседневных делах, ни на предстоящих разговорах в Певеке,— мною владело ощущение, будто я нашел что-то не виданное никем и тут же навсегда потерял. Не знаю, сколько времени — полчаса, час — я был предоставлен самому себе, и, если б не это необычное ощущение, наверно, начал бы скучать, как дверь отворилась, и Лебедев вышел в салон, на ходу снимая защитные голубые очки. Он грузно опустился на сиденье и с наслаждением вытянул ноги.

— Ну вот,— произнес он, отдуваясь, словно перетаскивал груз,— посмотрел нашу работу?

— Смотрю,— отозвался я.— Здорово!

Я понимал, что поразившая меня красота им давно примелькалась.

— Что — здорово?

— Работа — еще та. Не для лодырей.

Он подкинул подбородком, мол — еще бы!

— Послушай, Николаич,— осторожно спросил я.— Это обязательно, что ли, скрести лед брюхом? Разве нельзя летать хоть на двух-трех сотнях? Ведь риск все же.

Лебедев покосился на меня и захохотал.

— Это Мишка! Мишка тебя настроил, не иначе. Видишь ли,— он перешел на серьезный тон,— от нас ждут добротной работы, халтура тут никому не нужна. Ну хотя бы сегодня. С ледокола сейчас сообщили, что были вынуждены взять танкер на короткий буксир и с большим трудом передвигаются вперед. Тяжелые льды, очень тяжелые. А что разглядишь с трехсот метров? Общую картину? Нет, брат, это не то.

Я глянул за борт. Самолет в эту минуту как раз набирал высоту. Действительно, с трехсот метров нечего было и думать вести детальную разведку. Только тут я начал, кажется, понастоящему оценивать труд ледовых разведчиков, поняв, какая необходимость заставляет их часами вести самолет с такой филигранной точностью над дыбящимися ледяными полями.

— Мы закончили работу по намеченному маршруту,— сказал командир и поглядел на часы.— Восемь часов отлетали. Теперь пойдем искать лучший вариант прохода судов, так что наберись, брат, терпения. Есть захотел? У меня тоже кишка кишке голодный марш играет.

Тут мой желудок тоже вдруг вспомнил, что мы не ели с утра. Поэтому куда как приятно было увидеть распатланную голову Миши (этот деятель умудрился-таки всхрапнуть часок-другой, невзирая на тревожную для его сердца «стрижку»), который с

помощью штурмана уставлял столик в салоне чашками с борщом и прочей снедью,— я даже улыбнулся. Но Лебедев, неверно поняв мою улыбку, хлопнул меня по колену:

— Ты Мишку не тронь. Мировой парень. А что до этого... я сам, когда не за штурвалом, плохо переношу полет. Правду говорю. Летчику, может, еще хуже, чем кому другому: все кажется, что тот, за штурвалом, вот-вот допустит ошибку.

Хлебая борщ, я исподтишка наблюдал за спутниками. Широкий лоб командира пересекали две поперечные морщины, он напряженно думал о чем-то даже за едой. Простецкое лицо штурмана было спокойно, для него этот полет, видимо, ничем не отличался от десятка других, таких же. Миша, тот откровенно зевал, еще толком не проснувшись.

Не один раз, отправляя экипажи ледовиков в разведку, я в душе завидовал им, их необычной работе, романтике их полетов и, уж конечно, героизму, хотя, прямо сказать, плохо зиал, в чем он заключается. Ледовые асы, по моему представлению, были необыкновенными людьмн, и, только когда я столкнулся с ними поближе, иллюзии отлетели прочь и они обрели вполне земные контуры. По характеру своей работы они, как нам казалось, отделялись от нашего летного состава, да и жили в период летней навигации обособленно. Но это объяснялось просто: экипажи так уставали в длительиом полете с неослабевающим нервным напряжением, что, прибывая из очередиой разведки, летный состав сразу же после посадки уходил в гостиницу на отдых. Только бортмеханики задерживались у самолета, давая задание иаземной службе на проведение регламентных работ, но после этого уходили н они.

Я вспоминал знакомых мне бывалых ледовиков — вдумчивого Масленникова, весельчака Черевичного, неустрашимого Мазурука,— с ними не раз приходилось летать туда-сюда, но вот сейчас я сам впервые в ледовой разведке и, похоже, могу теперь по достоинству оценить, скажем, сколько труда, смелости и умения приложил экипаж Гриневича, чтобы с воздуха, без помощи ледокола, провести суда к устьям Индигирки и Яны, минуя опасные льды.

Еще часа три мы маневрировали иад морем, то н дело меняя курс по указаниям гляциологов н гидрологов. На профанов вроде меня маршрут самолета на этом этапе полета произвел бы впечатление беспорядочного, ио они-то, эти ребята, зиали свое дело. К концу третьего часа они ушли на совет к командиру корабля, а вернувшись, сделали какие-то пометки на планшете н сказали: «Точка!» Веселый рыжий парень свернул карту разведки трубочкой, засунул в металлический пенал н закрыл его крышкой. Миша прикрепил к пеналу яркий оранжевый вымпел.

На чем же, собственно, поставили точку? Для меня их действия были закрытой книгой. Я узнал, что удалось найти курс, где льды моложе н легче проходимы для ледокола. Работа шла к концу. Оставалось пройти иайденным курсом до кромки льда, вернуться к судам н сбросить вымпел.

— И вы точно попадете иа ледокол?

— Хо-хо-хо! — захохотал рыжий, передавая пенал Мише.— Это уже не наша забота. На это они мастера!

— Ничего,— скромно улыбнулся Миша.— Бог не выдаст, свинья не съест.

Все же мне заключительная операция казалась фокусом. Попасть в пятачок, учесть свою скорость, скорость судна, ветер — не бомба ведь, а легкий вымпел, пушинка... Любопытно! Через какие-нибудь полчаса мы подлетали к ледоколу, и я опять был весь внимание. С высоты картина, надо сказать, была впечатляющая. Ледокол, ведя на коротком буксире танкер, шел в чем-то вроде совсем крохотной полыньи, а вокруг необъятными нагромождениями торосился битый лед,— казалось, вот-вот он раздавит жилые скорлупки судов.

Завидев нас, ледокол мощно задымил всеми своими трубами. Миша перехватил мой взгляд и кивнул головой в ту сторону, как бы объясняя. Я понял: это было не просто приветствие, по отклонению дыма командир самолета определял силу ветра.

Словно делая расчет на посадку, самолет выполнил «коробочку» над ледоколом. Последняя прямая пришлась точно над палубой, и я, весь напрягшись, ждал сброса, но вместо этого самолет поднял нос и опять стал набирать высоту. Я понял, что первый заход был прицельным. На втором заходе Миша по звонку командира ловко выбросил трубочку с вымпелом в люк. Разворачиваясь над ледоколом, мы увидели, что посылка попала точно в цель: вымпел завис на антенне радиорубки и моряки снимали его с проводов.

Итак, точка была действительно поставлена, но еще минут пять самолет кружил над ледоколом, ожидая «добро» на отлет в Певек. Помахали крыльями, улетели. Меня вновь пригласил в кабину командир самолета.

Когда я вошел, он сидел в своем кресле откинувшись — вел машину второй пилот — и прикуривал. Он улыбнулся мне навстречу, но в улыбке не было видно бодрости. Шутка ли — шел тринадцатый час полета.

— Порядок? — спросил я, усаживаясь опять в этот чертов гамак.

— Порядок. Придется ему попотеть, путь нелегкий. Но все же путь. Трудно будет вначале: изменить курс, имея танкер на хвосте, да еще пробить перемычку крепкого старого льда. Дальше все пойдет хорошо.

Некоторое время он с удовольствием курил, потом задал вопрос, который всегда только смешил меня:

— Не укачало?

Я отмахнулся.

— Ну здоров! Первый полет редко кто так переносит. Посмотрим еще, как почувствуешь себя на земле.

— На земле? А что на земле? Вы-то возвращаетесь — ничего?

— Ну у нас привычка. И то после полета не сразу в себя приходишь. Надо согнать длительное напряжение, расслабиться, а это дается не сразу. Казалось бы, устал донельзя, а ни сна, ни аппетита нет. Сначала только на острые закуски тянет да на горячий чай. Вот примешь горячий душ, тогда уже и в сон клонить начинает.

Я покрутил головой.

— Да-а,— повторил я,— работа у вас, мальчики...

* * *

В Певеке садились уже ночью, на ярко освещенную полосу. После тринадцати часов грохота моторов уши заложило словно ватой. Мало того, когда я выскочил на землю, меня повело в сторону, ноги не слушались. Лебедев, хохоча, подхватил меня под руку.

— Качается землица-то?

— Качается,—сознался я.—Иду, как по волнам. Ну и дела! Вот уж не думал...

— Ничего, ничего,—прогудел он.—В порядке вещей. Скоро пройдет. Земная болезнь называется. С непривычки трудно, потом ничего.

Мы расстались у входа в штаб. И действительно, к тому времени я снова твердо стоял на ногах. Несмотря на поздний час, штаб кишел народом. В приемной встретили старые знакомые—полярники, расспросам не было конца. Василий Федотович Бурханов был на переговорах с Москвой. Ждать пришлось долго: ему, контр-адмиралу, начальнику проводки, дел хватало по горло.

К тому времени, как он появился, я успел досыта наговориться с друзьями. Он пригласил меня в кабинет и начал расспрашивать о делах. Я был еще настолько полон виденным, что адмирал вдруг приостановился и зорко глянул на меня.

— Что с тобой? Ты какой-то... встрепанный...

Я не удержался и выложил свои восторги. Несмотря на занятость, Василий Федотович слушал внимательно и кивал головой.

— Да... Да... Да... Кстати, разведка была на редкость удачна. Ледокол уже вывел танкер к чистой воде и возвращается за другими судами.—Он сделал паузу, видимо, чтобы сильнее меня поразить.

— Здесь для вас царский подарок.

И он сказал мне то, что я уже знал от командира группы,—о картошке.

— Ну что?—с торжеством спросил он.—Примете? Или передать здесь, в Певеке?

Признаться, я решил подыграть начальству. Зачем обижать хорошего человека? Вы бы посмотрели, как он радовался,—подарок-то ведь действительно царский!

— Что вы, что вы!—чуть не в голос закричал я.—Конечно, примем. Сколько лет живой картошки не видали! Не знаю, как благодарить...

Он махнул рукой.

— Благодарить... Сохраните ее и пустите в дело без потерь, вот и благодарность. Там знаешь как старались? Каждая картошка в папиросную бумагу обернута. Что твои лимоны.—Он засмеялся и отпустил меня.

Только прощаясь, я заметил, до чего усталые у него глаза.

* * *

— Вот и весь мой «героический» вклад в дело ледовой разведки,—громко закончил Николай Иванович.—Сколько лет буду

жить, на Большую землю вернусь, а никогда не устану радоваться, что довелось повидать такое...

— А про певекский «южак» ты знаешь, Суржин?

— Нет, не знаю. Это что — серьезно, опасно?

Николай Иванович задумался и после паузы продолжал:

— «Южак» — местное явление природы. Происходит оно, видимо, оттого, что в лабиринте гор, прилегающих к берегу моря, образуется естественная аэродинамическая труба. И вот по этой-то трубе, из-за разницы температур юга и севера, по направлению к Певеку через гору Путак устремляются южные потоки воздуха со страшной ураганной скоростью, сметая все на своем пути... А ты говоришь — бора!

Суржин даже поперхнулся при столь неожиданном повороте темы. Он отложил вилку и съязвил, не желая оставаться в долгу:

— Ну да... Две минуты назад можно было подумать, что вас больше интересует картошка.

— Сейчас тоже,— подтвердил Николай Иванович и протянул тарелку хозяйке.— Одно другому не мешает.

НИКОЛАЙ СИЯНОВ

АППЕРКОТ

Рассказ

Не было сна, какое-то тяжелое полузабытье, бесконечные качели, но вот он почувствовал, как судно швырнуло и завалило особенно сильно, до предела. Перехватило дух, замерло сердце. Он почти стоял на голове, подбородок плотно к груди, а ноги вверх: туда или сюда? Вернется судно на киль или уйдет мачтами вниз? Он напрягся, сжался, как будто мог своим весом удержать равновесие, не дать судну перевернуться. Страх был мгновенный, острый, но так же быстро исчез: нет, не может быть, чтобы *туда,* не может — и все. С кем угодно (море есть море!), но только не с ними.

Старенький рыболовный траулер, как ванька-встанька потрепетав на гребне волны, начал мало-помалу выравниваться, рухнул вниз. Алика потащило по одеялу назад, джинсы задрались и перекосились; рубаха вылезла, оголив спину. Теперь вся нагрузка перешла на ноги; шея и голова отдыхали.

Над головой у тусклого продолговатого плафончика болтались на гвозде часы. Он лег в час, сменившись с вахты и пообедав, и приказал себе проснуться ровно в два. Он приучал себя к графику, жесткому, поминутному. Иногда не получалось не по его вине: не было сна. Но сейчас еще оставалось целых семь минут, отведенных отдыху, и он позволил себе расслабиться, поваляться просто так.

Переборка у изголовья, переборка в ногах, и сверху в полуметре голубенькая выцветшая подволока с полустертой неграмотной надписью химическим карандашом: *«Сдесь лижал я впоследний рас прощаяся с тобою и жизню. Михей.»*

В который раз Алик попытался представить этого Михея, его трагедию. Пижонил парень, скорее всего одурев от трехмесячного

однообразия, но могло быть н другое — неразделениая любовь, одиночество, смертная тоска... Одиночество в море, есть ли что страшнее этого?

Он повернулся на бок. Опять переборка перед глазами: ящик! За стеклом в деревянной рамке «Расписание по тревогам» да две фотокарточки. На одной, цветной — его мама и Леся, в обнимку, Леся еще не сняла фаты. На другой, любительской (Леся фотографировала) — Игорек с соской во рту, вытаращил глазенки, сынок...

— Ну здравствуйте, родные,— сказал Алик н закрыл глаза, вспоминая... Загс, обручальные кольца, шампанское, мама не отходит от них, и ее родители все время рядом — славные старики... И комната, наконец, его и Леси, одна иа двоих, цветы и книги, много книг: вдоль одиой стены Аликова библиотечка, а вдоль другой — Лесины фолианты — все история, история. «Мы не Иваны, ие помнящие родства, у нас, Олежка, за плечами десять тысяч лет, такое богатство!»

Сиова в борт врезала дурная волна, поволокло, запрокинуло, словно весь траулер собирался иа гигантской перекладине крутануть «солнышко». Черт, не только мышцы, все кости болят! Алик взгляиул на часы: иемного времени еще есть. Вставать не хотелось; как ни кувыркало на койке, а иа палубе н того хуже. До вахты целых шесть часов, куда спешить? Но это были праздиые мысли, ои знал, надо вставать, и он встанет, никаких нсключений! Еще несколько его законных минут — и ои встанет...

Одеяло под ним сбилось жгутом, свесилось наполовину, скоро свалится совсем, пусть... Тебя, матрас, ие держу; скачи, подушка, живей, живей! Разбегайтесь, милые мои — шерстяные! Пуховые! хлопчатобумажные! Хорошо, впрочем, что качка бортовая, а не килевая — вот когда привязывайся к койке! Сколько там на часах? Ого, целых полторы минуты!

Вот теперь все. Подъем. Время. Алик осторожио спустился иа палубу (его койка была верхней), приоткрыл н застопорил дверь на предохранительный крючок. Низом от комингса в душную каюту потянуло коридорной прохладой. Придерживаясь переборкн, он сделал несколько шагов н уперся в столик, маленький, темный, с побитым н порезанным иожами линолеумом. Слева внсела старенькая, в подтеках репродукция «Обнажеиной» Реиуара, справа лепилась коробка радиоприемника, а прямо на уровие лица светлым пятном выделялся круглый иллюминатор. Все было прочно, тяжело и незыблемо в каюте: две койки одна иад другой, темные от времени рундуки, стол, едва втиснутые сиденья под ним по обе стороны, и лишь иллюминатор, непрестанно меняя цвет, то взлетая в небо, в самый зенит н разом вспыхивая, а то погружаясь в зеленую аквариумную глубину, завораживал, прнтягивал, казался Алику живым существом.

В борт поддавало тупыми нокаутирующими ударами. Иллюминатор все старался увндеть иебо, а после, врезаясь по дуге в воду, покрываясь светлыми завихрениями пузырьков,— заглянуть поглубже, запечатлеть любопытным оком морское дно.

Он приник лбом к холодному стеклу. Целую иеделю штормит! На нервах экипаж, рыбы нет, лезут в долги, н с каждым дием все глубже. Оттого н настроение у всех ни к черту, а у него, Алика,

своя особая статья — неделю без тренировки, время идет, тут заскучаешь... Он смотрел в иллюминатор на белые барашки волн, и вновь одолевали сомнения: неужели прав Федосеич? «Что ты делаешь, Смирнов, какое море, когда в декабре первенство зоны? Ах тебе надо... у тебя профессия... Ну греби, давай рыбу страие, только попомни: вернешься — по третьему разряду не потянешь, дорогая моя надежда, член сборной». Это предостереженне, как зубная боль, не дает покоя. «Я буду тренироваться, Федосеич, каждый свободный час, даю слово!» И его, тренера, язвительная усмешка в порту, на отходе: «На этой калоше будешь тренироваться? В штормовке? В чешуе по пояс? Очнись!»

В рундуке, утопая в ветошн, лежали тяжелые гантели. Алик сбросил синий свитерок и принялся за разминку. Его часто заносило от переборки к койкам, и он замирал, пережидая рывки н сотрясения судна; низкая подволока не позволяла вытянуть руки, но он наловчился — выжимая гантели, одновременно сгибал ноги. Вскоре он разделся до трусов, не давая себе отдыха, вгоняя тело в здоровый спортивный пот. «Странное создание — человек,— думал он, закусив губу, изводя себя однообразными упражнениями.— Порою ему тесно на Земле, подавай звезды, а иногда... площадку бы, крошечную ровную площадку под ногами, «грушу» и сравнительный штиль».

Он отложил гантели н из этого же рундука достал боксерские перчатки. Надел их, испытывая знакомое волнение, подъем, и еще десять минут скользил по каюте, прнседая и уклоняясь, делая стремительные выпады. Все было основательно и подобно настоящей разминке. Подобно, да не совсем... Недовольный, раздосадованный, он убрал перчатки.

По прнвычке Алик нажал клапан-пластинку над раковиной умывальника. Пшикнуло, но воды, конечно, не было. Экономия. Вот уже полмесяца пресную воду врубали строго по графику, по пять минут — утром, в обед и вечером. Крутись, полундра, запасайся кто может!

Под умывальником, в накрепко принайтованном ведре, втиснутая в гнездо из старой телогрейки, впритык, стояла трехлитровая банка — утренний запас, расплесканный наполовину. Алик приступил к водным процедурам. Было страшно неудобно, балансируя и приспосабливаясь к качке, держать скользкую посудину одной рукой, а другой обливать и энергично растирать тело.

Алик насухо обтерся шершавым полотенцем и взглянул на часы. Половина третьего. Все идет по программе; на очереди — дневник — коричневая толстая тетрадь, близкий друг, которому ежедневно привык доверять свон мысли. Пусть смешные, порой наивные, но свои. Он сел к столу и принялся листать страницы, ненадолго задерживаясь взглядом на отдельных строчках.

Он полистал тетрадь и вывел на чистой странице сбоку печатными буквами: **27 октября, вторник.**

Ему нравился сам процесс письма, нравилось доверяться бумаге, как бы беседовать наедине, задавать вопросы, а через некоторое время неожиданно получать ответы. Он почти лег, растопырив локти, придерживая тетрадь руками. Строчки выходили неровными, то плыли по бумаге, а то вдруг обрывались, как будто его подталкивали под руку. Он подумал, что будет

любопытно потом просматривать эти гарцующие записи, читать и вспоминать непогоду, затянувшийся шторм посреди Северного моря. Поделившись наблюдениями и впечатлениями дня, Алик запрятал дневник в стол. Все идет как по маслу: на часах пятнадцать ноль-ноль. Время прокатано, отработано, на очереди — английский язык. Перфекты и герундии; десять минут на словарный запас, столько же — неадаптированный текст, а в половине четвертого — «Моби Дик, или Белый Кит», не спеша, для души, смакуя прекрасный роман до самого прихода с вахты второго штурмана. Нет, что ни говори, а режим — прекрасная вещь. Для самообразования, самоутверждения и самоусовершенствования человека...

Они поговорили со вторым, так, обо всем понемногу, привычно — о вахте, погоде, проложенном курсе, а когда второй завалился в койку, наглухо задвинув за собой шторки, Алик шагнул в коридор.

Впереди по ходу судна — задраенная железная дверь с мутным от морской осадочной соли иллюминатором; позади — крошечный салон команды, салон-столовая. Его потащило на переборку, прижало, словно влепило, и вдруг разом свинец в ногах и во всем теле, он присел, подобрался, чувствуя, как долго, затяжно проваливается палуба.

Куда теперь? В общем-то с четырех до шести у него свободное время. Общение с моряками, кино, разные там общественные мероприятия, а погода позволяет — разминка на свежем воздухе... Куда податься сейчас?

В салоне никого, прохладно; посреди — деревянная подпорка, отшлифованная до тусклого блеска сотнями и сотнями рук. Алик схватился за нее, чтобы устоять на ногах. Занесло вокруг стойки, перед ним мелькнуло знакомое все, однообразное — обеденный стол под клеенкой, зеркало, пожелтевший листок меню, заслонка камбуза, стенгазета с яркими вырезками из журналов, пестрым столбцом «Сатиры и юмора»... И снова стол под серой клеенкой, вплотную к полукруглой корме с тремя иллюминаторами, за которыми короткие обрывки низкого неба и долгое погружение в зеленый мир. Водопады ртутных веселых пузырьков снизу — не оторвать взгляда, притягивают...

— Здорово, судоводитель!

Оглянулся на приветствие: в дверях старший механик, «дед» Сан Саныч, каланча, подпирает косяк округлым плечом. Одет по-домашнему, в пижаме и шлепанцах, в руке ярко-желтая подушка. Хотя и седой стармех, а глаза молодо блестят, щеки словно спелые яблочки и гусарские усы в разные стороны. «Мариман», никакой шторм не берет!

В углу — железные коробки с кинолентами, одна к одной, прихвачены шкертиком, чтобы не расползались. Сан Саныч уставился на них, почесал затылок.

— Что нынче закрутим, третий? Я так думаю, с такой рыбалкой только «Самогонщиков» и смотреть.

— Двадцать раз крутили! — Алик нагнулся над коробками, перечитывая названия фильмов. — Одно старье!

«Дед» бросил подушку на диван, а сам — к столу и локти на клеенку.

— Надоело, третий?
— В смысле?—не понял Алик.
— Да вот это все!—он повел рукой, потыкал пальцем в иллюминатор.
— Извини, Сан Саныч, все собираюсь спросить... Давно ты по морям?
— Я-то? Да уж давненько.
— И иа больших ходил?
— Не-е. Я, третий, не люблю, где много народу сразу. Триста лошадиных сил, ну, максимум, пятьсот, вот тут я сам себе и хозяин,— стармех прищурился на него.— А ты?
— Что, я?
— Какой-то ты странный, третий... Уж извиняй; люблю, чтоб полная ясность. Вроде и ничего ты пареиь, а все... не то! Не то что-то, а что—не пойму...
— Ты что, Сан Саныч, укачался?
— Суровый ты мужик, Смирнов. Сам себе на уме. Вроде бы и с людьми, собрания проводишь, а все на отшибе...
— Ну-иу, любопытно послушать,— Алика не на шутку задело.
— Как увидел тебя в первый раз... В корочках да с «дипломатиком», ну, думаю, занесла индюка нелегкая, из молодых да ранний. Нарастил кулакн, перчатками обвешался и ходит надутый.
Алик сел напротив, тоже локти на стол.
— И сейчас так думаешь?
Теперь они смотрели друг другу в глаза. Стармех улыбался, прямо по-отечески, участливо:
— Будет тебе... Не заводись. Я русский мужик н других люблю, чтобы без хитростей. Что на уме, то и на языке—только так!
— Понял, Сан Саныч,— сказал Алик, почувствовав накоиец с облегчением, что ждет от иего, ради чего затеял стармех весь этот разговор.
— Вот и хорошо, вот и лады, что понял...
— И все же, совсем нараспашку—тоже по-моему, крайиость,— сказал Алик.— Даже у самых близких людей, мужа, скажем, жеиы, должно оставаться про запас что-то свое, личное.
— Это так,— согласился стармех.— Вот у моей жены, напрнмер, своего личного хоть пруд пруди.
— Сам-то нз каких краев, Сан Саныч?
— Я-то? Я, парень, нздалека, красноярский. Мы, краснояры, сердцем яры.
— А я питерский. Коренной.
— Годится. Ленинградцы—они ничего ребята... Вот тут у меня в машине еще один красноярский—этот извел, стервец! Лодырь чертов, растяпа, так что и не земляк, выходит, никакой, вовсе не сибиряк...
Стармех, обрадовавшись собеседнику н тому, что все просто и быстро разъяснилось (третий штурман, кажись, ничего парень!), заторопился поведать о своей жизни, зачастил, как его двигатель в машине, на холостых.
...Закончив печальную исповедь, но по-прежнему безмятежно

улыбаясь, как будто речь шла о ком постороннем, стармех по-хозяйски задраил иллюминаторы, выключил свет.

— «Самогонщиков» и закрутим. Что с того, что двадцать раз смотрели, зато весело!

Вспыхнул луч кинопроектора. Прямо на бледной переборке засуетилась, запрыгала веселая троица: Трус, Бывалый, Балбес. Сан Саныч, вытянувшись на диванчике, обнял ядовито-мухоморную подушку, прищурил по-кошачьи глаза.

На судне все твои пути ведут в рулевую рубку, если ты штурман. Туда и направился Алик по холодному слабо освещенному коридору. Старался не думать о разговоре с «дедом», но что-то засело в голове, не давало покоя. На трапе он даже остановился, хлопнул себя ладонью по лбу: «Хм, нарастил кулаки, хожу надутый...»

Судно шло лагом к волне. Здесь, на мостике, заваливало еще сильнее, опаснее, чем внизу. Было холодно, изо рта валил пар. У двери на крыло мостика в широкую щель намело снега, пуржило. Вахтенный штурман старпом Васильич, в телогрейке без пуговиц и в старенькой ватной шапке — одно ухо вверх, другое вниз, вклинился меж колонкой реверса и смотровым окном правого борта. Рулевой Микула, краснолицый, распаренный, в одной тельняшке с мокрым пятном во всю спину, остервенело крутил тугое штурвальное колесо, стараясь удержать судно на курсе.

Пощелкивали, выбивая искру на самописце, поисковые эхолоты, на ленте барометра кривая уверенно ползла вверх — все это были добрые приметы, к погоде. Главное же, перестали шлепать носом на волну, врубили ход, куда-то бежали, худо-бедно — вперед! вперед!

Алик взмахнул рукой, приветствуя старпома.

— Как вахта, Васильич?

Старпом буркнул что-то, а может, просто откашлялся в телогрейку, не понять, да Алик и не ожидал от него иного. Сохраняя равновесие, он проскользил к левому борту и тоже вклинил себя меж гирокомпасом и смотровым окном.

Спокойно на вахте старпома, тихо. Васильич по природе — молчун, из рулевого тоже слова не вытянешь; каждый старательно занят своим делом. Нашли друг друга два человека. Видно, так уж устроено на свете: кто-то находит, а кто-то теряет. Месяц назад он, Алик, потерял Микулу, старпом подобрал.

Он, помнится, даже обрадовался тогда, впервые увидев своего рулевого в работе: глыба, утес, курс держит — по ниточке. Он и так и сяк пытался разговорить матроса, все перебрал — море, промысел, последний чемпионат по футболу, бокс — нет, непробиваем Микула: ага да угу, да скорее голову в плечи и за штурвальное колесо. Но вот как-то высыпали с вечера сети, легли в дрейф, в рубке, кроме них, никого, тишина, и, странное дело, в этой неожиданно наступившей звенящей тишине Алик вновь остро почувствовал необходимость общения. Он спросил у Микулы, из каких тот мест, оказалось — смоленский.— «Надо же, из самой что ни на есть святой Руси ты, Микула, родом; от радимичей идешь, а может, и вятичей — были, по преданию, два брата таких, Радим и Вятка». И не заметил сам, как увлекся, разговорился; в рубке полумрак, ничто не отвлекает, Микула у смотрового окна,

вот на этом же месте, где сейчас нахохлился старпом. Недвижим, тих матрос Микула, лишь руки его, привыкшие на вахте к рулю, не находят места. Шарят по карманам, протирают стекло, ищут работы... И на следующую вахту то же самое: рубка, тишина, потребность общения. Одностороннего — Микула как в рот воды набрал,— но и в этом тоже резон: повествуя, Алик легче управлял своей мыслью, вел ее, чудесно перемещаясь в ту дремучую старину, живя с пращурами единой жизнью...

Рассказывая о пахаре-ратаюшке Микуле Селяниновиче, богатыре неуемной силы, Алик напомнил рулевому, что вот и он сам, матрос первого класса Федор Микула, не лыком шит, природа силой не обделила,— в чем тут особый смысл? Помнится, он даже похлопал рулевого по плечу: «Эх, Микула, Микула, дорогой человек, мы ленивы и нелюбопытны, а историю своих предков знать и любить должно. Ты вот в отца, небось, таким молодцом вымахал, отец твой — в деда, дед — в деда своего, так и идет твой род в глубь веков к самому всенародному Микуле Селяниновичу, соображаешь?»

И тут случилось неожиданное. Микула, сбросив руку с плеча, повернул к штурману искаженное лицо:

— Заткнись! Надоел, штурманец, никого у меня нет, ни отца, ни деда; Смоленск с пеленок не видел, понял? По паспорту я смоленский, а так — ничей! Ничейный я, сам по себе, нынче здесь, а завтра там... Понял? Вот и закройся, не утомляй.

Утром к нему на вахту прислали нового рулевого, а Микулу перевели к старпому Васильичу.

Алик, пристроенный у окна, заклиненный, все смотрел на барашки волн, перекраивал и так и эдак свою неудачную миссию. Однажды в разговоре о смысле жизни Леся спросила, что должен сделать человек, чтобы оправдать свое назначение на земле? — «Знаю, знаю,— ответил он,— человек должен посадить дерево и вырастить сына».— «А еще?» — «Ну книгу написать, если есть талант».— «А если нету?» — «Тогда вполне хватит сына и дерева».— «Нет, Олежек,— не согласилась она,— каждый нормальный человек просто обязан повернуть хотя бы одного другого человека».— «То есть как повернуть?» — «Лицом в глубь веков, вот как, милый. Самому так стоять всю жизнь и еще обратить кого... Обязательно!»

Обратил. До сих пор не понять, какая муха укусила тогда рулевого.

Впрочем, в этой жизни многое непонятно. Вот море перед ним: белые гребни волн, белая пена вдоль борта — все в движении, в борьбе, в схватке страстей.

Странная все-таки штука — жизнь... Вот стоит он, заклиненный, у самого окна, и мирно размышляет на разные отвлеченные темы, «прокручивает» «Моби Дика». Белый Кит вполне соответствует его философскому настроению. Ну а если представить, что нет у него точек опоры, ни под рукой, ни под боком, и он один на шаткой палубе, уходящей из-под ног, и неоткуда ждать помощи — до кита ли ему в подобную минуту, хоть и появится тот неожиданно, и будет сказочным и белым, как снег?

И совсем уже страшное, невероятное — очутиться среди этих волн — одному, беззащитному, в самой ледяной толчее... Бр-р-р...

Обо всем можно думать, всякое представлять, но не это! Не укладывается в голове, как такое может быть с живым человеком... Мама, помнится, не раз говорила, что в самые критические, в самые смертельные минуты время и пространство сжимаются до одного мгновения. И тогда человек переживает свою физическую смерть. Становится над ней. Боязнь смерти — это всего-навсего боязнь пространства. Но когда оно сжато, бояться уже нечего. Человек, переживший мистерию смерти, заново возрождается и духовно... Как не верить тебе, мама, когда ты сама пережила и блокаду, и утрату всех близких, когда ты на собственном горьком опыте знаешь, что такое сжатое пространство и время.

Алик все смотрел на море, задумавшись, отдавшись причудливой игре памяти и воображения, подбираясь с разных сторон к белому киту Моби Дику, неистовому капитану Ахаву, следя за переплетением всех мыслимых и немыслимых человеческих страстей, разыгравшихся на палубе китобойного судна, вспоминая и благодаря маму за то, что она научила его искать в литературе второе глубинное дно, разбираться в скрытых течениях и символах.

Шторм заметно слабел; швыряло еще, конечно, дай бог, но это оттого, что шли лагом. Море уже не кипело и не пенилось, волны перестали сшибаться в беспорядочной толчее — стали округлее, длиннее. И сверху потянуло спокойствием: тучи, что потемнее, сбились в послушные стада, неторопливо впитывали сочную влагу на пепельном умиротворенном поле.

Капитан появился в рубке, энергичный и поджарый, с крепкими прямыми плечами. Он был в черном лохматом свитере и старых, выбеленных на коленях джинсах.

— На румбе, Микула?

— Двести семьдесят.

— Точнее держать, не рыскать!

И в хорошие, промысловые дни беспокоен, шумлив был капитан, а тут, засидевшись в каюте, истрадавшись по рыбе, и вовсе как с цепи сорвался, бесом замельтешил по рубке.

— Почему «средним» идем, Васильич?

Старпом молча, не поднимаясь, передернул рукоятку реверса на «полный».

— Порядок! — капитан подскочил к эхолоту, расставил ноги пошире. — Малюет, Васильич, а?

— Медуза... — старпом не повернул головы.

— Уверен? Не сельдь? Вроде бы сельдь, Васильич, ничего ты не понимаешь, — и не дожидаясь ответа, включил фишлупу, припал лицом к резиновому обрамлению, всматриваясь в матовый экран с зеленой пульсирующей нитью сигналов.

— Нет, не сельдь, — капитан забегал по рубке. — Сплошная мура, плюшки-шлюшки; медуза и есть. Микула, на румбе?

Матрос крутанул штурвал.

— Двести семьдесят два теперь...

— Не рыскать мне! Держать сто восемьдесят. На чистый зюйд пойдем по волне. Лево на борт!

— Есть лево на борт.

Микула, огромный, в тельняшке с засученными рукавами, привыкший все исполнять добротно, сгорбился у штурвала и

начал крутить его, преодолевая сопротивление воды и стали, багровея лицом. Медная окисленная стрелка руля нехотя поползла от нуля, и, когда показала двадцать градусов «лево», Микула перевел дух.

На полном ходу судно отклонилось от курса, взлетело облегченно кормой и тут же наклонно, как будто из-под него выбили стапеля, ухнуло на добрый десяток метров между волн. Под форштевнем взорвалось, траулер еще больше поволокло вниз и в сторону, теперь боком, Микула вцепился в штурвал, налег грудью.

— Одерживай! — завопил капитан.

Невозмутимый старпом передернул реверс на «малый» ход.

Волна обрушилась на носовую часть, накрыла и брашпиль и кап, под которым в шестиместном кубрике жили матросы. Многометровая волна катила навстречу рубке по палубе, пожирая ее, покрывая водоворотами и пеной. И был удар, и белая молочная вспышка перед лицом, так что пришлось зажмуриться, отшатнуться, но стекла уцелели.

— Одерживай! — вопил капитан, отброшенный в угол рубки.

Падая, он сорвал с переборки овчинный тулуп и сейчас стоял на нем на карачках, тянул жилистую шею: одерживай!

И брашпиль и кап прорезались из воды сразу. По умытому блистающему стеклу рубки струилась вода, а понизу, у резиновой прокладки, скапливалась и быстро схватывалась на морозе пена.

У левого борта, скрывая низкий планшир, еще хозяйничала вода, но правая сторона палубы была уже чиста, змеино серебрилась, покрываясь корочкой льда. Так и разворачивались, ложась на обратный курс, — в грохоте обрушившегося моря, в кипении воды, водоворотах и разводах оседающей пены, в победном хрупком сверкании наклонной палубы.

Одерживая руль, Микула вращал штурвал в обратную сторону. Медная стрелка двигалась назад к нулю.

— Сто восемьдесят! На курсе, — глухо сказал рулевой и старательно отер лицо выпущенной из-под брюк тельняшкой.

Капитан забегал по рубке, крича и размахивая руками.

— Артист! Циркач-трюкач шапито! На руле не стоял? Ну отвечай! Первый раз в море? Угробить всех порешил?

Микула упрямо молчал, сосредоточенно шевелил желваками.

— Зря вы так, Павел Яковлевич, — сказал Алик.

Капитан бросился к нему.

— Что?!

— Рулевой не виноват. Перед разворотом следовало сбавить ход до «малого». Азбука, на третьем курсе проходят.

— Учить?! Старпом, почему посторонние в рубке?

— Я не посторонний, — сказал Алик.

— С восьми ноль-ноль и до двенадцати! С двенадцати до ноля! Два раза в сутки ты здесь не посторонний! — капитан повернулся к старшему помощнику. — Старпом, я тебя спрашиваю, почему посторонние на вахте?

— Не смешн, Яковлич, — покривился старпом, покашлял в телогрейку, — она, говорят, и так смешная ...

— Кто?

— Да все она же.

Капитан дернулся к нему, но быстро сник, опустил плечи.

— Ладно... остряки!

Старпом Васильич невозмутимо сидел в своем углу, вглядываясь вперед, будто взаправду обнаружил в пустынном море что стоящее.

— На румбе? Не рыскать мне! Сниму!—пригрозил капитан напоследок и исчез в штурманской.

Микула потряс штурвал сразу двумя руками, яростно, словно пытался вырвать колесо из оси.

— Васильич, слышь! Ты б ему передал, он докричится. Ты меня знаешь, Васильич.

— Дурак, посадют,— буркнул старпом, не поворачивая головы.

Микула, не переставая, крутил упругий штурвал: лево пять полных оборотов, право... Алик наблюдал за ним завороженно. Да, такому наделать бед сгоряча — пара пустяков. Руки-то, руки... А плечи! Шея... как у старпома в телогрейке талия. Истинно пахарь Селянинович! Федосеичу показать — ахнет: природный боксер. Такой самородок пропадает!

Вспомнилось вдруг: послеобеденное ласковое море, полный штиль, моряки высыпали на палубу, кто покурить, а кто просто понежиться на солнышке. Алик тренировался на корме с самодельной «грушей» — тугим мешком песка на прочном шкерте, а после, размявшись, спустился к морякам на палубу. Попросил одного подержать «лапку», другого... Но разнежились «маримана» на прощальном осеннем солнышке, всякому лень... Вдоль борта в одиночестве прохаживался Микула. Десять шагов туда, десять обратно. Хмурной, непричесанный шагал, будто работу делал. Алик и его попросил подержать «лапку». Микула отстранил штурмана с дороги, продолжал шагать. Не мог, видно, забыть недавнего разговора в рубке. А почему, чудак, обозлился? За что?

— Послушай! Подержи «лапку», Микула, десять минут всего...

И бровью не повел матрос. То ли игнорировал, то ли и правда не хотелось заниматься ерундой в такой редкий денек. Однако Алик бочком-бочком, настроение нашло, подступил к рулевому, выпустил шутя обойму коротких, больше видимых, на эффект, нежели ощутимых, ударов. Микула от неожиданности втянул голову в плечи, набычился. Алик подскочил с другой стороны, заставляя матроса развернуться, исподволь вовлекая в игру. Микула стал отвечать на удары, сначала лениво и без желания, а потом все сильнее, злее, желая подцепить назойливого штурмана. Их окружили матросы. Странная это была пара: голый по пояс, мускулистый, верткий третий помощник капитана и высокий, на две головы выше, в два раза шире в плечах, длиннорукий, неповоротливый матрос. Алик, увертываясь от пудовых кулаков, все просил не колготить, а держать «лапку», выставив ладонь, но Микула, озлясь, плохо соображал, не слушал, на удар перчаткой отвечал голым н страшным ударом. Алик лавировал, ускользал и, хотя временами приходилось туго, все же радовался неожиданной, в полную силу тренировке и тому, что так повезло с партнером: ей-ей прирожденный, правда, совсем неотесанный боец. Он увертывался от мощных ударов и сам, нападая,

демонстрировал поочередно хуки, свинги, апперкоты, «наказывал» Микулу и в торс, и легонько, расчетливо в подбородок. Алик вдохновенно кружил по палубе, пока нечаянно не достал соперника. Матрос, лязгнув зубами, сузил в бешенстве глаза и пошел в открытую. Он никак не мог понять, почему этот настырный штурманец, муха, все еще зудит, а не валяется на палубе; дотянуться бы, влепить разок! Временами, когда Микула, пробивая глухую защиту, работал всерьез, с кряканьем и громким придыханием, словно дрова рубил, Алик решал: время кончать, пора, вот он раскрыт, сейчас бы крюком в подбородок. Но что-то удерживало, пришел азарт настоящей схватки, а с ним и риск; было приятно сознавать, что необузданная сила пасует перед его мастерством. Пусть видят моряки, приобщаются к настоящему боксу! Да и жалко отчего-то Микулу; не мог представить его, такого сильного, лежащим на палубе с разбросанными руками... Их разняли в конце концов, вцепившись сзади в Микулу, насев на него. Алик, поостыв, протянул матросу руку: «Силен, Микула Селянинович, силен. Согласен на ничью, если не возражаешь». Но матрос не принял руки, сгорбился совершенно уже по-блатному: «Зря радуешься, козел; погоди, подвернешься когда под руку, узнаешь Микулу!»

Время шло, Алик тренировался с другими парнями, а сам все думал о Микуле. Позже началась работа: траления, рыба от зорьки до зорьки, не передохнуть, а еще позже сломалась траловая лебедка — судно ненадолго перевели в поисковые. Алик возобновил тренировки, меняя партнеров, но тут зачастили осенние шторма, занепогодило, и он окончательно приуныл: «Прав Федосеич, прав, какая к черту тренировка! С приходом в порт не потяну по третьему разряду».

... После разворота пошли по волне с поиском рыбы. Бортовая качка уменьшилась, стала мягче, плавнее, и руль послушнее, но от рулевого по-прежнему валил пар. Судно вихляло, подталкиваемое с кормы, заваливалось носом, а капитан много раз предупреждал: не рыскать! — и Микула добросовестно крутил штурвал, стараясь удержаться точно на курсе.

Смеркалось, синело вокруг. На западе, у горизонта, вспыхнул на миг длинный сабельный клинок, и тотчас на порозовевшем стекле проявились слюдяные затейливые узоры. Но просвет быстро исчез, а с ним поблекли, растворились в синеве морозные елочки. Тучи на глазах наливались густой темнотой, и море тоже быстро темнело. Неожиданно пошел снег; он падал перед рубкой отвесно, большими пушистыми хлопьями. Палуба внизу быстро покрывалась белым, и по этому белому покрывалу шальная шипящая волна проходилась размашистой кистью, оставляя темные полукруги.

Первый обильный внезапный снег, как и на берегу, будоражил, пьянил: хотелось выскочить на палубу, озорничать, лепить снежную бабу — Алик с трудом подавлял в себе это мальчишеское желание.

Он взглянул на часы. Без пяти шесть. Сейчас на полубаке приоткроется дверь, вылезет матрос и, озираясь, выжидая момента, дабы не накрыла волна, зайцем промчится два десятка метров в кормовую надстройку — сменить рулевого. И точно, сперва

задергались массивные ручки на тяжелой железной двери, затем показалась голова, высунулся до пояса матрос в телогрейке, настороженный, нервный... Вот он перешагнул комингс, замер, высчитывая волну, и боком, по-крабьи, в опасной близости от фальшборта припустил по палубе. Впереди под рубкой его ждал узкий длинный шкафут с отвесным трапом наверх. С кормы ударила волна, подбросила судно и, перелетая рубку, ослабевая, изрешетила, как дробью, пушистый нежный снежок. Пока Алик гадал: успеет или не успеет матрос проскочить не вымокнув, в рубку все так же боком ввалился тот самый матрос в телогрейке.

— Накрыло! Вспотел! — весело сообщил он, отряхиваясь, колотя по штанинам красными руками.

Но прихватило его лишь снизу, и не самой волной, а ее слабеньким крылом, вымахом. Потому и веселился матрос, что сумел перехитрить море, выскочить из воды сухим.

— Сто восемьдесят на румбе. Вахту сдал,— сказал Микула, уступая место у штурвала.

— Есть сто восемьдесят! Вахту, стало быть, принял,— веселый матрос одной рукой уже вцепился в штурвал, другой стягивал телогрейку.

Микула, не мешкая, влез в тяжелый и грубый, верблюжьей шерсти свитер, потоптался в нерешительности: как быть? — то ли бежать через палубу в носовой кубрик, то ли переждать здесь до ужина... Он глядел на круглые судовые часы, не зная, что предпринять.

И вдруг Алик в каком-то подъеме, в настроении — от первого «земного», такого домашнего снегопада, от того, что заканчивался шторм и начиналась работа, от того, что веселый рулевой перехитрил море,— помимо воли шагнул к Микуле.

— Слушай, потренируемся? Время до ужина есть; подержишь «лапку», Микула?

— «Лапку»? Подержать? — матрос покривил рот в усмешке; фольгой блеснули не свои, железные зубы, сверху и снизу, полный рот.

— Это можно. Айда, подержу тебе «лапку»,— сказал Микула.

Алик кивнул на палубу внизу рубки:

— Заливает на траловой, нельзя. Попробуем на корме?

— Можно и на корме... Попробуем,— опять недобро усмехнулся Микула.

— Осторожнее там! Я за вас сидеть не хочу! — буркнул старпом, когда они проходили мимо.

— Добро, Васильич! — сказал Алик.— Будем осторожны. Считай, провел с нами внеочередной инструктаж по технике безопасности, а в журнале мы расписались.

Они ступили на крыло мостика и друг за другом неширокими проходом, ограниченным от моря легкими нитями лееров, мимо круглых заснеженных иллюминаторов надстройки, мимо черной горячей, в пару от снегопада фальштрубы, минуя железный кап с дверью внутрь судна, вышли на небольшую кормовую площадку. С трех сторон, полукругом, ее защищали от моря стальные леера, а с четвертой к ней примыкал боцманский ящик-амбар с песком, брусками аварийного дерева и другими стройматериалами.

Корма слабо освещалась двумя отдаленными судовыми плафо-

нами, покрытыми морской солью и снегом. Все так же густо лепил снег, неравномерно скапливаясь и быстро уплотняясь под ногами. У ящика намело по колено, завихряло, а ближе к леерам становилось все голее, обнаженнее, сквозь белое тускло поблескивали полосы льда.

— Полный морской порядок: сразу и каток и ринг,— сказал Алик, сгребая снег ногой.

— Сойдет,— отозвался Микула.

Они прошлись по площадке лопатой, подчистили снеговое крошево метлой.

— Я сбегаю за перчатками, а ты разогревайся. Замерз?— спросил Алик.

— Ништяк, сойдет.

Алик вернулся быстро, в белом свитере и белой шапочке, легкий, нетерпеливый, с двумя парами боксерских перчаток через плечо. Поскользил по палубе, опробуя ее кедами.

— Сносно. Море тоже подтихло. Начнем?

— Давай,— Микула протянул руку за перчатками.

— Вначале разомнемся: побегаем, попрыгаем, я тебе покажу комплекс упражнений.

— Брось!— рулевой старательно не смотрел на него.— Я у штурвала размялся, будь спок.

— Ладно, как скажешь,— Алик протянул перчатки, старые, облезлые, без шнурков.

— Может, без них? Стукнемся так,— как бы пошутил Микула, показывая железные зубы.

— Мне надо быть в форме,— сказал Алик.— Понимаешь, надо: я дал слово. Ты только подержи «лапку», я разомнусь, а после, хочешь, покажу два-три приема.

Алик надел перчатки, новенькие, по руке, Микула зашнуровал их, завязал крепко, как подсказывал штурман, запрятал концы шнурков глубоко внутрь. Всунул руки в свои, безразмерные и принял стойку.

Алик отвел его руку в сторону на уровне головы.

— Держи так. И двигай. Туда-сюда. Только, договоримся, без фокусов. Ринг!

Они сошлись на середине площадки. После первых же ударов, сериями и в одиночку, Алик отметил, как хорошо, туго пружинит перчатка Микулы. И реакция у него отменная. «Хорошо, хорошо!— повторял он, кружа вокруг матроса, чувствуя, как тело наливается силой и ловкостью.— Я из тебя сделаю боксера, посмотришь. И к Федосеичу приведу: взгляни, какой экземпляр раскопал!»

Корма срывалась, ухала вниз, готовая принять на себя крутую волну, но та лишь выворачивала у самых ног, как гигантская рыба, пугая близостью, тяжестью лосненого бока. И тогда они, сохраняя равновесие, волей-неволей обнимались, приседали, касаясь палубы коленями и перчатками. Переждав, отталкивались друг от друга и в веере хлестких брызг карабкались по вздыбленной палубе к боцманскому ящику, подальше от лееров. Отдыхали там и снова сходились на середине скользкого крошечного, два метра по радиусу, пятачка.

Микула двигался по-медвежьи, неутомимо, и не только прини-

мал удары, но и атаковал, напористо, хотя и уязвимо для самого себя. Алик с криком «брэк!» первым поднимал перчатки: осторожнее, не увлекаться! — и тот, тяжело дыша, в азарте, с неохотой опускал руки. Потом Алик показал матросу, как делается апперкот — резкий удар снизу по корпусу и в челюсть. Микуле понравился этот прием; он все старался применить апперкот и к месту и не к месту, вкладывая всю силу. Алик с трудом сдерживал его натиск, лавировал в глубокой защите, лишь изредка отвечая вполсилы по самым открытым и уязвимым местам.

...Обнявшись, они все чаще замирали у лееров, у самого краешка площадки. Было в этой опасной игре с морем что-то от языческого праздника, разгульное, был крупный риск, и это кружило голову. Слабо светили седые плафоны; на бизань-мачте затравленным зайцем метался по-черному топовый огонь. Не существовало вокруг ни моря ни неба — лишь тревожная сгущенная темнота. Косо лепил снег. Волны забавлялись суденышком, испытывая его до поры. Двое на заснеженной скользкой палубе, сталкиваясь и расходясь, испытывали терпение моря.

— Пора кончать! Время! — сказал наконец Алик.

— Кончать так кончать, как скажешь, так и будет,— сказал Микула, и в тот момент, когда море в очередной раз поставило палубу на дыбы, когда штурман, скользя по утрамбованному снегу, растопырил руки, готовый обняться, Микула нанес удар. Мощный, снизу. Апперкот.

На этот раз прием у иего получился. Перед глазами мелькнуло белое пятно свитера, ребрнстые подошвы кедов, черные шары перчаток. Микула с ходу ударился о леера и замер, оставшись на площадке одии. Не было ни крика, ни всплеска, ничего и никого вокруг — только штурман, переломленный на гребне волны, лицом вниз. Микула потянулся к нему, замедленно, как во сне, и сам едва ие оказался за бортом. В лицо хлестнуло мелкой солью и пеиой, обожгло, ослепило, и в следующее мгновение волна, отхлынув, иссякнув, будто и не бывала, унесла с собою штурманца в чериильную пустоту.

Микула встряхнул руками — перчатки, безразмерные, без шнурков покатились по палубе. Он присел, вглядываясь в темноту, пружиня ногами, балансируя, и вдруг на четвереньках ринулся обратио к ящику, помогая себе по-обезьяньи кулаками. Новая волна швырнула его к другому борту, и здесь он наткнулся на спасательный круг. Рванул на себя. Неудачно! И после с дикой силой все рвал и рвал, разгибая железиые пазы, пока не дошло: вверх надо же, вверх, лопух! Наконец он высвободил круг и швыриул в темноту.

На пути в рубку Микула ударился о выступ иадстройки. Упал, подвериув руку, но боли не почувствовал. Ои никогда ие ощущал своего сердца, но сейчас оио колотилось в горле: погиб! по-гиб! по-гиб! Затаскают, засудят, да и кто мне поверит, кто?! Дверь, иаконец, в рулевую, в снегу, как в шубе, до самой ручки сугроб... Еще ие поддается, а вот я тебя ногой, ногой! Ага, так-то! А иавстречу — темеиь по глазам, пустота.

«Человек за бортом! Штурманец в море!» — ио вместо этого — хрипло и нечленораздельно иа одной иоте:

— А-а-а-а-а-а!

Темеиь, иету ответа. Плохо соображая, что делает, он повернул иазад. Сиова шлюпочиая палуба, иллюминаторы, чериая, в пару, фальштруба... н, когда увидел в полуметре от себя воду, мягкую кипень теплой на вид волны,— легко перемахнул леера. Будто н не сам, будто кто приподнял и бросил! Его поглотило, закрутило, обожгло. Сердце зашлось, и он в ужасе заработал руками, выбираясь из ледяиой послевинтовой толчеи. Ои глотнул воздуха, горького, с водой. Его стошнило, коротко, как баклана. Ои бросился за судном, вслед огням. Он молотил н молотил руками, пока ие понял: не догнать, поздио. «Лопух! Лопух!— завизжал ои, мотая головой.— Не дрыгайся, лопух, иди сразу на дио, так лучше». Но тело продолжало сопротивляться, лицо увертывалось от тяжелых свинцовых брызг.

Судно удалялось темным большим пятном, с клочьями света, с яркими огнями на мачтах, удалялось, танцуя в зеиите иеба и в глубине моря. Микула тоскливо глядел вслед. Зиают там или нет? Предупредил? Успел ои или померещилось все: бег, сугроб, распахнутая дверь, темень внутрн рубки? Не было ничего! Не было! Не было!

Волна накрыла его с головой, резко, будто исподтишка, ои не успел вдохнуть. И ие надо, через минуту кончится все, лопнет иепутевая жизнь, но разрывало легкие, и была невыносимая боль, тоска, тело яростно боролось за жизнь. Он вдохнул, как всхлипнул, а после долго ие раскрывал рта, увертываясь от воды.

Предупредил или нет? Конечно, кричал он, кричал, так хочется теперь верить: кричал! И дверь вышибал, но почему тогда все дальше и дальше огни? Почему не спасают?

Он покрутил головой и приметил еще один слабенький огонек среди волн, невдалеке. Мерещится, что ль? Да нет, это круг, должно, спасательный круг с лампочкой, сообразил, сработала батарейка...

Он двинулся на светлячок, боясь потерять из виду, и, когда тот исчезал, в бешенстве и тоске лупил по воде кулаками, выискивая огни судна, уже расплывчатые, далекие. Мешали волосы, жесткие и соленые пряди лезли в глаза, в рот; Микула мотал головой и вновь устремлялся к огоньку, пока не оказался рядом.

Круг был занят, на нем висел штурманец. Микула стиснул зубы: пижон несчастный; провались все на свете! Это что же — околевать? Ах ты, лопух! лопух! Сам себя приговорил. Ну так исполни, не дрейфь — морду вниз и готово! Но быстро пришел в себя: всплыву вверх спиной, а этот будет висеть? А этого подберут? Ни в жизнь! Салага, муха в перчатках, попрыгун... Несправедливо!

Микула вцепился в круг с другой стороны, и тут же все тело, особенно пальцы рук, наполнилось нестерпимой ломотой и болью — как будто попал под могучий пресс... Невмоготу! Он даже посмотрел на руки, не сочится ли кровь. А этому в перчатках тепло, а этому маменькину сынку, «академику» — сухо... Притих, козел: зыркала с блюдца; что, и тебе не сладко? У-у-у-у, тыркну счас пятерней!

Они висели напротив, голова к голове. Круг плохо держал двоих, притапливался, а, когда всплывал, при свете лампочки под матовым колпачком перед Микулой возникало изуродованное болью и тенями лицо. Штурман не мог разжать сведенных челюстей и все спрашивал одними глазами, требовал ответа: конец? И видел по лицу матроса, черному, в кудельных прядях, стекающих со лба: заткнись, салага, сам знаешь...

Они были заняты каждый собой, своей ледяной болью в теле, разрываемом на куски, страхом своим, раздирающим душу; общим на двоих был только круг, верткий на волне, ненадежный, да еще, главное, судно, в огнях, разворачивающееся вдали широкой дугой — хватились!

Теперь найдут, раз хватились. Жить! Они расположились на круге так, чтобы их малый огонек светил в сторону далеких, но уже различимых огней.

Снегопад слабел, появились редкие звезды, летающие широко, с размахом, в полнеба. И судовые огни тоже взлетали — стремительно ввысь и плавно, с покачиванием назад, исчезая разом, будто навеки поглощенные морем. На глазах они поослабли, поубавились как бы, лишь две спаренные звезды, белая и красная, — ходовые огни — продолжали чертить по темному: красная — слева, белая — справа. По ним Алик и определил: траулер лег на обратный курс. Значит, через десять минут будет здесь... Десять?! И как удар — мгновенная вспышка в мозгу: где-то он слышал, через пять минут (всего через пять!) в ледяной воде — разрыв сердца! Мама, ему и минуты больше не вынести!

Он замычал, забил перчаткой внутри круга:

— ... ы-мы-ии!

«Помогн, Микула, я больше ие могу держать эти иабухшие гирн: сними».

Матрос понял его. Он поймал перчатку и скрюченными пальцами заскоблил по тугому сплетению шнурка. Волна швырнула нх, разбросала; они забарахтались возле круга, переворачивая его маячком вверх, цепляясь руками.

Алик тянул н тянул перчатку:

—... А-а-ми! ... а-а-ми!

Микула тряхнул головой, еще не уверенный, получится ли зубами, как просит штурманец. Ои оскалился и открыл рот; крупно затряслись, запрыгали челюсти. «...А-а-ами! ... а-а-ами!» — мычал н тянул перчатку штурман; Микула прижал ее к кругу и, перебирая губами осклизлую кожу, начал подбираться к шнурку. Нащупал «елочку», крепко подцепил зубами. Сбоку хлестнуло, обожгло, потащило вниз. Микула, торопясь, рванул головой — н как будто врезало по лицу кастетом. Он провел языком: вставных зубов и сверху н снизу не было. Мгновенная ярость охватила его. Снова притихшее было сердце заколотилось в горле. «Ну погодн! Сейчас... сейчас...— Он еще не знал, что предпримет, ио бешеиство душило, искало выхода.— Ну погоди!»

Алик, навалившись на перчатку подбородком, выдирал руку. Это ему удалось, и нечто вроде радости мелькнуло иа перекошениом лице. Он замычал, благодаря, что ли; и это дерганье рукой, радостные гримасы доконали все человеческое в Микуле. «Веселится еще, падла! Втянул в нсторию, жизни лишил, теперь и зубов... Ну посмейся, посмейся!»

Микула потащил круг иа себя. Освободившейся рукой, белой, затекшей, но еще гибкой, штурман вцепился в пробковую дугу: ие понимал, что это задумал матрос?

— Пусти, порешу!— впадая в истерику, засвистел Микула беззубым ртом.— Пусти, гад, ие доводи.— И, изловчившись, угодил ногой во что-то мягкое.

Алик разжал пальцы. Боль в животе затмила все другие раздираюшие тело боли: в костях, в суставах, в голове, словно стиснутой цепким обручем.

Круг вывернулся, как живой, поплясал на ребре и перевернулся. Микула набросил его иа себя, стараясь влезть внутрь. Мешали плечн, и он догадался пропустить сперва одну вытянутую руку, затем другую, прижатую к телу. Ои выдохся и иаглотался соленого, почти не соображал, где иаходится, что с ним; была лишь цель — протиснуть себя сквозь жесткое пробковое кольцо. Наконец он ощутил под мышками зыбкую на воде твердость круга. «Вот так бы н сразу!— подумал.— Ништяк! Так бы давио; перебьюсь теперь, подберут... Жить! А ты там посмейся, козел, посмейся...»

Алик держался на воде рядом. Боль в животе отпустила, а, может, просто растворилась в общем пронзительиом изничтожении тела. Ему казалось, что сейчас ои умрет, захлебиется, застигнутый врасплох коварной волной, ио скорее всего откажет сердце. Еще один вдох — и оно разорвется, ие в силах совладать с холодом, мигом разлетится на мелкие ледяные кусочки. «Только

спокойно! Спокойно!—призывал он себя, увертываясь от очередной волны, задерживая дыхание.— Видишь, реакция у тебя есть, н мозги на месте, ты все понимаешь, оцениваешь, значит, ты живешь... Без паники! Не подведи себя сам, а сердце твое не подведет». Он мелко, по-собачьи, подгребал правой, теперь свободной рукой, а левую, стиснутую перчаткой, без конца подтягивал к груди и опускал, словно воду толок в ступе. На большее левая не годилась. Он был все время настороже, на доли секунды упреждая в темноте резкие удары скрученных жгутов, их свинцовую дробь. «Только без паники! Вот рядом круг; когда станет совсем плохо, ты отдохнешь, осмотришься, расслабишь руки... Нельзя! Микула не поделится, н не надо: двигаться, двнгаться, замерзает кровь... В пальцах уже замерзла, если я уцеплюсь за круг, они поломаются, как хворост... Почему вокруг так много огней? И они тоже движутся, все вместе; где тут верх, где низ? Нет, не те огоньки, не те... Звезда к звезде... звезда с звездою... н мы плывем... вдвоем... порознь... Как страшно, безысходно! Микула, мне не нужен твой круг, не гони. Слышишь, мне не нужен круг, я только побуду рядом... Смотри, Микула, смотри, во-он они, настоящие они! Все ближе, ближе, держись, Микула, скоро спасут. Хорошо бы навстречу брассом, я неплохо умею брассом, ах ты, дьявол: удар! удар! Так ведь н пропустить недолго. Два боковых подряд, н ответить не могу—некому. Тебе ведь не больно, океан, ни холодно тебе, ни жарко... Еще удар! Ага, понимаю, сбиваешь дыхание, а потом в нокаут? Черта с два! Не выйдет! Но и у меня тоже не выйдет навстречу, не получится напролом, так что мы на равных с тобой, давай не будем... Я ведь не дам себя одурачить, захлестнуть. Держаться по волне, держаться—вот и все, ждать...»

Он барахтался невдалеке от матроса, боясь потерять того в темноте, но еще более опасаясь оказаться с ним лицом к лицу, встретиться взглядом.

Вокруг незаметно, исподволь слетались птицы. Покачивались на волне, вскрикивая, растопыривая крылья на острых гребнях. И вновь устраивались поудобнее, не любопытствуя, не досаждая, и потому казались не настоящими, не живыми, словно в наваждении. Сотни белых комочков вокруг—все тот же снег, крупные нетающие хлопья. И хорошо, что они рядом, кричат, движутся—жизнь! Но и жутко от этой суетящейся белизны: вверх, вниз, в глубину моря и захлестывая круглую яркую луну—Алик не сразу ее заметил, выплывшую из-за тучи у горнзонта. Мельтешат чайки, словно и правда неистовая разыгралась пурга, снегопад, за которым не увидишь ни зги, не заметишь проходящее судно...

Как ни остерегался он матроса, все же не мог больше терпеть, приблизился. Твердил себе: на минутку всего, перевести дух... Вцепился в круг, руку в перчатке наконец опустил, как бросил: тяни, дура, далеко не утянешь. Прнтих: не гони, Микула, не помешаю.

Микула пошевелил губами, медленно открыл глаза. «Опять штурманец. Вроде бы недавно сорвало, уволокло... висит. Ладно, пусть висит, лень прогонять даже. И думать напрягаться не хочется: где я сейчас? Какая разница—где... Такая мировая тетка по соседству, на мать похожа. Постой, погоди, и правда

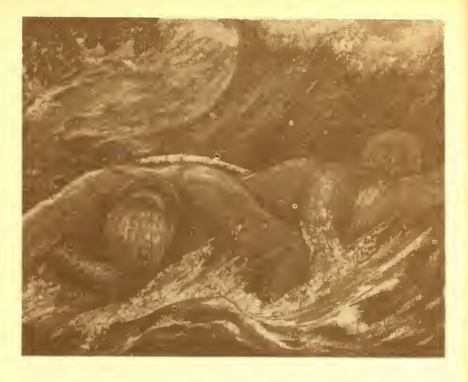
мать... Чудеса; ты погоди, не уходи, мать, не вздумай... Говоришь, я добрый стал? А то как же! Нам, мать, иначе нельзя; море, мать, цельная академия... Письма? А как же, и письма я тебе слал, и посылочки, да, было, не стоит благодарностей... Не получала? Давно умерла? Да что ты тут мне мозги полощешь, не может быть! Ведь я говорю с тобой, вижу тебя, вон молодица какая! Возьми к себе на колени, хочу на колени, возьми!.. Во, ништяк теперь, лады-спасибочки... Гляди, гляди, это я, что ли, такой шкет? Это у меня носочки и бантик, фу-ты ну-ты, сдохнуть от смеха! Ну не умора — сам, собственной персоной, такой махонький... Ты почему хнычешь, мать? Брось, такая молодая — и слезы... А-а-а, усек — все отец! Это ведь он пасется подле? Ну-ка, ну-ка взглянуть. Ровно в тумане, в дыму, призрак, лешак; покажи лицо, отец, слышишь, покажи, я тебя сроду не видел... Уходишь? Маманя, не отпускай! Не отпускай, говорю, держи, пусть покажет лицо... Что? Это я сам ухожу, бросаю тебя? Так ведь надо, мать, надо, хочешь жить — умей вертеться. Не голоси, что ты! Я ненадолго, я вернусь, верну-у-у-у-усь...»

Микула не знал, что такое воображение, чуждо оно было ему, но в эти минуты он видел мать, молодую и красивую, отца видел, все просил его о чем-то, пытался поговорить, а после оба, и отец и мать, исчезли, и сразу понесло по какому-то безвыходному кольцу: товарные вагоны, пыль, грязь вокзалов, полузабытая шпана. Вот Ромка-пузырь на полусогнутых с финкой: хиляй, Микула, посмотрю на твои кишки... Бабы и мужики загоняют его, пятнадцатилетнего, под вокзальную лавку, топчут ногами: «Не тронь чужого, не тронь!» «Не надо, граждане родненькие, не буду!» Опять его травят, опять швыряет из стороны в сторону, захлестывает горькой водой. «Не хочу! ... Это ты, мичман Полтора Ивана? Ну и рожа у тебя, ну и рожа! Ха, напугал, «матрос Микула, три наряда вне очереди!» Да хошь десять, плевать! Сейчас я командир: сгинь!.. А это еще чей щенок под ногами? Мой? Что ты мелешь, Зинаида, что мелешь? Ты меня на прихват не бери, ты докажи... Погоди кричать, не дурачь, ты прикинь: в море я когда уходил? В декабре. А вернулся? В июне, то-то... Не в тот раз, говоришь? Да не путай ты меня, отцепись, все равно не удержишь, Зинаида...»

«Болтает, швыряет, мочи нет... Опять море, рыбцех и еще одна харя — бригадир тычет треской под нос: твоя халтура, Микула? Ну моя, моя! Что ты, падла, пристал?! И этой рыбиной бригадира по шее. Сцепились, у каждого в чехле по шкерочному ножу, но до них не дошло, просто мордовали друг друга в лютой, месяцами скопившейся злобе. Их разняли, заломили руки...»

«Да что же мотает так, ни секунды покоя! И опять в кубрике вода, льет сверху как из ведра. Откуда? Не должно бы; на плавбазе иду домой, списанный за хулиганство,— откуда на плавбазе столько воды? А это что за палец перед носом? Желтый, туда-сюда: «Хватит, Микула, твоих выступлений, сыты по горло. В бесплатный резерв! Искупляй! Погоди, насидишься на берегу, взвоешь!» Несправедливо, несправедливо... Выпить бы, отвести душу; не на что. «Эй, паренек, не купишь колеса? Из Галифакса, на коже, по дешевке отдам. Не надо? А меж глаз, козел!»

...Не то все виделось, не то; мать с фотографии, он в

беленьких носочках у нее на коленях — это да! Остальное-то зачем?

Дух перехватило от обид и нахлынувшей злобы на всех, захотелось уйти, немедленно высвободиться, вырваться из тесного заколдованного круга... Он продрал глаза и застонал даже, когда сообразил, где находится и что с ним. Черная темнота и черная густая вода, уже ни холодная ни теплая — никакая вода — для одних глаз и все. «Нету больше меня, нету матроса Микулы н не будет»,— подумал он, смыкая глаза, отдаленно понимая, что никогда их больше не раскроет. «И не надо, только бы еще разок напоследок увидеть мать, услышать ее: «Ты ласковым стал, сынок, добрым», только бы самому ответить с достоинством: «А как же, мать, у нас в морях не шалтай-болтай, у нас — академия; да-а, н ученые свои, как же, высчитал тут один штурманец: мы, мать, с тобой не простых кровей, от богатырей идем, таких знаменитых — ахнешь!» В его угасающем мозгу слабо мелькнуло: для чего ему спасательный круг, раз нету больше ни рук ни ног — отдать бы поплавок штурманцу, пусть его ... Но было смертельно лень и не под силу уже шевелиться, что-то делать; сам возьмет скоро, не дурак, воспользуется...

Подтих ветер, и море, стало казаться, поутихло, только крутые валы тянулись нескончаемой чередой. Алик все не давал опрокинуться странному сооружению с обвисшим матросом, шевелил ногами. Одной рукой он то цеплялся за круг, а то подгребал под себя, сохраняя равновесие; другую же, в перчатке,

догадался заклинить меж матросом и овалом круга. В пору пришлось; теперь они вдвоем представляли нечто целое. Но недолго. Первая крутая волна встряхнула обоих хорошенько, разбросала, и снова: Микула с кругом — одно, Алик со своей пудовой неотвязной ношей — другое. Мысли путались и обрывались, он вовсе не хотел никаких мыслей — зачем? Все уже продумано-передумано, от и до, прокручена короткая жизнь. Что там его судьба, его страхи, его собственная боль, когда навсегда остаются по ту сторону незащищенные мама, Леся, Игорек... Все трое перед глазами, как привык видеть на фотографиях, что у изголовья в каюте; все трое, и потому особенно тяжело: ведь в эти минуты он и теряет их вместе сразу. Бедная мама... ее-то за какие грехи? Неужто не все прошла, не все круги, не настрадалась? Страдания очищают и возрождают, но где мера? Разве она переживет? Немыслимо, невозможно...

Он рванулся к кругу, но тугая волна отбросила прочь. Он захлебнулся и, наверное, на миг потерял сознание, потому что когда очнулся, мысли уже вошли в привычную колею: ждать! ждать! В мире существует только спасательный круг с капелькой-светлячком, один на двоих, да еще огромное, как **Надежда**, судно — с огнями, с теплом, с живыми людьми, с твердой палубой под ногами, как он не замечал ее раньше!

Он приблизился к кругу; нет, не держит рука, и эти пальцы — синие, тугие, промороженные насквозь — не его. Он поразился — исчезла боль, а тело словно растворилось в воде, полностью, до клеточки, перешло в океан... Мама ро́дная, только что казалось — ударь слегка по животу, все равно чем, палкой, ребром ладони, и он наполовину отколется, и нижняя половина туловища камнем пойдет на дно, а сейчас этот кошмар сменился другим, еще более диким — пропало тело! Вот я кусаю руку; сильнее, сильнее — не моя! Он забил руками и ногами: двигаться! Такого не бывает, чтобы ни рук ни ног; нет тела, но он-то еще живет... Господи, как это понять? Что-то ускользает, важное, не ухватить... Ага, вот что! Жизнь — это боль! боль! Пока я чувствую — я живу: двигаться! Умереть от разрыва сердца, но вернуть тело! Отдайте боль! Двигаться, двигаться! Сколько уже прошло? минута? десять? ...Волна на баке, наклонная палуба с молодым блистающим льдом и веселый матрос по ней, во все лопатки: «Вспотел!» Микула поглядывает на часы, скоро ужин... Вдвоем они на обледенелой площадке, и азарт, и риск, и коварный удар под крен... Все это было, было, и это можно проследить по минутам; а после что? Провал; исчезло время, которое он расписал, к которому привык... Растянулось оно или сжалось? Кто даст ответ...

И вдруг свет в глаза, нестерпимо белый; что такое? откуда? Не сразу понял — в луче прожектора они с Микулой, наконец-то! Судно вблизи, в огнях, развернуто бортом, на палубе люди. Тоже как будто высвеченные, под люстрой, много людей, в движении, так хорошо видны: вот боцман с бросательным концом на согнутой руке, а вон на баке со спасательным кругом Сан Саныч, стармех, выше всех на голову, в одной пижаме.

Все ближе форштевень, бак прошел, пижама Сан Саныча и его крик: «Держитесь, ребята!» Капитан на крыле мостика, снежок по черному свитеру, и сам белый, как снег... И вдруг накренилось

все, понеслось навстречу: капитан и люди на палубе с выбросками наготове, борт в зеленых волнистых прядях; отбросило тугой волной, чуть не перевернуло круг... Мама ро́дная, подтолкнул бы кто, малость такая до палубы, полметра всего, и дома они, дома, спасены... Нет! Два спасательных круга один за другим шлепнулись рядом. Вывернулся борт и начал стремительно расти вширь и вверх, заслоняя небо: изумрудная грива в потоках воды, концы с буями, веревочный трап змеей по зеленому. Все выше капитан, Сан Саныч, матросы, и вот уже нет их, исчезли, ракушки перед глазами, белые и коричневые ракушки въелись в железо; сейчас затянет под киль, засосет... Но оттолкнулся ногами от ракушек; сверху обрушился зеленый водопад, мягкая грива, ухватиться бы — глупо, глупо! Как удержаться на водорослях? Лицо капитана с высоты, испуганные глаза, боцман с выброской, все несется навстречу, сейчас раздавит махиной, но мимо, мимо темный мягкий ковер... Вот уже округлая корма, иллюминаторы, и в них салон команды изнутри: зеркало, стенгазета — рукой подать! Нет, не сумели взять, проплыли в метре, уходят. Обрушилась темнота, все дальше кормовые огни, куда вы?!

«Возьмите!»

Не получилось крика, не сумел, снова жгуче заполонил страх, и он как-то отдаленно даже обрадовался ему: страшно,— значит, еще живет, борется. Он ожесточенно затряс круг: Микула, очнись!

Высвободил руку и начал ею, бесчувственной, тыкать в рулевого: очнись, Микула!

Матрос разлепил глаза. Все то же море, ночь, стынь... Штурманец трепыхается, не успокоится чумной, не надоело? Он тяжело опустил веки, и тогда Алик забил ногами, разворачиваясь так, чтобы рулевой увидел близкие огни. Он колошматил матроса по плечу и спине, все сильнее старался, кричал изо всех сил, но беззвучно. «Очнись! Приказываю тебе, Микула, я и здесь командир. Не видишь — судно!»

Микула чувствовал отдаленно, что его трясут, беспокоят: ну, что волосану надо? «Отцепись по-хорошему, не утомляй! Не до тебя. Разве не видишь — Валюха на пирсе, во-о-он, в белой косынке, с букетом в руке, такая нарядная... Отвяжись, говорю, третий, к чертям, не моя вахта! Я теперь на берег сойду, гулять буду, веселись, душа! Домой, Валюха, домой, у нас тоже есть дом, а как же! Веди, Валюха, гостинцы будем смотреть. И тебе, и твоему Витьку, всем хватит... Как плавал, говоришь? А ничего плавал, как всегда... Однако молчи о море — ни слова. Завязано с морями. Молчи, Валюха!»

...Стол такой богатый перед ним. огурчики, редиска, лук — все из своего огорода! Валюха вокруг да около, глаз не отводит, подливает, подкладывает, и подросток угловатый — напротив с вилкой в зубах, глядит, как волчонок, исподлобья. Все теперь, как у людей, не хуже! «Как учишься-то, Витёк?» — «Во-во, не прячь зенки, шалопут, отвечай!» — и слезы по вялым щекам, по сиреневой пудре.— «Бросил школу, дурной, сладу нет... Да, ить, и то, что взять, Феденька,— безотцовщина!» Жалость охватила, ровно из ушата водой, непривычная, давно забытая к людям жалость.— «Ништяк, Валюха, переживем... А ты, Витек, больше не дури, не

хулиганъ. Матерь слушайся, н я тебе ие чужой. Погоди, вместе за книжки сядем...

...Солнышко над плетнем, грядки, парники, цветы под пленкой. «Хозяйничай, Феденька, теперь все твое»,—это ему, значит, Микуле, да с таким, почитай, уваженнем, ласково. «Ах ты, пичуга! Ах ты, ро́дная! Дождалась мужика в доме. Погодн, ты погоди, еще рейс, еще деньжат—н заживем! Не хуже других, а то н лучше. И она, понятливая: «До круглого счета, Феденька?»—«Ага, прямо зуд, Валюха, чтобы, значит, до круглого. И в оборот! А то как же? Первые огурчики—они почем? Тюльпаны под пленкой... помидорчики ранние—восемь «рэ»—в оборот! Все в оборот, копейка к копейке—рупь бережет. На хрена нам море, погодн, заживем, Валюха!» И вдруг увидел их, восемь тысяч, в кожаном ридикюле на дне сундука—пачками, сотенные одна к одной, зелененькие тож пачками; всего двух тыщ, стало быть, не хватает для круглого счета, вся надежда на этот рейс—увидел и застонал, очнулся.«Что теперь? Кому достанутся?—ведь четыре года нз морей не вылазил, каждую копейку считал—все псу под хвост! Несправедли-н-в-иво...»

Он зашевелился на круге, подбородок оторвал от груди. Огни прямо перед ним. Судно! Вроде бы в дрейфе лежит, палуба вон как освещена! Людн бегают, на корме шлюпка прнспущена иа талях...

Микула подтянул закостеневшие, сведенные судорогой руки, забил по воде: спасут, непременно спасут, поднимут! Он дернулся было, как под током, и сразу обмяк, голову уронил, возвращаясь назад к грядкам, к вечернему солнцу над плетнем, к Валюхе своей, с которой так хорошо; к тяжелому, обитому железом сундуку... И последнее, что увиделось пронзительно ясно: он сам, крошечный, с муравья, в свитере н стоптанных башмаках, только от штурвала—он сам на чьей-то огромной н тяжелой ладонн. Черт поберн! Ну мать, отец, ну Полтора Ивана, Валюха с огородом, да н сам он, махонький ребятенок на руках матерн—куда ни шло! Тут же, такое! Вовсе иепонятно видеть себя, живого, на чьей-то холодной, в мраморных прожилках, ладони. Но долго удивляться не пришлось: тот, крошечный, на ладони перевернулся н исчез, как улетел по прямой; его место тотчас занял другой Микула, на спасательном круге в натуральную величину, теперешний, среди черных волн н белых чаек, со штурманцом позади... Все это запечатлелось как бы сверху, метров с двух-трех, словно прн вспышке молнии, перевернулось н тоже понеслось по прямой. Микулу втянуло мощным потоком в бездонный тоннель, обложило нарастающим жестяным грохотом, закрутило н понесло...

Внутрн круга на брюках рулевого находился кожаный пояс. Он хорошо держал, н за него было сподручно трясти: «Очнись, Микула, ие смей!» Алик вцепился в ремень случайно, стараясь удержаться на круге, и не сразу до него дошло, что последняя эта хватка—намертво; пальцы закостенелн, захочешь—не отодрать. Теперь нх с Микулой точно водой не разлить... Он не мог больше покинуть круг. Оставалось одно: шевелнться самому и будоражить, не давать покоя матросу. В недавних коротких видениях, в наплывах картин, просматривая, словно на быстром экране, целые

куски своей жизни, он каким-то чудом успевал оценить, где был прав, а где нет, что сделал хорошего, и вот теперь понял, тоже ярко, как в озарении: мало что сделано, мало! Все только намечено, все отложено на потом. Дерева не посадил, не успел... Сына не вырастил... На судне ни с кем не сошелся близко. Со всеми одинаково, на равных, а друзей нет... Нарастил кулаки, хожу надутый... Но это же вздор! вранье! не знаешь ты меня, Сан Саныч, и никто не знает; еще увидите!» Но быстро пришел в себя: увидят? Никто уже ничего не увидит, поздно...

На судне опять врубили прожектор. Рядом на волне плясали спасательные круги, новенькие, игрушечные какие-то, схватить бы, пропустить под мышки, расслабиться, как Микула. Но страшно пускаться вплавь, остаться одному. Да и не сумеет оторваться, неразлучны они с матросом: «Очнись, Микула!»

...Голоса чаек, потревоженных судном и светом, круг, лампочка на нем в луче прожектора, как капелька живой крови, вот-вот погаснет, и там же, в луче, темное запрокинутое лицо рулевого...

Он развернулся прямо на прожектор и начал толкать перед собой круг, ничего не видя, не чувствуя, не желая, кроме одного-единственного — жить!

Он толкал и толкал круг, прокусив губу, закрыв глаза, не зная, что от судна отвалила шлюпка и взяла курс на мощное световое пятно, где он барахтался, боролся за свою и чужую, уже безразличную ко всему жизнь.

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

ТИХОСТРУЙНАЯ СОРОТЬ

В энциклопедиях Сороть не значится — невелика речка. Зато в пушкинских книгах или в книгах о Пушкине вы ее сразу найдете: «тихоструйная Сороть», «прихотливая», «голубая».

В жизни Пушкина было две реки, о которых можно сказать: река-судьба. Нева, в дельте которой расположился великий город, и эта деревенская синяя речка, текущая на Псковщине.

В Михайловском мы обсуждали план «проплыть по реке от истока». Хранитель пушкинских мест Семен Степанович Гейченко сам решил участвовать в этой маленькой экспедиции. Но сидевшая тут же за чаем жена этого не потерявшего любознательности восьмидесятилетнего человека сказала: «Семен...», — и перечислила доводы, исключавшие самого «адмирала» из списков команды.

— Ну вот, — засмеялся Семен, — как говорится, артиллерия не стреляла по двадцати причинам; во-первых, не было снарядов...

Не переставая шутить, Семен Степанович стал «вычислять» спутника для меня.

— Лучше всего Генка Петров — служит в ОСВОДе, умел, здоров. И ничего, кроме воды из Сороти, в рот не берет. Благословляю!

И вот мы с Генкой — в Новоржевском районе Псковщины, у истоков реки. Сверяем с картой места. На карте все зелено, покрыто синей штриховкой и голубыми кружками — озерный болотистый край у отрогов Валдая. Всюду — ивняк, ольховый кустарник, низкорослые стайки берез, и всюду — блестки воды.

Одичавшая белая лошадь, с любопытством взирая на двух пришельцев, нагибается, пьет из бегущего в травах ручья.

Небоязливо летают и шумно падают на воду утки. Кричат чибисы. Поет в черемухе соловей. Неторопливо и высоко, дожидаясь, когда исчезнет туман над водою, летает скопа.

— Или что потеряли, добрые люди? — спрашивает иевесть откуда возиикший пастух в треухе и полушубке.

— Да вот ищем, откуда Сороть берется?

— Сороть... Да чего же искать. Вот оиа, Сороть! — пастух поболтал в воде резиновым сапогом.— А вытекает из озера. Оно рядом, но туда не пробьешься: на лодке — маловато водицы, а пеше — мокро.

Все было в соответствии с картой. Озеро Михалкинское. Деревня Кузиио. Двумя протоками вытекает из озера речка и почти тут же впадает в другую под названием Уда. В Уде воды больше, ио почему-то победило название Сороть.

До впадения в Великую отсюда шестьдесят километров. Интересио, бывал ли Пушкин в этих местах? Очеиь может быть, что бывал. Тогда он видел эти низкие берега, из которых вода вот-вот растечется по сторонам. И она действительно растекается. Русло местами можно угадывать лишь по верхушкам затоплеииых ивняков. Всюду вода желтая от купальниц, и лишь островками — ольхи, ветлы; копенка старого сена с сидящим иа ней луием, гривка елового леса.

Разливы воды уходят за горизонт, речка, кажется, потерялась в этих разливах. И все же течение есть. Плывет по течению белый гусиный пух, удаляется брошенный с лодки спичечный коробок.

И вот уже Сороть снова в объятиях сухих берегов. Они стали выше. Уже не только ивы, ольха и черемуха опушают синюю воду. Уже дубы и сосны маячат по берегам. Стада коров и телят, не привыкшие к шуму, провожают нас взглядом чериых гипнотизеров, а пастухи без отрыва от производства занимаются тут рыбалкой — то и дело видишь иад водою жерлицу.

Сидел ли с удочкой у воды Пушкин? В изученной до мельчайших подробиостей михайловской жизни поэта указаний на это, кажется, нет.

— Горяч характером был,— говорит Генка.— Удочка любит спокойствие. Но сети Пушкин помогал рыбакам вынимать, это известно.

Во время оно ловля сетью браконьерством не считалась. Имение в Михайловском славилось «изрядными» урожаями, богатым был лес, луга кормили много скотины, но особо отмечено тут обилие рыбы. Муж сестры Пушкина Н. Павлищев так и писал: «а рыбы без числа».

С тех давних пор речка, конечно, переменилась — уже стала и мельче. Одиако обычной жалобы «рыба исчезла» мы не услышали.

В среднем течеиии ширина Сороти — двадцать пять — тридцать метров. В жаркое время река мелеет — даже лодка с мотором пройдет ие везде. Но в давние времена Сороть являлась частью водных путей по Руси. В тридцатые годы ходили по Сороти пассажирские пароходишки. В войну пароходишки потопили. А иедавно отыскали с них якоря. Один хранится в Михайловском, другой — в какой-то из деревеиек.

Деревеньки к Сороти льнут с обеих сторон. Названия их сохранились со времен Пушкина: Дедовцы, Змнари, Петровское, Слепни, Жабкино, Марково, Соболицы, Житево, Кузино, Селиваново, а дальше от берега еще и Лопатино, Авдаши, Клопы, Козляки... Милые тихие деревеньки с песчаными тропами к речке, с гнездами аистов, с баньками у воды, с мостками для полосканья белья, с обязательной грудой замшелых камней у околицы. («Камни на нашей земле растут. Свезешь их с пашни, а через год, глядишь, новые появились»,— сказал старик в Соболицах.)

Не болит ли душа у тех, кто покинул эти селения? Не тянет ли воротиться? Не снится ли в городе кроткая, тихая речка, эти холмы с перелесками, этот прозрачный пахучий воздух, эта щемящая благодатная тишина? «Реки не текут вспять, а люди могут вернуться. Кое-кто возвращается. И не жалеют. Условия подходящие открываются для обратной дороги»—так сказал в Зимарях Никита Ювенальевич Ювенальев. (Есть в пушкинском крае такие фамилии-имена!) Работал Никита Ювенальевич трактористом и кузнецом. Сейчас на пенсии. Обрастает хозяйством, коим недавно пренебрегал. Завел корову, овец, теленка. Мы застали старика на лугу. Был он в соломенной шляпе, в чистой белой рубахе и держал в руке ведерко-подойник. Оказалось, пришел в полдень доить корову, но не умеет (иль не решился) пока доить, ожидал помощи от соседки. Та, сидя на маленькой табуретке возле черной своей буренки, помахала рукой: «Я сейчас, Ювеналич!»

А в Пискунове, состоящем сегодня из двух обветшалых домов, мы говорили со стариком, который с войны, с сорок четвертого года, после ранения в позвоночник, прикован к постели. Когда мы причалили к деревеньке, дочь старика—сама уже бабушка с двумя городскими внучатами—полоскала в речке белье. После знакомства она попросила: «Зайдите к старому. Он уже месяц людей не видел».

Мы присели возле кровати неподвижного старика. Поговорили о нестойкой погоде, о войне, о страданиях от войны, о чем-то еще уместном при такой встрече. Украдкой старик достал из подголовья жестянку от чая.

— Откройте, там медаль у меня. И книжка к медали. Все честь по чести: Белов Николай Николаевич—«За отвагу»...

Когда мы были уже на крыльце, дочь старика позвала:

— Зайдите еще, батя хочет спросить...

— Забыл я сказать,— попытался подняться с подушек старик.— Когда тут Пушкину дом рубили, я тогда мог сидеть. На табуретке сидел, выводили меня на крыльцо—и сидел. Все помню: как сруб на берег свозили, как в половодье по Сороти все пошло. Людей было—пропасть. И деревенька наша была еще справной... Как дом-то? Стоит?.. Вот, говорите, с больших пространств съезжаются люди. А я тут рядом—и не увидел...— старик заплакал и, как ребенок, стал кулаками вытирать слезы...

В Пискунове мы углубились в лес. Разыскали делянку, где сразу после войны зимою сорок шестого года рубили лес для сожженной и разоренной фашистами усадьбы в Михайловском. По чертежам реставраторов при горячих хлопотах Семена Степа-

новича Гейченко в этом лесу срубили дом, каким был он при Пушкине. На санях бревна и разобранный сруб подтянули иа берег. А весной в половодье все пущено было вниз по течению. Сороть стала купелью возрожденного дома в Михайловском.

Делянка, где на святое дело были взяты самые лучшие сосны, дремала сейчас под пологом молодого, уже возмужавшего леса. Пеньки от спиленных тут деревьев изъедены муравьями, издолблеиы дятлами. А стволам, пахучим сосновым стволам суждеиа долгая н почетная жизнь в постройках, стоящих иад Соротью. Сосновый пушкинский дом обжит иепрерывным потоком идущих в него людей, омыт дождями, прокален солнцем, обвит плющом, поцарапан коготками ласточек и скворцов. Крышу дома ночами белят своими отметками совы. На окнах цветы.

Михайловский дом лучше всего видеть издали, с Сороти. Явственно просматривается похожий на старое городище холм. Серебристое очертание дома врезано в темную зелень парка, видны ступеньки к воде, змейки дорожек... Место для жизни предками Пушкина выбрано безошибочно! На всем протяжении Сороти это самая живописная ее часть. И река словно бы ие торопится покидать это место — отдает свои воды двум прилегающим к ней озерам, прощальио изгибается «лукоморьем», ветвится протоками.

Ничто — ни современного вида постройка, ни столб с проводами, ни транспорт — не иарушает пушкинского пейзажа. И иам кощунственным показалось плыть в этом месте с мотором. Пересели вблизи Михайловского в весельную лодку и плыли, ие торопясь, переговариваясь вполголоса, отмечали: тут Пушкин мог к реке подходить... тут бултыхался в воду, нахлеставшись веником в баньке Тригорского. Тут сидел на скамье у обрыва...

Проплыли слева зеленые насыпные бока Савкиной горки и городища Воронич — места, давно нзвестные над Соротью героической стражей, ратными схватками с иноземцами. Кажется, сама вечность задремала на этих буграх. Несомненно, такое же ощущенье испытывал тут и Пушкин. Он любил бывать на высотках у Сороти. Возможно, что проплывал н иа лодке вниз до Великой. Наверняка проплывал! И если было это в начале лета, то так же густо цвела сирень, оглушительно щелкали соловьи, пролетал, отражаясь в Сороти, анст, сновали в затишье стрекозы и будоражила душу иволга — любимая его птица.

— Ну вот и кончается Сороть.— Генка н я вслед за ним ополоснули лица водой. И вот уже лодку иесет течение реки Великой.

Генка был огорчен, что не смог показать мне разницу в цвете воды. По его уверению, в солнечный день хорошо видно: в одном русле какое-то время текут две реки — слева коричневатые воды Великой, справа — синяя Сороть.

— «Прибежали в нзбу дети, второпях зовут отца...» — как всегда весело, встретил водных странников Гейченко.— Ну извольте дать отчет!

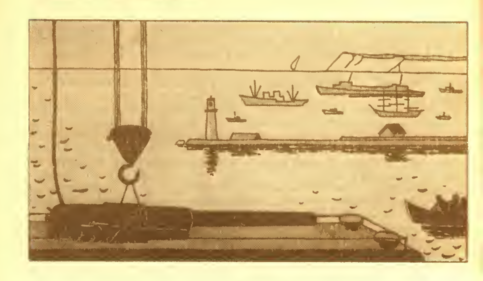
Рассказывал больше, однако, Семен Степанович сам. Рассказывал о реке, о прудах и озерах, об особой роли воды в облике

заповеданных пушкинских мест и в поэзии Пушкина, об опыте реставрации всего, что было разрушено временем, нерадением, врагом. Оказалось, воды труднее всего поддаются «починке». Можно вырастить лес, сад, по строго научному методу можно восстановить постройки и вдохнуть в них жизнь. (На примере возрожденного дома Пушкина это доказано.) Но если «сломалась» вода, «чинить» ее трудно!

Все воды стареют: зарастают и исчезают пруды, озера в течение многих лет стареют и умирают.

Вода текущая долговечней. Реки более стойки к «поломкам», но тоже, как знаем теперь на многих примерах, тоже уязвимы и смертны. Застрахована ли пушкинская река от этой участи? К сожалению, нет. И это сильно беспокоит Семена Степановича и должно беспокоить нас всех. Беда грозит Сороти в самой ее колыбели. Основную массу воды река получает в болотах Новоржевского района. В последнее время эти болота оказались в поле зрения мелиораторов. Конкретных «осушительных планов» пока что вроде бы нет. Но от разговоров, известно, недолог путь и к делам. И потому важно сегодня уже остеречься и помнить: первое — упуская из оборота старинные пашни, допуская зарастание их мелколесьем, вряд ли разумно взамен их «искать землю в болотах»; второе — горький опыт показывает: многие из осушенных мест превратились в бесплодные пустоши; и третье — в этом конкретном случае нельзя забывать о судьбе Сороти. Дорогая нам, как и множество других малых рек, Сороть является еще и частью общей нашей святыни. Без нее нетленный мир пушкинских мест сразу поблек бы. Допустимо ли это? Ответ для всех очевиден.

...Белой июньской ночью мы вышли из дома на край Михайловского холма. Луга, косогоры, окраины леса были окутаны перламутровым сумраком. И в нем серебристой светлой дугой виднелась Сороть. Постояли, слушая, как щелкает соловей, как скрипя перьями, низко, небоязливо пролетела запоздалая цапля. Семен Степанович сдернул видавшую виды кепчонку с седой головы и прочел известный пушкинский стих, где слышался взволнованный, благодарный поклон тихоструйной воде, поклон всему, что ютится у ее берегов.

ВИКТОР КАЗАКОВ

«САДКО» РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ...

Очерк

Находка на дне моря

Подводный мир, большинству людей известный только по фотографиям и кино, в один миг укрыл от него и желтое солнце, и голубое небо, и темно-синюю гладь моря, и белые домики Очакова, которые он только что разглядывал на горизонте. С каждым движением ног, обутых в большие зеленые ласты, вода становилась все темнее и холоднее. Еще минуту назад он изнывал от жары, а тут вдруг почувствовал, как по телу побежали мурашки. Чтобы прогнать озноб, Виктор расслабился, поводил черными от загара, мускулистыми плечами и снова сделал сильный рывок ногами. Что на этот раз подарит ему подводное царство? На след какой тайны напал сегодня трал? А может быть, наконец...

Сердце стучало чаще, сильнее обычного. Так оно бьется не только от тревоги и опасности, но и от предчувствия удачи.

И сердце не обмануло Виктора. На глубине десяти метров он ясно увидел силуэт судна, наполовину вросшего в песок. Неужели?! Виктор с трудом верил глазам, упрятанным за толстое стекло маски. Неужели он первым видит ту самую шхуну, за которой они охотятся уже не первый год? Все похоже! Точно таким, как вот это покрытое ракушками черное судно, был «Дельфин». Для полной уверенности он постарался как можно точнее измерить длину находки. Так и есть — двадцать один метр!

Подал сигнал: поднимаюсь. Через несколько минут, вынырнув и держась за борт шлюпки, Виктор Загоруйко так громко, что, казалось, слышно было даже в Очакове, объявил:

— Пусть я сгорю под этим солнцем, если это не «Дельфин»!

Вмиг ушли под воду самые опытные аквалангисты — Михаил Коновалов, Виталий Кудря, Анатолий Корчагин. В их руках были теперь все инструменты, нужные для работы на дне. Осмотр и измерения подтверждали — судно действительно было рыболовецкой шхуной, точно такой, как «Дельфин». Теперь скорее в трюм! Чтобы услышать, наконец, жесткий удар щупа о железный бок сейфа!

В трюме стояли наполненные каким-то сыпучим грузом мешки. Вскрыли один из них — крупа, в другом — то же самое. В углу нашли несколько бочек с машинным маслом... Через несколько месяцев отыщется документ, в котором будет сказано: найденная шхуна и «Дельфин» были построены по одним чертежам на одном и том же заводе. «Дубок» возил из Херсона в Одессу свежую рыбу и арбузы, в последний рейс кроме этого взял еще крупу и масло. Судно затонуло... в 1917 году.

Нет, и на этот раз не захотело море расстаться с тайной «Дельфина».

Что же это за судно — «Дельфин»? И какую тайну спрятало вместе с ним море? Наверно, важна для людей эта тайна, если аквалангисты спортивно-технического клуба «Садко» — в основном это инженеры и рабочие николаевских судостроительных заводов — вот уже двадцать с лишним лет, не теряя веры в успех, не жалеют усилий, чтобы раскрыть ее?..

Чтобы понять «садковцев», вернемся в весну 1944 года.

Десант

26 марта 1944 года ночью в Николаевский порт вошли лодки с вооруженными людьми. Десантом командовал старший лейтенант Константин Ольшанский. Пятьдесят пять матросов морской пехоты и двенадцать пехотинцев, приданных им в подкрепление, отчаянной атакой выбили фашистов с побережья, захватили элеватор и к утру заняли в нем круговую оборону. Двое суток насмерть стояли воины, отбили восемнадцать атак противника и выполнили боевую задачу — обеспечили с тыла поддержку советских войск, освобождавших Николаев.

Почти все десантники и их командир погибли. Похоронили героев в парке, у крутого склона к реке Ингул, недалеко от древней каменной стены города. Могила «ольшанцев» — одна из самых уникальных военных могил: в ней покоится прах более шестидесяти Героев Советского Союза.

Сейчас здесь — главная площадь Николаева. На ней, в центре, — величественный мемориал в честь легендарного десанта. Золотыми буквами на мраморе высечены имена...

Но к сожалению, не все имена можно прочитать на мраморных плитах. Десять надгробий сообщают: «Здесь похоронен неизвестный солдат». Почему неизвестный? Что помешало в ту далекую весну, а потом и в послевоенные годы доподлинно узнать имена героев?

А случилось вот что.

Воинское соединение, в котором служили те двенадцать пехотинцев, что присоединились к десанту в последнне минуты перед началом операции, после освобождения Николаева ушло на запад.

Штаб соединения на небольшой рыболовецкой шхуне «Дельфин» решено было перебазировать на новое место по морю. Судно без происшествий проделало путь нз Куцуруба до Очакова и отсюда готовилось идти дальше.

Вместе с «Дельфином» у очаковского пирса стояла шхуна «Летак» — она тоже везла в сторону еще не освобожденной Одессы воинский груз. Под вечер оба судна должны были покинуть Очаков. Один из бывших на «Летаке» матросов, Е. Щербина, вспоминает, как развивались события дальше:

— Капитан «Дельфина» Константинов и наш капитан Янек стояли у очаковского причала. «Как пойдешь?» — спросил наш капитан.— «Еще не решил. А ты?» «Думаю вдоль берега»,— ответил наш капитан. Море в этом районе тогда было сплошь усеяно минами, и капитаны пытались угадать, где безопаснее. Действительно, мы всё время шли вдоль берега, благополучно доставили груз к месту назначения и уже готовились отправиться в обратный путь, в Очаков. Как вдруг — взрыв в море. Я его ясно видел...

Это подорвался на мине «Дельфин». Судно быстро затонуло. Вместе с ним ушли на дно моря и сейфы с документами штаба соединения, в котором служили двенадцать десантников-пехотинцев. Имена двоих удалось установить, десять же героев так и остались безымяннымн.

Искатели

Воображение каждого рисовало фантастические картины. Древнне бригантины, раздувая паруса, шли навстречу Тайне. Просоленные матросы, широко расставив на палубе ноги, грудью встречали девятый вал. Тайна могла открыться только самым благородным, стойким и мужественным, н грозное море экзаменовало их на эти лучшие человеческие качества.

— Спустимся, однако, на грешную землю.— Михаил Николаевич Коновалов, инженер-гидротехник, руководитель клуба «Садко», сел на стул и поплотнее запахнул полы пальто. За окном мела поземка, в полуподвальном помещении, где разместился клуб, было зябко.— Что нам нужно для поисков «Дельфина»? Во-первых, деньги...

В южном приморском городе молодым, хорошо натренированным спортсменам-аквалангистам всегда найдется место для дополнительного заработка — на пляжах, в спасательных службах, на лодочных станциях, в порту, когда необходима помощь водолазам... Вопрос о деньгах был решен (и не только теоретически — «садковцы» в то лето во имя предстоящей экспедиции заработали шесть тысяч рублей).

— Теперь — о бригантинах...

Эта проблема решалась легче. Надо было капитально отремонтировать выделенный клубу списанный катер. Добровольцев-

Орудия, поднятые «садковцами» со дна моря, в Николаевском музее судостроения

механиков искать не надо было. Тут же прикинули, что и как надо сделать. И за весну сделали все. Анатолий Копыченко, шофер и крановщик, до последнего винтика разобрал и отремонтировал мотор катера; электрики Виктор Загоруйко, Валентин Лихтанский и Владимир Шкуратовский, отработав смену на Черноморском судостроительном заводе, шли на причал, где покачивался на волнах их клубный «Дельфин» — «Дельфин-2». Шли снова работать...

В тот вечер в клубе решался еще один вопрос.

— Что мы знаем о погибшем «Дельфине»? — Коновалов повернулся к рядом сидевшему Анатолию Корчагину. Тот, раскрыв тощую папку, рассказал:

— Знаем пока мало. Вот документ о месте гибели «Дельфина»: «Сейнер подорвался на мине в четырех милях на запад от Очакова». Как видите, сказано весьма не точно. Далее. Известно, сколько было на шхуне сейфов, мы знаем их форму, размеры, толщину стенок. Наконец, прочитаю самую важную бумагу. В акте комиссии по расследованию причин гибели судна подчеркивается: «Документы из сейфов не всплывали». Не всплывали! Значит, взрыв не повредил сейфов и они лежат на дне.

— Будем думать, что это так. — Коновалов поднялся. За окном стояла глубокая ночь...

А летом «Дельфин-2», на капитанском мостике которого стоял Анатолий Копыченко, ушел в сторону Очакова. Анатолий Корча-

гин, который все эти годы был летописцем экспедиций, записывал в дневнике: «Как тяжело нам было в первом понске! Тралили вручную: две шлюпки с натугой буксировали тяжелый трал. Гребцы под палящим солнцем с утра до вечера, без выходных в течение многих дией гребли и гребли, протраливая огромное пространство метр за метром. Доставалось и дежурным водолазам. Наглухо запечатанные в резиновые костюмы, они изнывали от жары и жажды. Их поливали водой, но ограничивали в питье. Разогревшись иа поверхности, оии затем кочеиели в воде. Трудно, что и говорить. Но никто не роптал, не жаловался. Все жили стремлеиием найти «Дельфин»».

Первая экспедиция не при················неснесла удачи. На другое лето свой отпуск искатели сиова провели в четырех милях от Очакова. Не иашли шхуну и на этот раз.

Третья экспедиция опять ушла к Тендровской косе...

Постепенно круг интересов «садковцев» иевольно расширялся: разыскивая шхуиу, аквалангисты все чаще стали встречать под водой различные реликвии отгремевших здесь в прошлом морских сражений. Захотелось достать эти реликвии, как можно больше узиать о событиях, связанных с ними.

Николаевцы первыми обследовали затоиувший в сентябре 1941 года у Тендровской косы эсминец «Фрунзе», который шел иа помощь осажденной Одессе. Достали сейфы с документами, отыскали по этим документам оставшихся в живых моряков с эсминца, завели с ними переписку. Очаковскому музею подарили снятый собствеииыми силами ствол орудия главиого калибра корабля... Они первыми с аквалангами за плечами опустились иа палубы погибших в Отечествеиную войну минного заградителя «Колхозник», буксира «Байкал». Снятое и с этих кораблей оружие сейчас стоит в музее судостроения в Николаеве.

Маршруты экспедиций становились все длиннее. К находкам в Днепровском лимане со временем стали прибавляться те, что были подняты со дна моря у островов Березань н Змеиный, у берегов Крыма. Например, в Казачьей бухте, у Севастополя, «садковцы» нашли советский бомбардировщик, подбитый фашистскими зенитками в мае 1944 года... Тонкая папка Корчагина очень скоро пополнела так, что пришлось завести вторую, третью. Уже через два года искатели переписывались с десятками людей — в клуб стали приходить письма от бывших простых матросов и офицеров флота, прислал одиажды письмо Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР, Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков. «Садковцы» стали собирать письма из музеев и архивов, записи рассказов миогих людей, с которыми им приходилось встречаться.

Но все эти годы их главным делом оставался поиск «Дельфина».

Одиажды почта принесла неожиданное известие: одним из свидетелей гибели шхуны был Осип Семенович Моторнюк, бывший смотритель Нижне-Викторовского маяка. Отыскали его, стали расспрашивать и узнали: ои, Моторнюк, иа следующее утро после катастрофы собственноручно подобрал в море на обломках «Дельфииа» едииствеииого уцелевшего человека со шхуиы — Михаила Мухина. Тот в благодариость за спасеиие подарил

Моторнюку серебряный портсигар... Значит, не все погибли на «Дельфине»?! Но жив ли сейчас Мухин? Где он? Что помнит? Во все стороны полетели запросы. И вскоре они читали письмо, присланное в Николаев из Подмосковья. Мастер Яхромской ткацкой фабрики Михаил Мухин сообщал подробности случившегося:

«Это было 6 апреля 1944 года. С утра нам дана была команда сняться с места и двигаться вперед на Одессу. Все наши батальоны ушли раньше нас, в обход Березанского лимана, а для нашего штаба была предоставлена возможность перебраться на новое место на «Дельфине». На шхуну погрузился штаб со своим имуществом и взяли нас, связистов штаба... Когда отчалили из Очакова, все было хорошо. Потом погода испортилась, поднялся шторм.

Я сидел впереди машинного отделения, рядом со мной лежали и пели два бойца из комендантского взвода. Ветер усиливался, люди стали уходить в трюм. Я остался наблюдать за волнами, так как на море был впервые и мне все было интересно. Вдруг я услышал звук, похожий на звон разбитой посуды, и очутился в воздухе, потом — в море. Когда рассвело, я увидел вдали берег, домики, потом заметил лодку, плывшую в мою сторону...»

И Моторнюк, и Мухин подтвердили: в то утро ни одного документа в волнах моря они не видели.

«Ударный-83»

Экспедиции продолжали уходить в плавания...

Как они были организованы? Как жилось и работалось в них ребятам?

— О каждом походе можно рассказывать бесконечно,— уверен Коновалов.— Но если отвечать на эти вопросы кратко, без «лирики», если рассказывать только о деле...— Михаил Николаевич протягивает мне отпечатанный на машинке труд — страниц пятнадцать. Читаю заголовок: «Ударный-83». Что это?

— Последним поход заканчивает начальник — заканчивает уже дома, за столом, когда ставит точку в отчете об экспедиции... Это отчет начальника экспедиции 1983 года, мастера судостроительного завода «Океан» Владимира Туровского.

...Листаю документ, пробую с помощью его лаконичных строк «увидеть» одну из рядовых экспедиций «садковцев».

«Нас — двадцать два человека. ...Близился день, когда мы должны были выходить в море, а многое все еще оставалось несделанным. Самую большую тревогу вызывали главные двигатели «Елкина» — с каждым годом заметно старели все три двигателя бывшего тральщика. Ко времени нашего похода дела с ними совсем обстояли плохо. По плану экспедиция должна была начаться 25 июля, а мы только 27-го смогли наконец завести правый двигатель. Работал он вроде и неплохо, но сильно грохотал и «ел» много масла, которого и без того было в обрез. В. Кузнецов, инженер нашего завода, и П. Ретте, мастер Черноморского судостроительного завода, продолжали «колдовать» над левым двигателем, но он никак не хотел работать. 30 июля

Еще одна находка

Прощай, море

Самое трудное — позади…

решили на одном дизеле идти к заводу «Океан», где должны были взять понтон… В этот день мы встречали наших старых друзей — приехали, как мы и договаривались, студенты-аквалангисты из Томского университета. Подкрепление, конечно, солидное: три водолаза и одна «водолазка»… Когда пришли на завод, в восемь часов вечера, оказалось, что понтон наш еще не отремонтирован. Пришлось доделывать самим. В три часа ночи поставили его наконец на воду.

…Вышли в море. В Очакове закупили продукты.

Экспедиция наша называлась «Ударный-83» — мы планировали в первую очередь поднять два орудия с потопленного фашистами монитора «Ударный». К месту его гибели у Тендры в 1941 году мы направились 3 августа — место это нам было хорошо известно по прежним экспедициям. В 1981 году мы уже пробовали поднимать одно орудие, но тогда не выдержали стропы — ствол, по нашим подсчетам, весит почти восемь тонн. Такого груза нам еще ни разу не приходилось поднимать.

С помощью радиолокатора вышли точно в нужную точку. Прозрачность воды — около метра, маловато, конечно, но работать можно. На море — штиль. Ушли под воду Володя Шкуратовский и Саша Карпов. Они быстро справились со строповкой, и подъем орудия начался. Заранее я просчитал судно на устойчивость — получалось, что восемь тонн поднимать можно, хотя и надо проявить максимум осторожности… Первая попытка оказа-

лась неудачной, ио после второй огромная пушка вынырнула из морской пучины и вскоре уже лежала на понтоне (который тут же осел в воду наполовину).

Подошел вечер. У команды — отличное настроение. Хотя завтра, как обычно, подъем в семь утра, заставить спать в 23.00 никого не удается. Саша Карпов взял гитару н начал петь песни. Нам больше всего нравится про Тендру и самолет — очень хорошая песня, ее специально для нашего клуба сочинили ребята из Томска.

5 августа отошли на Очаков, где оставили поднятое орудие, и отправились назад — за вторым. Подъем его был тяжелее, чем первого (далее в отчете следуют подробности, которые я опускаю.— *В. К.*), но, в конце концов, мы справились и с этой задачей.

Снова идем в Очаков, где прннимаем на борт новых гостей. Средн них — журналист Арсений Павлович Рябикин, старый наш друг, и Маргарита Викторовна Елкина, вдова еще одного нашего большого друга, московского писателя Анатолия Елкина.

...15 августа отошли в Егорлыцкий залив. Вечером отдыхали: А. Рябикин рассказывал об экспедициях в Аджимушкайские каменоломни — сам он принимал участие в этих экспедициях, ветераны клуба беседовали с юнгами и иовыми членами «Садко» об истории клуба, об экспедициях прошлых лет. С интересом все слушали и Маргариту Викторовну... Вот такой был у иас хороший вечер.

На другой день — снова работа у монитора. Подняли часть рубки... Шкуратовский, Пержинский, Карпов и я осматриваем место, где лежит ходовой мостик. И вдруг Володя Шкуратовский обращает внимание на необычный предмет, лежащий в иле. Очищаем ил и через стекла масок видим... череп человека. Скорее всего этот человек — один из матросов «Удариого»... Нашли остатки четырех противогазов, ботинок, нарукавную нашивку, детали радиостанции, много проводов, целые пучки. Подняли турель спаренного пулемета. Искали компас — не нашли.

Осталось выполнить последнюю задачу: мы должны опять идти в Очаков, чтобы взять с собой корреспондента из Севастополя н Е. Щербину — того самого бывшего матроса с «Летака», который видел, как подорвался в море «Дельфин». Е. Щербина работает сейчас в Кишиневе и обещал приехать и показать еще одно вероятное место гнбели шхуны... 22 августа вышли в море. Быстро находим новый район предполагаемой гибели «Дельфина» — тот, что указал Е. Щербина. Начали нспытывать новое средство для понска — магнитометр. Этот прибор сделали студенты из Томска, с его помощью мы надеемся «нащупать» на дне моря сейфы. Магнитометр показал две точки, вот их координаты... К сожалению, опустившись иа дно, мы в этих точках ничего не обиаружили. Однако сказать, что там ничего иет, тоже нельзя! В этом районе глубина — 12 метров, на дне — ил, ракушки; они могли глубоко упрятать сейфы, и, чтобы раскопать их, нужны специальные ннструменты. Да н магнитометр пока, наверно, не точен.

...Подсчитали: за дни экспедиции пронзвели сто одиннадцать погружений, отработали под водой 68 часов 40 минут.

На обратном пути посетили остров Березань, постояли у памятника П. П. Шмидту и его товарищам».

Вечный огонь

Мы сидим в клубе, листаем альбомы фотографий, дневники, перебираем документы, письма. И говорим о море. Об одном его удивительном свойстве — умении сохранять для людей уникальные свидетельства прошлого. Коновалов протягивает мне компас, снятый с эсминца «Фрунзе»,— прибор действует как новый; показывает фотокопии документов, денег, тридцать лет хранившихся под водой в сейфах,— хорошо видно, что оригиналов (отданных в Центральный военно-морской архив) совсем не коснулся тлен времени. Потом говорит:

— Под водой мы встречали целые картины, написанные Историей. И совсем не трудно было *оживить* эти картины с помощью воображения, тогда они рассказывали о самых героических минутах жизни боевых кораблей... Когда мы впервые спустились к затонувшему эсминцу «Фрунзе», ясно могли представить себе его последний бой. На корабле — только стреляные гильзы, в орудии главного калибра приржавел к замку последний снаряд. Понимаете, что это значит? Матросы вели огонь по врагу до той самой минуты, пока палуба тонущего эсминца не захлебнулась соленой водой!

Слушая Коновалова и Валентину Мельникову — инженера Черноморского судостроительного завода, нового руководителя «Садко», я думаю о главном смысле дела, уже во многом осуществленного клубом.

«Садковцы», разгадывая тайну «Дельфина», восстанавливают замечательную страницу еще одного подвига во имя Родины. Какая это важная патриотическая работа! Память народа не мирится с существованием безымянных героев. Ничто и никого не забыть — это самая святая наша обязанность перед павшими на войне.

Есть, однако, и еще одна сторона в работе клуба. «Садковцы», разгадывая тайну «Дельфина», сами прикасаются душой к подвигу, а это неизбежно изменяет людей, воспитывает в них лучшие качества. В результате рождаются согретые особым человеческим теплом поступки.

«Садковцы» на Тендровской косе поставили памятник краснофлотцам, погибшим на эсминце «Фрунзе», отыскали семью погибшего на корабле комиссара эсминца Дмитрия Степановича Золкина, привезли на место, где он принял свой последний бой, его дочь и внука. Каждый год, отправляясь в очередную экспедицию, искатели обязательно проходят мимо места гибели эсминца «Фрунзе», и здесь, на поплавке, который удерживается специальным якорем, они обязательно оставляют букет самых красивых на юге цветов.

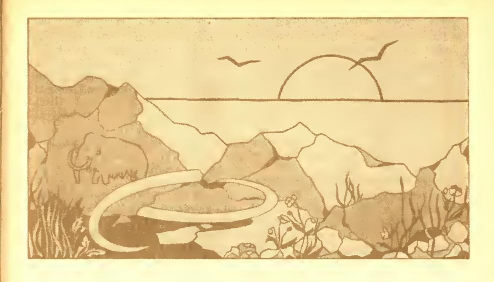
Николаевцы восстановили фамилии членов экипажа советского бомбардировщика, почти тридцать пять лет пролежавшего на дне Казачьей бухты в Крыму, нашли чудом оставшегося в живых штурмана. Останки героев, поднятые «садковцами» вместе с

самолетом, севастопольцы с почестями похоронили рядом с другими павшими героями войны.

Когда умер почетный член клуба писатель-маринист Анатолий Елкин, помогавший искателям и советом, и личным участием в одной из экспедиций, «садковцы» достойным образом увековечили память друга — назвали его именем свою флагманскую «бригантину» — бывший базовый тральщик, подаренный клубу по решению Главкома Военно-Морским Флотом СССР и переоборудованный для экспедиционных походов в море.

А самым главным поступком, самым красивым движением души николаевских аквалангистов остается поиск «Дельфина». Об этой их святой обязанности им скорбно напоминают надгробия у Вечного огня мемориала: «Здесь... неизвестный солдат». Отыщись завтра сейф с документами, погибшими на «Дельфине», и десять героев встанут из небытия...

В тот самый день, когда я был в николаевском клубе «Садко», очередная команда искателей собиралась в новую экспедицию.

САВВА УСПЕНСКИЙ

СТОЛИЦА МАМОНТОВОГО МАТЕРИКА

Очерк

Происходило это на острове Большом Ляховском — самом южном из Новосибирских островов. Глядя на него с воздуха, из вертолета, даже не верилось, что здесь вообще что-нибудь растет. Его окружало холодное, забитое льдами море, и издали суша казалась однообразно бурой пустыней. Но первое впечатление было обманчивым. Под укрытием бугров-байджерахов, по долинам рек и ручьев все-таки нашлись и кустики камнеломок, и густые, как щетка, хотя и низкорослые, сизые поросли лисохвоста. Кое-где зеленели дерновинки осок, а болота серебрили головки цветущих пушиц. Внимательно присмотревшись, можно было найти даже веточки ползучих ив, правда чахлых, с листиками размером всего лишь в спичечную головку.

Был конец июля, как-никак разгар лета. И хотя с моря дул пронизывающий холодный ветер, а в воздухе частенько порхали снежинки, все, что могло цвести, цвело, причем преимущественно желтыми цветами. На ветру трепетали крошечные полярные маки, а там, где они росли особенно кучно, склоны холмов даже расцвечивались лимонно-желтыми мазками. В местах более низких и сырых золотились куртинки цветущего крестовника. Там же, где еще ниже и сырее, были рассыпаны желтые цветы лютиков и печеночника.

Не поражали обилием пернатые и четвероногие обитатели острова. Видели мы немногих чаек, куликов, гаг, редкие пары пуночек и лапландских подорожников, выводки белых сов с крупными, уже полуоперившимися птенцами. Всего несколько раз

промелькнул передо мной лемминг. Участнику нашей экспедиции Жене Арбузову удалось сфотографировать лемминга даже крупным планом, но потратил он на это почти целый день. Песец — владелец норы и наш сосед, следы нескольких оленей и одинокого волка — вот и все о ныне живущих на острове зверях. Остатки же крупных, но вымерших зверей встречались здесь буквально на каждом шагу.

Специально палеонтологией мы не занимались, однако в первые же дни у палаток выросла солидная куча костей, рогов, бивней. Были здесь части скелетов и могучих диких быков, и овцебыков, и диких лошадей, но больше всего — мамонтов. Да и трудно было удержаться, чтобы не подобрать в маршруте покрытую бронзовым загаром бычью лопатку или рог, возможно, того же самого быка, сохранившийся так хорошо — хоть наливай его вином и пускай вкруговую. Кто-то не поленился принести найденный в тундре мамонтовый бивень весом в полцентнера, а обломки бивня, лопнувшего вдоль, будто нарочно разрезанного, чтобы показать его строение, очевидно, лежали на месте нашего лагеря уже многие годы.

Итак, вещественные доказательства были налицо, но уж очень они не вязались, стада крупных, даже гигантских травоядных животных, с этой скудной современной растительностью, да и вообще с суровой небогатой природой. Словом, останки были как-то не к месту и невольно вызывали в памяти рассказы фантастов о пришествиях инопланетян.

Особенно впечатляли, конечно, останки мамонтов. И как было не вспомнить, именно вокруг них столь безудержно разыгрывалась фантазия!

Хотя это с трудом укладывается в голове, но для наших далеких предков он был вполне земным, даже обычным зверем, как, скажем, песец, волк или северный олень. Люди охотились на мамонта, его кости и шкуру нередко использовали для устройства жилищ, а из прочных и упругих бивней выделывали копья, иглы, шилья, браслеты, да и много других полезных и красивых вещей. Первобытные охотники, возможно, поклонялись лохматому гиганту и уж во всяком случае любили его изображать. Дошедшие до нас, например, на стенах пещер юга Франции и Урала рисунки мамонтов поражают своей живостью и правдивостью. Однако мамонты исчезли, и представления о них постепенно стерлись.

В китайских летописях, за несколько столетий до нашей эры, мамонт описывался гигантской подземной крысой. Рассказывалось, что, попав на дневной свет, он погибает, и именно возней этого чудовища в его норах объяснялись землетрясения. В Древней Руси мамонта называли индриком или индером. И здесь тоже верили, что он живет под землей и даже прочищает там своим «рогом» (возможно, что и слово-то «индрик» происходит от «единорога») русла рек. Тем, надо полагать, определялись и целебные свойства дорогого снадобья — порошка из мамонтового бивня, способность его «очищать» кровеносную систему.

Средневековые ремесленники и аптекари, имевшие дело с бивнями мамонта, конечно, признавали в них особый сорт слоновой кости. Иными словами, в мамонтах давно уже угадывали слонов, однако — либо приведенных далеко на север воинами

Александра Македонского, либо — занесенных сюда водами «всемирного потопа». Лишь В. Н. Татищев — статский советник петровской эпохи впервые признал, что этот слон некогда обитал там, где и находят его кости и бивни. Свои соображения — он назвал их «Сказания о звере мамонте, о котором обыватели сибирские сказуют, якобы живет под землею, с их о том доказательствы и других о том различные мнения» — Татищев опубликовал в 1730 году.

Казалось бы, теперь все прояснилось. Однако фантазия на мамонтовую тему не истощалась.

Еще до конца прошлого века на Дону бытовало предание, будто индер не что иное, как «великий змей». Однажды он надумал-де «перепить» Дон, но лопнул, и кости его разбросало далеко по округе. В фольклоре эвенков мамонту отводилась важная роль в сотворении мира: мамонт («шэли») будто бы поднял бивнями из-под воды первозданного океана землю («нянгня»). Эвенки считали его, следовательно, «устроителем Вселенной». Не отголосок ли это преклонения древнего человека перед мамонтом, своим современником? (Именно такое предположение высказал известный сибирский археолог В. Е. Ларичев.)

Удивительнее всего, что даже здесь, на Новосибирских островах, где нередко вытаивают части туш животных с мышцами, кожей и шерстью, местные охотники и сборщики мамонтовых бивней еще недавно были убеждены, что имеют дело с остатками громадного «водяного быка» (по-якутски «У-кыла»), что живет он в море и дважды в день пьет морскую воду. Поэтому-то и вода в море то убывает, то прибывает. А вот и плод фантазии последних лет: «Русские уже скрестили мамонтов с индийскими слонами и гонят гибридное стадо с востока в Москву, причем по дороге оно снабжается сеном при помощи вертолетов»,— писала одна итальянская газета в 1973 году...

В Ленинграде, в Зоологическом музее Академии наук СССР, выставлено его чучело. Он будто сидит в застекленной витрине, подогнув под себя передние ноги. Мамонта нашли в 1901 году на реке Березовке, в низовьях Колымы, а в 1902 году, под именем березовского, он был помещен в Зоологический музей и стал его гордостью. На мамонте «родные» кожа и бурая шерсть. Как пишет участник раскопок туши, «его жилистое и поросшее жиром мясо на вид было столько же свежо, как и свежее промерзшее бычачье или конское мясо... Брошенное собакам мясо мамонта съедалось ими весьма охотно...». Мясо выглядело так аппетитно, что участники экспедиции колебались — не отведать ли его и им. Но не решились. Мы с Володей Блиновым, напарником по маршруту, поступили иначе. Кусок передней ноги мамонта я нашел тогда на Бёрёлёхе, притоке Индигирки. Часть ноги, по-видимому, окончательно вытаяла и вывалилась из берегового обрыва всего несколько дней тому назад, а до этого долго выглядывала из земли. Ее поэтому успели основательно погрызть лисы, песцы, волки. Однако на ней сохранились и лоскут кожи и порядочно мяса. Оно тоже выглядело свежим, слегка пахло сыростью, землей, но никак не тухлятиной. Цвет его был

темно-красным, а на разрезе выделялись крупные грубые волокна мышц. Словом, на дегустацию мы решились без долгих колебаний. Кусок мяса был порезан на мелкие кусочки, они в свою очередь посолены, поперчены и брошены в кипящее масло на сковородку. Увы, нас ждало разочарование. Дразнящего аромата жаркого не появилось. Кусочки мамонтятины странно растеклись по сковородке, куда только делись грубые мышечные волокна, и превратились в какую-то бурую, липкую замазку...

Березовский мамонт был замечательной, но не единственной находкой. В 1707 году мамонтовую тушу обнаружили на Енисее, в 1787 году — на Алазее. В 1799 году труп старого самца вытаял в низовьях Лены; он известен теперь как мамонт Адамса (по имени адъюнкта Академии наук, раскопавшего тушу), и скелет этого зверя тоже выставлен в Зоологическом музее в Ленинграде. В общем к середине 1920-х годов были известны 23 такие находки. Они случались и позже, и среди них особую известность приобрел мамонтенок Дима, или киргиляхский мамонт; его — целый труп мамонтового детеныша — вынес на поверхность нож горняцкого бульдозера. Произошло это в 1977 году, в верховьях Колымы, на ручье Киргилях, у устья ключа Дима. Отсюда и два названия у мамонтенка.

Мамонты когда-то населяли почти всю Европу, Сибирь, северо-запад Северной Америки, и всюду здесь встречаются их останки. Однако, если в других местах это лишь кости и бивни, к тому же обычно плохо сохранившиеся, северо-восток Сибири подчас преподносит исследователям целые туши, и не только мамонтов, но и их современников и спутников, со всеми их внутренними органами, даже с остатками корма в пищеводе и желудке. Они-то, эти туши, что до наших дней хранила многолетняя, «вечная» мерзлота, и позволяют восстановить облик и образ жизни вымерших животных, даже — природные условия той далекой поры.

О мамонтах написано множество книг и статей; одному лишь Диме посвящено около четырех десятков только научных публикаций. Проводятся специальные совещания и симпозиумы, организуются выставки, и все это — по проблеме мамонтов. В кругу ученых говорят даже о мамонтологии как особой отрасли палеозоологии и о мамонтологах — специалистах по этим животным. Не удивительно, что и самих мамонтов, и условия, в которых они жили, мы представляем теперь неплохо, даже лучше, чем некоторых современных зверей.

Эти слоны по строению тела стоят ближе к индийским и были покрыты, особенно зимой, длинной, густой, рыжевато-бурой шерстью. Высота их достигала 3,5 метра, а вес — 6 тонн. У взрослых самцов изо рта выглядывали огромные, загнутые вверх и внутрь бивни. У самок бивни были тоньше и прямее. Короткие уши и густая шерсть несомненно приспособления мамонтов к жизни в холоде. Впрочем, совершенство их теплоизоляции нельзя преувеличивать. Шерсть зверей, хотя и была длинной — на животе и боках достигала метра,— грела, как недавно выяснилось, неважно. Дело в том, что в их коже нет сальных желез, нет в ней и мышц, поднимающих на холоде волосы. Тем самым мамонты отличаются от всех других зверей, обитателей полярных стран,

и сходны, например, с южноамериканскими ленивцами — животными, очень чувствительными к низким температурам и влаге. Предполагают поэтому, что в холодную и сырую погоду шерсть этих слонов не только намокала, но и смерзалась, и здесь, возможно, кроется одна нз причин сезонных перекочевок мамонтов, обитания их зимой в лесной полосе н лесотундре, летом — в открытой тундре.

Перекочевки мамонтов — весной на север, осенью на юг — могли быть связаны, конечно, и с поисками корма. Питались же они летом преимущественно травой н кустарником, зимой — сухой травой, ветками кустарников и деревьев вплоть до сосны н лиственницы. Корму мамонту требовалось много, н прокормиться этим гигантам было нелегко: содержимое желудка и кишечника одной из туш, даже в подсушенном состоянии, весило более четверти тонны! Мамонты, по-видимому, нередко голодали, и тогда их выручал запас жира, накопленный, как у верблюдов, в горбе (самыми горбатыми поэтому были наиболее упитанные звери).

Добывая пищу, мамонт пользовался и хоботом и бивнями. Судя по тому, что они, как правило, сильно обтерты, а иногда н обломаны, звери разгребали ими снег, сдирали с деревьев кору, ломали ветки и даже разламывали прн водопое речной и озерный лед.

Размножались эти слоны, очевидно, не быстрее их современных сородичей — самки приносили детенышей не чаще чем раз в три года, а взрослыми становились лишь в 10—15-летнем возрасте. Долог ли был мамонтовый век? Прямого ответа на этот вопрос нет, но здесь можно высказать некоторые предположения. На срезе того лопнувшего бивня, что лежал на месте нашего лагеря, было видно, что состоит он нз многих, входящих один в другой конусов с толщиной стенок около полусантиметра. Пришлось мне видеть и другие лопнувшие вдоль и растрескавшиеся бивни, и во всех случаях картина оказывалась сходной. Скорее всего, что каждый конус — это годовой прирост бивня, а поскольку в самом длинном из них (длина их нзредка достигает четырех метров) могут поместиться 60—70 конусов, мамонты н доживали до таких лет, то есть жили примерно столько же, сколько и современные слоны.

Установлено, что мамонты, в том числе н на севере Сибири, особенно часто встречались и сами достигали наибольшей величины в теплое — предледниковое время, 40—25 тысяч лет тому назад. 16—14 тысяч лет назад там, где они жили, сильно похолодало, корма стало меньше, н они встречались уже гораздо реже. 13—9 тысяч лет назад — конец последнего оледенения, время, когда мамонты повсеместно исчезли.

Что же с ними произошло? Отчего они вымерли н как попали их трупы в мерзлый грунт тундры?

Предположениям на этот счет нет конца. Очевидно лишь, что причины нх гибели в разное время н в разных местах не были одинаковы. На севере Сибири, как считают большинство исследователей, крупные травоядные животные вымирали главным образом прн резких изменениях климата и ландшафтов. В других местах, например в Европе, в их вымирании большую роль играл

человек. В последнее время много внимания изучению судьбы мамонтов уделил известный советский зоолог и палеонтолог Н. К. Верещагин. По его мнению, болота и топи, образовавшиеся здесь в конце последнего оледенения, и были теми ловушками, в которых вязли и часто погибали не очень-то поворотливые гиганты.

Затрудняли жизнь мамонтам, а то и вызывали их гибель глубокие снега, зимние оттепели и гололедицы — ведь шерсть зверей тогда намокала и смерзалась. Как считает Н. К. Верещагин, в этих местах самым трудным для них временем были зима и ранняя весна, именно тогда и гибло их больше всего. В начале лета талые воды сносили трупы мамонтов вместе с древесным хламом в низины. Здесь туши замывало илом, и в таких местах постепенно образовывались «кладбища» вымерших животных, залежи костей и мамонтовых бивней. Одно из них, быть может крупнейшее на сибирской земле,— бёрёлёхское. Мутный, сильно петляющий приток Индигирки подмывает здесь свой высокий левый берег, а это в основном лед, тоже мутный, серый. Река выбирает из него кости и раскладывает их по пляжу на протяжении сотен метров. Получается что-то похожее на палеонтологический музей под открытым небом: образцы в нем даже вроде рассортированы — выше по течению лежат крупные, ниже — мелкие. И, несмотря на то, что летом и зверя, и птицу, и человека нещадно грызут бёрёлёхские комары — мы с Володей Блиновым их частенько еще вспоминаем,— что во всей округе вода малопригодна для питья — она крепко отдает тухлятиной, так много в земле разлагающейся органики, а в реке, кроме того, вода почти густая от ила, «музей» не тоскует по посетителям. В последние годы его навещают палеонтологи. Они, кстати, сильно поразрушили костеносный яр и тем самым подрубили сучок, на котором держался «музей». Издавна сюда приезжали рыбаки, чтобы набрать подходящих костяных грузил для сетей (камня в этих местах не сыщешь). А когда-то, тысячелетия назад, на Бёрёлёхе было стойбище древних охотников — их каменные орудия тоже вымывает река. Возможно, и этих людей «кладбище» привлекало обилием и разнообразием материалов для поделок.

Конечно, были и другие причины гибели зверей. Они попадали под оползни на берегах рек, увязали в иле, проваливались, как, например, мамонтенок Дима, в промоины в грунтовом льде и в другие углубления в грунте. В большинстве случаев, рано или поздно, трупы их попадали в реки, и поэтому мамонтовые «кладбища» обычно оказываются приуроченными к речным долинам.

Как материал их бивни мало чем отличаются от слоновой кости. Они всегда высоко ценились, хотя трудно сказать, когда стали попадать в цивилизованный мир. Известно лишь, что на севере Сибири, в XVII столетии, их собирали уже первые русские землепроходцы; еще раньше бивни мамонтов и моржей (наши предки не всегда их различали) поступали отсюда в Монголию и Китай, а древнейшие сведения о мамонтовой кости восходят еще к временам Теофраста и Плиния.

Мамонтовая кость прочна, красива, ее легко обрабатывать —

пилить, резать, шлифовать. Как и столетия назад, сибирские оленеводы делают из нее застежки и другие части оленьей упряжи. Ножнами и рукоятками иожей из этого материала гордятся местные охотники—ненцы, эвенки, якуты. Тобольск и Холмогоры—старинные центры художественной резьбы из мамонтовой кости, а здешние мастера изумляли и продолжают изумлять ценителей ювелирной работы шкатулками, фигурками людей н животных, другими поделками, в которых искусство резчика удачио сочетается с его умением раскрыть благородство и изящество самого материала.

Как лекарство порошок из мамонтового бивня, быть может, еще не так давно использовался в иародной медицине, а в иаши дни бивни получили иовое применение: выяснилось, что как стойкий диэлектрик они иезаменимы в радиоэлектронике.

«По всей Сибири,—писал известный русский мореплаватель Ф. П. Врангель,—особенно в северо-восточных и северных частях ее, в глинистых холмах, тундрах и на берегах рек находят множество мамонтовых клыков или рогов и костей. Лучшее время добывать сии остатки допотопных животных—начало лета, когда выступившие из берегов реки размывают прибрежные холмы. Тогда жители отправляются к изобилующим мамонтовыми костями местам и обыкновенно возвращаются с богатой добычей». Так собирали мамонтовые бивни полтора столетия тому назад, там же, и так же собирали их в недалеком прошлом. К сказанному Ф. П. Врангелем можно лишь добавить, что особым изобилием бивней снискали себе славу Новосибирские острова, а среди них—остров Большой Ляховский. Север Якутии вместе с ее прибрежной низменностью, Новосибирскими островами и тем пространством, что теперь занимают моря Лаптевых и Восточио-Сибирское, был когда-то единой сушей. Ее иногда называют «мамонтовым материком»; остров Большой Ляховский—и по положению и по значимости—в таком случае как бы осиова, «столица» этого «материка».

Промысел мамонтовых бивией переживал времеиа и подъема и спада. Вторую половину восемнадцатого столетия и весь прошлый век можио считать временами его расцвета. В среднем в год на северо-востоке Сибири добывали тогда по полторы тысячи пудов (более 24 тонн) бивней. В отдельные годы добыча промышленников (охотников) достигала двух тысяч пудов, в том числе иа Новосибирских островах—250 пудов (четырех с лишком тонн). Известны и имена купцов и промышленников, «мамонтовая кость и песцы... коим,—писал исследователь островов М. М. Геденштром,—вознаградили все употреблеиные для сего труды и убытки». Это были Иван Ляхов, в честь которого и иазваны острова, «передовщик» (старший) его артели Яков Санников, память о котором сохранилась в иазвании легендарной Земли Санникова, купцы Семен и Лев Сыроватские.

С ростом в иачале текущего столетия цен иа песцовые шкурки промысел мамонтовых бивней захирел. Бивни тяжелы, и их стало иевыгодио вывозить с места иаходки на олеиьей или собачьей упряжке. Промысел перестал оправдывать и ссуду, что охотник получал у купца.

Не сразу возродился промысел и в советское время. Еще

недавно на склады якутских заготовителей и отсюда к мастерам-косторезам в год поступало бивней не больше тонны. А между тем в двадцатых годах нашего столетия началось потепление климата, захватившее в том числе и север Снбнри, почвенная мерзлота здесь стала разрушаться быстрее, н бивней, надо полагать, стало вытаивать больше. Однако этот «урожай» часто оставался неубранным. Пролежав несколько лет на солнце н ветру или вновь погрузившись в ил, бивни трескались, разрушались, постепенно превращались в труху. Разве что распиленными на чурбаки как сувениры и даиь моде их увозил в рюкзаках и баулах экспедиционный люд, увозили поляриики и турнсты.

Так было. А в 1983 году на складе Чокурдахского аэропорта мне бросилась в глаза большая куча, как показалось сиачала, несуразиых бурых коряг. Это лежали мамонтовые бивни — лишь части добычи артели старателей. «Нивой» старателей были материковые тундры, а при уборке «урожая» онн пользовались уже не собачьими упряжками, а вездеходами н вертолетами, даже бульдозерами, н для размывания грунта — гидромониторами. Похоже, давний промысел теперь снова на подъеме.

Бивни собирали издавна и иногда — помногу, продолжают собирать их и теперь. Но вот что удивительно — «мамонтовый материк» не оскудевает н «урожай», что родит эта земля, как будто остается неизменным. Вот и в 1983 году. Остров к нашему приезду был уже поутюжеи н вездеходамн. Свежие следы гусеииц встречались во многих речиых долинах, н вездеходчики вряд ли упускали случай подобрать хороший трофей. Однако и мы видели по крайней мере десяток неплохих бивней, «родившихся» уже после того, как здесь побывали люди.

Подсчитано, что за два с половиной столетия на северо-востоке Сибири были собраиы бивни, принадлежавшие по меньшей мере сорока шести тысячам (!) мамонтов (средний вес пары бивней близок к восьми пудам — около ста тридцати килограммов). Всего же, как предполагает Н. К. Верещагин, лишь за последние десять тысячелетий «мамонтового» времени на равнинах северо-востока Снбирн жили не меньше сорока миллионов мамонтов. Сколько же, значит, их останков еще хранит земля!

Керны, взятые при бурении на острове Большом Ляховском и относящиеся к той поре, глубже чем на два метра проннзаны корнями трав, в них встречаются кориевища березы, ольхи, ивы. Выходит, что мерзлота здесь не поднималась так высоко, как теперь, травостой был гораздо выше и гуще, и росли не только кустарники, но н деревья.

Хотелось, конечно, представить себе, как выглядела тогда наша суша. И вот вроде бы это удалось.

Дело было в маршруте. Ветер стих, быстро густея, по тундре пополз туман. Я убрал в рюкзак фотоаппарат, бинокль и устроился пережидать непогоду в нише — словно ее специально для того вырыли в стенке байджераха.

Туман становился все гуще. Казалось, что с неба упала большая копна ваты — сырой и липкой. В непривычную для острова тишину вплетались какие-то приглушенные звуки. Они,

наверное, долго неслись «без пользы», не привлекая моего внимания. А услышал я их, будто очнулся, когда стадо подошло совсем близко. Обтекая ноги зверей, прерывал свое ровное журчание ручей; когда же мамонт выходил на берег, слышалось, как чавкает ил под его ногами. Послышались громкие шлепки — так бьют концом хобота о землю рассерженные самцы слонов. Донесся трубный рев взрослого мамонта, свист и чириканье мамонтенка.

Туман медленно полз, то густея, то редея, и в его просветах стала угадываться картина, до того слепленная лишь звуками. Показался высоченный с размытыми очертаниями зверь, за ним другой, третий. Они будто плыли над самой землей, плавно переступая ногами, а космы их длинной шерсти скользили по кустам, пригибая ветки своей тяжестью. Звери то скрывались в тумане, то выступали из него. Они шли и в то же время оставались на месте.

Где-то вдали утробно рыкнул пещерный лев (а он тоже жил здесь), возникли очертания косматого, но приземистого зверя, похоже — носорога.

Стал, однако, задувать ветер, туман пополз быстрее, а затем и быстро поредел. Там, где только что был «носорог», объявился байджерах. В байджерахи воплотилось и «стадо мамонтов». Пока его не заглушил свист ветра, слышалось прерывистое журчание ручья на маленьком водопадике. Раз-другой шлепнулись в овраг пласты подтаявшего дерна. Чирикнул сидящий рядом на кочке поморник...

Досадно, что все это было лишь наваждением, плодом тумана и фантазии. Очень жаль, что мамонты не живут больше на нашей планете. А ведь дожили же их современники — северные олени, овцебыки, да и сибирская дикая лошадь, возможно, сохранилась в облике своего домашнего сородича — якутской породы лошадей.

По сравнению с концом «мамонтового» времени климат в Сибири стал суше, холоднее, уровень мерзлоты в почве поднялся, и мамонты, сохранись они до этих дней, возможно, чувствовали бы себя кое-где неплохо. Быть может, даже эти сильные и миролюбивые звери стали бы здесь и домашними животными, такими же полезными, как индийские слоны на своей родине, в Юго-Восточной Азии.

Жаль, что мамонты не живут больше на планете, что они перевелись на своем «мамонтовом» материке.

ВЯЧЕСЛАВ КРАШЕНИННИКОВ

ВЕНЕЦИЯ — ГОРОД-МУЗЕЙ

Очерк

В северо-западной оконечности Адриатического моря, куда стекающие с Альп трудолюбивые реки сносят ил, тысячелетия назад образовалась обширная лагуна. С востока она отгорожена от моря Лидо́ — узкой полосой земной тверди.

С незапамятных времен в лагуне, на песчаных островах, жили рыбаки, добытчики соли. Лагуна изобиловала рыбой и дичью, но ее не назовешь щедрой матерью — обитатели ее добывали себе пропитание тяжелым трудом. Зато здесь было безопасно — песчаный заслон Лидо сдерживал пиратов, которыми кишело Адриатическое море, а добраться до островов с побережья, не зная здешних топей, было не так-то просто.

В лагуне искали укрытие венеты*, бежавшие с материка от гуннов в V веке и от германского племени — лангобардов в VI веке. На пустынных доселе островах беглецы строили жилища, церкви. Там возникли городские поселения — Градо, Гераклия, Маламокко. Остров Торчелло стал главным торговым центром лагуны — в 639 году его жители воздвигли собор Санта Мария Ассунта, старейший в лагуне, который сохранился до наших дней.

Старинные хроники говорят, что жители лагуны избирали из своей среды вождей. И Орсо Ипато был первым из них, кто принял титул дожа в 726 году. В 811 году резиденция дожа была перенесена на Риальто, самый большой остров в лагуне, который разделяла надвое извилистая протока. На Риальто начали переселяться патриции и богатые купцы, жившие доселе на острове Торчелло. С этой поры и пошел отсчет истории Венецианской республики.

* Венеты — группа племен, населявших в древности северный берег Адриатического моря *(Прим. ред.)*.

Ранняя Венеция походила на деревянный корабль. Ее дворцы, дома, церкви и мосты были сработаны из дерева. Важным средством передвижения для знати были верховые кони, и даже у резиденции дожа всегда имелись коновязи. На обширных пустырях пасся скот, тянулись сады и огороды. Город часто страдал от огня. И с середины XII века, после страшного пожара, он начал застраиваться каменными домами и церквами.

Причал у вокзала

В Венеции мне приходилось бывать не раз. От Местре, пригорода на материке, поезд медленно движется по узкому мосту Понте делла либерта на юго-восток лагуны, где затаился город. Мост стоит на 222 арках, и вокруг одна лишь серая, неподвижная вода — не видно ни челна, ни птицы. Справа по шоссе, обгоняя поезд, катят туда же вереницы автомашин.

Наконец поезд втягивается в чрево вокзала Санта-Лючия, и пассажиры покидают вагоны. Пути дальше нет. Автомобили один за другим уходят вправо, к огромной стоянке Пьяцца ле Рома.

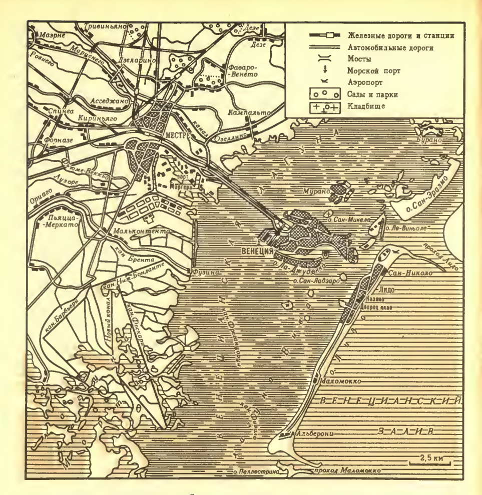
Венеция открывается сразу же, как только выйдешь на пристанционную площадь. Перед ступенями площади играет мелкой волной Большой канал. Здесь самое его начало. На другой стороне канала — элегантная церковь XVIII века Сан Симеоне Пикколо с позеленевшим от времени медным куполом. Автора ее, несомненно, вдохновляли формы римского Пантеона. А рядом с церковью — нарядные палаццо (дворцы) Фоскари, Дьедо, Пападополи...

У набережной близ вокзала пришвартованы причалы, откуда во все концы лагуны разбегаются вапоретто — речные трамвайчики. А вот и нужный нам вапоретто, маршрут которого пролегает до Пьяцца Сан-Марко, центра города. Куплен билет до Пьяцца Сан-Марко. Вапоретто, осев под грузом людей, в большинстве иностранных туристов, отваливает от причала. Его тупой нос начинает вспарывать тугую зеленую волну.

Дворцы на воде

Большой канал — главная артерия Венеции. По своей форме он напоминает перевернутую латинскую букву S и пересекает весь город. Длина канала почти четыре километра, ширина — от 30 до 70 метров, а глубина 5—5,5 метра, так что в него могут входить довольно крупные суда. За те полчаса, пока вапоретто идет до другого его конца, Пьяццы Сан-Марко, перед глазами встает тысячелетняя история города в лагуне.

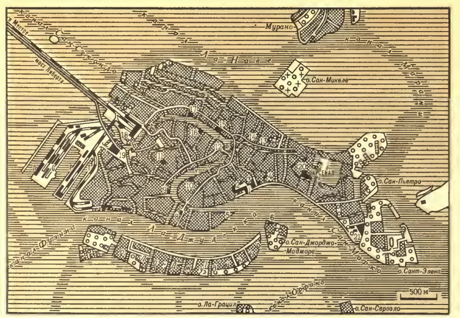
По обеим сторонам канала, примыкая друг к другу, теснятся палаццо — жилища старинной венецианской знати. Это по большей части трех — пятиэтажные дворцы светло-желтого, красного или голубого цвета приятных теплых тонов, которые словно бы подымаются прямо из воды. Фасады их украшают резные мраморные колонны, затейливая лепнина, старинные висячие фонари. Окна завешены жалюзи ярких расцветок, над черепичными крышами подымается лес конусообразных печных труб. Перед многими палаццо высовываются из воды забитые в дно канала

красные или синие столбы в цветных полосах и с позолоченными надвершиями. Это причалы для моторок и гондол.

О многом могли бы рассказать дворцы-ветераны, история которых нередко восходит к началу второго тысячелетия. Вот справа — палаццо голубоватого цвета в венецианско-византийском стиле X—XI веков. Оба его этажа забраны рядами стройных колонн. Это Фондако деи турки, в прошлом «штаб-квартира» восточных купцов. Дворец претерпел реконструкцию в прошлом веке, но полностью сохранилась его планировка, отвечавшая нуждам торговых гостей. Их суда причаливали прямо у колонн, а свои товары они складывали на просторной нижней галерее палаццо. Сейчас в Фондако деи турки размещен Государственный музей природоведения.

А слева уже подымается из воды Ка'д'Оро — жемчужина Венеции, изящное трехэтажное здание в характерном венецианском стиле XV века. Ка'д'Оро означает в переводе «золотой дом», и действительно, когда архитекторы братья Дж. и Б. Бон построили

1. Пьяццетта Библиотека Сан-Марко и Дворец дожей
2. Пьяцца Сан-Марко
3. Собор Сан-Марко
4. Церковь Сан-Дзаккарии
5. Церковь Санта-Марии делла Салуте
6. Церковь и монастырь Сан-Джорджо-Маджоре
7. Церковь Иль Реденторе
8. Галереи Академии
9. Палаццо Редзонико
10. Палаццо Корнер-Спинелли
11. Церковь Санта-Марии Глориоза деи Фрари и Скуола Гранде ди Сан-Рокко
12. Мост Риальто
13. Церковь Санти-Джованни э Паоло
14. Церковь Санта-Марии деи Мираколи
15. Ка д'Оро
16. Палаццо Пезаро
17. Палаццо Вендрамин-Калерджи
18. Вокзал Санта-Лучия
19. Пьяцца Рома
20. Арсенал (ныне Морской музей)
21. Международная художественная выставка (Биеннале)

его в 1440 году для знатного жителя города Контарини, дворец блистал золотом. В золоте были лепные украшения на фасаде, зубчатка на карнизе. Дворец полностью сохранил свой первоначальный облик аристократического жилища XV века, и по нему можно судить о богатстве его хозяина-патриция и о том, какие изменения претерпел за два века уклад жизни местной знати. Следующий хозяин мог быть богатым купцом, но поскольку его торговая контора находилась теперь у моста Риальто, своеобразной торговой биржи той эпохи, то нижняя галерея палаццо, где хранились товары, стала вдвое меньше. Жизнь семьи как бы отодвинулась в глубь здания, в окруженный галереями внутренний двор с каменным резным колодцем. Последний владелец Ка'д'Оро передал его государству, и сейчас в нем обосновались музеи восточного и современного искусства.

Таких великолепных палаццо в городе около двухсот! Строительство их было сопряжено с немалыми трудностями. Все нужно было везти с материка. И на протяжении столетий плыли к Венеции парусные барки, груженные кирпичом, черепицей, мрамором и прочими строительными материалами. Чтобы обеспечить надежную основу для будущего палаццо, строители укрепляли болотистый грунт по берегам Большого канала, вгоняя в него дубовые сваи. На сваях вязали прочную деревянную платформу,

и лишь тогда каменщики принимались за кладку фундамента. Лес рубили в предгорьях Альп. Бревна сплавляли по реке, затем вязали плоты н гнали их к месту строительства. Между прочим, судя по некоторым источникам, дерево для свай заказывалось н в России. Вероятно, это был наш северный лес, н его вывозили морем из Архангельска.

Венеция в буквальном смысле слова стонт на сваях. В 1840 году, когда строили мост Понте делла либерта, соединивший город с материком, в дно лагуны было забито 75 тысяч свай!

Центр торговли

Миновав пешерню — рыбный рынок, вапоретто поворачивает вправо, н перед глазами возникает знаменитый мост Рнальто. Этот мост, тысячекратно воспронзведенный на картинах, медальонах н сувенирах, стал символом Венеции.

Ранее в понятие «Рнальто» входили все острова, на которых расположена Венеция, но постепенно это названне стало означать лишь участок суши по берегам Большого канала, где нсстарн сложился важнейший рынок жителей лагуны. В XII веке здесь был построен деревянный мост взамен паромной переправы, который называли «мостом картароло», так как за переезд по нему через канал с купцов взимали налог в размере монетки картароло. Его подновляли и чинили до тех пор, пока он не провалился под тяжестью бесчисленных зевак, собравшихся на нем поглазеть на роскошную процессню маркизы Феррары, которая прнбыла в город с внзитом. И тогда решено было возвести каменный, более надежный мост.

Чести постронть его добивались многне знаменитости, в том числе Микеланджело, Сансовино и Палладио — именитый архитектор нз Виченцы. Но синьория (правительство) выбрала в конце концов проект Антонио да Понте, который н прнступил к работам в 1588 году. Строительство продолжалось четыре года, и мост вышел на славу.

Рнальто, одноарочный мост, смело перекинут через канал. Длина его почти 50 метров, ширнна — 22 метра. Богатые купцы н ювелиры тотчас же застроили его своими магазинами, лавками. По соседству сосредоточились филиалы банков н крупных фирм, конторы богатых купцов. Здесь же была казна республики. Рядом с мостом Риальто по сей день можно видеть Немецкое подворье — четырехэтажное здание, где некогда вели дела немецкие купцы. Их особо интересовали драгоценные товары, прибывавшие на венецианских кораблях из стран Востока. Кишели торговым людом Винная и Угольная набережные, где совершались оптовые сделки. И сейчас у Рнальто сосредоточены магазнны и лавки, где можно купить по умеренным ценам одежду, пряжу, сувениры, кожгалантерею, овощи н фрукты. И сейчас тут не протолкаться в базарные дни.

Вапоретто выплывает из-под мощной арки Рнальто, н вновь теснятся по берегам канала палаццо, одно краше другого: Ка'Фоскари, палаццо Грассн, Ка'Резонико. Два последних построены в XVII—XVIII веках и свидетельствуют о дальнейших переменах во вкусах и образе жнзни венецианских богатеев. Нижней галереи

К очерку Николая Дроздова
и Алексея Макеева
«МОРЕ ГОСТЕПРИИМНОЕ»

Черноморское побережье в Крыму изобилует выходами скал

Живописный дворик Грузинского отделения ВНИРО (Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии)

Акулы-катраны в контрольном научном отлове на Батумской банке

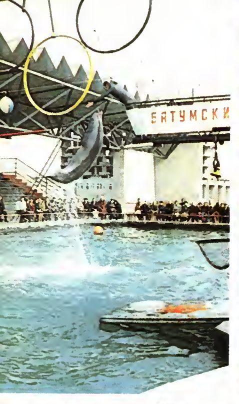
Николай Дмитриевич Мазманиди демонстрирует крупную камбалу-калкана

Дельфин-афалина выполняет прыжок через кольцо

Любопытный дельфин заглядывает в объектив киноаппарата

Черноморский закат

Одно кольцо на двоих — кто окажется проворнее?

К очерку Василия Пескова «ТИХОСТРУЙНАЯ СОРОТЬ»

Разлив весною

Речка и рыболов

Река — лодка — мельница

Берег с камнями

Ветреный пастух

Закат над Соротью

К очерку Саввы Успенского
«СТОЛИЦА МАМОНТОВОГО МАТЕРИКА»

Даже на побережье Большого Ляховского острова есть оазисы

Бивни мамонтов встречаются здесь нередко

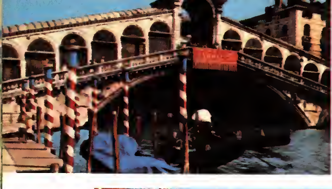
Скелет и даже чучело мамонта можно увидеть в Зоологическом музее Академии наук

К очерку
Вячеслава Крашенинникова
«ВЕНЕЦИЯ — ГОРОД-МУЗЕЙ»

Мост Риальто, один из символов Венеции

Последний изгиб Большого канала, и перед глазами вдруг возникает гигантский купол церкви Саита Мария делла Салутв. Всеми красками сверкает «регатта сторика»

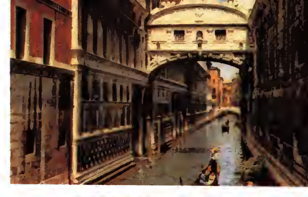
В хороший солнечный день всегда людно иа Пьяццетте. На переднем плане — колонны со ствтуей св. Теодора и бронзовым крылатым львом

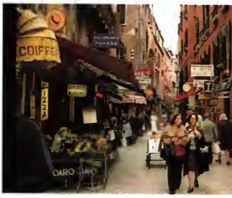
Мост вздохов. Увидав на миг через окна моста родную лагуну, осужденные, которых уводили в мрачные недра тюрьмы (справа), вздыхали при мысли об утерянной свободе

Бронзовые фигуры на старой часовой башне Венеции уже пятый век отбивают железными молотками быстротекущее время

Многие улицы Венеции напоминают бесконечные базары

Набережная — излюбленное место гуляний и встреч приезжего люда

Митинг коммунистов Венеции. Они самые активные и стойкие борцы за улучшение условий жизни и труда жителей города

Моторки заменяют в Венеции автомобили

К очерку Игоря Фесуненко
«У «ПОРТЕНЬОС»
В БУЭНОС-АЙРЕСЕ»

Туристы в Буэнос-Айресе

Авенида Корьеитес

Предвыборный лозунг коммунистов

Улица Каминито

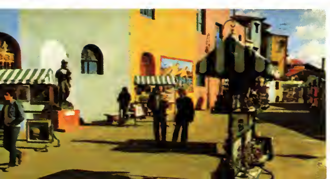
Каминито

Рынок скота

Выставка советских ткацких станков

Авенида 9 июля

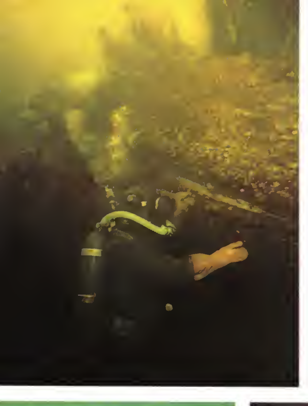
К очерку Александра Рогова «БЫЛЬ О ЛЕГЕНДАРНОМ ФРЕГАТЕ»

Перед маской аквалангиста борт затонувшего корабля

На круче берега и на борту корабля под водой много растений и водных животных

Пощупать руками найденный предмет бывает очень важно

После всплытия

Владимир Бодрин
ЗНАКОМСТВО С ВЕНГРИЕЙ
Фотоочерк

Будапешт. Церковь Матьяша

Площадь героев в Будапеште

Старинная улочка Будапешта

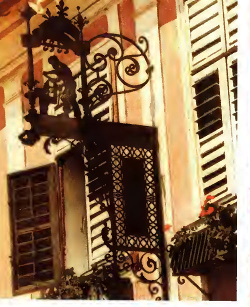
Мост Эржебет, соединяющий Пешт с Будой

Старинная вывеска кузнеца на одной из улиц Кёсега

Токайские виноградники

Дары венгерской земли

Озеро Веленцеи богато рыбой

В лаборатории фармацевтической фабрики «Хиноин» в Будапеште

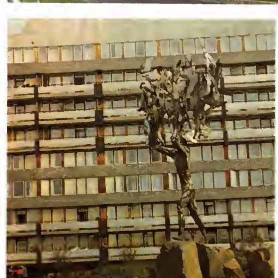

Будапешт. Вид на будайскую сторону с королевским замком

Монумент в честь освобождения Венгрии советскими войсками в г. Сомбатхее

Город Сексард. Памятник Прометею

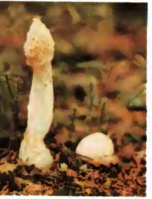
Ростислав Воронов,
Мария Сергеева

ГРИБНЫЕ ПРИЧУДЫ

Фотоочерк

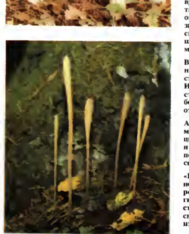

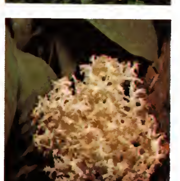

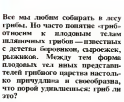

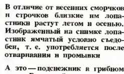

Все мы любим собирать в лесу грибы. Но часто понятие «гриб» относим к плодовым телам шляпочных грибов — известных с детства боровиков, сыроежек, рыжиков. Между тем форма плодовых тел иных представителей грибного царства настолько причудлива и своеобразна, что порой удивляешься: гриб ли это?

Молодые звездовики похожи на знакомые всем дождевики или порховки — такие же светлые, гладкие шарики. Но со временем внешняя оболочка гриба разрывается на несколько «лепестков», которые, отгибаясь, приподнимают над землей содержащую споры основную часть с отверстием на вершине для высыпания созревших спор

На издаваемый этим грибом отвратительный запах падали слетаются мухи со всей округи; они-то и расселяют веселку, называемую иногда «вонючим сморчком», перенося прилипшие к лапкам споры в новые места

В отличие от весенних сморчков и строчков близкие им лопастники растут летом и осенью. Изображенный на снимке лопастник ямчатый условно съедобен, т. е. употребляется после отваривания и промывки

А это — подснежник в грибном мире. В средней полосе саркосцифа ярко-красная появляется в апреле и вместе с цветами-подснежниками украшает просыпающийся от зимнего сна лес

«Грибной лапшой» называют некоторые грибы из семейства рогатиковых. Они растут на гнилой древесине или на подстилке из опавшей хвои. На снимке — клаварнадельфус язычковый

Красивый золотистый грибок калоцера клейкая часто встречается в лесу на гниющих пнях и стволах. По внешнему виду напоминает «кустики» рогатиковых, но совершенно не родственна им

Ничего общего с традиционным понятием «гриб» не имеет ежевик коралловидный: сильно разветвленный кустик, усеянный шипиками-колючками (отсюда и название — ежевик). Этот красавец настолько редок, что занесен в Красную книгу СССР

Пол Зал

ВОЛШЕБНЫЙ МИР РАСТЕНИЙ

Фотоочерк

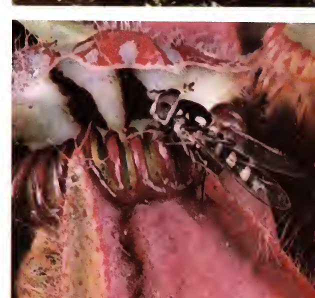
На крайнем юго-западе Австралии, сильно удаленной от других континентов, лежит район, отличающийся исключительным своеобразием флоры. Со всех сторон он окружен пустынями и морем. Растения-«чужеземцы» никогда не вторгались в его пределы, и природа здесь дала волю своей безудержной фантазии. Флора района, насчитывающая 6,5 тыс. видов, развивалась необычным путем. Вместо привычных для нас цветков с их нежными лепестками взору предстают цветки растений, словно пришедших из иного мира. Однако большая часть их видов принадлежит семействам, встречающимся и в других районах нашей планеты.

Волшебница природа, взяв все необходимое из кладовой Земли, соткала изумительной красоты гобелен. Похожие на птиц самых изысканных форм цветы орхидеи прячутся под высоким пологом устремленных ввысь деревьев. Эвкалипты с их светящимися стволами кажутся привидениями среди нагромождений скал и пыльного кустарника. Бесчисленное множество видов цветущих деревьев и кустарников покрывает всю территорию Юго-Западной Австралии — от прибрежных равнин до границ пустыни — и буквально зачаровывает своими яркими красками, феерией линий и форм.

Названное по имени Протея — древнегреческого морского бога, обладающего даром перевоплощения, семейство Proteacea включает широкий ассортимент видов даже в пределах одного рода. Так, род банксия насчитывает множество видов, включая как мелкий песчаный кустарник, так и деревья высотой более 15 м. К этому роду относятся наиболее известные дикорастущие цветы. 25-сантиметровые цветки банксии с ее усеченными листьями напоминают гигантские щетки для мытья бутылок

Что это — уродство или красота, созданные природой? Да, красота — так могло показаться несчастным насекомым, таинственной силой привлеченным к краю багровых «челюстей» растения Albany pitcher. Растущий в диком виде на болотах крайнего Юго-Запада Австралии Cephalotus folilicularis известен среди ботаников как уникальный вид этого семейства.

В отличие от широко распространенной росянки, или венериной мухоловки, — насекомоядного растения, имеющего подвижные части, Cephalotus folilicularis вооружено специальными приспособлениями — «ловушками». Яркой раскраской они привлекают свою жертву, которая затем попадает в хитроумный «капкан». Стоит пришельцу пересечь край направленных вниз зубов, как его освобождение становится невозможным. Лапки насекомого скользят по внутренним стенкам, и жертва падает с их поверхности. Она погибает в яме с пищеварительным соком, который и перерабатывает ее. Только паук с его ловкими лапками избегает этого коварного устройства и прекрасно чувствует себя близ цветка, питаясь остатками пищи из его щедрой пасти

Родственный семейству лилейных редко встречающийся в мире вид травяного дерева щеголяет цветущим колосом, достигающим в высоту 3,5—3,7 м

Около 25 видов украшенных бахромой лилий встречается в умеренной зоне Юго-Западной Австралии. Султанами атласных лепестков, благоухающих лавандой, они отличаются от своих «кузенов» — тюльпанов и луковичных, которые также относятся к семейству лилейных

Привлеченная сиянием и манящим запахом вееровидной росянки, злополучная цикадка (кобылочка) быстро превращается в ненужную шелуху. Через несколько секунд после того, как она сядет на лист, цикадка беспомощно погружается в клейкий пищеварительный сок, который вырабатывается маленькими красными железками, расположенными на кончиках ворсинок. В ответ на попытки освободиться включается замысловатый механизм, который заставляет окружающие ворсинки нагибаться и удерживать жертву. Переваривание длится несколько часов

Перевод с английского
Евгении Лаврентьевой

для товаров у них уже нет — ее место занял парадный подъезд, от которого ступени нередко уходят прямо в воду. В былые времена хозяева высаживались из гондол на крылечки и через изящно зарешеченные двери попадали во внутренний просторный двор, где по стенам вился плющ, росли в кадках деревья и цветы, журчал фонтан. Во многие палаццо можно въехать прямо на гондоле через арчатые ворота. Потомки знатных патрициев давно вымерли или обеднели, и их роскошные палаццо заняты сейчас под различные государственные учреждения.

Кое-где по берегам канала виднеются церкви со стоящими отдельно от них кампанилами — колокольнями. На уютных набережных продают в сувенирных лавках всякую всячину, сидят под яркими зонтами туристы из разных стран и с интересом наблюдают за кипящей вокруг жизнью города.

Черные лебеди Венеции

Среди толкотни вапоретт, катеров и грузовых барок по зеленой воде Большого канала, среди разбитых на тысячи мозаичных кусков отражений палаццо, по всем направлениям неспешно скользят гондолы.

Гондола — элегантное суденышко, рассчитанное на плавание в спокойных водах лагуны. Длина ее 11 метров, а ширина — около 1,4 метра. Сильно приподнятые корма и нос обеспечивают ей хорошую поворотливость. Нос ее украшает некое подобие большого железного гребня с направленными вперед зубьями. Первые упоминания о гондоле встречаются в хрониках XI века, в те далекие времена ее использовали во время торжественных церемоний и праздников на воде.

При строительстве гондолы мастера пускают в дело восемь сортов дорогой древесины, позолоту и другие материалы, и вышедшее из их рук суденышко похоже на дорогую игрушку. Приглядевшись хорошенько, вдруг с удивлением обнаруживаешь, что корпус у нее заметно выгнут влево. Такова традиционная «лодочная архитектура» в лагуне. Вся гондола отделана черным лаком, и черный цвет приятно сочетается с позолотой, алыми драпировками сидений. На гондольере — белая рубаха или тельняшка, соломенная шляпа с цветной лентой на тулье. Он стоит позади пассажиров на специальном коврике и работает веслом, упираясь его валиком в изогнутую уключину. «Черные лебеди» — так любовно называют венецианцы свои гондолы.

Словом, в наши дни это идеальное средство для совершения неторопливых прогулок по каналам Венеции, созерцания ее красот. Но это не всегда так...

В первое воскресенье сентября на Большом канале состоится так называемая «регатта сторика» — праздник на воде, знаменующий собой окончание туристского сезона. И «гвоздем программы» в этом празднике является гонка гондол! В этот день набережные заполняют тысячные толпы народа, обитатели палаццо вывешивают на перилах балконов и на подоконниках яркие коврики, красные полотнища. Регату возглавляет восемнадцативесельная барка с судьями, за которой следуют «биссоне» — небольшие двухвесельные суденышки самых причудливых форм,

от китайских джонок до сказочных морских чудовищ. «Биссоне» раскрашены в яркие цвета, на носу у них позолоченные фигуры. Все участники регаты — судьи, гребцы, барабанщики, герольды разодеты в блестящие одежды XVIII века. У палаццо Ка'Фоскари судьи ожидают прибытия участников состязания, которым нужно преодолеть семикилометровую дистанцию от Лидо до вокзала Санта-Лючия и обратно до Ка'Фоскари. Победителям вручаются призы — флаги Венецианской республики...

К набережной Моло

Канал становится чуть пошире. И справа вдруг возникает гигантский голубоватый купол церкви Санта Мария делла Салуте (XVIII в.). По решению сената от 22 октября 1630 года она была воздвигнута в знак благодарности святой деве Марии за избавление города от страшной эпидемии чумы. «Черная смерть» унесла тогда в могилу 47 тысяч жителей Венеции!

Вапоретто делает тут предпоследнюю остановку, и можно хорошо рассмотреть церковь. У нее могучий корпус, величественный портал. Купол подпирают большие каменные «барабаны» со статуями святых. Из недр церкви доносятся звуки органа, и из дверей выходят девушка в белом, нарядно одетый парень и толпа мужчин и женщин всех возрастов в праздничных костюмах. Нетрудно догадаться, что это венецианская свадьба. Всю компанию ждут моторки, причаленные у самых ступеней церкви.

За Санта Марией делла Салуте правый берег Большого канала обрывается крутым корабельным носом. На башенке крайнего арчатого здания две коленопреклоненные фигуры держат на спинах земной шар со статуей Фортуны. Это Пунта делла догана — старая таможня. Впереди распахивается широкая перспектива канала Баччина Сан-Марко, но вапоретто круто поворачивает влево, к набережной Моло, к Пьяцце Сан-Марко. Пора сходить на берег!

Под эгидой Фортуны

В X—XI веках Венеция быстро набиралась сил. Ее предприимчивые капитаны уходили на своих кораблях все дальше в Адриатическое, а потом в Средиземное море. Они добирались до стран Леванта (Ближнего Востока), до северных берегов Черного моря, привозя оттуда богатые товары. Все мощнее становился боевой флот республики. В морском сражении при Дураццо венецианские галеры разбили флот норманнов, которые тогда владели Нижней Италией и стремились перекрыть проход между Адриатическим и Средиземным морями. И за эту услугу Алексис Комнин, император Византийской империи, в которую номинально входила и Венеция, открыл перед венецианскими купцами важнейшие порты Востока, освободив их от уплаты налогов и пошлин.

Но купцы не помнили добра. В 1201 году Венеция подрядилась за 85 тысяч серебряных марок перевезти на своих галерах в Египет французских рыцарей — участников четвертого крестового похода за «освобождение от неверных гроба господня». Это была разбойничья, колонизаторская экспедиция. Дож Энрико Дандоло,

искусный политик и интриган, постарался извлечь из этой сделки максимальную выгоду для Венецианской республики. Он натравил крестоносцев на ослабевшую Византию, в результате чего 12 апреля 1204 года был взят штурмом и разграблен Константинополь.

По условиям последующего договора с новой Латинской империей Венеция оказалась наследницей значительной части прежних византийских владений. В узловых пунктах Средиземноморья ей теперь принадлежали крепости, контролировавшие важные морские пути. Ее купцы хозяйничали на огромных пространствах — от Византии до Сирии, Палестины и Египта, добирались через Иран до Индии. Таким предприимчивым купцом был и знаменитый венецианец Марко Поло, совершивший длительное путешествие в Китай.

Венеция становится главным посредником в торговле между Европой и странами Востока. Альпийскими перевалами (Бреннер и др.) она направляет в Северную Европу драгоценные восточные товары: перец, корицу, мускатный орех, камфару, алоэ, ладан Аравии, финики Ливии, мускус Тибета, а кроме того, сандал, камедь и многие другие редкости, которые караванными путями прибывали в порты Леванта из Индии. Из Северной Италии и Германии она вывозит на Восток сухие фрукты, сырой и обработанный металл, строительный лес, пушнину, пеньку, лен. Из лагуны в страны Леванта ежегодно отправляются караваны кораблей с товарами общей стоимостью до 10 миллионов дукатов, а общая выручка от торговли порой превышает два миллиона дукатов.

Морская мощь Венеции была у всех на устах: ее боевой флот насчитывал 300 кораблей с восемью тысячами испытанных моряков. Ее товары перевозили три тысячи торговых судов с 17 тысячами человек экипажа.

Фортуна благоволила Венеции. После разгрома Византийской империи она на целых двести лет становится почти полной хозяйкой Адриатики и Восточного Средиземноморья. Сломлены были основные торговые конкуренты — Пиза и Генуя. Город в лагуне неслыханно обогатился.

Обитель дожей

Пьяцце Сан-Марко предшествует Пьяццетта (малая площадь). Со стороны Моло ее украшают две мощные колонны из красного мрамора. На левой колонне установлена статуя святого Теодора, первого покровителя города, а на правой — бронзовый крылатый лев, символ мощи и богатства Венецианской республики. Слева Пьяццетту обрамляет великолепная колоннада библиотеки Сан-Марко (Я. Сансовиио, 1535 год), а справа высится всемирно известный Дворец дожей.

Дворец дожей огромен, полон торжественности и величия. В XIV—XV веках он неоднократно перестраивался после пожаров, пока не обрел свой настоящий вид. У него два фасада, которые смотрят на Пьяццетту и на набережную. Два яруса фигурных колонн поддерживают его высокие стены, облицованные светло-розовыми и бежевыми мраморными плитками, которые образуют однообразный рисунок из крестов и квадратов. Но это однообра-

зие нарушают огромные сводчатые окна и центральные балконы, украшенные богатой лепкой и статуями. По карнизам кружевной вязью тянется беломраморная зубчатка, придавая махине дворца удивительную легкость и воздушность.

Главный вход во дворец называется Порта делла карта (дверь бумаг), так как здесь в старину сидели скрибы (писари) с бумагой и гусиными перьями за ухом, готовые за мзду настрочить любое прошение или жалобу главам различных ведомств, членам синьории, а то и самому дожу. Порта делла карта оформлен в витиеватом готическом стиле и напоминает вход в храм. Посетитель резиденции дожа заранее набирался здесь страха и трепета. Из ниш в пилястрах на него строго глядели аллегорические изображения различных «добродетелей». Прямо над своей головой он видел крылатого льва и коленопреклоненного дожа Франческо Фоскари. Еще выше, над трехстворчатым окном с золотой решеткой — бюст святого Марка в каменном медальоне. Все это скопление статуй венчало изображение богини справедливости с мечом и весами в руках.

Через Порта делла карта попадаешь во внутренний двор Дворца дожей. За долгие века каждый из архитекторов, которые строили и перестраивали дворец, привносил что-то свое, что-то от своей эпохи. Поэтому два нижних этажа внутренних фасадов дворца оформлены в готическом стиле, два верхних — в стиле ренессанса, а боковой фасад с часами — в стиле барокко. Просторный, выложенный мрамором двор очень оживляют два колодца в виде больших бронзовых чаш на подставках из белого камня.

На второй этаж дворца ведет Лестница исполинов, названная так потому, что ее верхнюю площадку украшают огромные статуи Марса и Нептуна. На этой площадке в присутствии членов правительства и знати короновались дожи после своего избрания на этот высокий пост. Здесь же дож принимал иностранных послов, именитых гостей. К личным покоям дожа ведет крытая Золотая лестница, стены и потолок которой отделаны позолотой и великолепными фресками.

Рай и ад

Во Дворце дожей размещались также важнейшие правительственные органы Венецианской республики — Большой совет, сенат, синьория и т. д. Здесь работали секретари, хранились архивы.

Поражает размерами (54×25 м) и пышностью отделки Зал Большого совета (Консильо Маджоре). Тысяча представителей от знатных семей выбирали здесь дожа и других высших должностных лиц республики. Первоначально зал украшали фрески и картины художников старшего поколения — Пизанелло, Фабиано, Карпаччо, Беллини. Однако они почти полностью погибли во время страшного пожара в 1577 году, и нынешние фрески и стенные росписи, среди которых много аллегорий, батальных сцен, принадлежат кисти Веронезе и Тинторетто. Над невысокой платформой, где некогда восседали дожи, во всю ширь стены распахнулась громадная картина Тинторетто, изображающая рай.

Золотом, гобеленами и благородным деревом отделаны другие помещения дворца. На их стенах и потолках запечатлены в картинах важнейшие события в истории Венеции. Особо выделяются «Морское сражение прн Лепанто» художника А. Вичентино и «Победа при Дарданеллах» Пьетро Либерн. А в зале главного конюшего таится гениальная картина одиого нз последних великих художников Венеции, Дж. Б. Тьеполо. На ней нзображен могучий старик, вываливающий нз огромной морской раковины золотые монеты, драгоценные каменья и алые кораллы перед пухлой дамой в короне и со скипетром, которая полулежит, касаясь ладонью головы льва. Это аллегория называется «Нептун предлагает Венеции дары моря». Однако в ту пору, когда мастер работал над этим полотном, Венеция давно уже растеряла свон заморские владения, на Средиземиом море господствовал турецкий флот, а важнейшие торговые пути переместились в другие части земного шара.

Есть во Дворце дожей еще один зал, овеянный мрачной славой,— зал Совета десяти. Совет десяти рассматривал дела лиц, обвиняемых в нзмене или заговоре против республики. Расправы чинились в полной тайне, с инквизиторской беспощадностью. Попасться в лапы Совета десяти было проще простого — по всему городу видиелись в укромных местах свирепые гипсовые физиономии с разинутыми ртами, куда можно было тайно бросить бумагу с обвинением в заговоре, неуплате налогов или несоблюдении христианской морали. Подозреваемых допрашивали с пристрастием, под пыткой, и их ждали смерть от руки палача или длительиое, а порой и пожизненное заключение.

Тюрьма, так называемые «свинцовые кровли», была тут же, рядом. Крыша ее была выложена свинцовыми листами специально с той целью, чтобы увеличить страдания узников. От Дворца дожей к тюрьме через узкий канал Рио дн палаццо был перекинут крытый мостик, получивший в народе иазвание Мост вздохов. Когда осужденных уводили в мрачные иедра тюрьмы, то они видели через окна мостика родную лагуну, плывущие по ней корабли, синее небо Венеции. И многие из них горько вздыхали прн мысли об утерянной свободе и ожидающих их адских муках.

Золотая шкатулка

Рядом с Дворцом дожей, немного выдаваясь вперед, стоит не меиее знаменитый собор святого Марка. Пять его больших куполов с византийскими крестами четко вырисовываются иа фоне неба. Монументальный фасад с пятью мощными арками украшен золотистой мозаикой, каменной резьбой, изящными беседками и балконами, статуями святых н ангелов. Над арками стоит четверка великолепных золотых коней.

У собора святого Марка долгая и сложная история. Поначалу на его месте иаходилась придворная часовня дожей, построенная в 829 году для останков евангелиста святого Марка. Через сто лет часовня сгорела, и на ее месте в 1071 году при доже Доменико Контарини вырос прнземистый храм с суровым кирпичным фасадом. Перед ним протекал широкий, обсаженный деревьями

канал Рио батарио, а за каналом в окружении садов стояла древняя церковь Сан Джеминиано.

Собор преображался с ростом могущества Венеции. Уже в середине XI века дож Доменико Сельво приказывал капитанам венецианских судов, уходивших к берегам Леванта, примечать там все, что могло бы украсить главный храм республики. И приказ этот выполнялся на протяжении веков. Капитаны где хитростью, где силой добывали в далеких краях мраморные колонны, барельефы редкой красоты, предметы церковной утвари. Художественные сокровища рекой хлынули в Венецию после разгрома Константинополя. Оттуда были привезены и позолоченные кони греческого ваятеля Лисиппа, которые потом являлись украшением византийского ипподрома. Уже тогда этим коням было 17—18 веков! На внешних и внутренних стенах храма появились чудесные мозаики золотнстого цвета — над ними работали вначале внзантийские, потом свои мастера. А с 1308 года пошло в дело цветное стекло, которое начали вырабатывать на соседнем острове Мурано. Купола храма были подняты на бóльшую высоту, фасад украшен сложными арками, отделан мрамором. Добытых на Востоке сокровищ в храме накопилось столько, что он стал похож на золотую шкатулку, доверху набитую драгоценностями. И уже в конце XIII века, по словам летописца Мартина да Канале, во всей Вселенной не было храма, который мог бы сравниться с собором святого Марка по величию и красоте.

Евангелист святой Марк стал покровителем Венеции скорее по политическим прнчинам. В давние времена, как говорят легенды, он обращал в лоно церквн грешных обитателей лагуны, поклонявшихся языческим богам. И венецианцы решили, что разумнее объявить патроном города «своего» святого взамен святого Теодора, «выходца» из Византии. Поэтому останки святого Марка были похищены из Александрии двумя веиецианскими купцами. С тех пор на охряном, хвостатом зиамени Венецианской республики фигурнровал крылатый лев — символ святого Марка. Правой лапой лев придерживает раскрытую книгу со словами евангелиста, которые он якобы произнес на смертном одре: «Кости твои навечно успокоятся в Венеции, о Марк!» «Святой Марк!» стало боевым кличем венецианцев.

На площади

Собор выходит фасадом на Пьяццу Сан-Марко, самую большую площадь Венеции. Она имеет вид трапеции, и размеры у нее немалые: длина — 175 метров, ширина — 82 метра у собора и 57 метров — на противоположной стороне. Площадь необыкновенно красива и является центром притяжения для туристов, которых в иные годы наезжает в город до пяти-шести миллионов человек!

Архитектурный ансамбль площади сложился на протяжении долгих веков. Слева от собора стоит почти стометровая кампанила — колокольня с флюгером в виде ангела, а справа — изящная часовая башня конца XVI века. На фасаде башни — огромные старинные часы, позолоченный крылатый лев, н на верхней площадке установлен большой колокол, в который две бронзовые

фигуры уже пятый век железными молотками отбивают быстро текущее время. С севера и юга площадь ограничивают Старые и Новые прокурации — длинные трехэтажные здания XIV—XV веков, где ранее размещались служители собора. А с запада — так называемое наполеоновское крыло, двухэтажное здание в неоклассическом стиле. Здесь сейчас находится городской музей Коррер с великолепными образцами венецианской живописи. Мраморная мостовая на площади оживлена широкими белыми полосами, которые образуют геометрически правильный рисунок.

Все лето, и особенно по праздникам, Пьяцца Сан-Марко полна народа — местных жителей и туристов. Толпы людей стоят перед храмом, разглядывая его замечательную мозаику. Одни, чтобы «сняться на память», взбираются на его балюстраду, рядом с золотыми конями, другие — на часовую башню. Полны покупателей дорогие ювелирные магазины и сувенирные лавки в нижних этажах бывших Прокураций. С тележек продают корм для голубей, которые то и дело с громовым хлопаньем крыльев сизой тучей взмывают над площадью. На вынесенных наружу креслах, которые длинными рядами стоят перед ресторанами, туристы пьют кофе, наслаждаясь праздничной атмосферой Пьяццы Сан-Марко. По вечерам в разных ее углах играют по два-три оркестра.

Сравнив как-то старинную гравюру, на которой венецианцы приветствуют своего нового дожа (он стоит на платформе, на фоне собора святого Марка), я нашел, что площадь ничуть не изменилась за последние три столетия. Не изменилась даже кампанила, которая, как известно, рухнула в 1902 году. Уже через десять лет кампанила, почти тысячелетие служившая венецианцам сторожевой башней и маяком, как ни в чем не бывало стояла на своем прежнем месте. Ее тщательно, по кирпичику, сложили из прежнего материала. И ее колокола — Марангола, Троттьера, Нона, Прегади и Малефичио, как в былые времена, благовестят по праздникам.

Русские в Венеции

О великолепном городе в лагуне писали Гёте, Шатобриан, де Сталь, Мюссе, Жорж Санд и многие другие поэты и писатели. На улицах Венеции жили и страдали герои бессмертных произведений Уильяма Шекспира. Жизнь города получила яркое отражение в произведениях Гольдони, Казановы и д'Аннунцио.

Довольно обширна литература о Венеции и на русском языке. Ею восхищались, о ней писали многие русские писатели, поэты и журналисты XIX и XX веков. Упоминания о Венеции встречаются в письмах А. П. Чехова, в дневниках и лирике А. Блока, в очерках В. Розанова. П. Муратов посвятил Венеции в своей книге «Образы Италии» самые лучшие, самые яркие главы.

Оставил свои впечатления о Венеции и А. И. Герцен. Он приехал сюда 18 февраля 1867 года и пробыл в городе десять дней. В «Былом и думах» Герцен пишет: «Великолепнее нелепости, как Венеция, нет. Построить город там, где город построить нельзя,—само по себе безумие; но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов — гениальное безумие... Один поверхностный взгляд на Венецию показывает, что это —

город крепкий волей, сильный умом, республиканский, торговый, олигархический, что это — узел, которым привязано что-то за водами, торговый склад, город шумного веча и беззвучный город тайных совещаний и мер...»

В Венеции завещали похоронить их композитор и дирижер И. Ф. Стравинский, русский театральный деятель С. П. Дягилев, организатор «русских сезоиов» в Париже.

Колыбель морского могущества

Венеция повернута лицом к морю, откуда пришли к ней богатство и слава. От Дворца дожей широкой дугой тянется на восток цепь набережных, оживляемых древними палаццо. У кромки набережных попыхивают дымками могучие буксиры, всегда готовые прийти иа помощь швартующимся в гавани или уходящим судам. Переполненные вапоретто уходят к пляжам Лидо, к другим населенным пунктам лагуны. Частые гости здесь белоснежные лайнеры под красным флагом, с серпом и молотом на трубах. Они совершают круизы по Средиземному морю с турнстами на борту.

Некогда на иабережных кипел торг. Богатые далматские н греческие купцы заключали крупные сделки с местными негоциантами. А те, что победнее, раскидывали палатки нз парусины и торговали всякой всячиной. Отсюда уходили в страны Леванта караваны венецианских судов под охраной боевых галер.

Неподалеку находится и арсенал — основа морского могущества Веиеции. На верфях арсенала уже в XIV веке строили галеры, выковывали громадные цепи — запирать входы в гавани, отливали пушки, делали ядра н всевозможное оружие. Арсенал непрерывно расширялся, часть его территории уже иесколько столетий назад была подведеиа под крышу. В пору расцвета славы Венеции иа верфях арсенала работало до 16 тысяч искусных корабелов, кузнецов, оружейников н прочих мастеров. В случае необходимости с его стапелей ежедневно спускали иа воду по галере. А боевая галера — это довольно крупное судно длиной 40—50 метров с экипажем до 400 человек!

Портал арсеиала отличается большой пышностью. Считают, что это первая в Венеции постройка в стиле реиессанса (1460 г.). В оружейиой палате прн арсенале выставлеиы модели древних судов, галер и парусных кораблей, иекогда плававших по волнам Адриатики.

Обручение с морем

В Венеции отмечалось немало праздников, история которых порой уходит в глубину веков. Таков и праздник обручеиия дожа с морем, который проводился ежегодно в деиь вознесения. Им отмечали победу дожа Пьера II Орсеоло иад пиратами в 998 году, после которой Венеция стала хозяйкой Адриатики.

Уже в XIII веке дож, теоретически избранник народа, лишился многих своих прав и полномочий. К этому времени он не мог более назначать и смещать высших должностных лиц, распоряжаться финансами государства, иметь земельные владения за пределами города, принимать подиошения от иностранных госуда-

рей и т. д. Всю власть цепко держали в своих руках старинные арнстократические семьи Венеции через своих представителей в Большом совете, синьории. Попытки дожа и других лиц захватить власть в республике беспощадно карались — виновных казнили иа Пьяццетте между колоннами со статуей святого Теодора и изображеиием крылатого льва.

Но тем ие менее титулы у дожа были пышные, костюмы великолепные. Он являлся народу в отороченной гориостаем пурпуриой мантии, в красных сапогах византийских императоров и вплоть до XIV века — в золотой короне. Вся его жизнь, все действия были обставлены пышным церемониалом. И у него была личная двадцативесельиая галера «буцентавр».

В деиь вознесения Пьяццетта н Моло, верхняя площадка кампанилы, балконы Дворца дожей и пьяцц были забиты зрителями. Дож садился в буцентавр и под грохот пушек и прнветственные возгласы толпы, в сопровождении расцвеченных барок и гондол отплывал к каналу Порто Сан-Николо-ди-Лидо, прорытому в песчаной косе Лидо.

Буцентавр являл собой великолепное зрелище. Он весь сверкал позолотой. Над его верхней палубой, декорированной лепниной и пурпуром, развевался флаг республики. Алые полотна флагов свисали с золочеиой кормы. Зиатные лица в париках и роскошных одеждах сидели под иавесом иа верхней палубе, а снизу работали гребцы, приводившие галеру в движение с помощью длинных красных весел. У входа в канал совершался традиционный обряд. Со словами «Мы обручаемся с тобой, о море, чтобы вечно владеть тобой!» дож бросал в воду лагуны золотое кольцо. Тем самым как бы скреплялся союз Венеции с морем.

Остатки последнего буцентавра, который был построен в 1728 году, в том числе окрашенная в пурпур мачта, хранятся в оружейной палате арсеиала. Великолепный ковчег разрушили французские солдаты, польстившиеся на его позолоту. Случилось это при последием доже Луиджи Манине, когда к берегам лагуны подошли войска Директории под командой генерала Бонапарта и по мириому договору при Кампо-Формо от 1797 года республика бесславио прекратила свое существование. Наполеон, как известно, был большим любителем собирать редкости в чужих странах, и его эмиссарами был ианесеи страшный урон художественным сокровищам, иакопленным в Венеции: позолоченных коней Лисиппа и множество картин из частных собраний вывезли в Париж, откуда они были возвращены после падения Наполеона. Однако многие статуи и картины так и застряли в парижских музеях.

От набережных можно проехать на вапоретто до соседних островов Мурано, Бурано и Торчелло. Там тоже есть что посмотреть. На Мурано есть свой Большой канал, забитый моторками, гондолами и прочей мелкой «посудой». Ежегодно здесь тоже проводится своя регата. Остров знаменит своими искусными стеклодувами, которые выделывают знаменитое «веиецианское стекло», пользующееся большим спросом. Ловко выхватывая из пышущей жаром печи комочки расплавленного стекла разных расцветок, мастер с помощью иожниц и особых щипчиков на ваших глазах изготовит, скажем, традиционный здешний

сувенир — паяца в синем шутовском костюме с пышным желтым жабо и зелеными пуговицами, в черных башмаках; на ладони его руки в белой перчатке — многоцветный стеклянный мячик.

Бурано, рыбацкий поселок, славится необычайно яркой раскраской своих домов, отражающихся в воде каналов, своими знаменитыми кружевами. А в Торчелло есть несколько древних памятников церковной архитектуры. Некогда на этом острове проживало 20 тысяч человек и на нем процветали различные ремесла, сейчас же это скромный рыбацкий поселок, снабжающий Венецию рыбой.

Другая Венеция

Возвращаюсь обратно, к тому месту, откуда начал свое путешествие. Туда можно добраться посуху либо прямиком, через мосты Риальто и Понте скальца, либо в обход Большого канала. И тут обнаруживаю, что в Венеции предостаточно «земной тверди». По пути то и дело попадаются площади с церквами, памятниками и декоративными колодцами. Церкви порой очень древние, многие из них строили знаменитые архитекторы Сансовино, Палладио, Антонио да Понте и расписывали такие художники, как Беллини, Карпаччо, Джорджоне, Тициан и Тинторетто. Многие улицы напоминают бесконечные базары, так много на них навесов и зонтов, под которыми идет бойкая торговля. В окнах ресторанов дразнят воображение дары Адриатического моря — лангусты, мидии, морские гребешки, кальмары, из которых искусные повара готовят традиционные венецианские блюда.

Но есть еще и другая Венеция — город простых людей, на труде которых держится процветающая туристская индустрия. Рио — второстепенные каналы, эти капилляры города, похожи здесь на щели. Церкви облуплены, дома куда меньше и скромнее. И все равно необычайно колоритны залитые солнцем улочки и крохотные площади, мостики с фигурами святых заступников и угодников, завешенные яркими шторами окна, балконы с сохнущим бельем и ярко-красными цветами.

В рабочих кварталах жизнь идет своим чередом. На «скверо» — местной лодочной верфи мастера ремонтируют и строят новые гондолы. С пузатых барок сгружают ящики с бутылками и продуктами, фрукты, овощи. Облупленный, видавший виды «мусорщик» принимает в свою объемистую утробу городские отходы. Сдержанно переговариваясь, спешат куда-то плечистые мужчины. На теневой стороне улицы стоят в раздумье у лотков с рыбой хозяйки, а напротив вылез погреться на солнышке древний старик с широкими натруженными ладонями. Две сестренки, держа с обеих сторон за ручки корзину, бегут за покупками, а мать, высунувшись по пояс из окна, дает им последние указания...

Встречаются в городе лагуны и такие места, где дома совсем запущены и полуразрушены, вода в каналах напоминает жижу в сточной яме. Здесь свили себе гнездо бедность и нужда...

* * *

«Венеция родилась из моря, и конец свой она найдет в морской пучине». Это давнее пророчество невольно всплывает в памяти,

когда думаешь о дальнейшей судьбе города. Будущее Венеции внушает серьезную тревогу. Море, которое веками несло на своих волнах венецианские корабли с богатыми товарами из стран Леванта, ныне грозит ей гибелью. Все чаще случаются наводнения, и все чаще морская вода затопляет нижние этажи городских построек. На Пьяцце Сан-Марко тогда укладывают специальные подмостки для пешеходов. Под страшной угрозой оказываются палаццо — эти великолепные памятники зодчества, свидетели стольких событий. От сырости страдают бесценные художественные коллекции в городских музеях и частных собраниях. Жизнь в городе бывает парализована.

Еще хуже обстоят дела зимой. В городе тогда мало работы, а жизнь в сырых и холодных домах становится непереносимой. И не случайно многие семьи переезжают в Местре и другие населенные пункты на материке.

Окружающая среда в черте города загрязнена до предела. Каналы замусорены, вода в них безжизненна, даже ядовита. А в летнюю пору колоссальный приток туристов усложняет все проблемы. Бесчисленные мелкие суда с туристами курсируют тогда по Большому каналу и рио, и волны от них разрушают облицовку набережных, фундаменты палаццо.

Венецию вполне можно было бы спасти от наступления моря путем сооружения дамб, которые бы регулировали уровень воды в лагуне. В то же время некоторые специалисты не без основания считают, что во всем повинно бесконтрольное бурение артезианских скважин по периметру лагуны. С выходом грунтовых вод опускается поверхность суши. А отсюда наводнения и все связанные с ними беды. Но в итальянской казне нет средств для проведения необходимых работ.

Мрачное пророчество о гибели Венеции в морской пучине не должно осуществиться. Она должна быть спасена для настоящих и будущих поколений.

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

У «ПОРТЕНЬОС» В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

Очерк

Город с тысячью лиц

Образ города, в котором тебе довелось прожить недолго — неделю, две или месяц, формируется впоследствии не только из запечатлевшихся в твоей памяти улиц и площадей, переулков или монументов. Образ Буэнос-Айреса — это и лица знакомых или случайно встречениых людей, фразы, оброненные в очереди перед кинотеатром, анекдот, услышанный в метро, лозунг, начертанный на стеие, возглас мальчишки, зазывающего в ресторан на ие зиающей покоя даже ночью авениде Корьентес, торопливый шепот девушки на углу Тукумана и Реконкисты, окрик полицейского, благодарность официанта, вопросительный взгляд портье или консьержки, пронзительное рыдание бандонеоиа, вырвавшееся из приоткрывшейся на мгновение двери ночного кафе в Сан-Тельмо, испуганный вскрик иочной электрички, пронзающий иебо иад бывшей площадью Британии, переименованной в площадь Аргентинских ВВС, всполохи световой рекламы на авениде 9 июля...

Но как из этих обрывочных, калейдоскопических впечатлений сложить для себя портрет этого разиоликого города, который так

похож на десятки других столиц, что временами начинает казаться, будто ты не пересекал Атлантический океан, а по дороге в Южную Америку застрял на пересадке где-нибудь в Европе?! Судя по путевым очеркам, дневникам и репортажам тех, кто приезжал и приезжает в аргентинскую столицу из-за океана, такое ощущение возникало у многих. Вот что писал, например, в книге «Живописное путешествие в Южную и Северную Америку» полтора века назад французский путешественник Алкид д'Орбиньи, отправившийся в поездку по Южной Америке в 1826 году: «На улицах Буэнос-Айреса более жизни и движения, нежели в каком-либо другом городе Южной Америки... Негры, мулаты, индейцы, навьюченные тюками и ящиками с товарами, дамы в щегольских английских и французских каретах... священники и монахи, купцы и военные, нищие — все кажутся очень занятыми делом... Весь этот шум, все это движение придает городу вид необыкновенный и дает ему некоторое сходство с большими европейскими городами... Англичанин легко вообразить себе может, что он в Лондоне, а француз еще скорее подумает, что он в Париже».

Спустя полвека путешествующий по Южной Америке русский дипломат Александр Семенович Ионин сделал категорический вывод: «Буэнос-Айрес во всем уже напоминает большие города Европы, построенные заново, с преднамеренною пышностью, как будто напоказ».

Да, именно так — «с преднамеренной пышностью, как будто напоказ», пробивалась через кварталы старых домов широченная авенида 9 июля, которой для полного сходства с парижскими Елисейскими полями не хватает только Триумфальной арки. Еще более импозантны и космополитичны парки аристократического квартала Палермо, которые могут напомнить Булонский лес парижанам, а мадридцам — сады Эль-Ретиро. На бывшей площади Британии возвышается копия лондонского Биг-Бена. Есть в Буэнос-Айресе кварталы, где почувствует себя в родных стенах приезжий из Рима, Севильи, Вены, Стамбула или Алжира.

Когда-то д'Орбиньи был потрясен шумом и движением аргентинской столицы; в городе этом, как он писал, «ныне считается 60 тысяч душ, в числе которых можно положить около трех тысяч чистых испанцев». И уже тогда на эти шестьдесят тысяч местных жителей, по подсчетам д'Орбиньи, приходилось до тридцати тысяч англичан, французов, немцев, испанцев, бразильцев и выходцев из других стран.

В 80-х годах прошлого столетия, по данным А. С. Ионина, в Байресе проживало полмиллиона человек и ежедневно (!) прибывала тысяча иммигрантов.

Сейчас в Большом Буэнос-Айресе насчитывается чуть менее половины населения страны — около двенадцати миллионов. Называют они себя «портеньос», то есть «жители порта». Ведь Буэнос-Айрес не только столица, но и крупнейший в Аргентине порт.

Так что же это такое — Буэнос-Айрес и кто такие «портеньос»? В поисках ответа на эти вопросы я обратился к мэру этого города, или, как он именуется в Буэнос-Айресе, «интенденте» — Гильерме дель Чиоппо.

Пробиться к мэру было нелегко. Помог старый друг и коллега — аргентинский журналист Исидоро Хилберт, работающий вот уже два десятка лет корреспондентом ТАСС в Аргентине, знающий в этой стране «всех, всё и вся» и, разумеется, имеющий друзей и в муниципалитете. Но прежде чем мы вошли в кабинет «градоначальника» аргентинской столицы, помощники мэра, усадив нас в кресла приемной, долго и придирчиво выясняли, о чем мы намерены беседовать с «сеньором интенденте» и какие вопросы предполагаем ему задать.

Не трудно было понять причины этой осторожности: шло лето 1983 года, и в сложной политической ситуации страны, когда после десятилетнего перерыва начиналась подготовка к президентским и парламентским выборам, когда военный режим в муках и сомнениях начинал долгий и болезненный процесс передачи власти представителям политических партий, мэру никак не хотелось высказываться по острым и болезненным темам внутриполитической борьбы. И мне пришлось долго успокаивать помощников Чиоппо, а потом и его самого, заверяя, что никаких вопросов политического характера я задавать не собираюсь: меня интересует жизнь города, и только.

«Интенденте» рассказал, что он не новичок в муниципалитете. До того как возглавить его, много лет работал в «этом доме» на менее ответственных постах. Почти все это время он руководил департаментом, который осуществляет координацию строительства жилья. И в частиости, именно под его руководством разработан крупномасштабный план жилищного строительства.

Второй аспект деятельности муниципалитета в последнее время можно определить лозунгом: «От центра к окраинам!»

— Мы хотим,— сказал Чиоппо,— чтобы культурная жизнь столицы, сосредоточенная на небольшом «пятачке» в центре, в районе улиц Флорида и Лавалье, распространилась по всему городу. В конце концов Буэнос-Айрес — один из самых крупных городов испаноязычного мира, может быть, его даже можно назвать центром латиноамериканской культуры, и нельзя мириться с тем, что многие кварталы не имеют библиотек и удалены от кинотеатров.

Я поинтересовался, как решаются муниципалитетом экологические проблемы, в частиости, как идет борьба с загрязнением воздуха, что является традиционной болезнью всех крупных городов, например Мехико. Чиоппо бодро ответил, что такой проблемы во вверенном ему городе ие существует. Недавно муниципалитетом был принят специальный кодекс по защите окружающей среды, регламентирующий, в частности, деятельность промышлеиных предприятий в черте города, и теперь дело за неукоснительным выполнением этого документа.

Вообще Чиоппо поразил меня своим оптимизмом, энергией, иеистребимой верой в успешное выполнение намечеиных планов и достижение поставленных целей. В условиях смятения, охватившего Аргентину в те трудные времена, когда страна никак не могла оправиться от неудачной войны за Мальвинские острова, эти качества не слишком уж часто можно было видеть у тех, кто стоял у штурвала нации. Прежде чем попрощаться с Чиоппо, я задаю ему главный вопрос, ради которого добивался встречи с

ним. Я спрашиваю его, как он мог бы охарактернзовать типичного, так сказать стопроцентного, портеньо.

— Главное, что характеризует портеиьо,— это его космополитизм,— не задумываясь, говорит Чиоппо.— Буэнос-Айрес — город-космополит, подавляющее большинство населения — это потомки тех, кто прнехал либо нз-за границы, либо из внутренних районов страны. Поэтому портеньос как бы аккумулировали, вобрали в себя черты разных иародов. Портеньо — человек с открытой для всего мира душой, ибо наш город — это главиые ворота страны, окно, через которое Аргентина смотрит в мир.

Итак, по мнеиию мэра, самая характериая черта портеиьос — космополитизм. То есть как раз отсутствне характерных, своих собствеиных, присущих только им черт и свойств. Так ли это?..

На первый взгляд кажется, что в чем-то он прав.

Географическая энциклопедия называет Аргентину «типично переселенческой страной, население которой формнровалось под влиянием массовой европейской эмиграции». Обратите внимание иа фамилию самого мэра: Чноппо. Он потомок итальянских эмигрантов. Так же, как н занимавшие в 1982—1983 годах президентскне посты генералы Галтнерн и Биньоне. Предки сменившего их в декабре 1983 года гражданского президента Рауля Альфонсина прнехали в Аргентину нз Испании. А самый знаменитый аргентинский певец Карлос Гардель родился во Франции.

Аргентинские власти начали вести учет эмигрантов с 1857 года. С того момента до 1940 года в страну въехало около семи миллиоиов человек, в том числе три миллиона нтальянцев и два миллиоиа испанцев. Оставшнеся два миллиона — выходцы из Франции, России, Украины, Польшн, Англин, Шотландин и других стран. Пожалуй, нет в Европе государства, которое не имело бы в Аргентине колонню своих соотечественников. Стоит раскрыть телефонный справочник Буэнос-Айреса, н на вас буквально выплескивается поток итальянских, немецких, испанских имен н фамилий: бесконечные Бериардини, Шмидты, Эрнандесы. Но кто может назвать типичные аргентинские имя н фамилию?..

Стоит выйти нз отеля иа улицу н оглянуться вокруг, и вы почувствуете себя в каком-то вавилонском водовороте, где мелькают лнца латинские н арабские, еврейские и немецкие, нетороплнво шествуют белокурые потомки скандннавов, суетятся смуглые ливанцы, гордо шагают обладатели тевтонских кровей н семенят малеиькие япоицы. Но все они — аргентинцы. И все онн удивительно ловко умудряются с одинаковой нежностью любить свою роднну — Аргентину н родину своих предков: Баварню или Андалузню, Сицилию или Бессарабню. И поэтому они убеждены, что корни их генеалогических древ следует искать не только в Европе, но и здесь, в Патагонии, Мнсьонес или Ла-Плате.

«С одиой стороны,— считает английский писатель Джордж Микеш,— аргентинцам ужасно хочется казаться европейцами. А с другой — сыновья дюссельдорфских бухгалтеров, неаполитанских водителей такси, севильских бакалейщиков и варшавских музыкантов неимоверно гордятся своими предками — гаучо. Таковы свойства «загадочной аргентинской души»...»

Я хожу по улицам, окунаюсь в торговый ажиотаж Флориды,

стою в очередях в кинотеатры Лавалье, обедаю в дешевых пиццериях, всматриваюсь в лица людей и пытаюсь почувствовать эту «загадочную аргентинскую душу», увидеть в окружающих людях что-то неповторимое, что-то такое, чего я не видел в других городах н странах, но мне это не удается.

Байрес, как зовут этот город моряки, космополитичен не только своим архитектурным обликом. Приезжавшие сюда итальянцы, испанцы, французы, поляки, русские, арабы, чехи, индийцы приносили с собой свои традиции и вкусы, взгляды и привычки, уклад жизни и методы решения житейских проблем. Буэнос-Айрес рос, как гигантский витраж, каждое стеклышко, каждый фрагмент которого были доставлены сюда нз-за океана.

Если же говорить серьезно, то в этом были свои плюсы н минусы. Плюсы очевидны: массовая иммиграция давала стране квалифицированные рабочие руки, ибо переселенцы привозили с собой не только умение готовить гуляш по-венгерски или пиво по-баварски, но и свои инженерные дипломы, мастерство плотников, столяров, башмачников или шоферов.

Говоря о минусах, достаточно вспомнить немецкую иммиграцию, создавшую в Аргентине мощную колонию, послужившую надежной базой для экономического, политического и идеологического проникновения нацизма в Южную Америку. Один, но достаточно убедительный пример: накануне второй мировой войны германские капиталовложения в Аргентину превышали н американские н английские инвестиции. Не удивительно поэтому, что аргентинское правительство объявило войну Германии лишь в марте 1945 года. Не удивительно, что после разгрома фашизма Аргентина стала рассматриваться бежавшими из «третьего рейха» нацистами как земля обетованная.

Но закончим на этом экскурс в историю формирования аргентинской нации н обратимся к сегодняшнему Буэнос-Айресу и его обитателям. И логичнее всего будет начать этот рассказ с того квартала, который все без исключения портеньос называют самым древним, самым типичным районом столицы, откуда она, столица, и началась. Тем более что и мэр Чиоппо, когда, прощаясь, я поинтересовался у него, что именно он советует посмотреть в Буэнос-Айресе в первую очередь, не задумываясь, ответил: «Боку н Каминито».

Каминито с туристами и без них

Бока по-русски означает «устье». Буэнос-Айрес лежит в устье самой широкой (здесь, у впадения в Атлантический океан, она разливается на двести километров) и едва ли не самой короткой реки мира Ла-Платы (она рождается всего в нескольких десятках километров отсюда, в точке, где сливаются воды рек Параны и Уругвая). В том месте, где в Ла-Плату впадает небольшая речушка Риачуэло, образовалась уютная бухта.

Мы встретились с директором Исторического музея Боки — профессором Делаканалом.

— В 1536 году здесь высадился основатель нашей столицы испанский конкистадор дон Педро де Мендоса. Он сразу же увидел, что природа создала тут удивительно удобную гавань для

стоянки судов. Из природной гавани получился порт, а вокруг него вырос город, который был назван, как это часто случалось в те далекие времена, весьма пышно: «Сьюдад де ла Сантисима Тринидад и Пуэрто де Нуэстра Сеньора де Санта Мария де лос Буэнос Айрес». Профессор Делаканал произнес это действительно умопомрачительное название без запинки, с легкостью кондуктора, в миллионный раз выкрикивающего название ближайшей остановки автобуса.

Беседуем с ним, прогуливаясь по самой знаменитой в квартале и одной из самых известных в Буэнос-Айресе улиц, которая называется Каминито. Это слово можно перевести как «улочка», «дорожка», «тропинка». Узкая, шириной с баскетбольную площадку и короткая (ее длина не превышает сотни метров) Каминито удивительно нарядна. Ее трехэтажные сколоченные из жести, шифера и досок дома окрашены в ослепительно яркие, сочные цвета: красный, синий, зеленый, желтый. Объясняется это не только и не столько эстетическими соображениями и отнюдь не стремлением поразить прохожего, а прежде всего тем, что для покраски своих домов жильцы издавна применяли остатки корабельной краски с ремонтировавшихся в Боке, в двух шагах отсюда, судов. Вот и получилась эта крохотная Каминито похожей на маленькую приготовившуюся поднять якоря флотилию. Все вроде бы было готово когда-то к началу далекого похода, но команду так и не отдали, и маленькие суденышки постояли-постояли и навечно вросли в асфальт мостовой.

— Кстати, об асфальте... Он появился здесь сравнительно недавно,— продолжает свой обстоятельный рассказ профессор.— Каких-нибудь пять или шесть десятилетий назад вместо асфальта здесь лежали рельсы и шпалы, сквозь которые пробивалась трава. Да, да, сеньоры, здесь, по этой улице, проходила ветка идущей в порт железной дороги. Но постепенно ею перестали пользоваться, забросили, здесь образовалась свалка, зрелище было крайне неприглядное, но... и тут мы с вами, сеньоры, подходим к самому главному, исторически важнейшему, ключевому этапу в жизни Каминито, Боки, а может быть, и всего Буэнос-Айреса: наш знаменитый художник Бенито Кинкела Мартин предложил городским властям расчистить свалку и организовать здесь нечто вроде музея. И вот, посмотрите еще раз, уважаемые сеньоры, что из этого получилось.— Профессор простирает руку, приглашая нас оглядеться и восхититься.

Мы послушно оглядываемся и дружно восхищаемся. И ничуть не кривим душой: Каминито действительно прекрасна. Как утверждает профессор, и он, возможно, прав, это единственная в мире улица-музей. Музей, созданный на месте бывшей железнодорожной ветки и городской свалки. На ярких стенах домов и на каменных оградах мы видим множество барельефов, мемориальных досок, скульптурных групп, мозаичных фресок. Все это подарено Каминито художниками и скульпторами Буэнос-Айреса, которые за несколько десятилетий превратили маленькую улочку в едва ли не самую богатую и интересную коллекцию аргентинской жанровой живописи и мемориальной скульптуры. Учитывая, что имя основателя этого музея под открытым небом — Бенито Кинкела Мартина уже названо, не буду перечислять остальных

художников, подаривших свои фрески Каминито: всех назвать невозможно, а выбрать несколько имен было бы несправедливо по отношению к остальным. Сам Бенито, скончавшийся совсем недавно, стал символом патриотизма, любви к своему народу и в особенности к портовому кварталу Бока, который он воспел в своих полотнах, собранных в находящемся тут же, рядом с Каминито, мемориальном музее.

Разместился он на верхнем этаже довольно высокого по здешним масштабам здания. Из окон четвертого этажа открывается впечатляющий вид на порт, на деловито суетящиеся буксиры, на приткнувшиеся к замшелым причальным стенкам суда, на лодки, словно вклеившиеся в грязную, застойную воду, на покрытые булыжником набережные, на серые крыши складов, пакгаузов, ремонтных мастерских, на узкие улочки с гордыми названиями Гарибальди, Магеллан, Ла Мадрид. Все это — Бока. Серая, пыльная, усталая Бока, на фоне которой особенно хорошо заметны яркие краски Каминито.

Очень она нарядна, эта улочка. Особенно в субботу и воскресенье, когда на ней, как на площади Тертр в Париже, появляются художники со своими картинами в ожидании туристов, желающих увезти с собой эскиз, рисунок или даже картину с классическими видами Боки или Каминито, которые давно уже признаны такими же типичными «адресными» приметами «старого» Буэнос-Айреса, какими испокон веков считаются набережные Сены для Парижа, стены Колизея — для Рима, арбатские переулки — для старой, пушкинской Москвы. Разумеется, предложение этих произведений значительно превышает спрос, и поэтому каждый появившийся на Каминито турист мгновенно становится объектом повышенного внимания, предупредительности, а затем и настойчивых «ухаживаний» со стороны будущих, пока еще не открытых, не признанных миром аргентинских утрилло и лотреков.

Там, в этой сутолоке, в пестрой толпе охотящихся за простодушными «гринго» (так здесь называют иностранных туристов) художников и познакомился я с одним из них, Педро Гулькисом. Сейчас ему уже за шестьдесят. Родом он из Западной Украины, входившей тогда в состав Польши. В Буэнос-Айрес приехал пятилетним мальчишкой где-то в середине двадцатых годов, когда отец его, истомленный вечной нуждой портной, поехал со своей семьей за океан в поисках лучшей доли. Вся семья давно уже перемерла, так и не найдя счастья за океаном. Педро остался один. И с каким-то трогательным упорством он считает себя нашим соотечественником: русским, даже советским человеком.

Узнав, что я из Москвы, Педро разволновался и немедленно предложил свои услуги в качестве «чичероне» по Каминито и Боке. «Все ясно,— подумал я.— Хочет заработать. Постарается продать мне свои рисунки...»

Теперь мне стыдно вспоминать об этом подозрении: Педро оказался добр, бескорыстен и беспредельно честен и щедр. Он показал мне такое, чего я никогда не увидел бы без его помощи и о чем не узнал бы из академически обстоятельных лекций профессора Делаканала: Каминито с обратной стороны. Он

пригласил меня войти внутрь этих восхищающих туристов ярких домиков и познакомиться с живущими в них людьми.

И только тут я обратил внимание на одну существенную деталь: ни в один дом, ни в одну комнату во всех без исключения домах, находящихся на Каминито, входа с этой улицы нет! Да, да, пройдя Каминито из конца в конец, можно легко убедиться (хотя на это как-то поначалу не обращаешь внимания), что на эту улицу не выходит ни один подъезд, ни одна дверь. Все подъезды, двери, входы и выходы находятся на соседних улицах: Магальянес и Ла Мадрид. Это и понятно, если вспомнить, что, как я уже упомянул, когда-то по Каминито проходила железнодорожная ветка и дома были обращены к ней глухими стенами. И в самом деле, какой смысл мог быть в двери, если, выйдя через нее, ты рисковал угодить под колеса паровоза?

А потом, когда Каминито обрела современный вид, прорубать на нее двери, по мнению «отцов» города, не было нужды по другой причине: нищета и чернь, обитающая в этих домах, не должна отпугивать туристов. Зачем нужны на Каминито оборвыши, выклянчивающие монетку и высматривающие, как бы стащить чужой кошелек? Разве украсит живописную толчею грингос нищенка с худым ребенком, припавшим к иссохшей материнской груди? Ведь нищета вблизи отталкивает и пугает. Нищета живописна только тогда, когда смотришь на нее издали. Проезжая в лимузине, оснащенном аппаратом для искусственного охлаждения воздуха, богач-толстосум скользит равнодушным взглядом через стекло по пестрому белью, вывешенному для просушки на веревках, перекинутых из окна к окну, совсем как в неореалистических фильмах из жизни послевоенного «Неаполя — города миллионеров». А фоном звучат где-то вдалеке детский крик, женский плач и мужские проклятья.

Педро показал мне, как живут эти люди. Оказалось, что в одном из таких домов Педро снимает, как он сказал, «ательемастерскую». Из всех существующих на нашей планете это была, вне всякого сомнения, самая неудобная для работы художника мастерская: крохотная комнатушка с маленьким окошком, выходящим во внутренний двор. Естественно, света там почти нет, и даже днем Педро вынужден зажигать лампочку. Вот и рассуждайте тут о колорите и светотени!

— Сначала они встретили меня очень неприветливо,— сказал Педро о соседях, кивая головой на стены и потолок.— Они думали, что я — друг домовладельца. Да и вообще, раз художник,— значит, богатый человек. А потом я объяснил им, что я — такой же, как они. Почти нищий. Труженик, который еле-еле сводит концы с концами. И никогда не станет богатым. Соседи быстро поняли это и приняли меня в свою, так сказать, общину, в свой маленький, но такой сложный мир.

...Сверху послышался грохот сапог. Я опасливо гляжу на потолок: не обвалится ли?

— Это Томас — водитель автобуса. Идет домой,— объясняет Педро.

Шаги Томаса стихают. Раздается стук. Скрипнула, хлопнула дверь. И снова тишина.

Мы с Педро выходим в этот узкий, как колодец, вымощенный

камнем дворик. Поднимаемся по скрипучей лестнице, по которой только что прошествовал на второй этаж Томас. Я нагибаюсь, пытаясь не задеть головой развешанное над лестницей белье, и вижу старую женщину, склонившуюся над тазом с бельем.

— Здравствуйте, сеньора! — учтиво говорит Педро и идет еще выше, на третий этаж. Я неловко протискиваюсь между женщиной и перилами лестницы, чуть не опрокидываю таз и бормочу извинения.

— Это — Горда, прачка,— поясняет Педро, когда мы сворачиваем с лестницы.— Обстирывает «приличные» семьи с соседних улиц. Тем и живет. Когда-то была красавицей. Такой, как эта Роза,— Педро снижает голос до шепота и кивает головой на вышедшую на лестничную площадку девицу в довольно изящном, я бы даже сказал слишком изящном, на этом фоне меховом пиджачке.

Роза прошла мимо нас, равнодушно кивнула Педро, без всякого интереса скользнула взглядом по моему лицу и, грациозно поводя плечами, отсчитала тонкими каблучками деревянные ступеньки лестницы, каменные плиты дворика, после чего звук ее шагов затих за воротами, выходящими на улицу Магальянес.

— Самая сложная фигура здешнего общества,— продолжает Педро после минутного молчания.— Профессию ты уже, конечно, определил: та самая древнейшая женская профессия. Причем водит клиентов прямо сюда. Жильцы пытались протестовать, но ничего из этого не получилось: во-первых, Роза перекричит кого угодно. Но самое главное: «по совместительству» она является еще и осведомительницей полиции. Докладывает в участке обо всем, что происходит в квартале. И кроме того, один из районных полицейских является ее «покровителем». Вот и попробуй повоюй с ней.

По деревянной галерее он идет к противоположному крылу дома. Я следую за ним. Здесь пахнет нечистотами, чесноком и керосином.

— Хочешь, посмотрим, как живут эти люди? — Педро стучит в обитую жестью дверь.

— Кто там? — слышится женский голос.

— Это я, Педро, ваш сосед.

— Что угодно сеньору?

— Простите, у меня к вам маленькая просьба.

Дверь слегка приоткрылась. В щели — настороженное женское лицо.

— Я хотел попросить вас,— говорит Педро с заискивающей улыбкой,— если это, конечно, вас не стеснит, на секундочку разрешить моему другу пройти к вашему окну, чтобы он смог сфотографировать Каминито сверху.

— Зачем это? — спросила женщина, все еще не открывая дверь.

— Для журнала,— заторопился, объясняя, Педро.— Мой друг — иностранец. Он из Европы. Он хочет написать статью о нашем городе. И конечно, фотография Каминито не может не сопровождать такую статью.

— Ну и что?

— Но из вашего, сеньора, окна открывается самый лучший

вид на Каминито. Самый лучший... Мы вас не задержим, поверьте! Всего одна минутка!

— Ну что же,— говорит женщина после минутного колебания,— если вы это сделаете быстро...

Она сбрасывает цепочку, открывает дверь. Мы входим. Тяжелый воздух ударяет в нос. В доме мрачно и темно. По узкой прихожей мы проходим на кухню, и я успеваю разглядеть через открытую дверь маленькую комнату, в которой стоит старый диван. На нем лежит, закрыв газетой лицо, мужчина.

В ногу мне ткнулась мокрым носом собака. На кухне, куда мы входим из прихожей, горит лампочка, хотя сейчас полдень. Темно. Душно. На плите шипит сковородка: на оливковом масле жарится зеленая фасоль. Над заставленным кастрюлями кухонным столом — засиженная мухами вырезка из старого журнала, самодовольная физиономия какого-то государственного мужа, восседающего за необъятным письменным столом. На полу возятся пятеро детишек, мал мала меньше. Прн нашем появлении они смолкают и, раскрыв рты, разглядывают нас.

— Простите, сеньора, не могли бы вы открыть на секундочку окно?— говорит Педро.

Окно маленькое, двустворчатое. Одна створка вместо стекла заколочена фанерой.

Женщина рванула забитую фанерой створку на себя, окно жалобно скрипнуло, раскрылось. Стало иемного больше света. Радостно взвились дремавшие на потолке мухи.

Я подхожу к окну. Там, внизу, шумит н переливается красками Каминито. Художники стоят у полочек, стендов и стоек со своими картинами, туристы бродят, щелкая фотоаппаратами, разглядывают этюды. И тут мне вдруг стало как-то ие по себе: я чувствую, что ие могу стоять у окна, зная, что мне в спину смотрит эта женщина н ждет, когда мы наконец уйдем и оставим ее в покое. Я торопливо щелкаю камерой раз-другой, благодарю хозяйку и иду в прихожую. Педро идет за мной. Мы благодарим женщину. Оиа равнодушно кивает головой и закрывает дверь.

— Ты ие должен сердиться иа них. Они не любят чужаков,— говорит Педро.

— Я не сержусь. Я и сам так же вел бы себя на ее месте. Никому ие хочется показывать чужим людям свою бедность.

— Дело ие только в этом: оии боятся выселеиия. Владельцы этих домов на Каминито, после того как улица стала такой зиаменитой, иачали постепенно выселять жильцов. В нашем доме уже вручили извещения четырем семьям. Хозяева выгоняют этих бедняков, ремонтируют их каморки и сдают художникам.

— Но зачем художнику такая коиура?— я кивнул в сторону двери, откуда мы только что вышли.

— Ты же видел мою мастерскую? Там тоже до меня кто-то жил. Коиечио, такое «ателье» не лучший подарок художнику. Но во-первых, иа Каминито сейчас мода, и иметь здесь ателье это просто престижно, как любому парижскому художнику престижио иметь мастерскую иа Монмартре. А во-вторых, то, что мы здесь пишем,— это ведь для туристов. Это можно делать даже совсем без света, с закрытыми глазами.

Без солнца, без света... И все-таки художники рвутся сюда.

Потому что это престижно. Без солнца, без света. И все-таки старожилы Каминито не хотят уходить отсюда. Потому что разве найти им другое жилье? Хотя бы такое же убогое.

В поисках центра

Итак, на буэнос-айресском «Монмартре» мы уже побывали. Пора познакомиться с городским центром. Для этого нужно прежде всего установить, где он находится. Обратившись к путеводителю для автомобилистов, мы обнаружим, что все дистанции на дорогах страны отмеряются от площади Конгресса, точнее говоря, от гранитного монолита «Нулевой километр», высеченного скульптором Хосе Фиораванти и установленного рядом с Конгрессом. Этот импозантный дворец, с куполом, удивительно напоминающим Исаакиевский собор в Ленинграде, воздвигался по проекту итальянского архитектора Виктора Меано на рубеже XIX и XX веков и был торжественно открыт в 1906 году. Впрочем, сами аргентинцы не склонны считать эту площадь и этот дворец символом или центром своей столицы. Может быть, потому, что конгресс иногда — после очередного военного переворота — пустует годами. А может быть, потому, что, как говорили не без лукавой улыбки некоторые из моих аргентинских друзей, даже когда к власти приходит в очередной раз гражданское правительство и конгресс получает возможность возобновить свою работу, все равно его решения обсуждаются, планируются и согласовываются не в этом дворце, а в находящейся по соседству кондитерской «Эль-Молино» — огромном и, на мой взгляд, слишком аляповатом и претенциозном заведении, где зал украшен позолотой, а с тяжеловесных мраморных колонн свисают люстры в форме тюльпанов.

Гораздо более правомерно считать центром города площадь Мая, на которой в 1810 году была провозглашена независимость Аргентины от испанской короны. На этой площади находятся сразу два правительственных дворца: самый первый и современный. Первый, он называется Кабильдо, считается едва ли не самым древним сооружением города: он был воздвигнут еще в начале XVII века, правда, впоследствии, в первой половине восемнадцатого столетия, Кабильдо отреставрировали и частично перестроили. Теперь этот целомудренно белый, скромный и строгий дворец с колокольней и двухэтажной латинской аркадой, с внутренним двориком и двускатной красной черепичной крышей, классический уголок средневековой Испании, застроенный со всех сторон помпезными и разностильными зданиями, воспринимается как чистая лирическая нотка, пробившаяся в индустриальной какофонии, как струя свежего воздуха в загазованной и загрязненной атмосфере большого и шумного города.

Едва ли не самым наглядным образцом эклектики и космополитизма в архитектуре Буэнос-Айреса может служить находящийся против Кабильдо дворец президента Каса Росада, что означает «Розовый дом». Он, впрочем, не совсем розовый, скорее красновато-бежевый. Чтобы описать это странное сооружение, воспользуюсь еще раз мемуарами Ионина: «Здание — совсем новое, во французском стиле, напоминающем стиль бывшего Тюильри,

только в применении к буржуазным потребностям нового времени и места. Здание монументальное, большое, благодаря быстрому развитию республики оказалось тесным, и к нему сбоку пристроили такое же огромное здание, но в стиле итальянских дворцов, с крытыми галереями и фальшивыми колоннадами наверху. Два эти столь несовместные стиля представляют в общей массе неуклюжий и смешной вид». Может быть, наш соотечественник был чрезмерно строг и безжалостен, но в целом, думается, он описал Каса Росада довольно точно.

Есть в Байресе улица, о которой обязательно упомянет каждый портеньо, рассказывающий чужестранцу о своем городе. Это знаменитая авенида Ривадавия. На первый взгляд она абсолютно не примечательна: начинаясь от площади Мая, направляется на запад, все дальше и дальше от порта, это узкая, совсем обычная улочка, которую и «авенидой»-то непонятно почему назвали. Ведь гордое слово «авенида» предполагает простор, размах и уж по крайней мере ширину хотя бы на три-четыре транспортных потока. Но нет, бежит себе эта непритязательная скромная Ривадавия через кварталы и районы, и странное дело: чем дальше от центра, тем шире и оживленнее она становится. Давным-давно уже кончились или поменяли свои названия параллельные ей улицы, которые начинаются там же, у площади Мая. Потом Ривадавия ныряет под виадук кольцевой автомобильной дороги имени генерала Паса и, распрощавшись с территорией федеральной столицы, вырывается на просторы Большого Байреса. Рядом с ней уже идет железная дорога. Небоскребы остались далеко позади, а вокруг — коттеджи и виллы. На автобусах — названия других городов и поселков. И все чаще и чаще встречаются гаучо на лошадях, грузовики и повозки, везущие кожи, муку, картофель. И нумерация домов уже перевалила за двадцать тысяч. Нет, никто не знает, где кончается Ривадавия. Я слышал разные версии. Кто-то говорил, что она тянется километров на двадцать. Но мальчишка, заправлявший мою машину на бензоколонке, убеждал меня, что по Ривадавии можно доехать до Мендосы, а это, как известно, самый западный из аргентинских городов.

Кстати, раз уж мы отправились в это бесконечное путешествие по Ривадавии, хочу предупредить, что заблудиться в Байресе практически невозможно: планировка этого города удивительно хороша и логична. Весь он разделен на «куадры» — кварталы, образуемые перпендикулярно пересекающимися улицами. Длина каждой куадры — сто метров, и в каждом таком квартале, даже если количество домов и дверей в нем меньше сотни, как это обычно бывает, нумерация домов ограничена одной сотней: от 100 до 200 или от 1500 до 1600 и так далее. Причем такой же порядок сохраняется и на всех параллельных улицах. Таким образом, если вы разыскиваете, например, дом номер 815, а находитесь, предположим, против триста сорок седьмого дома, то вы можете быть уверены, что нужный вам дом и подъезд будут найдены ровно через пять перекрестков!

Но как все-таки быть с «городским центром»? Тут все, видимо, зависит от того, что интересует вас, что вы вкладываете в это понятие. Турист, приехавший в Байрес за покупками, отправится

на знаменитую Флориду: торговую улицу, закрытую для автомобильиого движения и отданную пешеходам, точнее говоря, торговцам и покупателям. Те, кого интересуют развлечения, выберут себе авениду Корьентес, точиее, ее отрезок между Флоридой и Кальяо. Здесь — кинотеатры и кафе, пиццерии и залы с игральными автоматами, дешевые сувенирные лавки, бары, пивные. Корьентес — самая беспокойная, оживленная и никогда ие засыпающая улица. В любое время суток: и в три часа дня, и в три часа иочи — ие смолкают на Корьентес рыдающие звуки танго и грохот джаза. В воздухе постоянно висит автомобильный чад, смешанный с запахами жареиого лука и дешевых одеколоиов. И откуда бы вы ни шли и куда бы вы ни направлялись по этой авениде, вам ие миновать находящийся иа пересечении Корьентес и авениды 9 июля стройный взметнувшийся в иебо 72 метровый обелиск. Его так и иазывают «Обелиск», ои-то н служит Байресу самым точным и известным во всем мире графическим символом, каким для Парижа служит Эйфелева башня, а для Лондоиа — Биг-Беи.

И здесь нам представится возможность восхититься зрелищем самой широкой магистрали этого города — авениды 9 июля и ие без иронии пофилософствовать о парадоксе современной, слишком автомобилизированной цивилизации. Рассчитанная иа пропуск двеиадцати транспортных потоков в каждом иаправлении, эта авенида превратилась в гигантскую стоянку автомашин. И это иесмотря иа то, что под ней уже сооружены подземные гаражи.

Этим маршрутом: Каминито, площадь Мая, Каса Росада и Конгресс, Ривадавия и Флорида, Корьентес н авенида 9 июля — туристические компании исчерпывают программу экскурсий по аргентинской столице. Мы же в поисках ответа иа вопросы «Что же это такое, Буэнос-Айрес, и кто они — портеньос?» отправимся от центра к окраине, в квартал, который иазывается Матадерос, что означает «Бойни».

Крупнейший в мире

Каждому городу хочется иметь что-то свое «самое-самое». Нью-Йорк издавна гордился самым высоким зданием в мире — «Эмпайр стэйт билдингом», а потом перекрыл этот рекорд двумя башнями Всемирного торгового центра. Мексиканцы утверждают, что имеино в Мехико иаходится самая длинная улица иа земле — Инсурхентес. Москва славится на весь мир своим самым красивым, самым дешевым и четко работающим метрополитеиом. Буэнос-Айрес может включить в знаменитую книгу рекордов Гиннеса так называемый «Меркадо де Асиенда». Это самый крупный в мире рыиок скота, через который проходит весь мясиой рациои самой аргентинской столицы, близлежащих городов, поселков и сельских районов, а также экспорт мяса за границу.

Имеино здесь, и только здесь, в пролетарском районе Байреса — Матадерос, а ие иа иарядной Флориде, ие на переполненной турнстами Каминито, не на парадиой авениде 9 июля можно увидеть портеньо, одетого в рабочий комбинезои. Точнее говоря, в кожаные штаны н грубую куртку гаучо-скотовода.

Солнце еще всходило, город лишь иачинал просыпаться, а

основные торговые операции здесь уже давно были завершены. Когда мы приехали на рынок, загонщики рассортировывали по загонам, отправляли на весы, перегоняли из одного кораля в другой, грузили на машины доставленный вчера вечером в столицу и проданный сегодня ночью и утром для забоя скот. Работа эта весьма сложная, требует виртуозного владения конем, с помощью которого всадник-загонщик направляет, подстегивает, регулирует и, если понадобится, обращает вспять мятущиеся лавины коров и быков.

Сразу же бросилось в глаза, что и в эту древнюю сферу человеческой деятельности уже проникли достижения научно-технического прогресса: наряду с обычными бичами у загонщиков появились и электрические жезлы. Животное получает не очень сильный, но достаточно чувствительный электрический разряд и проворнее бежит в нужном направлении. Кроме того, у многих загонщиков в руках — миниатюрные транзисторы-передатчики, с помощью которых они координируют свои действия и связываются с диспетчерским пунктом. В иные дни через эти загоны проходит до пятидесяти тысяч голов знаменитого, считающегося лучшим в мире аргентинского скота.

Аргентина — один из крупнейших в мире экспортеров мяса, а животноводство издавна было одной из главных опор национальной экономики. Да это и понятно, ибо вряд ли найдется на земле другая страна, которая обладала бы такими отличными, буквально идеальными условиями для разведения скота: бескрайние пампы с обильно произрастающими сочными травами и мягкий климат. Скот здесь круглый год на подножном корму, он практически не нуждается в уходе. Еще со времен Педро де Мендосы главная забота гаучо-скотоводов долгое время сводилась к тому, чтобы не растерять коров и быков, разбредавшихся по этим самым лучшим в мире выпасам, простирающимся на сотни тысяч гектаров. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в этой стране, где даже сейчас на каждого жителя приходится более трех голов крупного рогатого скота, мясо всегда было очень дешево, и бифштекс издавна стал не просто основным элементом дневного рациона, а такой же этнографической особенностью жизни, какой может служить кружка пива для баварца или вареный рис для китайца. Правда, уже канули в безвозвратное прошлое те счастливые времена, когда домохозяйки, отправляясь в мясную лавку, придирчиво перебирали не только сорт мяса: «вырезка», «грудинка», «задняя нога», но и знакомились с табличками, с точностью извещавшими, сколько часов назад забиты данный бычок или корова. Здесь каждый искал для себя оптимальный вариант: с одной стороны, мясо должно быть, разумеется, свежим, но вместе с тем ему необходимо «отвисеться», ибо многие не любят «парильяду» прямо из-под ножа, когда в куске слишком много крови.

Именно в те, повторяю, давно ушедшие времена существовал в этой изнемогавшей от избытка мяса стране удивительно гуманный закон, по которому человек не мог быть осужден или подвергнут наказанию за кражу еды, если он был голоден. Тоже, согласитесь, любопытный штрих к психологическому портрету нации...

Но мясо, как я уже сказал, не только основной продукт

питания для самих аргентинцев, но и является основой экономики страны с тех незапамятных времен, когда еще не было холодильников и обильные животноводческие «урожаи» аргентинской пампы обращались в солонину и кожу. В середине прошлого века предприимчивый британский капитал нашел отмычку для этих несметных, но не освоенных до тех пор сокровищ строительством железных дорог. Еще в 1854 году британский предприниматель Уильям Уипрайт получил концессию на строительство первой железной дороги из Росарио в Кордобу, а заодно прихватил в качестве дара аргентинского правительства полосу земли вдоль дороги десятикилометровой ширины. Рельсы только еще начинали прокладывать, а англичане уже поспешили организовать фирму, которая занялась спекуляцией этой землей: «подарок» аргентинского правительства был разделен на небольшие участки, и они в большинстве своем были втридорога проданы... тому же правительству, которое подарило Уипрайту эту землю!

Ну а там, где англичане оставили подаренные земли за собой, возникало нечто напоминающее аргентинскую колонию Великобритании: клубы, бассейны, спортивные площадки, эксклюзивные — только для англичан! — магазины.

Построив железные дороги, английские компании стали взимать бешеные сборы за перевозку грузов, в первую очередь мяса и кож, из глубинных районов аргентинской пампы в Буэнос-Айрес, то есть в порт, откуда открывалось окно в Европу. А поскольку две трети железнодорожной сети принадлежали англичанам, нетрудно понять, какие барыши огребали дельцы, окопавшиеся в Сити. Причем каждая из английских частных компаний строила дороги на свой манер, и в результате железнодорожные пути здесь до сих пор отличаются поразительной чересполосицей: в стране — шесть видов колеи! Можно себе представить, как затруднена перевозка грузов.

С появлением холодильников и рефрижераторного флота прибыли британских дельцов достигли поистине умопомрачительных размеров. Посудите сами: аргентинский скотовод, владелец поместья где-нибудь под Кордобой, должен был, во-первых, раскошелиться на перевозку своего скота по британской железной дороге до принадлежащего английской же компании холодильника под Буэнос-Айресом в устье Ла-Платы. Затем застрахованное (опять же у британских страховых фирм) мясо отправлялось на английских судах в Великобританию, где при выгрузке груза британский лев «откусывал» от каждой коровьей туши еще по куску в виде таможенных сборов. Естественно, все эти поборы с британской педантичностью вычитались из стоимости каждого проданного англичанам окорока. И в этом, между прочим, тоже кроются давние истоки и причины мощного антианглийского взрыва, потрясшего в 1982 году страну во время вооруженного конфликта из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Следует, однако, пояснить, что во второй половине двадцатого столетия английский капитал в Аргентине был сильно потеснен американским: в 1967 году капиталовложения США составляли уже половину всех иностранных капиталовложений в этой стране, а доля Великобритании упала до двадцати процентов.

Впрочем, вернемся на рынок скота в Матадерос.

Его невозможно окинуть взглядом: на площади в тридцать два гектара помимо пяти с половиной тысяч загонов, бесчисленного множества весовых, диспетчерских контор, разместились большой гараж, четыре банка и даже собственная радиостанция. Над загонами во всех направлениях проложены железные мостки, напоминающие пешеходные переходы, которые перебрасываются на вокзалах через железнодорожные пути.

Рикардо — один из администраторов этого гигантского хозяйства — рассказывает, что в последние несколько недель оборот ярмарки скота несколько снизился: в стране прошли сильные ливни, вызвавшие наводнения. Возникли трудности с транспортировкой. Цены подскочили сразу на 25 процентов. Но в ближайшее время ситуация должна нормализоваться.

Рикардо провожает нас до самого конца: до последних загонов, откуда гигантские грузовики везут скот на забой. Долгое время главной городской бойней было находившееся неподалеку муниципальное предприятие «Лисандро де ла Торре», управлявшееся городскими властями. Однако с появлением множества частных боен, в том числе принадлежащих американскому капиталу, «Лисандро де ла Торре» не выдержала конкуренции, закрылась и частично уже снесена.

Я благодарю нашего гида и, прощаясь, спрашиваю, из каких мест он родом.

— Я — портеньо,— отвечает Рикардо.— Родился в квартале Сан-Тельмо. Но семья моя родом из Германии. Отец приехал из Мюнхена в двадцать втором году.

— И кем же он был?

— Башмачником. Услышал, что в Аргентине хорошая кожа. И отправился сюда в надежде разбогатеть.

— Ну и что же?

Рикардо разводит руками. Все ясно без слов: еще одна типичная история безуспешной погони за «синей птицей счастья». За наивной мечтой о спасительном Эльдорадо. Подобно родителям Рикардо, миллионы бедняков ехали в эту страну в поисках лучшей доли. Именно бедняков,— с какой стати пустятся в дальнюю дорогу через океан преуспевающие немецкий бюргер, испанский винодел или итальянский землевладелец? А нашли ее, эту долю, единицы. Именно единицы. В противном случае эта страна давно уже стала бы раем земным. Но ведь это же, увы, не так: эмигрировавший в Байрес бакалейщик из Неаполя и здесь оставался бакалейщиком, а сапожник из Мюнхена обычно не превращался тут в обувного короля. Не потому ли, считает англичанин Джордж Микеш, «над Аргентиной царит какая-то всеобщая ностальгия»? И не потому ли нет на свете музыки печальнее, чем аргентинское танго?

Танго и папа римский

Никто не знает, каким был самый счастливый, самый радостный день в истории Буэнос-Айреса и Аргентины. Но до сих пор страна помнит о том, каким был в ее жизни самый трагический день — 24 июня 1935 года, когда в аэропорту колумбийского горо-

да Медельин при взлете разбился самолет, в котором летел Карлос Гардель.

Нет для аргентинца другого имени, которое он произносил бы с таким благоговейным трепетом. Даже сейчас, полвека спустя после самых патетических похорон в истории страны, когда через парализованный трагедией Байрес за гробом Гарделя шли сотни тысяч портеньос,— даже сейчас на могиле обожаемого кумира на кладбище Чакарито всегда — день и ночь, круглый год стоят живые цветы. На шумной и пестрой воскресной ярмарке в столичном квартале Сан-Тельмо я видел, с какой грустью и нежностью смотрели люди на пожелтевшую газетную вырезку, рассказывающую о гибели Гарделя. Рынок есть рынок, газетную страницу можно было и купить, если уплатить за нее сумму, превышающую месячный заработок рабочего.

Карлос Гардель был, остается и останется навсегда лучшим певцом и исполнителем танго. Я подчеркиваю слово «певцом», ибо танго, как известно, не только танцуется, но и поется. Этот музыкально-танцевальный феномен родился на рубеже XIX и XX веков где-то в портовых кабачках Боки, стремительно завоевал Аргентину, а затем в мгновение ока покорил весь мир. Начиная с 1907 года в Европе и Америке регулярно проводились танцевальные конкурсы танго. Ревнители чистоты нравов, в частности архиепископ Парижа, пытались предать этот танец анафеме, считая его покушением на святые устои морали. И делали это с таким пылом, что для окончательной «легализации» танго потребовалось разрешение самого папы римского, которое благосклонно последовало в 1914 году после устроенного для папы персонального просмотра.

С тех пор прошло восемь десятилетий и две мировые войны. Двадцатый век идет к концу, капризная и ветреная Европа давно уже поет другие песни и наслаждается другими ритмами, а в Аргентине все осталось по-прежнему. Аргентина по-прежнему обожает и боготворит танго. Видимо, очень уж цепко хватает за душу эта разрывающая сердце в клочья трагическая музыка, где речь обязательно идет о неразделенной любви, разлуке, гибели, измене и прочих драматических ситуациях. Если верить танго, вся жизнь аргентинца — сплошная трагедия.

«Аргентинцы печальны от того,— пишет Джордж Микеш,— что их знаменитые танго не предоставляют им иного выбора. Я люблю аргентинские танго, их ритмы, их мелодии, но стоит мне послушать эту музыку чуть дольше получаса, как у меня возникает желание покончить с собой». Аргентинский писатель Мануэль Гальвес убежден, что в основе танго, как и в основе всего аргентинского характера, лежит инстинкт: «Танго, как и мы, аргентинцы, лишено рассудочности. Оно выразитель нашей пассивной печали, нашей тоскующей безутешной души».

Видимо, именно в этом и кроется секрет всеобщего поклонения танго в Аргентине. У портеньос и аргентинцев могут быть разные гастрономические вкусы, несовпадающие музыкальные привязанности, различные футбольные кумиры. Может быть, кому-нибудь удастся отыскать портеньо, вообще равнодушного к футболу. Но почитание танго и Гарделя в этой стране по-прежнему остается всеобщим и незыблемым. Именно танго

заполняет репертуар самых лучших вечерних кафе типа «Вьехо Альмасен» в Сан-Тельмо и звучит в пиццериях авениды Корьентес, куда молодежь собирается, чтобы поболтать, проглотить бутерброд и потанцевать (хотя, справедливости ради заметим, что в молодежных аудиториях «диско» и иные современные ритмы тоже пользуются широкой популярностью). Площадь перед Луна-Парке — самым крупным спортивным дворцом и концертным залом Буэнос-Айреса называется Пласа де Танго. Вскоре там воздвигнут памятник Гарделю, чьим голосом, кстати, восхищался сам Карузо, советовавший ему посвятить себя опере. Наивный Карузо! Он не понял, что имеет дело с аргентинцем!..

Каждая уважающая себя и, следовательно, заинтересованная в уважении со стороны читателей газета ведет постоянную рубрику «Новости танго». Каждая радиостанция заполняет паузы и компонует музыкальные программы с помощью танго.

И одна из самых популярных еженедельных передач аргентинского телевидения, разумеется, посвящена танго и Карлосу Гарделю. В студии 11-го канала я побывал на записи очередной такой программы, и царившая там атмосфера обожания великого земляка показалась мне немножко наивной, но трогательной и, самое главное, искренней. Это была не просто дань моде «ретро». За шутливой бравадой симпатичного толстяка, ведущего программу, за преувеличенно тщательным исполнением танцевальных па, за наигранно страстными колоратурами певцов можно было почувствовать чистую и возвышенную любовь к человеку, который прославил аргентинскую музыку, а значит, и свою страну во всем мире. А разве тот, кто способен совершить такое, не заслуживает уважения и любви?

Тем более что в аргентинском телевизионном эфире стало в последние годы слишком тесно от обилия чужих, в основном американских, программ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что передачи о Карлосе Гарделе воспринимаются как бодрящий глоток свежего воздуха. И возникает очередной вопрос: не является ли еще одной отличительной чертой портеньос и аргентинцев эта верность национальным традициям и кумирам, этот стойкий иммунитет против чужих влияний и насильственно навязываемых вкусов и убеждений?..

Страницы радостные и печальные...

Так что же все-таки отличает портеньо от парижанина или, скажем, мексиканца? Трудно, действительно трудно ответить на этот вопрос. Очень уж они разные, эти портеньос. Попробуйте привести к общему знаменателю тех, кто метет буэнос-айресские улицы, и тех, кто чинно шествует по ним. Тех, кто мчится по городу в лимузинах, оснащенных кондиционерами, и тех, кто делает эти машины. Впрочем, я знаю одного портеньо, который начал с мойки машин, а сейчас является президентом одной из крупнейших в стране автомобилестроительных фирм. Это не мифический персонаж из легенды о южноамериканской Золушке, а вполне реальный президент местного филиала западногерманского «Мерседеса» — Хуан Мануэль Фанхио. Лет тридцать назад он был для аргентинцев таким же кумиром, каким стал для

бразильцев Пеле: знаменитый автогонщик Фанхио пять раз становился чемпионом мира! Его слава была безграничной, его портреты печатали газеты всего мира.

Теперь Фанхио спокоен и мудр. В нем не чувствуется тщеславия и упоения завоеванными победами. Но ему явно понравилось, что в Советском Союзе помнят о нем. Он принял меня в своем кабинете, богато орнаментированном автомобильными призами и грамотами, приветливо и радушно.

Естественно, я поинтересовался, каким образом он пришел к своим великим победам. И услышал, что путь этот начался с мойки машин богатых сеньоров в городке Белькарсе, где в 1911 году родился Хуан Мануэль.

Раз моешь машины, надо выучиться их водить, ибо обычно владелец машины не просто требует помыть ее, но и загнать в гараж, на стоянку.

Потом Хуан Мануэль стал помогать механикам, учиться у них. И когда ему удалось наконец сесть за руль, он сумел выиграть труднейшую в Южной Америке гонку Буэнос-Айрес — Лима — Буэнос-Айрес, после чего ему разрешили участвовать в мировом чемпионате автомобилистов в Европе. И в первой половине 50-х годов он выиграл звание чемпиона пять раз за семь лет! Такого история автомобильного спорта никогда еще не знала.

Я слушаю неторопливый рассказ Фанхио и спрашиваю мысленно себя: существует ли какой-либо иной столь же опасный вид спорта или род деятельности, где жизнь человека постоянно висит на такой тонкой ниточке, ежесекундно готовой оборваться?

И потому у меня возникает вопрос к Фанхио. Я спрашиваю его, что для него труднее: управлять гоночной машиной или таким огромным предприятием, как «Мерседес»? Мой собеседник улыбается и говорит, что быть президентом фирмы, пожалуй, сложнее: в автомобиле все детали работают синхронно. Если нет — машина просто-напросто не поедет. На фабрике этой синхронности и слаженности добиться гораздо труднее, тем более в нынешние времена, когда обостряется конкуренция, удорожается производство, а рынок сбыта подвержен самым неожиданным колебаниям. Нет, сеньоры, за рулем сверхскоростной машины он чувствовал себя гораздо спокойнее, чем за этим письменным столом.

Я слушаю Фанхио, понимаю, что он шутит, но чувствую, что в этой шутке есть доля правды, и спрашиваю себя, не является ли это предпочтение риска спокойному благополучию еще одной особенностью портеньос и аргентинцев? Такой же характерной для них, как страсть к политике, стремление к активному участию в жизни страны?

Я слышал от друзей там, в Буэнос-Айресе, даже такое, что для создания политической партии в этой стране необходимы по крайней мере четыре элемента: три аргентинца и одна пачка сигарет. Если добавить сюда еще и три чашки кофе, то партия будет создана наверняка. И просуществует, как минимум, до вечера. Когда ее учредители окажутся в другом кафе с другими собеседниками.

Если же говорить серьезно, то можно вспомнить, с какой поистине самозабвенной страстью отдавались аргентинцы предвыборной борьбе накануне последних выборов, состоявшихся в

1983 году. И с каким энтузиазмом приветствовали вступившего 10 декабря того же года на пост президента Рауля Альфонсииа. Взрыв народного ликования, сопровождавший эту церемонию, свидетельствовал о том, что новый президент может рассчитывать на поддержку со стороны тех, кто отдал ему свои голоса. А такая поддержка очень понадобится Альфонсину: ведь занимать в Аргентине пост президента — дело столь же сложное и не менее опасное, чем участие в автомобильных гонках: за последнее десятилетне, предшествовавшее прнходу к власти Альфонсина, в стране этой сменилось десять правительств. В среднем каждое нз них существовало не более года.

Да, нстория Буэнос-Айреса, этого города с тысячью лиц, неразрывно связана с жизнью, заботами, с радостями и горестями своей страны и всего остального мира. И в том, что говорят, что думают, к чему стремятся аргентинцы, с которыми мы встречались в Буэнос-Айресе, отражается биение сердца всей этой нации.

«Наша страна должна взять в свои руки борьбу за утверждение своего суверенитета, за освоение своих богатств. И руководство этой борьбой должно находиться в руках самих аргентинцев»,— вспоминаю я слова отставного генерала Гуглиалмелли.

«Сейчас необходимо действовать так, чтобы добиться подлинной независимости нашей страны, покончить с постоянным и грубым вмешательством в нашу жизнь транснацнональных монополнй» — мненне коммуннста Оскара Аревало. «Мы стараемся держаться, хотя это и нелегко»,— сказал Хуан Мануэль Фанхио. «Мы сможем обеспечить работой большинство населения города»,— убежден мэр Буэнос-Айреса Гильерме Чноппо. «Все становится на свои места»,— оптимистично думает Родриго, торговец скотом на «Меркадо де Асьенда».

«Жизнь каждого из нас напоминает книгу, страницы которой бывают яркими, радостными, а могут оказаться трагическими, грустными, печальными,— сказал мне ветеран профсоюзного двнжения старый и мудрый портеньо Рубен Искаро. И добавил: — Но мы должны всегда стремиться к тому, чтобы забывать печали и сделать радости постоянным спутником нашей жизни».

Я слушаю нх, вспоминаю миогие другие встречи с портеньос в Буэнос-Айресе, н думаю о том, что можно все-таки определить главную, самую характерную черту их национального характера: оптимизм, веру в свон силы, уверенность в том, что невзгоды пройдут и завтрашиий день будет лучше, чем нелегкнй сегодняшний.

ВАЛЕНТИН ЗОРИН

БУХТА ОЛЕНЬИХ ТЕНЕЙ

Рассказ

Он лежит у меня на одной из полок книжного стеллажа — кусок полированной моржовой кости длиной в фут, с двумя отверстиями по краям. Он похож на желобок, по наружной гладкости которого резцом неведомого мастера нанесен тончайший узор из кружочков, квадратиков и пересекающихся линий. От времени полировка затуманилась, проглядывает желтизна, но если вглядеться в узор, уловить ритм повторения похожих штрихов, то кажется: это следы птиц и зверей на присыпанной порошей наледи... Костяное изделие — часть оленьей упряжи напоминает мне об Охотске, куда однажды ненадолго забросила меня судьба газетчика. Звеньевой оленеводческой бригады был слегка удивлен моим интересом к этому, по его мнению, далеко не лучшему образцу.

— Давно резали, не знаю когда.— Он глубоко затянулся из длинной трубки, выпустил клуб синего дыма.— Я тебе лучше дам, с пароходом и самолетом. Не хочешь?

В детстве я, как и многие мои сверстники, бредил Севером, высокими широтами, Арктикой — это было время челюскинцев, первых арктических перелетов, начала освоения Северного морского пути. Мы зачитывались книгами о северных путешествиях, и бегучий узор на костяной пластине напомнил мне сейчас нечто удивительно знакомое, виденное. Несколько позднее я вспомнил: в 1943 году в эвакуации, в Вологде, я листал в библиотеке журнал «Советская Арктика», и там были рисунки художника Луки Воронина, участника какой-то давней русской экспедиции. Помнится, я долго разглядывал изображение воина в костяных доспехах — на пластинах был такой же рисунок...

Обретая даже не вполне буквальное предметное подтверждение, воспоминания как бы начинают жить заново, дополняясь

опытом — возвратясь на «материк», я попытался разыскать все связанное с именем Луки Воронина. Теперь-то я понимал, насколько необычным для того времени было участие художника в путешествии — заканчивался XVIII век. Да и само это путешествие было отнюдь не обычным... Сложная судьба Луки Воронина уходила в первую четверть XIX столетия н здесь терялась бесследно. Бесследно? Но даже то немногое, что было им сделано, оправдывало его судьбу, давало ей право называться счастливой.

...День простоял морозным, но тихим н солиечным, с наступленнем же сумерек со взморья потянуло сырым н порывистым ветром. С торцов набережной на Стрелке поземку легко сдувало к каменным парапетам, только у полосатой будки на островной части Тучкова моста надуло порядочный сугроб. По мосту брел одинокий прохожий. Лицо будочника за мутным слюдяным окошком помаячило нерешительно, но он не стал окликать прохожего — не бродяга вроде, не злоумышленник. Человек, казавшийся особенно, по-вороньи, нахохленным нз-за старомодной широкой шинели с единственной пелернной, остановился, словно раздумывая: куда направиться? И свернул к серым домам, правее желтой с белыми колоннами Биржи.

Он прятал лицо в посекшийся воротник, шаркал разношенными кожаными ботами. И, не оглядываясь по сторонам, как будто видел размытые сумерками ростральные колонны; припорошенный копотью невский лед; протоптанные тропинки на тот берег; дровяные баркн; сквозные леса строившегося Исаакиевского собора; шпиль Адмиралтейства, ловящий последние дневные отблескн; н левее, на дальнем крыле этой дымчатой панорамы, почти слившуюся с сумерками громаду Зимнего дворца.

В угадываемых просветах улиц прерывнсто мерцали желтые и багровые дымные огни — это горели костры, дымом которых окуривали редких в этот час и в этакую погоду пешеходов. С наступлением холодов холера явно пошла на убыль, и все реже встречались на улицах печальные дроги с краснорожим, закутанным в парусиновый просмоленный балахон божедомом на козлах.

Войдя в Восьмую линию, человек снова остановился, постукивая друг о друга застывшими ногами. Затем, уже не раздумывая, пересек проезжую часть н обстукал от снега подошвы перед каменными ступенями под облезлой вывеской: «Подвал ренсковых н прочих крепких вин — бр. Гутниковы».

Пахнуло винной кислятиной, сивухой и застоявшейся табачной прогорклостью. В подвале было многолюдно, но не очень шумно, а главное, тепло. На низких, плохо выбеленных сводах темнели влажные пятна; чадящие плошки н несколько сальных свечей у стойки бросали в тесный зал колеблющнеся блики, сгущали темноту в углах.

Гость расстегнул шинель, снял шапку, прнгладил редкие седые волосы, посмотрел по сторонам. Бородатый детина в тулупчике — не то извозник, не то барочник — взглянул с сочувственным прищуром, потеснился на скамье.

— Саднсь, господин чиновный. Тут у нас просто...

Пришедший не то усмехнулся, не то поморщился, сел, коротким, но как бы запоминающим взглядом обвел соседей. Отставной унтер с сивыми бачками и багровым, с топорными чертами лицом покачивался из стороны в сторону, словно прислушивался к какой-то звучавшей в нем песне. А может, представлял себя едущим на обозной фуре или пушечном лафете где-нибудь на кавказской крутой дороге. Двое мастеровых — один из них постарше — пили из медных орленых кружек, кривились, вытирали губы тыльной стороной заскорузлых ладоней, жадно закусывали с тряпицы бараньей обрезью. Кто-то дремал, уткнувшись плешивым лбом в стиснутые кулаки.

— Пристыл, господин чиновный? — бородатый детина отхлебнул, зажевал соленым лещом, улыбнулся, блеснув кипенью зубов. В ситцевом распахе на голой волосатой груди отсвечивал зеленью крест на пропотевшей тесьме.

— Это правда, холодно нынче. Только я не чиновный...

— Ну служилый тогда. Я к тому, что квелый народ тут у вас жительствует. Нешто тут холода? Сырость, она верно... Ну не беда — сейчас согреешься.

Бородач говорил с насмешливой уверенностью, словно бы свысока. И унтер оборвал свои раскачивания, разлепил глаза, посмотрел на бородача недоверчиво.

— Верно говорю,— пристукнул кружкой бородач.— Не знаете вы доподлинных холодов, любезные.

Подошел половой — робкий белобрысый парень в посконных портах и рубахе, вытер тряпкой винную лужицу на дощатом столе.

— Косушку и калач погорячее бы.— Гость потер покрасневшие пальцы.

— Извольте деньги вперед, господин Воронин...

Названный Ворониным вскинул седые брови.

— Ты в своем уме?

— В своем-с.— Нет, совсем не робким был парень, взирал даже с наглинкой и руку одну засунул за матерчатый кушак.— Никанор Митрофанович распорядиться изволили-с... Сказано: «Пусть ожидают-с!»

— Так позови, коли так!

— Сказано: «Пусть ожидают-с!» — повторил половой и пояснил, пожалев его, что ли: — С квартальным они наверху... Беседуют-с.

И зашлепал опорками к стойке.

— Из веры, выходит, выбился, служилый? Быва-ает...— Бородач придвинул свою кружку.— Прими вот, ежели не побрезгуешь.

Спящий напротив оторвал плешивую голову от кулаков, уставился налитыми кровью глазами.

— Всех угощаешь, что ли, борода?

— Не твой черед, спи дальше.

Была неуловимая почти разница в тоне, каким бородач разговаривал с Ворониным и отвечал плешивому — последняя реплика прозвучала зло, как по поводу чего-то никчемного и безнадежного.

Воронин не стал чиниться, выпил. Ожгло горло, потом стало

неприятно внутри. Бородач вызвал у Воронина мысли о прошлом.

— Про холода справедливо замечено,— сказал он.— Однако для души сия сырость хуже будет...

— Так ведь я о том же.

Кого-то очень знакомого напоминал Воронину этот бородач. Своим большим, резким в движениях и, вероятно, очень сильным телом. Белозубой улыбкой, открытой грудью. Кого же? Вот он оперся о край стола, и жилы напряглись на смугловатых запястьях... Такие руки были у шкипера Афанасия Бакова. Да и смотрел он также, когда тиммерман Усков пытался давать ему советы при постройке «Славы России». И на Никиту Шалаурова смахивает бородач — промышленника-морехода из Великого Устюга. Шалауров без боязни говорил с любым, кто был выше него,— с любым офицером, да хоть и с самим капитан-лейтенантом Иосифом Биллингсом...

Воронин мысленно усмехнулся с грустью. «Без боязни...» Когда-то и он сам не испытывал никакой боязни ни перед сильными мира сего, ни перед трудностями. Да и что могло быть труднее бесконечных переходов по заснеженным чукотским просторам; по осыпям и средн валунов берега Ледовитого моря; дней и ночей во тьме, разрываемой многоцветными сполохами? Он, Воронин, не был тогда для других ни «чиновным», ни «служилым». Он был нужным России человеком, рисовальным мастером Географической и Астрономической морской экспедиции, направленной Адмиралтейств-коллегией в 1786 году для открытия неизвестных берегов Ледовитого моря и Северо-Восточного океана. И натуралист экспедиции доктор Карл Мерк, старавшийся и шага не делать без Воронина, толстяк, кутавший голову в какое-то подобие чалмы, не раз говорил ему, смешно коверкая слова:

— Ви, наверно, не знайт, что великий германский малер Кранах тоже имел имя Лука? О, ви знайт работ Лука Кранах? Колоссаль! Но ви, очень хороший русский малер, не есть дворянин, и потому ви не получать никакой слава и деньги. Ваша великий страна есть очень непонятный страна — тот, кто делайт большой польза, тот имейт маленький наград...

— Не надо так говорить, Карл Иванович,— посмеивался в ответ Лука Воронин.— Мы все тут не ради наград. А кроме того, государыня предусмотрела и награды...

— О, я-я! — кивал доктор Мерк и смотрел на художника водянистыми, немецкими, слезившимися от ледяного ветра глазами. Недоуменно смотрел, сожалеюще.

Доктор Карл Мерк умер тридцать два года назад, простудившись на санкт-петербургском сквозняке на плацу во время молебна по случаю завершения постройки Михайловского замка. Его бумаги, снабженные десятками рисунков Луки Воронина, исчезли где-то в недрах императорской Академии наук: позади было две войны с Бонапартом и восшествие на престол нынешнего самодержца с 14-м декабря 1825 года — кому нынче было какое дело до забытой экспедиции!

Давно нет Иосифа Биллингса, окончившего свой путь капитан-командором. Нет Гаврилы Сарычева, ставшего адмиралом и губернатором Кронштадта,— Гаврила Андреевич скончался в

прошлом году от холеры. Нет штурмана Гаврилы Логвиновича Прибылова. Говорят, жив еще нынешний командир Архангельского порта, бывший капитан экспедиционного «Черного орла» Роман Романович Галл — но кто нынче свяжет его имя с давней экспедицией? И куда разбросала судьба всех остальных ее участников?..

Бесшабашный по виду и в то же время по-товарищески чуткий бородач, встреченный в этом запьянцовском подвале на Васильевском острове, внезапно напомнил Воронину многих и многих, живших и работавших рядом с ним в Северо-Восточной экспедиции. Такими были геодезии унтер-офицер Худяков, сержант Гилев, казачий сотник Иван Кобелев... Да разве перечислишь всех!

Он, Лука Воронин, тогда, в 1786 году, «вольнопрактикующий» рисовального класса ее императорского величества Академии художеств, сам напросился в экспедицию, едва прослышав о ней. Почему он сделал это? Может, оттого, что косились на него, сына безвестного помора, своекоштные, а то и именитые ученики, а рескриптом государыни обещалось и личное дворянство. Может, оттого, что в ту весну над Санкт-Петербургом шли затяжные дожди и сумрачными выглядели улицы и переулки Северной Пальмиры. Может, оттого, что было Луке Воронину всего двадцать два года и хотелось своими глазами увидеть широкий свет...

Широты, простора в последующие годы хватило в избытке. И новое, неведомое до того, каждый день открывалось перед изумленным взором. Бежали олени по бескрайней тундре; голубые песцы, как тени, скользили по снежной кромке; пестрели расшитые узорами ровдуги чукотских одежд; плясал шаман среди чумов стойбища и падал с пеной у рта, и стреляли из луков в жертвенного оленя, следя за тем, как он падает,— если на правый бок, то это к счастью... А потом, покинув губу Лаврентия, «Слава России» шла к неведомым островам, и за серым и туманным морем вырастали острова: Святого Матвея, Святого Павла, Святого Георгия, Лисьи острова, Семиди, Кадьяк... И казалось, что вот так теперь и будет всю жизнь: тугая парусная шкаторина, из-за которой появлялась на горизонте очередная вершина, увеличивалась с каждым новым часом, становилась землей, отныне носившей российское имя.

Главной целью Воронина было рисовать, запечатлевать на бумаге то, что проходило перед глазами, возникало в своей неповторимости. Чтобы остановиться и остаться во времени — свидетельством достигнутого, постигнутого и свершенного. И он рисовал, стараясь уловить движения и особенности людей, животных, самой природы в этом холодном, насыщенном резкими тонами цвета краю; рисовал, порой роняя из застывших пальцев свинцовый карандаш или просто уголь...

Помнится, на острове Уналашка он делал наброски Капитанской гавани — со скалами над естественным каналом-проходом в продолговатую бухту; с кораблями «Слава России» и «Паллас», застывшими в безветрии с подвязанными к реям парусами. Лука Воронин радовался солнцу, рассеявшему туман, чистоте оттенков синевы океана и голубизне воздуха и жалел только, что нет

возможности передать все это бумаге. И тут его плеча что-то коснулось. Воронин обернулся.

На него с непроницаемым видом пристально смотрел вождь здешнего алеутского селения Иллюлюк — Кикулан. Слегка скуластое лицо было суровым. В руке Кикулан сжимал стрелу с костяным наконечником.

До сих пор между пришельцами и островитянами, как это было прежде на чукотском берегу, никаких столкновений не происходило — на этот счет участники экспедиции строго предупреждались наставлением Адмиралтейств-коллегии и многочисленными увещеваниями командиров. Но кто знает, каковы верования и представления алеутов? Вдруг перенос изображения здешних мест на бумагу будет сочтен страшным нарушением одного из бесчисленных табу, предписанных неведомым богом Аммехом? Разумеется, страшило лишь то, что случившееся могло нечаянно принести вред атмосфере дружелюбия, возникшей между российскими моряками и алеутами.

И Воронин поднес рисунок к лицу Кикулана, а затем широким жестом свободной руки обвел пространство вокруг — как еще было можно в самое краткое время объяснить вождю связь между окружающим и своим, странным, конечно, по мнению Кикулана, занятием?

Брови алеута сдвинулись. Он всмотрелся в рисунок и что-то уловил в нем, потому что отодвинул руку Воронина с бумагой, посмотрел на скалы, на корабли, перевел взгляд на рисунок... И улыбнулся.

Воронин облегченно перевел дыхание.

А Кикулан уже что-то говорил гортанно и быстро, показывая то на себя, то на бумагу, кивал головой, и длинный пучок из бурой шерсти сивуча вздрагивал на замысловатой шапке вождя.

— А что ж? — засмеялся Воронин, поняв просьбу Кикулана, — сделаем! Становись вон там, нет, подальше чуть.

Так в художественной летописи экспедиции появился рисунок с изображением алеутского воина и вождя.

Где они нынче, все эти рисунки? Спустя шесть долгих лет в адмиралтейских присутствиях участников экспедиции встречали как бы с некоторым недоумением. Впрочем, награды были новым государем утверждены и вступившим вслед за ним на престол очередным самодержцем не отменены. Лука Воронин получил должность канцеляриста с чином 14-го класса в чертежной мастерской Адмиралтейства.

И полетели годы — однообразные, как осенний дождь в ущельях петербургских переулков... А потом пришла старость, небольшой пенсион.

Лука Воронин не помнил хорошо — кажется, бородач наливал ему; кажется, он говорил о давних временах, когда чернели под пригревавшим весенним солнцем округлые лбы валунов на берегу Чукотки, и это значило: скоро лед начнет трескаться, разламываться, сходить. И тогда — корабли выйдут в океан. А может, и не говорил он этого, а только думал, представлял.

Он не сразу осознал, что половой — белобрысый парень в посконных штанах и рубахе — стоит возле стола, настойчиво

протягивает некий плоский прямоугольный предмет, завернутый в холстину.

— Ну? — Воронин поднял глаза.

— Никанор Митрофанович вот вам передать изволили: пускай, дескать, не беспокоится — не надоть. И должок, выходит, за вами-с.

— Должок?

— Так точно-с. Однако сказано Никанором Митрофановичем: «Не к спеху! Никуда не денется».

Воронин провел рукой по лицу. Во всем теле ныла страшная усталость, какой он никогда прежде не чувствовал.

Бородач сделал знак половому:

— Иди, малый, вон извозному услужить требуется...

И коснулся плоского прямоугольного предмета, положенного на край стола перед Ворониным:

— Это что?

— Эскиз. — Воронин проглотил вставший в горле комок. — Вывеску новую заказывали... Видать, не по вкусу пришлась...

— А ежели взглянуть? Не в укор?

— Чего ж в укор!

Холстина была снята, и открылась небольшая доска. По левкасу лежали негустые мазки, сливавшиеся в переходы синего, белого и черного цветов. По верхней кромке прорисовывались не то горы, не то облака. Плыли, пересекая середину, очертания корабельных парусов. А ниже, вдоль зубчатой кромки, скользили тени быстрых зверей, а может, не зверей, а бликов света, пробившихся сквозь туман...

— Это что ж за земля такая?

— Не знаю...

— Ишь ты! Вроде бухта... Паруса вон. А это вроде олени бегут. На что ж надеялся, человече?

— Здесь моряки бывают, странники. До гавани-то рукой подать.

— Странники вывесок не заказывают. А Никанор Митрофаныч этот — не странник. Скорее вроде валуна на берегу. Значит, тоскуешь?

Воронин не ответил. Он понимал, что нужно встать и уйти, но уж очень муторно было думать о морозной тьме за дверями, о ветре, хлещущем в лицо, о долгом пути на Петербургскую сторону, где в одном из доходных домов, в третьем дворе, винтовая, пропахшая кошками лестница ведет на четвертый этаж, в тесную и темную квартирку...

— Вот что, — бородач сдвинул брови. — Слушай-ка. Звероловы мы, с Колы. Рухлядишку добытую в казну сдавали... Я смекаю, пропадешь ты тут вовсе. Как все одно птица поморник на суше. И годами ты не младен, и малеванье нам твое, понятное дело, не требуется, однако душа человечья, она и есть душа — грех не пособить. Небось, крест на шее не зря. На той неделе, благословясь, с обозом и тронулись бы. Как смекаешь?

Лука Воронин сидел, закрыв глаза, внутренне напрягшись. И перед его мысленным взором расцветали средь расколотых льдин паруса. И бежали, бежали легкие, как тени, оленьи упряжки. Чтобы достигнуть новых, неведомых еще краев Земли.

Нет, я не берусь судить о действительной схожести узора на старинном алеутском панцире и на старой пластине от чукотской оленьей упряжи. Я думал и писал о подлинной и, может быть, сколько-то угаданной судьбе рисовальщика. Что же касается самих рисунков Луки Воронина, то они вместе с рукописью доктора Карла Мерка в 1887 году поступили в библиотечное хранение и сейчас находятся в Ленинграде, в фондах Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1945 году рисунки воспроизводились в книге В. Самойлова «Семен Дежнев и его время», в 1952 году — в книге Г. А. Сарычева «Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану».

РОМАН БЕЛОУСОВ

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ — БЕЗ ПОВОДЫРЯ

Очерк

> Из всех соблазнов мира
> Странствование — есть
> величайший.
>
> *Мариэтта Шагинян*

Москва — Берлин — Брюссель — Лондон

У него была мечта — пешком обойти земной шар. Мечта, вообще говоря, вполне реальная, если бы он не был слеп. Четырех лет от роду Василий Ерошенко лишился зрения. Набожная бабка отнесла заболевшего корью мальчнка в церковь, чтобы священннк помолился за выздоровленне ребенка. А все вышло наоборот. «С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца,— скажет он позже в своей автобнографнн.— К чему это, к добру или злу, я еще не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вздоха. Но разве я проклинаю ее? Нет, вовсе нет».

Василий Ерошенко имел право так сказать, потому что, несмотря на страшный недуг, его жнзнь, говоря словами М. Горького (о Н. Островском),— «живая иллюстрация торжества духа над телом». Начался этот подвнг, длившийся более полувека, в селе Обуховка, неподалеку от старннного города Старый Оскол, где он родился в январе 1890 года. Отсюда мальчонкой прнехал в Москву в школу для слепых. Здесь выучился нграть на скрнпке, гитаре н балалайке. После окончания школы поступил в оркестр прн ресторане. Казалось, так н пройдет жнзнь в угаре, под

возгласы подгулявших посетителей. Но тяга к знаниям, желание познать хотя и скрытый от него мир побуждали мечтать. Его одинаково влекли к себе книги и путешествия. Со временем он и сам станет путешественником и писателем, автором сказок, рассказов и очерков.

Имя Василия Яковлевича Ерошенко сегодня стоит в ряду землепроходцев и исследователей, много сделавших для развития дружеских отношений с народами стран Востока. Таких, скажем, каким был Герасим Лебедев, русский музыкант, создатель театра в Индии, Василий Мамалыга, возглавивший восстание бедняков в Индонезии, или Осип Гошкевич, трижды обогнувший земной шар и посвятивший себя Японии. С этой же страной свяжет на целые лета свою судьбу и В. Ерошенко.

Впрочем, маршруты его странствий значительно шире. Он много поскитался по свету. На Востоке прожил в общей сложности около десяти лет, оставив след, особенно в Японии и Китае. На японском языке в 1959 году было издано трехтомное собрание его сочинений*. В него вошли произведения, публиковавшиеся на рубеже двадцатых годов в японской и китайской печати. Большинство из них написаны на японском языке, которым к тому времени он вполне овладел. Вообще он знал более десяти языков. Эта его способность, как и феноменальная память и музыкальный слух, была компенсацией за нарушенный общий закон — природа брала свое, возмещала вдвойне на том, что оказалось ему доступно, наделив остротой ощущений и впечатлительностью.

Впервые Ерошенко отправился за границу в феврале 1912 года. Небольшая заметка «Путешествие русского слепца в Лондон», опубликованная тогда в журнале «Вокруг света», рассказывает об обстоятельствах его поездки. В ней говорилось, что воспитанник Московской школы слепых, двадцатидвухлетний В. Я. Ерошенко, до этого игравший около трех лет на скрипке в московских ресторанах, взял шестимесячный отпуск и один отправился в третьем классе железной дороги в Лондон. Поехать за границу он решился на скромные сбережения из своего заработка.

Зачем же понадобилось ему, слепому, совершить столь далекое путешествие?

Ответ давал тот же журнал. Говорилось, что в то время в Англии хорошо было поставлено дело образования слепых, вводились новые методы обучения. Для Ерошенко с его жаждой просвещения возможность продолжить образование являлась главной. Но кроме того, отправиться в дорогу его побудило желание «увидеть» мир. Для этого он изучил международный язык эсперанто, как и многие тогда, наивно полагая, что эсперанто поможет людям понять друг друга, устранит вражду между ними. Его поездка через Европу в Англию должна была

* Случилось так, что в Японии и Китае В. Ерошенко как писатель стал известен раньше, чем у себя на родине. Только в 1963 году Белгородское книжное издательство выпустило первый однотомник его произведений в переводе с японского, китайского и эсперанто, куда вошли сказки, рассказы, стихи, легенды и притчи, записанные автором во время странствий, а также воспоминания о В. Ерошенко видных японских и китайских писателей, художников, деятелей культуры.

продемонстрировать солидарность, взаимопомощь людей разных национальностей, как бы подкрепляя идею о братстве народов.

И действительно, русский слепец благополучно пересек Европу. В Варшаве, Берлине, Кёльне, Брюсселе, Кале — всюду его встречали заранее предупрежденные друзья.

По-дружески встретили его и на лондонском вокзале. Друзья же помогли ему добраться до города Норвуд, где находился Королевский институт н Музыкальная академия слепых. Ерошенко успешно прошел собеседование н был принят в институт. Скоро он убедился, что программа обучения здесь превосходит даже то, что он мог себе вообразить. Все было направлено к тому, чтобы слепой чувствовал себя полноценным человеком: бассейн, где не только плавали, но и учились спасать утопающих; дорожки для бега на роликовых коньках; стаднон для игры, где юноши, надев браслеты с бубенцами, орнентировались во время нгры по слуху. В Музыкальной академии слушали выдающнхся нсполнителей, выступали сами. Ерошенко упорно учился музыке, полюбил Бетховена, Генделя, Баха. Посещал Британский музей, много читал. Словом, казалось, сбылась наконец мечта н он близок к цели — преодолеть недуг, стать полноправным членом общества. Увы, скоро он убедился, что Англия отнюдь не та земля обетованная, какой она поначалу представлялась ему. И тут людн были поделены на богатых н бедных, удел последних, как и всюду, нищета и покорность. Но должна же быть в мире страна, где все равны, человеческая личность свободна, где царствует справедлнвость н каждый волен распоряжаться своей судьбой. Поиски ответа на эти вопросы прнвели его в Общество российских политэмигрантов, которых в те годы в Лондоне собралось немало. Он принимал участие в спорах, обсуждал вместе со всеми проблемы, которые волновали его, искал ответы на «проклятые» вопросы росснйской действительности: о земле, о положении крестьян, о воле. Здесь, в обществе, он услышал выступление самого П. А. Кропоткина, князя, порвавшего со своим классом н ушедшего в революцию. Мало того, Ерошенко встретился с этим лидером анархнстов н беседовал с ним. Встреча эта не сделала Ерошенко приверженцем идей Кропоткина, хотя н оставила след в душе, повлияв на его мировоззрение. С этих пор он еще больше уверился в несправедливом устройстве мира. Возможно, тогда-то н родилась у него мысль обойти нашу планету в понсках земли обетованной, того самого Беловодья — страны-мечты, достичь которую пытались многие русские бедняки, уверовав, что где-то за тридевять земель существует расположенный на больших островах рай земной. Вера в такую страну-утопию издревле жила на Руси, воплощая в себе поэтическую мечту о вольной стране, где царнт справедливость, побуждая отважных отправляться на ее поиски. Считалось, что легендарный остров Беловодье находнтся где-то на Востоке за «Опоньским царством» и «Китайским государством».

Впрочем, возможно, в Лондоне ему довелось услышать рассказы и о Шамбале — будто существующей на Востоке сказочной стране, название которой переводится как «Белый Остров». В сущности это то же самое, что н Беловодье, н находнтся эта страна счастья где-то около Индин. Так уже в Лондоне родилась у

В. Ерошенко и семья профессора Накамура

Ерошенко мысль побывать на сказочном Востоке, дойти до «Страны Радуги» и «увидеть» землю, где цветет чудесиый «Цветок Справедливости»,— так впоследствии иазовет ои две свои сказки.

Оставаться в Англии ему больше ие хотелось, да и отношения с руководством иинститута складывались ие лучшим образом. Характер у русского юноши был ершистый, самолюбивый. Ему претило, что держали его в колледже из милости,— ведь он ие мог платить за обучеиие, как те студенты, богачи, которые даже обедали вместе с профессорами.

Возвращаясь домой спустя восемь месяцев, ои понял, что заразился страстью к бродяжничеству. Отиыне жить по-старому не мог. Ветер странствий манил в дорогу. Ведь если в книгах — спасеиие слепого и они помогают позиать мир как бы вглубь, то путешествия должны раскрыть его вширь, дать возможность ощутить и вобрать в себя. Поездка в Англию показала, что ои, слепой, может путешествовать по свету одии. И вскоре в московском журиале появилось сообщение: «Слепой московский эсперантист господин Ерошенко, предпринявший в прошлом году поездку в Англию, отправляется теперь в Токио (Япония). Господии Ерошеико путешествует без поводыря».

Москва — Владивосток — Токио

На организацию поездки требовалось иекоторое время. Надо было списаться с друзьями в Сибири, которые помогли бы в дороге, как уже было, когда он ехал через Европу. Но главное —

предупредить японских эсперантистов о его приезде, найти тех, кто готов был принять русского слепца. А пока письма совершали свой неспешный путь, он начал изучать японский язык.

Ерошенко слышал, что в Японии жизнь слепых непохожа на жизнь их собратьев в других странах. Здесь им не приходится бродить с котомкой и посохом по дорогам, вымаливая милостыню. Тут они уважаемые люди, одни избирают профессию музыкантов, другие делают массаж, третьи лечат иглоукалыванием. На улице слепому уступают дорогу экипажи, ему всегда рады в доме бедняка и вельможи.

...Обрадовались приезду Василия Ерошенко и в доме профессора Накамура, с которым он заранее списался. У профессора, члена императорской академии, была большая семья — шестеро детей, но он не задумываясь принял русского гостя.

Свое первое путешествие совершил он по дому. Одновременно он изучал японский язык. «Накамура сказал, что день мне засчитывается за несколько месяцев и такому взрослому ребенку, как я,— шутил Ерошенко,— уже пора начать понимать по-японски». В этом ему помогала младшая дочка профессора, восьмилетняя Тосико. «Делает она это очень серьезно, как взрослая. Едва я притрагиваюсь к какому-то предмету, как она произносит его название. Я повторяю за ней, и, несмотря на мой варварский русский акцент, она не смеется надо мной — поправляет. Звучание слов записываю на карточках по Брайлю — буду ощупывать их по ночам и заучивать наизусть».

Первые недели прошли в знакомстве с обычаями и городом Токио. Профессор лично сопровождал гостя во время прогулок, приобщал к основам японской эстетики, знакомил с этическими понятиями, правилами общения японцев.

Так началось его познание Японии.

Однако, как заметил профессор, пора было уже Василию повзрослеть и пойти в школу. И однажды он сообщил ему приятную новость: министерство просвещения разрешило принять его в Токийскую школу слепых, правда, «студентом на особом положении».

Вскоре стало понятно, что означает «на особом положении»: Ерошенко отвели отдельную комнату для занятий, специально пригласили преподавателя массажа, а курс японской литературы читал ему профессор, знавший русский язык. Было ясно и то, что таким исключительным вниманием он обязан авторитету профессора Накамура.

В программу обучения входили четыре предмета — психология, медицина, музыка, японский язык и литература.

В школе слепых Василий подружился с пареньком Тория Токудзиро. С его помощью организовал здесь кружок эсперанто — обучал слепых с голоса, пел песни, а Тория переводил их на родной язык.

В то время японские приверженцы эсперанто собирались в кафе «Мацусита», бывали здесь и иностранцы, в том числе и Ерошенко, постоянный участник застольного веселья, шуток и споров. Часто звучала здесь и его гитара — неизменная спутница скитаний.

Еще в Англии он начал приучать себя свободно ориенировать-

ся на улице, совершая самостоятельные прогулки. Городской шум в Лондоне мешал ему определить ширину улицы, размер площади и т. п. И он стал бродить по ночам, тщательно изучая приметы города, его запахи. К той же «методе» он прибегнул и в Токио. В результате стал ходить по городу «по-зрячему», удивляя тем, как свободно ориентировался в шумном лабиринте токийских улиц. «Он шел, держа палку в правой руке навесу,— вспоминал очевидец его прогулок,— но не ударяя ею о землю. Когда слышал, что едет телега, позволял ей приблизиться и в самый последний момент уступал дорогу... совершенно точно, словно зрячий, сворачивал в переулок».

В Японии Ерошенко стремился расширить круг своих знакомых. Общение с учениками школы его не удовлетворяло, он был на голову выше уже тогда по своим знаниям, а главное, превосходил их по стремлениям.

И тут ему, можно сказать, повезло. Он познакомился с Акита Удзяку, тогда уже известным литератором, автором пьесы «Лес и жертва» — о несправедливом суде над японскими социалистами и казни их лидера, выдающегося революционера Катоку Сюсуй. С этого момента жизнь Василия Ерошенко обрела новый смысл. Японский друг ввел его в общество своих единомышленников, которые к тому же интересовались русским языком и литературой. Кружок энтузиастов собирался в лавке «Накамурая» в районе Синдзюку и пышно именовался «Общество красношапочников» — все его члены носили красные фески. В этом своего рода дискуссионном литературном клубе спорили о политике, об искусстве, о жизни. Душой общества была хозяйка кафе и лавки журналистка Сома Кокко. Для Ерошенко она стала как бы второй матерью, он поселился у нее в доме, обучал ее, как, впрочем и других членов кружка, русскому языку и остался ей благодарен на всю жизнь за заботу и доброту.

Он уже вполне прилично владел японским языком. Благодаря этому круг его знакомых расширялся. В их числе были писатели, актеры, художники, в частности, и такие, ставшие впоследствии знаменитыми, как Накамура Цунэ и Цурута Горо, оба оставившие нам великолепные портреты Ерошенко. Познакомился он и с Агнес Александер, дочерью президента университета на Оаху (Гавайи) и стал частым гостем в ее салоне. Здесь встретился с молодой журналисткой Камитика Итико, впоследствии активным деятелем Социалистической партии Встреча эта оставила неизгладимый след в его душе. Ничто человеческое было ему не чуждо. Его чувство к Камитика не было похоже на обыкновенную страсть, скорее это был тайный жар души, как говорит Хирабояси Тайко, японская писательница, в своем очерке о Ерошенко, опубликованном в 1972 году. Сама же Камитика отнюдь не питала к нему чувства, которое можно было бы назвать любовью. Увы, Ерошенко не знал тогда, что Камитика любила другого человека — известного литератора и революционера Осуга Сакаэ.

Каковы же, однако, были политические взгляды самого двадцатипятилетнего Василия Ерошенко? Они не отличались определенностью. Скорее их можно было считать стихийно-революционными. И прав был, пожалуй, Акита Удзяку, назвав-

шнй своего русского друга «революционером по иатуре», мечтавшим видеть всех людей свободными и счастливыми.

В доме Камитика, где Ерошенко встречался с Осуги Сакаэ, русский слепец, по словам Камитика, прошел хорошую школу, поскольку здесь часто собирались рабочие, велись оживлениые беседы и дискуссии.

На взгляды Ерошенко оказывала воздействие и та антивоениая пропаганда (это были годы первой мировой войны), которую вело революционное крыло японских социалистов, и прежде всего Сэн Катаяма — впоследствии один из организаторов Коммунистической партии Японии. С ним Ерошенко тоже позиакомится, но только позже, в Москве.

«Мир во всем мире — это нанбольшее благо»,— считал Ерошенко и не уставал пропагандировать идею дружбы народов, говорил, что еще со школьиой скамьи считал себя призванным быть одним из тех, кто должен помочь воплотить ее в жизнь. В своих статьях, публиковавшихся в японской печати, он утверждал: «Все люди на земле — братья, и их совместный труд мог бы превратить нашу планету в рай, мир во всем мире есть величайшее благо для всех народов. Но если это так, то почему же в Европе идет война? Почему ведется она с такой жестокостью, которую и представить нам трудно?.. Мне кажется, корень зла в иациоиальной вражде... И эту враждебность и национальное чванство воспитывает государство, раздувает правительство, культивирует церковь.

Но деятельиость сторонников мира ие осталась бесследной и еще принесет свои плоды. И сейчас, в годы войиы, мы продолжаем борьбу за мир и благородные идеи братства народов продолжают жить. Так будем же неустанно трудиться, ибо сейчас не время предаваться отдохновению, а время работать, время ие брать, а отдавать, время не получать выгоды, а идти на жертвы! Нынче время сеять, а не пожинать плоды!»

Часто выступал Ерошенко и с лекциями, в основном перед молодежью, рассказывая о русской литературе, русских народных песнях, которые тут же исполнял, аккомпанируя иа гитаре. И в этом смысле являлся пропагандистом русского искусства. Вообще говоря, иа всем его облике лежит отпечаток особой одухотворенности, можно сказать, артистичности, недаром его называли поэтом, хотя стихи он тогда еще не писал. И не случайно своей виешностью он привлекал художников: немного наивное, почти детское выражение лица, густые волнистые пряди льняных волос, свободно падающие по обе стороны высокого лба; необычайной была и одежда — косоворотка и сапоги. Эта его русская рубашка стала словно символом той культуры, которую он представлял и которая пользовалась большим успехом. Обликом своим он чем-то напоминал сказочного Леля. Лицо сосредоточеиное, с едва заметной, иесколько, может быть, печальной улыбкой, той самой, о которой китайский писатель Лу Синь скажет: «улыбка страдания». Таким изобразил Василия Ерошенко известный художник Накамура Цунэ — «япоиский Ренуар», как его иногда называют. В двадцатых годах эта работа была призиана лучшей картиной маслом в Японии; портрет не раз выставлялся иа выставках в Токио и Париже, а иыне находится в Государственном музее современного японского искусства.

Такое внимание художников к личности Ерошенко способствовало его популярности и как писателя, уже начавшего в то время публиковать в японских журналах свои сказки, проникнутые гуманизмом и болью за угнетенного человека.

Вскоре Ерошенко представился случай побывать на острове Хоккайдо. Ерошенко обрадовался: ведь он был «закоренелый бродяга» и ему не пристало засиживаться на одном месте.

Но всему, как известно, приходит конец. Окончилось и это непродолжительное путешествие. Ерошенко вернулся в Токио. Однако вирус странствий, живший в нем, пробудился благодаря этой поездке с новой силой.

Вскоре он заявил своим друзьям, что намерен отправиться в Таиланд:

— Хочу посмотреть, как живут люди в бедных странах Азии. Говорят, в Таиланде нет школ для слепых. Если будет возможность, побываю в Бирме и Индии.

Когда Ерошенко что-то планировал, то обычно осуществлял задуманное. Так было и в этот раз. Не откладывая, тронулся в путь. На Центральном вокзале в Токио 3 июля 1916 года собрались друзья Ерошенко, человек двадцать — тридцать, в том числе его покровитель и благодетель профессор Накамура, Акита Удзяку, художник Такэхиса Юмэдзи, Агнес Александер и другие.

Кобе — Гонконг — Сингапур — Бангкок

В порту Кобе он поднялся на борт парохода «Мисима-мару» и занял место в третьем классе среди бедного люда. Плавание предстояло долгое — почти месяц в море, с заходом в Гонконг и Сингапур.

В дороге с ним произошли два происшествия. В первую же ночь на пароходе он почувствовал себя плохо — температура, озноб. Капитан, подозревая тиф, собрался его высадить, да, к счастью, на борту оказался русский врач. Осмотрев больного, он установил у него всего лишь нервную горячку. Неожиданная встреча с соотечественником выручила Ерошенко, тот даже пригласил его перейти к нему в каюту первого класса.

Отчего он так нравится людям, размышлял Ерошенко? Или они спешат проявить к нему всего лишь сочувствие? А может быть, их привлекает его шевелюра? Однако, если и вызывал он чем-либо внимание, то, конечно, не только внешностью. Впрочем, его красная феска чуть было не ввергла его в неприятность. В Гонконге его задержал английский таможенник: слепой пассажир с мешком вместо чемодана, да еще в красной феске показался подозрительным. И к тому же дерзким. На вопрос чиновника, с какой целью он направляется в Бангкок, ответил: «Собираюсь покататься на слоне». И только после того, как русский консул удостоверил его личность, ему разрешили продолжить плавание.

Десять дней спустя Ерошенко был у цели своего путешествия: прошли Сиамский залив и вошли в устье реки Мекам, на которой расположен Бангкок.

Поначалу Ерошенко жилось вольготно. И хотя с деньгами было туговато — из 250 иен, с которыми он выехал из Японии,

давно ничего не осталось,— но семья, в которой он жил, и соседи заботились о нем.

Как и всюду, Ерошенко и здесь вскоре нашел много друзей. А прогулки по городу, знакомство с его причудливыми многочисленными пагодами, домиками на сваях, садами и базаром доставляли много приятных минут.

Немалый интерес вызывали у Ерошенко буддийские религиозные сооружения, так называемые пра-чеди, или ступы. Они по форме напоминали ему русские колокола, установленные на земле. Не раз бывал он около знаменитого святилища — храма изумрудного Будды, и ему объясняли значение буддийских символов, условно отображающих «три драгоценности» — триратну: Будду, дхарму — закон и сингху — общину. Те, кто приобщался к «трем драгоценностям», давали как бы обет почитать Будду и следовать основным требованиям его морали — не вредить жизни, не лгать, не красть, не употреблять вина и т. д.

Ерошенко с его неуемной жаждой знания стремился постичь буддизм, о знакомстве с ним свидетельствуют его сказки, написанные позже.

Верный своему принципу — изучить язык той страны, где живешь, он, чтобы преодолеть языковой барьер, начал заниматься тайским языком. Много читал, а со временем стал подрабатывать массажем. Каждый вечер к нему являлись два пациента. Деньги нужны были не только на жизнь, но и для дальнейших поездок. Он намеревался побывать в Бирме и Индии, съездить на остров Яву и изучить малайский язык, затем хотел посетить Аравию. После этого вернуться в Россию. «Так завершится мое первое путешествие по всему свету»,— писал он друзьям в Японию.

Но это были только планы, пока что он совершал поездки в пригороды Бангкока, знакомился с жизнью народа. И конечно, с тем, как обстоит дело обучения слепых. Огорчало, что в Таиланде нет для них школ, что правительство не выделяет для этого средств. Вот когда он понял, что «деньги обладают страшной силой»,— с человеком, у которого не было средств, никто не желал и разговаривать.

Убедившись, что местные власти абсолютно равнодушны к его прожектам, Ерошенко загрустил, чаще стал играть на гитаре, подолгу стоял у окна и прислушивался к концерту лягушек, вспоминая, как еще в Токио научился определять их по голосам. Или, как писал он сам, углублялся в себя.

Все говорило о том, что Ерошенко наскучила жизнь в Бангкоке,— бездеятельность была ему противопоказана. Прожив здесь шесть месяцев, он покинул страну и, похоже, всерьез решил реализовать задуманный план путешествий.

Моламьяйн — Рангун — Мандалай

Из Бангкока проще всего было попасть в Бирму по суше. Первым крупным городом на пути был Моламьяйн. В нем в январе 1917 года Ерошенко и сделал остановку. Его прибытие в город, где никогда не видели ни одного русского человека, стало сенсацией.

Чуть ли не все захотели увидеть необычного гостя из далекой России. Приходили в дом, где он жил, в школу для слепых, где в скором времени начал работать. Стояли, смотрели, удивлялись не только костюму приезжего — его неизменной косоворотке и сапогам, но и тому, что он вступал в беседу на их языке, а когда требовалось, переходил на английский и даже на пали, что было уж совсем неожиданным.

Ему предложили место старшего преподавателя и контракт на два года. Он горячо взялся за дело. По существу школу надо было создавать заново — набирать учеников. А как это сделать? Объявление в газетах ничего не даст — в глубинку они не доходят. И он отправляется по стране искать учеников. А когда их набралось около ста (всех привел Ерошенко), начались занятия. Однако проходили они необычным способом. Вместо того чтобы обучать детей, как плести корзины и вязать мешки, новый учитель начал преподавать историю, психологию и гигиену, обучал музыке и искусству массажа, а главное — «видеть» и познавать мир. Для этого вместе с детьми отправился в путешествие по стране, чем привел в замешательство школьный комитет. Но на своем настоял, хотя за разрешением пришлось съездить в Рангун.

В начале ноября 1917 года, вернувшись в школу, Ерошенко стал готовить концерт с участием слепых детей, разучивал с ними песни. Представление имело огромный успех. Сам Ерошенко пел в хоре с учениками, но особый успех вызвало его сольное исполнение.

На другой день ему предложили место директора, но он отказался, хотя его и настойчиво уговаривали. Да и сам понимал, что вряд ли еще представится такая возможность. «Но неужели я покинул Россию, чтобы стать директором школы слепых в Моламьяйне?» — вопрошает он в одном из писем.

Между тем из России пришла весть о свержении царя, о том, что там совершилась революция. Теперь власти проявляли к русскому интерес иного рода. За ним следит полиция, и он всерьез опасается ареста.

Весть, принесенная колониальным телеграфом, всколыхнула, заставила задуматься. Вот он бродит по свету, можно сказать, в тщетных поисках страны счастья, а между тем на его родине народ провозгласил своей целью создать именно такую страну, где все будут равны и счастливы. Так вправе ли он оставаться в стороне?

Хотя и трудно было расстаться с полюбившими его учениками, но он решил ехать в Индию. Оттуда легче добраться до России. Несколько особенно близких ему учеников проводили его в поезде до Рангуна. Здесь 12 ноября он сел на пароход, отправлявшийся в Калькутту.

Калькутта — Мадрас — Бомбей

Четыре дня спустя он прибыл в Калькутту. Друзей, которые помогли бы устроиться, у него здесь не было, пришлось снять комнату за сорок рупий.

Делясь в письме первыми впечатлениями от страны, вернее, о

тех, с кем приходилось в ту пору общаться (главным образом это были англичане, родившиеся в Индии), он подчеркивает, что «все они говорят только по-английски, презирают местных жителей и каждый при этом считает себя христианином». В то же время проницательно замечает: «Те, кто хочет создавать свои империи путем подавления малых народов, очевидно, боятся такой же революции, как в России».

Между тем обстановка для него складывается неблагоприятным образом. Полиция грозится интернировать всех русских или — того хуже — посадить в тюрьму. Пока что Ерошенко запрещают преподавать в калькуттской школе слепых. А через несколько дней он оказывается под домашним арестом. Так спокойнее: если он «красный агитатор», то ничего предпринять не сможет.

Оставалось ждать, когда же представится случай уехать в Россию. И такой случай представился. В порт пришел русский корабль «Евгения», команда которого, сместив капитана, решила вернуться на родину. Однако английские власти не давали разрешения на выход из порта. Предчувствуя недоброе, Ерошенко, как ему ни было обидно, отказался уехать. И поступил, видимо, мудро. Едва судно вышло в море, как стало известно, что заключен Брестский мир. Советская Россия вышла из войны. А раз так, можно обвинить ее в «измене» делу Антанты и захватить корабль. Что и было сделано. В одном из писем Ерошенко сообщал об этом: «Мои друзья из России предлагали мне возвратиться вместе с ними на русском пароходе, но я отказался. Они уехали, однако были арестованы в пути. А я, словно Иванушка-дурачок, оказался самым умным, уехал в Бирму и снова стал преподавать там в школе слепых».

Все верно, он действительно оказался снова в Моламьяйне, но только не уехал сюда, а бежал, да еще, по некоторым сведениям, переодевшись в японское платье.

Однако и здесь обстановка изменилась. Встретили его настороженно, не дети, конечно, а местные власти. «За мной постоянно следит полиция,— пишет он,— без конца наведываются шпики. Но в тюрьму пока не посадили». Утешение находил он в том, что продолжал собирать бирманский фольклор. «Сейчас я увлечен воистину прекрасными буддийскими легендами. Это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрывается новый, доселе мне неведомый мир — богатая символика, полная скрытых тайн и загадок...» Но мысль о возвращении на родину не покидала его. И вот он снова в той же калькуттской гостинице. Только положение его значительно усложнилось. Писем он не получал. Впрочем, предупреждал и сам, чтобы ему не писали,— «почти на все налагается арест». Ждать помощи было неоткуда. Что делать? Ясно одно — надо немедленно уезжать. Домой он решает вернуться через Японию, тем более что туда вскоре уходило японское судно. Но ему категорически отказывают. Корабль отбыл без него. И никто не мог сказать, когда отправится следующий. И снова тот же вопрос: что делать?

И снова он решил бежать. Возможно, надеялся в Мадрасе или Бомбее попасть на какое-нибудь другое судно? Так или иначе, он побывал в этих городах, но из Бомбея его вернули в Калькутту.

Видимо, тогда же, верный своим увлечениям и несмотря на обстановку, он записал и обработал один из устных вариантов популярного индийского цикла сказок о бесе Ветале («Рассказы Байтала»), создал по мотивам индийского фольклора притчу «Кувшин мудрости» (отголоски легенд и мифов Индии слышатся и в других произведениях В. Ерошенко, задуманных или написанных во время странствий).

Между тем власти, поразмыслив, решили, что этот слепой доставляет слишком много хлопот. Лучше просто-напросто от него избавиться и выслать, скажем, туда, откуда он приехал,— в Японию. В сопроводительном документе говорилось, что «господин Ерошенко высылается за пределы Британской империи как большевик...».

Шанхай — Токио

В начале июля Ерошенко снова в Токио. Прошло ровно три года с того дня, как он отправился отсюда в Таиланд. Друзья были изумлены и обрадованы, в честь его устроили вечер. На нем он сказал: «Я вернулся к вам, друзья, к тем, кто меня хорошо понимает и любит. Прошло долгих три года. За это время мне пришлось многое испытать. Ураган не раз силился меня утопить, а бурное житейское море поглотить. Но девятый вал судьбы миновал. Я благополучно достиг, наконец, тихой гавани. Море успокоилось, надо мной голубое небо, и я в окружении понимающих и любящих друзей, это и есть счастье».

Вернувшись в Токио, он поселился там же, на втором этаже у госпожи Сома на Синдзюку.

За эти годы многое изменилось в мире, происходили перемены и в Японии, куда также донеслось эхо орудийных залпов «Авроры». Многие японские друзья Ерошенко участвовали в политической жизни страны, в частности в создании Социалистической лиги. И сам он, как скажет впоследствии, «состоял членом общества по изучению и распространению социализма», был близок с деятелями революционного движения, некоторые из них станут потом коммунистами. Ерошенко выступал на собраниях социалистов, общества «Геминкай», позже участвует в работе II съезда Социалистической лиги.

Ветеран японской пролетарской литературы, коммунист Эгути Киеси в своих воспоминаниях рассказывал о том, как однажды присутствовал на собрании общества «Геминкай», где перед трехтысячной аудиторией выступал Ерошенко. Русский слепой поэт, как представил его председатель, произвел неизгладимое впечатление на собравшихся. Сорок минут говорил Ерошенко, и не было ни одного человека, кого не взволновала бы его речь. И хотя открыто он ни к чему не призывал, но, ловко манипулируя словами «чаша страдания», проводил мысль: чтобы освободить человечество, необходима революция, необходимо следовать примеру русских.

Японская полиция не могла не обратить внимание на этого русского. Уж не красный ли он агитатор, не агент ли большевиков? И полицейские тщательно изучали его сказки, публиковавшиеся в прогрессивных журналах. Нет ли в этих сочинениях крамолы? Следует заметить, что печатался Ерошенко во многих

В. Ерошенко и японский журналист Фукуока Сейити

журналах левого радикального направления, которые читала вся тогдашняя прогрессивная Япония,— в «Кайхо» («Освобожденне»), «Варэра» («Мы»), «Кайдзо» («Реконструкция») н других. Не удивительно, что имя Ерошенко стало пользоваться известностью, особенно средн передовой молодежи.

Способствовала этому, как отмечал Акита Удзяку, н его пропаганда русской революции, сыгравшая, по его же словам, огромную роль в Японии, где Ерошенко «был очень популярным человеком... в эпоху непосредственного влияния Великой Октябрьской революции...».

Принимал участие Ерошенко и в работе журнала «Танэмаку хито» («Сеятель»)— рупора революционной интеллигенции, прнзванного сыграть в Японии ту же роль, которую нграла в Европе группа «Клартэ», созданная Анри Барбюсом и объединявшая многих западноевропейских прогрессивных писателей.

Вокруг журнала сложилось литературное общество того же названия, активным участником которого был и Ерошенко. Движение «сеятелей» видело свою задачу в том, чтобы распространять правду о Советской стране, бороться под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», собирать средства в помощь голодающим Поволжья.

Естественно, что для властей Ерошенко оказался фнгурой, от которой спешили избавиться, тем более что он продолжал активно участвовать в левом движении. Первого мая 1921 года, когда он вместе со своими товарнщамн пришел на демонстрацню, его арестовали и два часа продержали в участке.

Вскоре, 28 мая, была запрещена деятельность Социалистиче-

ской лиги, с которой был связан Ерошенко. Два дня спустя специальным циркуляром министра внутренних дел Ерошенко решают выслать из страны. «28 мая,— писал Акита Удзяку,— у нас навсегда отняли Ерошенко». С этого дня по 4 июня, до того как он оказался на палубе судна, на борту которого под конвоем полицейского его надлежало доставить во Владивосток, Ерошенко содержался под арестом. Его бросили в холодную сырую камеру, без ботинок (во время ареста не дали даже одеться). Госпожа Сома принесла ему обувь, плащ и трость — их приняли, а еду взять отказались. «Мы кормим его так, чтобы только не сдох»,— ответили ей в полиции. Держали его в строгой изоляции, обращались, по словам Эгути Киеси, хуже, чем с бродячей собакой. Бдительные японские чиновники сомневались даже в его слепоте, грубо раздирая ему веки...

Все эти подробности об аресте и высылке Ерошенко стали известны позднее. А в те дни на вопрос Акита Удзяку, пытавшегося вместе с другим известным писателем, Арисимо Такэо, выяснить причину изгнания русского поэта, неопределенно заявили: «Оказывал дурное влияние...»

Цуруга — Владивосток — Харбин

4 июня 1921 года — последний день, проведенный Ерошенко на японской земле. Под конвоем полицейского его препроводили в порт Цуруга на западном побережье острова Хонсю. Здесь арестанта посадили на пароход «Ходзан-мару», следовавший во Владивосток. Полицейский, приставленный к нему, устроился неподалеку.

Через два дня «Ходзан-мару» доставило Ерошенко на родину.

О самом путешествии и что было с ним по прибытии во Владивосток Ерошенко сообщил в очерке «Прощай, Япония!». В городе несколько дней назад произошел переворот и власть захватили белые. Повсюду бесчинствовали солдаты, свирепствовал террор.

Поэтому задерживаться во Владивостоке не входило в планы Ерошенко. Он жаждал поскорее покинуть город, «где обстановка так же изменчива, как и погода», направив стопы в Европейскую Россию.

В день отъезда отправил Акита Удзяку письмо: «Сегодня я покидаю Владивосток и отправляюсь через Хабаровск, Читу и Иркутск в рабоче-крестьянскую Россию». Но на этот раз путешествие предстояло необычное и опасное — переходить линию фронта, пересекать нейтральную полосу, кишевшую белобандитами. «Говорят, сейчас очень трудно пробраться до Читы,— пишет он в том же письме.— Никто не верит, что я один смогу пробраться в Россию». Дело в том, что в Приморье, как и на всей территории Дальневосточной республики (ДВР), созданной по указанию В. И. Ленина в качестве «буферного государства», сложилась необычная ситуация. Японские войска высадились в Приморье и совместно с белогвардейскими частями Семенова и Каппеля оккупировали его. Вначале между войсками ДВР и оккупантами существовало перемирие, но в ноябре японские интервенты перешли в наступление против армии ДВР, занимавшей позиции

по реке Уссури. Поэтому, как многие и предполагали, путешествие Ерошенко кончилось неудачей. На поезде он добрался до станции Евгеньевка, а дальше начинались передовые позиции частей Каппеля, и пути не было. Как ему сказали, до станции Уссури можно было добраться только на порожняке. Прибыл он туда, когда красные готовились ее оставить, взорвав остатки моста через реку. «Мне, конечно, хотелось уехать отсюда раньше, чем начнутся бои, но на территорию, занятую красными»,— признается Ерошенко. Однако через реку уже никого не пропускали. Каким-то образом Ерошенко все-таки добрался до станции Иман, где проходила временная граница ДВР. И снова неудача: охранную службу здесь нес эсеровский отряд н командир его наотрез отказался пропустить Ерошенко. До новой России было рукой подать, но попасть туда ему не позволили. Ерошенко оказался словно в мышеловке и решил следовать в Китай. Пересечь границу и добраться до Харбиина было куда проще, чем переправиться через линию фронта.

Шанхай — Пекин — Хельсинки

Однако и в Харбине обстановка к тому времени осложнилась. В городе скапливалось все больше белогвардейцев. Начались аресты рабочих, прогрессивных интеллигентов. Со дня на день могли взять и Ерошенко, тем более что за ним шла слава высланного из Японии «большевика». На этот раз — от греха подальше — он сам решил оставить город. Списавшись с молодым шанхайским эсперантистом и литератором Ху Юйчжи, Ерошенко уехал в Шанхай.

...Когда-то, по пути нз Калькутты в Токио, он уже побывал здесь, правда не успев познакомиться с городом. Теперь у него было время. После заиятий в Институте языков мира, в котором он стал преподавателем, Ерошенко отправлялся бродить по улицам. К счастью, он встретил двух друзей, которых знал еще по Японии. Они всюду бывали вместе. Китай служил для них загадкой, разгадывать которую не было уже ни настроения, ни сил. «Я думал о Европе,— признается он,— мои друзья мечтали об островах Южных морей или о Тибете»,— писал он в «Рассказах увядшего листка», созданных в Шанхае и принесших ему шнрокую известность.

В этот тяжелый для него момент Ерошенко прнгласили преподавать эсперанто в Пекинский университет. Прнглашение нсходило от Лу Синя н его брата Чжоу Цзожэня. К тому времени в Китае уже знали творчество Василия Ерошенко, знали о его горькой судьбе. Это в первую очередь и прнвлекло к нему внимание такого выдающегося писателя, как Лу Синь. Китайские журналы н газеты тех лет сообщили о высылке Ерошенко из Японии, о жестоком с ним обращении, и в ряде страи Востока поднялась волна протеста в защиту слепого поэта.

По-своему принял участие в этой общественной кампании и Лу Синь. Еще не зная Ерошенко лично, он перевел н опубликовал некоторые его сказки. В предисловии к ним объяснил, почему так поступил: «Мне хотелось, чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у монх соотечественников пробудились

ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство». И вот, узнав, что Ерошенко в Шанхае, китайский писатель принял горячее участие в судьбе русского скитальца. Мало того, он предложил Ерошенко поселиться в его доме.

Гостя поместили в специальном флигеле, где обычно устраивали приезжих. Часто Лу Синь приходил к нему, располагался в кресле, закуривал сигарету, и начиналась беседа (говорили по-японски): о Китае и Японии, о японской и немецкой литературе, о России и о ее писателях, о произведениях Ерошенко и многом другом. И конечно, о русской революции, в которой оба видели начало новой эры.

Став преподавателем Пекинского университета, Ерошенко как бы попал в эпицентр культурной жизни тогдашнего Китая.

Лекции он читал в большой аудитории, выдержанной в китайском стиле. В своей неизменной косоворотке, он сидел перед слушателями и водил пальцем по бумаге, на которой выпуклым шрифтом был записан текст лекции. Рядом находился Чжоу Цзожэнь, брат Лу Синя, и переводил то, что говорил Ерошенко, с эсперанто на китайский язык. Чему же посвящал он свои выступления? Русской литературе, чаще всего творчеству Л. Андреева, знакомил с содержанием его произведений. И двести юношей и девушек, заполнявших аудиторию, усердно записывали слова слепого лектора, стремившегося прежде всего привлечь внимание к темам борьбы за свободу, гуманистической линии в русской литературе, выступавшей за униженных и оскорбленных.

Не остался Ерошенко в стороне и от политической жизни той поры. И здесь, в Китае, он участвует в первомайской демонстрации, во время которой поет «Интернационал», тогда еще не переведенный на китайский язык, выступает на вечере в народной школе при Пекинском университете, где в этот раз поет песню о Степане Разине, аккомпанируя себе на гитаре. К его досаде, не все понимали ее смысл. Тогда Лу Синь, переговорив с Ерошенко, специально пересказал ее содержание и опубликовал в газете «Чэнь бао».

Жизнь Ерошенко в Пекине протекала более спокойно, нежели в Токио. Часто в компании с кем-нибудь он отправлялся верхом, обычно на осле, так как передвижение на рикше всегда категорически отвергал, а другого транспорта в Пекине в ту пору не было.

Случалось, он вместе с Лу Синем посещал торговую улицу Люличан, в особенности ему нравились лавки антикваров, где он подолгу ощупывал всевозможные резные фигурки, изделия из фарфора и глины. «Есть большой и шумный Пекин,— писал Ерошенко.— Но мой Пекин — иной, скромный и тихий... Люди моего Пекина — простые и честные труженики. В этом городе, среди молчаливых людей сердце мое немного успокаивается. Но, увы, оно не может быть абсолютно спокойным и, должно быть, никогда не сможет».

Часто он признавался, что ему здесь грустно и горько, вспоминал о времени, когда вместе с друзьями мечтал «вырвать общество, государство, человечество из рук богачей и убийц, вырастить сад свободы на земле». Он тосковал даже по кваканью лягушек, о чем говорит Лу Синь в рассказе «Утиная комедия», посвященном его русскому другу и проникнутом печалью разлуки

с ним. Дело в том, что летом 1922 года Ерошенко покинул Пекин и отправился в Хельсинки на Международный конгресс эсперантистов. В Пекине друзья уже не надеялись на его возвращение, как вдруг четыре месяца спустя он снова появился в доме Лу Синя. На недоуменный вопрос отвечал, что вернулся, так как должен закончить курс в университете. Однако мыслями и чувствами он был уже в Москве, где побывал проездом в Хельсинки и обратно. Понимая, что предстоит навсегда расстаться с Китаем, он совершил как бы прощальную поездку — посетил города Ханчжоу и Шанхай. Вернувшись, стал готовиться к отъезду на родину. Весной, едва представилась возможность, он тронулся в путь.

15 апреля 1923 года Лу Синь записал в своем дневнике: «Ерошенко уехал на родину».

Пекин — Москва — Нюрнберг — Париж — Вена — Москва

Вернувшись из Китая и наконец-то ступив на родную землю, Василий Ерошенко со свойственным ему нетерпением и интересом старался постичь суть революционных сдвигов, новых человеческих отношений. В Советской России он увидел воплощение вековых чаяний человечества — претворение в жизнь подлинной свободы, социальной справедливости и счастья.

Побывав в родной деревне Обуховке, он вернулся в столицу. Но «оседлая» жизнь, как видно, и в самом деле была не для него: он привык к передвижению, к смене впечатлений, к шуму новых городов. Им вновь овладевает «охота к перемене мест», его вновь манят странствия. Ждать случая долго не пришлось. В Нюрнберге летом 1923 года должен был состояться Международный конгресс эсперантистов, и Ерошенко отправился туда в числе советских делегатов. Летом 1924 года он уже в Париже, а спустя некоторое время — в Вене на Международном конгрессе слепых. Домой вернулся в сентябре через Гамбург на советском пароходе.

В Москве действовал тогда Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Ерошенко предложили быть переводчиком у слушателей-японцев. Приблизительно тогда же состоялось его знакомство с Сэн Катаямой, который тепло отзывался о Ерошенко, высоко оценив его как переводчика общественно-политической литературы. В ноябре 1927 года у Ерошенко произошла еще одна памятная для него встреча. На Красной площади во время парада и демонстрации он неожиданно встретил Акита Удзяку, прибывшего на празднование 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Впереди у него были странствия по родной стране — на Чукотку, куда он добирался через уже знакомый ему Владивосток и где собрал народные сказания, составившие цикл рассказов «Из жизни чукчей»; по Военно-Грузинской дороге, по Каспию и Волге, Донбассу и Карелии, в Узбекистан, Казахстан и Туркмению, где заведовал первым в этой республике детским домом для слепых и разработал национальный туркменский алфавит по системе Брайля.

После войны вернулся в Москву. Как всегда, вел активную литературную и общественную жизнь — писал статьи и очерки, играл (и неплохо) в шахматы, выступал с лекциями...

Все, кому приходилось встречаться с Василием Ерошенко, отмечают его глубокие познания в различных областях: литературе и языкознании, истории и музыке, медицине и философии. В истории известны случаи, когда пораженный слепотой человек становился деятельным членом общества, достигал высокого положения как специалист, скажем крупный английский математик Н. Саундерсон, ослепший через несколько месяцев после рождения в 1683 году, а к концу жизни возглавлявший кафедру математики в Кембриджском университете, или известный арабский поэт и литературовед Таха Хусейн, родившийся в один год с Ерошенко и потерявший зрение, как и он, четырех лет. Но если у Таха Хусейна была возможность получить блестящее образование, то Василию Ерошенко, выходцу из крестьянской среды, в условиях царской России приходилось всего добиваться собственным трудом и упорной работой над собой. Он проходил свои университеты, путешествуя по городам и странам, встречаясь и беседуя с такими мыслителями и учеными, как П. Кропоткин и Сэн Катаяма, Рабиндранат Тагор и Лу Синь, Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел.

Говоря словами А. Чехова, у него был «талант человеческий» и — надо добавить — литературный. Когда однажды ему вручали на Международном конгрессе поэтов-эсперантистов награду, прозвучали справедливые слова о том, что «приз получает не только его поэзия, но и вся подвижническая жизнь Ерошенко». И зал встретил эти слова овацией.

Да, подвижническая жизнь Ерошенко не может не вызвать восхищение, он служит своего рода ориентиром мужества, примером, который учит преодолевать жизненные невзгоды, не падать духом в трудные минуты. Размышляя о его поразительной судьбе, хочется прежде всего отметить присущую Ерошенко истинно горьковскую любовь к людям. Ею проникнуты все его произведения, зовущие к добру, это же чувство — любовь к человеку, стремление познать его побуждало поэта-слепца к странствиям по свету. Поэтому глубоко справедливыми представляются слова, которые сам Ерошенко просил высечь на его могильной плите: «Жил, путешествовал, писал».

О нем и сегодня помнят в Японии. К тридцатилетию со дня смерти В. Ерошенко (он умер в деревне Обуховке 23 декабря 1952 года) в Токио вышло новое издание работы Такасуги Итиро «Песнь на рассвете. Жизнь слепого поэта Ерошенко». Книга дополнена материалами, собранными автором во время поездки в нашу страну в 1982 году. Жизнью и творчеством Ерошенко продолжают интересоваться и в Китае. Об этом мне рассказывал в прошлом году в Москве на Международной встрече переводчиков советской литературы Гэ Баоцюань — известный литературовед, подаривший мне свою новую работу «Лу Синь и Ерошенко».

Не остывает интерес к Ерошенко и в нашей стране. В 1977 году издательство «Наука» выпустило том избранных произведений писателя и путешественника, появляются все новые публикации и исследования о нем. В Обуховке на сельском кладбище установлен памятник поэту-путешественнику. Земляки готовятся открыть музей В. Я. Ерошенко — человека горячего сердца, яркой и удивительной судьбы.

АЛЕКСАНДР РОГОВ

БЫЛЬ О ЛЕГЕНДАРНОМ ФРЕГАТЕ

Очерк

В моей коллекции, из года в год пополняемой подводными сувенирами, иа видном месте лежат два медных кованых гвоздя и кусочек дубового шпангоута. Я взял их с морского диа в одной из бухт Татарского пролива. Эти предметы имеют отиошение к истории боевого парусиого корабля — фрегата «Паллада», затонувшего там более века назад.

В 1850—1852 годах в Петербурге было принято решение о посольстве в Японию. Поход предстоял морской, и путь был почти кругосветный, для этой миссии сиаряжено было три судиа, флагманом иебольшой флотилии изиачалась «Паллада». Возглавил миссию вице-адмирал Е. В. Путятин, а секретарем был известный уже в то время писатель И. А. Гончаров. В 1852 году посланники отбыли из Кронштадта.

Фрегат «Паллада» был спущен на воду с Охтинских верфей в 1832 году и вошел в состав Балтийской эскадры, которой в то время командовал адмирал Беллинсгаузен, известный своими исследованиями Антарктиды. Первым капитаном фрегата был тогда еще молодой, впоследствии прославленный флотоводец Нахимов. И вот, двадцать лет проплавав по ближним и дальним морям, «Паллада» была сиаряжена в иелегкое кругосветное плавание, командиром фрегата изиачается капитан-лейтенант Иван Семенович Унковский, прославившийся рейдом «Паллады» и ставший впоследствии адмиралом.

Парусный 44-пушечный корабль два года добирался к берегам Страны восходящего солнца, в бескрайних просторах трех океанов четыреста семьдесят русских моряков — экипаж судна — представляли собой, по словам Ивана Александровича Гончарова,

«как бы маленькую Россию», это ощущение и крепкая морская дружба помогли преодолеть все трудности и невзгоды.

За время пути по морям и океанам много интересного наблюдал писатель и на воде и на суше при заходах корабля в порты и гавани заморских стран.

Сотни раз Иван Александрович видел отход фрегата с рейда, слаженную работу матросов и офицеров при подъеме якорей и постановке парусов. В пути случались и штили и жестокие штормы, и теперь, читая путевые записи Гончарова, живо и образно представляешь себе поход фрегата и сопровождавших его судов. Нам видится и синее, синее тропическое море, слышен шум авралов и грохот волн, мы вместе с матросами представляем себя купающимися в спущенном за борт парусе — все это образно и правдиво. Но еще более сильно писатель рассказал нам о суровом и нелегком труде матросов на парусном судне. Поэтому кроме лирических и образных натурных зарисовок живых сцен с интересом читаешь рассказы Гончарова о современном ему парусном судне и видишь в нем не столько белокрылый символ, олицетворяющий могущество человека и его победу над силами природы, сколько доказательство бессилия людей «одолеть воду». Иван Александрович писал: «Посмотрите на постановку и уборку парусов вблизи, на сложность механизма, на эту сеть снастей, канатов, веревок, концов и веревочек, из которых каждая отправляет свое особое назначение и есть необходимое звено в общей цепи; взгляните на число рук, приводящих их в движение. И между тем к какому неполному результату приводят все эти хитрости. Нельзя определить срок прибытия парусного судна, нельзя бороться с противным ветром, нельзя сдвинуться назад, натолкнувшись на мель, нельзя поворотить сразу в противную сторону или остановиться в одно мгновение. В штиль судно дремлет...»

Однако на рейд города Нагасаки фрегат вошел и бросил якорь. Начались длительные переговоры, которые японская сторона всячески затягивала и усложняла, за несколько месяцев стоянки судов миссии в гавани Нагасаки русских матросов и офицеров ни разу не пустили на японский берег и весь дипломатический контакт осуществлялся на «Палладе» через посредников и переписку.

Хотя договор Е. В. Путятиным и был заключен (1855 г.), переговоры пришлось прервать: разразилась Крымская война (1853—1856 гг.), в связи с чем посольство было отозвано, и маленькая горстка судов превращается в боевое звено, которое уходит к восточным берегам России.

Фрегат, достигнув Татарского пролива, еще не носящего этого имени, пытается пройти в устье Амура или Охотское море, но мели и течения не дают этого сделать, и «Паллада» бросает якорь в одном из глубоких заливов Азиатского материка. Гончаров так описывает этот залив: «Мы входили в широкие ворота гладкого бассейна, обставленного крутыми точно обрубленными берегами, поросшими непроницаемым для взгляда мелким лесом: сосен, пихты, лиственницы. Нас охватил крепкий смоляной запах. Мы прошли большой залив и увидели две другие бухты, направо и налево, длинными языками вдающиеся в берега... В маленькой

бухте, куда мы шли, уже стояло опередившее нас наше судно «Кн. Меншиков», почти у самого берега... Мы стали на якорь».

Залив этот потом будет называться Императорской Гаванью.

После осмотра фрегата на стоянке выяснилось, что судно, потрепанное штормами, нуждается в ремонте.

Летом, ближе к осени, Гончаров отбыл на родину, воспользовавшись шхуной «Восток», входившей в их группу. Более легкое судно прошло проливом между Сахалином и материком, и секретарь посольства через Сибирь и Урал на лошадях и лодках уже к весне следующего года добрался в Петербург.

А с «Палладой» судьба распорядилась так: к этому времени в Японское море пришел более новый фрегат «Диана», на который с «Паллады» передали пушки и перешла основная часть команды. Разоруженный и обезлюдевший фрегат остался зимовать в бухточке, которая стала его последним пристанищем. Те моряки и приданные для охраны судна казаки, которые поселились на берегу, разбили палаточный лагерь, спустя некоторое время переоборудованный в береговой пост. И по сей день эта бухта так и называется — Постовая.

Две зимы оставался фрегат, скованный льдами, в бухте, отчего корпус его в конце концов дал течь, и в 1856 году было приказано затопить корабль, дабы «не дать неприятелю случая похвастаться захватом русского судна». На Дальневосточном морском театре военных действий в то время преобладали суда союзников Турции — Англии и Франции, и решение о затоплении «Паллады» было осуществлено: мичман Разградский взорвал корму судна, и оно легло на грунт.

Теперь на крутом берегу бухты Постовая возвышается чугунный крест. Это могила многих из тех, кто служил на береговом посту и вдали от родных мест погиб от цинги, лишений и голода. Маленький рукотворный памятник напоминает о последних днях горстки людей, чья судьба была связана и с историей «Паллады». Это дорогой нам памятник, но есть много нерукотворных памятных мест, которые оставил рейд фрегата и судов сопровождения,— среди них названия островов, полуостровов, заливов, бухт, которые легли на карты и получили описания в лоциях Японского моря.

Командами судов были проведены опись и съемка восточного берега Кореи и прилежащего берега России, ими были открыты острова Путятина, Рейнеке, Римского-Корсакова и заливы Посьета и Ольги.

Много имен увековечил рейд «Паллады», большинство из них — это славные имена капитанов и офицеров тех судов, которые участвовали в походе. Поэтому, приступая к погружениям для поиска фрегата, мы тщательно подготовились и с нетерпением ожидали минуты, когда сможем взглянуть на легендарный корабль, прикоснуться к нему рукой и поснимать его под водой. Мы были готовы к спуску, но, прежде чем пойти под воду, пришли к братской могиле у бухты Постовая. К подножию чугунного надгробья чьи-то заботливые руки положили луговые цветы. Сквозь ветви лиственниц долетал до нас отдаленный шум порта, не нарушающий, а скорее подчеркивающий царящие здесь тишину и покой.

Наша группа обследовала причальные сооружения в порту Ванино, н мы хотели воспользоваться счастливым случаем и приложили усилия, чтобы посетить затопленный поблизости парусный корабль. Надо сказать, что историю «Паллады» мы нзучили и знали достаточно полно. Нам были известны осиовные конструктивные параметры корабля, его маршрут н приблизительные, в пределах сотни метров, координаты нахождения его останков. Поэтому, ориентируясь по описаниям Гончарова н данным Центрального военио-морского музея в Ленинграде, готовим место первого погружения. Орнентиром нам будет служить лишь пятидесятиметровый капроновый шнур с грузилом на конце, размеченный красными флажками на метровые отрезки.

Линь заброшен в предполагаемом направлении, н я, надев гидрокостюм, первым погружаюсь в воду. Ныряю вдоль белой струиы шнура, перед маской мелькают отметины глубины, н если смотреть вниз вдоль натянутой веревки, то видно всего шесть-семь отметок. Не очень надеясь на успех с первого раза иайти корпус судна, решил все же достигнуть дна, но вместо ровного откоса на глубине 22 метров начинаю различать очертания темного предмета. Подплываю к нему н убеждаюсь, что это обросшие водорослями н заселенные актиниями шпангоуты,— «Паллада» найдена. Но не таким рисовался в моем воображении корабль, перед глазами глыба, в которой едва угадываются обводы судна, оио лежит иа откосе, зарывшись левым бортом в его крутую стенку.

Прн первом н беглом осмотре корпуса фрегата я убеждаюсь, что проникнуть внутрь его ие удастся, так как палуба сильно захламлена н разрушена, а иллюминаторы заросли или забиты илом. Придется осмотреть корабль снаружи. Мне вспоминаются отчеты водолазов, работавших здесь в 1887, 1914, 1936 н 1940 годах, есть там н такие фразы: «Дуб очень тверд, а чугун — как сыр»,— а вот латунные н медные детали, по нх мнению, сохранились намного лучше.

Водолазные обследования фрегата были многообещающими, в 1940 году, например, решили нзвлечь «Палладу» с морского дна как музейную н историческую ценность. Но снова, как н почти 100 лет назад, война вмешалась в судьбу овеянного легендамн корабля. Остался он лежать на дне залива, к величайшему огорченню тех, кто знал о его иепростой судьбе, мечтал видеть судно на сухопутном памятном приколе — пьедестале.

Всплываю на поверхность н прнглашаю последовать за собой товарищей, объясняю: фрегат найден, нам повезло в первом же погружении.

Плаваем у правого борта, кормовая часть судна высотой около 5 метров вся в зарослях и морских животных. Морские обитатели заселили не только наружные поверхности, но н внутрн видно нх прнсутствие. Через иллюминаторы н полусгнившие бойницы проплывают рыбки, видны моллюски, вот перед маской зашевелились острия — это краб, выставив клешни, пятится в щель между шпангоутами. Вокруг много морских звезд н актиний, последнне в полутьме глубины кажутся бледно-зелеными н прозрачнымн, нашн фонарики робкими лучиками высвечнвают яркне пятна на заснувшем борте корабля. Вот актнния, она нз зеленоватой под

волшебным лучом фонаря становится оранжевой, а кусок медной обшивки начинает играть всеми цветами радугн — на нем н рачьи домики балянусов, н яркне мшанки, и запутанные лабнрннты домиков-тоннелей морских червей. Замечаю, что поверхность медной обшивки там, где она свободна от обрастаний, почти не разрушена, да н за тридцать лет после внзита водолазов, наверное, ничего здесь не нзменилось. Пытаемся отломить лист обшивки, но он вместе со шпангоутом обрывается вниз, поднимая клубы мути.

Плыву к корме н хочу отыскать памятную по запнскам Гончарова его каюту. Палуба проломлена в нескольких местах, в одно нз погружений водолаз, пробнраясь по ней в своих громоздких н тяжелых доспехах, провалился вниз головой, н его с трудом спасли. Наш десант на «Палладу» легководолазный, н мы свободно плаваем вокруг торчащих полусгнивших бревен н металлических листов.

По описанню помню, что на корме перед каютой была часть палубы — шканцы н вблизн стояла грот-мачта — это бревно «фут во сто длины н до 80 пуд весом», но ни этой ни другой мачт нет, наверное, и их, как н весь такелаж и снасти, сняли перед затопленнем судна. Каюта Гончарова была маленькая, всего два на трн метра, имела окно, через которое писатель видел море, а ее потолком служила кормовая часть верхней палубы — ют. Это хорошне орнентиры, н мне удается отыскать возвышенне с двумя горнзонтальными площадками, которыми могут быть н ют н шканцы. Переплываю через борт н нщу проем — окно каюты, здесь на борту есть темные глазннцы, но та ли это находка? Хочется верить, что та.

Мои товарнщи жестами прнглашают плыть в сторону носовой части судна. Плывем вместе, длина фрегата более 50 метров, а ширина палубы — метров 15, и если плыть у верхней кромки одного из бортов, то противоположного борта н не видно в дымке глубины.

Вот и бушприт, он обломан, но стремительность судна прослежнвается по его форме, венчающей могучий брус форштевня. Очертания носовой части корабля более отчетлнвы, видны клюзы — люкн, сквозь которые травилн н выбнрали якорные канаты. Подплываю к одному нз них н, памятуя отчет водолазов, без труда отламываю кусок чугунного обрамления. Пласт чугуна рассыпается в перчатках, н я невольно сравниваю его с сыром, хотя сыр может быть н прочнее.

Холод дает себя знать, н я, как что-то хорошо знакомое, но забытое сквозь сознанне, ставшее будто заторможенным и работающим на малых оборотах, вспоминаю: а ведь корма-то была разрушена взрывом, вот поэтому я н не нашел каюты Гончарова.

Показываю на клюзы н прнглашаю напарника вннз на площадку дна, где могут сохраниться якоря «Паллады». Пытаемся отыскать следы якорных канатов н сами якоря, плавая под форштевнем. На фрегате были адмиралтейские якоря — махины в два метра размером, отлитые нз чугуна. Ищем следы канатов, для нас это путеводная нить, которая может прнвести к находке. Гончаров так описывал якорный канат: «... канат — это цепь по-морскому, держит якорь в 150 пуд».

Вблизи судна ничего похожего нет, отплываем от берега немного мористее и находим на склоне извилистый валик, который выступает из отложений ила. Мне он и формой и размером напоминает хобот слона. Путеуказующий бугорок то исчезает, то появляется вновь на уходящем вглубь откосе. Наш глубиномер показывает предельное значение, но плывем еще немного, и перед нами бугор ила, под которым может быть скрыт и якорь. Показываю товарищу фотобокс и отдаю его, а сам начинаю разгребать слой ила. У моего гидрокостюма есть перчатки, а напарник в более легком одеянии, и он может поранить руки о металл, хотя чугун и «мягче сыра». Вокруг поднимаются облака мути, которые заволакивают и меня и раскопки, но очень хочется завершить погружение находкой. Наконец в подводном раскопе нащупываю продолговатый предмет, он похож на веретено якоря. Поверхность находки шероховатая, и похоже, что это металл. Перебирая пальцами ил и кусочки твердых включений в нем, ищу шток якоря — деревянную поперечину, вставляемую в один из концов веретена. На другом конце якоря должны быть лапы с перьями, но их не раскопать — они наверняка глубоко зарылись в грунт. Вот и обломки штока — сомнений нет, мы нашли якорь и можем предположить, что он с «Паллады».

Якорь нам не поднять, но мы стараемся запомнить место, а вдруг еще пригодится. Поглядывая по сторонам, всплываем на уровень палубы. Прощальный взгляд на корабль — как сильно отличается он от той копии, которую видел я в музее. Там модель «Паллады» изображает судно при полном парусном вооружении, все блестит и сверкает на палубе, а здесь сквозь сумрак видны нам лишь участки корпуса и отдельные его детали, которые и не сразу угадаешь. Нужно богатое воображение, чтобы мысленный образ совпал с действительным. Мы фотографировали при погружении «Палладу», но вспышка от моей самодельной лампы освещала лишь ограниченные участки корпуса судна и парящих над ним моих товарищей.

Итак, мы всплываем. Путь нам указывает все тот же линь, но теперь каждый приближающийся флажок все ярче и краснее, он будто напоминает, что путешествие в страну воспоминаний закончено. Я плыву медленно, слои воды становятся теплее — приближается поверхность, а с ней и уверенность, что тот образ, который был создан сознанием, совпадет с образом, увиденным в натуре, в морской глубине.

Прощаясь с кораблем, захватили мы с собой на поверхность лист медной обшивки, кусок шпангоута и два медных кованых гвоздя. Теперь цветной металл обсох, и зелень стала ярче, а морские животные и растения давно пооблетали. Куски же шпангоута, высохнув, еще долго дарили нам запахи моря, и если товарищи, приходя ко мне и рассматривая почерневший и затвердевший кусочек мореного дуба, сомневались в его происхождении, то я советовал им понюхать изъеденную морскими древоточцами дорогую мне находку.

ЮЛО ТООТСЕН*

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

Очерк

Мы живем в Пиме. Вообще-то «пим» на языке хантов — это меховой сапог, но село, приютившее нас, названо так по реке.

В начале лета река Пим, вобрав в себя талые воды, становится широкой — от берега до берега метров двести, не меньше — н по-спринтерски стремительной. Купаться в ней не тянет — вода все же холодная. Другое дело — порыбачить: из сибирских лососевых здесь водится нельма, есть щука, окунь, язь и плотва. Зимой река, присмиревшая, лежит под толстым ледово-снежным панцирем. Лишь лыжни да санная колея, ведущие к геологам и буровикам, отмечают ее русло.

Справа, на крутояре, шумит темно-зеленый кедровник, на левобережье простирается болото, н там, на непролазных летом марях, торчат буровые вышки.

Вот на этой реке и стоит село Пим. Несколько десятков небольших, но крепких изб теснятся на берегу, возле каждой — хлев. Свиньи и поросята в тепле, а лошадей даже в морозы держат во дворе под навесом. Впрочем, лошадей здесь немного, на все село — раз-два — и обчелся. Зато собак не счесть, как не определить и породу этих четвероногих друзей.

Есть в Пиме школа-интернат, есть продуктовый и промтоварный магазины, амбулатория, контора связи.

Зимой в селении жизнь затихает. Ханты уходят в тундру со

* Журналист Юло Тоотсен — корреспондент Эстонского телевидения, который вместе с большой группой комсомольцев Эстонии принимал непосредственное участие в строительстве Сургутской трассы. Свои впечатления о двухлетнем пребывании на тюменской земле Ю. Тоотсен обобщил в готовящейся к изданию на эстонском языке в Таллине книге «Дорога к нефти», откуда мы и публикуем в русском переводе одну из глав.

стадами оленей. Лишь изредка тот или другой наведывается в Пим, чтобы пополнить запасы продуктов.

Летом здесь куда оживленнее. На реке полно лодок — идет лов плотвы. Тут же, в селе, рыбу сдают на рыбоприемный пункт, где ее обрабатывают — вялят. Далеко, даже в Москве, известен пимский деликатес.

Сейчас в деревне затишье. Вытащенные на берег лодки укрыты снежным одеялом, на дверях рыбного цеха висит замок.

Но давайте перенесемся в лето, в тот июньский день, когда мы впервые ступили на здешнюю землю.

Юноша-хант Сергей посадил нас в свою моторку, лихо запустил «Вихрь» и взял курс вверх по реке. Мотор мощный, но по тому, как вибрирует корпус, чувствуется, что суденышку нелегко преодолевать течение.

Местами не понять, где русло, а где левый болотистый берег: река разлилась, затопила кустарник. Уже тепло, без малого 25 градусов, но березы и ивы только-только покрываются нежно-зеленым пушком листвы.

Далее по течению река делает огромную петлю, и, проплыв с полчаса, мы по сути возвращаемся к исходной точке — от того места, где отчалили, нас отделяет лишь топкая, поросшая редколесьем полоска земли шириной от силы метров двести. Впечатление такое, будто параллельно, но в разных направлениях текут две реки.

Лодка упрямо тянет против течения. С обеих сторон к воде подступает лес в весеннем убранстве. Слева от нас — он стройнее, справа — малорослее, гуще.

Вскоре показывается небольшой причал. На паром въезжают грузовики с трубами для буровых, с цементом, с бетонными плитами. В километре от паромной переправы виднеются очертания мостового каркаса. Как только сделают настил, движение пойдет по мосту, а пока единственный способ перебраться с берега на берег — этот маленький паром. От его работы зависит, как скоро будут доставлены по назначению тысячи тонн стали и цемента, как скоро нефть и газ пойдут отсюда в Сургут, в Тобольск, в Тюмень и Омск.

Быстрота, с какой происходит погрузка, фырчанье подъезжающих одна за другой машин, даже нервозность чем-то напоминают фронтовую переправу. Может, дело тут не во внешней схожести, а в духовном созвучии?

...Еще немного — и наше плавание закончилось бы плачевно. Не успев предупредить, Сергей круто повернул моторку, и та едва не опрокинулась вверх дном. Мы чудом не упали в воду. В каких-то сантиметрах от наших голов — стальной трос! Все это происходит в считанные секунды. За разворотом Сергей не заметил протянутого от середины реки к берегу тоненького тросика, которым крепилась рыболовная сеть. Там, где должна была пройти лодка, тросик этот находился на уровне груди...

Сергей принялся на разных языках честить рыбаков, которые не потрудились как следует обозначить трос. И хотя он сам тоже был немного виноват, в запале тотчас направил моторку к биваку рыболовов, что располагался метрах в ста выше по течению.

Оказалось, тут становище хантов. Самих хозяев мы не

застали. Зато караулившие становище псы при виде нас весьма дружелюбно завиляли хвостами. Им, похоже, было совершенно безразлично, кому иа шапки-воротники достанутся развешанные по сучьям для просушки шкурки белок и водоплавающего зверья.

Довольно примитивное становище напоминало разбитый иа скорую руку лагерь туристов. Видавшие виды брезентовые палатки, пара обтянутых шкурами чумов, кострище с потухшими углями, котлы, сковороды, кастрюли. Внутрь жилищ мы заглядывать не стали. Кто знает, может, за пологами палаток прятались от непрошеных гостей женщины и дети. Да и иеловко было бродить по чужому лагерю в отсутствие хозяев. Мы поспешили отчалить.

Через какое-то время нам повстречались ханты на каноэподобной лодке. Старые и малые, мужчины и женщины — мы насчитали в «каноэ» восемь человек, до того длинно это суденышко,— сидели в затылок друг другу, точно птицы на жердочке, ибо по двое рядом в узкой лодке им было просто ие поместиться. Возможно, это плыли хозяева только что покинутого нами становища.

Тарахтя мотором и вспенивая воду за кормой, «каноэ» ушла вниз по течению. А мы пристали к мшистому берегу, поросшему красивыми березами и сосиами. С высокого — метров на пять — песчаного откоса открылся изумительный вид излучины реки. Широкая синяя лента воды в светло-зеленом и коричневатом обрамлении, бирюзовое, в белых барашках небо и тишина. Лишь плеск воды под берегом. И далекое кукование кукушки... Было так хорошо, что не хотелось нарушать идиллию даже словом.

Когда же мимо то вниз, то вверх по реке через какие-то промежутки стали проноситься моторки, трескотня их всякий раз болезненно отдавалась в душе — до того неуместны были здесь эти звуки.

...Меня одолевают разноречивые мысли. Все переплелось в голове — прочитанное и услышанное, цифры и сопоставления, знания и полузнания, убеждения и предубеждения, идущая от сердца любовь к природе и потребительский голос разума.

Эта широкая и полноводная от соседства болот и от стаявшего сиега река на карте выглядит как тоненькая жилка, впадающая в Обь. Таких жилок в Обь — одну из крупнейших водных артерий Сибири — впадает сотни. В Тюменской области 25 тысяч больших и малых рек. И все они богаты рыбой. На миллионах гектаров тайги и болот водится зверь и птица (лисы, белки, ондатры, соболь, медведи, волки; утки, гуси, лебеди, серые куропатки, тетерева, глухари...). Все более ценным достоянием становится и сам лес: кедры, сосны, лиственницы, березы... И снова тысячи, и снова миллиоиы — и гектаров, и кубометров. Или опять же эти, на первый взгляд бесполезные, болота. Ведь они гигантские резервуары одного из самых ценных природных богатств — чистой пресной воды. Без них не было бы ни знакомой уже нам реки Пим, ни даже могучей Оби. Ну а, кроме того, это миллиарды тонн торфа, это целые плантации ягод.

Природа, в огромном хозяйстве которой все учтено, где и комару, и зайцу, и рдеющей бруснике, и могучему кедру отведено свое место, распорядилась всем добром мудро. Чаши весов у нее,

как у богинн справедливостн Фемиды, всегда пребывали в равновеснн. Прежде человек не нарушал этого равновесия.

И вдруг он вторгся со своей мощной техникой в самые глубины царства прнроды. Пришел взять те богатства, о которых еще два десятилетия назад никто н не ведал. Нефть. Газ. Уголь. Железная руда.

Где прежде не ступала нога человека, пролегли бетонные дороги, где не было даже чума, стоят железобетонные дома. На болотах, через которые н волк не пробирался, высятся стальные мачты буровых установок. К насыщенному озоном воздуху тайги прнмешались выхлопные газы н гарь от газовых «факелов»...

Одна чаша весов стала опускаться. Что может прнрода положить на другую чашу, чтобы восстановить равновесие?

Однако не слишком ли скептичны эти размышления здесь, на берегах Пнма? Пожалуй, нет.

Скорее неверна посылка. Уже само по себе ошнбочно противопоставлять два таких понятия, как прнрода н человек. Человек ведь неотъемлем от прнроды, он часть ее. И как прнроде в целом необходимо все, в том чнсле н человек, так н человек не может существовать вне всего, что его окружает.

Вот только, становясь все сильнее, не делается ли он безразличнее к будущему живой прнроды?

Что же, собственно, меня тревожит? То, что мы открыли для народа сокровища, важные запасы дорогостоящего сырья н стараемся как можно быстрее его добыть?

Нет! Конечно же нет. Ведь это жизненная необходимость, это наше благополучне н наше будущее. Хочется снять шляпу перед темн, кто нашел эти запасы, кто разрабатывает их в таких сверхсложных условиях.

Но нет ннкакого желання снимать шляпу перед темн, кто ведет себя прн этом, точно медведь на пасеке: крушит н ломает все, лишь бы добраться до меда.

Зияющей раной остается на ягеле след тяжелого гусеничного трактора. Нужны десятки лет, чтобы эта рана затянулась. На восстановленне срезанного бульдозером тонкого слоя гумуса понадобятся века. Пожар, занявшийся от брошенного окурка, может уничтожить тысячи гектаров леса вместе со всеми его обитателями. Пройдет лет сто, прежде чем пал опять зазеленеет.

К сожалению, наглядных примеров, подтверждающих эти положения, мы можем найти в жизни немало.

По обе стороны широкой трассы громоздятся вывороченные ветром деревья. Погибший лес. Хорошо, положим, не каждый сумеет понять опустошительность такого ветролома, особенно если на горнзонте опять начннаются таежные дебрн. Но ведь погнбший лес — это еще н рассадник разных вреднтелей для миллионов здоровых деревьев!

Было такое... Вот тут, на трассе дорогн, идущей вдоль реки. Слабое утешенне — осознавать, что это, к счастью, не наших, человеческих рук дело. Как не может служить оправданнем и поговорка: лес рубят — щепки летят. Слишком велики подчас бывают эти щепкн...

Об этом с горечью пишет в своей книге «Тюменский мериднан» н доцент Тюменского университета, кандидат географических

наук Семен Будков. Попытаюсь по памяти обобщить прочитанное.

Для прокладки через тайгу газо- или нефтепровода прежде всего необходимо прорубить просеку, местами шириной до трехсот метров. Лес сводят там, где пройдут дороги, где встанут буровые вышки и нефтеперекачивающие станции, где будут строиться заводы и комбинаты. Вот и выходит: чтобы получить миллионы тонн нефти, требуется вырубить не один миллион кубометров леса. И лес этот в основном пропадает. Лишь небольшая часть бревен идет на гати и на платформы для буровых.

Тайга в Западной Сибири занимает обширные пространства, но древесину дает не очень высокого качества. Мало хорошего строевого леса. Преимущественно — сосна, реже — кедр. Деревья растут очень и очень медленно: небольшим, в рост человека соснам лет по двадцать, а то и по тридцать. Лес — единственный источник кислорода, а потребляют кислород громадные болота, где идут процессы брожения, круглосуточно горящие газовые «факелы»...

Вырубка лесов в этих краях прямейшим путем ведет к эрозии почвы. Из-за того, что вокруг новых поселений и по берегам рек необдуманно был сведен весь лес, площадь пахотных земель в Ханты-Мансийском автономном округе за десять лет сильно сократилась... Дожди смыли и без того сверхтонкий слой гумуса.

Выше упоминалось о водоемах, изобилующих рыбой. О многих из них уже можно говорить в прошедшем времени.

На реках пагубно отражается нарушение технологических правил лесосплава. В целом ряде мест древесная кора и бревна довольно плотным слоем устилают дно рек. Это, во-первых, ведет к исчезновению нерестилищ многих пород рыб, а во-вторых, сказывается на качестве воды: вследствие сильных процессов брожения насыщенность ее кислородом уменьшается; что же касается питающих эти реки болотных вод, то они с трудом восстанавливают кислородное равновесие.

Свою лепту в загрязнение среды вносят и животноводческие фермы, которые в последние годы все больше видишь по берегам рек. Конечно, строительство ферм — важное, крайне нужное дело. Однако при их возведении далеко не всегда соблюдаются технические нормы, и в первую очередь это касается очистных сооружений. Большей частью сооружения эти существуют лишь номинально...

Уже не удивляют на реках нефтяные разводы. А ведь достаточно одного литра нефти, чтобы препятствующая газообмену пленка покрыла площадь в несколько сот квадратных метров...

Еще в обозримом прошлом Иртыш славился осетром, нельмой, стерлядью и другой ценной рыбой. В настоящее время промысел их прекращен: нечего ловить.

Разумеется, подобные печальные факты заставили многих хозяйственников, которые, кроме узковедомственных целей — выдать тонны нефти и кубометры газа, знать ничего не желали, пересмотреть свои взгляды. Они были вынуждены это сделать, потому что уже действуют постановления об охране недр и

природных ресурсов Сибири; к нарушителям их применяют строгие меры. На охрану природы и возмещение причиненного ей ущерба расходуют огромные средства. Помимо этого выделены (и предусматривается выделить еще) большие территории под резерваты, под заповедные зоны, где природа сохраняется в ее первозданности, где без помех могут расти и размножаться все характерные для Сибири виды животных и растений.

Но... Ни один закон не будет достаточно действен, пока не изменится соответствующим образом сознание людей. А оно, увы, не так легко поддается изменению...

Мне попалась в руки небольшая брошюра «Вокруг Тюмени», написанная А. Иваненко. Брошюрка знакомит с туристскими маршрутами в окрестностях города, рекомендует ягодные и грибные места, подсказывает, где лучше ловится рыба. С необычайной увлекательностью автор рассказывает даже о таких, казалось бы, скучных вещах, как болота и заболоченные озера. В каждой малости он умеет разглядеть истинную красоту этих мест. И вполне понятна его тревога, когда он видит, как исчезают эти уникальные природные сообщества.

К примеру, в одиннадцати километрах от Тюмени есть озеро Кривое, на берегу которого расположена симпатичная турбаза «Верхний Бор». Описав всю неповторимую красоту окрестностей, автор брошюры вынужден отметить, что туристы, к сожалению, не щадят озеро, что за десять последних лет ничего не осталось от покрывавшего водоем ковра белых кувшинок... Кувшинки рвут охапками, чтобы потом бросить; та же история и с редкими лекарственными травами. Их много, но собирают их не вовремя и тоже зачастую просто выбрасывают; поэтому многие редкие виды там уже не прорастают. Пишет автор и о бескрайних клюквенных болотах. Ни в коем случае не следовало бы очертя голову осушать их ради получения плохонького куска земли. Рано или поздно это наносит невосполнимый убыток: ягода не растет, ушли зверь и птица...

Непродуманности, увы, еще не мало. Взять хотя бы строительство новых поселков. Какими красивыми, утопающими в зелени они могли бы быть! Но почему-то нередко те, кто их строит, предпочитают поступать вопреки всякому здравому смыслу: первым делом на месте будущего поселка вырубают все деревья до последнего и лишь затем начинают ставить дома. Строить так, конечно, проще, есть где развернуться и кранам, и машинам. И похоже, никто не удосуживается подумать, что в этой искусственно созданной песчаной пустыне уже не смогут жить деревья, что слой гумуса здесь не восстановится, а без него не вырастет ни единого зеленого стебелька, который бы радовал глаз. Так и возникают среди тайги унылые проплешины, лоскуты самой настоящей пустыни. И в ветреный день песок хрустит на зубах, лезет в глаза...

А ведь можно и по-иному взаимодействовать с природой.

Картина, которую мы увидели, вернувшись в тот раз с реки, в первый момент слегка озадачила: в лесу сажали деревья. Маленькие елочки. Возле только что построенного дома два наших прораба вырыли ямки, смешали перегной и торфяную землю и высадили в эту смесь деревца, привезенные из Эстонии. Полили,

соорудили оградку, чтобы кто-нибудь нечаянно не наступил на саженцы.

Примутся елочки или нет — это другой вопрос. Скорее всего — не примутся: далеко от родных мест, да н климат суровее. В нх появлении здесь, пожалуй, больше символикн, чем утилитарности. Но это — отношение к окружающей среде*. Людн, которые так относятся к природе, не нарушат ее равновесия, не станут только берущими. Быть может, отсюда пронстекает н жизненный уклад, который сложился в нашем таежном поселке. Прн строительстве тут не было срублено ни единого дерева без крайней необходимости, хоть леса вокруг видимо-невидимо. Я слышал, какие жаркне споры велись нз-за сосенки, которая стояла впрнтык к стене дома. Сосенка эта растет н поныне. Невозможно представить, чтобы кто-нибудь бросал мусор рядом с жильем, что в общем-то не такое уж редкое явление в подобных временных поселениях. Тут заведены аккуратные мусорные контейнеры. И стоят онн не на виду, а в сторонке, за деревьями. Сколько бы ни выпало снега, дорожки всегда расчищены. Ничто не портит зимой чистый белый снежный покров, а летом — газон из мягкого мха.

Каждый новопрнбывший невольно перенимает такое отношение к окружающей среде н утверждается в сознании, что жить в лесу — не значит быть дикарем.

Вот какие думы владеют мною сейчас, когда я гляжу на

* Словно в знак признательности природа даровала-таки тем елочкам жизненную силу: год спустя они уже вовсю зеленели.

спящую под пушистым снежным покровом реку Пим. Зима н глубокие сугробы настраивают иа умиротворенный лад, все, что могло колоть глаз, скрыто природой под ослепительно чнстым пологом снегов.

Таково село Пим и его окрестности. Чтобы картина была полнее, хотелось бы уточнить, что озиачает в здешних краях такое понятие, как «село», вернее — что такое территория сельсовета, ибо Пим — это центр. Председатель сельсовета Юрий Задорожный — сам ои родом с Украины — ошарашил нас двумя цифрами: территория Пимского сельсовета по площади равна почти двум Эстониям, а проживает иа ней... от силы пять с половиной тысяч человек.

* * *

Все, что я рассказал,— это мои первые впечатления от природы Западной Снбнри. Теперь позади год.

Какое время года самое красивое?

Мне нравится западносибнрская зима. Может, потому, что при мне очень сильных морозов здесь не было. Минус 39 в январе 1982-го — н только. Лютой эту стужу я бы ие назвал. Воздух чистый и бодрящий, дышится легко. Вот только ресницы смерзаются. Ветер в большие морозы редок, зато почти все время светит солнце, легкий, пушистый сиег ослепительно сверкает и искрится в его лучах. Стоит сделать шаг в сторону от дороги — и ты по пояс в рыхлом снегу. Обычные лыжн тут ие годятся, нужны охотничьи — короткие (метр-полтора), широкие (20—30 см), обтянутые оленьей шкурой. На них ие бегают, на них ходят — словно в гигантских башмаках. И палками пользоваться здесь иевозможно.

Иней редок, так как воздух равномерио холоден. Лишь в очень сильную стужу все покрывается льдистым слоем нзморози. И в солнечном свете это выглядит сказочно красиво...

Но берегись пурги! Это такая снежная круговерть, что в двух шагах ничего не видно. В короткое время заносит все пути и дороги; транспорт стоит. К счастью, пуржит здесь ие так уж часто.

Весна поздняя, но дружная. Только в начале лета на березках появляются сережки, лесная подстилка — в розовато-фиолетовых точках брусники: на кустиках еще внсят прошлогодние ягоды. Снег сходит быстро н как-то незаметно, к середине июня реки выходят нз берегов. Это время нереста рыб. И лова плотвы. Собственно, путина начинается много раньше, где-то перед Днем Победы.

Лето жарче, чем у нас, в Эстонии: 25 градусов выше нуля вполне обычная температура. Абсолютный максимум — плюс 35 градусов. В июле — августе вода в реках и озерах нагревается настолько, что можно купаться. Все водоемы в общем-то мелкие, высокий человек может любое нз озер перейти вброд — только голова над водой торчать будет. Есть озера с прозрачной водой, дно у них прекрасное — плотное, песчаное, идешь по иему как по паркету. А есть и другие — с ржавой болотной водой, с илистым, топким диом.

В конце июля уже появляются грибы. Какое обилие боровиков, сыроежек, рыжиков! Но больше всего, конечно, боровиков. Их и жарят, и сушат — под всеми стрехами висят низки белых грибов. Ведется и скоростная сушка — при помощи вентилятора или духовки.

Но пожалуй, самая красивая пора здесь — осень, особенно если она выдается сухой и теплой. Уже в начале августа в лесу красно от брусники. Ягоды еще некрупные, полузрелые. В конце же августа — начале сентября они налитые, почти исчерна-бурые, такие, коль не наклонишься, не увидишь на лесной подстилке. А уж крупные! Некоторые, говорят,— с вишню. Чуть преувеличивают, конечно. И сладкие до того, что хоть без сахара их вари. Особенно вкусна брусника после первых заморозков. Собирать ее тогда сложнее, да и не хранится, наверное, она долго. И начинается осенняя охота на банки да на картонки: была б тара, а наполнить ее ягодами можно в два счета. Наверняка половину багажа улетающих отсюда самолетов составляют клюква и брусника. Их собирают даже те, кто никогда прежде по ягоды не ходил.

Для хантов сбор и продажа ягод государству (наравне с рыбной ловлей и охотой) — один из главных источников дохода. Осенью оба промысла идут рука об руку: одним занимаются женщины, другим — мужчины. Промышляют в основном белок, в эту пору они наиболее подвижные. Охотятся также на уток, гусей, глухарей, тетеревов, куропаток, на лис, зайцев. Более крупный зверь встречается реже. Топтыгина никому из наших ребят еще видеть не довелось, хотя следы медвежьи нет-нет да и попадаются.

Но вот лег первый снег... Хоть и мало у рабочего человека времени любоваться природой, она не оставляет его безучастным. А те, кто идет первым, кто ведет просеку, прокладывает трассу будущей дороги,— те изо дня в день окружены первозданной красотой девственной природы, и — кто умеет видеть, те очарованы: они приобщаются к прекрасному.

Перевод с эстонского *Наталии Калаус*

РОНАЛЬД ГИББС

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

Очерк

Уровень развития материальной культуры аборигенов, достигнутый к началу европейской колонизации Австралии, был достаточно высоким для того, чтобы они могли существовать в самых суровых природных условиях континента. Они приспособились к окружающей среде, научились добывать пищу и мастерить орудия труда. На первый взгляд может показаться, что именно успехи в обеспечении своих материальных потребностей сделали возможным их выживание. И все же за этим стоит нечто большее, чем способность обеспечить себя всем жизненно необходимым. Одна из главных причин их выживания заключалась в тщательно организованной социальной жизни.

Среди европейцев долго бытовало мнение, что общество аборигенов лишено культуры и ему вовсе чужды так называемые цивилизованные нравы. Но это мнение было основано на поспешном суждении об истинной природе мира аборигенов. Их общество было далеко не грубым и варварским. Наоборот, специалисты рассматривают его как одно из самых сложных по структуре и организации человеческих обществ. В его рамках каждый член имел четко определенное место. Существовали правила, согласно которым заключался брак, выполнялись религиозные обряды, строились отношения людей внутри общества. Абориген с особым вниманием относился к окружающим людям, оказывал им всяческое уважение.

Мы сделаем попытку рассмотреть социальную жизнь аборигенов. Часть традиционных, существовавших в прошлом обычаев сохранилась до сих пор, особенно в северных районах континента.

Забота о ближнем у древних абориrенов ярче всего проявлялась в их любвн к детям. Ребенка, родившегося с тяжелыми фнзическими недостатками или в годы стихийных бедствий, когда грозил голод, то есть уже обреченного на гибель, обычно убивали сразу после его появления на свет. Однако в благопрнятные годы он с самого рождения вплоть до обряда посвящения был окружен заботливым вниманием. Его бережно носили в люльке нз коры или в корытце для пищи н долго кормили материнским молоком. Он рос в близком контакте со взрослыми н другими детьми, впитывая впечатления повседневной жизни лагеря, н вместе с тем особо прочные узы соединяли его с родителями. Они учили его первым словам н поступкам. Ребенок также близко общался с братом матери, который часто выступал в роли опекуна. Мальчика, когда прнходила пора посвящения, он знакомил с тайными преданиями племени, девочке находил жениха. Эти взаимородственные связн племенн имели чрезвычайно важное значение, так как составляли основу социального строя аборигенов.

В раннем детстве малыши пользовались неограниченной свободой н родители проводили много времени в нграх с ними, обучали пляскам н песням. Игр было много. Мальчики обучались военным навыкам — метанию нгрушечных копий н бросанию шариков, сделанных нз глины. Играли в мяч, прятки, скакалку, рнсовалн следы жнвотных или «понарошку» нзображали нз себя когонибудь. Очень любили нгру «в веревочку»: на пальцах обенх рук так завязывались узелки на шнурке, чтобы получались различные фнгуркн. Шнуром служили стебли вьющихся растений.

Развлечения не мешали подготовке детей к реальной жизнн. Буквально каждое событие нспользовалось для обучения прнемам н уловкам охоты. Детн, особенно мальчики, прнвыкали распознавать голоса н звуки крупных животных н птиц. Они так нскусно разбирались в следах животных, что практически могли различать отдельных представителей одного вида. Ежедневно они помогали взрослым в собнрательстве, а нногда даже н сами охотились на рептилий и птиц. Ребенок познавал жизнь, непосредственно участвуя в ней, а не через наставления. Он рос, зная свое место в группе, четко представляя свон обязанности. По мере того как уходила пора раннего детства, наступал пернод все большего повиновения родителям. Независимо от пола дети уже знали некоторые пляски н песни, готовя себя к обрядам, столь необходимым на последующем этапе нх жизни. Они должны были научиться терпеть боль, которую им приходилось выносить прн различных церемониях н в повседневной жизни по мере того, как они взрослели.

В возрасте от 13 до 16 лет у мальчиков наступало время подготовки к обряду посвящения — ннициации. Их нзолировали от родителей, от близких родственников н уводили нз лагеря в специально отведенные места. Девочки же оставались с родителями вплоть до замужества. Так беззаботное детство как мальчиков, так н девочек подходило к концу.

Посвящение

Самым знаменательным событнем в жнзнн юноши, несомненно, было посвящение. Время для него специально не устанавливалось, но, как правило, прнурочивалось к наступлению половой зрелости. Этой церемонии придавалось решающее значение, она обставлялась сложными ритуалами и часто длилась многне месяцы. Посвящение символизировало конец детства и означало, что молодой человек готов к усвоению таинственных верований и преданий своего племени.

Мучительные операции н испытание огнем вводили юношу в ранг взрослого мужчины.

Может показаться, что смысл ритуала сводился лишь к нанесению фнзических отметок на теле юноши. Для аборнгена же физическая сторона посвящения была только внешним проявлением гораздо более важного — признания зрелости человека. Со временем ему предстояло пройти н другие стадии этого обряда, так как первоначальное посвященне прнoткрывало завесу далеко не над всеми таинствами.

Некоторые племена нзбегали физических операций, но там, где они имели место, юношн подвергались операциям обрезания (удаление крайней плоти) н подрезания (продольный надрез на половом члене), им выбнвали передний зуб н делали надрезы кожи на теле (рубцевание). Другие нспытания заключались в неоднократном подбрасывании в воздух н обмазывании тела кровью. Самым тяжелым было испытание огнем* — ритуал, известный н на других континентах. В пернод посвящения юноша впервые узнавал о чурингах, символах таинственного, сверхъестественного мира, о священных местах в окрестностях, запомннал мнфы.

Таким образом он все больше приобщался к религиозным рнтуалам и церемониям, в которых начинал принимать участие, познавая наполненный таинствами мир, столь много значащий для его соплеменников. Естественно, что старики — хранители мудрости н знаний, переходящих нз поколения в поколенне, пользовались необычным почтеннем.

Брак и положение женщины

Заключенне браков в отличие от посвящения почти не обставлялось обрядами. Сразу после рождения девочка часто уже нмела женнха, которого для нее выбирал близкий родственник — мужчина. Сватанье происходило по определенным канонам, неукоснительно соблюдавшимся родней женнха н невесты. В ожиданин зрелости невесты онн общались, осуществляя взаимные обязательства, обменивались подарками. Часто уговор о браке совершался на обменной основе: сестра или племянница жениха становилась женой какого-либо родственника невесты. Девочка начинала жить в лагере мужа с наступлением половой зрелости.

* Разводился большой костер, который покрывался сырыми ветками, после чего посвящаемые юноши все вместе должны были лечь поверх них. Надо было пролежать так, совершенно обнаженными в жару и дыму, без движения, крика и стона четыре-пять минут.

Если у мужа было несколько жен, девочка делила жилище со старшей женой.

Отличаясь практичностью, аборигены высоко ценили приход новой жены, так как она помогала в собирательском хозяйстве и во время перекочевок, когда нужно было нести имущество и утварь. Жизнь женщины не была легкой. Ей приходилось иногда терпеть от мужа даже физические наказания, хотя она могла защитить себя метким словом или просто дать сдачи. Мужество было ее уделом, и она переносила физические лишения и боль, почти не жалуясь. Несмотря на это, душа ее не ожесточалась. Современный антрополог пишет следующее:

«В общем женщина-абориген могла быть такой же доброжелательной и щедрой, как и любая другая. Любящей, готовой в любую минуту защитить своих детей, снисходительно терпимой к мужу, отзывчивой к попавшим в беду, особенно если это были дети. Она, как и все женщины, любит поболтать, посплетничать и пошутить с подругами. С удовольствием подтрунивает она над мужчинами и любит наблюдать игру детей. Охотно украшает себя. Но прежде всего она стоически переносит все тяготы своего существования...»

Может показаться, что у аборигенов брак заключался только по расчету, и очевидное отсутствие взаимной привязанности у какой-то части мужей и жен, обычай переуступки жены, полигамия легко могут стать объектом критики. Но ведь все это присуще и другим обществам. Например, браки белых не всегда отличаются теплыми чувствами между супругами и не всегда устойчивы.

Как уже отмечалось, аборигены придавали большое значение личным взаимоотношениям. Их общество состояло из различных социальных групп, и положение каждого члена строго регламентировалось. Чужеземцы всегда воспринимали эту систему превратно, но тот, кто пытался понять ее, видел, что, несмотря на сложность, она четко и действенно помогала управлять общественной жизнью.

Племя

Племя — основная социальная единица общества аборигенов. Первые европейские поселенцы в Австралии при описании коренного населения часто пользовались терминами «племя» и «вождь» в том смысле, какой был принят в отношении аборигенов Американского континента или тихоокеанских островов. Однако понятие «вождь», строго говоря, нельзя применить к обществу австралийских аборигенов, да и понятие «племя» не имеет здесь того социального смысла, какой мы обычно в него вкладываем. Например, члены австралийского племени, если и собирались все вместе, то весьма редко. У них не было органа управления, который бы руководил делами племени, включая хозяйственные. Гораздо большее реальное значение имели роды и локальные группы. Таким образом, племя не было той жизненно необходимой социальной единицей, которая заставляла бы аборигенов осознавать свою общую принадлежность к ней.

Что же представляет собой племя австралийских аборигенов?

Это коллектив, насчитывающий от 100 до 1500 человек, проживающих на определенной территории, имеющих общий язык, обычаи и верования. Все члены племени считали себя связанными родственными узами. Различия между отдельными племенами были столь незначительны, что иногда несколько племен объединялись под общим названием (как, например, наринуерн в Южной Австралии). Однако сильных связей между племенами, по-видимому, не существовало. В критических ситуациях эти связи могли разрушаться и племена распадались на подразделения или новые племена, как, например, племя аранда в Центральной Австралии.

Важно, что каждое племя владело своей собственной территорией, в пределах которой его члены добывали себе пропитание, занимались мелкими хозяйственными делами. Самое же главное заключается в том, что аборигены считали землю своего племени местом обитания духов их предков и героев. Отсюда прочная привязанность к своей земле, которую аборигены никогда не покидали. Говоря «моя страна», они имели в виду не только районы своего обитания и охоты, но и местообитание духов своего племени.

Локальная группа, семья, кровное родство

В жизни аборигенов племя в качестве социальной единицы играло гораздо меньшую роль, чем локальная группа, которая объединяла взаимородственные семьи, сплоченные повседневной жизнью в пределах своего территориального владения. Члены группы трудились совместно не только для удовлетворения личных потребностей. Пища распределялась согласно установленным правилам, причем особо соблюдались интересы стариков и молодого поколения. Семья, как основное подразделение такой группы, часто выступала обособленно и была связана родственными узами по линии отца с другими семьями. Таким образом, группа состояла из родственников по мужской линии, представленных различными поколениями. Сыновья на протяжении всей жизни оставались в группе и обычно не могли жениться на девушке своей же группы. Дочери обязаны были уходить из нее, но они оставались членами рода, на территории которого обитали духи их предков.

В обществе аборигенов большую роль играла первичная семейная единица — муж, его жена или жены, их дети. Прочные связи, существовавшие между ними в пределах семьи и локальной группы, фактически распространялись еще дальше: не только члены племени, но и люди вне его считали себя родственниками. Это представление зиждилось на веровании о том, будто родственники имеют различное воплощение в зависимости от местности, поэтому их бывает трудно распознавать. Близкими, и причем равными, родственниками считались некоторые родственники одного поколения. Например, братья отца приходились отцами, а не дядьями, их дети по мужской линии — братьями, а не кузенами. Сестры матери считались матерями и их дочери — сестрами (с другой стороны, сестры отца и братья матери считались тетками и дядьями). Ряд родственников объединялись под одним названием. Группы родственников признавались внутри каждого племени, и

каждая группа «своих», имевшая определенное название, отличалась какими-то только им присущими обычаями. Браки заключались с членами разных родственных групп. Кровосмешение не допускалось.

Хотя понятия о родстве и других объединениях внутри племени (например, фратриях и родах) остаются сложными для нашего понимания, важно уяснить, что социальные взаимоотношения и модели личного поведения четко предопределены системой родства. Регулировались не только выбор партнера для брака, но и другие взаимоотношения людей в их повседневной жизни. В соответствии с законами племени абориген в ряде случаев вынужден был избегать контактов с определенными людьми, например существовал обычай не допускать общения зятя с тещей.

Обычаи пронизывали всю жизнь аборигенов. В их четко организованном обществе неукоснительное соблюдение законов осуществлялось в интересах всех членов. Всякое нарушение их каралось возмездием. В исключительных случаях наказанием служила смерть. Господствовал принцип «око за око, зуб за зуб», и ссоры часто разрешались поединками с копьеметанием, или же виновного ударяли по голове палицей или землекопалкой. Наказание совершалось незамедлительно, дабы как можно скорее восстановить мирную жизнь группы.

Старшее поколение

Во всех жизненных перипетиях аборигены проявляли большое почтение к старшим, которым беспрекословно повиновались. Почтенный возраст выделялся не только сединой. Наделенные опытом прожитых лет, знанием ритуалов, старики долго сохраняли активность в делах группы. Старейшины держали совет, на котором принимались решения в отношении членов группы, улаживались ссоры, определялась мера наказания за совершенный проступок. Случалось, что один из старейшин пользовался особым почтением и его советы и наставления играли решающую роль, даже если он не был главой группы.

Духовная жизнь

Чтобы понять устройство общества аборигенов, прежде всего нужно хорошо познать специфику и силу религиозного чувства, буквально пронизывающего его структуры. Особенно ярко проявляется влияние религии на отношении к земле. Собственности на землю в европейском понимании у аборигенов не существовало. Территория переходила от поколения к поколению. Скорее земля владела своими обитателями, а не наоборот. Ведь именно она служила обиталищем духов предков, заложивших начало начал; земля воспринималась как нечто вверенное свыше на попечение племени, а не для практического использования. Роды (группы людей, связанные происхождением от общего предка) ревниво охраняли традиционные места обитания вместе с магическими ритуалами, тотемами и песнями.

Необычно сильную религиозность абоpнгенов, которой подчннялся весь уклад жнзнн, отмечал антрополог Р. Д. Маккартн, который писал: «Прошедшему посвящение абоpнгену религия объясияет пронсхождение самой жизнн, обычаев племенн, источников пищи и полезных вещей, она объясняет таинственный мир, выходнвший за рамки его научного н общего познания. Религия обладала большой магической силой, воплощенной в мифологии, песнях, и несла сильный эмоциональный заряд в церемониях, часто красочно оформленных». Религии целиком подчинялась взрослая жизнь аборигена, ей он отдавал много времени и сил, выполняя различные ритуалы, полностью мобилизуя свой интеллект на запоминание мифов, циклов песен, церемоний н хитроумных орнаментов, сопровождающих совершенне каждого обряда. Религия требовала абсолютной веры в реальную значимость всех отправлений культа.

Основу религнозного культа аборигенов составляла идея о «Великом Временн», когда земля была плоской н пробуднвшиеся ото сна герон положили начало жнзни на земле. Эта идея жила в преданиях о духах предков, н связанные с нею подробности были положены в основу социального устройства.

Ушедшие на небо герон оставили эталоны поведения, строго соблюдавшиеся абоpнгенами. Всякое нарушение или несоблюдение их могло навлечь возмездне: лишить провинившихся пищи или дождя. Мифы жили веками, запечатлеваясь в важнейших ритуалах. Деяния великого небесного героя Бналиг прославлялись абоpнгенамн района Нового Южного Уэльса. Этот герой под именем Бунджила был известен абоpнгенам центральной н западной Викторин, как Биамбаи, Гоин, Нуреллн — населенню других районов.

В низовье рекн Муррей существовало поверье в змею — радугу, появлявшуюся на небе во время дождя. Ей предпнсывалось омолаживанне земли. Образ матерн-земли, также могучего существа нз мнра предков, существовал у абоpнгенов Северной Австралии н прилегающих островов. Ее детн — духи стали «предками» различных племен. Сказанне о ней послужило основой для появления сложных ритуальных циклов. Вспомним о церемонии Кунапнни в Северной Австралин. Проводимые обычно в сухой сезон, эти церемонии прославляли возрожденне н плодородие. Подобные рнтуалы распространялись в районы обитания других племен и отличались ненстовой страстью нсполнения. Время их проведения назначалось старнками. Ритуалы носили характер драматических инсценнровок различных мнфов, где центральное место отводилось представлениям, песнопениям н пляскам. Участникн отлично знали свон ролн, н вся церемония выливалась в впечатляющнй спектакль, где актеры, казалось, сами превращались в могучнх, почитаемых имн предков. Церемонии происходнлн в тайных местах, причем непосвященные н женщины на них не допускались, онн отпугивались особой гуделкой (трещоткой) — небольшой плоской дощечкой с кусочком жилы на конце. Неотъемлемая часть рнтуалов — наиесенне орнамента тотемического значения на тела участников, а также на окружающие скалы, землю н священные предметы. Для этой цели использовалнсь охра, человеческая кровь н птичий пух. Голову участника

венчало украшение из травы, листьев и человеческих волос. Все это создавало сильное и яркое впечатление.

Но были и другие средства воздействия на окружающих, заставляющие их поверить в реальность происходящего.

Магическая сила олицетворялась также предметами, известными под названием «чуринги». В отличие от окружающей природы — деревьев, холмов, нагромождений валунов, которые также имели магическое значение, чуринги представляли собой маленькие предметы из дерева или камня, плоские или овальные по форме. На них вырезались орнаменты — полоски, круги, точки и кривые линии. Чуринги тщательно охранялись, так как они играли первостепенную роль при обрядах посвящения, плодородия и церемониях, связанных с «Великим Временем» героев. Чуринги обладали большой властью: они придавали силу владевшему ими человеку, конечно посвященному. В редких случаях они передавались другому лицу — в знак большой дружбы. Чурингами могли быть также крупные валуны или большие деревья, которые принадлежали уже всей группе.

Мир природы и тотемизм

Древние аборигены жили в непосредственном контакте с природой, вернее, они считали себя частью естественного мира, где животные, растения и они сами составляли единое целое. Небо также принадлежало этому миру. Всегда близкое для них, разве только чуть выше самого высокого дерева, оно было «домом» могучих существ — героев, которые, устав от земных подвигов, жили там в облике звезд. Млечный Путь представлялся тропою, по которой двигались эти существа. Солнце воспринималось женщиной с огненным факелом, а Луна — мужчиной с факелом поскромнее; они давали свет миру. Южное полярное сияние якобы кровь, пролитая людьми в великих битвах, а падающие звезды и метеориты — палочки для добывания огня, которые метнул в кого-то колдун-ведун, явно желая его убить. Объяснения варьировались, но вряд ли существовало что-либо на земле или на небе, что не находило у аборигенов объяснения, было им чужим и непонятным. Задача человека состояла в том, чтобы жить в гармонии с живыми существами, делившими с ним окружающий мир. Ее решение облегчала идея тотемизма, ибо она объединяла человека и окружающие природные силы. Тотемизм присущ не только аборигенам, но и другим народам; в частности, американские индейцы имели такое же мировоззрение. В обществе аборигенов каждый имел свой тотем, который отождествлял его с природой. Например, члены тотемической группы, поклонявшиеся крысе — бандикуте, верили в свою родственную связь с нею. И этот тотем не только охранял их, но и был символом их общего предка, связывая членов группы с «Великим Временем».

Тотемизм, как и другие аспекты социальной жизни аборигенов, имел много разновидностей. В некоторых местностях тотем устанавливался стариками, которые определяли, какой дух-ребенок мог войти в тело матери через пищу или потому, что женщина близко подошла к тотемическому центру. Некоторые виды тотемов передавались по наследству. Ребенок мог наследо-

вать тотем ритуальной группы от отца или от дяди по линии матери. Тотемы повсеместно пользовались почитанием, никто бы не осмелился убить или съесть свое тотемное животное. Ритуальные церемонии как раз и были направлены на их благополучие и процветание. Антрополог Герберт Базедов приводит такой случай: «Хорошо помню, как однажды на реке Алберга, обнаружив небольшую черно-желтую змейку, я убил ее. Сопровождавший нашу экспедицию абориген был крайне огорчен и, обращаясь к товарищу, с искренней печалью воскликнул: «О горе! Мой брат умер»».

Смерть

Тотемы, игравшие значительную роль в жизни аборигенов, символизировали их близость к миру духов, существующему рядом с ними. Мир наполняли добрые и злые духи. Этим объяснялись многие события в жизни человека, как его рождение, так и смерть. Смерть для аборигенов всегда означала лишь конец физической жизни, так как дух умершего только освобождался от тела, но не умирал. Он отправлялся на небо, где и жил со своими небесными героями, или поселялся в центре духов, например источнике воды.

В некоторых племенах существовало поверье, что дух покойного отправляется за море на землю умерших. В будущем он может возродиться снова в облике человека и тогда еще раз пройдет жизненный путь. Умершего и после смерти могут ожидать разные события. Особенно следовало опасаться «злокозненного» духа. Он коварный, чинит всяческие неприятности и постоянно стремится остаться возле умершего. Лучше его не беспокоить.

После оплакивания, часто сопровождавшегося громкими причитаниями и даже нанесением себе порезов, умершего оставляли, и имя его впредь старались не упоминать, дабы не потревожить «злокозненный» дух. Напоминанием же об умершем оставались: насыпная могила или помост в ветвях дерева для воздушного погребения, на оплакивающих покойного знаки траура — орнаменты, нанесенные белой глиной, браслеты из коры.

Магия, колдовство, знахарство

Любая смерть, кроме естественного угасания стариков и гибели воинов, считалась результатом действия враждебных сил. Это неизбежно вытекало из веры в магию. Люди верили, что смерть могла быть вызвана только магией, насылаемой другим человеком или духом. Эта смерть требовала отмщения, и ничто не могло предотвратить наказания виновного. Им мог быть человек, поссорившийся с умершим или задевший его как-нибудь иначе, либо просто ревнивец. Узнав виновного по ряду признаков, к нему высылали группу мстителей, но проблема могла быть решена и путем особого соглашения с виновной стороной. Чаще всего местью была магическая порча, насылаемая заостренной косточкой, направленной в сторону обидчика, что символически означало копьеметание; колдун же, вызывавший смерть, произносил

заклинания. Ритуал магии смерти мог совершаться через предметы утвари, принадлежавшие жертве, или ее копию, сделанную из коры и травы. В Центральной Австралии существовал ритуал Курдаитья, при котором, накликая смертные силы на голову жертвы, колдун надевал на ноги подобие обуви, сооруженное из перьев эму. Колдовство, однако, не было повседневным занятием. Колдунов было считанное количество на несколько племен, но никто не сомневался в их могуществе. Абориген, узнав о совершении против него смертоносного обряда, должен умереть, если только не пускалась в ход более действенная магия, пересиливавшая действие вредоносной косточки, или не совершалась ритуальная церемония, исправлявшая положение дел.

Власть магии проявлялась также через таланты знахарей. Они обычно не были колдунами — их действия направлялись на излечение болезни, выявление причины смерти, вызывание дождя (или его прекращение) и предсказания будущего. Считалось, что причиной болезни всегда был злой дух, вошедший в тело больного, поэтому его следовало изгнать. В этом случае помощь мог оказать только знахарь. Его лечение заключалось в растирании и якобы «высасывании» больного места. Обычно ведун выплевывал вызывавшую болезнь косточку, якобы извлеченную из тела больного. Знахари часто действительно приносили облегчение благодаря создаваемому психологическому эффекту, поэтому они повсеместно пользовались уважением.

Легкие заболевания лечились средствами народной медицины. Различные растения растирались и вымачивались в воде, полученный состав применялся при заболеваниях желудка, укусах змей и т. д. При головных болях практиковалось кровопускание для облегчения страданий, в случаях травм накладывали жгуты. Для утоления боли применялись тепловые процедуры: больного укладывали в горячий песок или лечили паром. Труднее обстояло дело с лечением болезней глаз, распространенных в этих местах, где много пыли и яркого света, а также переломов конечностей, которые после «лечения» часто срастались неправильно.

Корробори и его исполнители

Было бы ошибкой думать, что аборигены все время жили в мрачном ожидании болезней и в страхе перед повсюду подстерегавшими их магическими силами. Нет, под бременем культовых обрядов их характер не стал излишне серьезным и замкнутым. Они находили множество простых радостей в повседневной жизни, что немало способствовало созданию у них хорошего настроения и вообще веселого нрава. Радость бытия находила отражение в музыке и плясках, называемых корробори, которые обычно не связывались ни с какими обрядами и поэтому не были стеснены рамками ритуала. В этих плясках изображались сцены из повседневной жизни, разыгрывались целые представления, имитирующие явления природы, различные события.

Музыка как для корробори, так и для ритуалов исполнялась простыми средствами. В некоторых племенах ритм отбивали простым чередованием ударов по бедрам, в других — ударами палок о землю, иногда постукиванием двух бумерангов. Пучки

листьев эвкалипта на лодыжках и предплечьях имитировали шуршание перьев эму. Наиболее характерными звуками были монотонные причитания самих аборигенов и звуки, издаваемые «диджериду» — длинной трубой из бамбука или эвкалипта. Труба служила своего рода рупором, усиливающим звук голоса. Этот инструмент не имел широкого применения и использовался только в некоторых районах Северной Австралии. Не так-то легко было найти хорошего «трубача», умеющего гудеть как бы не прерывая дыхания и в двух тональностях. Создатель песен тоже был очень уважаемой личностью. Он сам участвовал в представлениях и сочинял песни, повествующие о повседневных событиях; его обширный репертуар также пополнялся песнями, унаследованными от предков. Сочинитель песен и «трубач» часто выступали по приглашению других групп и за эти услуги получали вознаграждение. Существовали также лидеры плясок. На них лежала основная часть исполнения корробори, что требовало мастерского подражания, особенно повадкам животных.

Язык и общение

При исполнении корробори и свершении ритуальных церемоний аборигены в целях самовыражения использовали различные формы искусства. Этим повышалась эмоциональность исполнения. В остальное время люди общались посредством обычной речи. Число разговорных языков было огромно и достигало, вероятно, шестисот. И все они имели общее сходство, за исключением, пожалуй, нескольких тасманийских языков. Австралийские языки не имеют родства с разговорными языками народов других континентов, и это обстоятельство, а также очевидность их древнего происхождения заставляют думать, что они возникали на территории самой Австралии. Они отличаются богатством семантики, то есть смысловых значений слов, а также словарного запаса, особенно применительно к окружающему миру природы. Чтобы понять любой из этих языков, необходимо хорошо знать уклад жизни и образ мышления аборигенов.

Поскольку все существовавшие языки были разговорными и не было ни одного письменного языка, общение аборигена вне своего племени часто было затруднительным. Посланческие жезлы, употребляемые для связи между племенами, в действительности не несли реальной информации, изображенной знаками, а просто помогали опознавать гонца, имевшего определенные полномочия. Для преодоления языкового барьера часто прибегали к языку жестов, который насчитывал множество сигналов и эффективно использовался. Иногда участвовали только пальцы, в других случаях — мимика, в третьих — движения тела. Язык жестов — сигналов мог использоваться и для внутриплеменных связей при обмене секретными сведениями между членами группы, а также для подачи сигнала на охоте. Эти средства позволяли вести важные «переговоры». Применялась также и другая форма связи — дымовыми сигналами, которые, подобно посланческим жезлам, не передавали реальной информации, а, расположенные в определенном порядке, сообщали о месте лагеря и были особенно

полезны во время охоты. Люди, не принадлежавшие к данному племени, могли пользоваться ими для объявления о своем присутствии на «чужой» территории.

Изобразительное искусство

Существовали и другие самобытные средства самовыражения австралийских аборигенов, обобщая, мы называем их «изобразительное искусство». Этот термин относится преимущественно к технике резьбы по дереву, а также нанесению орнамента на деревьях, скалах, земле. Реже встречались рисунки на кожном покрове и лепка из пчелиного воска. Аборигены в своем искусстве отражали сцены повседневной жизни, но самое богатое вдохновение они черпали в мифах, тотемических верованиях. Они как бы наяву переживали все события, то есть видимыми средствами связывали себя с миром духов. Такое восприятие максимально приближало их к своим духовным героям, явлениям окружающей природы, на которую они стремились воздействовать. Искусство аборигенов в большинстве случаев было целенаправленным: оно передавало идеи, а не просто «фотографировало». Когда абориген благоговейно освежал священный наскальный рисунок, он как бы возрождал его могущество и соприкасался с мистическим миром. Изображая охоту на эму, он пытался повлиять на ее результаты.

Изобразительное искусство было глубоко символичным по своей форме. Оно не передавало полного сходства с оригиналом, поэтому многие узоры и рисунки кажутся людям другой культуры лишенными всякого смысла. Однако оно имело скрытое значение, доступное пониманию только посвященных. Линии и рисунки, нанесенные охрой, могли якобы увеличить действительное количество растений и животных. Выцветшие, оставленные без должного присмотра рисунки могли вызвать прекращение дождей, неудачи в добывании пищи и даже призвать смерть.

Численность предметов изобразительного искусства различных форм колебалась в разных районах континента. В Тасмании их было, по-видимому, создано очень мало, ибо сохранилось лишь несколько наскальных резных рисунков и изображений на коре. В более сухих областях их число еще скромнее и они не отличались разнообразием, возможно, потому, что местные аборигены постоянно кочевали в поисках пищи. Однако и здесь аборигены вырезали рисунки на земле, скалах и коре, украшали оружие, разрисовывали тела для ритуальных церемоний. В Восточной Австралии наскальная живопись имела внушительные размеры по площади. Этот район славился также резьбой на деревьях, рисунками на земле, выполненными для обряда посвящения. И наконец, в Северной Австралии искусство просто процветало.

Наибольшей выразительностью отличалось изобразительное искусство на полуострове Арнленд. Здесь аборигены не жалели времени для украшения церемониальных предметов, для резьбы и создания цветных рисунков на поверхностях скал и деревьев, создав своего рода шедевры творчества. Кроме того, были так называемые рентгеновские картинки, где наряду с внешним видом животных изображались их внутренние органы, а также высокохудожественные декоративные рисунки на коре, часто украшав-

шие внутреннюю часть хижин, с использованием сюжетов культа данного района.

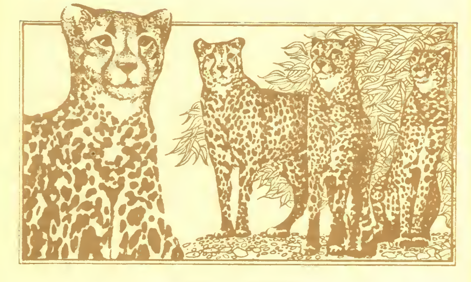
Итак, обзор духовной культуры абориенов позволяет нам характеризовать их общество как стабильное, хорошо организованное, религиозное, с развитой эстетикой. Что можно еще добавить? Правильно ли понимают этот мир неаборигены? Хорошо ли адаптировались аборигены к окружающей среде? Что дала им их изоляция от других обществ — преимущества или ущерб? Можно ли вообще считать их людьми «каменного века»? Были ли они счастливы? Все эти и другие подобные вопросы невольно приходят на ум, когда размышляешь об обществе австралийских аборигенов.

Все они требуют тщательного осмысления. Ответы могут быть разные. Тем не менее очевидно одно: многое из того, что существовало в их обществе к началу европейской колонизации, исчезло безвозвратно. Причины можно найти в событиях, последовавших после начала проникновения европейцев в 1788 году, когда уже сложилась многовековая культура коренного населения Австралии.

Перевод с английского *Ирины Симоновой*

ИГОРЬ СОСНОВСКИЙ

СУДЬБА ПЯТНИСТОГО «СПРИНТЕРА»

На 505-м километре автомобильной магистрали Москва — Ленинград пятнистый «спринтер» занемог. Пришлось прикладывать к затылку холодный компресс, брызгать на «лицо» воду, применять нашатырный спирт, проветривать «салон» и выводить «Чико» на ветерок. Окончилась эта «пауза» в пути благополучно: приболевший обрел свой первоначальный облик, и остальные 200 километров до города на Неве мы с ним продремали в обнимку на мягкой сенной подстилке. Читатель в недоумении, о ком идет речь, о чем? Не будем интриговать, откроем все кавычки вступления. Вот что сообщала 12 августа 1965 года газета «Вечерняя Москва»: «Сегодня утром из ворот Московского зоопарка выехала автомашина и взяла курс на Ленинград. В машине два пассажира: директор зоопарка И. П. Сосновский и его спутник... гепард Чико — великолепный зверь, напоминающий одновременно и тигра и собаку. 13 августа в городе на Неве состоятся торжества, посвященные столетию со дня основания «живого музея», и Чико будет передан Ленинградскому зоопарку».

Уже в то время гепард был редким и дорогим живым подарком. С тех пор прошло ровно 20 лет, фортуна «улыбнулась» гепарду как зоологическому виду лишь в том, что ученые многих стран мира «ударили в набат», и «ареал» зверя в результате этого

«увеличился» пока лишь за счет страниц Красной книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов, а ареал действительный, природный продолжает сокращаться. Над зверем навис дамоклов меч! Как же его отвести, есть ли в этом необходимость, ведь гепард — хищник? Об этом и побеседуем.

В моем представлении, гепард — это идеальное по красоте, стройности, гармоничности внешних форм, оригинальности окраски одеяния, по удивительно пристальному и умному взгляду произведение природы и ее неповторимый живой памятник. Утратив его, человечество при всех достижениях науки, техники и совершенстве искусства воссоздать что-либо подобное не сможет.

Спринтером я его величаю потому, что из 4050 видов зверей мировой фауны только гепард способен развивать скорость, правда на коротких дистанциях (400—600 м), до 110—120 километров в час! А другие звери? Второе место на пьедестале почета займет антилопа-дзерен, третье — антилопа-гну, а вот знаменитая борзая собака придет к нашему условному финишу только восьмой.

Люди очень давно приметили «ураганные» броски гепарда, его быструю приручаемость, легкость дрессировки, покорность хозяину, что в итоге обернулось против замечательного зверя, не причинявшего никакого вреда человеку.

Примерно за 3000 лет до нашей эры с гепардами охотились шумеры, населявшие Месопотамию. За 1500—1600 лет до нашего летосчисления гепарды были обычными ловчими зверями у знати Египта. С древних времен охота с гепардами практиковалась в Западной Азии, Пакистане, Индии и Китае. В Киевской Руси и Московском княжестве охотничьи гепарды были не диво, только назывались они по-иному — пардусы или парды.

Велик ли был «размах» охоты с гепардами? Прежде всего ответим на другой вопрос: а как велик был ареал зверя в далекие времена? В прошлом гепард был «рядовым» хищником пустынь и саванн Африки и Азии. Как охотничье животное использовался в основном в пределах Азии. В ней-то и «размахнулись». В 1298 году со слов Марко Поло была написана «Книга». Это был первый письменный свод знаний о странах Центральной, Южной и Восточной Азии. М. Поло сообщает, что монгольский хан Кублай (1260—1294), основатель юаньской (монгольской) династии в Китае, располагал «сворой» охотничьих гепардов численностью около 1000 голов! Не уступил ему и правитель могольской империи в Индии Акбар (1542—1605), в резиденциях которого одновременно содержались многие сотни гепардов. На их кормление ежесуточно расходовалось по две-три тонны свежего мяса.

Страсть охоты с гепардами охватывала и юг Европы, где она процветала примерно с V века (в Византии), позднее практиковалась в Италии, Франции, Англии вплоть до XVIII века. В средние века эта мода захватила Кавказ. К примеру, у князя Армении в 1474 году имелось около сотни пятнистых спринтеров. В XVII столетии увлекались охотой с гепардами в Персии и их там было так много, что на охотничьих рынках они продавались большими группами, насчитывающими десятки голов.

Удивительный зверь этот гепард. С одной стороны, он ловкий, сильный и на вид суровый по характеру хищник, а с другой

стороны, при его пленении человеком он сравнительно быстро приручается, строгость у него остается, но зверь не проявляет зла, не прочь и приласкаться, правда, при добром и умелом с ним обращении.

То, что рассказано мной вначале, не открытие, это эпизод, подтверждающий добрые повадки зверя. Чико воспитывался и «возмужал» в Московском зоопарке. Он отлично знал сотрудииков, которые имели с ним контакты, частенько и я его навещал, подкармливал, ласкал, «разговаривал» с ним. Зверь отвечал взаимностью. Он по-доброму урчал, мурлыкал, терся головой о ноги, выражал свою приязнь облизыванием моих ладоней. Поэтому, когда нам пришлось оказаться вдвоем в крытом кузове автомобиля, я без опаски открыл дверцу транспортиого ящика и выпустил гепарда. Сам я лег на пол, благо был он застлан сеиной подстилкой. Чико миинут десять походил вокруг меня, обнюхал все незнакомые предметы, заглянул несколько раз в окошко, а я, видя, что зверь волиуется — автомобиль мчался со скоростью 70—80 километров в час,— успокаивал его добрым словом и жестами приглашал «иа боковую». Стоять ему на длинных ногах было неудобно, н вскоре ои принял мое предложение, улегся рядом, лизнул меня в лицо, вздохнул и прищурил глаза. Но чуть тормозила машина, мой попутчик вскакивал, вопросительно смотрел на меня и, не видя реальиой опасиости, укладывался иа свое место. Когда спáла дневная жара, мы оба уснули «в обнимку». Так и добрались до зоопарка на Неве.

На новом месте Чико при добром к нему отношении быстро освоился и стал любимцем сотрудников и посетителей зоопарка. А вот я при расставании «пустил слезу».

Чико — красивый зверь, в общем-то как и все гепарды. Ноги длинные, «сухие». Общий облик схож с обликом крупной собаки породы дог или борзая, но гепард — кошка. В семействе диких кошек 36 видов, гепард выделен в отдельный род. Длина тела до 150 сантиметров, хвоста — до 75 сантиметров, высота в плечах — 80—100 сантиметров, а масса достигает 70 килограммов. Когти в отличие от других кошек не втяжные, но зверь довольио ловко, особенно в раннем возрасте, лазает по стволам разлапистых деревьев, балансирует на них, стоя на своих «ходулях». Округлую голову с короткими ушами н большими выразительными глазами держит высоко, иастороженно н горделиво. Общая окраска волосяного покрова желтая, разных оттенков, со множеством чериых округлых пятен. Характерна невысокая грива от затылка головы до коица шеи, но она иногда тянется до середины спины. Хвост — заметная «величина». Он покрыт, как н тело, негустой шерстью. От корня и почти до конца рисунок на нем пятнистый, в нижней части — темные полукольца, или «браслеты», шириной 2—3 сантиметра. На конце он хорошо опушен, изящно закруглеи, и шерсть иа нем белая или черная. Когда гепард срывается «со старта» и стремительно приближается к цели, совершая при этом огромные прыжки, хвост выполняет функции балансира.

Пестрая окраска хорошо маскирует гепарда в природе, а оригинальная «маска» на лицевой части головы позволяет подкрадываться к добыче незамеченным. Контрастная расцветка «маски» как бы «рассекает» голову на части, контуры ее теряются

Африканский гепард

для тех, кто следит за возможным появлением «грозы» открытых пространств. Глаза гепарда — отличный «полевой бинокль» большой кратности. Посажены глаза высоко, зрачок круглый, радужина ярко-желтая. Верхнее веко, будто «козыречек», нависает над глазным яблоком. Ресницы черные, упругие, длиной до 12 миллиметров. Все это дает возможность зверю хорошо видеть, ориентироваться и в то же время скрывать свои «очи», чтобы «не играли» они в свете солнечном во время охоты, не выдавали бы гепарда до его решительного броска вперед. Гепард ведет дневной образ жизни.

«Шуба» у гепарда красивая, но не густая и не теплая. Обитание в жарких областях не вызывает у него необходимости закутываться в меха. На его спине на 1 квадратном сантиметре насчитывается до 2000 волос, в то время как у рыси, кошки примерно равного размера, но живущей в северных районах, в зоне лесов, на таком же клочочке кожи растет около 9000 волос! Мех гепарда непригоден для изготовления теплой одежды, но спрос на него издавна велик. Даже в наше время, когда зверь почти во всех странах Африки, где пока еще существует, охраняется, браконьеры все-таки находят «лазейки» в места его обитания, зная, что богатые модницы Запада ради того, чтобы щегольнуть в пятнистом манто, пойдут на любые финансовые «жертвы».

Мода для многих диких животных давно уже опаснейший враг, враг номер один! По этому поводу известная писательница, художница и естествоиспытатель Джой Адамсон сказала: «...среди женщин есть не мало таких, которые не задумываются над

будущим н нз-за моды и тщеславия готовы пожертвовать прекрасными созданиями природы». Неоспоримо верно. Позволю только добавнть к этому: а среднн мужчин? Все ли онн знают, каково положение с «модными» животными в мире н в нашей стране? Уверен, что, к сожаленню, нет. Они также не задумываются о будущности «братьев наших меньших». А надобно бы думать, и в том чнсле о пятнистом спринтере. Где теперь можно с ним повстречаться? В Азин общее положение катастрофическое. Так, например, в Инднн нет больше гепарда, он вымер; его печальный конец наступил в 1947—1948 годах, когда были убиты последние зверн в природе. Примерно в это же время гепарды исчезли в Саудовской Аравии, Израиле, Иордании, Снрии н Ираке. Предполагают, что в Афганнстане где-то бродят считанные единицы, н около 150—200 азнатских гепардов сохранилось на территорнн Ирана, но точных сведений за последние годы нет.

В СССР гепард жил в пустынях Туркмении, Узбекистана н Казахстана. Последние достоверные встречн с ним или его следами были отмечены в 1969 и 1973 годах. Теперь теплится лишь надежда: может быть, где-либо, в самых глухих местах былого процветания, сохранились «последние нз могикан». Поэтому во втором издании Красной книги СССР (1984 г.) гепард все же упоминается как живой.

Можно ли помочь пятнистому спрннтеру уцелеть на земле? Однозначно ответить очень трудно. Обратимся к трудам уже упоминавшейся Д. Адамсон, которая несколько лет затратила на то, чтобы на практике доказать — днкне зверн, рожденные н выращенные в условиях неволи, могут быть возвращены в природу. Это было подтверждено ее опытами с африканскими гепардами в Кении, опровергнувшими мнение о невозможности реакклиматизации диких животных, и в частности диких зверей.

На сегодня в мировой фауне насчнтывается более 700 видов позвоночных животных, которым необходима наша «скорая помощь», чтобы сохранить их в природе, но дело это весьма сложное н не скорое по его осуществленню. Поздновато спохватились людн.

Во всемирной стратегнн охраны прнроды н воспроизводства редких н нсчезающих видов днкой фауны предусматриваются такие мероприятия, как создание «зоологических банков», этаких хранилищ живых, здоровых, способных к размножению особей. Размещаться они могут на специально отведенных для указанных целей территориях, в особых питомниках, в зоологических садах н парках. Главное на сегодня — сохранить жизнеспособные группы, добнться их размножения, сохранить прнплод н вырастить его, чтобы образовать так называемый генофонд популяций тех или иных видов, представляющих зоологические жемчужины.

В будущем прн благоприятных условиях будут прнниматься меры к расселенню жнвотных нз зоологических банков в их родные края или в подходящие места для обитания. Конечно, единого «рецепта» для всех видов быть не может. То, что удалось Д. Адамсон н ее супругу Джорджу Адамсону прн экспериментах с африканскими гепардами н львами, не гарантирует, скажем, реакклиматнзацию леопарда на Кавказе, не всегда к этому будет возможность н необходимость. Реакклиматнзация — процесс не

механический, и при ее осуществлении учитывается многое, и в том числе естественная кормовая база того региона, в котором задумано возродить какой-либо вид. Возьмем того же гепарда в нашей Средней Азии. Исчез он практически не от прямого истребления, а от резкого сокращения в районах былого обитания численности джейранов, составляющих основное «меню» пятнистого спринтера. А джейраны исчезли как от прямого истребления, так и от хозяйственного освоения их жизненных пространств, в частности от роста поголовья домашних сельскохозяйственных животных и возросшей в связи с этим конкуренции на пастбищах.

В природе все живое связано между собой многими жизненными нитями, и мы подчас или не видим их, или обрываем, не задумываясь, как потом придется их связывать и возможно ли это будет сделать.

Допустим, где-то удастся приобрести некоторое количество азиатских гепардов (идеализируя сложившуюся ситуацию) или заменить их африканскими, подобрать подходящий участок, скажем на плато между Аральским и Каспийским морями, и выпустить зверей на свободу. К чему это приведет? «Столовую» для них не откроешь, и пойдут звери бродить в поисках добычи, возникнут конфликты с человеком, или одолеет голод. Значит, необходимо участок выпуска ограждать, охранять, обеспечивать новоселов питанием и т. д. и т. п. На сегодня такие масштабные мероприятия осуществить трудно, это серьезная проблема многих лет, но «дело в деле», и к нему надо приступать, пока не поздно.

Теперь мысленно перенесемся в Африку. В прошлом гепарды исчислялись там многими тысячами, на сегодня к югу от горячей Сахары они встречаются в основном в местах, куда пока еще нет паломничества охотников и туристов-«природолюбов», а также в заповедниках и национальных парках. В 50-х годах, по прикидкам ученых, гепардов в Африке насчитывалось примерно 40—50 тысяч голов. К настоящему времени не менее половины их «сложили» свои головы, и дальнейшая судьба оставшихся в живых целиком зависит от сознания людей и организации охраны фауны Африки. А здесь их положение все более и более ухудшается. Один из зарубежных ученых, многие годы изучавший биологию гепардов в Танзании, поведал: «Вечером накануне отъезда я заехал поужинать в ресторан возле заповедника Серонера.

— Что вы здесь делали? — спросила меня соседка по столику, оказавшаяся туристкой из Швейцарии.

— Изучал гепарда.

— О, так вы, наверное, можете достать гепардовую шкуру? Я встал и вышел».

К сожалению, таких «любителей» природы немало.

В мире насчитывается около 900—1000 зоологических садов и парков, в СССР их 36. В последние годы гепарды, только африканские, содержатся в 105—108 зоопарках общим количеством примерно 500 голов, из которых около 200 — приплод в неволе. Кроме того, на юге Африки в специальных питомниках живет около 100 гепардов, и в этом числе больше половины — доморощенные.

Молодые гепарды Московского зоопарка

В нашей стране африканские гепарды содержатся в зоопарках Москвы, Каунаса, Ростова-на-Дону, Алма-Аты. За последние пять лет их общая численность колеблется в пределах 22—30 голов. В Московском зоопарке проживает «семейка», состоящая из трех «кавалеров» и четырех «дам». Успех в размножении достигнут. 31 декабря 1981 года самка по кличке Мэри преподнесла новогодний «подарок», какого не было за всю историю Московского зоопарка, открытого для посещений в 1863 году. Мэри родила 6 котят! Едва утихло новогоднее веселье, как новый сюрприз. Другая самка, Нанга, порадовала четырьмя малышами, и все как на подбор. Однако следует поведать читателю, что приведенные выше данные о размножении гепардов в зоопарках мира не свидетельство больших успехов, нет, на 300 взрослых — 200 малышей — это очень мало. Разведение диких животных в неволе — дело сложное, его успех определяет не количество новорожденных, а количество выращенных до возраста, когда минует период «детских заболеваний». А они у животных не редкость, бороться с ними трудно, особенно при заболевании малышей. Но нашему столичному зоопарку на первые два приплода повезло: из 10 выросло 8! А вот год последующий хотя и тоже порадовал приплодом, но ... многие возбудители болезней диких животных пока еще «под маской», и нередко коварной.

Мне впервые удалось увидеть семью гепардов при осмотре Лондонского зоопарка. В большой вольере я заметил резвящегося взрослого зверя. Подошел, а присмотревшись, недоуменно повел плечами. Статное красивое животное игриво бегало то по кругу,

то петляло, затаивалось, а потом устремлялось вперед, а сзади за ним проделывали то же самое зверята, их было 3, размером со взрослую домашнюю кошку и в удивительных «накидочках» серебристого цвета с темноватой дымкой. Оказалось, что это гепард-мама проводит с малышами занятия по тактике выслеживания и преследования добычи. Сопровождающий меня сотрудник зоопарка заманил самку в домик, запер дверь и впустил меня внутрь вольера. Я стал изображать гепарда-папу, затеяв игру с котятами, в которую они, предварительно пофыркав и посвистев, охотно включились. Тут-то я их и рассмотрел и узнал со слов английского коллеги, что после 3-месячного пребывания в утробе самки котята появляются на свет слепыми и беспомощными, но уже в шерстяных «распашонках». Распашонки желтовато-серого цвета с обилием мелких темных пятнышек, в горошек. Вскоре от головы и до хвостика поверх пятнистой шерстки образуется этакая мантия из серебристых серых пушистых волос, которые потом, с 2-месячного возраста, начинают постепенно выпадать. Примерно в возрасте 100 дней от накидочки остаются только следы, а вскоре и они исчезают, и молодые звери уже полностью подобны в окраске своим родителям. Каково назначение этой оригинальной накидочки? Двоякое: маскировочное, когда приходится затаиваться где-то у корневищ кустарников или в траве в ожидании «мамы» с обедом, а также изолирующее от перегрева, что несколько подобно тому, как, например, жители Средней Азии, спасаясь от палящих лучей солнца, носят ватный халат и папаху.

Судьба пятнистого спринтера и в Азии и в Африке горько поучительна для всех нас, людей. Необходимость сохранить его неоспорима, иное дело, как люди справятся с этой задачей. Может возникнуть вопрос: а для чего спасать хищника, затрачивать на это время, средства? На протяжении примерно 5000 лет люди отлавливали гепардов, чтобы превратить их в своих верных слуг. Тешились охотами с ними на копытных животных, используя способности гепардов без промаха «попадать в цель», или же истребляли самих ради их красивой шкуры. Разведением охотничьих гепардов не занимались. Считалось, что в неволе молодняк этих животных изнежен и охотничьих инстинктов преследования добычи у них не будет. Долгими веками пополнение охотничьих свор гепардов шло только за счет добытых в природе. Печальную судьбу гепарда определила и истребительская охота на копытных животных. В частности, Индия долгое время являлась объектом прямого грабежа ее природных богатств со стороны колонизаторов и национальной буржуазии. Истребление антилоп подорвало естественную кормовую базу гепарда, а освоение пространств в целях их эксплуатации создало фактор беспокойства и привело к прямому вытеснению гепардов из мест их обитания, и, главное, из мест тихих, скрытых, где самки выкармливали, выращивали и обучали свое чадо борьбе за существование. Самка водит молодняк с собой (в помете бывает от 1 до 6 котят, чаще 2—4) до тех пор, пока они не сравняются с ней в росте. Происходит это примерно к полуторалетнему возрасту. Самец в воспитании своих детенышей участия не принимает. Но установлено, что в Африке гепарды образуют отдельные группы, состоящие из 3—4 взрослых особей, иногда однополых, для совместной охоты. При этом

интересно, что конфликтов между образующимися группами и внутри их даже во время дележа пищи не бывает.

Коротко о хищниках вообще. В обычном представлении хищник — это нечто страшное, свирепое, кровожадное и «людоедское». Но все это относительно, ведь есть даже растения-хищники: росянка, мухоловка, пузырчатка, непентес и другие. Они имеют приспособления для улавливания мелких беспозвоночных животных, которыми питаются. Роль хищников определена эволюцией. Они естественные регулировщики численности многих видов фауны, санитары, уничтожающие падаль, они несут службу выбраковки слабых, больных особей в популяциях диких животных. Они и неповторимые живые памятники: владыка Севера — белый медведь, полосатый красавец — тигр, сама «грация» — ласка, «мягкое золото» — соболь, пятнистый спринтер — гепард, могучие орлы и орланы, пернатые «молнии» — соколы и многие другие.

В законе СССР от 25 июня 1980 года «Об охране и использовании животного мира» сказано: «Животный мир является одним из основных компонентов природной среды, важной составной частью природных богатств нашей Родины». Обратите внимание: никакого деления на животных полезных, нейтральных, вредных, хищных и т. п.

«Хищный» — понятие, не тождественное понятию «вредный». А каждый вид — это нужный «винтик» в огромной машине природы, и об этом нам, людям, надо помнить.

ВЕРА ВЕТЛИНА

ТАКИЕ ХИТРОУМНЫЕ СОЛНЦЕЛЮБЫ

Очерк

Солнце... Величественное светило, источник жизни. Без его света и тепла Земля оставалась бы мертвой пустыней. Непрерывно изливая на нашу планету энергию в сотни биллионов лошадиных сил, оно выполняет разнообразную работу. Подобно исполинскому котлу, нагревает Землю по сравнению с окружающим межпланетным пространством на 300 градусов выше, что обеспечивает землянам жизнетворное тепло. Запускает и поддерживает в постоянном ритме круговорот воды в природе, без которого наша планета превратилась бы в «сухарь». Через посредничество зеленых растений кормит и снабжает чистым воздухом все живое на Земле. Не отказывает и во множестве других услуг. В общем если не считать энергии атома, высвобожденной человеком недавно и с большим риском для будущего планеты, то почти вся энергия, какой пользуется планета в течение миллионолетий,— это сила солнечного луча.

Но светило сияет равно для всех! А Земля, как известно,— шар, к тому же крутящийся, и в силу этого небесным теплом обогревается крайне неравномерно. Если в зоне экватора в среднем держится равномерная температура в 20—25 градусов тепла, то ближе к полюсам — ниже нуля. В целом же в разных местах планеты температура воздуха колеблется от плюс 60 до минус 90 градусов, то есть с амплитудой в 150 градусов!

Жить при таких крайних температурных показателях почти невозможно. Но люди придумали для защиты всевозможные приспособления — от элементарных крыш и стен до обогревателей и кондиционеров. К тому же, вольные в выборе места обитания,

они просто избегают поселяться у полюсов и в знойных пустынях. То же и братья наши меньшие, обеспеченные средствами передвижения в виде лап и крыльев, хвоста и плавников. Они могут уйти от грозящей опасности, на время или навсегда обосноваться в более подходящих местах.

Хуже растениям, до конца жизни прикованным к месту, на котором волей случая появились на свет. Право, начинаешь думать о несправедливостях природы, увидев где-нибудь у обочины пыльной дороги или на голом каменистом откосе погибающий от зноя и суши травянистый кустик, цветок, деревце.

Интересно, как повели бы себя деревья и кустарники, травы и цветы, будь и у них возможность передвижения в пространстве? Известно, что для большинства растений оптимальны умеренные температурные условия — плюс 15—20 градусов. Они могут сохранять жизненную активность в интервале от 1 до 45 градусов тепла. Более высокие и низкие температуры губительны для живой ткани. Известно, что при плюс 75 градусах свертываются белки цитоплазмы клеток, при минусовых показателях вода, насыщающая ткани, превращается в лед.

То же со светом. Растения — подлинные солнцелюбы. Они совсем не могут существовать в темноте, солнечный свет для них в буквальном смысле — жизнь. Но им, надо полагать, далеко не безразлично, сколько и каких лучей падает на них. Ученые попытались это выяснить, поставив остроумный эксперимент (о нем рассказывалось в одном из номеров журнала «Знание — сила»).

Чтобы предоставить подопытному растению свободу действий, ученые поставили его «на ноги». Кустик комнатной бегонии был помещен на специально сконструированной легкой тележке, оснащенной проводами и приборами. К побегам и листьям растения присоединены чувствительные датчики. В разных концах лаборатории установлены источники света, различающегося по своему качеству.

Вот ярко вспыхивает одна из ламп. Тележка вздрагивает и по сигналу цветка, уловленному датчиками и переданному электродвигателям тележки, медленно откатывается от источника света, по какой-то причине «неприятного» растению. Затем включается лампа с иным качеством света. Малейшим движением листьев и стеблей бегония реагирует на него по-другому и неторопливо направляется на своей тележке навстречу источнику света, который, по-видимому, полезен ей.

Так советские исследователи, используя высокую чувствительность растений, попытались установить их предрасположенность к разным условиям среды, выявить «черты характера», которые трудно наблюдать в природе. Это важно для более глубокого познания жизненных процессов, происходящих в растении, вероятно, поможет в дальнейшем управлять условиями их выращивания.

Но в естественных условиях растения, корнем привязанные к своему клочку земли, целиком предоставлены господствующим там силам стихии. Разбросала же их природа повсюду, не оставив незаселенным ни один уголок планеты, в том числе и такие ее места, где, казалось бы, никакая жизнь невозможна. И поражи-

тельно: зеленые землепроходцы с нх хрупким строеинем успешно осваивают прокалеиные зноем тропнческие пустынн н ледяные пространства Севера, живут под водой н возле огиедышащих вулканов, в душиом полумраке пещер н на продуваемых всеми ветрами горных вершинах. За тысячелетия эволюции растеиия выработали тончайшие, порой почти фаитастические прнспособлеиия к условиям существования.

Сложны и многообразны связи зелеиой былинкн с могучим, ио капрнзиым светилом. Прн этом самым удивительиым иадо считать их каждодневиое и ежечасиое общеиие.

Когда-то великий русский естествоиспытатель Климент Аркадьевич Тимирязев иазвал растения нстинным Прометеем, похитнвшим огонь с неба. Ои был глубоко прав. Нет ничего обыдеииее травы и иет иичего необычиее того, что в ней происходит. Легкая травинка, зеленый листок заставляют светило служить своим иадобиостям.

Сегодня каждому школьнику, осилнвшему пятый — шестой классы, известио: улавливая эиергию солнечного луча, зелеиое растеиие с помощью чудо-пигмента хлорофилла осуществляет фотосинтез. Из элементов неживой природы — углекислого газа и воды создает ту первопищу, которая в конечиом нтоге станет углеводами, белками и жирами, будет кормнть весь мир. А «отходом» этого «производства» — кислородом — все живое иа Земле дышит.

Масштабы фотосинтеза грандиозны. Ежегодио растения плаиеты улавливают 467 триллионов киловатт-часов солнечной эиергин. С ее помощью иа этой «кухне титанов» готовится более ста миллиардов тоин всевозможной органикн, выделяются в атмосферу сотни миллнардов тонн кислорода. Человечество, прн всех своих технических совершеиствах, прн широком и давнем изучении фотосинтеза растеиий, еще не иаучилось воспронзводить его искусственно в размерах, достаточных для широкого практического нспользования. Мы остаемся пока целиком иа иждивеиии зеленого листа.

В каждом растении, от одиоклеточной водоросли до гигантов зеленого мира, уже сотни миллионов лет идет этот феиомеиальный процесс. Но точные и тонкие солнечные агрегаты, заключенные в микроскопической растительной клетке, работают безотказио лишь в определенном ннтервале света н тепла. Чтобы жить в любых условиях обитания, в том чнсле экстремальных, растеиия пользуются многообразными, то геннально простыми, то изощренио сложными, «изобретеииями». Вот некоторые нз иих.

Я смотрю на окружающий меня тесный мирок привычных растений. За окном под знобящим ветром качаются голые ветви тополей н берез. Всюду, сколько видит глаз, земля укрыта толстым слоем снега. И хотя светит скупое зимнее солнце, не одолеть ему холодов. От них н спасаются растения иаших умеренных широт, заблаговременно сбрасывая зелень листвы, иеизбежно погибшей бы от морозов, или прячась до весны под снежное одеяло.

На окне у меня зимы нет, и все оно в зеленн комнатных цветов. Тепло, около 20 градусов, — наилучшая температура для жнзни растеиий. Одиако не скажешь, что оин уж так благоден-

ствуют. Все дружно отвернулись от тепла батарей и каждой веточкой, каждым листком тянутся к зиме, хозяйничающей за окном. Там нет тепла, без которого страдают сейчас их соплеменники под зимним небом, зато больше света.

Но примечательно, что к свету они устремляются не хаотично, каждый листок и побег сам по себе, а на редкость «организованно».

Вот карабкается вверх вдоль стены южный верхолаз — плющ. Искусной мозаикой разместились его темно-зеленые угловатые листья по стене. При этом ни один не стремится в погоне за светом обогнать другие, каждый, постепенно сдвигаясь в ту или другую сторону, находит положение, при котором, освещаясь сам, не затеняет другие.

Чувствительность растений к свету, как подтверждает и описанный выше эксперимент, исключительно велика. Они «замечают» разницу в длине дня, которая остается неуловимой для человека. Многие из них после долгого пребывания в полутьме моментально поворачиваются на вспышку света, которая продолжается всего лишь две тысячных секунды.

Суровым испытаниям темнотой и холодом подвергает растения Север. Но они в борьбе за существование приспособились и к ним.

Ураганные ветры вкупе с морозами, доходящими до 50—60 градусов, с зимой, продолжающейся до девяти месяцев в году, казалось бы, делают невозможной прежде всего жизнь многолетних высоких деревьев. Однако и они не оставляют этих экстрасуровых мест. Только хитро преобразились. Привычные нашему взору белоствольные березы и тенистые ивы превратились в карликов. Больше похожие обликом на травянистые растения, полярные березки и ивы не вырастают выше уровня снежного покрова и тем спасаются от нестерпимых холодов.

Еще хитроумнее поступает кедр, известный всем как могучий красавец тайги, но приспособившийся жить также на горных склонах и скалах Севера. Здесь и ему не под силу открытая борьба со злобными стихиями. Кедр перестроился, но не примирился. Он приобрел вид так называемого стланика. Его приземистая крона с жесткой сизо-зеленой хвоей, прижатой к побегам, летом поднимается над почвой на два-три метра. Осенью же кедр-стланик заранее начинает готовиться к зимним испытаниям. Чтобы уберечь свою голову от ураганных ветров и морозов, он постепенно склоняет ее к земле примерно до полуметрового уровня, которого обычно достигает снеговой покров. Так, то распрямляясь во весь рост, то наклоняясь, кедр преодолевает невзгоды Севера.

На высоких широтах Заполярья холодный окоем континента встречается с Ледовитым океаном. Дальше — только обледенелые кусочки суши, затерявшиеся в океане,— арктические острова.

К северу от Чукотки лежит один из таких уголков суши — остров Врангеля. Три четверти года здесь царит зима с долгой-долгой арктической ночью, со жгучими морозами и пронизывающими ветрами. Только в конце июня, когда утвердится на небе незаходящее солнце, тают снега. В сентябре возвращаются морозы. Столбик термометра лишь на короткое время, да и то

неуверенно поднимается выше нуля. Даже в июле и августе может налететь пурга.

Но жизнь не сдается и здесь. Стоит солнцу расчистить проталины, как появляются на иих первые храбрецы. Начинается поразительное по своей динамичиости весеннее оживление северной природы. Обгоняя друг друга, поляриые растения спешат в предельно сжатый срок, отпущенный природой, развернуть навстречу солнцу листву, зацвести и выпестовать семена, отложить в зимующих почках и корневищах запасы питания до будущей весны.

Их изобретательность в борьбе за жизнь поистине беспредельна. Вот на скалах и каменистых россыпях оживают плотные зеленые дерновинки куропаточьей травы — дриады. Промелькиут дни, и они покроются довольно крупными белыми цветками с ярко-желтой серединкой. Цветки не простые, а своего рода миниатюрные гелиостанции. «Конструкция» лепестков такова, что падающие на цветок солнечные лучи собираются в его центре, где находятся тычинки и пестики. Температура там поднимается градусов на восемь выше окружающей. На тепло слетаются насекомые, опыляющие цветки. Это позволяет куропаточьей траве быстро и надежно вырастить семена, вовремя «разослать» их по новым адресам. Такими же уловителями солнца служат глянцевые, формой похожие на вогнутые зеркала лепестки желтых арктических маков и лютиков.

На более теплых южных склонах, под защитой гор раскрываются крупные синие цветки прострела, или сон-травы. Она для защиты от холода «приобрела» себе шубку, вся, вплоть до чашечек цветков, укутавшись в густые серебристые волоски.

Зацветают голубые незабудки, за ними ярко-красные кастиллеи, желтые лапчатки, множество других цветов. Каждый клочок арктической земли, где можно зацепиться корешку, одевается зеленью и цветами, празднуя краткое, но яркое торжество жизни.

На противоположном конце земного шара лежит континент, где планета хранит около 90 процентов всех своих запасов льда. Это Антарктида, всепланетный холодильник, в котором даже летом стоит температура на уровне хорошей зимы умеренных широт, а зимой столбик термометра опускается почти до минус 90 градусов. Какой росточек жизни выдержит такое?

До недавнего времени этот континент и считался лишенным какой-либо растительности. Но сегодня в ученом мире уже употребляется термин «флора Антарктиды».

Кто же здесь ее первопроходцы? Это прежде всего выносливейшие из выносливых загадочные содружества микроскопических водорослей и низших грибов — лишайники. Почти ие существует предела, который может их остановить. Они взбираются выше всех к горным вершинам. В Гималаях колонии лишайников живут на высоте более семи тысяч метров. Им не страшны жгучее солнце и нестерпимые холода. Они способны выдерживать кратковременное понижение температуры до минус 200 градусов! При крайне неблагоприятных условиях жизнь лишайников замирает, но они способны вновь, всего за несколько минут вернуться в активное состояние. Единственное непреодолимое препятствие для них — загрязненный воздух. Лишайники — простой и точный

индикатор. Если они начинают погибать на привычных местах, значит, состояние воздушной среды должно вызывать опасение.

Антарктиде загрязнение атмосферы серьезно пока не угрожает. И ученые уже насчитывают там около 400 из 20 тысяч видов лишайников, существующих на Земле. Неприхотливые первопроходцы поселяются на промороженных антарктических скалах. Исподволь растворяют и размельчают поверхность монолита. Понемногу накапливается основа почвы, на которой позже начнут поселяться и другие растения. Весной среди безжизненных скал можно повстречать и куртинки мхов, и росточки своеобразных трав.

От ледяных пространств Арктики и Антарктиды обратимся к иным пустыням, туда, где властвует знойное солнце.

Для большинства растений предел, когда они могут вести активную жизнь, как уже говорилось, составляет 45 градусов. Между тем природа не оставила незаселенными и такие зоны Земли, где жара порой достигает чрезвычайной силы — до 60 градусов. Обитателям столь суровых условий среды необходимы свои «изобретения», позволяющие выжить.

Некоторые из них сходны с теми, к каким прибегают жители северных зон, спасаясь от холода. Например, песчаная акация наших среднеазиатских пустынь сбрасывает свои серо-зеленые листочки и переходит в состояние покоя. Только не зимой, как в умеренных широтах, а в самые знойные летние месяцы. Саксаул лишает себя на это время даже части своих зеленоватых веточек вместе с листьями-чешуйками.

Травянистые растения-эфемеры пережидают жару в виде семян, луковиц, корневищ. Чемпионом выносливости среди них можно, пожалуй, назвать осочку. В предгорьях Памиро-Алая зимой и весной эта неказистая травка расстилается зеленым ковром, на котором пасутся стада и отары. Но наступает знойное лето. Почва, у самой поверхности которой располагаются корневища осочки, накаляется до 70 градусов и совсем пересыхает. Высыхает и осочка, но не гибнет, а как бы засыпает. В таком виде ее корневища, оставаясь живыми, способны выдерживать жару даже в 90—100 градусов! А стоит брызнуть осенним дождям, повеять прохладой, терпеливая травка вновь одевается свежей зеленью.

Один из хитроумных изобретателей оригинальной защиты от избытка солнца — безвременник, растение, играющее с солнцем в прятки.

Те, кому доводилось бывать в горах Западного Кавказа осенью, наверное, обращали внимание на необычные для этого времени года россыпи цветов. Странным кажется их вид: ни стеблей, ни листьев, только крупные розовые бокальчики из шести нежных лепестков, словно поставленные прямо на земле. По лесным опушкам, по горным лугам они взбираются до высоты трех тысяч метров. Среди опустевших гор, поблекших и высохших трав эти неожиданные цветы выглядят маленьким чудом.

Странности цветка на этом не кончаются. Вернувшись в эти места весной, удивитесь еще больше. Если осенью наперекор другим горным травам, ушедшим на зимний покой, безвременник праздновал свою весну, то весной, в пору всеобщего роста и

цветения, ои окажется в летие-осеннем наряде: с крупными лнстьями и плодом-коробочкой на довольио высоком стебле. Отсюда н название — безвременник, цветок, перепутавший времена года.

Но путаницы здесь нет. Наоборот, удивительио точный расчет. Безвремениик, уроженец Средиземноморья с его жарким, засушливым летом, избрал своеобразный способ избегать летних невзгод.

В отличие от других растений завязь цветка у иего спрятана в луковице, где в течение зимы и развиваются семена, завязавшиеся прн осеннем цветении. К началу жаркого сезона он уже «отсеялся».

Еще в давние времеиа среднземноморский цветок, сохраняя свой необычный цикл развития, заселил берега Черного моря, в том числе древнюю Колхиду. По ее нмени дано латинское название всего рода безвременников — колхикум (Colchicum), а встречениому иами в горах присвоено видовое название специозум (speciosum), то есть великолепный, что вполне соответствует истине.

Однако в мастерстве и изощренности «камуфляжа», пожалуй, впереди всех уроженцы и обитатели мексиканских пустынь — кактусы, живущие у самого барьера, за которым — неизбежиая гибель.

Припомним, как выглядят их родные места. Большая часть Мексики — это горы и плато. Около трех четвертей территории страны занимает Мексиканское нагорье с отдельными горными вершинами, превышающими пять тысяч метров. На севере и во внутреиних районах нагорья лежат степи, полупустыни и иастоящие пустыни, где слишком много солнца, которое не столько греет, сколько обжигает. И катастрофически мало здесь для растений воды.

Здесь не редкость шестидесятиградусная жара, а осадков за год выпадает в среднем лишь сто миллиметров. Между тем растения, как, впрочем, и человек, почти на 80 процентов состоят из воды. Ее дефнцит может прнвести к гибели. Здесь же засухи, способные высосать жнвую влагу до капли, длятся многне месяцы. Но н в этих сверхэкстремальных условиях кактусы не только не гнбнут — процветают! Трудно повернть, но количество воды в этих колючнх первопроходцах доходит до 95 процентов их веса.

Чтобы существовать на почве, порой иапоминающей раскаленную сковородку, кактусам пришлось преобразнться настолько, что в иих не всегда признаешь представителя флоры. Ни побегов, ни лнстьев — привычных элементов каждого зеленого растения. Нн прочных деревянистых стволов. Вместо ннх — мощиые зеленые колоины и канделябры, ребрнстые н гладкие шары, похожие на сввриувшегося ежа...

В некоторых местах эти причудливые создания составляют основу мексиканского ландшафта. Средн них самый крупный кактус в мире — карнегия гигантская, которая подиимается до высоты трехэтажного дома. Ее ребристые канделябры видны средн лавовых пустынь северной Мексики. За короткнй сезои дождей карнегия накачнвает в свон ткани до трех тысяч литров

воды, а потом больше года может существовать при жестокой засухе, не пополняя водных запасов. Чемпиону выносливости среди крупных животных — верблюду Сахары далеко до этого колючего исполина.

Несмотря на столь тяжкую судьбу, живет карнегия до 150—200 лет, достигая семи тонн веса.

Пожалуй, меньше всех — крохотный шарик мамиллярии высотой всего лишь в несколько сантиметров. Этот обитатель мексиканской саванны словно слеплен из множества продолговатых зеленых бугорков-сосочков, ощетинившихся крючковатыми колючками. А на макушке — веночек нежных цветков!

Трудно описать многообразие и причудливость кактусов. Только в Мексике их насчитывается около 500 видов, а всего в природе около трех тысяч.

Феноменальная жизнестойкость кактусов обеспечивается поразительно «разумными» приспособлениями. Отброшены обычные листья, неэкономно тратящие воду на испарение. Они превратились в оружие защиты — колючки. Главную функцию листьев — фотосинтез принял на себя неузнаваемо изменившийся стебель. Туда переместились зеленые хлоропласты. Заодно он стал вместилищем запасов воды. Неизменными остались лишь корни-насосы и удивительные для этих непривычных созданий яркие и нежные цветки.

Одна из главных забот обитателей открытых пространств — защита от палящих солнечных лучей. Спастись можно только в тени, но ее напрасно искать в пустыне. Кактусы сами создают для себя тень. Этому служит ребристость их колонн и шаров, при которой отдельные части растения попеременно «отдыхают» в тени. Колючки некоторых видов густо располагаются на самой уязвимой части растения — верхушке в виде перекрывающих друг друга зонтиков.

Еще одна, чуть ли не фантастическая служба колючек: они устраивают кактусам легкий душ. Во время частых ветров на них накапливаются электростатические заряды. Когда же спадает жара и в воздухе появляется распыленная влага, заряженные колючки притягивают капельки воды, освежая растение, утоляя его жажду.

Если говорить о причудах растительного мира, нельзя не упомянуть о мощном тысячелетнем дереве, чуть возвышающемся над землей и обходящемся всего лишь двумя листьями. Это странное дерево было открыто примерно сто лет назад в безводных песках юго-западной Африки, в Анголе. Первым нашел его и описал немецкий ботаник Фридрих Вельвич. По его имени растение получило ботаническое название вельвичия удивительная.

Поистине не перестаешь удивляться, знакомясь с ней. Представьте себе массивный ствол дерева диаметром в метр и больше, возвышающийся над почвой всего лишь сантиметров на тридцать. Он похож скорее на круглый потрескавшийся стол, закрепленный в песках мощным корнем. С краев «стола» ниспадают два широких кожистых и ребристых листа длиной до двух метров. Появившись на свет из борозд в стволе и выросши до положенных размеров, листья так и остаются, не сменяясь другими до

конца жнзнн дерева. А жнвет вельвичия, как установлено с помощью раднологического аналнза, тысячу и больше лет. За столь долгое время листья, несмотря на свою прочность, разрываются, размочаливаются ветрами пустынн, становятся похожими на лохмотья, но продолжают жить.

Вельвичия — дерево-отшельник. Она не растет группами, рощицамн, да н в однночку встречается крайне редко. Поселяется лишь в тех местах пустынн Намиб, куда доходят океанские туманы — почти единственный нсточник влаги для этого сверхвыносливого дерева.

Пожалуй, вельвичию н следует считать одним из самых необычных феноменов прнроды.

ЕВГЕНИЙ МАРХИНИН

К ВУЛКАНАМ ЯПОНИИ

Очерк

Московский международный аэропорт Шереметьево-2 радовал стилем, красотой, просторностью, продуманностью деталей. Рейс Аэрофлота СУ-585 Берлин — Москва — Токио задерживался на несколько десятков минут. Задержка рейса, скажем, на час для нас ничто, и наша группа так называемых научных туристов от остальных пассажиров отличалась полным спокойствием. Среди пассажиров рейса было, естественно, много японцев и японок с детьми и без детей, но немало и европейцев.

Несколько раз публика вскакивала со своих мест и выстраивалась в длинную очередь у дверей, через которые должна была начаться посадка. Но тревога оказывалась ложной. Наша же группа не суетилась, поэтому, когда посадка действительно началась, мы вошли в самолет последними и нам предложили сесть на свободные места. Я сел в середине второго салона у прохода. ИЛ-62 совершает рейсы из Москвы в Токио без посадки. Полет занимает девять с половиной часов. Моими соседями оказались молодой человек и девушка из ГДР, владеющие русским языком. Молодые люди летели в Японию как японоведы, в порядке обмена специалистами.

— А вы, вы надолго в Японию? И с какой целью? — поинтересовались они.

Я летел туда (как и вся наша группа) на две недели на Международный симпозиум по вулканизму островных дуг. Казалось естественным, что такой международный симпозиум проходил в Японии, которая, если смотреть на нее как на геологическую структуру, — островная дуга, страна вулканов.

Вулканы играли очень важную роль в жизни нашей планеты.

Что же касается таких стран, как Япония и Индонезия, то современная вулканическая деятельность затрагивает многие стороны жизни этих государств в связи с тем, что там не только небольшие населенные пункты, но и крупные города часто расположены в непосредственной близости от активных вулканов. С деятельностью последних связано образование многих полезных ископаемых. Вулканы тесно взаимодействуют с горячими источниками и гейзерами. В Японии, Италии, США, Новой Зеландии, Исландии, Советском Союзе взаимодействующие с вулканами гидротермальные системы разбуриваются для строительства электростанций.

За разговорами девять с половиной часов полета пролетели почти незаметно. Нас попросили приготовиться к посадке. Самолет коснулся японской земли и через несколько минут подрулил прямо к длинному рукаву-коридору, устланному коврами, по которому пассажиры прошли в здание аэропорта Нарита. Мы прибыли в Японию в середине жаркого дня. На безоблачном небе сияло яркое солнце. Температура воздуха была около 30 градусов, но в здании аэропорта благодаря кондиционерам было даже прохладно.

Нас встретила представительница японской туристической компании, проводила к автобусу. От аэропорта до центра города приблизительно полтора часа езды. По обе стороны дороги мелькали низенькие, большей частью полутора-двухэтажные домики. Мы пересекали реки, проезжали мимо озер и зеленых лужаек, на которых кое-где молодежь играла в какую-то игру с маленьким мячом, как мне показалось, похожую на нашу лапту. День был воскресный. Кое-где с балконов больших домов свисало выставленное на просушку белье.

Вот и центр города. Здесь мало машин, мало пешеходов, мало больших домов. Много зелени. Каменная стена и ров, заполненный водой, вокруг императорского дворца. Через несколько минут мы подъехали к гостинице «Диамант».

В японских гостиницах

Все мы получили двухместные номера. Я поселился вместе с армянским геологом Рубеном Джрбашяном.

В японских гостиницах, как в «Диаманте», так и во всех других, с которыми нам позднее пришлось познакомиться, поражала удивительная продуманность интерьера. В номерах не было лишних вещей, но каждый предмет полностью вписывался в обстановку. Пожалуй, первое, что привлекло наше внимание, были кимоно. Кимоно в любой японской гостинице также обязательно, как и полотенца. Не в «Диаманте», а, кажется, в гостинице «Коваки-ен» курортного городка Хаконе в каждом номере лежала памятка для гостей, в которой объяснялось, что кимоно в отеле — это одежда вроде халата, в которой выходить из номера не совсем прилично. Однако сами японцы — мужчины и женщины, распаренные после так называемых полинезийских ванн, поджав под себя ноги, именно в таких халатиках-кимоно (кстати, они совершенно одинаковые для мужчин и женщин)

сидели веселыми компаниями даже в фешенебельном пригостиничном ресторане.

Завтрак в ресторане — непременный атрибут жизни в гостинице. Ресторанов при гостинице обычно несколько. Вариантов завтрака тоже. Например, завтрак «по-японски», завтрак «по-американски». Когда вселяешься в гостиницу, администратор сразу выдает талончики на завтрак. Многие участники симпозиума завтракали «по-американски». Каждый день практически одно и то же. Вода со льдом. Апельсиновый сок (очень холодный) или какой-либо другой напиток на выбор, омлет с ветчиной или салат, кофе и сливки или чай и лимон, масло, булочки. В некоторых гостиницах на пути в рестораны располагаются своеобразные открытые магазины (без определенного входа и выхода), заполненные всякой всячиной.

Позавтракав, мы отправились на открытие симпозиума...

Открытие симпозиума

Работа симпозиума проходила в Токио в банкетном дворце «Тэйо Кайкан». От гостиницы «Диамант» до него две-три минуты пешком по нешироким зеленым улицам. Современное, если не ошибаюсь, семиэтажное здание гостеприимно автоматически раздвигает перед каждым свои большие стеклянные двери. Вы проходите внутрь, в прохладу вестибюля, и двери тотчас за вами сдвигаются. Дворец предназначен для банкетов, свадеб, всякого рода торжеств, а также для научных заседаний. В нем много просторных залов с мягкими, ковровыми полами, неодинаковыми, но однотонными, с великолепными интерьерами в разном стиле соответственно назначению. В нем есть залы с европейской, с японской, а если нужно, то и со специально заказанной сервировкой столов.

В вестибюле с утра, как обычно, — регистрация участников, выдача специальной литературы, значков, путеводителей, карт, тезисов докладов. Перед началом первого заседания здесь особенно многолюдно.

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний! —

сказал когда-то поэт. Впрочем, состояния никак на внешнем виде не отражаются, а «наречие» здесь одно — английское. Да и все без исключения доклады на симпозиуме были сделаны на английском языке...

Открыл симпозиум председатель оргкомитета, вулканолог-сейсмолог Дайсуке Шимозуру, которого я знаю уже несколько лет. Как-то на Сахалине мне его представил мой старый товарищ Павел Иванович Токарев — «главный прогнозист» вулканических извержений в нашей стране.

До перерыва на обед участникам семинара было предложено три доклада: гавайского вулканолога Валькера — о прогрессе в изучении взрывного вулканизма; американцев Христиансена и Петерсона — о результатах изучения извержения вулкана Сент-Хеленс (США, штат Вашингтон) в 1980—1981 годах; Изуми

Иокояма — профессора Хоккайдского университета — о результатах системного изучения японских вулканов, особенно вулкана Усу. Усу с Кунашира не виден, но в случае извержения его вулканический пепел запросто может выпасть на Кунашире. И еще любопытная деталь: Япония — Страна восходящего солнца. Солнечный диск — это ее государственный герб. Но когда на Хоккайдо, на полуостров Сиротоко смотришь с берегов Кунашира, видишь этот диск на западе. Япония тогда представляется страной не восходящего, а заходящего солнца. И какие великолепные закаты видел я над Японией с этого острова!..

С профессором Изуми Иокояма — крупным японским вулканологом-геофизиком, мы познакомились в Москве во время одного международного совещания. Он перевел с английского на японский мою книгу «Цепь Плутона», но в Японии она так и осталась неизданной. Обстановка в стране несколько изменилась, изменилась и конъюнктура для публикации на японском языке работы советского вулканолога. Потом мы встречались с ним и в Южно-Сахалинске.

— Жаль, что вы не побывали на Хоккайдо,— сказал мне Иокояма при встрече в Токио. Потом он подсел ко мне во время заседания в темном зале, когда один из докладчиков показывал слайды.

— Иокояма,— сказал он, чтобы я в темноте узнал его.— Это вам сувенир на память о Японии.— Он протянул маленький мягкий сверток. Я развернул его, придя в гостиницу. На шелковистой материи была изображена красавица Фудзи — священная гора Японии...

Кроме первых трех, все последующие доклады были ограничены двадцатью минутами и проходили параллельно в двух (в Токио) или в трех (в Хаконе) аудиториях. Каждый участник семинара в зависимости от программы и от обстоятельств либо слушал тот или другой интересующий его доклад, либо использовал время для частных бесед в кулуарах, либо попросту отправлялся знакомиться с Токио.

Во время перерывов в вестибюле подавались горячий чай и соки со льдом. Сидя в кресле где-либо в уголке холла и потягивая апельсиновый сок со льдом, хорошо было приглядываться к пестрой многоликой интернациональной ученой публике. Вот, например, прохаживается личность экзотического (с моей точки зрения) вида. Толстая коса свисает до середины спины. Полное круглое лицо обрамлено бородой. Шорты. Босоножки. И хотя одеты участники семинара очень неодинаково (можно увидеть здесь и строгие темные костюмы, белые рубашки и галстуки), легкие одежды все же преобладают. Докладчик в футболке с надписью, в шортах и в сандалетах на босу ногу — дело обычное. Кстати, о надписях на футболках. Они иногда оказываются любопытными и кое-что могут рассказать о самих хозяевах футболок. Так, на одном из банкетов, устроенных в честь участников семинара, на груди одного из молодых людей я прочел надпись: «Мы любим геологию» (на английском языке). В вестибюле дворца «Тэйо Кайкан» я встретился с дамой, у которой на футболке была изображена летящая птица, а надпись гласила: «Сегодня мы птицы, а завтра будем людьми».

Кое-кто, сидя в холле, перечитывает свой доклад, видно, ему скоро выступать. А мое сообщение планируется на завершающем этапе работы симпозиума в Хаконэ. Волноваться еще рано и можно побродить по улицам Токио.

Едва мы устроились в гостинице «Диамант», как мне позвонил Хитоши Аоки — профессор Колледжа морских наук и технологии университета Токаи из Шимизу, который приехал в Токио и хотел встретиться со мной. Я познакомился с ним на одном из геологических совещаний на Сахалине. Он по-юношески подтянут, энергичен, подвижен, хотя ему уже около пятидесяти. Активно изучает русский язык, участвовал в работах советских научно-исследовательских экспедиционных судов. Поддерживает дружески-деловые контакты со многими учеными в Советском Союзе. Любит искусство. Прекрасно рисует. Однажды он прислал мне великолепный альбом своих рисунков — учебное пособие для студентов — море и его берега. Профессор Аоки организовал перевод с русского и публикацию на японском языке моей (совместно с Н. Е. Подклетновым) статьи об образовании углеводородов и биологически важных органических соединений в процессе извержения вулкана Толбачик.

За те два-три дня, которые Аоки мог пробыть в Токио, он предложил нам немного показать город. В эти экскурсии мы всегда ходили вчетвером: Аоки и три члена нашей делегации или Аоки, его бывшая аспирантка Икуйо Икэгая (кстати, тоже знающая русский), Рубен Джрбашян и я. Число четыре удобно еще и тем, что именно столько может поместиться в такси.

В центре Токио автомашины вынуждены останавливаться, пропуская пешеходов, гораздо чаще, чем, скажем, в Москве. Вообще у меня сложилось впечатление, что на улицах Токио царствует принцип: прежде всего — все для пешехода!

Пешеходам тоже следует отдать должное: они весьма дисциплинированны. Японский пешеход не пойдет на красный свет, переходя даже маленькую улочку и даже тогда, когда ни справа, ни слева никаких автомашин нет. К слову, движение в Японии левостороннее, и при переходе улицы надо сначала посмотреть направо. Токио — огромный город, едва ли не самый крупный в мире по населению, но число несчастных случаев на улицах сведено до минимума. Я думаю, благодаря внимательности водителей и дисциплинированности пешеходов. Есть в Токио светящийся транспарант, на котором ежедневно указывается число несчастных случаев, происшедших на дорогах города за прошедшие сутки. Я сам однажды его увидел. Какое же число, вы думаете, было там обозначено: 50? 100? Ничуть не бывало: 1!

Естественно, в Токио мы пользовались не только такси, но и всеми другими видами городского транспорта. Входы в метро в Токио не броские, скромные. Но под землей просторно, чисто, удобно. На схемах каждая линия метрополитена окрашена в определенный цвет. В такой же цвет окрашены вагоны, бегающие по этой линии. В вагонах свободно. Всегда можно сесть. Все хорошо, но проезд в метро в сравнении с нашим непривычно

дорог, к тому же цена билета возрастает в завнсимости от расстояния.

Пользовались мы в Токио и наземной железной дорогой, но больше предпочитали ходнть пешком.

Еще по дороге от гостиницы «Диамант» до дворца «Тэйо Кайкан», где проходили наши заседания, я обратил внимание иа какой-то очеиь своеобразный звон, стоящий в воздухе. Он то усиливался, то затихал, то возникал снова. Это звенели цикады. Прямо как в садах и парках юга. Вечерами цикад можно было видеть около уличных фонарей, на которые они иногда иаталкивались и разбивались. Этот звон цикад в центре большого города показался мне удивительиой специфической чертой Токио.

Вы можете целый деиь ходить по Токно в начищеииой до блеска обуви, а когда вы вернетесь в гостиницу, ваша обувь будеть блестеть так же, как и перед прогулкой,—настолько в городе чисто.

С чего же начинать знакомство с Токио? И Хитошн Аоки, н Икуйо Икэгая, и позднее гид «Интуриста» рекомендовали сначала осмотреть город «с высоты птичьего полета», с высоты телевизноиной башни. Токийская телевизионная башня находится в центральной части столицы. Японцы подчеркивают, что, хотя она значительно выше, чем зиаменитая Эйфелева (с которой она иесколько схожа), конструкция ее гораздо легче. У нее высокий запас сейсмической устойчивости—она способна выдержать 8-балльное землетрясение, то есть, если бы оиа была построена давио (а она сооружена в 1958 году), она устояла бы прн знаменитом землетрясении 1923 года.

Основное иазиачеиие башни—передача телевизионных программ. Но иесомненно и то, что токийская телебашня—один из важнейших турнстских объектов столицы Японии. Поэтому в нижних ее этажах размещеиы рестораны, сувенирные магазины, Музей восковых фигур, акварнум. На высоте 150 метров—«главная обсерватория». Поднимаемся... В «главной обсерваторни», то есть на большой смотровой площадке, опоясывающей башню на высоте птичьего полета, очень оживленно. Может быть, потому, что погода прекрасная, видимость отличная. Много японцев с детьми. Иностранцев сравнительно мало. Шаг за шагом обходим башню вокруг, озирая великий азиатский город. Впрочем, почему «азиатский»? Город замечательиой общечеловеческой культуры н цивилизации. При взгляде на город сверху традиционно японскими выглядят, пожалуй, только крыши храмов и многих небольших домов. Внимание наше привлекли многочисленые зеленые парки и голубые бассейны с купающимися. Небоскребов не так уж много. Самый высокий, по словам профессора Аоки, насчитывает свыше шестидесяти этажей.

Осмотрев Токио с телевнзноиной вышки, мы отправились зиакомиться с отдельными достопримечательиостями города. Профессор Аоки н Икуйо привели нас в парк Коракуэн. Говорят, это нечто вроде американского Дисней-парка. Посетители главным образом дети или дети со взрослыми. Множество разнообразных аттракционов. Аоки н Икуйо предложили иам для начала двойную

Памятник архитектуры

Статуи близ буддийского храма

мертвую петлю (двойную петлю Нестерова). Икуйо посмотрела на меня ожидающе: не откажусь ли, не повредит ли мне такое испытание? Все-таки уже не мальчик. Мог ли я после этого постыдно отказаться? Кресла были расположены по двое. Рубен сел с Хитоши, я—с Икуйо. Машина пришла в движение, и через мгновение мы вниз головой мчались с сумасшедшей скоростью к максимальной высоте. Я сжал зубы. Мальчишки и девчонки в других креслах, наоборот, подняли страшный визг, в котором, однако, было больше восторга, чем страха... Р-раз... Мы внизу в нормальном положении, но это только мгновение—и вот опять вниз головой мы мчимся к максимуму второй петли. Снова восторженный визг ребятишек. Нас освобождают от креплений, мы выбираемся из кресел на платформу, от необычной встряски я чувствую дрожь в суставах, но, конечно, не подаю вида. После мертвых петель аттракцион «альпийские горы» (или что-то в этом роде) показался нам пустячком. Сидя опять попарно в колясках, мы носились по рельсам в гору и с горы, выделывая резкие, крутые повороты.

В районе студенческих увеселений (так назвал Шинджику профессор Аоки) мы побывали в ранние вечерние часы. Узкие улочки, небольшие дома, сплошь ресторанчики, магазинчики, заведения для всевозможных игр, и все это освещено необычайно ярким светом реклам.

Жаровня со священными благовониями у входа в буддийский храм

Гора Фудзи — самая высокая гора Японии — подимается иад уровием моря иа 3776 метров. Это правильиый вулканический конус, имеющий в осиовании около 50 километров. Вершину горы венчает круглый кратер, поперечиик которого достигает 500, а глубииа 250 метров. Фудзи в историческое время извергалась не меиее тридцати раз.

Первое из этих извержеиий произошло в 781 году, последиее в 1707—1708 годах. Крупными были изверженния Фудзи в 800, 864 и в 1707—1708 годах. Со времени изверженния 1707—1708 годов Фудзи дремлет. Но в восточиой части вершинного кратера пробиваются фумаролы, а иа глубине иескольких километров под вулканом иногда регистрируются толчки иебольшой амплитуды.

Перенос заседаний из Токио в Хакоиэ одиой из целей имел познакомить участников междуиародиого симпозиума со священной горой Япоиии. Переезд из Токио в Хакоиэ был, собственно, геологической экскурсией по окрестностям и склоиам Фудзи. Поэтому, хотя расстояиие от Токио до Хакоиэ каких-нибудь 60 километров, иаш переезд занял весь день.

В восемь утра вся многоликая интериациональиая публика оживлеиио толпилась у входа в гостиницу и рассаживалась в комфортабельные автобусы. Каждый получил путеводитель, карту маршрута с указанием остановок автобуса и точиое описание дня экскурсии от момента выезда из отеля «Диамант» в Токио до прибытия в отель «Коваки-еи» в Хакоиэ.

По программе экскурсии между Токио и Хакоиэ автобусы довольно высоко поднимаются иа склоиы Фудзи и делают

Г. Тазиев, Е. Мархинин и Д. Миллер на склоне Фудзи

одиннадцать остановок. Цель их — дать возможность вулканологам и геологам посмотреть обнажеиия, взять образцы лавовых потоков, шлаков и пеплов разного возраста и разиого состава, пофотографировать. В одиом из обнажений между черными базальтовыми шлаками Фудзи белеет слой риолитового пепла толщиной десять сантиметров. Ои образовался двадцать две тысячи лет назад во время извержения кальдеры Айра, расположениой в южиой части острова Кюсю, на расстоянии почти тысячи километров от Фудзи.

Обедаем «по-полевому», ио, так сказать, в япоиском стиле. На самой высокой точке, на какую только поднялись автобусы по склоиу Фудзи, участникам экскурсии раздают по симпатичиой бумажной коробке с бутербродами, салатами, мясом и банкой апельсинового сока. В каждой коробке также пластмассовая тарелочка, вилка и ложка. На месте бивака — длинные столы под навесами. Погода здесь, на склоне Фудзи, прохладиая и пасмурная, временами иакрапывает дождь. .

Программой предусмотрен пешнй подъем на сто метров к подножию одиого из побочных кратеров. Непривычно подниматься на вулкан по ступеиькам. Ступеиьки широкие, с метр, а то и больше, сделаиы из плоских глыб базальта. Вокруг них — шлак.

Путь идет через великолепный смешанный лес, и воздух напоен одурманивающими запахами лесной сырости и хвои. Совсем как на родном Кунашире.

А кто же это такой знакомый шагает впереди? Конечно же это он, Гарун Тазиев. Догоняю его.

Гаруну Тазиеву уже за шестьдесят, но он в хорошей спортивной форме и полон сил. Разговариваем о научных проблемах. Потом спрашиваю его:

— В экскурсиях на Кюсю будете?

— Нет, не буду. Некогда. Работы много.— И добавляет:— Дело в том, что я там уже не раз бывал.

Фотографируемся на память на склоне Фудзи. Вслед за нами по каменным ступеням подымается большая группа задорных, с веселыми, живыми, любопытными глазенками японских младших школьников и школьниц. Все они в одинаковой полуспортивной вида форме. Во главе их не то молодая монашка (судя по одежде), не то учительница.

Я с удовольствием смотрел на этих пытливых японских ребятишек. Славные дети Страны вулканов! Пусть вас ждут безоблачное небо, мирный труд и дружба с соседями по планете!..

Тропа описывала полукруг и возвращалась на шоссе ниже того места, откуда мы начали пеший подъем. Там уже ждали автобусы.

Спустившись с юго-западного склона Фудзи, автобусы миновали небольшой уютный городок Готемба и начали подниматься на северо-западный склон вулкана Хаконэ. Хаконэ — это большая кальдера*. Длина ее в поперечнике около одиннадцати километров, ширина — десять. В кальдере много фумарол и горячих источников. Юго-западная ее часть занята озером.

Своеобразие ландшафта, исторические памятники, целебные источники — все это привело к тому, что в 1933 году кальдера Хаконэ получила статус Национального парка Японии. Сейчас здесь курортный район — в полутора часах езды от столицы, в котором в экзотические природные условия удивительно умело, тонко вписываются достижения современной цивилизации — фешенебельные отели, рестораны, отличные бассейны.

Через туннель автобусы выезжают на внутренний склон кальдеры. Отсюда великолепный вид на внутрикальдерное озеро, куполы и конусы, но... нам не везет с погодой — кальдера закрыта космами тумана. Последняя остановка автобусов около одного из наиболее активных сольфатарных полей на северном склоне конуса Камияма. Здесь теплый и влажный воздух. Струи пара на склоне. Вулканические запахи. До чего же знакомы эти запахи! Как на Кунашире в кальдере Головнина. Два дня, которые мы провели в отеле «Коваки-ен», выдались дождливыми и пасмурными. Но, как говорится, нет худа без добра: легче было сидеть на заседаниях, слушать чужие доклады, а мне, кроме того, готовить свой собственный.

* Кальдера — котлообразная впадина с крутыми склонами и ровным дном, образовавшаяся вследствие провала вершины вулкана *(Прим. ред.)*.

Поднявшись на кафедру и начав говорить, я постепенно обретал все большую уверенность: чувствовалось, что меня понимают и слушают.

Бедные скалы базальта,
Вам надо огню подчиняться,
Хоть никто не видал,
Как породил вас огонь.

«Эти строчки принадлежат перу автора «Фауста», великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте,— напомнил я.— Они взяты из эпиграммы, адресованной ученым, которые защищали вулканическое происхождение базальта. К числу таких ученых относился и разносторонний исследователь, автор знаменитых приключений барона Мюнхгаузена Рудольф Эрнх Распе. Гёте был не только великим поэтом, но и минералогом и геологом, другом главы нептунистической школы Абраама Готлоба Вернера.

Вернер полагал, что извержения вулканов на поверхности Земли происходят из-за того, что в слоях земной коры горят пласты угля. Таковы были представления о роли вулканизма в жизни Земли 200 лет тому назад.

Впрочем, еще совсем недавно значение вулканизма в жизни Земли сильно недооценивалось.

В 70-х годах, к примеру, вышла книга английского геолога Руттена, посвященная проблеме возникновения жизни, в которой он утверждал, что «такие редкие и случайные события, как извержения вулканов, не могли способствовать появлению жизни».

В действительности же роль вулканизма в возникновении жизни огромна. Во-первых, вулканизм создал среду, в которой могла возникнуть и развиваться жизнь (атмосферу, гидросферу, земную кору). Во-вторых, во время вулканических извержений образовывались сложные органические соединения, дальнейшая эволюция которых привела с течением времени к возникновению первых живых организмов...»

И вот работа симпозиума завершена. Впереди экскурсия к вулканам южного острова — Кюсю. Туда мы вылетаем завтра. А сейчас? Сейчас нас ждут автобусы, на которых мы вернемся в Токио.

Точно по расписанию аэробус «Тристар» взмыл в небо Японии, взяв курс на город Кагошиму. Аэробус огромен, просторен, может принять на борт триста пятьдесят пассажиров. Через полтора часа лёта мы приземляемся на острове Кюсю.

Здесь нам предстоит познакомиться со сложным вулканом Киришима. Дорога, петляя, постепенно поднимается вверх. Национальный состав пассажиров нашего автобуса довольно пестр: японцев — шестеро, из них пять гидов, в том числе наш знакомый профессор Акира Куботэра. Советских вулканологов — одиннадцать (двое отправились на другую экскурсию). Американцев — шестеро (в том числе пожилая супружеская пара). Испан-

Склон вулкана Киришима. Фумаролы около автомагистрали

цев — семеро. По одному представителю из Англии, Индонезии, Италии, Мексики, Папуа — Новой Гвинеи и Франции.

Киришима — это ряд вулканических построек, стоящих плечом к плечу: вершины, таинственно плавающие в тумане; голубыми глазами глядящие в высокое небо кратерные озера; белые дымы фумарол; многочисленные горячие источники; зеленые леса, высокие травы и яркие цветы.

На следующий день утром автобусом отправляемся на вулкан Сакурадзиму. Через застывшие лавовые потоки проложены отличные шоссейные дороги. Знакомимся с последствиями и продуктами извержений 1914 и 1946 годов. Вот примечательное для туристов место: священные синтоистские ворота, почти доверху засыпанные шлаком извержения 1914 года.

После 1946 года извержения происходили только из вершинного кратера. За последнее десятилетие (исключая 1979 год) ежегодно регистрировалось более 200 взрывов. Очередной взрыв произошел и в тот момент, когда мы находились у подножия вулкана...

При всем при том вулкан Сакурадзима — цветущая, плодородная, обитаемая земля (около 10 000 жителей). Японцы говорят, что здесь растет самая крупная в мире редиска и самые маленькие апельсины. Для того, чтобы защитить от вулкана дома, сады,

Вулкан Киришима. Памятник на лавовом потоке

Участники симпозиума около противоселевой дамбы у подножия вулкана Сакурадзима

огороды, поля, термальные источники, дорогн, на склонах Сакурадзимы строят мощные каменные дамбы. Их задача — задержать или хотя бы направить в нужное русло лахары — грязевые потоки, представляющие наибольшую опасность.

Из префектуры Кагошима мы переезжаем в префектуру Кумамото. И если у первой символом служит вулкан Сакурадзима, то в префектуре Кумамото — это вулкан Асо.

Мелькают аккуратные ухоженные зеленые поля, на которых нет-нет да и увидишь одну-две занятые работой фигуры в широких шляпах; домики с крутыми, нависающими «полями», разноцветными черепичными крышами, кое-где украшенные на коньках драконами; залесенные горы; веселые речки...

Активный вулкан Асо, как об этом говорят сами японцы,— главный «аттракцион» в префектуре Кумамото. Ежегодно его посещает 5 миллионов человек. Дымящийся вулкан, разнообразный вулканический рельеф, кальдерное озеро, многочисленные горячие источники, плодородные долины, цветущие сады, зеленые пастбища — таковы характерные черты пейзажей Национального парка Асо. Активный в настоящее время кратер носит название Накадаке (высота 1323 м). К подножию Накадаке мы

В Исо-парке

подъехали на автобусе, а на прикратерную площадку поднялись на фуникулере. Меня перед этим несколько удивила малолюдность японских магазинов, ресторанов, парков. А здесь, на активном кратере Накадаке, я удивился многолюдности. Шла бойкая торговля сувенирами: кусками лавы, образцами серы, великолепными фотографиями. То тут то там были видны бомбоубежища, очевидно, на случай неожиданных взрывов. Предосторожность вполне оправданная: Накадаке часто извергается. Но на памяти людей он ни разу не изливал лавы. Все его извержения взрывные и относятся к стромболианскому типу. Даже в недавнее время взрывы Накадаке приводили к человеческим жертвам.

Заглядываю в «пасть» действующего кратера. Его диаметр около 600, глубина — 130 метров. Сейчас он спокоен, и только мощные клубы белых паров поднимаются с его дна и почти отвесных стенок. Ко мне подходят американский сейсмолог Хоуэлс и его супруга. Им хочется сфотографироваться у кромки активного кратера вместе с соседом по автобусу, советским вулканологом.

Вулканологическая лаборатория на Асо (в 7,3 км к западу от активного кратера) построена давно — в 1928 году. Штат лаборатории — 14 человек, и административно она относится к университету Киото. Здание лаборатории с его чуть ли не семиэтажной серой башней кажется слишком большим для такого штата. Хозяева гостеприимны, угощают нас зеленым чаем и апельсино-

вым соком, стремясь как можно точнее ответить на наши вопросы.

Несколько станций лаборатории расположены вокруг активного кратера, оттуда информация поступает телеметрически. Ведется целый комплекс геофизических, сейсмологических, геотермических, геодезических, геомагнитных исследований.

...Мы тепло прощаемся с директором лаборатории Асо профессором Акирой Куботэрой и с другими японскими коллегами. Скоро из аэропорта Кумамото состоится наш вылет в Токио. Ночуем мы опять в отеле «Диамант». Вот и последний день в Японии. Завтра мы возвращаемся в Москву.

Да, завтра мы летим в Москву. Многие наши зарубежные коллеги не сразу возвращаются на родину, а, так сказать, мимоходом собираются посетить другие страны. Мы же летим в Москву, чтобы потом возвратиться на Камчатку. На свои родные вулканы.

До свидания, Япония!..

ВЛАДИМИР МОРОЗОВ

ЕСТЬ В ОСЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ...

(рассказ об одной неудачной охоте)

Шушкин, отогнув рукав телогрейки, в который раз глянул на часы. Гости опаздывали. Может, их там, на базе, разбудить забыли? Горожане, понятное дело, как в деревню приезжают, спят крепко, не добудишься.

Рассвело уже. Накрапывало. Шушкин поежился. Сырой ветерок забирался за ворот. Ну да это ничего, на ходу согреемся. Заячья охота ходовая... В вольере тихонько поскуливала Забавка. Бегала по загону, вставала на задние лапы, передними барабанила по решетке вольера. Рядом с гончей, отгороженные от нее, тоже слегка беспокоились две лайки. Заботливо утром выгуленные, они мигом очистили и вылизали свои котелки и теперь не сводили глаз с хозяина, впрочем, без особой надежды быть взятыми сегодня в лес. Собаки понятливые, чуяли, что очередь не их, лаек, а гончей. Ей, Забавке, сегодня в работу.

И еще поскуливала в избе Лада, курцхар. Та, правда, потише гончей, в полном соответствии со своим субтильным, как у всех легавых, сложением. Когда пару лет назад завел Шушкин курцхара, сестра Зинаида грозилась выгнать их из избы: и хозяина, и собаку.

— Витька! Трех псов тебе мало! Четвертого завел. Ну так и держи его, как других, во дворе.

Шушкин и рад бы во дворе. Но курцхар — это же не гончая и не лайка. Шерсть у легавой тонкая, деликатная. Подшерстка совсем нет. В такой шубе не может собака на улице жить. Да и не шуба это совсем, а так, пальтишко демисезонное Ну а сестра в

тот раз поворчала немного и привыкла. Лада ласковая. Те собаки, они собаки и есть. А эта, как кошка, подойдет и об ногу тебе трется. Или еще того пуще, голову на колено положит и в глаза смотрит. Прямо как человек, все понимает, только говорить не может...

Ждать гостей егерь должен до восьми тридцати. Такой уговор с директором охотхозяйства. Конечно, поздновато в такое время в лес выходить. Раннему охотнику — зверек, позднему — следок. Но порядок есть порядок. Надо ждать. Вчера вечером гости, наверное, сразу после работы приехали, умаялись, конечно, потому и спят, дело понятное... А вот, слава богу, и они. Из «уазика» бодро выкатываются двое, один совсем молодой, другой уже в годах. Они ежатся на свежем ветерке, подбадривают себя привычными шутками:

— Ружья брать или в машине оставить?

— Может, не пригодятся ружья-то?

— Как там зайцы? Их бы с вечера к пенькам привязать. Егерь вежливо улыбается. На вопрос молодого гостя, будет ли охота, осторожно отвечает:

— А кто его знает... Как повезет...

Молодой охотник несколько разочарован таким ответом, но вида не подает.

— Повезет! — хищно рычит он, радостно улыбаясь будущей удаче, своей молодости, незнакомому егерю, серому осеннему небу.

— Должно повезти,— солидно роняет пожилой охотник.

— Без зайцев не уедем! — трясет кулаком молодой.

Оба гостя у Шушкина впервые. Значит, надо им все по порядку растолковать. Вот тут дорога, идем к югу от нее. Там высоковольтная линия. Здесь просека широкая, там поуже. Вот вам ориентиры, чтобы не заблудиться. Да, что еще? Там вот, справа от просеки, знаки поставлены, это граница заказника, туда, стало быть, нельзя. А там вон, левее, болото, туда не ходи...

Хотя сегодня далеко не уйдешь. Мелкий дождик и не думает кончаться. Как ни берегись, все у тебя за шиворотом будет. Но и это еще не беда. В дождь хорошо спится не только людям, но и зайцам. И час, и другой бродят охотники по промокшему осеннему лесу, а результата никакого.

— Он, дождь-то, следы, что ли, смыл? — с досадой спрашивает молодой охотник.

— Нет,— поясняет егерь,— в дождь заяц не бегает.

— Простуды боится! — смеется молодой.— Лапы промочить не хочет!

— Да, бережется,— соглашается егерь.

— А чего же гончая его не отыщет?

— Запаха от него нет.

Тут снова объяснять надо. Заяц-то, ведь он через лапы потеет. Там у него потовые железы, в лапах. Ну, и когда лежит, а не бегает, никакого от него запаха. Собака может в двух шагах пройти и не учует!

— М-да, нету зайчиков,— пожилой охотник с укором смотрит на егеря. Или Шушкину это только так кажется? Мол, басни

баснями, кто там как потеет, а вот ты скажи, где охота? Где добыча?

Будто охота — это обязательно добыча. По лесу побродить — уже удовольствие. Посмотреть, как лист с деревьев падает. Да что там! Вот есть у Шушкина друг, художник, в Москве живет. Он говорит, что осенью в лесу праздник для глаза. Так оно и есть, считает Шушкин, праздник. В город заедешь, и никакого тебе праздника, дома там серые, асфальт — серый, глаз не на что положить.

В городе настроение у Шушкина сразу портится. Не может он в городе жить. Вот в Москву, хоть и недалеко она, только раз в год и ездит — на выставку охотничьих собак. Грех такое пропустить. Если бы не выставка, то век бы не поехал. Дуреет он в городе. От шума, от толкотни, от цвета серого. А жена у него — надо же было такому случиться — та, наоборот, в деревне, говорит, аж глохну с непривычки. Так, говорит, тихо тут, что хоть волком вой, такая тоска нападает. От этого и жизнь семейная кувырком у них идет. Жена в райцентре живет, в городе, а он в деревне. Так и тянут друг друга каждый в свою сторону. Уже который год тянут, а перетянуть не могут. В гости друг к другу ездят по выходным.

Хорошо еще, что живет Шушкин не один, а со старшей сестрой Зинаидой. Есть в доме женщина,— значит, порядок. И тебе подметено, и обед готов. И сестре с ним спокойно: непьющий мужик, тихий...

— Где же наши зайцы? — будто сам себя спрашивает пожилой охотник. А совестливому Шушкину опять кажется, что это ему, егерю, вопрос. Что тут ответишь? «Наши зайцы»! Не наши они. Они лесные. Их еще надо найти да перехитрить. Тут уж как повезет.

Вдруг гончая подала голос. Городские охотники тут же побросали недокуренный «кемел», схватились за ружья. Но Шушкин безнадежно махнул рукой:

— Лося облаивает или кабана.

— Откуда вы знаете? — недоверчиво спросил молодой охотник.

— Да голос же,— ответил егерь,— голос совсем другой.

Пошли в направлении лая и скоро набрели на свежий след кабанов. Вот отсюда собака их «толкнула», здесь гнала, потом вернулась... Получасом позже гончая погнала лося. Он оказался совсем рядом. Стоял за елками, затаился. Будто понимал, что не на него охота идет. От гончей убегал не спеша. За редким подростом осинника мелькнул мощный круп.

— Ишь ты, белоштанник,— добродушно пробормотал егерь.

Шерсть на задней стороне ляжек была у лося заметно светлее, и на ходу он забавно сверкал задом.

— Вот ведь невезуха,— охотник постарше выругался,— пошли за зайцем, а собака лосей да кабанов гоняет.

— Полон лес зверья,— в тон ему подосадовал молодой,— а еще говорят, будто вся живность перевелась, охотники ее перебили.

Что правда, то правда, любят сегодня поговорить о том, что, мол, хуже зверью стало, с прежними временами никакого сравне-

ния. Скоро, мол, совсем всех зверей человек истребит. Пустой это все разговор. Не знают людн дела, вот и выступают. Простой вопрос взять: хуже или лучше зверью стало? Нпкак тут сразу не ответишь. Для кого хуже, а для кого лучше. Все зверье под одну гребенку грести никак нельзя.

Зайца взять, русака. Почти исчез он в области. Да, говорят, не только у них, во Владнмирской. И вовсе не потому, что охотники его выбилн. Конечно, браконьеры, случается, нарушают норму отстрела. Вместо охоты настоящие мясозаготовки устраивают. Тут, хоть заяц, хоть лось, хоть слон попади, убьют, глазом не моргнут. Им все равно: сезон или не сезон. Может, этот зверь вообще в Красную книгу занесен — им это без разницы: они за мясом приехали. Будто не в лесу они, а в своем собственном холодильнике хозяйничают.

Но ведь тут не об охотниках речь. Браконьер — какой же он охотник. Он вор, самый настоящий вор. Государственную собственность ворует. Украдкой свое дело делает, потому что знает, что закон нарушает. И ловят его, как и всякого преступника, судят. И правильно делают... А настоящий-то охотник, он теперь по лесу меньше с ружьем ходит, чем без ружья. Много у него в лесу дел. Он зверью первый помощник...

Да, так вот о русаке. Исчез он в области. Совсем перевелся. Даже завозить его сюда пробовали. Охотники, кстатн, и завозили-то. Брали из какого-то там заповедника н переселяли горемычного. Ну и что оттого? Изменилось что-ннбудь? Выпустят штук сто русаков, а года через два-трн от этой сотни хорошо если пара

зверьков останется. Там, глядишь, и этих уже нет. В чем дело? Почему? Кто их бедных истребил? Ведь любой мало-мальски грамотный охотник знает, что добыть русака куда сложнее, чем беляка. А беляков-то вон сколько стреляют, но меньше их от этого не становится.

Хитрость тут простая. Беляк в лесу живет. И лесов в области еще хватает. А русаку луга подавай да болота. Но ведь распахали землю-то всю, распахали и осушили. Ни лугов не стало прежних, ни болот. Где жить русаку, где прятаться, где кормиться? Вот Петро, охотовед к ним в хозяйство поступил молодой, он любит по-научному выражаться, так он говорит, что среда обитания в корне изменилась. И так, говорит, эта среда изменилась, что на русака это подействовало, как ледниковый период на мамонта: он тоже вымер.

Стало быть, в нашем краю русаку не просто худо приходится, а вообще жить невозможно. И вот ведь странное дело, в тех же условиях другому зверью — раздолье. Из степей с юга хомяк стал забредать и белый хорь. Селятся на Владимирщине, будто всегда тут жили. А ведь никогда их здесь не видывали...

Охотники вышли на небольшую поляну. На краю поляны поблескивала свежеобструганным деревом крытая кормушка. Молодой охотник подошел к ней и с любопытством спросил у Шушкина:

— Смотри-ка! Так вы зверей не сеном кормите, а пшеницей?

Из кормушки торчал самый настоящий овес.

— Да,— конфузясь за невежество горожанина, ответил егерь,— зерновыми кормим.— Очень не любил он поправлять людей, замечания делать.

— Овес это, юноша, а не пшеница,— буркнул пожилой.

— Вот ведь! — нисколько не смутился молодой.— А еще говорят, овес за лошадью не ходит.

Может, за лошадью и в самом деле не ходит, а за оленем еще как бегает. Одна такая кормушка на пять голов. А головы все сосчитаны, каждый олень в лесу на учете. Так что кормушек надо поставить никак не меньше, чем в плане тебе записано.

На той же поляне рядом с кормушкой был солонец. Аккуратный осиновый пенек слегка расщеплен, а в расщеп вставлен кусок соли-лизунца. Пень уже успел изрядно просолиться, и зайцы с удовольствием лизали и грызли его. Для кабана несколько кусков соли покрупнее. Положены они между двух пеньков, и с боков обиты пеньки рейками, получилось что-то вроде ограждения. Без этого нельзя. Кабан хотя и дикая, а все же свинья и вечно какое-нибудь свинство учудит. Не огородишь солонец, начнет соль рылом футболить. Бывает, метров за сто угонит...

Конечно, меняет человек природу, это верно, тут ничего не скажешь. Меняет. Зверь и птица — часть этой природы, он их тоже меняет. Никуда от этого не деться, от таких перемен. Не остановить их, назад не повернуть. Другое дело, чтобы с умом все было, по-людски, а не абы как, мол, кривая вывезет. Она, может, вывезет, может, и нет. А ведь и другим людям после нас жить. Мы кашу заварим, им расхлебывать. Так что нам перед ними надо совесть иметь, думать, чтобы не прибавить им работы, не загадить им землю-матушку, не опустошить.

Вот с русаком, наверное, уже ничего не поделаешь, не житье ему в нашем краю. Так уж получилось, и теперь ученые люди ума не приложат, как положение исправлять. Но с глухарем дело проще. За что птица страдает? Все меньше ее во владимирских лесах. И опять-таки не охотник в этом виноват. Глухарь — птица осторожная, добыть его нелегко. А исчезает он почему? По нерадивости нашей, по глупости. Есть у него излюбленные места токовищ. Что его туда тянет, непонятно. Рядом и гуще может быть лес, и глуше, ан нет, туда он не летит. Свое старое место выбирает, привычное, знакомое. Может, родиной его почитает или как. Но только туда токовать летит. Но прилетит он туда, а там вместо леса — голое место. Рубят люди лес, токовища не щадят. Просим лесозаготовителей: пожалейте хоть самые-то глухариные места. Можно и рядом лес взять, а этот не трогайте.

Снова заливисто и азартно взлаяла гончая. Ее лай сливался в один, будто трубный звук. Стало быть, шла по горячему следу. Шушкин глянул вдоль просеки и с удовольствием отметил, как быстро и точно выбрал позицию старший гость. А молодой заметался, ткнулся туда-сюда, подошел зачем-то к егерю. Поставить охотника получше, да самому отойти от него — на эти маневры у Шушкина уже не оставалось времени. Гон шел прямо на них. Значит, замри и жди. Вон за елкой уже мелькнул заяц. Недели две назад были настоящие заморозки, потом отпустило. Природа обманула зверька, он поторопился сменить форму одежды. Серую, летнюю — на белую, зимнюю. Теперь на фоне бесснежной земли заяц был виден отчетливо, как мишень. Метрах в двадцати от нас пройдет, прикинул Шушкин. И деревья тут не густо стоят. Верняк!

— Не спеши,— едва слышно шепнул он охотнику, от волнения, видно, называя того на ты. И охотник, молодец, не торопился. Медленно поднял ружье, повел стволы за целью, обогнал ее и плавно нажал на спуск. Грохнул выстрел, но заяц только ускорил бег. «Ничего, возьмешь со второго ствола»,— про себя ободрял стрелка егерь. Зверек, как обычно, охотников не видит, он от собаки спасается. Прет чуть ли не прямо на людей. Так близко, что и стрелять нельзя. На таком расстоянии дробовой заряд идет слишком кучно, можно промахнуться. Поэтому зайца надо чуть-чуть отпустить и бить его в угон, целя по ушам. И молодой охотник отпускает зверька ровно настолько, насколько следовало. И стреляет именно тогда, когда надо стрелять. И снова мажет...

Тут только Шушкин вдруг обнаруживает, что сам он даже не успел приготовиться к стрельбе. Так был уверен в успехе гостя. Егерь конфузливо стаскивает ружье с плеча. Хотя чего тут стесняться: порядочный егерь и не должен особенно выступать, мешать охотнику со своей стрельбой, его задача гостю охоту обеспечить, помочь ему. Хотя как вот тут поможешь? Молодой охотник тоже явно сконфужен. Он озадаченно рассматривает свой заграничный «бокфлинт», зачем-то трет рукой стволы:

— Что такое? Почему я промазал?

— Ничего,— утешает его егерь,— со всяким бывает.

— Промазал, потому что стрелять не умеешь,— ворчит, подходя, напарник. Ему тоже крепко не повезло. Ведь сначала-то заяц шел прямо на иего, уж тут промазать грех. Но выстрелил молодой, наделал шуму, и свернул заяц в густой ельник. Такую чащобу пулей не пробьешь, не то что дробью.

— А я-то даже и не приготовился,— начинает растерянно оправдываться егерь. Но пожилой гость сразу обрывает его:

— Брось!

Опытному охотнику сразу ясно, что с этого места второму стрелять уже просто не было возможности.

На поляну вылетает Забавка. Выстрелы сбили ее с толку. Она бросает след и некоторое время кружит возле охотииков, ища добычу. Собака, как и ее хозяин, была полностью уверена в успехе. Но добычи иет. В поведении гончей недоумение и даже укор: как же так, зачем тогда стреляли? Забавка нервио косится иа людей, может, подобрали уже зайца? Собака никак ие может поверить в неудачу.

— Вот, вот, вот!— зовет ее снова на след егерь.— Ищи, ищи, ищи! Вот-вот-вот-вот-вот-вот!

Забавка сначала вроде бы неохотно берет след, потом снова быстро входит в азарт и с лаем кидается за ускользнувшим зайцем.

— Да, такой мех пропал!— молодой гость пытается пошутить.

Егерь улыбается, принимая шутку.

У отца страсть была — охота. Он по двенадцать собак держал. Поди иакорми такую свору. Весь заработок на это и уходил. Охоту держать — дом разорять, причитали сердобольные соседи. Но Шушкина-старшего это нисколько не печалило. Пить-есть найдется, а там н ладно. Виктор пошел в родителя. Правда, не дюжина у него собак, а всего четыре. Но по нынешним временам н это уже много. Теперь ие каждый егерь и одну-то собаку держит. Ее ведь не просто кормить надо да гулять водить. Ее учить надо с малолетства, щеиком еще уму-разуму учить, как ребенка...

Собак у Шушкина четыре, зато кошек шесть штук.

— Витька!— шумит на него порой сестра Зинаида.— Говорила тебе: утопи котят. Пожалел на свою голову. Теперь уйми-ка этот зоопарк.

Ворчит сестра больше для порядка. Зоопарк забавный. Холодными зимними вечерами, когда легавая жмется к печке, все шесть кошек, мал мала меньше, стараются почему-то забраться на спящую Ладу. Все ие умещаются. Пищат, скатываются с собачьих боков, жмутся ей под брюхо и между лап.

Кто-то из гостей, полюбовавшись на этот спящий клубок, в шутку спросил егеря:

— Зарабатываешь, иебось, много? Столько скотины держишь. Да еще корова.

— Восемьдесят пять в месяц,— как всегда серьезно, ответил Шушкин.

— Что?!— изумился гость.— Восемьдесят пять? Да сейчас уборщица столько получает. Да и совмещают оии все.

У егерей совместительство не принято. Им бы каждому со своим плаиом управиться. В этом плане — не только пушнину

заготовить. Там и овес посей, н картошку посади, н веников березовых заготовь — все зверям на корм. Одного сена под четыре тонны накосить надо. А солонцы, кормушки! Да мало ли еще что.

У егеря «удельное княжество» в четыре тысячи гектаров. Их за один день никак не обойдешь. Летом еще куда нн шло, а зимой, по снегу! А как раз зимой браконьеру раздолье: и лося, н кабана по следу взять — проще простого.

Завалит зверя — н поминай как звали. Браконьер нынче механнзнрованный пошел. Он теперь не пешком промышляет н не на мотоцикле каком-нибудь. Он в лес на вездеходе приехать может, на мощном грузовике с двумя ведущими осями. Такой транспорт везде пройдет, отовсюду выйдет. Догони его, егерь, попробуй на своих-то на двоих. С техникой в охотхозяйстве не богато. Да н если на месте поймал, тоже не просто бывает. Так тебе браконьер руки вверх сразу н поднимет. Жди-ка!

Как-то остановил Шушкнн одного, так тот в амбицию. Кто, мол, ты такой, меня задерживать. Ты, мол, не милиционер н вообще никакая не власть. Как же так, не власть? Егерь — самый что ни на есть настоящий милиционер. Только лесной. В лесу порядок охраняет. И работенка тоже, как у милиционера, опасная. Только тут разница есть. Настоящий милиционер, он где, он в городе действует, там в основном. Там, еслн днем, то вокруг народ ходит, дружинники. В городе хорошо порядок наводить. И «клненты» там другие. У настоящего-то милиционера нарушитель в основном без оружия по городу ходит. А браконьер иной так оружием обвешается, смотреть смех, прямо ковбой из «Великолепной семерки». Но смех тут выходит не очень веселый. В городе милиционер в строгую форму одет, в солидную. Эта форма очень много значит. Это же представить трудно, чтобы милиционер какого-то гражданина остановил, а этот гражданин милиционера послал подальше. Сразу штраф заработаешь или пятнадцать суток. Нормальному человеку н в голову не придет пререкаться, на представителя власти голос повышать. Разве уж преступник какой совсем отпетый может н надерзить, н сопротнвленне оказать. Но наверное, на такого крупного зверя милиционеры по одному не ходят.

В лесу другое дело. Тут прохожих или дружинников нет. Егерь один-одинешенек. И нарушитель у него вооруженный, н под хмельком этот нарушитель часто. А форму егерскую взять. С милиционером никакого сравнения. Посмотрншь на нашу форму н не поймешь, то ли егерь армейскую гимнастерку донашнвает, то ли пожарник в лес зашел. Никакой строгости. Так что егеря не часто эту форму и надевают, в телогрейке да в простой шапке удобнее.

И прав у егеря не густо. В городе не то что у милиционера, там и у дружинника прав больше. Да что там егерь, даже охотинспектора, у них звание повышe, н те жалуются: мало им прав дано. А если у людей прав в обрез, то что же с них спросишь.

Вот н зарплата у нашего брата невелика. Сегодня механизатор на селе куда больше нашего получает. И не надо с темна до темна в любую погоду броднть по лесу. Не надо голову подставлять

браконьеру под стволы. И с односельчанами не надо каждый год ссориться насчет сроков открытия охоты, путевок и разного прочего.

Кто сегодня в егеря пойдет? Получается, что только энтузиаст. Только по большой любви можно сегодня пойти в егеря. Чудаки нынче в егеря идут. Или те, кому совсем деться некуда. Старая гвардия. Как на базу в охотхозяйство соберутся — ни одного молодого лица. Пожилые да старые мужики. Да, недавно завелся один молодой. Андреем зовут. Вот уж истинно чудак человек. Фрезеровщиком в городе работал. В два раза больше получал. Но вбил пацан себе в голову: хочу в лес, и все тут. И пошел в егеря. Конечно, еще игры в нем много, в Андрее. Как он шляпу носит, будто мушкетер. А чехол для ножа охотничьего изукрасил, что твой черкес. Но это снаружи. А мужик из него растет добросовестный. Он и по биотехнике план выполнил: кормит зверье как надо. И общественников вокруг себя собрал. Уже нескольких браконьеров поймали. Правда, вот по сену план не одолел. На силенку молодую понадеялся. Он и вправду парень крепкий. Но сено косить, тут не столько сила нужна, сколько сноровка, умение. А оно от практики. Нету у Андрея практики. Он все же не деревенский парень, а городской. Но научится. Захочет,— значит, научится.

Одно боязно. А ну как женится парень? Самое время ему жениться. Что тогда будет? Сейчас он с отцом да с матерью живет. Им его зарплаты хватает. Они рады: сын при деле, трезвый, работящий. А как он жене-то свои восемьдесят пять принесет? Это у старых егерей жены ко всему привыкшие. А молодой жене чего подороже потребуется. Ей в гости пойти — модные сапожки подавай и все такое прочее.

Вот выйдет в тираж старая гвардия, на пенсию пойдет, кому дело передавать, все вот это охотхозяйство, образцовое, налаженное?

Шушкин гонит от себя невеселые мысли. Погода, что ли, смеется он про себя, погода, наверное, меня в меланхолию вогнала. И Забавка вот, не климат ей сегодня, не работает гончая. Снова скололась, потеряла след. Редко такой конфуз с ней бывает. Но сегодня уж такой невезучий день. И дождь, и место не самое лучшее. Заяц в посадки заскочил, в густой-прегустой ельник и там где-то затаился, залег. Помочь бы собаке, «толкнуть» зверька из чащобы, да не зайти туда, не продраться: уж больно густы посадки, елка к елке стоят, как забор.

И все же Шушкин пробует выкурить зайца из ельника, порскает, покрикивает, хлещет прутиком по голенищу сапога. Потом, подняв отвороты бродней, лезет в самую чащобу. А на каждой ветке по ведру воды, и сверху все льет и льет. Гости стоят с ружьями наготове, но зверька и след простыл. Мокрая одежда неприятно липнет к телу. Холодно. Наконец старший из охотников не выдерживает:

— Все! Хватит на сегодня. А то мы мокрее воды стали. Сушиться на базу поедем. И егеря с собой возьмем.

«Ну вот, опять,— грустно думает Шушкин,— опять придется долго и нудно отказываться. Приглашают, говорят, от чистого сердца, гуляют охотники. А и то непонятно им, что егерь непьющий.

У таких дурное о егерях представление». Как-то попался Шушкину рассказ, так там тоже егерь — чистый пропойца. Уж и рассказ-то забылся, о чем там, про что, только помнится, что нос у егеря был сизый-сизый. Это от частых подношений. Конечно, и такие люди бывают. Те оправдывают порок: как тут устоишь, когда тебя то один, то другой угощает, и бескорыстно все, ничего с тебя не требуют, просто так, за уважение. Вот и спивается, бывает, наш брат. Но конечно же их мало. Нельзя всех на один аршин мерить.

— Так ты что же,— изумляется старший из охотников,— ты ехать не хочешь? Обижаешь, брат...

Вот, всегда так. А обижают-то они! Так ведь и мы, егеря, тоже люди. Неужто, они думают, наш брат только и может, что из ружья палить да пировать с гостями?!

Конечно, и гости тоже разные бывают. И простые работяги, и начальство. Даже писатели иногда. Вот к отцу Шушкина когда-то одни писатели ездили. Клуб тут охотничий у них был. Книжек своих отцу понадарили. Сколько их было, этих книжек, целая библиотека. Пораздали все: то один сосед просит почитать, то другой, а там и забудешь, кому дал. Жалко, конечно. Там и Михалкова подписи, и Регистана, и кого только не было. Вот «Цусиму» Шушкин-младший хранит до сих пор. Новикова-Прибоя и отец тоже очень любил. «Алексею Ивановичу с глубоким уважением...» Раскроешь книжку, гордость в тебе взыграет, будто не отцу, а тебе ее подарили.

И сейчас иногда интересный народ приезжает. Не об одной охоте разговор, а, как говорится, за всю Россию. Такой разговор, что ни в одной газете не вычитаешь, ни в одной книге. Такие речи говорят, что твой совет министров. Слушает Шушкин, на ус мотает. В академию ходить не надо. Вот она тебе, на дому академия. Какие же умные люди бывают! Не все и поймешь, что говорят. Иногда о деревне речь зайдет. Тут, бывает, и Шушкина мнение спросят, как, мол, ты думаешь? Смелеет тогда егерь: ему ли не знать деревни, вся жизнь здесь прожита.

Как-то, давно уже дело было, большой человек приехал из министерства какого-то. Пожилой уже. А с ним еще один, помоложе, вроде адъютанта. Сели они, это, за стол. Как водится, разговор завязался. Старший младшему и говорит. Ты, говорит, заметил, снег уже сыплет, а у них трава не скошена. До чего обленился народ. Молодой ему в том же духе отвечает: мы, мол, русские, любим сиднем сидеть, от природы ленивы, характер такой национальный. И еще что-то там плетет по-научному, складно так у него выходит, вроде бы и правильно все, но нету мочи слушать.

Егерь крепился-крепился и не выдержал: «Не от лени такое делается. Траву-то не от лени не косим. Просто колхоз не справляется, а для себя людям запрещено». Как так запрещено, не поняли гости. А так запрещено, пытался объяснить им свое Шушкин. Мужик, он и рад бы травки своей корове подбросить. Днем на работе наломается, а ночью с косой выходит. Вот он, какой лентяй, русский-то мужик. Ночью косить идет. Только и ночью ему покоя нету. Ловят его, штрафуют. Перед всем миром срамят. Запрет есть на траву.

Может, нескладно Шушкин все это толковал, не умеет он кругло говорить, как городские. Словом, гости его на смех подняли. Какой же, смеются, тут может быть запрет? Да просто не бывает таких глупых запретов. Разве ж это государству выгодно, чтобы трава под снег ушла и пропала? Лучше ведь ее людям отдать. Ну и дальше пошло-поехало, все правильные опять слова, грамотные. Только ведь егерь знает, что на самом-то деле все не так. Но как объяснить этим уверенным людям? Какими словами? Не умеет он спорить. И тут еще Зинаида, сестра, под столом его за брючину дергает: молчи, мол, дурак ты темный, они без тебя разберутся, небось, побольше твоего понимают, в Москве живут. А он ей — отстань, Зинка. Обидно ему стало за своих деревенских, что их всех скопом в лентяи записали. Вспомнил, как раз за неделю, что ли, до разговора газетка ему попалась районная. А в ней статья: мужика одного из соседней деревни за косьбу травы оштрафовали на тридцать рублей. И указ там приведен, по которому оштрафовали. Это чтобы другим-прочим неповадно было. Так вот по тому указу как раз и выходило: пусть трава под снег идет, а нельзя мужику ее косить, пусть лучше у него скотина с голоду пухнет.

Хорошо, что он тогда не успел ее выбросить, газетку-то эту. Полез на этажерку, порылся, нашел. Прочитали гости, переглянулись. «Вот так все у нас и делается»,— протянул старший. А там стали про погоду говорить. Что еще им оставалось...

Ну да ладно, дело прошлое. Чего уж тут вспоминать. Только вот агитируют теперь коров заводить. Шушкин с сестрой и завели. А другие деревенские не спешат. Отвыкли скотину держать. Да, откровенно-то говоря, побаиваются: вдруг снова запрет какой выйдет, что тогда! Опять ночью косить? Штраф платить?

Словом, пока думает народ, пока раскачивается, полдеревни к Шушкиным за молоком ходит. Ну и охотники, иные очень деревенское молоко любят. С городским, говорят, никакого сравнения, совсем вкус другой, и запаха у городского молока никакого, ну а уж про полезность и говорить нечего. Чудно, думает Шушкин, молоко оно молоко и есть, хоть в городе, хоть в деревне. Чудят охотники.

...А еще бывают гости: как начнут стихи читать — заслушаешься. Особенно одно стихотворение в душу запало. И не слова, не слова запомнил, а настроение. Из слов только и осталось в памяти:

Есть в осени первоначальной...

А дальше про эту самую осень. Даже, может, и не столько про осень, а вообще природа описана. И слова вроде самые обычные, всем известные. Но что-то в них есть такое, что ни забыть, ни отмахнуться. Ходит теперь егерь по лесу, бывает, и снег давно уже землю покрыл или тает уже снег, в общем давно та осень прошла, а в голове нет-нет да и мелькнет:

Есть в осени первоначальной...

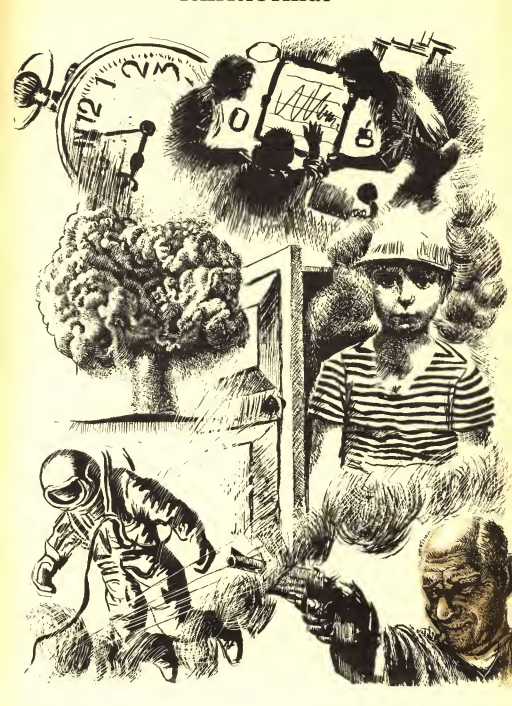
Видно, поэт природу очень любил. Да что любил! Чувствовал ее. Ну прямо как живого человека, как друга близкого... Чувствовал, понимал...

Разбрызгивая лужи, машина с гостями выруливала с деревенской улицы на асфальт. Егерь прикрыл калитку. Подумал, хорошо бы сегодня, как просушусь, успеть вольер лайкам поправить, а то подгнивать стал. А завтра что? Гостей завтра не будет. Стало быть, надо своим хозяйством заняться, лизунца к ближайшему солонцу поднести. А то дальние все обошел, а этот, всего-то километр от дома, на потом оставил. Ну и возле солонца осинок малость зайчишкам подрубить, пусть зубы поострят.

— Заходи скорей в избу,— торопила его Зинаида.— Промок, небось, до костей.

Шушкин не торопился. Еще раз с крыльца глянул на своих собак, на ближние дома деревни и лес, словно плывущие в разведенном молоке. Погодка сегодня, конечно, не того. Но все равно — хорошо. Он вдохнул полной грудью сырой воздух...

ФАНТАСТИКА

ФАНТАСТИКА

ВИКТОР КОМАРОВ

ОСТАВАЛСЯ ОДИН ЧАС

Научно-фантастический рассказ

Динамик на стене вдруг ожил, и взволнованный голос сообщил:

— Приборы показывают массовую перестройку напряжений!

Воронов прервал свои объяснения и, даже не извинившись, стремительно выбежал из комнаты. Мареев последовал за ним. По винтовой лестнице они спустились в аппаратную. У пульта, где на большом табло отражались показания приборов, суммирующих данные, поступающие от многочисленных датчиков, размещенных на обширной территории, собрались сотрудники станции, свободные от дежурств.

На табло одна за другой вспыхивали все новые и новые цифры, а линии на графиках, отражавшие, как понял Мареев из объяснений Воронова, состояние горных пород, меняли свою форму прямо на глазах. Все это Марееву ничего не говорило, но по тому напряжению, с которым собравшиеся в аппаратной следили за бегущими цифрами, он понял: происходит нечто из ряда вон выходящее.

Бросив беглый взгляд на табло и, видимо, сразу оценив серьезность ситуации, Воронов отрывисто спросил:

— Прогноз есть?

— Затребован...— так же кратко отозвался сотрудник, сидевший за пультом.

Прошло несколько томительных мгновений. Наконец, на дисплее вспыхнула карта района. И на ней тревожная оранжевая точка—эпицентр надвигающегося землетрясения. Все переглянулись: расположение эпицентра совпадало с тем местом на карте, где находился Синегорск—молодой город с многотысячным населением.

Стремительно бежавшие по экрану буквы складывались в грозное предупреждение: «Предполагаемая сила землетрясения — 11 баллов; характеристика — вертикальный толчок и горизонтальные колебания; ожидаемый момент первого толчка — 21 час 47 минут».

Собравшиеся в аппаратной вновь взволнованно переглянулись — до начала катастрофы оставался ровно час!..

Вертолет долго «прицеливался», зависнув над маленькой площадкой, и наконец осторожно коснулся каменистой поверхности. Мощная струя воздуха от продолжавшего вращаться винта пригнула к земле низкорослый кустарник. Из открывшейся дверцы спрыгнул невысокий плотный человек в кожаной куртке и серо-голубых джинсах со спортивной сумкой в руке. Помахав на прощание пилотам, он направился к домикам станции...

Целый день в горах было душно. Низкие облака прижали к земле теплый влажный воздух, было трудно дышать. Прямо-таки физически ощущалось, что атмосфера наэлектризована и вот-вот разразится гроза. Из-за неблагоприятных метеоусловий Николай Иванович Мареев — корреспондент московского научно-популярного журнала сумел добраться до сейсмической станции «Горная» только к самому вечеру. И доставивший его вертолет тут же улетел обратно, так как летчикам предстояло до наступления полной темноты совершить еще один рейс на астрономическую обсерваторию, расположенную на 600 метров выше.

Мареев давно собирался побывать на «Горной», но командировка все как-то откладывалась: то не удавалось вырваться из редакции, то набегали неотложные очередные дела, то приходилось выезжать на всесоюзные и международные научные конференции, на которые нельзя было не поехать. К тому же главный редактор к работам, ведущимся на «Горной», относился скептически. Он любил повторять, что научно-популярный журнал должен освещать только общепризнанные, надежно проверенные научные результаты, а «полуфантастическим» поисковым исследованиям на его страницах не место. При этом, произнося слово «полуфантастическим», он иронически улыбался.

К числу такого рода исследований главный относил и работы, которые в течение многих лет вел на станции «Горная» Михаил Сергеевич Воронов, занимавшийся проблемой прогнозирования землетрясений. И не только прогнозирования, но и предотвращения. Именно это направление главный и считал «полуфантастическим».

Кандидат физико-математических наук Воронов был одним из тех научных работников, которых журналисты, пишущие о науке, называют генераторами идей. Он был типичным представителем не столь уж многочисленного племени ученых-романтиков, готовых увлеченно, с энтузиазмом трудиться над проблемами, на которые иные «реалисты» не потратили бы и часа.

Мареев симпатизировал «романтикам», симпатизировал тем более, что прекрасно понимал: судьба таких людей в науке отнюдь не легка. Лишь немногим из них удавалось достигнуть вершин, чаще всего они уступали свои позиции в борьбе с более

солидными и обстоятельными «реалистами», продвигавшимися вперед по лестнице познания хотя и медленно — со ступеньки на ступеньку, но зато надежно и основательно. Романтики же, фонтанируя идеями, наряду с полезными и плодотворными гипотезами обычно выдвигали и немало ошибочных. Развитию науки это, конечно, способствовало. А престижу самих романтиков — вредило. Каждая неудача сказывалась на их научной репутации, вызывала недоверие к их исследованиям вообще. Романтикам можно было сочувствовать, но ничего нельзя было изменить.

Мареев и сам не раз обжигался, пробивая на страницы журнала материалы о работах, которые на первый взгляд выглядели весьма заманчивыми и перспективными, даже сенсационными, а затем оказывались несостоятельными. Впрочем, подобные «проколы» не изменили взглядов Мареева, и он всегда стремился поддержать тех, кто дерзал, кто пытался проложить новые пути в неизведанное.

Воронов интересовал Мареева особо: это была фигура своеобразная, можно даже сказать, загадочная. О нем ходили всевозможные легенды, а достоверно известного было мало. Жил он на своей горной станции почти безвыездно, в столичных сферах появлялся редко, печатался мало и только в специальных научных журналах. А так как зачастую бывает, что популярность ученого во многом зависит от того, как часто его имя появляется в газетных публикациях и на страницах научно-популярных журналов, то о Воронове знали только специалисты. А специалисты в большинстве относились к нему скептически.

Марееву помог случай. Главный уехал в заграничную командировку. Заместитель главного болел. И Николаю Ивановичу удалось уговорить ответственного секретаря, временно осуществлявшего в отсутствие начальства верховную власть в редакции...

Направляясь к административному корпусу станции, Мареев размышлял, как лучше действовать дальше. На «Горной» Воронов был отнюдь не хозяином, а только старшим научным сотрудником. Заведовал станцией Сергей Пантелеймонович Слюсаренко — личность весьма солидная, доктор наук, человек, судя по рассказам, не то чтобы вредный, но в высшей степени обстоятельный, типичный «реалист», любивший, чтобы все совершалось постепенно, обоснованно, шаг за шагом, и, по-видимому, настороженно относившийся ко всякого рода научным «завихрениям». По крайней мере это слово он сам употреблял довольно часто. И можно было предполагать, что идеи Воронова Слюсаренко воспринимает без энтузиазма и особого хода им не дает. Все же как-то они уживались, и, насколько Мареев знал, обстановка на станции была довольно мирной. Во всяком случае каких-либо сообщений или даже слухов о стычках или трениях между ними не было. Правда, когда Слюсаренко наезжал по делам в столицу и его пытались расспросить об очередных идеях Воронова, он мрачнел и угрюмо отмалчивался.

Сейчас Марееву встречаться со Слюсаренко не очень-то хотелось, предстоящий с ним разговор не вызывал положительных эмоций. Но и обойти начальника станции было невозможно, тем более что разрешение на беседу с Вороновым Мареев получил

косвенным путем, через Институт сейсмологии, которому была подчинена «Горная». И у него не было уверенности в том, что это разрешение согласовано со Слюсаренко. Прн таких обстоятельствах действовать через его голову означало прежде всего повредить Воронову.

Думая об этом, Мареев подошел к калитке в массивной каменной стене, которой, неизвестно зачем, со всех сторон была обнесена станция. Его ждали. Вероятно, о предстоящем посещении «Горной» московским корреспондентом нз нинститута все-такн сообщили, да н прилет вертолета вряд ли мог остаться незамеченным.

Мареева тут же провели в кабннет начальника. Вопрекн ожиданию Слюсаренко встретил его прнветливо.

— Опять Воронов,— ворчливо, но без тенн раздражения сказал он, оценивающе поглядывая на Мареева.— «Генератор идей» — так вы, кажется, его называете? Вот он где у меня — этот ваш генератор.— Начальник станции выразительно рубанул рукой по затылку. Но глаза его прн этом добродушно усмехались.— Что ж, побеседуйте. У нас тут за последнее время немало ннтересного.

Его угрюмое лицо с крупными чертами, словно вырубленными топором, осветилось неожиданно мягкой улыбкой, н Мареев невольно подумал о том, как опасно судить о людях н взаимоотношениях между ними на расстоянии, основываясь на отрывочных суждениях малознакомых людей н собственных отвлеченных симпатиях и антипатиях.

Как ни странно, сам Воронов встретил Мареева куда менее радушно. Когда журналист появился в его рабочем кабинете, он, склонившись над столом, что-то быстро писал н на приветствне ответил не сразу. Потом он все-таки поднялся нз-за стола н протянул вошедшему руку, но весь его вид выражал явное неудовольствие. Мареев, однако, не обиделся, понимая, что отрывает хозяина кабинета от дела, к тому же от любимого дела...

Сперва беседа складывалась трудно: Мареев спрашивал, Воронов отвечал подчеркнуто односложно, как бы давая понять заезжему корреспонденту, что нх встреча не вызывает у него особого энтузназма. Но, встретив внимательного и понимающего собеседника — Мареев по образованню был фнзнком,— к тому же доброжелательно настроенного, Воронов постепенно разговорился н даже увлекся. Мареев именно на это н рассчнтывал.

— Как вы, вероятно, знаете,— говорил Воронов,— электрические свойства горных пород — электропроводность н некоторые другие характернстикн завнсят от распределения напряжений. Это давно было замечено. А изменение картины распределения напряжений способно дать информацию о надвнгающемся землетрясении. Вот нам н удалось в последнне годы эту скрытую информацию расшифровать. Мы создали обширную сеть датчиков на разных глубинах, все сведения сходятся сюда на станцию, обработка идет по спецнальной программе на компьютере.

— А прогнознровать подобным методом вы пытались? — поннтересовался Мареев.

— Да, у нас тут вполне подходящий естественный полигон — землетрясения происходят довольно часто, правда, в последние пятнадцать — двадцать лет не очень сильные. И наши прогнозы неплохо оправдываются — процентов на восемьдесят.

— Но это же грандиозно! — восхитился Мареев. — Такое еще никому не удавалось.

— Многое еще предстоит проверить, — возразил Воронов. — К тому же программа для вычислений составлена с учетом специфики нашего района. В общем виде мы эту задачу решать еще не научились.

— Ну, а что... в портфеле? — осторожно поинтересовался Мареев, впрочем, без особой надежды на сколько-нибудь определенный ответ — он не забыл, что Воронов не любит преждевременно делиться своими идеями с журналистами.

Но Воронов неожиданно засмеялся и многозначительно постучал себя по лбу:

— В этом?.. Есть кое-что. — Он лукаво взглянул на Мареева. — Не знаю только, стоит ли говорить? Ведь вы об этом сейчас же напишете.

— Обязательно, — в тон ему произнес Мареев. — Обязательно напишу, если, разумеется, идея того заслуживает.

— Заслуживает, заслуживает, — без ложной скромности отозвался Воронов. — Но идея — это идея...

— Что-нибудь из области активного воздействия на возможные землетрясения? — предположил Мареев.

— Да, есть такая вполне реальная возможность, — заговорил Воронов, вновь увлекаясь. — И я убежден, что человек в силах решить эту задачу.

Он вдруг замолчал.

— Так в чем же дело? — осторожно спросил Мареев, когда молчание затянулось.

— Мне говорят: нельзя разбрасываться, сперва надо закончить с прогнозированием, а уж потом заниматься активными методами. Тем более они весьма проблематичны. А я считаю, что вопрос нужно решать комплексно — прогнозирование и активное воздействие — это две стороны одной и той же геофизической проблемы.

Он вопросительно посмотрел на Мареева, как бы приглашая его высказать свое мнение.

— Мне трудно судить, — сказал Мареев. — Подход как будто бы верный, диалектический. Но я ведь не знаю, о чем конкретно идет речь.

— Конкретно? Ну хорошо. — Воронов вскочил и быстро заходил из угла в угол. — Это два противоположных процесса: напряжения изменяют электрические свойства горных пород, а изменяя электрические свойства, можно вызывать направленные деформации вещества земной коры.

— Что-то вроде пьезоэлектрического эффекта?

— Именно. Весь фокус в том, чтобы в определенных точках приложить к горным породам некоторую разность потенциалов, соответствующую сложившейся картине напряжений.

— И эта картина изменится?

— Да, таким путем можно снять угрожающие напряжения и

тем самым разряднть «сейсмическую бомбу», подготовленную прнродой к очередному «взрыву».

— Грандиозно!—вновь не выдержал Мареев.—Так за чем же дело стало?

Воронов улыбнулся—снисходнтельио н в то же время немного грустно.

— К сожаленню,—сказал он, усаживаясь на прежнее место,— пока что все это в основном нз области идей.

— И ничего не сделано?

— Я сказал: можно снять напряжения... Можно. В принципе. Впрочем, техническая возможность созданья необходимых разностей потенциалов у нас уже есть. Мы заложили на довольно обшнрном полнгоне большое чнсло электродов. Подвели кабели. Смонтнрована снстема управлення с выходом на ЭВМ. Но нет главного—программы для «руководства» всем этим хозяйством.

Воронов надолго замолчал. Мареев терпеливо ждал, когда он заговорит снова, чувствуя, что сказано еще не все.

И действительно, спустя несколько минут хозяин кабинета снова вскочил и, прннявшись быстро ходить по комнате, продолжил:

— Понимаете, снстема очень сложная, с множеством обратных связей... Теоретические прннципы как будто бы ясны, но, так сказать, качественно. Эти прннципы еще не воплотились в точные математические формулы, которые можио было бы заложить в машнну.

— Но вы, должно быть, проводили какне-то экспернменты?

— Кое-что... Но вот тут-то мы н подошли к главному препятствню.

— Нет соответствующего математического обеспечеиня?— предположил Мареев.—Или необходимой вычнслительной техники?

— Да нет, препятствне это не технического н не вычислительного свойства... а скорее, так сказать, философского.

Мареев удивленно посмотрел на Воронова.

— Да, да, именно так,—подтвердил сейсмолог.—Дело в том, что в основе моей работы лежат довольно общие соображения, которые далеко не все разделяют... Мы любим повторять: человек—часть прнроды. Но прн этом не всегда отдаем себе отчет в том, что это значит.

— Что же тут неясного?—несколько уднвленно переспросил Мареев.—Человек—часть природы, по-моему, этнм все сказано.

— Не совсем!—возразил Воронов.—Не просто часть, а часть, взаимосогласованная с целым! С прнродой. Взаимосогласованная!.. Прнрода породила человека, но он не оторвался от нее. Среда н органнзм—это еднная снстема.

— Не совсем поимаю,—сказал Мареев,—какое отношенне...

— Имеет,—перебил Воронов.—У нас нет программы, которая могла бы, учитывая распределенне напряжений, управлять подачей электрических потенциалов к горным породам. Но есть «устройство», способное решать подобную задачу без программы. Точнее, по программе, вложенной в него природой. Это человеческий мозг.

— Мозг?—уднвился Мареев.

— Именно... Именно мозг. Мозг способен воспрнннмать угрожающее распределенне напряжений как нарушенне того естественного равновесия, которое должно существовать между средой н органнзмом. Такова моя точка зрения. Но с ней не все согласны.

— Что ж,— сказал Мареев, подумав,— с этим, разумеется, можно соглашаться или не соглашаться, но, честно говоря, не вннжу, как эта ваша точка зрения может быть использована практически.

— Распределение напряжений, так сказать их общая картина, с помощью соответствующнх электрнческих снгналов подводнтся не к вычнслительным устройствам, а непосредственно к мозгу оператора. А мозг в это время вырабатывает необходнмые команды.

— И вы пробовали?

— На тренажере.

— А на местности?

— Пока нет. Дело в том, что в пределах территории нашего полигона находится Синегорск. И мы не имеем права на ошибки, сами понимаете. Тут надо действовать с огромной осторожностью и только наверняка.

— А что — может случиться, что, разряжая четырехбалльное землетрясенне, вы вызовете девятибалльное?

— Ну, вероятно, это несколько преувеличено,— поморщился Воронов,— но, повторяю, ошибаться нельзя.

— Понимаю... А эти ваши эксперименты на тренажере... Что вы при этом ощущали?

— Что я чувствовал? Ничего конкретного. Как бы это лучше объяснить... Какой-то, что ли, дискомфорт. Некое общее беспокойство, тем более значительное, чем сильнее распределение напряжений отклонялось от нормы.

— И каким же образом, исходя из столь расплывчатых ощущений, вы находили нужные команды?

— Это происходит подсознательно. Точнее, я усилием воли стараюсь преодолеть, погасить это беспокойство. А подсознание само анализирует поступающую информацию н выбирает оптимальный вариант.— Он помолчал...— Думаю, имеет значение и то обстоятельство, что я вырос именно в этой местности и составляю с ней, так сказать, единое целое.

— Вы говорите об этом так, будто все проще простого.

Сейсмолог пожал плечами.

— А ведь, иаверное,— продолжал Мареев,— подобные действия требуют огромных нервных усилий, колоссального напряжения?

Вороиов мягко улыбнулся и вновь пожал плечами, но ничего не сказал.

— Слушая вас, невольно вспоминаешь арабские сказки о могущественных джиннах. Или легенды о волшебниках, которые силой мысли могли управлять явлениями природы. С помощью пснхической энергии.

— Психическая эиергия?— рассмеялся Вороиов.— Скажем лучше — сознание. Увы, сознание не способно непосредственно изменять объективную реальность. Тем более в больших масштабах. Только с помощью техники...

В этот момент динамик, висевший иад рабочим столом Вороиова, неожиданно щелкнул, и взволнованный голос сообщил:

— Приборы показывают массовую перестройку напряжений!

Воронов на мгновение замер, а затем стремительно выбежал из комнаты. Секунду поколебавшнсь, Мареев последовал за ним. По винтовой лестнице они спустились в подземную часть станции, в аппаратную. Здесь уже собралось несколько человек. Они обступили пульт, где на большом табло отражались показания приборов, суммирующих информацию, поступающую от многочисленных датчиков. По выражению лиц Мареев понял, что происходнт нечто угрожающее.

И словно близким взрывом сознание опалило предупрежденне, вспыхнувшее на экране: сила землетрясения — 11 баллов, момент первого толчка — 21 час 47 минут.

Мареев бросил взгляд на часы — до начала катастрофы оставался ровно час...

Он вдруг ощутил режущую боль в пояснице, с ним всегда так случалось в минуты острого волнения. Одиннадцать баллов из двенадцати возможных!..

В памяти всплыли сообщения о катастрофических землетрясениях: Ашхабад, Скопле, Марокко, Агадир... Рушатся до основания даже самые крепкие здания, грохот, ужас, крики людей, стоны раненых, хаос, развалины. И все это за какне-ннбудь несколько секунд.

Но может быть,— у Мареева мелькнула надежда — ведь Синегорск — молодой город, он строился совсем недавно и, конечно, с учетом сейсмической опасности. Журналист тронул за локоть сотрудника станции, стоявшего ближе других:

— А Синегорск...— начал он.

— Рассчитан на девять баллов,— мгновенно ответил тот, даже не дослушав Мареева до конца.

Мареев уже не раз замечал, что в моменты высокого напряжения люди, не потерявшие головы, приобретают удивительную способность понимать друг друга с полуслова.

— Здесь сильнее семи баллов никогда не бывало,— добавил сотрудник.

Мареев взглянул на Воронова. Сейсмолог стоял возле пульта и, сняв трубку телефонного аппарата, нетерпеливо постукивал по рычажку.

В аппаратную вошел Слюсаренко.

— Что вы собираетесь делать? — с ходу спросил он у Воронова.

— Передать предупреждение в Синегорск! — не поворачивая головы и продолжая терзать телефонный аппарат, резко ответил сейсмолог.

— Паникуете? — глухо произнес начальник станции.— Одиннадцати баллов здесь не бывает — ваша система что-то напутала. Это же очевидно. А вы хотите поднять панику. В городе двести тысяч человек!..

— Вот именно — двести тысяч! — горячась, возразил Воронов.— Люди успеют выйти на открытые места... А что касается одиннадцати баллов, то все в жизни когда-нибудь случается в первый раз.

— А если тревога окажется ложной?

— Тем лучше... А если — нет? — Воронов еще раз ожесточенно постучал по рычажку и бросил трубку.— Связь отсутствует. Вы понимаете, что это значит? Нарушен кабель. Видимо, уже начались подвижки пластов.

— Ну что ж,— согласился Слюсаренко.— Береженого бог бережет.— Он положил руку на плечо радиста «Горной»:

— Давай! По радио...

— Мы и так уже потеряли целых четыре минуты,— добавил Воронов.

— Четыре минуты? — удивился Мареев и, не веря, бросил быстрый взгляд на часы. В самом деле — только четыре минуты. А ему показалось, что с того момента, когда на дисплее вспыхнуло предупреждение о грозящем землетрясении, прошло по меньшей мере минут двадцать...

В аппаратной стало вдруг неожиданно тихо. Казалось, время остановилось. Ничего не менялось и на экране дисплея. Тревожная точка рядом с Синегорском продолжала угрожающе мерцать, предвещая надвигающуюся катастрофу. Светились и две единицы на табло, складываясь в фантастические одиннадцать баллов.

Вернулся радист.

— Связи нет!..— сообщил он, волнуясь. Таких сильных помех никогда еще не было.

— Видимо, мощная электризация воздуха,— заметил кто-то из сотрудников.

— Кстати, тоже один из возможных предвестников сильного землетрясения,— добавил другой.

Мареев снова взглянул на Воронова. Сейсмолог стоял бледный, схватившись рукой за край пульта словно для того, чтобы не упасть.

Слюсаренко, наклонившись к Марееву, шепнул:

— У него в Снегорске...

— Жена?—отозвался Мареев.

— Будущая... Лена. Наш врач. Вчера уехала в город и вернется только завтра.

Мареев содрогнулся. Какие простые и обыденные слова: уехала, вернется завтра... Он сказал—вернется. Но если верить приборам—скорее всего не вернется. Одиннадцать баллов! Никто не вернется!.. И ничего нельзя сделать—стихия. Даже предупредить невозможно.

Напряжение в аппаратной достигло предела.

— Может быть, на машине?—неуверенно предложил радист.

Ему тотчас возразили:

— Сто восемьдесят километров горной дороги! Не успеть!

Словно по команде, взгляды всех, кто находился в аппаратной, обратились к Слюсаренко. Как будто начальник станции мог что-то сделать. Но он угрюмо молчал...

Вот когда пригодилось бы то, о чем только что рассказывал мне Воронов, подумал Мареев. И словно в ответ в наступившей тишине прозвучал голос Воронова:

— Готовьте систему активного предупреждения!

Слюсаренко удивленно поднял свои густые, сросшиеся на переносице брови:

— Но...

— Это единственный выход. К тому же эксперимент был удачным.

— На тренажере. И в течение всего лишь одной минуты. А потом мы целый час приводили вас в сознание.

Вот как, подумал Мареев. Вот почему он не ответил на мой вопрос.

— Повторяю—другого выхода нет,—твердо сказал Воронов.

— Но это же верная смерть!

— Возможно... Но для меня одного...

— Вы даже не успеете ничего сделать. У вас просто не хватит времени.

— Должно хватить. Должно!—Воронов резко повернулся к сотрудникам, молча ожидавшим, чем закончится этот спор.—Готовьте!

В аппаратной все пришло в движение—одни, заняв места за пультами, склонились над приборами, выводя аппаратуру в рабочий режим, другие извлекли из стенного шкафа шлем энцефалоскопа с многочисленными проводами и стали подключать его к системе контроля напряжений и системе управления. И только один Воронов продолжал стоять неподвижно с отсутствующим взглядом. Возможно, он уже сейчас проигрывал в уме разнообразные варианты той необычной игры, в которую ему предстояло

включиться через несколько минут. Игры, в которой его противником должна была выступить сама природа, а ставкой была жизнь тысяч людей.

Слюсаренко подошел к Воронову и с неожиданной мягкостью положил руку ему на плечо:

— Еще не поздно отказаться... Михаил, никто не вправе требовать от тебя этого. Тем более что система активного воздействия — это пока скорее... научная фантастика.

Воронов никогда не был в фамильярных отношениях со своим шефом, и, вероятно, именно это слюсаренковское «ты» на мгновение вернуло его к действительности. И он ответил в том же духе:

— А ты хотел бы, чтобы я мог попытаться и не попытался?

И это взаимное «ты» сблизило их теснее, чем долгие годы совместной работы. Слюсаренко сильнее сжал плечо своего ближайшего сотрудника:

— Я понимаю... там Лена.

— Лена?.. Лена,— отрешенно повторил Воронов.— Там люди.

Слюсаренко нервно повел плечами и как-то странно посмотрел на Мареева, словно обращаясь к нему за помощью. Мареев выразительно развел руками: да и как он, совершенно новый здесь человек, мог судить о том, что верно и что неверно и как должны поступить эти люди в столь неожиданно сложившейся критической ситуации. Это могли решать только они, они сами. Однако Слюсаренко продолжал почему-то в упор смотреть на него. И чтобы избавиться от этого требовательного взгляда, Мареев отвел глаза и посмотрел на часы — из отпущенных природой шестидесяти минут оставалось только пятьдесят.

— Вот такая... ситуация,— прозвучал рядом тихий бас Слюсаренко.

Мареев уже понял, что сейчас подлинным начальником «Горной» стал не Слюсаренко, а Воронов. В критические моменты бывает, что реальным руководителем оказывается не тот, кто облечен официальной властью, а тот, кто способен найти правильное решение и повести за собой людей. Видимо, почувствовал это и сам Слюсаренко. Именно это, должно быть, и потянуло его к Марееву — постороннему человеку, также оказавшемуся в роли наблюдателя...

— Приступим! — распорядился Воронов и опустился во вращающееся кресло перед пультом.— А вы,— обратился он к радисту,— идите и все же старайтесь пробиться и передать предупреждение.

Двое сотрудников со шлемом энцефалоскопа в руках, уже подключенным к системам оповещения и предупреждения, приблизились к Воронову и по его знаку стали осторожно прилаживать шлем.

В этот момент в аппаратную стремительно вошла молодая женщина.

— Что случилось? — тревожно спросила она, видимо сразу уловив напряженность обстановки.

Сотрудники, колдовавшие над Вороновым, застыли со шлемом в руках. Сейсмолог приподнялся в своем кресле. Лицо его преобразилось:

— Ты... Сегодня.

«Лена» — понял Мареев.

— Так, что тут все-таки происходит? — требовательно повторила девушка.

Кто-то молча показал на экран дисплея. Должно быть, она сразу все поняла, так как, на мгновение оцепенев, рванулась к Воронову и схватила его руку:

— Что ты хочешь сделать?

Он виновато улыбнулся. Молча...

— Нет! Нет! — вскрикнула оиа. — Я не хочу... Нет!

Он взял ее за руку.

— Лена...

Их глаза встретились.

И больше она не произнесла ни слова. Только отступила на шаг н застыла, неподвижно глядя на Воронова.

Мареев невольно пригляделся к девушке. Красивой ее нельзя было назвать, но было в ней что-то такое, что останавливало взгляд. Легкий свитер и светлые джинсы плотно облегали ее легкую фигурку. Прямые волосы рассыпались по плечам. Узкий разрез глаз и чуть широкие скулы придавали ее окаменевшему лицу что-то азиатское. Губы были плотно сжаты...

— Так иадо, Лена, — тихо сказал Воронов и еще раз улыбнулся, но уже ие виновато, а ободряюще.

И она, видимо уже овладев собой, едва заметно кивнула ему в ответ.

Воронов снова сделал знак своим помощникам, и они иачали закреплять шлем у него иа голове. Теперь он выглядел существом из какого-то другого мира. Опутанный проводами, он сидел в кресле, отделенный шлемом энцефалоскопа от всего окружающего, — человек, ставший решающим звеном в сложной электронной системе и готовый слиться с окружающей природой. Но видимо, мысли его все еще были здесь, в аппаратной. Он медленно повернул голову и еще раз посмотрел на Леиу. Она снова кивнула ему и выбежала из комиаты.

Секуиду помедлив, Воронов глубже вдавился в кресло, протянул руку и резким движением нажал одну за другой две большие красные кнопки...

Мареев машинально перевел взгляд на табло, затем иа экран дисплея. Словно что-то мгновенно могло измениться. Но там все оставалось по-прежнему.

Прошла минута. Другая... Ничего не происходило. Если что-то и совершалось, то оио было невидимо и иеощутимо даже для приборов. И от этой неощутимости у Мареева возиикло странное чувство иереальности происходящего. Будто ои переиесся в далекое научно-фантастическое будущее. Или скорее во времена мистических ритуалов древних инков или египетских жрецов... Заклинание природы! Человек — против стихии!.. Но человек современный — во всеоружии научных знаний и технических возможиостей...

Вороиов продолжал сидеть неподвижно, закрыв глаза, казалось, он погружен в гипнотический сон. Лицо его побледиело, нос сразу заострился, как у мертвеца. И только чуть заметно приподнимался и опускался в такт дыханию накладиой карман иа

клетчатой ковбойке, а вместе с ним выглядывавшая из него шариковая ручка.

Вернулась вскоре Лена в белом халате с медицинским чемоданчиком в руке и остановилась у входа, включившись в общее ожидание...

И вдруг в аппаратной что-то изменилось. Неуловимо, но изменилось. Может быть, чуть сильнее Воронов сжал побелевшими пальцами подколотники кресла, чуть подалась вперед Лена, чуть выше поднялись брови на лице Слюсаренко. Мареев скорее не увидел все это, а почувствовал. И сразу быстрее побежали на табло цифры, зазмеились линии графиков. И даже те, кто сидел спиной к табло, каким-то шестым чувством уловили это и повернули головы...

Стихия, подумал Мареев, сама по себе она мертва. Грозные явления природы... Разве были они грозными, когда на Земле еще не было человека? Ураганы, наводнения, землетрясения... Грозными для кого? Только с появлением человека явления природы обрели определенный смысл... Мареев отчетливо, почти зримо, словно перед ним на экране замелькали кадры мультипликационного фильма, представил себе, как мощные электрические импульсы бегут по многочисленным кабелям к различным пунктам окружающей местности, как они заставляют деформироваться — сжиматься и разжиматься горные породы и гасят вот-вот готовое вспыхнуть пламя сейсмической катастрофы. И тут же на этом внутреннем киноэкране возник другой кадр: человеческий мозг, и от него во все стороны бегут управляющие импульсы, а к нему стекаются сведения о состоянии горных пород, сигналы обратной связи...

Нет, не человек — против стихии, а человек, слившийся со стихией, с окружающей средой. И получивший в результате этого слияния совершенно новые возможности...

И снова в аппаратной что-то изменилось. Теперь все смотрели на экран дисплея. Там медленно, словно сопротивляясь, сменялись цифры. Вместо одиннадцати баллов катастрофического прогноза значились уже девять... Потом девятка уступила место восьмерке. Дальше перемены стали происходить во много раз быстрее. Семь, шесть, пять, четыре балла. На этом движение цифр прекратилось.

Мареев перевел взгляд на Воронова, продолжавшего все так же неподвижно сидеть в своем кресле. Лицо его стало еще бледнее. И вдруг руки, сжимавшие подлокотники кресла, напряглись, сейсмолог весь сжался, словно совершая последнее усилие, и в то же мгновение все ощутили легкие колебания и слабый толчок. Накопившиеся в земной коре напряжения разрядились безобидным четырехбалльным землетрясением.

Пальцы Воронова разжались, и руки бессильно повисли. И словно после стоп-кадра все вокруг пришло в движение. Вскрикнув, Лена со шприцем наготове бросилась к Воронову. Подняв рукав ковбойки, сделала укол. Ассистенты, торопясь, расстегивали ремни, стараясь как можно быстрее снять шлем. Но когда это было сделано, голова Воронова безжизненно качнулась и откинулась на спинку кресла.

Лена, почти такая же бледная, как и Воронов, стояла рядом с

ним иа коленях и пыталась иащупать пульс. Потом медлеиио отпустила его руку и выпрямилась. Лицо ее застыло. Все молча окружили кресло, как солдаты окружают бойца, павшего в бою с врагом. Павшего, ио одержавшего победу.

Мареев почувствовал, как кто-то сжал его руку. Рядом с ним стоял Слюсаренко.

— Признаться, я не верил в это,— сказал ои тихо.— И помолчав, добавил: — Ои спас целый город. Вы должны иаписать...

Мареев почувствовал, как спазма перехватила горло.

— Да, да,— произиес ои с усилием.— Велика сила человеческого разума... И духа...

И в который раз за этот вечер Мареев посмотрел иа часы. Оии показывали девять часов сорок три мииуты. Если бы ие Вороиов, то до иачала катастрофы, грозившей унести тысячи жизией, оставалось всего четыре минуты.

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

СУДНЫЙ ДЕНЬ ЮДЖИНА МЭЛЛТА

Фантастический рассказ

Юджин Мэллт, личный консультант Президента по ядерным испытаниям, вполне удовлетворен. Серия испытаний закончена. Особенно впечатляющим был взрыв в Атакаме. Ад! Настоящий ад!..

Он очень устал, Юджин Мэллт. Напряжение нервов!.. Хотя бы с «Пепитой». Семьдесят мегатонн,— и вдруг часовой механизм будто сорвался с цепи: стрелки закружились вперегонки. Но ведь с часами соединяется вся эта... требуха! Какой вид был у коллеги Симпсона — волосы ощетинились на затылке!.. При воспоминании о «Пепите» Мэллт чувствует сердцебиение. Как он заорал, Симпсон: «Бежим!..» — как будто можно убежать от вулкана...

После, за стаканчиком бренди, Мэллт позволил себе расслабиться — предался воспоминаниям. «Одиннадцатая бомба,— говорил он.— Невада, Бикини, Эниветок — хорошие удары, Симпсон. Но этот будет отличный. Вспомните мое слово!» При этом Мэллт держал стакан перед собой — Симпсон поставил стакан на стол: руки у него дрожали. В груди Мэллта, признаться, витал холодок: он ведь тоже из плоти и крови...

Дорога вьется среди холмов. По обеим сторонам от дороги — пустыня, притихшая, с разорванным сердцем. Испытания проводились в сердце пустыни «The Heart of Desert». И сердце ее разорвано. Чудовищный кратер лежит в песках. К нему подойти нельзя: его охраняют сто восемьдесят постов по окружности.

Пусть охраняют. Мэллт спешит на аэродром. Багаж он отправил утром и теперь мчит на «виллисе». Без охраны: можно же проскочить без прихвостней в серых шляпах!.. Мэллту нравится, когда он один.

Вечер. Солнце, кажется, замерло, наполовину погрузнвшись в песок. Вершины холмов покраснели, тени густо-лиловые, как на абстрактной картине. Мэллт любит абстрактности н не любит пустыни: за полгода она успела ему осточертеть. Наедине приятно думать о семье, о дочках. Дочерей у Мэллта две: Юдифь н Далила, четырех лет н пяти. Имена он подобрал сам, из Бнблин — ведь он набожный человек н примерный отец. Но если спросить его, зачем он произвел двух маленьких крошек в мир, где страшные бомбы разрывают сердце пустыни, он ответит, что крошкам ничего не грозит. Его нмя в первом номенклатурном списке. Семье обеспечено место в генеральном убежище на глубине двух тысяч футов, с плавательным бассейном, цветами и прочим комфортом. Две тысячи футов!..— Мэллт с удовольствнем затягивается сигарным дымом. Последнне испытания направлены в глубину. За океаном тоже бомбоубежища. Говорят, что они на глубине тысячи семисот футов. «Пепита» дала кратер в тысячу семьсот футов!.. В багаже Мэллта фотографни. Не только к отчету — для его личных альбомов. На каждую бомбу альбом. Есть на что посмотреть... Фотографин у Мэллта цветные, на отличной пленке. И везде в центре черный неистребимый цвет. По ночам он снится Юджину Мэллту... Откровенно говоря, Мэллт даже не прочь, чтобы судный день наступил на его веку. День этот он переживет — на то н бомбоубежище! А потом в чнсле нзбранных он будет основателем новой расы.

Аэропорт пуст. Безлюдны посадочные площадкн. Личный самолет Мэллта ремонтируется. Обещали сделать ремонт через четыре дня, пошла вторая неделя. Такое возможно только в этих богом проклятых странах... Но где рейсовый самолет?

Мэллт поднимается к начальнику аэропорта:

— Где рейсовый на Сезарно?

Начальник Мария Кастелла Перес смотрит на Мэллта, как на выходца с того света:

— Вы еще здесь?

— Отвечайте на вопрос! — прерывает его Мэллт.

Перес поднимается с кресла:

— Семь минут, мистер Мэллт,— показывает он на часы.— Семь минут, как рейсовый взлетел с полосы!

Юджин Мэллт озадачен: опоздал, замечтался в дороге? Но не это волнует его сейчас.

— И багаж? — спрашивает он.— Улетел?..

— Семь минут! — Перес все еще не вернт, что перед ннм Мэллт.

Однако тот повторяет:

— И багаж?..

В вопросе столько металла н льда, что Перес наконец убеждается в реальности Мэллта.

— И багаж...— отвечает он, утверднтельно кивнув.

Мэллт ошеломлен: багаж отправлен без него? На что это похоже?.. Но замешательство консультанта длнтся секунду, не больше:

— Дайте мне самолет!— требует он.— Немедленно! Знаете, что у меня в багаже?..

Перес не знает. Никто не знает, что с багажом Мэллта улетели расчеты и результаты проведенных испытаний — секретная информация. Сейчас все это болтается в воздухе без хозяина.

— Вшивая страна! — Лицо Мэллта наливается краской. Все можно вынести: «Пепиту», толстый затылок Симпсона, но никому нельзя потакать.— Почему не задержали багаж? — Мэллт теряет контроль над собой.— Верните! Радируйте!..

Начальник аэропорта чувствует вину: в том, что багаж отправлен без пассажира, виноваты его подчиненные, но, увы, в воздухе самолет вне его власти!

— Что вы стоите! — Мэллт стучит кулаком по столу.

Следующая минута заполнена звонками, трескучей испанской речью по двум телефонам сразу. Перес как виртуоз: слушает, разговарнвает н отдает приказания.

Через четверть часа Мэллт сидит в самолете — в поршневой двухмоторной машине местной линии. Самое большее, что нз нее можно выжать,— шестьсот километров в час. Пусть себе — лишь бы перехватить багаж!

В иллюминатор Мэллт смотрнт на поле аэродрома. Вспоминает разговор в кабинете начальника. Разговор был короток н резок. Пилоты говорили на нспанском языке, будто отгораживались от Мэллта. Потом мальчик-рассыльный проводил его в самолет,— пилоты задержались, все еще разговарнвая.

Стрелки часов сонно ползут по цнферблату. Две минуты — Мэллт поглядывает в иллюминатор. Трн минуты. Где они там?.. Время не терпит! И все же — один — ноль в его пользу. Конечно, Перес не мог ему отказать. Но от этих каналий ждать можно всего, вторую неделю ремонтируют самолет... Все-такн однн — ноль: багаж Мэллт догонит в Сезарно. Догонит место в самолете, которое его ждет. Четвертая минута. Мэллт нетерпеливо прнникает к иллюминатору.

Вот они! Старшнй пилот Мнгель н его помощник Фернандо. Идут через поле к машине. Как медленно, вразвалку они идут!.. Мэллт готов крикнуть пилотам: скорее!

Пилоты в самом деле не торопились. В кабинете начальника нм некогда было перекинуться словом. Задание объяснял Перес: маршрут, время, прн этом он то н дело поглядывал на часы. Маршрут пилотов не радовал. Ночью лететь через горы — кого это обрадует? Хотя бы линия полета была прямая, так нет: атомную дыру в пустыне надо обогнуть стороной. Никаких орнентиров на линии — ночь, пустота. В последний момент, когда рассыльный увел Мэллта к самолету, Перес сунул Мигелю дозатор: «Не залетите в пекло...» Дозатор у пилота в нагрудном кармане, как авторучка. Собачья служба — рыскать над горами в ночи. Хотя бы заданне стоящее. И тут не повезло: пилот вспоминает надутого нидюка Мэллта.

— Мне не нравится его рожа,— говорит на ходу Фернандо.

— Знаешь, кто это?

— Кто?
— Юджин Мэллт.
— Юджин Смерть?
— Тише! — одергивает его Мигель.
С минуту слышен стук каблуков по бетону да, кажется, дыханне обоих пилотов.
— Я бы утопил эту крысу! — говорнт наконец Фернандо.
Опять стук каблуков. И — неожиданные, даже небрежные слова Мнгеля:
— А что нам стоит?..
Небрежность кажущаяся: в ней бешеная решимость.
— Мнгель! — Фернандо сжимает в темноте локоть товарища.
Теперь они идут быстро — бегут к машине.
— Наконец-то! — улыбается Мэллт.
В самолете Мигель и Фернандо надевают парашюты. Помогают надеть парашют Мэллту.
— Опасно? — спрашивает он.
— Ночью в горах...— неопределенно говорит Мигель.

Когда самолет вышел на полосу, в кабинете начальника аэропорта еще горел свет. Но вот все четыре окна погасли. Перес, однако, не торопился домой. Он подошел к окну н наблюдал, как серебрнстая птица в свете сигнальных огней набирала разбег и, поднявшись над лентой бетона, канула в темноту.

Начальник аэропорта устал за день, за все эти дни. Устал от тревогн, от ожидания н секретных шифровок: «Срочные перевозки». «Секретный груз...» И все это завершилось взрывом в пустыне. Не только взрывом — окриком: «Вшивая страна!..» Перес за свон пятьдесят лет вынес немало унижений н оскорблений. И сегодня, собственно, заурядный случай... Но почему перед глазами холеное налитое краской лицо? Почему в ушах так больно звучит оскорбленне ему и его стране? Страна, в понимании Переса, это пространство, на котором расположены города и аэродромы, земля, по которой он ходит. Все здесь понятно и просто. Но когда пришли взрывы, Перес ощутил боль, которую чувствовала его земля. Может быть, впервые в жизнн старый служака осознал кровную связь с землей. Оказывается, земле можно причинить боль, а человеку почувствовать эту боль. Можно оскорбить землю и вместе с ней человека. «Вшивая страна!..» Жаль, что самолет ведет не он, Мария Кастелла Перес, он бы вытряхнул спесь из этого консультанта!..

Как ни странно, Мэллт тоже думал о земле и о взрывах. Очень ловко придумано — испытывать бомбу между горами н океаном. Ветры дуют с материка, дождей почти не бывает. Радиоактивную пыль унесло в океан, утопило в воде. Если что и попало в горы, это никому не повредит, разве лишь бродячим индейцам... Снимок «The Heart of Desert», сделанный с самолета, показал в центре пустыни черную рану.

На память Мэллту приходят стихи:

В лучшем виде обошлось,—
Все отлично взорвалось,
Са ира, са ира,
Все отлично взорвалось!

Это стихи о первом испытании водородной бомбы. Мэллт знал и ценил поэзию, цитировал Лонгфелло, Уитмена. Любил английских поэтов прошлого. Но Мэллт не предположил бы, что можно написать стихи о водородной бомбе.

Все отлично взорвалось!..

Чьи стихи, Мэллт не помнит. Они были тиснуты в крупнейших газетах, звучали восторженно:

Са ира, са ира,
Все отлично взорвалось!

Французское «Ça ira» в тексте, несомненно, авторская находка. Так во время революции 1789 года назывался веселый танец. «Ça ira» значит «Лучше не может быть!» Подумать только!.. Но и не будь «Са ира», стихи выдавали восторг поэта, лившийся через край и, видимо, должный вызвать восторг всей нации. Как насчет нации, сказать трудно, но скачущие стишки нашли такой же вихлястый мотив, получилась песенка, которую мурлыкали под нос продавщицы в магазинах, аптекари, даже научные работники:

Са ира, са ира,
Все отлично взорвалось!

Естественно, тогда был ажиотаж вокруг бомбы. Наверно, ажиотаж породил и стишки. Они жили, жужжали в ушах, назойливые, как мухи. И сейчас жужжат. Мэллт трясет головой, чтобы от них избавиться.

Дверь в кабину пилотов закрыта. Машину ведет Мигель. Оба пилота молчат. Они молчат после тех нескольких фраз на аэродроме. Все решено, и не надо слов. Фернандо косится на дозатор в нагрудном кармане товарища. Дозатор, как живой, наливается светом, кажется — кровью. Внизу ни искры, ни огонька. Только красная капля на груди Мигеля. Когда свет достигает накала рубиновой густоты, Мигель то ли спрашивает, то ли говорит вполголоса:

— Начнем...

Фернандо поворачивается к нему:

— Машину тебе не жалко?

— Рухлядь,— говорит Мигель и подает рычаг на себя.

Машину тряхнуло. Мэллт потерял равновесие, ударился головой о спинку сиденья. Тут же самолет накренило, Мэллта оторвало от пола, швырнуло на бок, он едва не выдавил иллюминатор плечом. Вцепился в ремень, схлестнутый пряжкой на животе. Его опять бросило как мешок. В чем дело?.. Дверь пилотской кабины раскрылась. В прямоугольнике, который показался Мэллту ромбом, потому что машина еще не выровнялась, стоял Фернандо.

— Авария! — крикнул он, ринулся к пассажиру помочь ему выбраться из сиденья.

— Скорее, мистер Мэллт! — торопил Фернандо.— Будете прыгать! Мы тоже! Самолет потерял управление!

Все это происходило в считанные секунды. Консультант ничего не успел понять и спросить.

— Внизу пустыня! — кричал Фернандо, балансируя между ил-

люминаторами.— Почва ровная, приземлитесь благополучно!— ободрял он Мэллта.

Тот все шагал, шагал через иллюминаторы. Замигало освещение в самолете. Потом свет опять загорелся ровно. Мэллт и Фернандо подошли к двери — вытянутому овалу, лежавшему на пути.

— Как только открою — прыгайте!— Фернандо, нагнувшись, крутил ручку двери.

Самолет по-прежнему скользил на боку, падал. Мэллт схватился за лямки — ощутил парашют за спиной. Конечно, он прыгнет — самолет падает.

Но когда Фернандо рванул на себя дверь и ветер хлынул в кабину точно из шахты, Мэллт заколебался.

— Прыгайте!— крикнул Фернандо.

Мэллт наклонился над шахтой, уперся руками в обе стороны дверного проема.

— Ну,— торопил Фернандо,— смелей! Парашют раскроется сам!

Мэллт все еще медлил. Фернандо пнул его под колена ботинком, ноги Мэллта рефлективно согнулись, и он нырнул в темноту, точно в воду.

Секунду ему казалось, что он летит рядом с машиной. Не зацепился ли парашют? Но вот железная птица промчалась выше, ушла вперед. Что-то огромное круглое вспыхнуло в небе, хлопнуло, точно выстрел. Мэллт почувствовал рывок и закачался на стропах. Гул самолета растаял, Мэллт оказался один между землей и небом. Тоненько свистело над головой, воздух процеживался сквозь купол. Это успокаивало Мэллта. «Нормально!» — подумал он, ему и раньше приходилось спускаться на парашюте. Вот только не видно земли, но она все равно даст знать о себе прохладой или шорохом ветра. Тогда он подожмет ноги, чтобы спружинить, и благополучно сядет. Потом его начнут искать и найдут. Пилоты, конечно, успели передать координаты места аварии. Поиски начнутся с утра, и его найдут.

Мэллт твердо верил в свою счастливую звезду. «В лучшем виде обошлось...» — вспомнил он песенку.

Земля встречала Мэллта теплом, как из погасшей, но неостывшей печи: за день от жаркого солнца не успела остыть... Внизу было темно. Тщетно Мэллт всматривался, стараясь хоть что-нибудь разглядеть под собой. Поднимал голову — и вверху темно: небо сплошь затянуто облаками.

Проходили минуты, спуск длился медленно. Столб воздуха держал, даже толкал парашют вверх. Так бывает на планере: воздух ударяет снизу, несет аппарат как на спине. Может, потянуть стропы, уменьшить площадь зонта? Будешь спускаться быстрее? Этому учили Мэллта в летном клубе. Когда учили — двадцать два года тому назад? Мэллт нащупывает стропы, но потянуть к себе не решается. Все равно спуску будет конец; несколько раз Мэллту кажется, что земля близко, он поджимает ноги — вот-вот коснется почвы. Но почвы не было. Стало почему-то еще темнее. Чернота висела не только внизу, но и по сторонам, как будто Мэллт опускался в колодец. Это его встревожило, он поднял глаза. Над ним висело бельмо парашюта, выше стелилась

серая простыня неба, а внизу н кругом — черно. «Что за притча?» — мелькнуло в голове Мэллта, н тут его ноги коснулись земли. Странное ощущенне: Мэллт опустился на битые черепкн — так захрустело н зазвенело у него под ногами. Несколько шагов он пробежал по инерцин, поспешно расстегнул лямкн — чтобы парашют не потянуло ветром. Но ветра не было. Парашют съежился н лег на землю белым пятном. «С прибытием!» — поздравил себя Мэллт. Его правилом было — не теряться в любой обстановке. Ну-ка, где он? Мэллт огляделся. Поднял вверх голову — недостижимо далеко серое небо. И все-таки он был внизу, опустился благополучно. «Два — ноль в мою пользу»,— подумал Мэллт н еще раз поздравил себя: «С прнбытнем!» Голос прозвучал слабо, как будто слова пронзнесены шепотом. Мэллт откашлялся — першило в горле. Где он? В предгорьях? Попал в каньон? Это не страшно, нз каньона есть выход, надо его найти. Не уднвила Мэллта сухая жара: каньон тоже не успел за день остыть. Итак, нскать выход! Мэллт пошел вперед, вытянув руки. Уперся в стену. Хорошо, сказал сам себе, теперь он пойдет вдоль стены, только надо быть осторожным, не оступиться. Ощупывая ногами почву, Мэллт двинулся в темноте. Местность казалась ровной, под ногами похрустывало: обычный каньон, дно усеяно галькой. А стена необычная — гладкая, точно стеклянная.

Так он прошел, наверное, с километр. Может быть, больше, а может, меньше. Мэллт механически поднимал н переставлял ноги.

Нестерпимо мучила жажда. Пот струился по лицу, губы растрескались. Галстук он бросил, рубашку расстегнул на все пуговицы; в голове стучало. Стена бесконечно тянулась... Мэллт перестал ругаться. Им овладело тупое ожесточение — скорей выбраться из каньона. Он уже не обращал внимания на стену — скорее! Убыстрял шаги, почти бежал, разбрызгивая из-под башмаков черепки. Это было неосторожностью, можно свалиться в пропасть, но когда кончится стеклянный туннель?.. Мэллту казалось, что он бежит в бесконечной штольне метро, не светит ни одна лампочка. Как он попал сюда, он не знает, он весь заполнен тревогой. Может быть, это воздушная тревога, он опустился в метро и заблудился в бесконечных туннелях?.. Тогда быстрее, быстрей — будет же где-то станция!

Станции не было. И метро не было. Кровь стучала в висках Мэллта, как будто ее проталкивали насосом. Перед глазами шли радужные круги. Раза два Мэллт падал на колени. «Что со мной?..» — бормотал он. Вскакивал, опять механически переставлял ноги: скорее бы убежать. Куда, от кого убежать — безразлично. Только бы убежать. Иногда Мэллту казалось, что он бежит целую вечность, его мучила жажда. Небо все так же плоско висело над ним, светилась стена. Мэллт старался не поднимать на нее глаз, но тусклые желтые пятна проходили сквозь веки, сами рождались в глазах. Мэллт останавливался, тер глаза кулаками. Опять стремился вперед, смутно чувствуя, что дороге конца не будет.

Вдруг Мэллт замер: впереди что-то белело. «Лужа! — подумал он. — Можно напиться!» Кинулся к белому, опустился на корточки. Это был парашют. Сперва Мэллт подумал, что кто-то из летчиков опустился в каньон вместе с ним. Но парашют был белый. У Мигеля и Фернандо — Мэллт отчетливо помнит — парашюты из красного шелка. Это его парашют!.. Каньон оказался круглым. Мэллт готов поклясться, что ни на шаг не отходил от стены. Значит, он сделал круг и вернулся на то же место — каньон представлял собой воронку, вулкан!.. Мэллт пошарил вокруг, руки его ощутили миллионы стекляшек. В горле першило от невыносимой гари. Вулкан — но какой?.. Чудовищная догадка шевельнулась в мозгу: воронка от взрыва «Пепиты»! Слово всплыло перед ним, как страшное «Мене, текел...» «Пепита!..» Мэллт чувствует, как тысячи невидимых игл впиваются в тело, рвут его, живого, на части. «О-о!..» — застонал он, пугаясь своего хриплого, похожего на рычание голоса, повалился на хрустнувшие стекляшки.

Это был не сон. И не забытье. Страх сковал Мэллта, парализовал руки, ноги, не давая вздохнуть. Чтобы спрятаться от него, Мэллт до боли сожмурил веки. Но страх не ушел. Проник в грудь Мэллту, схватил за сердце. «Аве, Мария...— Мэллт обратился к святой Марии.— Да святится имя твое!» Молитва казалась ему спасением. От страха, от «Пепиты», от самого себя...

Когда Мэллт очнулся, небо светлело. Где-то в невероятной выси вставала заря. Тот же пронизывающий жар стоял на дне кратера, испепелял душу, тело. Вместе с Мэллтом проснулся страх и не отпускал его, сковывая по рукам и ногам. Только глаза повиновались Мэллту, требовали: смотри! Медленно, словно боясь

поскользнуться на крутизне, в кратер спускалось утро. Мэллт видел обожженные скалы, изгрызенные пламенем камни. От звездного жара они оплавились, покрылись стеклянной корой. Потом, охладившись, кора полопалась, осыпалась вниз бутылочными стекляшками — зелеными, черными, желтыми. Кратер завален ими, как шелухой. Днище было округлым, точно арена, и черным, как сажа. Вся мощь «Пепиты» выплеснулась отсюда, разодрала землю, каждую пылинку пронзила лучистой смертью.

— А-а-а!..— завопил Мэллт, выдохнув из легких отравленный воздух, чтобы вновь, с еще большей силой вдохнуть отраву.— А-а-а!.. Бросился на стену, работая руками, ногами, ногтями — только бы выбраться наверх...

Сержант Бигбери, часовой охранного 132-го поста, был жизнерадостным человеком. Чего бы ему печалиться? Жалованье идет в тройном размере, капитан Харри к нему благоволит, до окончания службы два месяца... Пустыня, правда, сержанту не нравится, атомная дыра в пустыне тоже не нравится. Но дыра далеко. И вообще эти посты — лишнее дело: кто туда сунется?..

Сержант смотрит из-под руки: скоро ли сядет солнце? Сегодня сменщики — ночью дежурят по двое — задерживаются, автомашины не видно. Поставив автомат возле шершавой металлической будки, Бигбери на губной гармонике выводит песню о Миссисипи. Тонкие скрипучие звуки постоят в воздухе и уйдут. С ними уходит время. «Миссисипи» закончена. Бигбери вытягивает из гармоники «Красотку Джэн», вспоминает свою Мерилин, от которой вчера получил письмо, и ему становится весело. Даже в этой дрянной пустыне жить можно... Вот и облачко показалось на горизонте — автомашина. Бигбери сует гармонику в нагрудный карман, подтягивается — служба прежде всего,— берет автомат в руки. И тут он слышит, как над пустыней плывет хриплый звериный вой. Бигбери оглядывается по сторонам: может, почудилось? Вой повторяется. Сержант с автоматом в руках бросается на другую сторону будки.

В четверти мили расстояния от него, со стороны «дыры», где, по предположению Бигбери, ничего не может быть живого, прямо на пост идет человек. Идет — не то слово. Его качает, как пьяного, валит на четвереньки, он ползет, поднимается и одичалым голосом тянет: «А-а-а!..» Иногда вой срывается на непонятное бу-бу-бу, а потом опять хрипло и непрерывно: «А-а-а!..»

Сержант знает инструкцию: к дыре никого не пускать. На то посты, чтобы никакой дурак туда не сунулся. Но человек идет не туда, а оттуда... Бигбери растерян: кто может выйти из пекла — дьявол?.. Сержант вскидывает оружие:

— Стой!

Пришелец не обращает внимания, с каждым шагом он ближе.

Его лицо страшно, как в дурном сне: круглые птичьи глаза с расплывшимися зрачками, губы кровоточат, подбородок зарос, как у мертвеца, рубаха лохмотьями свисает с плеч... Кажется, он ничего не видит — идет напролом, бежит, словно кто-то беспощадный догоняет его.

— Стой!..— не своим голосом кричит Бигбери.

Незнакомец падает, с минуту лежит ничком... К посту подходит машина. Рядом с Бигбери появляются капитан н двое солдат:

— Что такое, в чем дело?

В это время пришелец, поднявшись с земли и потеряв ориентировку, иачинает кружиться на месте.

— Боже!..— восклицает капитан.— Это же мистер Мэллт!

Капитан в курсе событий: ночью в ста милях отсюда упал самолет. Пилоты Мигель и Фернандо спаслись. Они заявили, что с ними был пассажир, который выпрыгнул раньше. Они старались спасти машину, но самолет потерял управление и, как скользил на крыле, так н врезался в землю.

— Мистер Мэллт!..

Это был действительно Мэллт. Он кружился на месте, выбирая, в какую сторону ринуться, н хохотал, заламывая вверх руки. Внезапно он оборвал хохот и затянул:

В лучшем виде обошлось,
Все отлично взорвалось!..

У солдат холодом обдало спины.

Мэллт накоиец заметил людей.

— Бегите!— закричал он.— Еще одна бомба — и вы превратитесь в стекляшки! Будете хрустеть под ногами...

Несколько раз ударил каблуками в землю, поднял облако пыли:

Са ира, са ира!..

Он хохотал, топая и кружась: «Еще бомба — и планета вверх тормашками!..» — Он вскинул руки над головой, разорванный рукав затрепетал иа ветру, как знамя. «К черту! К черту!— кричал Мэллт.— Ха, ха-ха-ха!..»

Бигбери поднял автомат и иажал спуск, чтобы заглушить сумасшедший хохот. Очередь пророкотала, как гром. Хохот смолк. Мэллт иа секунду пришел в себя, повертел головой из стороны в сторону, словио расслаблял туго затянутый галстук.

— Люди!— двинулся он к солдатам.

Люди дрогнули, как под ветром, отступили иазад.

— Люди!— повторил Мэллт, протягивая руки.

Солнце стояло над горизонтом, было тревожным и красным. Его лучи упирались в лицо идущему, кровавили ему губы. Мэллт был похож иа вурдалака, возвращавшегося с могильного пира. Глаза его излучали смерть. «Люди...» — повторял ои, твердил, словио в его мозгу крутилась пластинка с одним-единственным словом: люди!..

Это было невыиосимо до тошноты, до дрожи в иогах. Капитан Харри, сержант Бигбери, сменные, приехавшие иа пост, повериулись и побежали к машине.

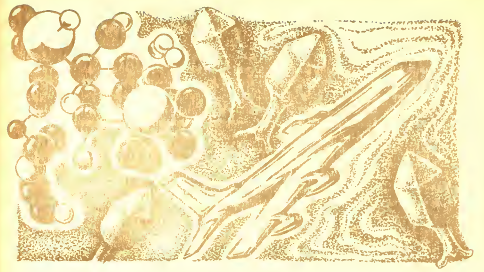
Мэллт споткнулся, упал иа колеии, протянул руки к солдатам, прыгавшим с разбега в машину.

— Гони!— крикнул шоферу капитан Харри.

Стартер завизжал, автомобиль пыхнул дымом.

— Люди!— кричал Мэллт, потрясая руками.— Лю-ди!..

Машина полным ходом мчалась через пустыню прочь.

АЛЕКСАНДР ПОЛЮХ

СЛУЧАЙ

Научно-фантастический рассказ

Повинуясь указанию бортпроводницы, Силин пристегнулся к креслу и взглянул на своего соседа. Тот разговаривал с пассажиром, сидевшим сзади. Авиадвигатели взревели еще громче, самолет задрожал, рванулся вперед и начал разбег по взлетно-посадочной полосе. Беседа, которую вели спутники Силина, наперекор реву турбин шла на высоких тонах.

— Примеров здесь куча — Рентген, Флеминг, Пастер,— надрывался сосед Силина, доказывая что-то своему оппоненту.— Даже Эйнштейн совершенно серьезно заявлял, что для создания теории относительности ему нужно было еще и счастливое стечение обстоятельств. А ведь это сугубо теоретический труд!

Самолет оторвался от земли и начал набирать высоту. Шум двигателей стих и перешел в равномерное гудение. Силин стал прислушиваться к этой дискуссии, и постепенно ему стал ясен предмет спора. Обсуждалась одна из «вечных» проблем науки — является ли случайность определяющим фактором в научных открытиях. Собеседники находились еще в том возрасте, когда вершины науки с высоты вузовской скамьи кажутся не такими уж неприступными, а острота вселенских проблем еще не притуплена мелкими житейскими неурядицами.

— А не возводишь ли ты в абсолют Его Величество Случай? Случайность многих великих открытий обусловлена закономерностью научно-технического прогресса,— напыщенно возражал противник незакономерных случайностей.

— Тогда чем мы можем объяснить тот факт, что развитие отдельных научных дисциплин происходит скачкообразно? — парировал оппонент.

«Молодо-зелено»,— благодушно подумал Силин и открыл портфель, чтобы взять купленный в аэропорту юмористический журнал. Но его там не оказалось — скорей всего забыл в ресторане аэровокзала. Впереди было три часа вынужденного безделья. А рядом продолжало бушевать пламя околонаучного спора.

— Сколько раз ученые приходили к гениальным идеям совсем в не подходящих для этого ситуациях? — кипятился один.— Одному нашему математику замысел первой его блестящей работы пришел во время поездки в переполненном городском автобусе.

— В том, что ученых озаряют идеи в нерабочее время, нет ничего загадочного,— возражал другой.— Я читал, что это результат работы подсознания, причем на первый взгляд человек абсолютно не думает об искомой проблеме, а ее решение как бы всплывает в сознании, и даже, как ты говоришь, в самое неподходящее время.

«Довольно прогрессивный способ познания, а главное, налицо экономия рабочего времени,— подумал Силин.— Введение его в жизнь в подведомственном мне учреждении вызвало бы по меньшей мере ликование. Как же, в рабочее время будем заниматься личными делами, а в нерабочее между все теми же личными решать научные вопросы».

Его собственное подсознание ехидно шепнуло: «Да и вам, почтенный доктор наук, не мешало бы освоить данный стиль работы, поскольку, сев в директорское кресло, вы стали решать разнообразнейшие проблемы, исключая собственно научные».

И Силин, уже не в первый раз, подумал о том, что, с тех пор как он возглавил институт онкологии, бремя административных забот ложилось на него все более тяжелым грузом. А если уж говорить честно, то он давно уже стал администратором, хотя упорно боялся признаться себе в этом.

«Значит, так, быстренько вооружаемся этой прогрессивной методой и для начала продуктивно используем три часа свободного времени, чтобы найти средство борьбы с «болезнью века». Дженнер увековечил в истории науки коров с их коровьей оспой и коровниц, той оспой болевших, я же увековечу самолет Ан-24 и юмористический журнал «Крокодил»...»

И вновь из глубин подсознания выплыло: «А если оставить остроумие, перед тобой только два варианта последующего времяпрепровождения: привнести в дискуссию соседей свой академический опыт или броситься в объятия Морфея».

Силин потянул рычажок на подлокотнике, спинка кресла опустилась ниже, и он закрыл глаза.

«К черту комплексы! Как заметил еще Гоголь, крепкий сон дарован тем, кто не обладает слишком сильными умственными способностями... Жаль, что спать не хочется. В конце концов можно просто просидеть вот так, с закрытыми глазами, эти три часа и ни о чем не думать».

Но в безмятежном сознании опять всплыло то, что все время подсознательно преследовало его: «А когда ты вообще в последний раз о чем-либо серьезно думал, если оставить в стороне административные размышления о поощрении или наказании

подчиненных или изыскание способов получения сверхлимитного оборудования для сектора ранней диагностики?»

Личность Силина вдруг оказалась расколотой надвое. Один Силин, преуспевающий, увенчанный учеными степенями, яростно спорил с другим, тем Силиным, который только с третьей попытки поступил в медицинский институт, допоздна засиживался в читалке в студенческие годы, а во время учебы в аспирантуре — в лаборатории и библиотеке.

«Что за беспочвенные обвинения?! Время универсалов давно миновало — это бесспорная аксиома! Сейчас в науке существует довольно четкое разделение труда — исследователи и организаторы. Я отношусь к организаторам научного поиска, надо же кому-то выполнять и административные функции...»

«Это, видно, и было твоей заветной мечтой? Разве об этом ты мечтал, когда не стал подавать документы в медицинский институт в твоем родном городе, где ты наверняка прошел бы по конкурсу, но где (как ты считал) не было простора для научной деятельности?»

«Э-э-э... Давай оставим юношеские мечты облагодетельствовать человечество. Несколько направлений в борьбе с раком уже имеется, дело только в детальной разработке. Идет работа над поиском возбудителей болезни, над проблемами иммунитета к онкологическим заболеваниям, по ранней диагностике. Координировать эти исследования — далеко не последнее дело».

«И все же, несмотря на то что работы ведутся не один год, результаты мизерны. А кроме того, организатор науки мог бы не только координировать, но и предлагать новые идеи...»

«Идей-то хватает, а вот общая отдача невелика. Что толку в том, что я предложу еще одно направление? Оно может оказаться ошибочным, и я напрасно отвлеку научные силы от работы над устоявшимися проблемами».

«Ты еще можешь что-нибудь предложить, хотя бы и ошибочное? Плохо верится».

Силин очнулся, выйдя из состояния полудремы, во время которого происходил этот внутренний диалог.

Соседи продолжали разговаривать, однако тема разговора переменилась.

— ...Так я ее и не дождался. На следующий день снова звоню ей...

— Ну и напрасно! Ты что не видишь, как она тобой играет!

По всей видимости, результатом их предыдущего жаркого спора стала боевая ничья:

Силину стало скверно: Неожиданно для самого себя он обратился к своим спутникам:

— Извините, что вмешиваюсь в разговор, но мне лично ваша точка зрения на научные исследования кажется довольно спорной.

Молодые люди удивленно переглянулись, но, тотчас вспомнив тему недавнего своего спора, заговорили наперебой:

— Вы о закономерности или случайности научных открытий?

— И какую же точку зрения вы поддерживаете?

— Нет, я, собственно, не об этом,— слегка поморщился Силин.— Мне кажется странным ваш взгляд на научные исследо-

вания вообще. Если вас послушать, то может показаться, что все научные открытия сделаны как бы мимоходом. Следуя вашей методе, можно счесть за лучшее полеживать на диване, обдумывая научные проблемы, н ожидать, когда подсознание выдаст на-гора́ очередное открытие.

— Иногда бывает плодотвориым и этот метод,—с вызовом сказал сторонник незакономерных случайностей. Видно было, что тон Силина ему не понравился.

— Интересно, кто же пользовался подобным методом н каковы его результаты?—саркастически спросил доктор наук.

— Я,—ответил юноша и в свою очередь поинтересовался:— Вы знакомы с положением дел в современной онкологии?

— Да как вам сказать!—буркнул Силин.

— Я предлагаю принципиально новый метод лечения рака,— сказал неожиданно юноша. Силин переменился в лице: у него сразу заболела голова. Насладившись произведенным впечатлением, молодой человек стал объяснять.

— Суть его в следующем. Что такое, собственно, злокачественная опухоль? Скопление живых клеток, которые по ряду признаков отличаются от нормальных клеток человеческого организма и характернзуются неуправляемым разрастанием. Онн имеют свою, отличную от организма-хозяина, иммунную снстему н представляют собой как бы чужеродный организм в организме человека. Рассмотрнм теперь вирус гриппа. Его болезнетворная механика: внедряется в клетку, перестраивает ее наследственный

аппарат, и клетка начинает производить тысячи и тысячи новых вирусов, затем разрушается, и армада вирусов устремляется к новым жертвам. Используя это, надо вывести специальные «антираковые» вирусы гриппа, которые будут избирательно действовать лишь на злокачественные клетки. Эти «антираковые» вирусы будут как бы «пожирать» злокачественные образования. Тем самым может быть решена одна из главнейших проблем онкологии: уничтожение вторичных раковых клеток — метастаз. Но поскольку опухоль рано или поздно выработает иммунитет против «антираковых» вирусов, то тут найдет себе применение пресловутая видоизменчивость вируса гриппа, приносящая столько хлопот создателям антигриппозной вакцины. Последовательно вводя в организм все новые и новые штаммы «антираковых» вирусов гриппа, по мере их нейтрализации иммунологическим аппаратом раковых клеток, можно будет добиться полного уничтожения злокачественного образования. Иначе говоря, вновь вводимые «свежие» штаммы вирусов растерзают опухоль, как стая спущенных с цепи голодных псов.

«Кандидат в гении» замолчал и с интересом посмотрел на Силина, ожидая его реакции.

Доктор наук молчал. С одной стороны, сейчас ему подали интересную идею. С другой — не может быть, чтобы двадцатилетний молокосос вот так просто нашел ключ к серьезной научной проблеме. Чепуха это все! Внезапно ему в голову пришла мысль, сначала показавшаяся забавной. Вдруг вот этот спор и есть его случай, его шанс! Юнец, родивший эту идею, не сможет ею воспользоваться, ну а у него есть целый специализированный научно-исследовательский институт. Однако долго размышлять на эту тему не было времени. Силин протяжно изрек первые пришедшие ему на ум слова:

— Ну что ж, идея забавная. Но по-моему, не все ее положения достаточно бесспорны и...

— Какие именно? — задиристо перебил его научный вундеркинд.

Силин усмехнулся, раздражение, породившее эту словесную перепалку, уже ушло, и он запросто сказал:

— Хотите, чтобы я зафиксировал один — ноль в вашу пользу?

Юноша не нашелся сразу, что ответить. В этот момент включилась бортовая радиотрансляционная сеть и приятный голос бортпроводницы сообщил довольно неприятное известие:

— Уважаемые пассажиры, в связи с плохими метеоусловиями конечный пункт временно не принимает. Наш самолет сделает промежуточную посадку. Вы сможете ожидать дальнейшего продолжения рейса. Тем, кто захочет продолжить свое путешествие другими видами транспорта, будет выплачена компенсация.

Это сообщение загасило ослабевший костер спора. Молодые люди переключились на обсуждение последствий задержки полета, грозивших им неприятностями со стороны деканата, а также на критику технического оснащения гражданской авиации, не обеспечивающего пока всепогодных посадки и взлета. Силин решил, что немедленно сдаст билет и поедет на железнодорожный вокзал. Он имел довольно большой опыт по части вынужденного сидения в аэропортах.

13-3911

На железнодорожном вокзале Силин после некоторых хлопот приобрел билет.

В купе ему попались довольио приятные спутники, выказавшне интерес к преферансу. Вся остальная часть путешествия была посвящена карточной игре. О разговоре, происшедшем на борту самолета, Силин иачнсто забыл.

Вспомнил ои о нем только несколько месяцев спустя, когда в конце года оставались иензрасходованными кое-какие средства иа научные исследования. Силин вызвал к себе иесколько талантливых «недорослей от науки», засидевшихся без степеней в младшнх иаучных сотрудниках, и предложил органнзовать лабораторию, которая занималась бы воплощеннем в жизнь услышанной им в самолете идеи. Авторство, естествено, он не уточнил.

Прошло некоторое время. Лаборатория, органнзованная н руководимая Силиным, подавала все большне надежды. После успешных опытов над животнымн, доказавших принципиальную возможность борьбы со злокачествеными опухолями при помощи специально селекционированных вирусов, ученые готовились к проведенню экспериментов непосредственно на добровольцах.

В предвосхищении небывалого эксперимента в институт была направлеиа корреспондентка одного известного научно-популярного журнала, чтобы рассказать миру об успешных попытках по одоленню «болезни века».

Интервью с Силиным протекало довольно успешно до тех пор, пока дотошная молодая корреспондентка не проявила несколько обескуражившую директора проницательность.

— Скажите, а что было тем иачальным толчком, который привел вас к этой идее?—спросила она.

Заранее заготовленные ответы застряли в горле. Силину вспомнились давние попутчики, тема их спора. Проснулся внутренний голос: «Сейчас, конечно, соврешь о яблоке, упавшем на голову Ньютону? А ведь воплощение в жизнь талантливой идеи, пусть даже и чужой, оценивается достаточио высоко».

И Силин решился.

— Знаете, это довольно-таки оригинальная история. Главные принципы идеи, положившей начало нашим нсследованиям, родились в процессе днскуссии со случайным попутчиком во время авиарейса.

— Очень интересно,—сказала корреспондентка.— А как завязался ваш разговор и какова была его тема?

— Я вмешался в спор двух моих соседей, которые дискутировали о роли случайности в науке. Далее мы перешли к обсуждению более узкой проблемы—проблемы онкологических заболеваний, и это способствовало, говоря словами нзвестной пословицы, появлению на свет иекоторых научных истин.

Корреспондентка быстро записывала слова Силина. По-видимому, ее действительно заинтересовало последнее сообщеине директора. Она попросила Силина припомнить, когда и каким рейсом он летел, чем занимаются его собеседиики, а также их имена и фамилии. Название рейса н примерную дату своего путешествия Силин вспомнил, а вот относительно своих спутников располагал скудными сведеииями. Студенты, вероятнее всего,

медицинского института, имен и фамилий не знает, поскольку разговор был скоротечным.

Когда интервью было окончено и корреспондентка ушла, Силин облегченно вздохнул — с единственной омрачавшей его настроение проблемой, казалось, было покончено.

Два дня спустя позвонила давешняя корреспондентка. Едва поздоровавшись, она сообщила о сенсационном продолжении интервью. Оказывается, самолет, из пассажиров которого Силин единственный сдал свой билет, потерпел катастрофу. Все пассажиры и экипаж погибли. Но есть списки...

При этом известии по сердцу Силина пробежал холодок, а в его сознании мелькнула мыслишка: «Бывает же так, видать, напрасно я разделил лавры авторства, напрасно».

И тут же, заполонив собой сознание, раздался другой голос: «Однако порядочная ты скотина, Иван Семенович. О чем пожалел? О том, что невольно способствовал тому, чтобы имя талантливого юноши, возможно, и не кануло в Лету?»

Силину вдруг показалось, что вся тяжесть случайностей этого мира навалилась на его душу. Захотелось удрать куда-нибудь на край света от такой ответственности.

В телефонной трубке продолжал звенеть возбужденный голос юной представительницы прессы:

— Вы представляете, что было бы, если бы вы продолжили полет? Человечество... напрасные жертвы... решение проблемы...

— Да, представляю,— тяжело сказал Силин и положил трубку.

РИЧАРД МЭТИСОН

НЕМОЙ

Фантастический рассказ

В воскресенье, около трех часов, человек, одетый в темный плащ, сошел с автобуса на станции Джермен-Корнер. Он пересек зал ожидания, подошел к стойке, за которой полная седая женщина протирала стаканы.

— Будьте добры, скажите, где я могу найти кого-нибудь из представителей власти?

Женщина разглядывала его сквозь очки без оправы. Перед ней стоял высокий мужчина, средних лет, довольно приятной наружности.

— Представителей власти? — переспросила она.

— Да. Как это у вас называется? Констебль? Или...

— Шериф?

— Ах, да,— мужчина улыбнулся.— Конечно! Шериф. Где бы я мог его найти?

Он выслушал объяснение и вышел на улицу. Дождь в воздухе с самого утра. Он поднял воротник, засунул поглубже в карманы руки и торопливо двинулся вдоль главной улицы городка. Его мучило чувство вины оттого, что он не смог выбраться в эти края раньше. Но ведь у него столько было проблем и хлопот с собственными двумя детьми.

Контора шерифа помещалась в середине следующего квартала. Вернер (так звали приезжего) быстро пересек узкий тротуар, толкнул дверь и оказался в большой, жарко натопленной комнате.

— В чем дело? — спросил шериф, подымая голову от бумаг.

— Я приехал, чтобы навести справки об одной семье по фамилии Нильсон.

Ничего не выражающий взгляд шерифа Гарри Уиллера остановился на высокой фигуре незнакомца.

...Когда зазвонил телефон, Кора гладила штанишки Поля. Опустив утюг на подставку, она подошла к телефону и сняла трубку.

— Да?— сказала она.

— Кора, это я.

Лицо ее внезапно окаменело.

— Что-нибудь случилось, Гарри?

Он молчал.

— Гарри!

— Здесь у меня один иностранец... Я... мне придется привезти его к нам.

Она закрыла глаза.

— Я понимаю,— прошептала она и повесила трубку.

Повернувшись, Кора медленно направилась к окну. «Кажется, дождь»,— подумала она. Было похоже, что сама природа готовила теперь соответствующие декорации для той сцены, которая должна была скоро разыграться здесь.

Внезапно глаза ее вновь закрылись, пальцы судорожно сжались, ногти впились в ладони.

— Нет!— она почти задыхалась.— Нет!

...Если бы дом загорелся не ночью, его обитатели смогли бы, возможно, спастись. Двадцать две мили отделяли их от города: быстро на помощь не придешь.

Когда Бернард Клаус заметил зарево, дом уже полыхал вовсю.

Клаус со своей семьей жил в пяти милях, на так называемом Поднебесном холме. Около половины второго ночи он поднялся с постели, мучимый жаждой. Окно ванной комнаты выходило на север, и, войдя туда, Клаус сразу же заметил пламя, вырвавшееся из темноты ночи.

— Отец небесный...— забормотал он и, не окончив фразы, выскочил из ванной.

— Горит дом Нильсонов!— задыхаясь, выпалил он в трубку, когда удалось наконец разбудить дежурную телефонистку.

К тому времени, когда шериф Гарри Уиллер собрал пятерых мужчин и на стареньком грузовике повез их к месту пожара, с домом по существу было покончено.

— Они погибли!— крикнул заместитель шерифа Макс Эдерман, стараясь перекричать рев раздуваемого ветром огня.

Шериф Уиллер выглядел больным.

— Ребенок...— прошептал он, но Эдерман не расслышал его.

Лишь гигантский водопад, обрушась вдруг, мог бы загасить пламя, взметнувшееся над старым домом. Они же тут были бессильны. Единственное, что можно было сделать,— это помешать огню перекинуться на лес.

Мальчика они нашли утром.

Шериф Уиллер услышал за своей спиной крик. Он бросился к зарослям кустарника, начинавшимся на расстоянии нескольких ярдов от дома. Но прежде чем он добежал, из кустов ему навстречу вышел Том Полтер. Его худое тело слегка сгибалось под тяжестью ноши.

— Где вы нашли его?—спросил Уиллер, поддерживая на ходу ноги мальчика, свешивающиеся со спины старика.

— У холма,— тяжело дыша, отозвался Полтер,— лежал прямо на земле.

— Он обожжен?

— Я что-то не заметил. Во всяком случае пижама его цела.

— Давайте его мне,— сказал шериф. Сильными руками подхватил мальчика и в это мгновение увидел, что зеленые, широко открытые глаза ребенка смотрят на него без всякого выражения.

— С тобой все в порядке, сынок?—обеспокоенно спросил Уиллер.

Ему почудилось, что на руках он держит куклу, таким безжизненным казалось тело мальчика, такими застывшими были черты его лица.

— Надо бы его закутать в одеяло,—бросил на ходу шериф и направился с ребенком к грузовику. Он заметил, что взгляд мальчика теперь обратился к охваченному огнем дому, однако лицо его при этом все еще напоминало неподвижную маску.

— Бедняга,— промолвил Полтер,— он не может ни плакать, ни говорить.

— Он не обожжен,— рассеянно отозвался шериф.— Но каким же образом он смог выбраться из дома и не получить ожогов?

— А может быть, его родители тоже успели уйти оттуда?— предположил Полтер.

— Тогда где же они?

Старик скорбно покачал головой:

— Да, Гарри, ты прав.

— Я думаю,— сказал шериф,— что лучше всего мне забрать его с собой, к Коре. Нельзя же оставлять его здесь.

— Тогда и я, пожалуй, поеду с вами,— решил Полтер.— Мне ведь еще нужно разобрать сегодняшнюю почту.

— Ну и прекрасно.

Мотор спазматически закашлял, потом взревел. Грузовичок медленно покатился по проселочной дороге, ведущей к шоссе.

И пока горящий дом оставался в поле их зрения, застывшее лицо мальчика было обращено к зарёву, полыхающему за задним стеклом кабины. Наконец очень медленно он отвернулся от окна. Одеяло соскользнуло с его худеньких плеч, и Том Полтер, протянув руку, снова закутал мальчика.

— Уже согрелся?—спросил он.

Ребенок смотрел на Полтера так, словно никогда в жизни ему не приходилось слышать звуков человеческой речи.

...Едва Кора Уиллер услышала на шоссе шум мотора, как руки ее почти машинально потянулись к комфоркам плиты. И еще до того, как нога шерифа ступила на ступеньки крыльца, аккуратно нарезанная грудинка лежала на сковороде, а круглые луны оладьев начали покрываться нежным загаром.

— Гарри!

Голос ее зазвенел. Она увидела ребенка у него на руках и стремительно двинулась навстречу.

— Его надо уложить в постель. По-моему, это шок.

Тоненькая, стройная женщина быстро поднялась по лестнице, распахнула дверь комнаты, которая когда-то была комнатой Дэвида, и подошла к кровати, чтобы снять покрывало и воткнуть в штепсель вилку электроодеяла.

— Он ранен?

— Нет.

Шериф осторожно положил мальчика на кровать.

— Бедняжка,— прошептала Кора, накрывая одеялом хрупкое тело ребенка,— бедный малыш.

Склонившись над ним, она отвела со лба мальчика мягкие светлые волосы и улыбнулась ему:

— Теперь усни, дорогой. Все будет хорошо. Спи.

Уиллер, стоявший позади жены, увидел, что мальчонка смотрит на нее с тем же странным, безжизненным выражением лица.

Шериф спустился вниз, в кухню. По телефону он распорядился о том, чтобы людям, работающим на пожаре, послали замену. Потом шериф подошел к плите и приготовил себе кофе. Он уже пил его, когда в кухню вошла Кора.

— А его родители?— спросила она.

— Не знаю,— ответил Уиллер, покачав головой.— Мы не смогли даже приблизиться к дому.

— Как же мальчик?..

— Том Полтер нашел его снаружи, на улице.

— Снаружи?

— Мы не знаем, как ему удалось выбраться. Мы-то думали, что он тоже там, внутри.

Молча она выложила оладьи на тарелку, поставила перед ним на стол.

— У тебя усталый вид. Может, ляжешь?

— Позже,— ответил шериф.

Она кивнула, слегка похлопала его по плечу и снова вернулась к плите.

— Бекон сейчас будет готов.

В ответ шериф промычал что-то невнятное. Минутой позже, поливая горку оладьев кленовым сиропом, он задумчиво сказал:

— Я думаю, Кора, они погибли. Огонь был страшный. И мы ничего, абсолютно ничего не могли сделать.

— Несчастный ребенок,— вздохнула Кора.

Она стояла рядом с ним, глядя, как устало он ест.

— Ты знаешь,— Кора тряхнула головой,— я попробовала с ним поговорить. Но он молчит.

— И нам тоже ничего не отвечал. Только глаза таращил.

Гарри задумчиво жевал, уставившись в крышку стола.

— Даже кажется, что и говорить-то он не умеет.

...Около одиннадцати утра хлынул проливной дождь, и сразу же горящий дом превратился в черные дымящиеся руины. В потоках воды тут и там шипели гаснущие угли.

Шериф Уиллер, измученный, с воспаленными красными глазами, неподвижно сидел в кабине грузовика, пережидая ливень. Когда дождь кончился, он, тяжело вздохнув, толкнул дверцу и спрыгнул на землю. Натянув плотнее широкополую шляпу и подняв воротник пальто, он направился к месту пожара.

— Пошли!— крикнул он остальным. Голос его звучал хрипло.

С трудом выдирая ноги из липкой грязи, оии подошли к дому. Входная дверь оказалась целой. Пол комнаты был усыпан остатками сгоревших книг, и шериф слышал, как похрустывали у иего под иогами обугленные переплеты. С трудом переводя дыхание, он прошел дальше в холл. Дождь теперь сиова барабанил по его спине и плечам. «Я иадеюсь, что они успели уйти отсюда,— твердил он себе.— Я иадеюсь, бог помог им спастись».

Но они никуда не ушли. Ничего человеческого уже не было в этих, до ужаса почерневших, застывших в судорожных позах трупах. Лицо шерифа, когда ои смотрел на них, покрывала смертельная бледиость.

Одии из мужчин прикоснулся мокрым прутом к какому-то предмету иа тюфяке.

— Трубка,— услышал сквозь шум дождя шериф.— Должно быть, закурил и уснул.

— Достаньте какое-нибудь одеяло,— распорядился Уиллер.— Их нужно перенести в машину.

Двое мужчин, ие сказав ни слова, вышли. Звук их торопливых шагов доиесся с мощенного булыжником двора. Но шериф уже ничего ие слышал. Он ие в силах был отвести глаз от профессора Холгера Нильсона и его жены Фанни, превращеиных огием в жуткую пародию иа ту красивую пару, которую шериф хорошо помнил: высокий крупный Холгер, с лицом властным и спокойиым, и грациозная рыжеволосая Фанни.

Когда шериф вернулся в гостиную, ои увидел, что один из его помощников разглядывает обрывки книги.

— Посмотрите-ка,— протянул он Уиллеру то, что держал в руках.

Глаза шерифа остановились на заглавии книги: «Неизвестный разум».

— Бросьте это!— приказал он и быстрым шагом пошел прочь. Его неотступно мучил один и тот же вопрос: каким образом удалось мальчику выбраться из пылающего дома?

...Пауль проснулся.

Ои долго вглядывался в бесформенные, сиующие у него над головой, на потолке, тени. Это были отсветы дождя. За окном ветер раскачивал ветви деревьев, и они тоже бросали иа стеиы этой иезнакомой комиаты легкие дрожащие теии. Пауль лежал неподвижно.

Где же они? Он закрыл глаза и, сосредоточась, постарался ощутить их присутствие. Однако здесь, в доме, их не было. Тогда где же они, его отец и мать?

Руки матери. Пауль отключился от всего, что до этого занимало его мысли, от всего, кроме воспомииаций об этих руках. Сосредоточившись, ои накоиец увидел их — бледиые прекрасиые руки, мягкое прикосиовеиие которых ои хорошо помнил. Для иего оии служили механизмом, помогающим его мыслям обрести ясиость.

Но сейчас, здесь, ему приходилось делать иевероятные усилия, бороться с влиянием иезиакомой обстановки, мешающей сосредоточиться по-иастоящему.

«Я убежден, что каждый ребенок, появляясь на свет, вооружен природным даром инстинкта». Мысли его отца. Словно прозрачная паутина, тянулись они к нему вместе с прикосновением материнских рук. Откинувшись на подушку, он закрыл глаза. Лицо его сделалось напряженным, от него отхлынула кровь. Уровень его глубинного тайного видения стремительно поднимался, как поднимается в половодье уровень воды в реке. Чувства сами собой обострились до предела.

Он различал теперь целый лабиринт звуков. Тут была частая глухая дробь дождя, тихое звучание пряжи, которую ветер соткал из дрожащего воздуха, колеблющихся ветвей деревьев, шорохов. Звучащие, шелестящие и шепчущие мгновения пролетали над ним. Органы его обоняния фиксировали целый рой запахов: дерева и шерсти, смоченной дождем земли, сырых кирпичей, свеженакрахмаленного белья.

И только те, кого звал он, не откликались на зов. Никогда прежде не приходилось ему так долго дожидаться ответа. Полный растерянности, он сделал еще одну, почти отчаянную попытку и послал импульс необычайной интенсивности и силы.

«Это уже высшая ступень, свидетельство особенно значительного феномена» — так сказал бы об этом его отец. Никогда до сих пор он не пробовал подняться до этой высшей ступени.

Выше, еще выше! Словно холодные руки приподнимали его туда, в высоту, заполненную разреженным воздухом. Импульсы, посылаемые им, как осторожные щупальца животного, тщательно исследовали завоеванные позиции.

Теперь ему казалось, что он плывет, направляясь к чернеющим вдали развалинам собственного дома. Он различал уже входную дверь, ждущую толчка его руки. Дом приближался. Он весь был окутан стелющимся белым туманом. Ближе, ближе...

Пауль! Нет!

Тело его содрогнулось на кровати. Ледяной холод проник в сердце. Дом вдруг исчез. Теперь в поле его сознания появилось ужасное подобие двух черных человеческих фигур, распростертых на...

Вглядевшись, он вновь содрогнулся. Темные волны на миг накрыли его с головой. Но теперь уже он знал: они погибли. Он знал, что это они вывели его, спящего, из охваченного пожаром дома. В тот самый миг, когда огонь уже коснулся их самих.

Вечером этого же дня шериф и его жена поняли, что он не умеет говорить.

Никаких видимых причин для этого не было. Его язык был в полном порядке, гортань выглядела вполне здоровой. Уиллер смог убедиться в этом, заглянув в раскрытый рот мальчика. Однако Пауль не говорил.

— Значит, дело все-таки в этом,— пробормотал шериф, мрачно покачав головой.

Было около одиннадцати вечера. Пауль спал.

— Что значит «в этом», Гарри?— спросила Кора, расчесывая перед зеркалом пышные темно-русые волосы.

— Еще тогда, когда мы вместе с мисс Франк пытались заставить Нильсонов отдать мальчика в школу...

Он повесил брюки на спинку стула.

— Они каждый раз отказывались. И теперь я понимаю почему.

Кора посмотрела в зеркало, где отражалась фигура мужа.

— Но может быть, у него все-таки что-то не в порядке, Гарри? — мягко сказала она.

— Ну конечно, мы должны будем попросить доктора Стейгера осмотреть его. Хотя я не думаю, чтобы он был болен.

— Но ведь они были культурными людьми, и у них не могло быть причин не учить ребенка разговаривать. Наверное, дело тут в нем самом.

Уиллер снова покачал головой.

— Это были странные люди, Кора,— сказал он.— Они и сами-то разговаривали так, словно общаться с простыми смертными им невмоготу. Как будто они были слишком хороши для этого.

Шериф со вздохом опустился на кровать и принялся стаскивать ботинки.

— Ну и денек! — пробормотал он.

Взгляд Коры остановился на фотографии, стоящей на туалетном столике. Дэвид, когда ему исполнилось девять лет. Этот ребенок Нильсонов многим напоминал Дэвида. Ростом и сложением. Вот только волосы у Дэвида, пожалуй, были немного темнее, но...

— Что же нам делать с ним? — спросила она.

— Ох, Кора, не знаю,— отозвался шериф.— Я думаю, нужно просто подождать до конца месяца. Том Полтер говорит, что в конце каждого месяца Нильсоны получали по три письма. Из Европы. Подождем, пока они придут, и тогда ответим адресатам. Возможно, что у мальчика есть где-то родственники.

Она все еще сидела перед зеркалом, медленно проводя расческой по волосам. Когда раздалось мерное посапывание уснувшего шерифа, жена его поднялась с места и быстро вышла из комнаты. Она пересекла холл и подошла к дверям комнаты, где спал мальчик.

Лунный свет заливал кровать. Светлые блики лежали на неподвижных худеньких руках ребенка. Затаив дыхание, Кора стояла в тени, отбрасываемой дверью, и смотрела на эти руки. На секунду ей почудилось, что там в кровати — ее Дэвид.

...Это были звуки. Тупые, нескончаемые удары по чуткому, живому сознанию. Невыносимый непрекращающийся грохот. Он догадывался, что все это лишь некий способ связи людей друг с другом. Однако способ этот терзал его уши, оглушал, окружал непроходимой преградой рождавшиеся мысли. Порой в редкие паузы между словами, которые изливались на него, он успевал схватить обрывок их чувств и желаний, подобно тому как животное успевает схватить кусок приманки до того, как захлопнутся стальные челюсти капкана.

— Пауль! — звала она.

Фнзически он был совершенно здоров. Доктор Стейгер в этом абсолютно уверен. Никаких причин для немоты не существовало.

— Мы начнем тебя учить. Все будет хорошо, дорогой. Ты будешь учиться.

Острыми иглами вонзались в его мозг звуки. «Пауль, Пауль».

Пауль. Это был он сам. Он прекрасно понимал это. Но этот мертвый, однообразный звук не был никак связан с ним. Он сам, все грани его личности не могли уложиться в этот резкий, лишенный каких-либо ассоциаций зов.

Когда отец и мать звали его, мысленно произносили его имя, оно вмещало многие стороны его характера, его лнчность. И ответом была вспышка понимания.

— Пауль! Ну попробуй. Повтори за мной: Па-уль, Па-уль.

Он отшатывался н в панике кидался прочь от нее, а она шла за ним к кровати, куда он забивался, как в нору.

Потом надолго устанавливался мир. Она брала его на руки, и без слов они вполне понималн друг друга. Она гладила его волосы, целовала мокрое от слез лицо. Он лежал, согретый теплом ее тела, словно маленький зверек, который, не чуя опасности, смог наконец вылезти из своего убежища. Он догадывался, что и она понимала бесполезность слов там, где нужно было выразить любовь.

Любовь — бессловесная, ничем не скованная и прекрасная.

...Шерnф Уиллер как раз собирался выйти из дома, когда в кухне зазвонил телефон. Он остановился на пороге, ожидая, пока Кора снимет трубку.

— Гаррн, — услышал он ее голос, — ты уже ушел?

Он вернулся в кухню и взял трубку у нее нз рук.

— Я слушаю.

— Гаррн, это я, Том Полтер, — услышал он голос старого почтмейстера. — Ты знаешь, прншли эти письма.

— Очень хорошо, — ответил шернф и повесил трубку.

— Что, письма? — спросила его жена.

Уиллер кивнул.

— Ох, — прошептала она так тихо, что он едва расслышал.

Двадцать минут спустя Уиллер уже входил в здание почты. Из-за деревянного барьера Полтер протянул ему трн конверта.

— Швейцария, — сказал шериф, разглядывая штемпель. — А вот это нз Стокгольма и Гейдельберга.

— Целая куча, — откликнулся Полтер. — Как всегда. Прнходят в тридцатых числах каждого месяца.

— Очевидно, мы не нмеем права нх вскрывать? — спросил Уиллер.

— Я бы рад, Гаррн. Но закон есть закон. Ты-то это знаешь. Я должен отправить их обратно нераспечатанными. Таковы правила.

— Ладно. — Уиллер вынул записную книжку н списал адреса отправителей. Затем он вернул конверты Полтеру.

— Спасибо.

Около двух часов дня шериф вернулся домой. Его жена сидела с Паулем наверху в гостиной. На лице мальчика застыло выраже-

ние замешательства. Страх перед ранящими душу звуками выражался на нем. Пауль сидел рядом с Корой на кушетке и, казалось, готов был расплакаться.

— О, Пауль!— говорила она в тот момент, когда Уиллер входил в комнату. Руки ее обвились вокруг дрожащего тела ребенка.

— В этом нет ничего страшного, милый.

Она увидела стоящего на пороге мужа.

— Что же они такое сделали с ним?— спросила она с тоской в голосе.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Думаю, что ему все-таки придется пойти в школу.

— Но ведь мы не можем отпустить его в школу, пока он вот такой.

— Мы вообще не можем никуда его отпустить до тех пор, пока не выясним, в чем тут дело,— ответил Уиллер.— Сегодня вечером я напишу этим людям.

Наступило молчание, и мальчик вдруг явственно ощутил волну чувств, поднявшуюся в душе женщины. Он поднял голову и быстро взглянул в ее изменившееся лицо. Страдание. Он почувствовал, как нестерпимая боль льется из ее души, словно кровь из открывшейся раны.

И даже тогда, когда они все трое ужинали среди полного молчания, Пауль продолжал ощущать скорбь, идущую к нему от сидящей рядом женщины. Он отчетливо слышал ее безмолвные рыдания. Он сделал усилие, и внезапно перед его внутренним взором отпечатались черты другого мальчика. Потом это незнакомое лицо чуть дрогнуло, затуманилось и стерлось. Теперь он видел совсем другое лицо — его собственное. Словно они двое боролись за место в ее сердце. Все исчезло, как только она начала говорить. Как будто тяжелая глухая стена загородила увиденное.

— Мне кажется, ты должен написать им.

— Ты же знаешь, Кора, что я собираюсь это сделать,— отозвался Уиллер.

Молчание, полное скрытого страдания.

Часом позже, когда она укладывала его в постель, он взглянул на нее, и взгляд этот, полный нежности и жалости к ней, заставил Кору быстро отвернуться. И пока не затихли вдали ее шаги, он слышал грусть, которая переполняла ее сердце. Но и потом, в полной тишине уснувшего дома он все еще продолжал улавливать всплески ее тоски, напоминавшие слабое трепетание птичьих крыл.

— Что же ты пишешь им?— спросила Кора.

Часы в холле пробили семь. Кора с подносом в руках приблизилась к его столу, и ноздри шерифа сейчас же уловили аромат свежесваренного кофе. Он потянулся за чашкой.

— Просто изложил ситуацию. О пожаре и о гибели Нильсонов. Спрашиваю, являются ли они родственниками мальчику и есть ли у него вообще родственники?

— А вдруг эти родственники окажутся не лучше его родителей?

Шериф добавил в кофе сливок.

— Кора, пожалуйста, не будем сейчас обсуждать этот вопрос. Я полагаю, что это не наше дело.

Бледные губы ее упрямо сжались.

— Запуганный ребенок — это все-таки мое дело,— бросила она зло.— Может быть, ты...

Она умолкла. Взгляд его выражал безграничное терпение.

— Хорошо,— прошептала она, отворачиваясь от него,— ты прав.

— Это не наше дело,— повторил шериф. Он не видел, как трясутся ее губы.— Знаешь, я думаю, что он так и будет молчать. Что-то вроде боязни теней.

Она стремительно обернулась.

— Это преступление! — крикнула она. Гнев и любовь переполняли ее душу.

— Что же делать, Кора? — он сказал это спокойно.

В ту ночь она долго не могла уснуть. Она слышала рядом с собой ровное дыхание мужа, широко открытые ее глаза следили за легким скольжением теней в полумраке комнаты. Одна и та же сцена разыгрывалась в ее воображении.

Летний полдень. Резко звенит колокольчик над дверью. За порогом столпились мужчины. Среди них Джон Карпентер с чем-то тяжелым в руках. Это что-то прикрыто одеялом и неподвижно. Лицо Карпентера растерянно. Мертвую тишину нарушает только стук капель, которые стекают с ноши Карпентера и падают на высушенные солнцем доски крыльца. Они начинают говорить, и речь их, медленная, спотыкающаяся, похожа на перебои угасающего человеческого сердца...

«Он... купался в озере... миссис Уиллер. И...»

Та же самая дрожь, отнимающая дар речи, вновь сотрясла ее тело. Кисти рук побелели, пальцы крепко сжались. Все годы потом были наполнены ожиданием. Ожиданием ребенка, которого подарит ей жизнь.

...К завтраку Кора вышла осунувшейся, под глазами черные тени. С трудом двигаясь по кухне, приготовила мужу завтрак, сварила кофе. Все это она проделала безмолвно и сосредоточенно.

Он ушел, поцеловав ее на прощание. Она встала у окна в гостиной и смотрела, как он шагает по тропинке к машине. Потом взгляд ее перешел на три конверта, которые шериф приколол к боковой стенке их почтового ящика.

Скоро спустился из своей комнаты Пауль и, войдя в кухню, улыбнулся ей. Она поцеловала его в щеку, молча встала за его стулом, наблюдая, как он пьет апельсиновый сок. Поза, в которой он сидел за столом, манера держать стакан — все это было так похоже...

Пока Пауль ел свою кашу, она спустилась к почтовому ящику, забрала три приготовленных письма и заменила их своими собственными. На тот случай, если ее муж спросит почтальона, забирал ли он сегодня у них почту.

Потом она сошла по ступенькам в подвал и швырнула письма в горящую печь. Сначала вспыхнуло то, что должно было уйти в Швейцарию. Затем запылали два других. Она помешивала их кочергой до тех пор, пока они окончательно не сгорели, превратившись в черные конфетти, мелькающие среди языков пламени.

Проходили недели. И с каждым днем в душе его слабело н нсчезало то, что когда-то служило ему так безотказно.

— Больше мы не можем ждать от них нзвестий,— сказал шериф.— Он должен пойти в школу, вот и все.

— Нет,— возразила она.

Он отложил газету и внимательно посмотрел на нее. Она сидела в кресле, не поднимая от вязания глаз.

— Что именно ты хочешь сказать этим «нет»? — спросил он с раздражением.— Каждый раз, как только я коснусь вопроса о школе, ты говорншь «нет». А почему бы ему не пойти в школу?

Кора опустила вязанне на коленн н, склонив голову, задумчнво разглядывала теперь блестящие спицы.

— Я не знаю,— сказала она наконец.— Все это как-то...

Она вздохнула.

— Нет, я не знаю.

— Он пойдет в понедельник,— объявил Гаррн.

— Но он же так напуган! — вырвалось у нее.

— Да, конечно. Но на его месте и ты была бы точно такой. Если бы вокруг тебя все разговаривали, а ты бы не имела понятия, что это такое. Но ему необходимо получить образованне, вот н все.

— Но он совсем не так уж невежествен, Гаррн. Я... я клянусь тебе, он иногда понимает меня. Просто так, без слов.

— Каким образом?

— Не знаю. Но ведь не были же эти Нильсоны настолько глупымн людьми, чтобы вообще отказаться от иден чему-то учнть ребенка.

— Тем не менее, если они чему-то его н обучали, плоды этой учебы никаким образом не обнаруживаются.

Еднственным результатом разговора было решение, прннятое шернфом: пригласить учительницу мисс Эдну Франк, чтобы она могла увидеться с мальчиком н вынести свое беспрнстрастное решение, как поступать дальше.

Мнсс Эдне Франк было хорошо нзвестно, что этот ребенок, Пауль Нильсон, получил ужасное, ни с чем не сравнимое воспитание. Однако учительница, строгая н решительная старая дева, не могла позволить себе попасть под влияние этих нзвестных ей фактов. Это не должно было влиять на будущее ребенка. Мальчик нуждается в понимании. Кто-то должен будет взять на себя миссню нскоренить вред, прнчнненный ему жестоким обращеннем роднтелей. И для этой цели мнсс Франк нзбрала себя.

— Вы знаете, он очень застенчив,— робко сказала Кора, почувствовав неукротимую суровость стоящей перед ней женщины.— Он напуган. Его ведь надо понять.

— Его поймут,— торжественно заверила мисс Франк.— Но разрешите взглянуть на мальчика.

Пауль вошел в комнату н, подняв голову, посмотрел в лицо учительницы. Одна лишь Кора почувствовала, каким напряженным н оцепенелым сделалось его тело, словно вместо тощей старой девы на нем остановила свой взор н заставила окаменеть сама Медуза Горгона.

Улыбаясь, мисс Франк протянула ему руку.

— Подойдн, дитя,— сказала она, н в тот же момент он вдруг почувствовал, как что-то плотное н тяжелое загоражнвает от него ясный свет дня.

— Подойдн же, дорогой,— вмешалась Кора.— Мнсс Франк пришла к нам, чтобы помочь тебе.

Она чуть подтолкнула вперед мальчика н ясно ощутила, как ужас сотрясает его тело.

Снова молчание. Теперь ему казалось, что его вводят в душную, замурованную на века гробницу. Сухие, омертвелые ветры текли ему навстречу, прнчудливое сплетение ревности н ненавнсти, порожденное годами разочарований н утраченных надежд. И все вдруг сделалось неясным, подернулось облаком тоскливых воспомннаннй. Глаза их встретилнсь вновь, н в эту секунду Пауль понял: женщина догадалась, что он заглянул в ее душу.

Тогда она заговорила, н он снова стал самим собой. Он стоял перед ней, чувствуя себя утомленным, ослабевшим.

— Я уверена, мы прекрасно договорнмся,— сказала она.

Мятущийся внхрь.

Он резко отшатнулся назад и упал бы, если бы не жена шернфа.

На протяжении всего нх пути к школе это нарастало, увеличнвалось, становилось интенсивнее, словно сам он был живым счетчиком Гейгера, прнближающимся к некой фантастической, пульсирующей атомной формации. Он все ближе н ближе подходил к ней. Даже если его тайные способности и прнтупились за эти трн месяца, наполненные звуками, сейчас, в этот момент, он чувствовал все особенно остро. Ему казалось, что он с каждым шагом прнближается к центру самой жизненной энергии.

Это были детн.

Когда дверь отворилась, голоса смолкли. Но навстречу ему хлынула волна чего-то днкого, неуправляемого, хаотичного. Словно заряд электрнческого тока прошел сквозь его тело. Он судорожно цеплялся за женщину, стоящую рядом с ним, его пальцы крепко впились в ткань ее юбки, глаза его расширились, из полуоткрытых губ вырывалось учащенное дыханне. Взгляд мальчика перебегал с одного уднвленного детского лица на другое.

Мнсс Франк поднялась со своего места, с грохотом отодвинула стул н сошла с возвышения, где помещалась кафедра.

— Доброе утро,— сказала она, отчетливо пронзнося каждое слово.— Мы как раз начинаем наш урок.

— Я надеюсь, что все будет хорошо,— улыбнулась Кора. Она опустила глаза вниз. Пауль разглядывал детей сквозь слезы.

— О, Пауль!— она наклонилась к нему, ее рука скользнула по светлым волосам мальчика.— Не бойся, дорогой.

Он не мог оторваться от нее. Он хватался за ее руки, как за что-то одно близкое ему в этом вихре враждебной новнзны. И только когда жесткие, худые руки учительницы оттащили его от нее, Кора медленно повернулась н, сдерживая волнение, прикрыла дверь, отсекавшую от Пауля ее сострадание н любовь.

— Теперь, Пауль,— услышал он голос учительницы,— подойди сюда.

Он не понимал слов, но хрупкий звук был достаточно ясным. Так же как совершенно ясно он ощущал н поток иррацнональной враждебности, идущей к нему от нее.

Она вытолкнула его на самую середнну комнаты. Он стоял там, с трудом переводя дыханне, словно любопытные взгляды детей были руками, больно стиснувшими его горло.

— Класс,— начала мисс Франк,— это Пауль Нильсон.

Звук сейчас же клином вонзился в его нзмученную душу.

— Мы все должны быть терпеливыми с ним. Дело в том, что отец н мать никогда не учили его говорить. Но мы поможем ему учиться. Не так ли, класс?

Класс отозвался прнглушенным бормотанием, из которого выделился единственный пискливый возглас:

— Да, мисс Франк!

Он сел на указанное ему место н оказался теперь в центре внхреобразного потока нх мыслей. Теперь он был похож на болтающуюся на крючке наживу, окруженную жадными ртами. Из этих ртов без конца вырывались звуки, убивающне живую мысль.

«Это лодка. Лодка плывет по морю. Поэтому человек в лодке называется моряком». На странице букваря рядом с этими словами помещалась картинка: море н лодка. Пауль вспоминал другую картинку, которую однажды показал ему отец. На ней тоже изображалась лодка. Однако отец создал образ н передал его сыну.

Бескрайняя голубая зыбь морского прилива, серо-зеленые холмы волн, украшенные белымн гребнямн. Штормовой ветер свистит в снастях судна, вздымает над волнами его нос. Спокойное величие океанского заката, соеднняющего алой печатью море и небо в единое целое.

«Это ферма. Люди выращивают на ферме продукты питания. Человек, работающий на ферме, называется фермером». Слова. Пустые, неспособные передать ощущения тепла и сырости, идущие от земли. Шум хлебных колосьев, шелестящих под ветром, словно золотые моря. Отблеск заходящего солнца на красной стене амбара. Запахи влажной луговой травы, прнноснмые нздали ветром, нежный перезвон колокольчиков, привязанных к шеям коров.

«Это лес. В лесу растут деревья». Ничего не могут сказать человеческим чувствам эти темные символы, называемые звуками. Ни шума ветра, текущего постоянно над зеленым пологом, словно вечная река, ни запаха берез и сосен, нн ощущения под ногой почвы, выстланной опавшими листьями. Одни слова, которые не могут передать суть вещей, пространство и объем. Черные значки на белом. Это кошка, это лошадь, это дерево. Каждое слово — ловушка, подстерегающая его. рассудок, расставленная для того, чтобы прнхлопнуть безграничные связи человека с внешним миром, которые не нуждаются в словах.

...Кора проснулась внезапно. Стараясь не шуметь, она встала и, нажав скользкую ручку двери, прошла в холл.

— Дорогой!

Он стоял в углу, возле окна. Как только она заговорила, он обернулся. В бледном свете ночи она разглядела выражение страха на его лице.

— Пойдем-ка в кровать.

Она отвела его в спальню, укутала одеялом, потом опустилась на стул и взяла его худенькие ладони в свои.

— Что случилось, малыш?

В его широко открытых глазах было страдание.

— О!— она склонилась к нему, ее теплая щека прижалась к лицу мальчика.

— Что тебя испугало?

В ночной тишине перед ней как будто на мгновение возникло видение: классная комната и мисс Франк, стоящая на своей кафедре.

— Это из-за школы?— спросила она, думая о том, каким удивительным образом пришла к ней эта догадка.

Ответ был написан на его лице.

Она порывисто обняла его и прижала к себе.

«Не бойся,— повторяла она про себя.— Родной мой, ничего не бойся, ведь я здесь, с тобой. И я люблю тебя так же, как они тебя любили. Люблю даже больше, чем...»

Пауль чуть отодвинулся. Он смотрел теперь на нее так, как будто чего-то не понимал.

Когда машина поравнялась с домом, Вернер заметил женщину, отпрянувшую от окна кухни.

— ...Если бы мы получили хоть какое-то известие от вас. Но никакого ответа не было. Вы не можете обвинить нас в том, что мы незаконно усыновили ребенка. Ведь мы считали, что это будет лучшим выходом.

Вернер рассеянно кивнул.

— Я понимаю,— сказал он спокойно.— Но тем не менее ваши письма до нас не дошли.

Некоторое время они сидели в машине молча. Вернер задумчиво глядел сквозь ветровое стекло. Шериф сосредоточенно разглядывал собственные ладони.

«Итак, Холгер и Фанни мертвы,— думал Вернер.— Ужасное открытие. Мальчик сделался жертвою жестокого обращения этих людей, которые так ничего и не поняли. И это — не менее ужасная вещь».

Шериф Уиллер рядом с ним напряженно размышлял о письмах. Почему они не дошли? Он должен был написать еще раз.

— Значит,— заговорил он наконец,— вы хотели увидеть мальчика?

— Да,— кивнул Вернер.

Двое мужчин распахнули дверцы машины и вышли. Они прошли через двор, поднялись по лестнице.

— Я сейчас приглашу мою жену. Пройдите, пожалуйста, вот туда, в гостиную.

В гостиной Вернер снял плащ, бросил его на спинку деревян-

ного стула. Сверху доносился до него слабый звук голосов, мужского и женского. Голос женщины казался растерянным.

Услышав позади себя шаги, он обернулся. Жена шерифа вошла в комнату вместе с мужем. Она вежливо улыбалась, но Вернер видел, что ее вовсе не радует его визит.

— Присядьте, пожалуйста,— попросила она.

Он подождал, пока она сядет сама, потом опустился на стул.

— Что вы хотите?— спросила миссис Уиллер.

— Разве ваш муж не объяснил вам?

— Он сказал, кто вы,— быстро проговорила она,— но не объяснил, почему вы хотите видеть Поля.

— Поля?— спросил удивленный Вернер.

— Мы...— она нервно сцепила пальцы.— Мы решили называть его Полем. Нам казалось, что это более подходящее имя. Я хочу сказать, более подходящее для того, кто будет носить фамилию Уиллер.

— Да, понимаю,— Вернер вежливо кивнул.

Наступила пауза.

— Итак,— прервал ее Вернер,— вы хотели бы знать, для чего я приехал сюда и почему хочу видеть ребенка. Я постараюсь объяснить это по возможности кратко.

Десять лет тому назад в городе Гейдельберге четыре супружеские пары — Элкенберги, Кальдеры, Нильсоны, я и моя жена приняли решение провести научный эксперимент на своих собственных, тогда еще не родившихся детях. Эксперимент, относящийся к области их внутреннего развития. Попробую пояснить, в чем тут дело.

Видите ли, за отправной момент мы взяли идею о том, что древний человек, еще лишенный сомнительной ценности языковой связи, был, по всей вероятности, телепатом...

Кора беспокойно зашевелилась в своем кресле.

— Затем с течением времени эта дарованная природой человеческая способность оказалась ненужной, просто вышла из употребления. И превратилась в конце концов в нечто вроде аппендикса.

Итак, мы начали нашу работу. В каждой семье исследовались физиологические особенности наших детей, и в то же время мы все занимались развитием их способностей. Постепенно нам удалось выработать единую методологию. Зародилась мысль основать всем нам колонию, как только дети немного подрастут. Объединиться в тот момент, когда их способности, развитые нами, станут их второй натурой. Пауль — один из этих детей.

Ошеломленный шериф пристально глядел на профессора.

— Это правда?

— Да. Это правда.

Кора неподвижно сидела в своем кресле и так же пристально разглядывала высокого немца. Она вспомнила теперь, что Пауль всегда понимал ее без слов. Думала о том ужасе, который он испытывает перед школой и перед учительницей. Припоминала, как часто ей случалось просыпаться среди ночи и идти к нему, хотя он при этом не произносил ни слова, не звал ее.

— Что?— спросила она, очнувшись, поняв, что Вернер о чем-то спрашивает.

— Я спрашиваю, могу ли я теперь увидеть мальчика?

— Он в школе,— ответила она,— он будет дома...

Она смолкла, заметив, как исказились черты его лица.

— В школе? — переспросил он.

— Пауль Нильсон, встань!

Ребенок соскользнул со своего места и встал рядом с партой. Мисс Франк сделала жест рукой, и он, сделавшись вдруг похожим на старого и усталого человека, потащился к кафедре.

— Класс! — воззвала она.— Я хочу, чтобы вы все подумали сейчас о его имени. Только подумайте, но не произносите вслух. Как только я сосчитаю до трех, начинайте мысленно, про себя повторять: Пауль, Пауль, Пауль. Вы поняли меня?

— Да, мисс Франк,— пропищал одинокий голос.

— Прекрасно. Итак, раз, два, три!

Шквалом, ранящим, сметающим все, это хлынуло в его мозг: Пауль! Пауль! Это бушевало и скрежетало где-то в самых сокровенных уголках его мозга. И в тот момент, когда ему уже показалось, что сейчас голова его расколется, все оборвал голос мисс Франк:

— Повтори это, Пауль.

— Вот он и идет,— сказала Кора. Она повернулась к Вернеру:

— Прежде, чем он будет здесь, я хотела бы извиниться перед вами за свою неучтивость.

— Не стоит,— смущенно ответил Вернер.— Я прекрасно понимаю вас. Естественно, вы предположили, что я приехал с тем, чтобы забрать мальчика. Но я уже объяснил, что на это у меня нет юридических прав — я не родственник ему. Я хотел взглянуть на него, потому что он — сын моих коллег. Только здесь я узнал эту ужасную новость об их гибели.

Он заметил выражение лица Коры и угадал, что она охвачена теперь паническим чувством вины перед ним. Она уничтожила письма, написанные ее мужем. Вернер понял это сразу же, но предпочел ничего не говорить. Он почувствовал, что и муж ее уже знает это. О том красноречиво свидетельствовало ее смущение, ее вид, растерянный и встревоженный.

Они услышали шаги Пауля на ступеньках крыльца.

— Я возьму его из школы,— быстро проговорила Кора.

— Быть может, это не понадобится,— заметил Вернер, глядя на дверь.

К собственной своей досаде, он чувствовал, что сердце у него колотится, он ощущал дрожь в пальцах левой руки, засунутой в карман. Не произнося ни слова, он послал сигнал. Это было приветствие, придуманное сообща четырьмя парами исследователей. Своего рода пароль. Он успел послать его дважды, прежде чем дверь распахнулась.

Пауль, замерев, стоял на пороге. Вернер испытующе заглянул ему прямо в глаза. Он прочел в душе его лишь смущение и неуверенность. Неясный отпечаток лица Вернера всплывал в сознании ребенка. Он смутно помнил, что лицо это жило в его

памяти, но теперь оно было расплывчатым, неясным и скоро, не удержавшись, исчезло совсем.

— Поль, это мистер Вернер,— заговорила Кора.

Вернер молчал. Он послал сигналы вновь — на этот раз с такой силой, что на лице мальчика промелькнуло выражение непонятной тревоги. Как будто он догадывался, что происходит что-то такое, в чем он уже не может участвовать. Вид у него сделался крайне смущенным.

Кора беспокойно переводила взгляд с Пауля на Вернера и опять на Пауля. Почему Вернер молчит? Она хотела заговорить и внезапно вспомнила все, что только что рассказал немец.

— Скажите, почему...— начал шериф, но Кора движением руки остановила его.

— Пауль! Думай!— теряя надежду, молил Вернер.— Что с твоим рассудком?

Внезапно отчаянное, бурное рыдание вырвалось из груди мальчика. Вернер, отступив назад, вздрогнул.

— Меня зовут Пауль!— выкрикнул ребенок.

При звуках этого голоса Вернер почувствовал, как по телу его побежали мурашки. Это не было еще человеческим голосом. Слабый, неокрепший, ломающийся звук походил на тот, какой издают заводные говорящие куклы.

— Меня зовут Пауль!

Он не мог остановиться. Как будто могучий источник забил вдруг в душе мальчика, оделив его еще неведомым могуществом.

— Меня зовут Пауль, меня зовут Пауль! — бормотал он. Даже когда руки Коры обхватили его, он все еще повторял: — Меня зовут Пауль! — сердито, жалобно, нескончаемо.

Вернер закрыл глаза.

Шериф предложил подвести его на своей машине обратно к автобусной станции. Однако Вернер ответил, что предпочел бы пройтись пешком. Он распрощался с шерифом и передал миссис Уиллер, успокаивавшей наверху плачущего мальчика, свои сожаления по поводу причиненного им беспокойства. Скоро он уже шагал под мелким, похожим на туман дождем, уходя все дальше и дальше от этого дома, от Пауля.

«Было нелегко прийти к какому-нибудь решению, — думал он, — здесь не было виноватых и правых. Это не походило на ситуацию: зло против добра. Миссис Уиллер, шериф, учительница мальчика, люди Джермен-Корнера — все они, по-видимому, желали ему добра. Понятно, что факт существования семилетнего мальчика, которого родители не научили говорить, казался им оскорбительным. Их действия, если стать на их точку зрения, были вполне законными и доброжелательными. В жизни так случается нередко: неумело примененное добро приносит зло».

Нет, лучше оставить все, как есть. Было бы ошибкой брать Пауля с собой, везти к тем другим. Но если бы он захотел, он мог бы сделать это. Все они обменялись документами, дающими право брать на воспитание этих детей, если с их родителями что-либо случится. Но сейчас это ни к чему бы уже не привело. Способности Пауля не были врожденными, это был результат упорной тренировки. И хотя в принципе всякий ребенок — телепат, он с возрастом очень быстро утрачивает все это, и восстановить что-нибудь потом почти невозможно.

Вернер сокрушенно покачал головой: какая жалость! Мальчик утратил не только свои удивительные способности, он потерял и родителей и собственное имя. Он потерял все.

Хотя, возможно, не все. Он вспомнил последнее, что видел в доме шерифа. Закатный свет над Джермен-Корнером освещал фигуру женщины у окна, прижимающую к себе ребенка.

Родители не любили Пауля. Вернер сразу понял это. Ушедшие с головой в свою работу, они не успели полюбить его, у них просто не хватило на это времени. Конечно, они были добры к нему, по-своему привязаны. Однако он для них был прежде всего живой моделью для эксперимента.

Теперь, когда исчезал, улетучивался его дар, рядом с ним оказалась Кора Уиллер со своей любовью. Она смягчила его боль и утешила его. И она всегда будет рядом с ним.

— Вы отыскали этого человека? — спросила Вернера седовласая женщина за стойкой, подавая ему чашку кофе (местная жительница, она была уже в курсе событий).

— Да. Благодарю вас.

— Так где же он был?

Вернер улыбнулся:

— Он у себя дома.

Сокращенный перевод с английского *Г. Корниловой*

ВЛ. ГАКОВ

ФРОНТИР

Обзор американской фантастики

Необычную картину можно было наблюдать в начале сентября 1983 года в американском городе Балтиморе. Один из крупнейших отелей принимал в своих стенах участников очередного конгресса американских любителей научной фантастики — несколько тысяч любителей-фэнов, писателей-фантастов, издателей и просто «интересующихся». Чтобы посетить все мероприятия, не хватило бы ни времени, ни физических сил, поэтому программу разделили на общие мероприятия и секции (как на научных конференциях). В одной из таких секций как раз и происходили события, совершенно непривычные для подобных встреч.

Дискуссию между собой вели известные авторы научной фантастики, ученые — специалисты в области космических исследований и... отставной генерал, бывший глава одной из разведслужб Пентагона Дэниэл Грэхем. Что и говорить, фигура на конгрессе любителей фантастики необычная! Причем экс-генерал не просто демонстрировал свои познания в фантастике — нет, он приводил цифры, демонстрировал таблицы и графики, говорил о *своем*, о знакомом, настойчиво и целеустремленно убеждая слушателей в правоте своих слов. Столь убедительно обычно говорят, пытаясь сторговаться...

О чем, казалось бы, вести диалог писателям-фантастам — и пентагоновскому ястребу, который отчетливо дал понять, что и на покое никак не утихомирился? И тем не менее аудитория бурлила, страсти кипели — и взгляду непосвященного тотчас же становилось ясно: тема, затронутая Грэхемом, для них не нова. И не безразлична.

Споры кипели вокруг проекта «Высокий Рубеж», или, как звучит это словосочетание по-английски, «Хай Фронтир». «Фронтир...» — это слово, знакомое каждому американцу, навевает вполне понятные исторические ассоциации, но при чем здесь научная фантастика? И какое отношение ко всему имеет космос?

Вспомним кое-какие факты из прошлого. Слово «фронтир» буквально означает «граница», «рубеж». Так назывался авангард поселенцев, продвигавшихся на запад Северо-Американского материка. Это была тропа и завоевателей, а не только «борцов с суровой природой», как пытались представить их впоследствии. И по мере того как с методичной жестокостью вырезались целые индейские племена, а пришельцы столь же методично обосновывались на гигантских пространствах, «изъятых у дикой природы», отторгнутых у людей, которые испокон веков жили с этой природой в согласии, искусно создавалась легенда об истинно американском духе — Духе Фронтира.

Легенда о людях Фронтира — мужественных, честных, простых и работящих. Да, они не расставались с оружием, но нужно же было охотиться, а кроме того, защищать свои форты, своих жен и детей от набегов индейцев! Легенда для тех, кто буквально все — леса, реки, необъятные просторы прерий, недра, сокровища индейской культуры и

даже действительно сохранившийся среди простых поселенцев истинный Дух Фронтира! — обращал в звонкую монету.

Генерал Кастер предавал огню и мечу индейские селения, не щадя женщин и детей,— это в жизни. Фольклорный добряк и бравый вояка, в одиночку, с винчестером в руках защищающий белых женщин и детей от краснокожих «варваров»,— то легенда...

Жестокая правда фронтира подменялась приглаженной, отретушированной сладкой сказочкой о Фронтире. Причем, чем дальше в своей практике отходило американское общество от романтического Духа Фронтира, тем больше усилий прилагала пропагандистская машина, чтобы вбить в сознание американцев этот украшенный словесной позолотой национальный символ.

В последнее время американская пропаганда вновь вспомнила о Духе Фронтира, но на этот раз применительно к делам космическим. К тезису «Pax Americana» («Весь мир — это большая Америка») граждане этой страны приучены сызмальства; ныне на повестку дня поставлен лозунг модернизированный — «Universum Americana», призывающий уже и на звездное небо глядеть в поисках недостающих «полос»...

О «космическом фронтире» заговорили во времена президентства Рейгана, и это не случайно. Он все-таки очень многое впитал в «родной» Калифорнии, где был в свое время губернатором: исторически сложившийся конгломерат золотоискателей, гангстеров, нефтяных магнатов, военных корпораций — словом, всех тех, кто его поддерживает. И как в связи с этим не вспомнить столь близкое сердцу президента активно используемое в политическом словнике Рейгана сочетание «звездные войны».

В июле 1982 года США во всеуслышание провозгласили программу военизации космического пространства. А чтобы американский народ покорно подчинился громкому хлопанью милитаристского кнута (ведь программа ко всему прочему еще и чудовищно дорогая!), ему, народу, вновь явили магический символ. «Хай Фронтир» («Высокий Рубеж») — так назван специальный проект, разработанный формально неправительственной реакционной организацией «Фонд наследия». Проект, реальное осуществление которого выкачает из карманов американских налогоплательщиков сотни миллиардов долларов!

Сумма чудовищная — поэтому даже вашингтонская администрация сделала вид, что проект этот ей пока не по карману. Но то лишь «вид»: подспудно идет и, видимо, будет продолжаться с новой силой колоссальная по масштабам обработка американских граждан. Подготовка, имеющая очевидной целью «всенародную» поддержку «патриотов», когда проект предстанет перед соответствующими комиссиями и инстанциями. Причем средства для этой психологической обработки применяются самые различные.

Мы уже как-то связали слова «фронтир» и «космос». Остается прояснить роль во всем этом американской научной фантастики. Оказывается, ее-то и приспособили под удобный «канал», по которому ведется обработка американцев в духе «фронтира»!

Что же это все-таки за «Высокий Рубеж»? Нет нужды говорить, что вся эта военно-космическая вакханалия преподносится как средство необходимой обороны. Как же, фронтир, граница... Картины, которые рисуются воображению авторов проекта, еще лет десять назад считались бы чистой научной фантастикой. Гигантская орбитальная сеть из 433 больших космических «фортов» (вот он — «дух», вот она — лексика

«фронтира»!), буквально нашпигованных сверхсовременным оружием... Разработка планов превентивного удара по ракетам противника, находящимся еще в пусковых шахтах... Космические челноки, доставляющие на орбиту все новые партии спутников, в том числе спутников наведения ракет... А если потребуется, то и вывод на орбиту ядерного оружия (правда, Договор 1963 года, подписанный и Соединенными Штатами, пока остается в силе, но, кажется, подобные соображения все меньше тревожат нынешнюю американскую администрацию).

И все это — *оборона!* Если на кого-то это слово (с таким «подтекстом») и может подействовать, то лишь на людей малоосведомленных.

Знакомство с проектом «Высокий Рубеж» наводит на определенные литературные аналогии. Действительно, все это было, было... Только речь там шла о вторжении из какой-то иной системы мироздания, но весь антураж... совпадал. Те же космические торпеды, барражирующие околоземное пространство, орбитальные космические базы-крепости, военно-космический флот. Просто не верится, что описано все это (вероятно, впервые) в фантастическом романе англичанина Роберта Уильяма Коула «Битва за империю», вышедшем... в 1900 году!

Вот и наметилась двойная цепочка фактов и вымысла, за звеньями которой мы последим повнимательнее. Кстати сказать, в подзаголовке крупнейшего американского журнала научной фантастики, «Аналог», значится: «Научная фантастика — научный факт». А тут все — рождение безумной идеи, ее развитие и воплощение на практике,— все уместилось на протяжении одного века. Нашего, двадцатого...

Впрочем, идея военной угрозы «сверху» пришла еще раньше, до возникновения авиации. В забытом ныне романе Германа Лэнджа «Воздушный бой» (1859) недвусмысленно предрекалось коренное изменение характера будущей войны. Только полвека спустя Герберт Уэллс написал свой знаменитый роман «Борьба в воздухе»...

Первая половина XX века. В произведениях писателей-фантастов этого периода на Землю обрушиваются несметные орды инопланетных агрессоров, космические армады бьются у далеких звезд, вспыхивают кровопролитные мятежи в земных колониях на планетах Солнечной системы. Но никто тогда не додумался до жуткой и, как выяснилось, «близлежащей» идеи — о том, что космические войны могут планироваться землянами против землян же. И не в галактических далях, а прямо в «доме» — в околоземном пространстве.

«Научная фантастика» молчала, зато появился первый «научный факт» — атомная бомба. И следом — взрыв над Хиросимой...

В докладе на специальной конференции ООН по мирному использованию космического пространства «Юниспейс-82», проходившей в Вене, отмечалось, что тема «космических войн» перешла из ведения научной фантастики в разряд научных фактов как раз летом 1945 года. Только после Хиросимы опасность «звездных войн» стала очевидной.

Начавшаяся сразу же после второй мировой войны другая война — «холодная» — предопределила и поворот в акцентах западной научной фантастики.

В 1946 году появился на свет рассказ Мюррея Лейнстера «Первый контакт» (и сам рассказ, и ответ Лейнстеру — повесть советского писателя Ивана Ефремова «Сердце Змеи» читателю, вероятно, хорошо знакомы). В этом произведении вооруженного столкновения между земным и инопланетным звездолетами все же не произошло. Но грустная уверенность автора в том, что и во веки вечные останутся взаимная

подозрительность, ставка на космическое оружие, убежденность в неизбежности конфронтации производят гнетущее впечатление.

Впрочем, если в рассказе Лейнстера лишь слегка намечены настроения, которые скоро стали в буржуазной идеологии доминирующими, то, например, в известном романе Роберта Хайнлайна «Воины звездного корабля» (1959) космический милитаризм проповедуется уже в открытую; в будущей галактической цивилизации, по Хайнлайну, кто не воевал — тот лишен права голоса...

Таких примеров появилось множество. К счастью, немало встречалось и других книг. Десятилетие пятидесятых стало для западной фантастики «десятилетием социальной ответственности», отмеченным лучшими произведениями Рэя Брэдбери, Клиффорда Саймака, Айзека Азимова, Роберта Шекли и Фредерика Пола. Запомнился читателям, например, роман Мартина Кэйдина «Затерянный на орбите», в котором советский космонавт приходит на помощь своему американскому коллеге, попавшему в беду...

В конце шестидесятых годов многие прогрессивные писатели-фантасты все более ясно видят опасность милитаризации космической программы. Космические «аппетиты» Пентагона оборачиваются то бактериологическим оружием на борту секретных военных спутников, описанных в романе Майкла Крайтона «Штамм «Андромеда»» (кстати, бактериологическое оружие на борту спутника тоже перешло с тех пор в область «научных фактов»: американские военные запускали на орбиту и такое), то «обычным» (уже обычным!) атомным оружием на орбитальных станциях.

Сигналы тревоги, как видим, звучали. Однако в годы, когда научная фантастика в Америке бьет все рекорды «раскупаемости», на нее поневоле обращают внимание закулисные дирижеры, направляющие книгоиздательский процесс, который буржуазная пропаганда так любит представлять совершенно «свободным». Появляются «фантастические» книги, написанные будто бы под чью-то диктовку. Если в позднем романе старейшины американских фантастов Эдмонда Гамильтона «Звезда смерти» неясно в общем-то, кто с кем воюет,— и тем не менее одна из противоборствующих сторон взрывает Солнце (!), бомбардируя его изотопами, то в книгах следующих за ним авторов говорят уже отнюдь не эзоповым языком. Так, в романе Дж. Хэя и А. Кешишиана «Аутопсия для космонавта» специалисты из НАСА совершают разведывательную экспедицию к загадочному советскому спутнику, дабы проверить, не несет ли он ядерного оружия на борту. А в опусе Аллена Друри «Трон Сатурна» (у нас много писали и об авторе, и о его так называемой научной фантастике) с позиций самого ярого антикоммунизма излагаются перипетии будущей космической борьбы между СССР и США.

Симптоматичная деталь: в фильме, поставленном в 1970 году по упомянутому выше роману Мартина Кэйдина, уже ни намека на помощь *советских* космонавтов...

В следующее десятилетие «научный факт» и «научная фантастика» словно затеяли игру в «догонялки» — они менялись ролями с неудержимой быстротой. Семидесятые годы охарактеризовались процессом разрядки, и космическим воплощением его явился совместный советско-американский полет «Союз» — «Аполлон». Но прошло чуть более пяти лет — и все изменилось.

«Научный факт» начала восьмидесятых годов — это маниакальные фантазии на тему «звездных войн», фантазии, которые американский

президент хотел бы видеть осуществленными, не останавливаясь перед ценой. А что касается «научной фантастики», то и к этой литературе оказался применим печальный принцип, звучащий как некая тавтология: прав тот, кто оказался правее! В нашумевшем полуфантастическом бестселлере Джеймса Миченера «Космос» (1982) все заатмосферное пространство уже отчетливо мыслится звездно-полосатым. Что же говорить о множестве романов-однодневок вроде творения некоего Гая Элимо под самообъясняющим названием «Охота на «Салют-7»»! Или другой пример: роман также никому не известного Льюнса Шайнера «Фронтира» (1984), в котором на Марс (с целью проверить, жива ли оставленная там колония) летят две экспедиции, конкурирующие между собой и, прямо сказать, неразборчивые в средствах: американо-японская и... «Аэрофлот» (так прямо и написано!).

Разумеется, представлять всю американскую фантастику этакой стаей оголтелых политических «ястребов» в корне неверно. Многие прогрессивные писатели определенно встревожены нагнетанием военного психоза. Но вот что странно: по патетическому тону некоторых их статей и воззваний (а в последние годы писатели-фантасты все чаще обращаются к чистой публицистике) может создаться впечатление, будто борются за мирный космос ... они одни. Словно и нет больше никаких влиятельных, решительных, миролюбивых сил на планете, озабоченных судьбой общего неба над головой.

А ведь такие силы есть, и одними патетическими призывами они не ограничиваются. Взять хотя бы проект Договора о запрещении в космическом пространстве оружия любого рода — договора, представленного Советским Союзом в ООН в августе 1981 года и поддержанного большинством стран — членов этой организации, но так и не подписанного из-за обструкционистской позиции США и их союзников по НАТО.

Знают ли американцы о советских мирных инициативах? Что думают они о таком, например, шаге, как предложение Советского правительства о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли? Предложение это, как известно, было принято в 1983 году на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Читаешь иные выступления американских писателей-фантастов, письма читателей в журналы, и создается впечатление, что ничего они не думают по поводу всех этих инициатив. Потому что не знают-то ничего. Не любит американская пресса знакомить своих читателей с такого рода информацией...

Тут самое время вспомнить о журнале «Аналог». Дискуссия, развернувшаяся не так давно на его страницах, может дать неплохое представление о спектре настроений в лагере американских читателей научной фантастики — литературы, которая, так сказать, по определению своему занимается всеми этими вопросами в первую очередь.

Редактор «Аналога» — ученый-физик и писатель-фантаст Стэнли Шмидт. Это человек достаточно либеральных взглядов; та, например, откровенная симпатия, с которой Шмидт рассказывал в одной из редакционных статей о демонстрации сторонников мира в Нью-Йорке, сегодня свидетельствует в Америке о многом. Об известной гражданской смелости, как минимум...

Вместе с тем Шмидт по своим убеждениям — буржуазный интеллигент-технократ, он уверен во всесилии науки и техники в деле решения социальных проблем. Открывая новую рубрику журнала — «Альтернативный взгляд», Шмидт, видимо, искренне надеялся на коррек-

тную научную полемику. И пока затронутые вопросы относились действительно к сфере научной, полемика и впрямь напоминала спор у доски где-нибудь в университетской аудитории.

Но вот за короткий срок произошли три взаимосвязанных события. Первое — публикация проектов «космических поселений» профессора из Принстона Джерарда О'Нила. Второе — президент Рейган резко сократил ассигнования на «мирный» космос и в то же время не обидел космос «военный». Наконец, третье и последнее — появился тот самый документ, «Высокий Рубеж»... Этого хватило, чтобы от сдержанно-академического тона полемики на страницах журнала не осталось и следа.

Вопрос, быть ли космосу «мирным» или «военным»,— это не частная проблема точных наук. И проблема широкого выхода человечества в космос тоже не частная.

Постоянный автор рубрики «Альтернативный взгляд», писатель-фантаст Джерри Пурнелл, одно из своих выступлений, названное без затей,— «Космическая война» начал прямо-таки на высокой патетической ноте: «Выживем ли мы? Выживет ли свобода в нашем тысячелетии? И какое отношение ко всему этому имеет космос?» Это было в июне 1982 года. А год спустя Пурнелл публикует статью под названием «Обеспечить общую защиту», в которой уже предельно конкретизирует страхи. По его мнению, отцы-основатели США, которые зафиксировали в конституции, что государство обеспечивает своим гражданам «общую защиту», просто в гробу перевернулись бы, узнав о нынешней ситуации. Ведь разворачивается самый настоящий заговор, означающий страшную угрозу для Америки! Более того — «угрозу самой идее свободы»...

Что же, по его мнению, угрожает Америке? Из статьи следует: нападение из космоса, к отражению которого нация совершенно не подготовлена. Чье нападение? Пурнелл уходит от прямого ответа, но... В общем ясно, что он хотел сказать.

Автор с нескрываемым сарказмом обрушивается на «тезис о невозможности космических войн», ибо это теории, «а должны ли мы полагаться на теоретические разглагольствования в таком деле, как оборона нации?» И, вывернув наизнанку логику, Пурнелл подводит читателя к главному своему выводу: надо вооружаться! Именно такой «ястребиный» лозунг выдвигает писатель-фантаст в ходе «научной» полемики. «Мое заключение,— пишет Пурнелл,— таково: мы не можем игнорировать любой возможный театр будущих военных действий. И как я утверждал в своей книге «Стратегия технологии», технологические приемы ведения войны (в данном случае использование космической техники) могут быть и бескровными, и достаточно эффективными. Более того, это выгодно и с экономической точки зрения, так как стимулирует массу новых изобретений».

Вот! О таком «экономическом эффекте» планируемой смертоубийственной бойни в околоземном пространстве мог написать, конечно, только идейный наследник президента Трумэна, который в свое время оценил «эффект Хиросимы» в «два миллиарда удачно вложенных долларов»!

После этого следует соответствующий поворот. Дух Фронтира, Великая Американская — теперь уже и Космическая — Мечта, романтика и новые горизонты... А все предыдущее, надо понимать, малосущественная преамбула.

Обе статьи Пурнелла, весьма сердитые по тону, заканчиваются форменными угрозами... кому бы вы думали? Борцам за мир, сторонни-

кам мирного использования космоса? Ничуть не бывало. Для Пурнелла нет оппонента трусливее, чем... сама администрация США! Которая-де медлит, потеряла всякую бдительность, дала себя уговорить либералам — и в итоге совсем запустила такое важное оборонное дело, как космос. И Пурнелл грозит: пусть они там, на Капитолийском холме, не думают — голосуем-то мы, энтузиасты и патриоты. Если и далее будет так продолжаться, мы ведь можем кое-кого и турнуть на будущих выборах! Вот так, не более и не менее. Как не прислушаться к такому «гласу народному»!

Еще более оголтело высказывается на страницах рубрики «Альтернативный взгляд» другой ультрапатриот — инженер Джордж Гарри Стайн (он, кстати, пишет под псевдонимом и фантастику).

Стайн тоже начинает одну из своих статей демонстративным изложением точки зрения сторонников демилитаризации космоса — «космос — не место для войн». А в самом конце резюмирует: «Позвольте мне сформулировать иную точку зрения: космос — это единственное место, где и должны вестись войны».

Какая трогательная забота о Земле! Действительно, чего проще: существуют же проекты вынесения за пределы атмосферы различных видов вредного производства — почему бы в таком случае не вывести подальше от Земли и «вредное» оружие? Тем более что в американской фантастике, в частности в кино, все эти «звездные войны» выглядят как нечто удаленное и (ввиду удаленности) совсем не страшное!

Стайн подводит еще и философскую базу: «Войны продолжаются до тех пор, пока две группы людей в состоянии отыскать какой-нибудь камень преткновения... Эрго: человеческая раса будет воевать и впредь».

Когда такое внушается не единожды, а постоянно, с планомерной настойчивостью и предстает уже не как «альтернативный взгляд», а нечто само собой разумеющееся, становится страшно за тех людей, которые поверят...

Стайн же продолжает атаковать. И вот уже, отбрасывая всякие околичности, он прямо обвиняет Советский Союз в подстегивании гонки вооружений в космосе. США якобы вынуждены вооружаться, только чтобы обороняться, да еще и изнывают под бременем тяжелых расходов на модернизацию космической техники.

Автор подкрепляет свою убежденность в исконном «миролюбии» Соединенных Штатов обращением к истории: «Мы — нация мирных торговцев... Военные форты на американском Западе были воздвигнуты столетие назад исключительно в интересах коммерческих, армии США было предписано защищать торговые пути. Форты были направлены совсем не против индейцев, а против преступников».

После таких, с позволения сказать, исторических реминисценций вывод можно предугадать заранее: вооружаться, вооружаться, вооружаться. Но при этом сохранять «гуманность» по отношению к Земле — вынести гонку вооружений в космос.

Подобные «альтернативные взгляды», которые прежде всего альтернативны разуму, вызывают ропот среди многих читателей «Аналога». Им становится ясна разница между «звездными войнами» на экранах и страницах книг и вполне реальными кошмарами, которые начнутся, едва только все эти бомбы и лазерные лучи низвергнутся на Землю. Все больше американцев осознают суровую реальность: космические вооружения предназначены не для звездных поединков, но прежде всего для ведения ядерной войны на Земле. Войны — всеуничтожающей. И никакая

система противоракетной обороны не поможет, под «лазерным зонтиком» не отсидится никто.

В августовском номере журнала за 1983 год Шмидт отдал редакторскую полосу под изложение одного из докладов, прочитанных на специальной Конференции ООН по мирному использованию космоса. Доклад начинался мудрыми словами: «Нет ничего более фундаментального, чем предотвращение ядерной войны. Если мы потерпим неудачу в решении этой задачи, все остальные проблемы потеряют смысл: наука, политика...»

По-своему, это и есть альтернатива «альтернативным взглядам», достойный ответ проповедникам войны в космосе. В докладе, кстати, процитирована «самая короткая рецензия» на одну из последних нашумевших книг об ужасах ядерной войны. Рецензию написал профессор Карл Саган, в ней всего одна фраза: «Каждую секунду — по целой второй мировой войне, и так — весь долгий, ленивый полдень» ...Автор доклада в этой связи замечает: «Хотел бы я, чтобы безумцы, велеречиво болтающие о затяжной ядерной войне, всего-навсего перечитали бы это одно-единственное предложение — медленно, вдумываясь в каждое слово».

Итак, своя альтернатива есть и у «альтернативного взгляда» пурнеллов и стайнов. Хотя страшно, что многие верят им.

«Я не люблю войн и не люблю воевать,— обмахиваясь пальмовой ветвью, «смущенно» пишет Стайн,— но я рад, что есть люди, которые любят это,— тут же продолжает он с блеском вороненой стали в глазах.— И я желаю платить налоги, поддерживающие полицию и вооруженные силы, которые защищают нас от разгула насилия, преступности и войны».

Вот снова произнесено магическое: деньги, и становится ясно, что все эти словеса о Духе Фронтира, «космической романтике» не более чем дымовая завеса, призванная скрыть самые приземленные, вполне конкретные интересы.

Зловещая фигура дирижера — ВПК (военно-промышленного комплекса) — вот чья тень витает над страницами подобных научно-фантастических публикаций. Тем более что пора, наконец, назвать и тех, кто стоит за проектом «Высокий Рубеж». Заправлял всем в проекте не кто-нибудь, а экс-генерал Дэниэл Грэхем. Тот самый острый «полемист» на конгрессе в Балтиморе...

Вот ведь как можно все повернуть в нашем мире. Одно название: «Высокий Рубеж» — а принадлежит сразу двум изданиям. Откровенно милитаристскому сценарию, к которому явно приложили руку американские секретные службы и Пентагон, и — популярной книге профессора О'Нила, где излагается пусть в чем-то и наивная, но все-таки мирная картина будущего освоенного космоса.

Доклад на Конференции ООН заканчивался цитатой: «Единственная защита от будущих систем оружия — это предотвратить их еще до первого использования... На нас... лежит ответственность, равной которой прежде не знал ни один век. Если потерпит неудачу это поколение, те, кто придет ему на смену, боюсь, окажутся слишком малочисленны, чтобы заново отстроить мир...»

Статья, откуда взят приведенный отрывок, называлась «Ракета и будущие войны». И появилась она ... в 1946 году!..

Первый послевоенный год. Нюрнбергский процесс — и речь Черчилля в Фултоне, ознаменовавшая начало «холодной войны»... Парижская

мирная конференция — и оккупация капитулировавшей Японии вооруженными силами США. Первая советская мирная инициатива в послевоенное время — о запрещении атомного оружия — и испытания американского атомного оружия над атоллом Бикини спустя два месяца после этой инициативы.

«Атомная энергия в руках агрессоров угрожает гибелью цивилизации, всем достижениям культуры»,— предостерегал выдающийся советский фантаст Иван Ефремов в уже написанной к тому периоду повести «Звездные корабли». Время действия повести — опять же 1946 год. Вот с каких пор мир реальный и мир научной фантастики разделяет самый настоящий фронтир. Рубеж, граница между разумом и безумием.

Граница, за которой представления об атмосфере становятся кошмарными видениями *атомосферы*... И каждый житель планеты должен твердо знать, что означает эта граница.

ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

МИРОВОЙ АТЛАС: ОТ ЛЕДНИКА ДО ГЛЯЦИОСФЕРЫ

1. Дороги начинаются с карты

Идтн трудно. Хотя дышится часто и в полную грудь, кажется, что не хватает воздуха. Движения вялые. Неотрывно смотришь на рюкзак впереди идущего, устало переставляешь ногн.

Уже несколько дней группа продвигается по району, отмеченному на карте возможными проявлениями горной болезни. Но маршрут стоит затрачиваемых усилий. Он проходнт среди легендарных вершин, снежных горнотуристских перевалов.

От резких движений кружится голова. Все представляется иереальным и сказочным. Но какую бы ни чувствовал отрешенность нз-за нехватки живительного кислорода, все же подолгу смотришь на заснеженные горы. Чем дальше в горы, тем больше восторг.

Классификация эстетических видов включает выдающиеся панорамы. Места, которые проходят туристы, пестрят на карте условными обозначениями. И даже указаны эти приметные точки обозрения.

Невдалеке от тропы — горный родник средн кочковатых оплешин альпийского луга. От холодной воды затекают зубы, но чувствуешь облегчение. И благодарность тем, кто издавна шел к этому источнику, набивая тропу, н тем, кто прокладывал ее на карте.

К середине дня горы озвучиваются хлопающими выстрелами: это прогретые толщи сиега скатываются лавинами. Лавиноопасные зоны, показанные на карте сигнальным красным цветом, лучше обходить стороной. И безопаснее идти по тем долинам, которые не отмечены коварным знаком селевых потоков.

На привале без рюкзака чувствуешь словио в невесомости. Приходится достать кошки: впереди — обширные фирновые поля, обледенелые склоны, сложнодолинные ледники. Визуальную догадку об этом подтверждает н топография.

Уже много дией не встречаются кишлаки. Но, если знаешь, что находишься в зоне десятибалльной сейсмичности, удивление ие возникает.

Это предполагаемое путешествне по рабочей модели рекреационной карты. Как оиа появилась, об этом стоит рассказать подробнее.

... В бнблиотеке Московского клуба туристов вечером не найдешь свободного места. А весиой, накануне туристской «лихорадки», экспедиций, экскурсий, люди читают книги стоя, прнслонившись к столу, подоконнику, мостятся по двое на одном стуле, благо народ молодой, неприхотливый! И то правда, что сетовать на городскую неустроеиность, когда предстоят более жесткие дискомфорты в походах.

В какое путешествне отправиться, как выбрать наиболее интересный маршрут н подробно изучить его? Можно поговорить с бывалыми людьми, просмотреть путеводители, отчеты о походах, фотографии, получить кон-

сультации в клубе туристов. Из отдельных деталей, штрихов воссоздается облик района. Но время, потраченное, как говорят экспедиционники, на предполевой период, не замечают лишь увлеченные энтузиасты. А ведь на путешествия уже давно перестали смотреть как на спорт — отдых избранных. Массовому туристу, особенно горному, требуется информация комплексная и унифицированная, строго соответствующая его целям и выбору.

Помогает карта. Она уже давно перестала быть монополией наук географического профиля. Для наглядности, читаемости, краткости, точности ее используют многие дисциплины и отрасли знания. Ни одна географическая модель не обладает такой информационной емкостью, ни одно описание не может дать такого представления о местности, как карта.

Спрос рождает предложение. И запросы практики подталкивают научные исследования. Картографический способ оценки ресурсов становится одним из наиболее приемлемых.

2. Снежно-ледовые ресурсы — в Атлас!

— Где работаешь?

— В Атласе...

Это слово звучало почти нарицательно, а словосочетания «атласная комната», «атласные дела», «атласник» были привычными в научном обиходе гляциологов Института географии АН СССР. Работа ведется с начала 70-х годов и стала событием для многих специалистов. Атлас снежно-ледовых ресурсов мира создается при участии географов Ленинграда, Иркутска, Томска, Новосибирска, Владивостока, Тбилиси, Ташкента, Алма-Аты, Душанбе и других городов. Возглавляет эту работу Междуведомственный комитет при президиуме АН СССР и Национальный комитет СССР по Международной гидрологической программе (МГП). В 1975 году специальным постановлением ЮНЕСКО было отмечено, что эта тема входит в международные исследования снежно-ледовых ресурсов планеты.

Прикладной раздел Атласа посвящен всестороннему освоению нивально-гляциальной зоны высокогорья, а также тех ландшафтов, где снег и лед играют определяющую роль в их эволюции. В комплексное освоение также входит рекреация, т. е. спорт и отдых, которая в некоторых районах выступает решающим фактором в хозяйственном развитии.

Однако в целом задачи Атласа гораздо шире. Он подводит итоги, систематизирует обширную гляциологическую информацию последних 20 лет, дополняет и обновляет познание одной из сложнейших и загадочных земных оболочек — гляциосферы. В нем будут содержаться сведения о всех видах природных льдов и снегов, показана их роль как гидрологических, климатических, рекреационных ресурсов, возможности использования в транспорте, сельском хозяйстве, промышленности. Осуществление этого замысла станет отражением достижений советской гляциологии за последние годы.

3. Лед в картографическом образе

Появление нового картографического свода соответствует тому глобальному значению природных льдов на нашей планете, которое доказывают последние достижения наук о Земле.

Существуя многие миллионы лет, ледники активно влияют на природу планеты. Они охлаждают климат, воздействуют на теплообмен, во время таяния изменяют уровень Мирового океана, продвигаясь, «вспахивают» земной рельеф, полярные ледяные шапки способствуют более контрастному проявлению широтной и высотной зональности. В настоящее время стало обычным различные природные процессы на Земле рассматривать как работу своеобразной машины: атмосфера — океан — суша — ледники.

В научном мире продолжаются споры о том, в какую сторону происходят изменения климата. Ледяные потоки Альп и Кавказа, спускаясь все ниже и ниже, заставили крестьян покидать обжитые горные долины, из-за ухудшения погодных условий уменьшилось население Исландии. Примеры естественной цикличности климата можно продолжать долго. Вопрос не только академический, он затрагивает все стороны жизни на планете.

Предсказания противоречивы. На естественные изменения климата накладываются последствия хозяйственной деятельности человека. В результате сжигания топлива, вырубания лесов накапливается углекислый газ. Он создает тепличный эффект: солнечные лучи пропускает, но удерживает тепло у земли. Промышленная пыль действует обратным образом. Солнечная радиация отражается, а тепло у земли не сохраняется. Современные методы не позволяют точно оценить последствия этих факторов, приблизительны наши знания и о климатическом прошлом. Но

многие явления свидетельствуют о медленном потеплении, в частности отступание ледников по всей планете, хотя и не синхронное, и не очень быстрое.

Возможно, причиной всему общее естественное потепление климата. Ведь какая-то часть углекислого газа поглощается океаном. Недавно швейцарские ученые после анализа газов в кернах льда — своеобразных хроникеров воздуха былых времен установили, что для более холодных эпох свойственно меньшее содержание углекислоты в атмосфере. Тогда вопрос становится еще более сложным. Углекислый газ приносит потепление или потепление ведет к его увеличению?

Понять сложный механизм климата нельзя без учета снежно-ледникового покрова и океана. Их взаимодействие отлаживалось на протяжении долгого периода. Чтобы обнаружить «сбои», нужна всеобъемлющая система наблюдений за природной средой. Составной частью ее должен быть учет всех ледниковых масс на планете, слежение за их колебаниями на фоне изменений климата. Ледники как индикатор климата показательны еще и тем, что они несколько запаздывают в своей реакции. «Ледниковая» память отражает более устойчивую картину.

Научная судьба Атласа складывается в спорах и дискуссиях. Во всяком случае полная картина оледенения, представленная в этом издании, внесет, несомненно, новые обобщения и представления в проблему климатических колебаний и их связи с оледенением.

Глобальное, региональное и прикладное значение льдов как ресурсов найдет отражение в трех частях Атласа. Вводная — включает мелкомасштабные карты всего земного шара. На них показано распространение всех природных льдов, которые являются основным объектом изучения гляциологии: атмосферных, наземных, плавучих, подземных. Согласно полученным в последнее время данным, наибольший объем составляют наземные льды (27 ± 3 млн. км^3), которые заключают и основные запасы (около 70%) пресных вод нашей планеты.

Рассматривается также снег в атмосфере и снежный покров, часто являющийся ведущим фактором в природных процессах. Наибольшие площади снежный покров занимает к концу зимы северного полушария — 99 млн. км^2, т. е. 66,3% суши, а наименьшие — 47 млн. км^2, т. е. 31%, — к концу зимы южного полушария.

В региональную часть Атласа входят карты — от материков и природных областей до планов отдельных ледников. Такая опись, так же как и изданный недавно в нашей стране 108-томный каталог ледников СССР, — это новый шаг к формированию всемирного банка гляциологических данных.

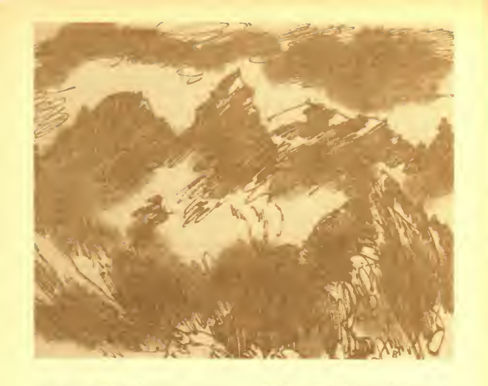
В прикладной части снег и лед рассматриваются как ресурсы, требующие учета и оценки. В ней отразятся способы предотвращения стихийно-разрушительных процессов, использование снега и льда, таких эфемерных, короткоживущих в геологическом смысле минералов, в инженерных целях, а также освоение гор для туристов и отдыхающих. Особое внимание здесь уделяется картам снегозапасов в сельскохозяйственных зонах нашей страны, оценкам талого ледникового стока, методам увеличения водоотдачи «земных рефрижераторов», колебанию ледников и древнему оледенению, картам лавин и селей.

В Атласе найдут отражение материалы о снеге и льде Международного геофизического года (1957—1958 гг.), Международного гидрологического десятилетия (1965—1974 гг.), некоторых гляциологических проектов. Для составления карт будут использованы ежегодники, справочники, каталоги ледников, публикуемые в СССР, США, Канаде, Норвегии, Швейцарии и других странах, данные Всемирной службы постоянных наблюдений за ледниками, массовая гидрометеорологическая информация.

4. «Каждый космонавт должен быть и гляциологом...»

В подготовке важной гляциологической информации не обошлось без участия космонавтов. Как они ни заняты были во время орбитального полета, но нашли время для оценки снежно-ледовых ресурсов планеты. В Государственный научно-исследовательский производственный центр «Природа» от них поступили ценные сведения о заснеженности и оледенении высокогорий нашей страны, Альп, Гиндукуша, Каракорума, Южной Америки и других районов мира. Дополнения к аэрофотосъемке оказались очень существенными: ведь фотоаппаратами захватывается полоса намного уже, чем при визуальном наблюдении с многосоткилометровой высоты. Космические снимки — это своеобразная оптическая генерализация, картографическая операция, над которой трудятся специалисты, здесь достигается естественным образом.

Изучение Земли из космоса началось, наверное, с запуска метеорологи-

ческих спутников в 1962 году. Через пять лет такие аппараты под названием «Метеор» появились на орбитах. Вместе с наземными комплексами они составили успешно действующую систему. Космическая съемка воздушных потоков позволила с большей достоверностью, чем раньше, прогнозировать погодные условия на планете.

Не первый год идет изучение Земли с пилотируемых космических кораблей. Космонавты фотографируют горы и долины, ледниковые и речные бассейны, заснеженные равнины и океанические акватории. А космические снимки облегчают работу многих специалистов.

Обрабатывая космические снимки, получают ценную информацию о ледниках Земли. С помощью многозональной съемки с удивительной точностью определяют толщину льда в горах и приполярных районах, запасы пресной воды. Сейчас спутники используют для слежения за краем ледникового антарктического покрова и за состоянием покровных и горных ледников, они дают информацию о дрейфе и «отеле» айсбергов, как ученые называют откалывание этих ледяных глыб от основного массива. В ближайшем будущем предполагается запустить европейский спутник с полярной орбитой. С полным правом его можно будет назвать полярно-гляциологической космической лабораторией.

Но космическому «сверхзрению» предшествует серьезная подготовка. Космонавты проходят консультации в Государственном научно-исследовательском производственном центре «Природа», пристально вглядываются в Землю с самолета, встречаются со специалистами-заказчиками: геологами, океанологами, строителями, гляциологами.

Особенно детально пришлось изучить космонавтам горы Памира. Из-за исключительной прозрачности атмосферы наиболее отчетливо видны из космоса высокие горы. Поэтому их визуальное наблюдение и дает ценную информацию. Недаром отдельные космические программы именуются по названиям крупных горных систем и вершин — «Памир», «Эльбрус».

Александр Иванченков говорил, что памирские хребты, ледники, пики может нарисовать с закрытыми глазами. Это необходимость — ведь с орбитальной трассы горы видны считанные минуты, за которые нужно успеть сориентироваться, зафиксировать в бортжурнале все примечательные явления, потому что на следующих витках «крыша

мира» может быть прикрыта тенью Земли или сплошной облачностью.

Памир стал исследовательским полигоном космической гляциологии. Здесь представлены все глетчеры, которые встречаются в горных странах. На нем отрабатываются приемы дешифрирования, совершенствуются дистанционные методы изучения снежного покрова и ледников, ведется слежение за состоянием десятков тысяч ледников, которые орошают засушливые поля Средней Азии.

Сейчас организуется наземно-авиакосмическая служба наблюдений за природной средой. Она будет также собирать информацию и давать прогнозы о снеге и льде, и в особенности о стихийно-разрушительных явлениях в горах — селях, лавинах, пульсирующих ледниках. Уже сейчас благодаря космическим исследованиям наземным специалистам удалось выявить только на Памире около 100 до того неизвестных ледниковых тел, обнаружить несколько месторождений полезных ископаемых.

Космонавты орбитальной станции «Салют-6» в течение четырех экспедиций накопили обширный материал для этой работы. Подвижки ледников теперь нетрудно обнаружить на космических картах по грядам морен, изогнутых в виде петель, и по растеканию льда на выходе его из ущелий в долины. Округлые же формы говорят об относительно спокойном их состоянии.

По космическим данным уже сейчас зафиксировано и изучено около 30 пульсирующих ледников Памира. За предыдущие годы полевыми обследованиями удалось обнаружить не меньше десятка подобных объектов. Пульсирующие — это вздыбившиеся ледники. Красивое зрелище, но и опасное! О нависшей угрозе могут предупреждать космонавты.

Наиболее крупные из них — Бивачный, Шокальского, Малый Саук-Дара, Дидаль и другие. Некоторые, как Сугран, обладают отчетливыми признаками активизации, и их подвижки можно ожидать в ближайшем будущем.

Многие из пульсирующих ледников расположены в долине реки Вахш. Это тревожит проектировщиков, ведь здесь кроме действующей Нурекской и строящейся Рогунской ГЭС планируются другие электростанции и сельскохозяйственное освоение земель. А опорожнение озер после резких сдвигов ледников вызывает катастрофические паводки. Такое стихийное бедствие вызвал ледник Медвежий в 1973 году. Высокая волна снесла все мосты по реке Ванч. Но благодаря своевременному прогнозу гляциологов никто не пострадал и материальный ущерб был незначительный.

Ледник Дидаль в 1974 году вел себя по-другому. Во время его продвижения откололась часть языка и разрушила автомобильную дорогу и мост. Ледяные баррикады осложнили транспортное сообщение.

Большая часть космической информации о ледниках и снежном покрове обрабатывается в Государственном научно-исследовательском производственном центре «Природа», затем используется в гляциологических разработках, на ее основании даются рекомендации народнохозяйственным организациям. Взгляд из космоса помогает завершить классификацию пульсирующих ледников и составить их каталог. По сбору космической информации для Атласа снежно-ледовых ресурсов мира создана специальная группа. Это не только помогает уточнить контуры и размеры ледников, но и облегчает составление карт их колебаний (пульсации входят в их число!), дает возможности отображать некоторые сведения о снежноледовом режиме в глобальном масштабе.

Космические наблюдения помогут и в оценке природного режима для трудных альпинистско-туристских маршрутов. Необходимость этого хорошо понимают космонавты. Многие из них и сами предпочитают проверку своих сил в экстремальных условиях гор. Александр Иванченко, например, участник нескольких спортивных туристских путешествий. Приветствие Владимира Ляхова и Валерия Рюмина научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды» к северной вершине планеты с орбитального комплекса прозвучало вдохновляющей поддержкой для ее участников.

Да и по внешнему виду многое роднит покорителей высоких широт, горных вершин и космического пространства. Костюмы из прорезиненного блестящего перкаля и морозоветрозащитные маски с электрическим подогревом напоминают скафандр. Не зря, видно, полярные районы и высокогорье часто называют «земным космосом».

Связи устанавливаются нерасторжимые. На околополярные орбиты высотой 800—1000 километров выводятся спутники-спасатели. Через аварийные радиобуи они будут принимать сигналы от терпящих бедствие в море, горах, других отдаленных районах. Такие буи устанавливаются на судах, самолетах, пригодятся они геологам, туристам, альпинистам. Сигнал бедствия поступает на спутник, а с него на наземные пункты приема. Национальные коорди-

национные центры передают информацию в поисково-спасательную службу. Эта программа «космической помощи» осуществляется спутниками Советского Союза и США.

Очевидно, изучение земных ледников позволит подойти к разгадке ледников Марса, Сатурна, Нептуна и других планет. Из космоса уже обнаружена вечная мерзлота на Марсе, ледники-«лепестки», вытекающие из кратеров некоторых планет от метеоритных ударов. Космический лед — явление очень распространенное, ведь холод там достигает температуры ниже — 200° С. Многие тайны ждут здесь своих исследователей.

5. Ледниковое досье — туристам

Нынешним туристам нужны карты с широкой информационной нагрузкой. Рекреационная часть Атласа снежно-ледовых ресурсов мира информирует о ледяных маршрутах, рассчитанных на различный вкус и подготовленность. Здесь показаны районы альпинистские высших категорий сложности, альпинистские, горнотуристские, прогулочно-спортивные, оздоровительные.

Районы характеризуются высотой над уровнем моря, оледенением, ландшафтами, транспортной и пешеходной доступностью. Например, Северо-Западный Памир (хребты Академии Наук и Петра Первого, пики Коммунизма, Корженевской, Революции и другие) представляет собой, используя научную терминологию, «район высшей категории сложности альпинистско-горнотуристского типа рекреационного освоения». Высоты 5000—6000 метров, горная болезнь проявляется в значительной степени, отдельные вершины поднимаются до 7000 метров. Сплошной покров фирновых полей изредка прорывается скальными обнажениями, огромные сложнодолинные и долинные ледники протянулись на многие километры. Район охватывает главным образом снежно-ледниковую зону, здесь много живописных панорам. Но горы затрудняют доступ к этим местам.

На картах более крупного масштаба показываются изолинии высот горной болезни, типы ледников, характер поверхности, перевалы, морены, трещины, что важно для прохождения, высота снежного покрова, период залегания, даются физиологические оценки климату.

Однако сейчас не только туристам в горах угрожают лавины, обвалы, обморожения, горная болезнь, опасные атмосферные явления, но и природа испытывает неблагоприятное влияние людей. На картах даны заповедные места и охраняемые участки, памятники природы, требующие ограниченного посещения, территории, где воспрещается распашка склонов, выпас скота, строительство капитальных сооружений.

Особенно природоохранные мероприятия необходимы в местах, предназначенных для горнолыжных спусков. Дерновый покров на таких склонах испытывает переуплотнение, под давлением тракторов и скреперов, а также при скольжении лыж задыхаются и сгнивают травы. Еще не завершены исследования допустимых нагрузок на горные склоны при различных видах рекреации. Но природа не ждет. И ограничения посетителей в зонах массового отдыха уже необходимы сейчас.

Горный туризм, как говорил Карел Чапек, заключается главным образом в выяснении, какого туристического домика мы еще не посещали. Ирония понятна. Особенно во время прогулки в хорошую погоду. И все-таки горы есть горы. Слишком много неприятностей они подчас доставляют, чтобы не думать о безопасности и той же крыше над головой. Не зря укрытия именуют здесь «приютами». Рекреационные карты несут информацию об этих приютах, домиках лесника, шале, турбазах, альплагерях с указанием времени работы в году.

Показываются тропы, пешеходные и водные пути. Альпинистские и горнотуристские маршруты разделяются по трудности. Для отдельных территорий дополнительно отмечаются вьючные тропы, а также участки на маршрутах, проходимые лишь в связке, места, удобные для устройства временных лагерей, где можно разбить палатку, достать дрова. По условным обозначениям на карте можно прочитать расположение канатных и буксировочных дорог и фуникулеров, горнолыжных трасс.

Создаваемые рекреационные карты освещают, таким образом, природные условия гор с точки зрения различных видов рекреационного освоения.

Эти карты могут быть использованы спортсменами (альпинистами, туристами, горнолыжниками), а также людьми, приезжающими отдыхать в горы. Они полезны и при строительстве различных сооружений для отдыха и спорта. Очевидно, такие карты привлекут внимание и специалистов, связанных с изучением и освоением снежно-ледникового пояса гор.

Юрий Супруненко

К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

ОНИ СВЕТЯТ В НОЧИ...

Немного найдется на свете инженерных сооружений, о которых сложено столько преданий и легенд, написано столько стихов. Еще в «Одиссее» Гомера, датируемой VIII—VII вв. до н. э., рассказывается, как жители Итаки зажигали костры, чтобы ожидаемый домой Одиссей смог вернуться в родную гавань:

... Девять мы суток и денно и нощно
свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам
берег отчизны.
Был он уж близок; на нем все огни
уж могли различить мы.

Это было, собственно, первое упоминание об использовании огней обыкновенных костров моряками при плаваниях в ночное время.

С тех далеких времен прошли века, прежде чем маяки приобрели знакомый всем нам вид: высокая башня, увенчанная фонарем. Развитие осветительной аппаратуры маяков — это борьба света с тьмой в самом прямом смысле этого слова.

Костры в древности были и первыми маяками, и первыми источниками света. Смоляные бочки или жаровни с углем пылали прямо на земле или на шестах. В XVII—XVIII вв. на фонарях маяков горело по нескольку десятков свечей по 2—3 фунта весом каждая. В 1784 г. появились масляные лампы Арганда, в которых благодаря тому, что фитиль получал масло под постоянным напором, пламя перестало коптить и сделалось более ярким. В начале XIX в. стало использоваться газовое освещение.

В конце 1858 г. на Верхнефорландском маяке (английский берег Ла-Манша) появилась электрическая осветительная аппаратура.

Одесский маяк — первый в России и четвертый в мире маяк, переведенный в 1867 г. на электрическое освещение. Его оборудование состояло из двух генераторов переменного тока, приводившихся в движение паровой машиной. Масса генератора составляла свыше 4 т: вес одних только магнитов превышал 3 т. Генераторы питали дуговую лампу. Сила света этой лампы была в 18 раз больше силы света масляной лампы, стоявшей на маяке до перевода на электрическое освещение. Новое оборудование маяка обслуживало шесть человек: два кочегара и четыре электрика.

В настоящее время большинство маяков работает на электроэнергии. В Советском Союзе на службу гидрографии пришла и атомная энергия.

...В 1970 г. закончилось сооружение маяка — памятника экипажам кораблей и судов, погибшим на Балтике в годы Великой Отечественной войны. Он установлен на глубине 7,5—10,5 м в районе банки Таллинмадал (Таллинская банка), в 19 милях от порта.

На тяжелой бронзовой мемориальной доске, установленной в средней части башни, увековечены наименования эскадренных миноносцев «Артем», «Володарский», «Гордый», «Калинин», «Скорый», «Энгельс», «Яков Свердлов»; сторожевых кораблей «Вирсайтис», «Снег», «Циклон»; подводных лодок и судов... Всего 73 корабля. Снова их обдает крутая морская волна, как

в те суровые дни на пути из Таллина в Кронштадт.

Многие именно здесь, в начале пути, и погибли...

19 августа 1941 г. гитлеровцы, несмотря на стойкое сопротивление наших войск, подошли к главной базе Краснознаменного Балтийского флота и начали ожесточенные атаки на Таллин. Оставаться кораблям здесь далее было нельзя. Рано утром 26 августа последовал приказ Ставки: эвакуировать главную базу флота, войска доставить в Ленинград для усиления его обороны. Все, что нельзя вывезти, уничтожить...

История русского флота знает примеры, когда флот погибал вместе со своей базой. Так было в 1855 г. в Севастополе и в Порт-Артуре в 1905 г. В Таллине ни армия, ни флот погибать не собирались, хотя им предстоял трудный и опасный переход в Кронштадт. Флоту предстояло пройти 321 километр по узкому Финскому заливу, оба берега которого успел захватить противник, густо заминировав фарватер. На обоих берегах — вражеские аэродромы, батареи от среднего до тяжелого калибра, в в шхерах за сотней островов притаились подводные лодки и торпедные катера. Воздушное прикрытие на переходе организовать не смогли — наша авиация в это время вела ожесточенные бои под Ленинградом. Не хватало тральщиков и кораблей охранения.

28 августа около 12 часов первый конвой начал движение (всего их было четыре), а в 16.00 снялись с якоря главные силы флота в составе 25 вымпелов во главе с крейсером «Киров». Последним вышел отряд прикрытия из 20 боевых кораблей. Вскоре начались налеты «юнкерсов», а немного позже и огонь береговых батарей: курсы кораблей и судов проходили в пределах дальности огня вражеской 152-миллиметровой батареи. Несмотря на героические действия кораблей охранения и работу тральщиков, уже в начале движения конвоев на минах подорвались ледокол «Вольдемарс» и пассажирский пароход «Вирония» вместе со спасательным судном «Сатурн». В тралах тральщиков то и дело рвались мины. Приходилось часто менять или наскоро ремонтировать тралы, что задерживало общее движение и облегчало действия батарей, «юнкерсов» и торпедных катеров противника. Одна из таких атак шести торпедных катеров была успешно отбита огнем артиллеристов лидера «Минск»: четыре катера уничтожены, два спаслись бегством. А данные о наших потерях продолжали поступать: погибли подводная лодка Щ-301 и канонерская лодка И-8. Еще сложнее была обстановка в отряде главных сил, которые выходили в голову всех конвоев. Подводная лодка С-5 вышла из протраленной полосы и подорвалась на мине, взорвался старейший миноносец флота «Яков Свердлов».

Конечно же мины были основной опасностью. За 10 часов пути тральщики, идущие впереди отряда главных сил, вытралили и подорвали двадцать одну мину. А сколько их проплыло мимо кораблей отряда! Сколько взорвалось мин у бортов миноносцев, идущих в паре с охранителями... У борта миноносца «Славный» за один только вечер первого дня перехода взорвалось две мины. Корабль лишился хода, через пробоину хлынула вода, и он вынужден был временно встать на якорь. Под беспрерывным огнем батарей и бомбами «юнкерсов» с корабля спустили на воду шлюпку-шестерку, и матросы, держась в отдалении от форштевня корабля, шестами отталкивали плывущие мины, предупреждая о них командира. Моряки «Славного» устранили повреждения, и на рассвете миноносец продолжил путь и вместе с другими кораблями дошел до Кронштадта, отремонтировался и затем успешно громил фашистов под Ленинградом.

На флагманском корабле-лидере «Минск» то и дело слышались доклады сигнальщиков:

— Взрыв слева пятнадцать градусов!

— Взрыв прямо по носу!..

И вдруг сам «Минск» начал медленно крениться на правый борт, одновременно садясь носом в воду. Взрыва никто не слышал. Корабль потерял ход. Четко сработала вся система борьбы за живучесть корабля, который принял шестьсот тонн воды. Был заведен пластырь, заделана громадная пробоина, откачана вода. Дали ход, но корабли все еще находились на минном поле.

Трудно передать, сколько испытаний выпало на долю наших людей и сколько героизма проявили матросы-балтийцы за время этого перехода!

При отходе из Таллина транспорт «Иван Папанин» принял на борт 3 тысячи бойцов, 200 машин и большое количество различных армейских грузов. Уже в начале пути транспорт был атакован подводной лодкой и самолетами. Искусно маневрируя, капитан Александр Петрович Смирнов уклонился от двух торпед и нескольких десятков бомб. На следующий день фашисты продолжали преследовать транспорт. При очередном налете в него угодили две бомбы. Капитан был ранен, но

остался на мостике. Ранило его помощника и многих членов экипажа. На судне начался пожар, горели автомашины на палубе. Пожарная магистраль была перебита, заклинило руль... Видя неизбежность гибели транспорта, капитан принял решение выброситься на южную оконечность острова Гогланд. Спасти судно не удалось, но люди были сняты и доставлены в Кронштадт.

Переход из Таллина продолжался около 30 часов со средней скоростью не более 10 км/час. 29 августа в 17.00 боевые корабли Балтийского флота отдали якоря на Большом Кронштадтском рейде. А уже на следующий день они включились в оборону Ленинграда: их мощная артиллерия громила фашистов, рвавшихся к городу. Доставленные кораблями и транспортами армейские и флотские части были направлены на фронт, влились в ряды защитников города...

Никто не забыт и ничто не забыто.

В целях увековечения славных побед, подвигов и памяти военных моряков приказом командующего дважды Краснознаменного Балтийского флота определены места, в которых экипажи боевых кораблей и вспомогательных судов при плавании отдают воинские почести. В этом приказе упомянут и маяк «Таллин».

По существующей традиции проходящие мимо маяка корабли, отдавая почесть погибшим героям, приспускают флаги.

Строительство маяка началось в 1967 г. Около 2500 м^3 лучшего гранита было уложено на дне для того, чтобы сделать надежную постель, на которой был смонтирован железобетонный массив-гигант диаметром в нижней части 26 м. Общая высота сооружения от отметки дна около 42 м.

«Таллин» — первый в нашей стране автоматизированный комплексный морской маяк, работающий без обслуживающего персонала.

В июле 1974 г. впервые в мире маяк «Таллин» переведен на автономное питание от трех стационарных радиоизотопных энергетических установок (РЭУ) типа ИЭУ-1, работающих на общую нагрузку: световой маяк, радиомаяк и систему телеуправления средствами навигационного оборудования (СНО).

Современные автоматизированные маяки — это сложные сооружения, по которым штурманы определяют место своего корабля, точно нанося его на карты. Система ограждения опасностей на море непрерывно совершенствовалась вместе с мореплаванием. Продолжаются изыскания по упрощению маячного оборудования, повышению его надежности и эффективности работы.

Усовершенствование маяков будет продолжаться все время, пока существуют океан и корабли.

Виктор Дыгало

КОРОТКО О РАЗНОМ

Роль опавших листьев

Вот уже более ста лет ботаники дают советы упрямым дворникам не убирать опавшие листья, а закапывать их у корней деревьев. За миллионы лет эволюции флора приспособилась накапливать в осенних листьях вещества, которые им пригодятся летом. Убирать опавшую листву,— значит, нарушать обмен веществ.

Этот закон выведен на основе наблюдений за европейскими породами. Действует ли он в других климатических зонах? Чтобы ответить на этот вопрос, английские ботаники несколько лет работали в странах Центральной и Южной Африки. И они убедились, что даже так называемые вечнозеленые деревья периодически меняют свой зеленый наряд и сбрасывают на землю сухие листья, чтобы они затем участвовали в круговороте веществ. Оказалось, что этот закон верен даже для алоэ — многолетних тропических трав.

ГОЛИАФЫ ГАЛАПАГОССКИХ ОСТРОВОВ

Неожиданно Джэи тронула меня за руку, и я остановился на тропинке.

— Тише,— сказала она,— я слышу их.

Я бросил мачете, прислушался и вот уловил то, о чем говорила моя жена. Это были низкие, стонущие звуки, едва различимые в шуме гейзера, доносившиеся из огромной скрытой в тумане кальдеры вулкана Алседо. Вулкан находится на острове Изабелла — одном из 13 больших островов в Галапагосском архипелаге, куда наша группа недавно прибыла с научными целями.

Мы с трудом спускались вниз по склону кальдеры, прорубая с помощью мачете путь сквозь густые заросли. На дне ее — там, где фумаролы извергали горячие газы, мы обнаружили источник этих грустных звуков. Это были голиафы Галапагосских островов — гигантские черепахи, у которых был период гона; звуки издавали самцы.

Сквозь туман мы различили несколько десятков темных, похожих на крупные валуны черепах. Бронированные гиганты неуклюже передвигались среди редкой травы и обломков скал по дну кальдеры. Они направлялись в сторону небольшого пруда, где намеревались провести ночь.

Благодаря удаленности Галапагосских островов от Южно-Американского континента на них сохранился уникальный животный мир. Далекие предки этих черепах, вероятно, также проводили ночи в этом пруду. Однако в наше время острова уже не изолированные кусочки суши, и бронированные гиганты, способные прожить более 150 лет, сегодня стоят перед неизвестным будущим.

Цель нашего приезда на Галапагосские острова — изучить экологию и поведение этих пока мало известных в мире животных. Среди всех холоднокровных существ, обитающих на суше, галапагосские гиганты — тяжеловесы. Сегодня эти уникальные животные находятся на грани исчезновения, поэтому они нуждаются в срочной защите и помощи во время размножения. Наши исследования в какой-то мере способствовали усилению мер по их охране.

В 1835 г. Чарлз Дарвин посетил Галапагосские острова, и острый глаз ученого подметил там структурные изменения у животных, птиц, растений. Впоследствии эти факты послужили своеобразным импульсом к открытию ученым теории эволюции. Записки Дарвина содержат много тонких наблюде-

Вот такие гигантские черепахи, похожие на старое испанское седло — «галапаго», и дали название Галапагосским островам. Сегодня эти острова — ценнейшая природная лаборатория на Земле. Животные и птицы, обитающие здесь, не боятся человека, и за короткий срок внимательный наблюдатель сможет увидеть много интересного. Но главное богатство Галапагосских островов — гигантские черепахи. Некоторые бронированные чудовища достигают в длину четырех футов и весят от 500 до 600 фунтов. Эта гигантская черепаха приползла в кактусовую рощу покормиться

ний за галапагосскими черепахами (Geochelone elephantopus), чьих потомков мы обнаружили в кальдере вулкана Алседо.

Со времен Дарвина люди уничтожили значительную часть черепашьего «населения» на двух островах, а те животные, которым удалось выжить, встречают сегодня много трудностей.

Галапагосские острова принадлежат Эквадору. В 1969 г. я и моя жена Джэн вылетели из Гуаякиля, главного порта страны, на остров Бальтра. С нами был доктор Уильям Ридер, мой консультант с зоологического факультета Висконсинского университета. На другой день мы перебрались на остров Санта-Крус, где остановились в научном центре имени Чарлза Дарвина, что в заливе Академия.

Итак, начались наши научные будни. Для поездок по островам мы пользовались самой обыкновенной лодкой. Прошли сотни миль пешком по островам — природной лаборатории, наблюдая за жизнью бронированных чудовищ, которых мы уже успели полюбить.

Вскоре наша группа отправилась в длительное пешее путешествие в черепаший заповедник, расположенный в юго-западной части острова Санта-Крус.

Устроив на острове полевой лагерь, мы совершали оттуда двух-трехдневные «вылазки» по большей части черепашьего заповедника.

Здесь обитает одна из крупнейших на архипелаге популяция черепах, насчитывающая от двух до трех тысяч особей таких же гигантских размеров, как и на других островах архипелага.

Ради удобства наблюдения мы стали нумеровать огромных самцов и давать им имена. Некоторые из них достигали четырех футов в длину и весили от 500 до 600 фунтов. Самки были примерно в 2 раза меньше.

Гигантские черепахи на Галапаґосах ведут неторопливый образ жизни. Где-то между 7 и 8 часами утра они медленно просыпаются, не двигаясь, лежат на солнышке около часа, пока их массивное тело не согреется. Затем, не торопясь, расползаются. Весь день они в основном пасутся: щиплют листья, траву, молодые побеги. Их меню весьма разнообразно. На наш взгляд, некоторые из «блюд» весьма неаппетитны. Так, черепахи с удовольствием уплетают жгучую крапиву, буквально объедаются небольшими плодами, напоминающими дикие яблочки. Сок их опасен, так как вызывает у человека сильные ожоги на коже. Животные охотно подбирают с земли плоды диких груш. Они небольшие и твердые, черепахи их любят.

Обычно в 4 или 5 часов вечера неторопливые гиганты прекращают кормежку и направляются к местам ночлега. На Галапагосах ночи довольно прохладны, поэтому одни черепахи проводят их, погрузившись в грязь или в воду в прудах кальдеры, другие заползают в густой кустарник. Это помогает им сохранить как можно дольше накопленное за день тепло, которое, по-видимому, способствует пищеварению у черепах. Так же как и у других рептилий, обитающих на Галапагосах, температура тела у бронированных гигантов зависит от температуры окружающей среды. С повышением внешней температуры интенсивность обмена веществ у черепах обычно усиливается, и, наоборот, с понижением температуры этот процесс слабеет.

Галапагосские черепахи довольно любопытны: стоит появиться новому предмету в месте их обитания, как они немедленно стремятся с ним ознакомиться. Однажды мы возвращались в наш «дом» из похода по острову, Джэн ушла раньше меня, и вот, подходя к палатке, я неожиданно услыхал ее крик:

— Крэг, скорее иди сюда! У нас здесь все разворочено, а я не могу сдвинуть с места это чудовище.

Вдвоем нам с трудом удалось вытолкнуть из палатки 450-фунтового гиганта, который был зарегистрирован у нас под номером 31.

Животное разорвало палаточное полотно и изжевало часть его. Помет и раздавленные пластиковые бутылки для воды валялись на полу. Громадный самец продемонстрировал свою мощь — пятигаллонная стальная канистра была расплющена на полу.

Ничто, пожалуй, не может нарушить неторопливый образ жизни у галапагосских гигантов. Исключение составляет лишь период гона, который происходит у разных пород черепах обычно между январем и августом. В это время возбужденные самцы без устали бродят по округе, стараясь найти себе подругу. Определив по запаху ее направление, он преследует самку и обычно начинает знакомство с устрашения: наступает на нее сзади, давит своим массивным панцирем, слегка пощипывает ей задние ноги до тех пор, пока она их не убирает, тем самым лишая себя возможности двигаться.

Галапагосские черепахи откладывают яйца в разное время, точнее, между июнем и декабрем. Самка ищет сухое место, обычно одно и то же из года в год, где кладка яиц получает достаточное количество солнечного тепла. Черепахи на острове Санта-Крус откладывают яйца 2 раза в год, причем в одно гнездо она может «снести» от 10 до 17 яиц — в среднем по 10 яиц в кладке.

В течение 2 дней мы терпеливо наблюдали за одной самкой, надеясь увидеть все секреты постройки гнезда. Однако черепаха все ползла и ползла, ударяясь о куски скал и давя траву и кустики, и вскоре после наступления вечера остановилась. Мне надоело ее ждать, и я отправился на поиски другой черепахи. Возвращаясь с «охоты», я услыхал, как Джэн зовет меня от палатки:

— Крэг, пригнись и осторожно иди сюда,— негромко крикнула она мне.— Я думаю, что она собирается рыть гнездо.

Я медленно подполз к стенке палатки и тихо спросил:

— Где она?

— В футах 30 впереди меня.

В течение нескольких часов я и Джэн с любопытством наблюдали за черепахой, как она рыла яму-гнездо. Мы были поражены, с какой силой и ловкостью, пользуясь только задними ногами, самка-черепаха аккуратно рыла яму, отгребая землю в сторону. Временами почва не поддавалась, и тогда животное испускало в яму жидкость для размягчения земли. Передние ноги непосредственно не участвовали в работе: ими черепаха лишь удерживала свое 150-фунтовое тело в наклонном положении на краю ямы.

Так черепаха трудилась в течение пяти часов. Но вот она остановилась, ее дыхание участилось. Затем живот-

Эта гигантская черепаха, весящая до 600 фунтов, способна своим панцирем расплющить стальную канистру. На снимке видно, как животное старательно приподняло свое массивное тело над землей, чтобы маленькие птички — вьюрки смогли удалить с его тела разных вредных насекомых. Необычный туалет, как правило, продолжается несколько минут. Такое любопытное «содружество» птиц и гигантских черепах в природе можно наблюдать на Галапагосских островах

ное немного подвинулось так, что его задняя часть оказалась точно над ямой-гнездом. И тут черепаха начала быстро шевелить своим небольшим толстеньким хвостиком.

Неожиданно белое круглое яйцо размером с бильярдный шар выскочило из-под хвоста и упало в яму. До дна было не менее 10 дюймов, но яйцо благополучно приземлилось. Толстая желатиноподобная оболочка прекрасно выдержала удар.

За 15 минут черепаха отложила 9 яиц. Едва последнее яйцо упало в гнездо, как животное медленно и осторожно опустило вниз свою толстую когтистую заднюю ногу и ловким движением уложило яйца в один слой на дне ямы-гнезда. Затем не спеша завалила гнездо землею толщиною в 6 дюймов. Этот слой был вполне достаточен, чтобы защитить яйца от жарких солнечных лучей и не дать зародышам погибнуть. Высохнув, верхний слой почвы образует корку, которая предохранит яйца от потери влаги, без чего зародыши также не выживут.

Мы установили, что инкубационный период у черепашьих яиц на Галапагосах продолжается до середины января — конца марта. Вообще же оказалось, что в различных гнездах этот период длится от 3 до 8 месяцев и зависит исключительно от погоды: чем она теплее, тем этот срок короче, и наоборот.

Черепаха закончила устройство гнезда в 5 часов 30 минут утра. Мне казалось, что мы с Джэн устали больше, чем животное, и утомленные поплелись в палатку спать.

Как бы мы ни были поражены всем тем, что делала черепаха во время устройства гнезда, однако еще более удивили нас те отношения, которые существовали между черепахами и другими живыми существами. Так, например, птички — желтая древесная славка, пунцовая мухоловка и лавовая ящерица охотились на мух и других насекомых, которые постоянно вились около глаз и других влажных частей тела

черепах. И все это гиганты переносили спокойно, без раздражения.

Однако еще более удивительное открытие в жизни галапагосских гигантов ждало нас впереди. Это случилось в кальдере небольшого острова Пинсон. Однажды туманным утром, когда я и Джэн только что проснулись, мы увидели громадную черепаху, медленно ковыляющую по каменистому склону. Неожиданно несколько маленьких птичек — вьюрков спорхнули с ближайшего куста и уселись на землю прямо перед мордой животного. Затем еще одна птичка опустилась черепахе на панцирь. Все они принялись весело щебетать и прыгать перед черепахой.

Неожиданно черепаха остановилась, наклонила голову и,как нам показалось, добродушно взглянула на маленьких пичужек. Затем она вытянула шею и приподняла свое массивное тело над землею так, что ее ноги выпрямились и стали похожи на кривые столбики. В таком странном положении животное замерло.

Тут все птички взлетели и сели черепахе на шею, ноги, голову и стали внимательно осматривать ее кожу, время от времени склевывая насекомых.

Придвинувшись поближе, мы увидели, что вьюрки ловко удаляли клещей с кожи черепахи. Животное даже не моргало, когда маленькие санитары склевывали вредных насекомых из уголков ее глаз, рта, ноздрей. Этот утренний туалет продолжался пять с половиной минут, и все это время черепаха терпеливо стояла на вытянутых ногах.

Но вот птички закончили свой осмотр, вспорхнули и улетели, а черепаха, втянув шею в панцирь, тяжело опустилась на землю.

Позднее мы не раз были свидетелями подобных сценок. То, что в природе существует подобный симбиоз между птицами и животными, мы, конечно, знали. Известно, что птицы садятся на спины диких животных и ловят там паразитов. В Африке можно даже наблюдать такую картину: в раскрытую пасть крокодила смело заходят маленькие птички и склевывают с зубов животных остатки пищи. Однако о «содружестве» птиц и черепах мы никогда не слыхали. Безусловно, оно выгодно обеим сторонам.

В глубокой древности громадные черепахи — далекие предки нынешних галапагосских гигантов — бродили по равнинам Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Однако в конечном счете все они исчезли с лица земли. Что же вызвало их вымирание? Возможно, зимы стали более суровыми? А может быть, появились новые хищники? Одна из теорий предполагает, что гигантские черепахи были уничтожены доисторическим человеком. И все же исчезновение гигантских черепах до сих пор остается тайною.

К XVI в. неповоротливые гиганты уцелели лишь в двух местах — на Галапагосах и на островах в западной части Индийского океана. Сегодня только один из некогда обитавших в Индийском океане видов черепах живет на атолле Альдабра, находящемся в 400 километрах от побережья Танзании.

В XVII столетии люди распознали вкус мяса галапагосских черепах. Пираты безжалостно набивали трюмы своих кораблей живыми «консервами». Без пищи и воды черепахи оставались в живых в течение 18 месяцев и были все еще достаточно жирны и мясисты, когда в конце концов попадали в корабельный котел.

В XIX в. американские и английские китобои нанесли черепашьему населению Галапагос непоправимый урон. Полагают, что за это время пираты, китобои, купцы и охотники за тюленями уничтожили по меньшей мере от 200 до 300 тысяч гигантских черепах.

Уничтожение продолжалось почти до настоящего времени. Так, в 30-е годы, вспоминает работник научного центра Андерс Рамбеч, браконьеры уничтожили сотни, а может быть, и тысячи неповоротливых гигантов на острове Санта-Крус. Они снаряжали караваны ослов в глубь острова, где устраивали настоящую бойню беззащитных животных. Сняв с них панцирь, они закладывали мясо в котел и вытапливали жир. Готовый продукт в бочонках вывозили на ослах на побережье, а затем отправляли на континент. Это был выгодный бизнес.

К счастью, сегодня люди уже не являются серьезными врагами гигантских черепах. Правда, браконьеры еще не перевелись. Тем не менее люди подвергли этих беззащитных животных новым опасностям, неосторожно завезя на острова крыс и домашних животных (коз, свиней, собак, кошек), которые здесь быстро дичают. Особенно опасны для черепах крысы, ведь они размножаются очень быстро, и бороться с ними нелегко. Так, крысы и свиньи разрывают черепашьи гнезда и поедают яйца. Мы сами видели на острове немало разрушенных черепашьих гнезд, а рядом валялись кучи скорлупы от черепашьих яиц. Собаки, свиньи, крысы и кошки нападают и на маленьких беззащитных черепашек, пока их панцирь еще не окреп. Не менее опасны и козы, которые быстро дичают и, поедая всю

растительность, превращаются в настоящий бич для менее приспособленных к борьбе за существование неповоротливых гигантских черепах.

Как ни странно, но Галапагосский архипелаг неожиданно превратился в настоящую туристскую Мекку, выдвигая тем самым новые проблемы не только для гигантских черепах, но и для всей уникальной природы островов. Так, если в 1969 г. сюда прибыло всего около 200 туристов, то на следующий год ожидался заезд от 5 до 6 тысяч человек. Стало ясно, что туристские группы необходимо ограничить по численности и обеспечить опытными гидами.

И вот сегодня уже появилась надежда, что удастся сохранить главное богатство Галапагосских островов — гигантских черепах. В 1959 г. правительство Эквадора объявило острова национальным парком — заповедником.

В 1959 г. под эгидой ЮНЕСКО и правительства Эквадора был создан Фонд Чарлза Дарвина для изучения и сохранения флоры и фауны Галапагосских островов. Для выполнения этих благородных задач на острове Санта-Крус был организован научный центр имени Чарлза Дарвина. Там мы и проводили большую часть нашего времени, работая вместе с учеными из национального парка-заповедника над осуществлением научных планов по охране гигантских черепах.

Браконьерству местных поселенцев — этой вечной проблеме на острове — был нанесен чувствительный удар благодаря организации постоянной охраны этих редких животных. Службе контроля на острове удается поддерживать число диких коз и свиней на довольно низком уровне.

Работники научного центра привезли 11 животных этой породы на остров Санта-Крус и поместили их в спецзагон, где они со временем образовали семейные пары. И вот в 1970 г. животные устроили уже несколько гнезд. Яйца из них были вынуты и помещены в хорошо прогреваемые солнечные инкубаторы. В начале 1971 г. пришла удача — на свет появились 19 здоровых черепашек. Через 4 или 5 лет, при достижении веса от 3 до 10 фунтов, они будут возвращены в нормальные природные условия.

Это было хорошим началом, и работу продолжили. Теперь яйца и других пород бронированных гигантов, находящихся на грани исчезновения и на других островах, также были заложены в солнечные инкубаторы в научном центре. И вот результат — там успешно растут и набираются сил уже 240 молодых черепах шести пород.

Еще совсем недавно на небольшом острове Пинсон обитало всего-навсего 150 старых, испытавших немало трудностей в жизни взрослых черепах.

Первые яйца пинсонских гигантов были доставлены в научный центр на Санта-Крус в 1965 г. С тех пор каждый год туда доставлялась новая партия яиц, из которых появлялись маленькие симпатичные черепашки.

В ноябре 1971 г. я, доктор Ридер и несколько рабочих центра во главе с Петером Крамером — директором научного центра отплыли на Пинсон с ценным грузом. У нас в лодке находились 50 маленьких черепах в возрасте от 4 до 6 лет. При весе от 3 до 12 фунтов они уже могли успешно противостоять атакам крыс, которых работники станции надеялись уничтожить.

Утром после восхода солнца мы с трудом доставили 22 молодые черепахи в рощу диких груш, расположенную в кальдере вулкана. Рабочие освободили животных, и через несколько минут все черепашки расползлись по местности. Некоторые животные, почувствовав свободу, становились в «боевую» позу друг перед другом, другие тотчас же принялись за еду, и по всему было видно, что они чувствовали себя здесь отлично, ведь они вернулись в родную стихию.

На следующий день остальные молодые черепашки были выпущены в двух других районах острова. Затем доктор Ридер и я посетили район кактусовой рощи, где 10 месяцев назад я также участвовал в экспедиции по возвращению на остров Пинсон первых 20 пятилетних черепашек с целью восстановления популяции местных бронированных гигантов.

Итак, мы нашли наших подопечных в отличном состоянии. Каждое животное было нами тщательно осмотрено, взвешено и измерено. Вес их удвоился. Ни на одной черепашке мы не обнаружили следов укусов крыс. Закончив эту, я бы сказал, довольно приятную для исследователя работу, мы присели отдохнуть и с удовольствием наблюдали, как будущие голиафы Галапагосских островов не спеша расползались по своим делам. Они были дома.

Крэг Макфарленд
Перевод с английского
Аркадия Акимова

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Прижата к морю горами узкая полоса курортной зоны Южного берега Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Здесь на учете каждый гектар земли. А море неумолимо наступает на сушу и поглощает все новые участки прибрежной территории. Взяв разгон на огромных морских просторах, волны со строгой методичностью набегают на берег, крушат и точат прибрежные скалы, уносят с собой миллионы тонн песка и гальки.

Кроме того, здесь идет и другой природный процесс. Мы живем в послеледниковый период, когда таяние остатков древнего ледника ведет к пополнению водных запасов Мирового океана, а значит, и к подъему его уровня. Правда, эти «остатки» довольно внушительны: в северной и южной ледяных шапках планеты и в ее высокогорных областях сосредоточено почти $^2/_3$ всех пресных вод на земном шаре. Если бы эти льды вдруг растаяли, то уровень Мирового океана поднялся бы сразу на 70 м. Трудно даже представить, каким бедствием это было бы для человечества! К счастью, подъем уровня Мирового океана идет медленно, всего 4—7 мм в год. Но за сотни и тысячи лет эти «маленькие» миллиметры могут превращаться в «большие» метры. Поэтому знать, как поведет себя море в будущем, поглотит ли еще одну полосу прибрежной территории, остановит ли свое наступление или отступит от берега,— чрезвычайно важный вопрос сегодняшнего планирования застройки курортной зоны, размещения на ней санаториев, пансионатов, домов отдыха.

Любое научно обоснованное предсказание, любой прогноз немыслим без эпигноза, т. е. изучения прошлого. Зная характер поведения моря в прошлом, найдя закон многолетних колебаний уровня воды, можно предвидеть его изменение и в перспективе.

Строители античных и средневековых морских причалов, молов и маяков, наверно, и предположить не могли, что кроме всего прочего они устанавливают «верстовые столбы» времени, по которым сегодня можно проследить колебания уровня моря за прошедшие века и тысячелетия.

Наиболее точным «инструментом» для таких измерений могут служить многочисленные здания и сооружения древних, оказавшиеся ныне затопленными. Строгость датировки времени их строительства и четкость определения глубины залегания под поверхностью

воды позволяет с высокой степенью достоверности фиксировать вековые колебания уровня моря.

Особенно мы должны быть благодарны древним грекам, города которых, по выражению Цицерона, «расположились вокруг Средиземного моря, как лягушки вокруг пруда». Большое число портовых городов выросло в V—IV вв. до н. э. и у нас в северном Причерноморье, на берегах Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Диоскурия-Себастополис, Херсонес, Ольвия, Фанагория и другие — города, большая часть территории которых лежит ныне на морском дне. Это может означать лишь одно — за прошедшие со времени их строительства века уровень моря поднялся. Казалось бы, все ясно. Но вот, Херсонес...

Сооружения одного из крупнейших городов-портов древнего мира — Херсонеса Таврического стоят на восточном берегу Крымского полуострова уже более 2500 лет. Древнегреческие, древнеримские и византийские улицы, площади и дома рыбаков и торговцев, склады и магазины, храмы-базилики детально изучены, описаны и датированы. Их местонахождение, ориентирование, принадлежность ни у кого никаких сомнений не вызывают.

А вот в отношении оборонительных сооружений Херсонеса споры не затихают уже десятки лет. Непонятным представляется то, что расположение 3 рядов крепостных стен города, подробная датировка которых дана директором Херсонесского музея-заповедника И. А. Антоновой, противоречит имеющимся представлениям о наступлении моря на сушу. Дело в том, что самые старые крепостные стены стоят далеко от современного берега, а более молодые подходят к самому морю.

Это кажется по меньшей мере странным. Ведь известно, что самым уязвимым и самым ответственным районом древнего приморского города был его порт, который и защищался от врагов, нападавших со стороны моря, толстыми каменными стенами. По устоявшимся правилам античной и средневековой портовой фортификации оборонительные стены обычно строились у самой воды, что давало возможность отгонять вражеские корабли от города. Поэтому построенные в разное время ряды крепостных сооружений Херсонеса, несомненно, должны отмечать и границу «суша — море». А если так, то остается признать удивительный факт: 3 раза перестраивавшаяся крепость Херсонеса следовала за отступавшим урезом воды и, следовательно, море не наступало на берег, как считалось раньше, а, наоборот, отступало.

В этом и состоит парадокс Херсонеса, отмеченный рядом исследователей, которые сопоставили результаты херсонесских измерений с такими же наблюдениями в Ольвии (устье Днепра), Фанагории (Таманский залив) и других местах Причерноморья. В итоге всеобщее признание получило мнение, что херсонесский феномен вовсе не исключение из правил, а подтверждение высказанного еще раньше предположения о всеобщем понижении уровня Черного моря в XIV—XV вв. Этот процесс даже получил херсонесское название: корсунская регрессия (отступление) моря (Корсунь — древнерусское название средневекового Херсонеса).

А что происходило дальше, как развивались события в более позднее время? Выйдем на берег Карантинной бухты — внутреннего рейда древнего херсонесского порта. У самого берега, а то и под водой лежат глыбы серого бугристого песчаника. А рядом спускаются прямо в воду высокие ровные ступени каменной лестницы. Эти загадочные ступени снова путают все карты и вызывают новые вопросы. Почему они уходят под воду, почему их затопило? Ведь мы только что установили, что уровень моря понизился.

Один из возможных ответов на этот вопрос был получен совершенно неожиданно, когда летом 1982 г. по фарватеру Карантинной бухты прошла землечерпалка, снявшая со дна слой заиления и обнажившая более глубокие слои грунта. На глубине 2,5—3 м от поверхности воды на дне Карантинной бухты, в 20—25 м от берега, были обнаружены затопленные развалы каменной кладки шириной до 1,5 м и длиной около 30 м. А если учесть найденную здесь же в 60-х годах нашего века затопленную ромбовидную башню, состоящую из двух каменных поясов и направленную тупым углом к морю, то можно предположить, что найдена еще одна стена Херсонеса, причем самой поздней постройки.

Следовательно, прошедший здесь дноуглубительный снаряд не только вскрыл природные донные отложения, но и сделал раскоп в культурном слое, который накопился у городской стены Херсонеса и который ныне затоплен морем. Значит, мы имеем дело с новым этапом трансгрессии (наступления) моря, который продолжается и по сей день.

Таким образом, корсунская регрессия Черного моря вовсе не противоречит общей тенденции наступления Мирового океана на сушу, связанного с

таянием ледников планеты. Более того, оказалось, что такие понижения уровня моря имели место и в более далеком прошлом. Их следы, как на страницах летописной книги, отпечатались в слоях древнего морского ила, содержащего целые кладбища моллюсков, лежащих под толстыми пластами более поздних отложений. Эти ныне погребенные бывшие морские террасы и пляжи играют ту же роль, что и портовые сооружения затонувших городов, построенных в историческое время. Они показывают, что Черное море только в течение последнего четвертичного периодв истории Земли неоднократно понижало свой уровень и понижения эти достигали десятков метров.

История Черного моря... А вдруг не моря, вернее, не только моря? Быть может, это история суши?

Побережье Крыма и Кавказа опускается вниз, к центру Земли. Конечно, это не значит, что жителям Ялты грозит погружение в раскаленную магму. Скорость опускания составляет всего 1—3 мм в год! Однако за века и тысячелетия эта величина достигла бы целых метров, и тогда ее можно было бы признать причиной затопления древних городов.

Надо найти объяснение и колебаниям поверхности земли во времени и показать, почему берег Херсонеса то поднимался, то опускался. Может быть, это связано с тем, что в течение веков колебания земной поверхности здесь носили разнонаправленный характер: в V—IV вв. до н. э. они приводили к подъему, а в IX—X вв. н. э. начался процесс опускания земли? Тектонические силы из недр планеты, как подземные качели, раскачивали земную поверхность вверх-вниз.

Так что же, значит, не море наступает на сушу, в суша опускается и все наши предыдущие рассуждения о вековых колебаниях уровня Черного моря несправедливы? Оказывается, далеко не везде земная поверхность опускается. Так, северные районы европейской части СССР в отличие от южных, наоборот, поднимаются. Более того, даже в пределах того же Крыма вертикальные колебания имеют разный знак: всего в нескольких километрах от опускающейся Ялты горный район Ай-Петри — поднимается.

По-видимому, и в прошлом не было одновременного подъема (или опускания) всех берегов Черного моря. Во всяком случае об этом свидетельствует хотя бы судьба малоазийского города Эфеса, который у древних греков был таким же важным морским портом, как ныне Лондон или Одесса, а сегодня он отстоит от моря на много километров. В то же время античный морской порт Тира со своими двумя гаванями затоплен и лежит нв дне морском.

Итак, неравномерность и неоднозначность направления вертикальных колебаний земной коры — несомненный факт. Следовательно, только по воле внутренних сил Земли древние города, расположенные в разных географических точках, затонуть не могли. Здесь явно действовал общий процесс эвстатического*, как говорят ученые, подъема уровня Мирового океана, на фоне которого и действовали тектонические силы, существенно влиявшие в районе Херсонеса и в других местах на результирующую величину.

Теперь невольно возникает сомнение: о каком приоритете той или иной причины затопления древних морских городов можно говорить, если, как мы только что убедились, ни уровень моря, ни поверхность земли не могут быть безоговорочно приняты за устойчивую, неизменяющуюся линию отсчета? С чем же сравнивать? Ведь даже знаменитый нуль Кронштадтского футштока, лежащий в основе наших топографических планов и карт, строящихся в балтийской системе координат, лишь относительная отметка, которую можно считать эталоном, и то на какой-то определенный отрезок времени, и она может оказаться совершенно непригодной через 100—200 лет.

Большую роль в глобальных наблюдениях за поверхностью нашей планеты могут сыгрвть искусственные спутники Земли — на их строго рассчитанные и зафиксированные орбиты не могут повлиять ни колебания уровня моря, ни глубинные силы планеты. Вполне вероятно, что в будущем все многолетние геодезические измерения поверхности континентов и Мирового океана будут производиться только из космоса.

Кстати, наблюдения из космоса дают возможность не только вести измерения поверхности земли и моря, но, как это ни удивительно, позволяют взглянуть и в их глубины. Позволяет это делать так называемый эффект интегрирования, который был обнаружен еще во времена становления воздухоплавания. Сверху, с аэроплана, отдельные детали ландшафта, как бы соединяясь друг с другом, образуют единое целое. Например, кажущиеся внизу хаотически разбросанными холмы с птичьего полета видятся слитыми

* Эвстатические колебания — медленные («вековые») колебания уровня Мирового океана, вызываемые изменением общего объема его воды *(Прим. ред.)*.

в целые нагорья и хребты, а отдельные ннзины н западнны вытягиваются в русла протекавших когда-то в тех местах рек. Скрытые почвенными слоями, коренные горные породы как бы выходят нз-под земли на поверхность, отдельные элементы подземного рельефа складываются в целые комплексы.

Так, в свое время под рыхлыми поверхностными отложениями Устюрта аэрофотосъемка позволила найти продолжение Уральских гор в Средней Азии. А летом 1934 г. с самолета был обнаружен известный по сообщениям античных географов знаменитый фннпкийский морской порт Тнр. Хотя, конечно, и раньше ученые находили под водой отдельные фрагменты затопленных молов и причалов этого города, но только «взгляд» сверху дал возможность как бы «снять» со дна слой воды н объединить разрозненные развалы древних каменных сооружений в единое целое. Точно так же вырнсовываются сверху общие планы н миогих других затопленных городов Средиземноморья, таких, как, например, Эпидавр, Сидон н другие.

Затонувшие города. Сколько волнующих тайн, сколько будоражащих воображение предположений вызывают их седые стены, обросшие водорослями н ракушками?! Кажется, вот она, истина, такая простая и понятная. А появляются новые факты, н рождаются иовые гипотезы, возникают новые вопросы.

Так ли уж медленно н незаметно, как нам кажется, шел процесс погружения древних городов в моря? Не иосил ли он разрушительный характер бедствий, землетрясений, провалов, оползней?

При изучении пятикратиой смены иаправления вертикальных движений террнторнй Херсонеса за 2,5 тыс. лет его существования было замечено, что эти колебания сопровождались н «мертвыми пернодами» в истории города, когда жнзнь его замирала, экономика н культура прнходили в упадок. Это вполне можно объяснить происходившим в это же время катастрофически быстрым затоплением городских кварталов н жизненно важных цеитров города, таких, как порт.

Огромные волны иабегали на берег, море неудержимо иаступало на прибрежную, пониженную часть города, заглатывая одно за другим инженерные сооружения морского порта. Так погружались под воду грузовые причалы, волиоотбойные молы, маяки, склады, торговые лавки, жилые дома, крепостные стены и башни. Здесь же, иа Гераклейском полуострове, в соседних бухтах — Стрелецкой и Круглой под воду ушли сельскохозяйственные угодья-клеры, прямоугольные участки земли, отгороженные друг от друга каменными межевыми оградами.

Древнегреческий Херсонес был городом-полисом, которому подчинялась так называемая хора — целая сеть поселений н городов западного побережья Крыма. Вместе со своей столицей затонули сооружения Калос-Лимена, Беляуса, Панского, Лазурного, Кальчукского. Погрузились под воду н стены Керкинитиды (на месте современной Евпаторнн) — одной нз первых греческих колоний на западном берегу Крыма.

О тех драматических событиях в районе нынешней Сухумской бухты говорят найденные иа ее дне развалины крепостных стен, амфоры, пифосы, жернова мельниц для обмолота зериа, большие каменные ступы н другие предметы домашнего обихода. Если бы море не наступало на сушу катастрофнчески быстро, если бы не было потопа, разве побросали бы домовитые греки свон жилища н бытовые предметы?

В тихую погоду под килем лодки, плывущей по Таманскому заливу, видны затонувшие улицы н площади античиой Фанагории — второй столицы знаменитого Боспорского царства, просуществовавшего на восточном берегу Крыма почти тысячу лет. Отсюда, с глубины 2 м в середине прошлого века рыбакн подняли со дна две прекрасные мраморные скульптуры серых гривастых львов, стоящие ныне иа набережиой в Феодосии у входа в Исторический музей. Кстати, в той же феодосийской гавани обнаружен затопленный мол с хорошо сохранившимися сосновыми сваями.

Происшедшне когда-то в районе Причерноморья и Средиземноморья наводнения и землетрясения запечатлены н в памяти живших здесь народов. Летописные свидетельства, мифы н сказания о затонувших городах, дворцах и храмах отражают действительные события древиости.

Так, неизвестный итальянский средневековый автор рассказывает в нсторическом очерке «Ragusini anonimi» о катастрофе, которая явилась, очевидно, причиной гибели Эпидавра, крупного античного порта, лежащего ныне на дие Адриатического моря. «В тот год,— пишет этот очевидец,— случилось во всем мире землетрясение... Море покинуло берега свои... н все повернулось вспять, к хаосу, который н был началом всех начал. И море выбросило на берег корабли и разметало их по скалам. Когда жители Эпидавра увидели

это, то устрашились они силы волны и убоялись, что горы-волны хлынут на берег и что город будет ими весь разрушен».

Далее рассказывается, что горожане обратились к богу с мольбой о пощаде, он, сжалившись над ними, якобы остановил стихию. После этого море перестало наступать на сушу, и оставшаяся часть Эпидавра была спасена. Она-то и дожила до наших дней.

В древнегреческом мифе об аргонавтах говорится о землетрясении, происшедшем на Черноморском побережье Кавказа, в Колхиде: «Тотчас вокруг раскатился гром. Казалось, сонные горы поколебались. С протяжным стоном расселась земля. Мертвый холодный ветер, крутясь, рванулся из трещин. А вслед за его порывами вышла из расселин великая богиня Геката ночная, Геката подземная... Вой, стоны, скрежет доносились из-под земли, и далеко вокруг, в платановых лесах Колхиды, послышались испуганные вопли...» Не здесь ли ключ к разгадке тайны древнегреческой Диоскурии, опустившейся на дно моря?

У древних греков существовали мифы о четырех крупных потопах, которые имеют прямое отношение к нашей теме. Первый и наиболее сильный потоп произошел по приказу властителя морей Посейдона, который, осуществляя волю своего брата, великого громовержца Зевса, залил морскими водами всю землю, погубив весь тогдашний греческий мир. От потопа спасся Девкалион, сын титана Прометея, давшего людям огонь и прикованного за это к скалам Кавказа (случайна ли эта связь с местом гибели причерноморских городов?). На десятый день от начала потопа корабль Девкалиона и его жены Пирры причалил к вершине горы Парнас, которая, единственная, не затонула. Другой герой мифа о потопе, Дардан, спасся от смертельных волн в Малой Азии. Это имя опять ведет нас к Черному морю—от него произошло название пролива Дарданеллы.

Существует давно устоявшееся и ставшее традиционным представление о том, что так называемая великая греческая колонизация (VIII—V вв. до н. э.) была вызвана перенаселенностью Эллады, имевшей ограниченную территорию с малоплодородной каменистой почвой. Называются и другие социально-политические причины, такие, как высокая торговая активность древних греков, экспансионистские устремления правящей верхушки общества и т. п.

Однако почти никто из историков древнего мира не обращает внимания на приведенные выше свидетельства катастрофических природных процессов, которые не могли не потрясти тогдашний мир и не перекроить его географическую карту. Вполне вероятно, что и переселение в Херсонес жителей Гераклеи Понтийской (ныне Эрегли, Турция) было связано с одним из землетрясений, которые в те времена были нередки на восточном побережье Эгейского моря. Точно так же могла быть, очевидно, основана на черноморском берегу Кавказа жителями Милета греческая колония Диоскурия. Не до конца ясна и причина гибели знаменитой гомеровской Трои, открытой Шлиманом на западном побережье Малой Азии. Хотя она так же, как расположенный южнее Эфес, ныне отстоит от моря почти на 8 км, это связано не с медленными колебаниями земной поверхности, а с более поздним накоплением аллювиальных отложений реки Иллис. Нельзя полностью исключать возможность происхождения холма Гиссарлык с руинами Трои вследствие древнего землетрясения.

Разгадка тайны колебания уровня Мирового океана, открытие законов перемещения границы «суша—море», запечатленных в каменных развалинах Херсонеса и других затонувших городов древности, помогает прогнозировать будущее Причерноморья, одного из самых населенных и бурно развивающихся районов нашей страны.

Геннадий Разумов

Масло из можжевельника

Монгольские ботаники нашли в северо-западной части своей страны несколько видов можжевельника, из плодов которого можно получать ароматическое и целебное масло.

В первую очередь масло заменит европейский экстракт жасмина при производстве мыла. Несколько капель этого состава достаточно, чтобы сотни литров национального тонизирующего напитка приобрели аромат леса. Масло из можжевельника войдет и в лечебные средства от ревматизма и мигрени.

ОСТРОВ СВ. ЭФЕРИЯ

Киевская Русь. Это интереснейшая и неисчерпаемая тема, над которой не один десяток лет плодотворно работают историки, археологи, географы, филологи и другие ученые. Важные исторические события этого периода привлекают к себе пристальное внимание как специалистов, так и всех, кто интересуется далеким прошлым нашей страны. Здесь много интересных сюжетов, тайн, загадок. Одна из таких загадок связана с островом Св. Эферия.

Об этом острове сообщает нам византийский император Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении государством». В этом произведении собраны ценные сведения о внешнеполитической и внутренней жизни Руси. Интересно описание торгового пути по Днепру и Черному морю, которым караваны русских судов везли свои товары в Византию. Пройдя днепровские пороги, как пишет автор, «они плывут около четырех дней, пока не достигнут лимана, составляющего устье реки; в нем есть остров Св. Эферия. Пристав к тому острову, они отдыхают там два-три дня и опять снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами, мачтами и реями, которые привозят с собою».

Краткое упоминание об острове Св. Эферия содержится также в «Повести временных лет». По словам летописца, согласно договору князя Игоря с греками, русским запрещалось зимовать «в устье Днепра, Белобережье, у острова Святого Эферия».

Вопрос о происхождении названия острова ясен и никаких споров не вызывает. Довольно подробное и ясное объяснение мы находим в книге «Жития святых». Суть его вкратце такова. Херсонесский епископ Эферий, живший во второй половине IV в., возвращался морем из города Константинополя (совр. Стамбул) в Херсонес, но в пути занемог и вынужден был пристать к острову Алсос, где и скончался. Здесь его похоронили верные спутники и установили памятник. Растущие здесь высокие деревья издали указывали могилу епископа. А остров стал называться его именем.

Местоположение острова ясно: район устья Днепровского лимана. Но где именно? Какой конкретный остров назывался этим именем? Споры об этом ведутся уже более ста лет, но к единому мнению ученые так и не пришли.

Днепровский лиман. Это один из крупнейших черноморских лиманов. Образованный Днепром перед впадением в море, он ограничен справа коренным берегом, а слева — Кинбурнской косой. Его устьем принято считать район современного города Очакова, где выдающийся в море Очаковский мыс и лежащая напротив оконечность Кинбурнской косы заметно сужаются. Здесь заканчивается лиман и начинается открытое море. Примерно в 10 км к западу, в прибрежной зоне моря, расположен небольшой скалистый остров Березань. Других островов в этом районе нет, и ученые еще с начала XIX в. отождествляли Березань с островом Св. Эферия.

Но появились возражения, и довольно серьезные. Одним из первых их высказал известный исследователь второй половины XIX в., основатель Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевич. Анализируя уже устоявшееся мнение о тождестве Березани с островом Св. Эферия, он обратил внимание на следующие несоответствия. Во-первых, на Березани вообще нет никаких деревьев. Здесь колышутся лишь степные травы да изредка встретится какой-нибудь кустик. А в «Житиях святых» говорится о высоких деревьях, которые издали указывают могилу святого Эферия. Во-вторых, Березань находится в море, тогда как остров Св. Эферия расположен, как сообщает Константин Багрянородный, в самом лимане. Исходя из этого, Н. Н. Мурзакевич выступил против отождествления острова Св. Эферия с Березанью и предложил искать могилу святого на Кинбурнской косе.

Через некоторое время Ф. К. Брун, один из крупнейших специалистов по древней географии Причерноморья, опубликовал специальную статью под названием «Остров Св. Эферия». Вывод был твердым и категоричным: «Поелику же пред устьем Днепра других островов нет, кроме Березани, названного древними Борисфеном, то и не подлежит сомнению, что он именно назван императором островом Св. Эферия».

К иному заключению пришел другой известный исследователь района Поднепровья, П. О. Бурачков. По его мнению, остров Св. Эферия, «конечно, должен относиться к острову Тендре, так как по пространству своему, по изобилию воды и дровяного леса представляет более удобства для стоянки, нежели крошечный, скалистый остров Березань». Так появился третий претендент на отождествление с островом Св. Эферия — остров Тендра. В настоящее время Тендрой принято называть длинную песчаную косу, простирающуюся к юго-востоку от устья Днепровского лимана. Но в позднем средневековье и вплоть до XIX в. западная оконечность этой косы была отделена от остальной части и считалась отдельным островом, также называемым Тендрой.

Гипотезу П. О. Бурачкова подверг критике крупный ученый того времени В. Г. Васильевский. Он присоединился к мнению Ф. К. Бруна и категорически подчеркнул, что остров Св. Эферия «есть именно Березань, а не Тендра». Благодаря авторитету Бруна к этому мнению присоединились многие ученые. Отождествление острова Св. Эферия с Березанью стало, можно сказать, общепринятым.

Но в конце XIX в. спокойствие вновь было нарушено. В. В. Латышев, крупнейший знаток древностей Северного Причерноморья, опубликовал статью «Об острове Св. Эферия», в которой подробно рассмотрел вопрос о его местоположении. Детальный и скрупулезный анализ привел ученого к выводу о том, что Березань не соответствует описанию древних авторов.

Где же тогда искать этот остров? Его предшественники разошлись во мнениях: Мурзакевич обратился к Кинбурну, Бурачков — к Тендре. Но ни та, ни другая сторона не могла представить убедительных аргументов в свою пользу. Латышев же, анализируя имеющиеся данные, высказал еще одно интересное мнение. Прекрасный знаток древней истории Северного Причерноморья, он обратил внимание на первоначальное название острова — Алсос. В переводе с древнегреческого оно означает «роща». А античные авторы, в частности Птолемей и Аммиан Марцеллин, указывают в рассматриваемом районе Рощу Гекаты. Следовательно, заключил ученый, Алсос, или остров Св. Эферия, есть не что иное, как Роща Гекаты. А она находилась, по общепризнанному мнению, на Кинбурнской косе. Значит, здесь и был указанный остров.

Но Кинбурнская коса представляет собой не остров, а полуостров. И это, как отмечает сам В. В. Латышев, является основным препятствием для отождествления ее с островом Св. Эферия. «Но при этом, — пишет он далее, — нельзя забывать, что между временем этих свидетельств об «острове» и нашим временем прошло более 900 лет, в течение которых очертания Днепровского лимана и окружающих его местностей могли значительно измениться». И историк обращается к работам геологов, изучает строение косы. Его внимание привлекает множество маленьких озерец и луж, рассеянных по всему Кинбурну. Сопоставляя имеющиеся данные, В. В. Латышев предположил, что эти озерца «в прежние времена весьма легко могли быть в связи между собою и образовать пролив, соединявший Днепровский лиман с Ягорлыцким заливом». Далее он высказал следующую мысль: «Если возможно, таким образом, предположить существование пролива на нынешнем Кинбурнском полуострове, то отделенная этим проливом к западу часть полуострова и могла быть островом Св. Эферия». Однако ученый прекрасно видел не только сильные, но и

слабые стороны своей гипотезы, хорошо понимал, что она нуждается в дальнейшей проверке, требует проведения специальных исследований.

Но случилось так, что статья В. В. Латышева осталась без внимания. Она появилась уже после смерти Н. Н. Мурзакевича, П. О. Бурачкова, Ф. К. Бруна и других исследователей, занимавшихся поисками острова Св. Эферия, и уже некому было соглашаться или опровергать высказанные выводы и предположения.

В последние годы в Северо-Западном Причерноморье вновь развернулись исследования по древней географии этого края. Результаты историко-археологических и палеогеографических работ открыли новые возможности для решения многих проблем средневековой географии. Так, при комплексном изучении указанного региона появилась необходимость ближе познакомиться с вопросом об острове Св. Эферия, с историей его поисков и оживленными дискуссиями прошлого века.

Новейшие палеогеографические исследования позволили выявить одно крайне важное обстоятельство. Специалистами давно уже и бесспорно установлено, что уровень Черного моря в древности был ниже современного. А этот факт имеет самое непосредственное отношение к Березани. Дело в том, что она стала островом сравнительно недавно. Ранее здесь был выдвинутый далеко в море мыс, оканчивающийся высоким скалистым останцом. С повышением уровня море размыло и затопило перемычку и превратило останец в остров. И теперь достаточно понизить уровень на 1,5—2 м, и Березань вновь соединится с материком. А в IV в., как показывают работы П. В. Федорова, К. К. Шилика и других советских геологов и палеогеографов, уровень Черного моря был на несколько метров ниже современного, и Березань, надо полагать, представляла собой не остров, а полуостров, на что уже указывал К. К. Шилик. Таким образом, выясняется, что во время плавания Эферия острова Березани еще не было, и епископ никак не мог пристать сюда и скончаться здесь.

Тендра также не подходит для отождествления с указанным островом. Во-первых, она фигурировала как остров лишь в последние столетия. Во-вторых, она находится не в Днепровском лимане, а в открытом море. В третьих, Тендра лежит почти на 30 км в стороне от курса древнерусских кораблей. Уходить туда, в бушующее море из спокойного лимана для отдыха и ремонта—по меньшей мере неразумно. В-четвертых, разместить несколько сотен кораблей там, так же как и на Березани, невозможно. В-пятых, в этом месте нет и не было никаких деревьев. Страбон, например, характеризует эту оконечность косы как «место, лишенное растительности».

Перейдем теперь к Кинбурну. Гипотеза В. В. Латышева была, если можно так выразиться, слишком смелой. Действительно, трудно представить себе, что этот голый песчаный полуостров мог когда-то быть лесистым островом. Тем более он не мог привести никаких веских доказательств. Поэтому высказанная им гипотеза долгое время оставалась в забвении. Начнем ее рассмотрение с главного вопроса—был ли этот район островом.

Как показывают исследования известного советского ученого Г. И. Горецкого, в более ранние геологические периоды дельта Днепра имела совсем иную конфигурацию. В районе села Старая Збурьевка она разделялась на несколько рукавов с общим направлением к Тендровской косе. Затем ее положение изменилось к широтному направлению. С повышением уровня моря эта дельта была затоплена и на ее месте образовался Днепровский лиман. Между старым и новым местоположением дельты речные наносы образовали водораздел, т. е. современный Кинбурнский полуостров. Но старая дельта не исчезла полностью. По ее долине через Кинбурн продолжали течь небольшие рукава, которые впадали в море в районе современного Ягорлыцкого залива. Один из таких рукавов существовал еще в XVI—XVII вв. под названием «Запорожская протока». Он проходил от села Рыбальче, через Аджигольское озеро, мимо села Ивановка и выходил в Ягорлыцкий залив. Через этот рукав запорожские казаки на своих знаменитых «чайках» выходили в море и возвращались обратно, избегая встреч с турецкими галерами, которые напрасно поджидали их у Очакова. Вот, например, как описывает это известный французский инженер XVII в. Гильом Левассер де Боплан, который построил здесь ряд крепостей и оставил нам ценнейшие сведения об Украине того времени: «Они входят в залив, находящийся на расстоянии 3 или 4 миль к востоку от Очакова. В этом месте находится в четверти мили от моря очень глубокая балка около 3 миль длиною, идущая по направлению к Днепру и наполняющаяся иногда водой на полфута в высоту. Здесь казаки сходят на берег и принимаются по 200 или 300 человек за раз тащить волоком

свои суда, одни за другими и в 2, много—3 дня переходят в Днепр со своей добычей. Вот так они ускользают и избегают сражения с галерами, которые оберегают устье Днепра против Очакова».

«Запорожская протока» показана также на «Генеральной карте Новороссийской губернии», составленной в 1779 году Иваном Исленьевым. Она существовала и до недавнего времени в виде Ивановской старицы, которая и теперь находится в стадии долинного увлажнения. Постепенно как со стороны Днепра, так и со стороны моря образовались песчаные косы, которые перекрыли доступ воды, и старица превратилась в цепочку периодически пересыхающих озерец. На них обратил внимание В. В. Латышев. Острый логический ум и глубокая научная интуиция позволили ему выдвинуть смелое и совершенно правильное предположение о существовании древнего рукава Днепра.

Итак, геологические и исторические данные свидетельствуют о том, что через Кинбурнский полуостров вплоть до XVII в. протекал один из рукавов Днепра.

Теперь представим себе, как выглядел район Днепровского лимана в древности. Через Кинбурнскую косу протекали днепровские рукава и образовывали два острова: один большой, другой—поменьше. Эти острова изображены практически на всех итальянских и других картах XIV—XVI столетий, первых подробных картах Причерноморья. Большой остров в античное время назывался Борисфеном, как и сам Днепр. Борисфеном он назван и на карте Черного моря из исторического атласа знаменитого фламандского географа А. Ортелия, составленной в 1590 г., а также на некоторых других исторических картах средневековья. Юго-западная оконечность острова была вытянута в виде мыса, который назывался Роща Гекаты.

Таким образом, выяснилось, что в IV в. в рассматриваемом районе существовал обширный остров, образованный лиманом и рукавом Днепра при впадении в море. Возникает вопрос, можем ли мы отождествить его с островом Алсос, или Св. Эферия. Всесторонний анализ имеющихся данных позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Этот остров полностью соответствует сведениям древних авторов. Начнем с того, что юго-западная часть его называлась Алсос Гекатес, т. е. Роща Гекаты. Затем, когда слово «Борисфен» стало отмирать, название Алсос, надо полагать, перешло на весь остров. И оно вполне соответствовало действительности. Ведь все низовья Днепра тогда были покрыты густым лесом. Вот что пишет по этому поводу П. О. Бурачков: «Поселившись на Кинбурнском полуострове в 1760 году, прадед мой застал всю левую сторону лимана от крепости Кинбурна до Алешек покрытую густым, хотя и не сплошным лесом, состоящим из дуба, березы, ольхи, бересты и осины; звери, как, например, дикие козы, свиньи и даже олени, находили в них убежище». Но начиная с конца XVIII в. лес здесь был полностью вырублен за довольно короткий срок. И в настоящее время эта местность представляет собой голую пустыню под названием Нижнеднепровские пески. Теперь это название, как когда-то Алсос, полностью соответствует действительности. Печальное, конечно, соответствие.

Вернемся, однако, к древности. Описываемый остров, как мы видим, расположен в лимане, покрыт лесом. Здесь был похоронен св. Эферий, и высокие деревья издали указывали его могилу. Караваны русских судов, войдя в лиман, легко и свободно приставали к этому удобному для стоянки и ремонта огромному низменному острову. Таким образом, имеющиеся данные позволяют утверждать, что остров Св. Эферия в настоящее время представляет собой западную часть Кинбурнского полуострова.

Виктория Погорелая

Сколько же «лошадок» у кита?

Канадские океанологи провели в Атлантике уникальный эксперимент. Им удалось прикрепить к хвосту пойманного кита небольшой прибор. После этого морское животное отпустили, а за показаниями прибора начали следить на своем корабле. Радиосигналы показали, что хвост гиганта развивает мощность в 500 лошадиных сил. С таким «двигателем» он развивает в воде скорость 27 км/час при весе около 10 тонн.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ АТЛАНТИДА

Гипотеза

Без малейшего преувеличения можно сказать, что Атлантида является одной из интереснейших исторических тайн. Целые поколения исследователей, разной степени эрудированности и серьезности, пытались разгадать эту загадку; в итоге чаще всего приходилось констатировать напрасную потерю времени и сил. Кроме того, отмечено, что многие ученые (и псевдоученые), работавшие в различных областях, рано или поздно начинали интересоваться Атлантидой. Это относится и к литературе, примером чего может служить знаменитый роман П. Бенуа. А кто не читал и, без сомнения, не перечитывал «Загадки Атлантиды» Э. П. Жакобса?

Исследователи тайны Атлантиды не должны пренебрегать документами — а специальных трудов по этому предмету не счесть; однако даже прикидочный расчет дает прямо-таки астрономическую цифру — около 25 000! Таким образом, проблема Атлантиды представляет собой колоссальную сумму трудов и сведений, различных гипотез, из которых надо провести строгий отбор. Как и в других научных областях, здесь имеются гипотезы, прекрасно подтверждавшиеся вчера, но потерявшие значение из-за некоторых фактов, известных сегодня. Точка зрения большинства, которую разделяем и мы, такова: в настоящее время в качестве местонахождения Атлантиды называют три — Санторин, Гельголанд и атлантическая Атлантида *. Здесь мы публикуем подробное исследование по «атлантической» гипотезе.

История одной красивой истории

Невозможно сейчас установить, когда идея о существовании Атлантиды всплыла в памяти людей. Может быть, какое-то древнее европейское племя уже имело в своей мифологии предание о чудесной стране, существовавшей когда-то там, где заходит Солнце. Может быть, первую (и единственную) правдивую запись мы находим у Платона. Этот великий философ упоминал об Атлантиде в двух диалогах — «Тимей» и «Критий», написанных им в конце жизни (Платон родился в 427 г., а умер в 347 г. до н. э.). Платон неоднократно утверждал, что история Атлантиды правдива. В противоположность другим его работам, преимущественно философским, в «Тимее» он собрал все сведения своей эпохи о природе. Не будем пока приводить свои аргументы, а послушаем Крития, говорившего об Атлантиде с Тимеем, Сократом и Гермократом; об этом в книге Платона рассказано так...**

««Я расскажу то, что слышал как древнее сказание из уст человека, который сам был далеко не молод. Да, в те времена нашему деду было, по собственным его словам, около девяноста лет, а мне — самое большее десять (...). «Есть в Египте,— начал наш дед,— у вершины Дельты, где Нил расходится

* Санторин — группа вулканических островов в архипелаге Киклады в Эгейском море, Гельголанд — остров в Северном море *(Прим. перев.)*.

** Текст цитируется по изданию: *Платон*. Сочинения в трех томах, т. 3, часть I.— М., 1971 *(Прим. ред.)*.

на отдельные потоки, ном, именуемый Саисским; главный город этого нома — Саис, откуда, между прочим, был родом царь Амасис (...). Солон рассказывал, что, когда он в своих странствиях прибыл туда, его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих среди жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов, можно сказать, почти ничего об этих предметах не знает (...). Жрец ответил ему (...): «Итак, девять тысяч лет тому назад жили эти твои сограждане, о чьих законах и о чьем величайшем подвиге мне предстоит вкратце тебе рассказать (...). Ведь по свидетельству наших записей государство ваше положило предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря. Через море это в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию* и Азию**, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова (...) На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении***. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы; (...) Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину». (...) Ну, вот я и пересказал тебе, Сократ, возможно короче то, что передавал со слов Солона старик Критий»».

Задержимся на мгновение, чтобы сказать несколько слов о главных персонажах цитированных отрывков «Тимея» — Критии и Солоне. Известно, что Солон Афинский (родился в 640 г., умер в 558 г. до н. э.) был архонтом Афин и осуществил широкую реформу политической структуры этой республики, превратив ее в конституционную демократию. Около 570 г. Солон предпринял путешествие в Египет, где он мог услышать историю Атлантиды. Вернувшись в Афины, он описал свое путешествие. Критий Старший (530—440 гг. до н. э.) познакомился с этим преданием благодаря запискам своего дяди. Достигнув 90 лет, незадолго до смерти, он рассказал эту историю своему внуку, Критию Младшему, которому в это время было 10 лет. Затем Критий Младший, уже будучи взрослым, передал ее своему племяннику Платону. Последний и записал эпопею Атлантиды и сведения о ее климате и географии в форме диалогов, сперва в «Тимее», а затем, более подробно, в «Критии». Таким образом, мы узнали, что остров был отдан Посейдону при разделе мира. Бог привел его в порядок и родил 5 пар близнецов, распределив между ними всю территорию Атлантиды.

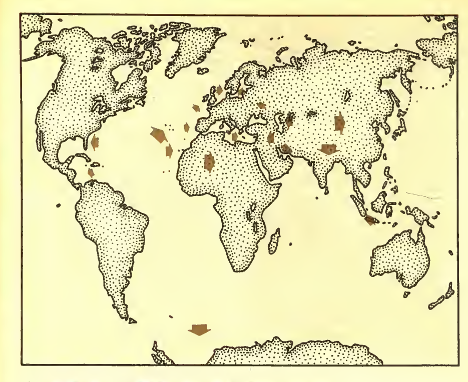
Вероятно, рассказ философа воспламенял воображение эрудитов античности, которые, однако, сами ничего не сделали в этом направлении. Потом Аристотель выразил мнение, что история Атлантиды — это миф. Мнение столь авторитетного человека стало разделяться всеми, и предание было забыто вплоть до средних веков. Было, правда, несколько исключений. Геродот упоминает атлантов в перечне ливийских народов Северной Африки. Философ-неоплатоник Прокл, прочитавший этот перечень, написал комментарий к «Тимею», в котором упомянул о некоем Кранторе. Этот грек путешествовал по Египту и видел в городе Саисе, том самом, где побывал Солон, колонну с иероглифами, описывающими историю Атлантиды, какой ее написал Платон.

Пришлось ждать до XVI в., когда появились люди, питающие страсть к новому и загадочному. Географ Ортелиус, например, думал, изучая приморские раскопки, что Атлантида — не что иное, как Америка. Отец-иезуит А. Киршер в XVII в. связывал наиболее высокие горы на Азорских островах с поглощенным океаном континентом. Изыскания по проблеме Атлантиды интенсифицировались в XIX в. Также возросло и число археологов, стремящихся внести свою лепту в эту проблему. Невозможно перечислить здесь все

* Ливией в ту пору называлась вся Африка, известная древнему миру *(Прим. перев.)*.

** Очевидно, имеется в виду Малая Азия *(Прим. авт.)*.

*** Тиррения — область в Средней Италии у побережья Тирренского моря *(Прим. ред.)*.

От Антарктиды до Северного моря таинственная Атлантида гуляет повсюду и неизвестно где

имена, однако некоторые ссылки мы дадим при дальнейшем изложении. В конце концов количество мест, где предполагалось найти Атлантиду, дошло до 24. Приведенная здесь карта дает примерные места такой локализации.

Миф или реальность?

До того, как приступить к детальному изложению нашей гипотезы, поставим основной вопрос: что же такое история, рассказанная Платоном,— миф или историческая реальность? Полемика, начатая Аристотелем, длится долгое время, но почва для выбора остается «скользкой». Тем не менее не следует пренебрегать объективными деталями; посмотрим, подтвердятся ли они или окажутся ошибочными. Напомним вкратце о некоторых.

Платон собрал в своем диалоге общие знания о природе, известные людям его эпохи. К тому же не надо забывать, что Платон был знаком с учением Пифагора. Он часто общался с другими пифагорейцами, в том числе со знаменитым Филолаем, который был уверен во вращении Земли вместе с другими звездами вокруг общего центра, занятого огнем. Записи Платона далеко не всегда столь наивны, как принято теперь считать. Вспомним то место в «Тимее», где Платон приводит миф о Фаэтоне: «В самом деле, тела, вращающиеся по небосводу *вокруг Земли,* отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени все на Земле гибнет от великого пожара». Вот теперь мы совсем близко подошли к теории катастроф, которая, после долгого забвения, опять возродилась в умах некоторых ученых.

Напомним также, что Платон настойчиво и жестко внушал своим ученикам необходимость точного и правдивого изложения. Вот некоторые его высказывания об этом. «Расскажи с самого начала,— попросил Аминандр,— в чем дело, при каких обстоятельствах и от кого слышал Солон то, что рассказывал как истинную правду?» И еще: «Граждан и государство, что были тобою вчера нам представлены как в

некоем мифе, мы перенесем в действительность». Трудно сформулировать свою мысль яснее. Несколькими строчками далее Платон снова настаивает: «Важно, что мы имеем дело не с вымышленным мифом, но с правдивым сказанием».

Наше мнение — история, рассказанная Платоном, не может быть мифом; подтверждение такого авторитета заслуживает доверия. Нельзя отбросить этот довод только потому, что кому-то он мешает. Имя Платона, как великого ученого и философа, пользуется заслуженным уважением человечества уже более 2300 лет. Можно задать вопрос: а уверены ли мы в памяти Платона? По словам Ж. Виктора, «этот человек видел человека, который видел человека, который видел человека, разговаривающего с медведем». Будем и мы осторожными. Но забудем, что мы живем в XX в., и перенесемся в эпоху Платона; в те времена искажения устной информации были близки к нулю или по крайней мере значительно меньшими, чем теперь. Причин тому много, и они слишком сложны, чтобы разбирать их здесь. Но неискаженность данных, кажущаяся нам столь странной, была реальностью той эпохи. Разумеется, осторожность необходима, но полезные сведения должны быть сохранены. Поэтому мы не согласны с Ж. Виктором, говорящем о «приблизительности» истории гипотетических островов и континента. Некоторые элементы даны самим Платоном, и мы передадим ему слово еще раз: «Но тогда мне не хотелось ничего говорить, ибо по прошествии столь долгого времени я недостаточно помнил содержание рассказа; поэтому я решил, что мне не следует говорить до тех пор, пока я не припомню всего с достаточной обстоятельностью.(...) а потом, оставшись один, восстанавливал в памяти подробности всю ночь подряд и вспомнил почти все. Справедливо изречение, что затверженное в детстве куда как хорошо держится в памяти». Как видим, Критий искал истину в услышанном им и потратил на это бессонную ночь. Да и неизвестно, имели ли те, от кого Критий слышал историю Атлантиды, только устные сведения и что именно почерпнул он из записей Солона, которые «находились у моего деда и до сей поры находятся у меня, и я прилежно прочитал их еще ребенком».

Таким образом, все, что Платон услышал от Крития, он воспринял как сведения о действительных исторических событиях. Иначе говоря, можно считать, что речь идет о правдивой истории.

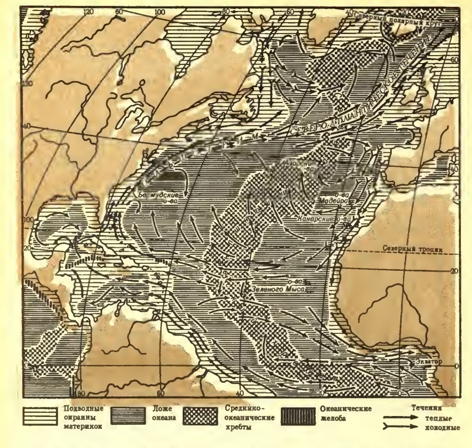
Карта острова Атлантиды с указанием рельефа, составленная О. Мукком

Наша Атлантида

Прежде чем обосновывать точное местонахождение Атлантиды, нам потребуется уточнить географию острова. Для этого снова обратимся к Платону. Внимательное изучение его текстов заставляет думать, что, несмотря на широкое расселение атлантов вдали от родины, сама Атлантида была одним островом. Почти половина его площади — равнина, а общий рельеф описан как «высокие многохолмные горы». На одной такой высокой горе был воздвигнут «недоступный святой храм» Посейдона и его жены Клейто. По словам Крития, равнина имела форму правильного продолговатого четырехугольника с длиной в 3000 и шириной в 2000 стадий. Исходя из того, что равнина занимала половину острова, можно вычислить его общую площадь (оценка дает значения от 250 000 кв. км до 430 000 кв. км). О. Мукк* оценил ее в 400 000 кв. км, что хорошо согласуется с подводным рельефом этого района. Климат на равнине был мягким, поскольку она располагалась на юге и была защищена горами от северных ветров. Это позволяет думать о влиянии Гольфстрима.

На представленной выше карте, составленной О. Мукком, изображен

* Исследователь из Франции, который развил сложную теорию о существовании Атлантиды *(Прим. перев.)*.

остров Атлантида с указанием рельефа. Имеется северная горная зона, главная вершина которой, как говорит Платон, самая высокая в мире. Остров находился посередине Атлантики, напротив Геркулесовых столбов, в том самом месте, где сейчас расположены Азорские острова.

Немного геологии

Азорские острова являются частью цепи подводных гор Атлантического хребта, который тянется сплошной линией от Антарктиды до Исландии, разделяя океан на два бассейна — западный и восточный. На представленной выше карте он ясно выделяется как позвоночный столб океанского дна. Бросается в глаза, что хребет расширяется в районе Азорских островов, обрисовывая в этом месте погруженную в океан сушу. Однако пока мы остаемся в области предположений, поскольку такая карта-схема не определяет точных границ гипотетического острова Атлантида. Данное подводное образование содержит множество гор, некоторые из которых столь высоки, что выступают над поверхностью Атлантики. Самая высокая вершина подводной формации — вулкан Пико; большинство других гор в этом районе также имеют вулканическое происхождение. Пико возвышается на 2351 метр над уровнем моря; с учетом общей высоты подводного хребта в этом месте Пико доминирует над океанским дном на высоте более 6000 метров!

О. Мукк говорит: «Дадим на мгновение свободу нашему воображению и предположим, что непредвиденные обстоятельства привели ко внезапному опусканию участка суши на 3000 м в глубь Северной Атлантики... В этом месте мы увидим, что в океан погружен горный массив с крупными высокими

вершинами и крутыми склонами, стоящий на пути течения Гольфстрим...»

Вряд ли мы сообщим что-либо новое, отметив, что регион Азорских островов имеет вулканическое происхождение. Здесь проходит зона разлома земной коры, богатая действующими вулканами. В соответствии с теорией А. Вегенера подводный Атлантический хребет служит линией раздела двух континентальных платформ — американской и европейской. Не будем останавливаться на этой теории, базирующейся на идее о дрейфе континентов, поскольку она хорошо известна. В новой форме эта теория, называемая теперь «расширение дна океанов», описывает следующий феномен — удаление континентальных платформ друг от друга в направлении, перпендикулярном линии начального разлома, обусловленного давлением конвективно движущейся магмы. Хотелось бы подчеркнуть и другое свойство океанского дна — наличие Атлантического хребта, что является основой развиваемой нами теории Атлантиды. Напомним, что наша планета состоит из трех слоев, кратко перечисляемых далее:

1. Кора — поверхностный твердый слой, имеющий среднюю толщину порядка 50 км. Важно отметить, что в некоторых местах кора много тоньше — в районах наибольшей глубины океанского дна.

2. Мантия, имеющая толщину до 3000 км; весьма распространена идея, что этот слой содержит жидкую магму; однако это противоречит ряду наблюдений, показывающих, что в большей своей части мантия твердая.

3. Ядро, имеющее диаметр примерно 3300 км.

Возвращаясь к Азорским островам, отметим необычный для столь высоких широт вулканизм известкового массива острова Санта-Мария. И поскольку речь зашла о вулканической активности, напомним об открытии нескольких скалистых массивов, что было и остается одним из главных аргументов сторонников идеи о недавнем наводнении в районе Азор. Один кусок такой скалы был извлечен на поверхность при разрыве подводного кабеля, прокладывавшегося в этом месте в 1898 г. Авария произошла на глубине около 2000 м, и этот случай был прекрасно использован П. Термье, который произвел геологический анализ этого скального блока. Было доказано, что он состоит из тахилита*, структура которого показала, что этот кусок скалы мог сформироваться только в земной атмосфере, а не под водой. Более того, отсутствие заметной эрозии на поверхности блока означало, что он находился в океане не более 15 000 лет. Это весьма весомый аргумент. Нельзя не вспомнить здесь же о маленьком острове Сабрина, поднявшемся из глубин океана в 1812 г. и увеличившем Азоры. Правда, через несколько недель он вновь исчез в волнах. Можно допустить, что аналогичные явления могли происходить на протяжении последних 10 000 лет неоднократно. И после некоторого времени «земного существования» новорожденные вулканы исчезали в глубине океанов...

Нельзя обойти молчанием и еще одно наблюдение О. Мукка: он обратил внимание на то, что рельеф подводного «острова» четко виден еще сейчас. О. Мукк замечает, что данное образование находится под водой не слишком долго (по тем же причинам, что и отсутствие эрозии на поверхности упомянутого выше обломка скалы). Кроме того, подчеркивает Мукк, погружение было очень резким — быстрое изменение рельефа вызвало опустошительные наводнения, что подтверждает катастрофический характер погружения.

И последний вопрос, на который пытается ответить О. Мукк: какова была величина этого провала? На какую глубину погрузилась цивилизация атлантов? Здесь возможны различные варианты: провал мог быть весьма глубоким, но неодинаковым в различных местах, причем наиболее опустившаяся зона находится южнее Азорских островов. В этом районе, где глубина местами доходит до 7300 м, находят известковые осадочные слои протозоя (глобигерины), которые не могли бы жить на глубине более 4500 м. Для такого глубокого и мощного оседания большой территории необходим был выброс огромного количества магмы из-под островной платформы. При этом плита, лишившись опоры, должна была полностью рухнуть в воду. Кроме того, полость, образовавшаяся в земной коре, должна была нарушить равновесие краев обеих континентальных платформ, как европейской, так и американской. Вследствие этого оба континента могли изменить наклон относительно горизонтали таким образом, что их атлантические побережья слегка опустились, а противоположные стороны приподнялись. Этим можно объяснить, например, странную линию донторического атлантического побережья, отмеченную еще Гумбольдтом,— короткую и узкую линию вдоль отвесных скал Кордильер, имеющих высоту от 2500 до

* Тахилит — вулканическое стекло базальтового состава *(Прим. ред.)*.

3000 м. Механизм перемещения магмы непосредственно связан со структурой морского дна в зоне Азорских островов. Напомним об эффекте, который был отмечен выше на линии разлома между европейской и американской платформами. Это весьма непрочная зона, что доказывается вулканической активностью данного региона. Достаточно сильное внешнее воздействие может привести здесь к новому открыванию «старых ран» земной коры. Раскаленная магма, с силой выбрасываясь в воду, мгновенно испаряет последнюю; смесь водяного пара и вещества магмы выбрасывается высоко в атмосферу, вызывая, среди других явлений, дожди. Эти дожди, объем воды которых О. Мукк оценивает в 20 млн. куб. км, смешиваются с «ювенильными водами»*, состоящими на 75% из газов, выброшенных вулканами.

Снова о теории катастроф

Крушение атлантической плиты имело многочисленные последствия. Одно из главных, по мнению О. Мукка, заключалось в том, что Гольфстрим стал доходить до Европы, очищая ее север от ледяного панциря. Этим можно объяснить локальное окончание последнего большого оледенения. Считая гипотезу существования островной формации в Атлантике приемлемой, можно предположить, что из-за этого воды Гольфстрима могли не доходить до Старого континента. Если описанная выше катастрофа произошла в действительности, то она повлияла не только на окончание вюрмского оледенения в европейском регионе, но имела значение и в мировом масштабе. Однако не будем спешить, сначала мы должны определить, каким же было это гигантское событие, потрясшее Землю примерно 10 тысяч лет до н. э.

О. Мукк считает (и это первая наша гипотеза), что астероид, летевший по эллиптической орбите, пересек орбиту Земли в самый неподходящий момент. В этом предположении нет ничего сверхъестественного: существование таких небесных тел известно, и некоторые из них врезались в материки Земли.

Вот выводы из сценария гибели атлантов, реконструированного О. Мукком с помощью расчетов и некоторых физических наблюдений.

* Ювенильные воды — подземные воды, впервые вступающие из глубин Земли в подземную гидросферу *(Прим. ред.)*.

1. Астероид диаметром примерно 10 км и весом порядка 10^{12} тонн частично взорвался в атмосфере земли; его мелкие осколки усеяли поверхность Земли в районе Чарльстона (штат Каролина, США).

2. Два наиболее крупных осколка упали в открытом океане, след двойного удара отчетливо виден и сейчас — это два огромных углубления (до 7000 м) на дне в районе Пуэрто-Рико.

3. Первые следствия этих событий не заставили себя ждать: земную кору разорвало в самом слабом месте океанского дна, в Атлантическом хребте.

4. Такие разрывы обусловили появление пустоты под атлантической плитой, в результате чего Атлантида резко обрушилась в океан.

5. Одновременно с этим миллионы кубометров вещества были выброшены высоко в атмосферу, что влияло в течение нескольких тысячелетий на климат нашей планеты.

Кроме того, отмечает Мукк, разрывы коры должны были породить выброс около 3 млн. км^3 пемзы. Эта гигантская масса, упавшая на поверхность Северной Атлантики, покрыла ее слоем толщиной до 100 м. Вот, вероятно, почему здесь долгое время были невозможны морские путешествия. Мукк оценивает этот срок двумя-тремя тысячами лет. Это же объясняет и последнюю загадочную фразу Платона: «Ныне же он (остров.— *Ред.*) (...) превратился в непроходимый ил, заграждающий путь мореходам, которые попытались бы плыть от нас в открытое море, и делающий плавание немыслимым».

Список последствий катастрофы этим не исчерпывается, но мы не станем его продолжать. Наша статья по сути дела беглый обзор, подразумевающий дальнейшее исследование. Приведенная здесь картина основана на реальных наблюдениях печально известного взрыва острова Кракатау в 1883 году. Все основные элементы описанной нами картины там присутствовали, включая выброс пемзы, нарушивший всю навигацию. В самом деле, огромные массы вещества, выброшенные на большую высоту, формировали облака, препятствующие прохождению солнечного света, что быстро понизило температуру поверхности. В сочетании с другими явлениями, связанными с густой облачностью,— бурями, образованием кристаллов льда в воздухе это привело к оледенению. Напротив, метеорит, обогащенный железом, мог дать противоположный эффект: испаренные частицы железа могли сформировать облака, нагревающие атмосферу и ус-

корившие конец ледникового периода. «Приложив» эту гипотезу к катастрофе, происшедшей с Атлантидой, можно наконец объяснить, почему вюрмское оледенение внезапно закончилось в десятом тысячелетии до нашей эры...

До того, как уточнить эту первую гипотезу, надо еще раз вернуться к тому самому слою пемзы, который сделал невозможной морскую навигацию. Вспомним загадку, связанную с гуанчами Канарских островов, которые совершенно не знали морских путешествий. Были ли они выходцами с Атлантиды или нет, они могли находиться после катастрофы запертыми на своих островах, причем в течение тысячи лет или более. Потому-то у них и не возродилось искусство навигации — они, как чумы, боялись моря, снискавшего дурную славу в течение многих столетий. Мы не претендуем на то, что это объяснение — единственно возможное, но считаем его весьма правдоподобным.

Настало время поговорить о второй гипотезе, тем более что мы не считаем ее предпочтительной. Речь идет о взрыве сверхновой звезды в небе древних шумеров. Дата этого события точно не определена: где-то между 9600 и 4000 годами до н. э. Более того, работы Мишановского позволяют думать, что именно шумеры из Эриды наблюдали взрыв сверхновой Велы X, а никак не атланты. Что касается влияния этого феномена на климат и географию нашей планеты, то оно должно быть гораздо меньшим, чем в случае первой гипотезы. Нагрев мог иметь место, давая некоторые упомянутые следствия — бури, мощные приливы, некоторые климатические сдвиги. Но в остальном (усиление вулканизма, провалы островных плит...) это маловероятно.

Что же дальше?

Нам остается предположить, что же сталось с теми, кто пережил катастрофу. Здесь еще более, чем в отношении всего предыдущего, можно лишь наметить некоторые ориентиры в открытом море неизвестности. Некоторые археологи считают возможным идентифицировать древнюю расу атлантов с хорошо известными кроманьонцами. Приведем только два примера: Ж. Пуассон, давнишний президент Общества изучения предыстории Франции, допускал возможность родства между атлантами и людьми кроманьонского типа. М. Вейссен-Цумлянска построила целую теорию по этому поводу. Так или иначе, можно констатировать, что в любом случае время распространения кроманьонцев совпадает с «эрой Атлантиды». Возможно, мы несколько увлеклись в случае с восточноатлантическими областями (Гуанч, Кансьен, Иберия, земля басков); но мы весьма скептически настроены в отношении включения в эту атлантическую расу палеолитических представителей Северной Америки. Последние — долихоцефалы (длинноголовые) и приближаются к австралоидному типу, резко отличному от кроманьонцев. Другие исследователи упоминают использование красной охры некоторыми племенами, например Адена, в погребальных обрядах. Это характерно для европейских кроманьонцев, но, как показал Р. Феррин, люди из племени Адена были брахицефалами (круглоголовыми).

Недостаток данной статьи, безусловно, в этих «далее будет...»: все попытки синтеза сейчас были бы скороспелыми. Поэтому мы не отбрасываем две другие интересные теории об Атлантиде — тайны Гельголанда и Санторина. Если допустить, что они имеют какое-то отношение к Атлантиде (что далеко не очевидно), можно задать вопрос: не были ли эти острова Северного и Средиземного морей просто отдаленными колониями империи атлантов?

Как бы читатель ни отнесся к прочитанному здесь, мы надеемся на его доброе отношение к этой прекрасной древней атлантической Атлантиде, которая долгое время была предана полному забвению*.

Жак Госсар

Перевод с французского
Зелика Персица,
Евгения Твердохлебова

* Для желающих подробнее познакомиться с проблематикой, затронутой Ж. Госсаром, предлагаем прочитать книгу советского исследователя Н. Ф. Жирова «Атлантида. Основные проблемы атлантологии». М., 1964 *(Прим. ред.).*

БАБОЧКА ПОД СТЕКЛОМ

Кто хотя бы раз в жизни не любовался прекрасным узором на крыльях бабочки?! Кто не собирал в детстве коллекции из яркокрылых мотыльков?! А теперь вспомните о судьбе ваших сборов. Не оказались ли они позабытыми, позаброшенными и в конце концов бесследно и безвестно исчезнувшими из вашей квартиры?

Да, бывало такое. Мы не очень-то удостаиваем бабочек своим вниманием. «Порхают, ну и пусть себе... Есть дела поважнее».

Результаты столь пренебрежительного отношения с тревогой фиксируют специалисты. Вот несколько фактов. Окрестности Берна (Швейцария): после 1950 г. здесь исчезло 282 вида бабочек (из 811, которые были до того). Финляндия: за последние полвека в стране вымерло 5 видов бабочек. Воронежская область: в Усманском бору, одном из немногих уцелевших лесных массивов Русской лесостепи, за последнее время исчезло 4 вида дневных бабочек, 3 — исчезают на наших глазах, 5 — могут исчезнуть в ближайшем будущем. Из 202 видов насекомых, занесенных в Красную книгу СССР (2-е издание), 104 — бабочки. У жителя современного крупного города все меньше шансов встретить красивую бабочку в городской черте или окрестностях.

«Ну и что? — кажется, слышу я скептический голос.— Бабочки не дают нам ни еды, ни лекарств, ни сырья. А сколько среди них вредителей? Конечно, жаль, что некоторые виды исчезают, но нас это не очень-то касается. Обойдемся!..» Обойдемся ли?

Оставим в стороне вредные виды. Их не так уж много, и исчезновение им не грозит.

Бабочки — неотъемлемая часть сложнейших природных комплексов. И поэтому их исчезновение не может быть для нас безразличным.

Дневные бабочки — важные опылители растений, особенно тех, у которых нектарники спрятаны глубоко и недоступны медоносным пчелам. По данным Ю. П. Кондакова и Ю. Н. Баранчикова, на Северном Урале посевы красного клевера опыляются главным образом шмелями и бабочками. Причем бабочек-голубянок было здесь втрое больше, чем признанных опылителей — шмелей.

Еще один аспект — шелководство. Несмотря на достижения современной химии, потребность в натуральном шелке растет. Идут работы по выведению новых пород тутового шелкопряда. В СССР закладываются основы новой отрасли — лесного шелководства, использующего коконы дубового шелкопряда. Дикие популяции тутового, дубового шелкопряда и иных бабочек — источник для выведения новых высокопродуктивных шелководческих пород. Любой вид бабочек, как и любой вид живой природы вообще,— хранилище богатейших наследственных качеств. Эту копилку нужно беречь и беречь: мы не знаем, что из нее может пригодиться в будущем. Нельзя предвидеть все потери, которые понесет человек в резуль-

тате исчезновения хотя бы одного вида сегодня.

Надо признаться, мы пока мало знаем бабочек. Очень возможно, что их неоткрытые свойства смогут найти применение на практике. Например, гусеницы нашей красивейшей бабочки — махаона (занесена в Красную книгу СССР) выделяют пахучую жидкость, которая эффективно отпугивает муравьев. Нельзя ли подобные вещества использовать против каких-то вредителей?

Бабочки интересны и в научном отношении. Они удобный объект для изучения многих общебиологических закономерностей. Вспомним, что главные законы наследственности, справедливые для всего живого, были открыты на таких «невзрачных» объектах, как горох и плодовая мушка дрозофила.

Наконец, дело не только и даже не столько в непосредственной практической выгоде. Можно ли подсчитать полезность «Джокоиды» или «Анны Карениной»? Их потеря неисчислима в денежных единицах, но она тем не менее сделает человечество беднее. Бабочки, как и любой вид животного или растения,— неповторимое произведение искусства природы. Их исчезновение тоже необратимо и трагично. Многие бабочки, имея ничтожное практическое значение, просто украшают жизнь человека. Красота — вот главный аргумент за их сохранение.

Что же угрожает бабочкам? Где истоки тех тревожных цифр, которые приведены ранее? Потупим взоры и, вздохнув, признаемся: причина одна — деятельность человека.

Даже сравнительно простые хозяйственные мероприятия становятся на поверку настоящими экологическими катастрофами для бабочек. Например, покос. Вроде ничего особенного — траву скосили, сгребли, увезли. Но при этом уничтожаются обитатели цветов, листьев, стеблей — гусеницы и куколки прекрасных бабочек — зорьки, махаона, голубянок, перламутровок. Во Франции выкашивание травы вдоль дорог привело к исчезновению двух видов бабочек-пядениц, а вытаптывание трав скотом, выжигание, выкашивание резко снизили численность замечательных по красоте аполлона, мнемозины.

Намного сильнее «эффект» крупномасштабных хозяйственных акций, разрушающих хрупкие здания экосистем. Интенсивная мелиорация привела к катастрофическому сужению ареала торфяниковой желтушки на Украине. Гербициды на корню подрывают кормовую базу бабочек. Мало того. В Австрии вдруг появились пяденицы, лишенные задних крыльев, обязательных для всякой порядочной бабочки. Специалисты установили причину: гусеницы с кормом поедали гербициды.

Какая полезная, к примеру, вещь — уличное освещение населенных пунктов. Между тем мощные лампы собирают тысячи бабочек, в том числе красивых и редких. Здесь они калечатся, гибнут, становятся легкой добычей птиц, летучих мышей.

У многих бабочек встреча полов обеспечивается особыми пахучими веществами — феромонами. Но даже сверхчувствительные «носы» насекомых отказываются работать в атмосфере, заполненной зловещим смогом — смесью газов, выбрасываемых в воздух предприятиями и транспортом. Назначенные природой «свидания» не происходят, бабочки гибнут, не оставив потомства.

Автомобили... Во Франции один из видов бархатниц и малинный коконопряд исчезли из-за массовой гибели их гусениц под колесами. Море бабочек гибнет, попав под капот и в радиатор мчащихся машин.

Подавляющее большинство видов не успевает или не в состоянии приспособиться к тотальному наступлению цивилизации. Их постигает печальная участь динозавров.

У бабочек есть еще одна беда, совершенно незнакомая вымершим чудовищам. На собственном опыте бабочки познали старую истину: не родись красивой, а родись счастливой. В разное время и в разных местах автору приходилось рассматривать коллекции насекомых в школьных кабинетах биологии, в экспозициях краеведческих музеев. Буквально бросается в глаза прискорбное обстоятельство: большинство коллекций состоит из крупных ярких насекомых, в том числе и бабочек. Свою лепту внесли сюда и школьные учителя, и некоторые научно-популярные издания, безоглядно уверявшие, что коллекционирование насекомых — полезное и приятное времяпровождение.

Именно неуемное собирательство привело к повсеместному исчезновению украшений нашей природы: аполлона, поликсены, ряда бражников, сатурний, нимфалид. Любители-коллекционеры, оказавшись на Дальнем Востоке, в Крыму, Средней Азии, на Кавказе, считают своим прямым долгом выловить и привезти крупных и красивых бабочек. Коллекционеры-любители проникают в труднодоступные местности, часто последние убежища видов. В условиях натиска хозяйственной деятельности человека это особенно опас-

но. Крупный энтомолог, большой энтузиаст дела охраны природы А. И. Куренцов писал, например, об одной из дальневосточных бабочек — паруснике Papilio alcionous. В питании она связана с одним видом лиан: где есть лиана, есть и бабочка. И растение, и бабочка встречаются пятнами. Обнаружив такое пятно, бабочку не так уж сложно выловить до последнего экземпляра.

Повышенный интерес к предметам природы, ощущаемый в наше время, обеспечивает процветание торговцам животными. На Западе крупные красивые бабочки — выгодный бизнес. А редкие виды — выгодный вдвойне. В этом же случае, как известно, нет таких правил, ограничений, законов, которыми бы делец не мог пренебречь. Сопоставьте цифры: в ФРГ ежегодно проходит не менее тридцати ярмарок насекомых. И минимум 50 процентов продаваемых там бабочек относятся к редким и исчезающим видам, занесенным в национальные Красные списки.

Вряд ли французский энтомолог и коллекционер Эжен Ле Мульт думал в начале века, что его начинание — украшение всевозможных предметов блестящими крылышками бабочек — будет иметь столь печальные последствия. Женщины украшали бабочками прически, богачи — гостиные.

Сегодняшние торговцы красотами природы поставили на службу себе последние достижения НТР: химические приманки, световые ловушки. Такая ловушка, между прочим, вылавливает за ночь не менее полутора тысяч бабочек. А за ночь. А за сезон?! Коммерсанты внимательно следят за работой биологов. В ряде европейских стран составлены крупномасштабные карты, где обозначены районы распространения определенных бабочек. Эта кропотливая работа сотен специалистов необходима, чтобы выяснить современное состояние ареалов и их возможные изменения в будущем. И изменения последовали незамедлительно. Торговцы бабочками получили «карты в руки» — прекрасные указатели мест заготовки живого товара.

Для декорирования сувениров в Бразилии ежегодно заготовляются тонны (!) бабочек, десятки миллионов штук. У ряда видов ловятся при этом главным образом самцы. В результате нарушается естественное соотношение полов и потомства становится все меньше. Прибавьте к этому все упомянутые ранее факторы (в той же Бразилии, скажем, не только тоннами ловят бабочек, но и леса вырубают на огромных площадях), и вы поймете, как тяжело быть бабочкой в XX в.

Как помочь бабочкам? Конечно, главный путь — сохранение биотопов, с которыми связаны насекомые. Полнее всего это осуществляется в заповедниках. Нужно только, чтобы находящиеся там природные комплексы были действительно «заповеданы». А то ведь здесь, случается, ведут массовый вылов коллекционеры-любители, заготовщики фабрики наглядных пособий.

Нынешние заповедники ощущают на себе все более сильное давление хозяйственного пресса. Избежать его нельзя, но ослабить можно. Заповедник должен быть окружен достаточно широкой охранной (буферной) зоной. Проводимые поблизости хозяйственные мероприятия должны учитывать соседство заповедника. Ряд редких реликтовых бабочек в торфяниковых заповедниках Польши погиб из-за мелиорации и добычи торфа около охраняемых земель.

Ну и конечно, территория заповедных земель невелика. Новые заповедники создаются. Но каждому ясно, изъятие значительных территорий из хозяйственного оборота — вопрос сложный. Однако оглянитесь вокруг. Вы увидите крохотные участки, мало затронутые хозяйственной дланью человека: обочины дорог, берега речушек, склоны балок, опушки. Таких клочков становится все меньше. Нужно торопиться. Подобные участки должны быть выявлены и взяты под местную охрану. Шефство над ними могут взять самые разные и небольшие коллективы: бригады и звенья, пионерские отряды и станции юннатов, кружки, просто группы неравнодушных людей. Работа требует определенных затрат труда, времени, средств. Но наградой будет радость, которая поселяется в сердце, когда увидишь яркую летящую бабочку и осознаешь, что эта красота сохранена для современников и потомков.

Бабочки включены в списки насекомых, охраняемых законом в ряде стран Европы, Японии, США. Как отмечалось, внесены они в Красную книгу СССР. Следует добиваться реализации охраны бабочек. Отлов, коллекционирование, продажа, обмен этими видами должны быть безусловно запрещены, а для ряда прочих видов ограничены. Нужно подумать о лицензиях на отлов редких бабочек в случаях, когда он необходим.

Конечно, введение системы запретов не должно нас обольщать. Их выполнение в отношении насекомых крайне трудно, а подчас невозможно проконтролировать. Но уж во всяком случае создание региональных списков охраняемых бабочек послужит их про-

паганде, поможет широким слоям населения узнавать их «в лицо» и по именам. Ведь не секрет, что современный средний горожанин, не задумываясь, называет белокрылую бабочку «капустницей», а мелкую, коричневую — «молью», и этим его познания ограничиваются. Все остальные — просто «бабочки». А часто ли рассказывают о редких бабочках и их охране средства массовой информации? Нужны информативные, интересные и красочные книги, статьи, буклеты, почтовые марки.

Давно пора перестроиться преподавателям. Сборы, а по сути уничтожение массы бабочек должны быть прекращены и заменены изучением живых объектов в лаборатории и на природе. Десятки вопросов вполне доступны для изучения в любой общеобразовательной школе, не говоря уже о вузе. Это будет и интереснее, и полезнее, чем бездумный сбор и рассматривание коллекции. Став свидетелем чуда рождения на свет прекрасной бабочки, школьник, быть может, не станет в будущем обрывать хрупкие крылышки, чтобы тут же бросить их в пыль. Естественно, потребуется изменить кое-что в практике подготовки учителей биологии, географии.

Нужно немедля сделать все, чтобы завтрашние жители Земли могли увидеть бабочек не под толстым стеклом музейных стендов, а живых в живой природе. И, как и мы, изумиться неповторимой красоте жизни.

Семен Воловник

---

500 точек будущих карт

Редкая удача выпала на долю монгольских геологов. Во время экспедиции в один из северо-западных районов своей страны они открыли пласты скальных пород, возраст которых определен в 2,4 миллиарда лет. Эти скалы позволят не только лучше познать геологическую историю района, но и станут своеобразным компасом для более точного поиска других минеральных образований.

За последние годы монгольские геологи, опираясь на помощь специалистов из стран — членов СЭВ, открыли более 500 перспективных месторождений цветных металлов и редкоземельных элементов. Теперь есть возможность составить подробный Геологический атлас республики. Его первые карты должны появиться в 1986 году.

Гипотеза или факт?

Побережье Атлантики близ сенегальской деревушки Иоф стало местом паломничества многих ученых. Именно здесь находится песчаная коса, получившая в последние годы весьма печальную славу. Этот участок берега стал местом массового «самоубийства» дельфинов. С помощью местных жителей зоологи много раз пытались спасти морских животных, столкнуть их обратно в воду, но стаи дельфинов упорно стремились выброситься на песок. Какая-то колдовская сила заставляет их двигаться только к берегу, причем в одном направлении.

В чем же тут причина? Есть предположение, что главная вина ложится на мощные радарные установки, обеспечивающие взлет и посадку реактивных лайнеров. Если провести дальше прямую линию, по которой морские животные устремляются к берегу, то она как раз упрется в аэродром Дакара. Поэтому ученые имеют основание выдвигать гипотезу, согласно которой дельфины чувствительны к лучам радаров. Они увлекают их на ложный курс, как свет — мотыльков.

ЕСЛИ ПЧЕЛЫ РАССЕРДЯТСЯ...

(Проделки пчелиного роя)

Отношение людей к пчелам различное. Восхищает неимоверное трудолюбие этих насекомых и буквально жертвенная забота о потомстве. Ведь обитатели улья, выпестовав новый рой, оставляют ему родной дом, а сами улетают в поисках другого жилья и зачастую погибают.

О пчелах рассказывают всегда с любовью и теплотой.

Однако нападение пчелиного роя на людей порой чревато трагическими последствиями. Это подтверждают хотя бы такие факты.

Необычная автомобильная катастрофа произошла в пригороде Претории. В результате столкновения двух грузовиков их водители оказались в роли заложников... у пчел. На одном из автомобилей были установлены 150 пчелиных ульев. От сильного удара они развалились, и девятимиллионный рой рассерженных пчел, вырвавшись на свободу, яростно атаковал водителей, полицейский наряд и прибывших к месту происшествия работников «скорой помощи». В результате пчелиной атаки один человек погиб, одного в критическом состоянии госпитализировали.

Другой случай. Футбольный матч в провинциальном городке Бразилии подходил к концу. Возбужденные болельщики, внимание которых было приковано к полю, не обратили внимания на небольшое облако. Оно приблизилось к стадиону... и мириады пчел бросились на людей. От укусов пчел пострадало около 200 человек. Один из них умер, некоторые в тяжелом состоянии попали в больницу.

В августе 1982 г. тысячи пчел в течение суток держали в осаде и страхе жителей одного из домов в небольшом американском городке Глостер в штате Нью-Джерси. А все началось после того, как рой пчел вылетел из улья, упавшего из кузова автомобиля. Растревоженные насекомые набросились на жителей ближайшего дома. В результате 27 человек — у некоторых более ста укусов — были доставлены в больницу. Жителям дома пришлось призвать на помощь полицию. Но блюстители порядка могли только порекомендовать им плотнее закрыть окна и двери квартир и дожидаться ночи, когда ночная прохлада заставит рассерженных насекомых снять осаду.

Увеличился список жертв печально знаменитых в Бразилии и других странах Латинской Америки так называемых африканских пчел. С тех пор как в 1957 г. несколько этих пчел, завезенных из Африки, вырвались из экспериментальной лаборатории в Сан-Паулу, они быстро распространились по всей Южной Америке. Насекомые отличаются повышенной агрессивностью, нападают на людей и животных.

Органы здравоохранения Венесуэлы встревожены участившимися случаями нападения «африканских» пчел. По данным Министерства здравоохранения и социального обеспечения, лишь за апрель — июнь 1982 г. в сельскохозяйственных районах страны от пчелиных

укусов погибло несколько десятков человек.

Отличительная черта этих пчел — их необузданный характер, а также практически полная непригодность для получения меда и воска. Сейчас специалисты Венесуэлы и других стран Латинской Америки работают над изменением генетических свойств данного вида с помощью скрещивания его с подлинными друзьями человека — медоносными пчелами.

И еще о сражениях пчел и нападениях этих насекомых на животных. Однажды любители-пчеловоды вывезли своих пчел на посевы цветущей гречихи совхоза «Бронницкий» Московской области. Затянувшаяся поездка растревожила пчел. К тому же по неопытности любители поставили ульи на пути лёта пчел из совхозной пасеки. Пчелы-«хозяева» сразу почувствовали запах меда в привезенных ульях и в полдень напали на «гостей». Это объяснялось еще и тем, что в самое жаркое время дня в цветках гречихи прекращается выделение нектара, вот почему местные пчелы, ориентируясь по запаху, устремились за взятком в чужие ульи. На следующий день ограбление приняло угрожающие размеры. Нападающие пчелы колоннами, по-муравьиному, ползли к ульям «непрошеных гостей».

У летков шли настоящие сражения. Вначале нападающие уничтожили более слабые семьи, а затем взялись и за сильные. В первую очередь убивали сторожевых пчел, потом матку, а затем легко расправлялись с осиротевшими, слабыми семьями. Когда через несколько дней, узнав о случившемся, пчеловоды поспешили на пасеку, они были потрясены увиденным: в пятнадцати ульях пчелы были уничтожены полностью, в остальных почти весь мед разграблен, а соты разрушены. На месте побоища остались вороха погибших насекомых.

А как ведут себя сердитые пчелы на море?

В давние времена для нападения на корабли противника люди нередко использовали пчел. На одном из таких кораблей с экипажем в 60 человек имелось несколько ульев. Однажды этот корабль вступил в бой с турецкой галерой, имевшей на борту пятьсот матросов и пушечное вооружение. Турки были уверены в легкой победе. Они с пренебрежением наблюдали, как матросы корабля противника вытаскивали на палубу какие-то глиняные ящики. Но когда галера и корабль сблизились, на галеру полетели ульи. Они разбились о палубу, и на турецких моряков набросились разъяренные пчелы. Команду охватила паника. Искусанные пчелами матросы метались по палубе в поисках укрытия. Атакующие взяли галеру на абордаж и, надев маски и перчатки, быстро заставили турок капитулировать.

А вот несколько случаев незапланированных пчелиных «десантов» на морские суда в наши дни.

Теплоход «Верея» принял в Канаде большую партию балансов для Италии. Незаметно среди бревен устроилась семья канадских пчел. Во время перехода крылатые попутчики вели себя спокойно и ничем не обнаруживали своего присутствия. Но вот судно пришло в Специю. Итальянские докеры приступили к разгрузке бревен и потревожили крылатую семью. В воздухе послышалось грозное «з-з-з-з». Пчелы дружно атаковали грузчиков и заставили их бежать с теплохода. Докеры отказались продолжать выгрузку, пока не будет укрощен жалящий десант. Пришлось пустить в ход пожарные брандспойты. Лишь после этого мощного воздействия пчелы вынуждены были прекратить атаку. Разгрузка древесины продолжалась.

Неожиданному нападению пчел во время погрузки подверглось судно «Краснодон». Пчелиный рой прилетел с берега и густо облепил стрелу судового крана. Пчелы нападали на каждого, кто появлялся на палубе. Грузчики прекратили работу. Тогда матросы сильной струей воды из шланга согнали пчел с крана. Но пчелы не покинули судно. Весь рой перелетел на антенну локатора. Пришлось локатор включить. Много пчел при этом погибло. Остальные улетели, и работы возобновились.

Нашествие пчел на пароход «Коммунист» произошло во время его стоянки в малайзийском порту Пинанг. Шла выгрузка, вечерело, была изнурительная жара. Вдруг судно окутало облако пчел, которые вскоре опустились в трюм. Грузчики с воплями бросились из грузовых помещений. Дело в том, что дикие пчелы Малайзии очень коварны. По рассказам местных жителей, стоит одной пчеле ужалить человека, как на него набрасываются остальные. Нередки случаи, когда в результате такого нападения человек оказывается на грани смерти. Экипаж быстро закрыл жилые помещения. Тем временем пчелиный рой начал «стекать» в один из трюмов. Через час стемнело. И пчелы, успокоившись, остались ночевать на судне. Рой принял форму огромной дыни. Тогда рабочие обрызгали «дыню» водой и только после этого смогли продолжить выгрузку.

Пчелиный рой на судах относится

специалистами к числу редчайших явлений. И вместе с тем... Теплоход «Комсомолец Литвы» стоял на рейде порта Новый Орлеан на реке Миссисипи в ожидании погрузки. Во время утреннего обхода палубы боцман обнаружил на звене якоря-цепи большой рой лесных пчел. «Улей» существовал на баке, пока судно не направилось к причалу.

Нужно было выбирать якорь, но пчелы внесли «дезорганизацию» в работу. Моряки не без смеха наблюдали за боцманом, когда, натянув противогаз, тот начал размахивать метлой над роем, пытаясь прогнать пчел. Пчелы тучей поднялись в воздух и закружились над его головой. Боцман спешно ретировался, затем подключил шланг к пожарной магистрали и, осторожно разбрызгивая воду через распылитель, заставил пчел покинуть судно.

Еще случай. Теплоход «Дубулты» Латвийского пароходства вышел в рейс. Через двое суток судно достигло Эгейского моря. Воспользовавшись хорошей погодой, экипаж решил произвести окрасочные работы. Один из матросов начал красить трубопровод и обнаружил на нем ржавый налет. Присмотревшись, матрос увидел рой пчел, облюбовавших себе место на теплоходе. Механик, облачившись в плотный комбинезон, осторожно собрал рой в ящик. Потом моряки сделали раму, и вскоре пчелы построили на ней соты.

Рейс длился три недели. Моряки побеспокоились и о пчелином питании: они приготовили сладкий сироп. После того как теплоход прибыл в порт Южный под Одессой, экипаж подарил этот рой местным пчеловодам...

Коротко о том, что делать, если вас все же ужалила пчела. Специалисты рекомендуют прежде всего немедленно удалить жало. Жало — это самостоятельно пульсирующий баллончик с ядом, который каждую секунду накачивает его в тело человека. Поэтому его нужно соскоблить.

Чтобы ослабить боль, к ужаленному месту нужно прикладывать холод, хотя бы смоченную в воде марлю, полотенце, или натирать смоченной таблеткой валидола, а в полевых условиях — размятым листочком подорожника. Можно также смазывать место укуса спиртом. Одновременно хорошо принять димедрол, который быстро нейтрализует действие пчелиного яда.

И в заключение — о пчелах-помощниках.

Немалые затраты труда и средств требуются для контроля за динамикой загрязнения почвы, воды и воздуха. Болгарские ученые решили привлечь к этой работе... пчел. Оказывается, пчелы вместе с нектаром и пыльцой приносят в ульи и мельчайшие частички вредных веществ, содержащихся в зоне их полетов. А ведь каждая пчелиная семья «обслуживает» территорию в радиусе четырех километров от улья. Анализ, который проводят с пчелиными сборами химики, позволяет определить концентрацию вредных веществ на каждом квадратном метре.

В 1982 г. наш друг — пчела сделала новый вклад в медицину. Чехословацкие фармацевты изготовили из пчелиного меда лекарство, которое используется для лечения язвы желудка, анемии, гипертонии и других болезней.

Давид Эйдельман

Любовь нарциссов к тишине

Голландские цветоводы славятся своим искусством на весь мир. К их рекомендациям по микроклимату в оранжереях и по методам удобрения почвы прибавилось еще одно важное требование — тишина и покой.

Одна из оранжерей расположилась близ столичного аэродрома и скоростного шоссе, ведущего к городу. Цветоводы заметили, что нарциссы, выращиваемые там, не обладали достаточным по силе ароматом, а их лепестки быстро увядали при самом тщательном уходе за почвой. Не помогли ни отборные семена, ни дополнительные дозы самых лучших удобрений. Вот тогда и было определено, что во всем виноваты ревущие самолеты и автомобили, сотрясающие почву.

При проверке нарциссы тех же сортов, выращенные в условиях тишины, обладали ароматом, так сказать, высших эталонов.

Факты подобраны *Германом Малиничевым*

ЗНАКОМСТВО С ВЕНГРИЕЙ

Текст к фотоочерку
(см. вклейку)

На будапештской Площади героев привлекает внимание оригинальный скульптурный ансамбль. В центре его возвышается белая колонна, наверху которой распахнул крылья ангел-хранитель Венгрии. А у подножия колонны, на возвышении — живописная группа из семи всадников, одетых в звериные шкуры, с луками и колчанами. Эти гордые всадники — вожди семи союзных племен мадьяр, которых привел сюда, на берега Дуная, один из них — вождь Арпад...

Считается, что давным-давно кочевья древних мадьяр покинули родное Приуралье и двинулись на юг, вдоль Волги, в южнорусские степи, достигнув по долине нижнего Дона берегов Азовского и Черного морей. Пройдя южнее Киева, они раскинули сначала свои кочевья в Молдавии. А в 896 г. европейские летописцы отметили вступление кочевников-мадьяр в пределы плодородной Среднедунайской низменности. Историки до сих пор гадают, почему именно здесь они остановились, может быть, для того только, чтобы отдохнуть после трудного перехода через Карпаты, еще не зная, что пришли на место, где перейдут к оседлости, вспашут первую борозду, создадут государство, вступив в круг европейских наций.

В конце X в. князь Геза из рода Арпадов, сломив сопротивление родовой знати шести других племен, объединил их, а его сын Иштван I, опиравшийся на поддержку римской церкви, утвердил свою власть и объявил себя в 1000 г. королем. Почти тысячелетняя история Венгерского государства заполнена разнообразными — и большими и малыми событиями, но главное ее содержание — это борьба народа против внутренних и внешних угнетателей. Многовековое турецкое иго, свергнутое в конце XVII в., сменилось господством габсбургской империи.

...В истории борьбы за национальное освобождение Венгрии особое место занимает революция 1848—1849 гг., направленная против австрийского господства и внутренней феодальной реакции, прислуживавшей венскому двору. Несмотря на героическое сопротивление, революция в результате вооруженной интервенции главных сил европейской реакции потерпела поражение. В дни, предшествовавшие окончательному поражению, пламенный народный трибун, венгерский поэт Шандор Петефи с горечью записал в своем дневнике: «Мы одиноки, как дерево в пустыне. Нигде в мире нет брата-народа, который в минуту опасности протянул бы нам руку».

Победа над венгерским национальным освободительным движением не укрепила габсбургской монархии. Для упрочения своих позиций Габсбурги, пойдя на сговор с венгерскими земельными магнатами, в 1867 г. образовали Австро-Венгрию. Став формально равноправной частью «двуединой» монархии, Венгрия оставалась зависимой от Австрии страной. В это время во главе борьбы венгерских патриотов за национальную независимость и демократическую свободу, продолжая революционные традиции 1848 г., становится молодой рабочий класс.

Когда «лоскутная» австро-венгерская монархия, не выдержав военного поражения в первой мировой войне, распалась, в Венгрии в октябре 1918 г. произошла буржуазно-демократическая революция. Пришедшая к власти буржуазия при поддержке лидеров социал-демократии стремилась свести революцию к половинчатым реформам. Кроме того, она оказалась не способной справиться с внешнеполитическими затруднениями.

Вследствие полного банкротства буржуазии политический кризис в стране достиг предела, и венгерский рабочий класс, следуя примеру российского пролетариата, 21 марта 1919 г. установил в стране диктатуру пролетариата и провозгласил Венгрию Советской республикой. Империалисты зажали Венгерскую советскую республику в кольцо экономической блокады и вооруженной интервенции. Окруженная со всех сторон врагами, советская Венгрия после героической борьбы, продолжавшейся 133 дня, 1 августа 1919 г. пала. После поражения Советской власти в стране установился режим диктатуры буржуазии во главе с контр-адмиралом Хорти.

Крутой поворот в истории Венгрии произошел в 1945 г., когда советские войска полностью очистили ее от гитлеровцев и их салашистских приспешников. События 1945 г. показали, что в лице Советской страны Венгрия имеет теперь искреннего друга, который не только освободил ее, но и помог вступить на путь социалистического строительства, создать высокоразвитую экономику.

В память об освобождении страны Советской Армией в Будапеште на горе Геллерт, высоко вздымающейся над быстрыми водами Дуная, воздвигнут памятник советским воинам.

День 4 апреля — День освобождения — стал национальным праздником венгерского народа. В 1985 г. он празднуется в сороковой раз...

Сорок лет — небольшой исторический срок, но венгерский народ за это время прошел путь, равный по значению целой эпохе.

Став творцом своей судьбы, народ строит теперь развитое социалистическое общество, в котором руководящей силой является рабочий класс, действующий в нерушимом союзе с кооперированным крестьянством. В авангарде его — подлинно народная партия — Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП).

Венгерская земля прекрасна. Недаром за нее было пролито столько крови. Весной, в апреле, когда цветут фруктовые деревья, она благоухает как огромный сад. Плодовые насаждения и огороды чередуются с необозримыми полями совхозов и производственных кооперативов. Венгрия по доле пашни в общем земельном фонде занимает первое место в социалистическом мире (распахано более 58% всей площади страны). Здесь, на бескрайних просторах Среднедунайской низменности, занимающей $^{4}/_{5}$ площади ВНР, находится самый большой в зарубежной Европе массив тучных черноземных почв. К тому же по обилию солнца и тепла страна мало уступает расположенным южнее Болгарии и Югославии. Этим, в частности, объясняется высокое качество венгерских овощей и фруктов (не только яблок, груш, айвы, слив, но и таких солнцелюбивых, как персики, абрикосы, миндаль, грецкие орехи). А венгерский виноград! Хотя страна расположена у северной границы распространения этой культуры, из ее винограда винных сортов, взращенного на вулканических почвах, богатых фосфором и калием, в условиях специфического климата районов озера Балатон и Токая делают особенно ценные марочные вина. Не случайно уже в средневековье токайское вино называли в тогдашней Европе «королем вин, вином королей».

Продукция социалистического сельского хозяйства — важный экспортный ресурс Венгрии. Но особенно поразительны успехи, достигнутые в животноводстве. По производству мяса на душу населения, составившему в 1983 г. 145 кг (притом без учета мяса домашней птицы), ВНР вышла сейчас на первое место среди стран мировой социалистической системы.

Еще более поразителен подъем венгерской индустрии. За годы народной власти валовая промышленная продукция страны выросла в 15 раз. И это несмотря на узость внутреннего рынка (население страны составляло в 1983 г. 10,7 млн. человек) и бедность топливными и сырьевыми ресурсами! Проблемы развития промышленности ВНР решаются теперь в рамках мирового социалистического содружества на путях социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ. На мировом и европейском рынках Венгрия выделяется прежде всего как страна машиностроения,

на долю которого приходится около 30% валовой промышленной продукции страны.

В нашей стране хорошо известны, например, элегантные удобные автобусы «Икарус», которые ВНР производит более 12 тыс. в год и в основном реализует на внешних рынках. Из отраслей, опирающихся на собственное минеральное сырье, можно отметить лишь бокситово-алюминиевую промышленность, производящую около 3 млн. т бокситов, свыше 800 тыс. т глинозема, 74 тыс. т металла; помимо производства алюминия в стране Венгрия ежегодно отправляет в СССР 330 тыс. т глинозема и получает обратно весь выработанный из него алюминий — 165 тыс. т. Сохраняют свое экспортное значение легкая и пищевая промышленность.

Слабость собственной топливно-сырьевой базы учитывается при выборе специализации в рамках СЭВ. Так, машиностроение ориентируется на неметаллоемкие, но трудоемкие отрасли — электротехнику, электронику, приборостроение, вакуумную технику; химическая промышленность — на фармацевтику, выпуск средств защиты растений и т. д.

Вместе с тем Венгрия покрывает за счет импорта (главным образом из СССР) более 90% своих потребностей в железной руде, свыше 80% — в нефти и хлопке.

Важнейшую роль в географии производительных сил страны играет ее столица Будапешт, на которую приходится 20% населения, половина городского населения, почти треть промышленной продукции страны. Это крупнейший город и индустриальный центр социалистических стран Европы (более 450 тыс. человек, занятых в промышленности), уступающий, если считать и Советский Союз, только Москве и Ленинграду и примерно равный Киеву. В то же время характерные для довоенной Венгрии хутора постепенно исчезают, а жители их переселяются в благоустроенные квартиры в города и крупные села.

Большое значение в условиях небольшой по территории (93 тыс. кв. км), но густонаселенной (средняя плотность населения — 120 человек на 1 кв. км) страны приобретает проблема охраны природы. В широких масштабах ведется облесение, в особенности в районах распространения песчаных дюн, уделяется внимание регулированию капризной «белокурой красавицы» р. Тисы и других рек и озер, охране чистоты вод и воздушного бассейна ВНР. Из многочисленных заповедников и других охраняемых территорий особенно интересны полуостров Тихань на оз. Балатон с природными и историческими памятниками XI в., сталактитовая пещера Агтелек в Прикарпатье, Сегед-Фехерто — озеро-болото со своеобразным миром водоплавающих птиц, пуста (степь) Бугац, близ Кечкемета, и другие.

Снимки, включенные в фотоочерк, позволят читателю хотя бы немного увидеть и полюбить эту небольшую, но чрезвычайно своеобразную страну, коренным образом преобразившуюся за 40 лет социалистического строительства.

Владимир Бодрин

ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Теория оледенения уточняется

Широко распространенная теория Миланковича, связывающая начало эпох оледенения на Земле с астрономическими факторами — изменениями орбиты и ее ориентации относительно Солнца, все еще нуждается в подкреплении фактами и детальным объяснением различных механизмов подобного процесса. В последнее время появились новые работы, представляющие собой такое подкрепление.

Так, группа французских ученых, возглавляемая Жаном-Франсуа Руайе (J.-F. Royer), разработала математическую модель возникновения великого оледения, приведшего к образованию Канадского ледникового щита около 115 тыс. лет назад. Ими установлено, что астрономические факторы, вступившие в силу как раз в это время, вполне могли вызвать общее похолодание на 2° С и усиление осадков, которые вполне достаточны для возникновения канадского оледенения.

В Колумбийском университете (Нью-Йорк, США) группа исследователей во главе с Мартиной Россиньоль-Стрик (M. Rossignal-Strick) установила, что астрономические циклы имеют метеорологические и климатологические последствия в самом широком географическом масштабе. Так, периоды наиболее интенсивных муссонов в Африке хорошо прослеживаются седиментологами по мощным слоям сапропелей — черных осадочных пород, отложившихся на дне восточной части Средиземного моря.

Анализ, проведенный группой М. Россиньоль-Стрик, показал, что эти сапропели накапливались в наибольшем количестве именно в такое время, когда изменения в орбите Земли приводили к максимальному потеплению в летний период северного полушария. А это в последний раз произошло около 11 тыс. лет тому назад, то есть как раз в момент наступления последнего великого оледенения.

Деревья умеют защищаться

Известно, что деревья, подвергнувшиеся массовому нападению растительноядных насекомых, в течение ближайших часов реагируют на это, увеличивая содержание в листьях таких защитных веществ, как фенолы и таннины. Эти вещества отрицательно влияют на энзимы (ферменты) в пищеварительной системе насекомого и замедляют его рост, а тем самым и дальнейшую потребность в пище.

Развивая изучение этого недавно открытого явления, научные сотрудники Дартмутского колледжа (штат Нью-Хэмпшир, США) Айэн Болдуин и Джек Шульц выполнили ряд экспериментов с сеянцами тополя и сахарного клена, которые они выращивали в условиях изоляции под непроницаемым колпаком. Повреждая листья путем над-

рыва их наполовину, они одновременно вводили под колпак радиоактивную двуокись углерода. Это позволяло затем прослеживать процесс синтеза новых веществ в организме растения, изъятого из-под колпака.

Подтверждено, что по сравнению с периодом до своего повреждения через 52 часа после него такие сеянцы тополя удваивают содержание фенола в листьях. Но совершенно неожиданным оказался тот факт, что и в листьях контрольных растений, не повреждавшихся экспериментаторами в находившихся рядом, за тот же период количество фенола увеличивалось на 58%. Примерно такая же реакция наблюдалась и у контрольных сеянцев сахарного клена.

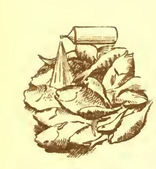
Единственная разница между двумя видами состояла в том, что у тополя даже неповрежденное растение «включало» радиоактивный углерод в синтезируемые им фенолы, тогда как у клена при этом происходила просто «переброска» фенолов из той части организма, где они прежде «хранились», в поврежденные листья.

Каждое подопытное растение занимало отдельный горшок, так что соприкосновение их корней было исключено; листья разных экземпляров также друг друга не касались. Таким образом, в чем бы ни содержался «сигнал опасности», передаваемый от растения к другому, он должен был распространяться по воздуху.

Анализ образцов воздуха пока еще не позволил выделить химическое вещество, которое могло бы служить таким сигналом. Высказывается предположение, что это этилен, растительный гормон, вырабатываемый поврежденной растительной тканью и обладающий способностью влиять на синтез веществ, с которыми он соприкасается.

Исследование необычного явления продолжается.

Что губит рыбу в Таиланде?

С конца 1982 г. из Таиланда начали поступать тревожные известия: вылавливаемые рыбаками голец, бычок, колюшка и другие рыбы, зарывающиеся в ил, все чаще оказывались покрытыми незаживающими язвами. Они, по-видимому, страдали от какой-то неизвестной болезни. Эпидемия постепенно охватила половину провинций страны и принесла 10 миллионов долларов убытка.

Группа экологов, ихтиологов и токсикологов во главе с д-ром Праюном Деемой из Министерства сельского хозяйства Таиланда установила, что в тканях рыбы содержатся пестициды — паракват, диэлдрин и гептахлор, широко применяемые для уничтожения насекомых на каучуковых и рисовых плантациях страны. Так, содержание остроядовитого параквата в среднем составило до 60 частей на 1 млрд. частей тканей животного. В речной воде пестицид 2,4-Д скопился до опасного для жизни уровня 8 частей на 1 миллиард.

Паракват производит английская компания «Интернейшнл кемикл индастриз»; по ее просьбе его токсичность определяла американская фирма «Индастриал био-тест», которая как будто сняла подозрение с этого пестицида. Однако выводы эти очень сомнительны, тем более что недавно директор фирмы и три ее ведущих специалиста сами попали под суд по обвинению в подтасовке результатов анализа различных химических веществ.

Тем временем тысячи таиландских рыбаков остаются не у дел, а население практически лишилось важной составной части своего традиционного питания.

Информация подготовлена *Борисом Силкиным*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПОИСК

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи /
Н12 Редкол.: С. И. Ларин (сост.) и др.— М.: Мысль, 1985.—
431 с., ил., 8 л. ил.
В пер.: 3 р.

Двадцать пятый выпуск научно-художественного географического сборника «На суше и на море» открывается очерком о строительстве газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. В него включены также рассказы и очерки о настоящем и прошлом, природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях советских и иностранных ученых, фантастика советских и зарубежных авторов. В конце сборника помещены статьи, краткая информация по различным отраслям наук о Земле и многообразных явлениях природы. Сборник рассчитан на самые широкие круги читателей.

Н $\frac{1905010000-093}{004(01)-85}$ 166-85

ББК 84
С61

На суше
и на море

Научно-художественный
географический сборник

ИБ № 2762

Заведующий редакцией
Ю. Л. Мазуров

Редакторы
В. И. Андросов,
Т. Д. Изотова

Младший редактор
Е. В. Попова

Редактор карт
О. В. Трифонова

Художественный редактор
А. И. Ольденбургер

Технический редактор
Н. Ф. Федорова

Корректор
З. Н. Смирнова

Сдано в набор 14.11.84. Подписано в печать 21.06.85. А03398. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печатных листов 28 с вкл. Усл. кр.-отт. 58,50. Учетно-издательских листов 35,73 с вкл. Тираж 170 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ № 3911. Цена 3 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

тьи /
85.—

ка «На
нгой —
щем и
виях и
ежных
личным
тан на

ББК 84
С61

21.06.85.
ая № 2.
печатных
Учетно-
000 экз.
Цена 3 р.

1, Ленин-

рудового
типогра-
рома при
им изда-
113054,

Издательство
"МЫСЛЬ"

